

Тексты по истории социологии XIX-XX веков. Хрестоматия. Добренъков В.И., Беленкова Л.П.

Содержание

Тексты по истории социологии XIX-XX веков. Хрестоматия. Добренъков В.И., Беленкова Л.П.	1
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	2
О. Конт ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ.....	5
Г. Спенсер ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ	26
Спенсер Г. Социология как предмет изучения.....	55
В. Вундт ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ НАРОДОВ	69
Л. Гумплович ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ	84
Г. Лебон ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ И МАСС	125
Г. Тард СОЦИАЛЬНАЯ ЛОГИКА.....	153
В. Парето ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ.....	159
Ф.Г. Гиддингс ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ АНАЛИЗ ЯВЛЕНИЙ АССОЦИАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	166
Ф. Теннис ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА	204
З. Фрейд НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КУЛЬТУРОЙ	217
Э. Дюркгейм МЕТОД СОЦИОЛОГИИ.....	259
Э. Дюркгейм О РАЗДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА.....	284
Э. Дюркгейм САМОУБИЙСТВО.....	292
Г. Зиммель СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	307
Г. Зиммель ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ	324
М. Вебер О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ	339
Ч.Х. Кули ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. ИЗУЧЕНИЕ УГЛУБЛЕННОГО РАЗУМА.....	350

**ПРОГРАММА <ОБНОВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ>
МОСКВА "НАУКА" 1994**

Данное издание представляет собой авторскую работу, вошедшую в число победителей в открытом конкурсе "Гуманитарное образование в высшей школе", который проводится Государственным комитетом РФ по высшему образованию и Международным фондом "Культурная инициатива".

Конкурс является составной частью программы "Обновление гуманитарного образования в России".

Спонсором программы является известный американский предприниматель и общественный деятель Джордж Сорос.

Стратегический комитет программы:

Владимир Кинелев, Владимир Шадриков, Валерий Меськов, Теодор Шанин, Дэн Дэвидсон, Виктор Галинин

Составители:

доктор филос. наук В.И. Добренъков, кандидат филос. наук Л.П. Беленкова

Рецензенты:

доктор филос. наук Г.М. Андреева доктор социол. наук А.И. Кравченко

Ответственные редакторы:

доктор филос. наук В.И. Добренъков, кандидат филос. наук Л.П. Беленкова

Редакторы издательства: Н.В. Ветрова, Н.К. Воеводенко, АЛ. Куприянова, И.В. Павлова

Тексты по истории социологии XIX-XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. Т 30 д.ф.н. В.И. Добренев, к.ф.н. Л.П. Беленкова. М.: Наука, 1994 - 383 с. ISBN 5-02-013601-8

В настоящую хрестоматию включены тексты выдающихся зарубежных классиков социологии XIX-XX вв. Некоторые из текстов публикуются в дореволюционных переводах, другие переведены впервые. Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов.

ISBN 5-02-013601-8 с В.И. Добренев, Л.П. Беленкова, составление, 1994

с В.В. Медведев, художественное оформление, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди многочисленных обществоведческих дисциплин социология - одна из самых молодых областей знания. Она сформировалась как наука к середине XIX в. И в самом этом факте проявила себя высшая рациональность исторического процесса, которая достигла стадии научного самопознания и саморегулирования. Среди других обществоведческих наук - истории, философии, права, политэкономии - именно социология поставила перед собой цель синтезировать знание о реальных процессах, раскрывающихся в обществе, причем это знание предназначалось для активного влияния на все стороны жизни общества.

Исторический опыт человечества достиг того уровня, на котором стало возможным и, более того, необходимым осмысление процессов, происходящих в обществе, но не "в абстракции", не метафизически, а с применением рациональных методов, основывающихся как на экспериментальной методологии естественных наук, так и на знании, выработанном в контексте развития наук о культуре, обращенных к проблемам реальных людей.

Предлагаемая вниманию читателей и охватывающая первый период развития социологии книга содержит в себе произведения выдающихся социальных мыслителей прошлого, которые воплотили в своей научной деятельности принципы научности и гуманистичности в исследовании общества.

Основные разделы книги посвящаются формированию классической социологии второй половины XIX - первой трети XX в. Прежде всего в ней даются научные тексты из произведений, принадлежащих выдающимся социологам прошлого - О. Конту и Г. Спенсеру, а также представителям "натуралистической школы одного фактора", психологического направления Г. Тарду, В. Парето, Ф. Теннису, Ч.Х. Кули, З. Фрейду. Читатели найдут также тексты классиков социологии - Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма и М. Вебера.

Рассмотрение произведений упомянутых выше классиков социологии убеждает в том, что социология уже в лице своих основателей Огюста Конта и Герберта Спенсера не ставила своей целью механическое заимствование научных методов естественных и точных наук и соединение их с абстрактно понимаемым гуманизмом. Речь шла о том, чтобы создать такую научную дисциплину, которая унаследовала бы от естествознания его экспериментальную направленность, столь характерный для него дух рациональности и непредвзятости по отношению к природе, но применила бы все это к изучению общественных процессов. С другой стороны, социология должна была органично воплощать в себе гуманистический опыт человечества, сделав познание человека и его места в обществе предметом своего наиглавнейшего интереса. Этот изначальный для понимания социологии исследовательский настрой прекрасно выразил выдающийся французский социолог

Эмиль Дюркгейм, настаивавший на том, что социолог обязан погрузиться в состояние духа, в котором находятся физики, химики, физиологи, когда они вступают в новую, еще неисследованную область своей науки. Нужно, чтобы, проникая в социальный мир, он осознавал, что вступает в неизведанное. Нужно, чтобы он чувствовал, что находится в присутствии фактов, законы которых ему неизвестны так же, как неизвестны были законы жизни до создания биологии"¹.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 396. 4

На отыскание этих законов общественного бытия, исследование общественных институтов, движений, ценностных ориентиров, регулирующих поведение личности, и была направлена социология с самых первых шагов своего развития.

При всей условности широких аналогий можно утверждать, что социология в чем-то сродни медицине. Она, как и наука о человеческом организме и его здоровье, изучает "организм" общества во взаимодействии всех его структурных и функциональных "компонентов". Так же как и медицина, социология диагностирует аномальные отклонения от нормы в развитии общественных институтов, вырабатывает стратегию "лечения" и превентивного предупреждения социальных "болезней".

Сравнение социологии и медицины (сопоставление заведомо условное) имеет один лишь смысл, а именно - подчеркнуть сходную степень социальной ответственности, которая роднит обе науки. И в том и другом случае речь идет о сохранении жизни, либо индивидуальной (медицина), либо коллективной жизни общественных институтов (социология).

В этой внутренне присущей социологии общественной и гуманистической миссии и скрывается "секрет" ее привлекательности и популярности, ибо в развитии социального знания общество демонстрирует высокий уровень рационального самопознания. И потому с известными оговорками можно сказать, что степень совершенства того или иного общества можно в частности определить по степени развитости в нем социологических исследований как прикладных, так и теоретических.

В рамках этой поистине монументальной исторической программы особую роль стала играть история социологии - научная дисциплина, исследующая и раскрывающая пути формирования социологического знания, его связь с общественными процессами и личностными характеристиками выдающихся социологов. История социологии - не просто собрание документов и разного рода сведений о том, что и как происходило в тех или иных школах социологической мысли. Анализ текстов, помещенных в книгу, убеждает, что история социологии учит нас культуре социологического мышления, принципам формирования социального знания, умению обратить его на пользу общества. Она также преподает урок научной нравственности, показывая, какую роль в формировании социологического знания играла и играет подлинно гуманистическая озабоченность ученых-социологов, которые при всех обстоятельствах сохраняют в поле своего зрения общечеловеческие, нравственные ориентиры исследований.

Рассмотрение и сопоставление различных школ и направлений социологической мысли убедительно показывает, что среди них нет "правильных" и "неправильных", "верных" и "неверных". Каждый крупный социолог-теоретик интересен не только с исторической точки зрения. Его открытия в области общественнознания сохраняют свою ценность и в наши дни. Что же касается спора между различными направлениями социологии, то он с неизменностью убеждает нас в том, что даже в принципе невозможно создать одну универсальную теоретико-социологическую концепцию, которая обладала бы монополией на истинность. Социологическая реальность множественна, многогранна, изменчива. И потому каждая теория, в том числе и те,

которые представлены в данной хрестоматии, имеют свои сильные стороны и свои открытия, отнюдь не перекрывающиеся достижениями конкурирующих школ.

Мысль о плюралистичности социологической истины можно проиллюстрировать аналогией того, как мастер выбирает различные инструменты для создания своего произведения. Подобно этому социологические теории предлагают нам различные "инструменты" для решения тех или иных задач или объяснения тех или иных общественных феноменов. С этой мыслью о множественности социологической истины не просто согласиться, ибо она идет в разрез с наивно-реалистической картиной общественного мира и обыденными представлениями о нем. И тем не менее настоящая хрестоматия, показывая необычайное разнообразие классических школ в социологии XIX - начала XX веков, прямо поддерживает этот подход.

В историческом плане можно сказать, что последующие социологические теории далеко не всегда отменяют в своем развитии предыдущие, но прежде приобретенное знание социальной реальности, особенно в его выдающихся проявлениях, сохраняется как действующее и присутствующее в современных теоретических исследованиях. Происходит своеобразный процесс накопления потенциала социального знания. Это лишний раз подчеркивает значимость истории социологии не только как истории развития мысли, но и как развития теории вплоть до ее современных достижений. Ни один современный творец макросоциологических теорий не может творить вне контекста учений Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Зиммеля и Вебера и др. Притом речь идет не об "иллюстративном" цитировании классических источников, а о прямом соотношении современных идей в социологии с идеями перечисленных социальных мыслителей. В этом смысле социологи-классики XIX - начала XX в. становятся нашими современниками, в чем нет никакого преувеличения.

Каждый социолог, претендующий в наши дни на высокий профессионализм в своей области деятельности, обязан обладать не просто историко-социологической эрудицией, но и глубоко личным, осмысленным отношением к историческому пути развития своей дисциплины, свободно ориентируясь при этом в различных направлениях социологической мысли, биографиях классиков социологии и их произведениях. Их понятийный язык - это концептуальный язык современной социологии. И освоение его столь же необходимо в наши дни социологу, как и освоение языка Пушкина литератору или журналисту.

Таковы общие принципы, которые позволяют увидеть в истории социологии важнейший компонент формирования социологической культуры общества. Эти принципы положены в основание предлагаемой хрестоматии. Она призвана стать руководством для студентов-социологов (а также студентов других общественных факультетов) и всех тех, кто стремится самостоятельно повысить свою социологическую культуру. Предлагаемое издание, разумеется, не может охватить все богатство и разнообразие истории социологии, но оно дает определенную концепцию видения предмета, облегчает путь его освоения, снабжает читателей целым набором теоретических и практических "инструментов", которые позволяют перейти к самостоятельной работе в области истории социологии.

Данное издание подготовлено на кафедре истории и теории социологии факультета социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В работе над ней принимали участие - доцент Покровский Н.Е., доцент Трошкина В.П. Профессор В.И. Добреньков

КОНТ ОГЮСТ (COMTE) (1798-1857) - известный французский философ и социолог, основатель позитивистской традиции в общественном знании. Родился во французском городе Монпелье. С 16 лет и до последних дней жил в столице Франции. Учился в Высшей Политехнической школе в Париже, где получил систематическое образование в области естественных наук, которые расширял и углублял в ходе

самостоятельных занятий. Постепенно у него сформировался интерес к литературным, философским и социальным вопросам. В течение 7 лет (с 1817 по 1824 г.) Конт был секретарем и учеником Сен-Симона, который помог ему расширить и углубить познания в области общественных наук.

Еще в период сотрудничества с Сен-Симоном Конт напечатал ряд небольших статей, содержание которых свидетельствует о том, что он серьезно работал над социальными проблемами. В качестве примера можно привести его статью под названием "План необходимых научных работ, чтобы реорганизовать общество" (1822). Эта статья была перепечатана в 1824 г. под названием "Система позитивной политики" в серии Сен-Симона "Катехизис промышленников".

Главный труд своей жизни "Курс положительной философии" Конт создавал не менее 13 лет (с 1829 по 1842 г.). Эта большая работа, первый том которой вышел в 1830 г., представляет ряд философий отдельных наук, которые следуют одна за другой в определенной последовательности: философию математики сменяет философия астрономии и физики, химии и биологии... Три последних тома "Курса" Конт посвящает изложению "социальной физики", или "социологии". В первом из этих трех томов доказывается необходимость изучения социологических законов и даются теоретические обоснования социальной теории. В 5-м и 6-м томах "Курса" он подробно характеризует основной закон своей науки об обществе - закон трех стадий. В заключение Конт высказывает идеи, которые стали основополагающими при создании им "Системы позитивной политики".

Закончив "Курс положительной философии", Конт работает над "Системой позитивной политики", четыре тома которой были написаны и опубликованы им за период с 1851 по 1854 г. Здесь Конт излагает свои соображения о политических и нравственных началах будущего общественного устройства. В 1849 г. выходит "Позитивистский календарь". В 1852 г. Конт публикует "Позитивистский катехизис", а в 1854 г. - "Позитивистскую библиотеку". В последние годы жизни Конт начал писать еще одно произведение под названием "Субъективный синтез". В эту работу он планировал включить систему "позитивной логики", систему "позитивной морали" и систему "позитивной промышленности". Но осуществить задуманное ему не удалось.

О. Конт ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ

СЛОВО О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ

ПРЕДМЕТ ЭТОГО "СЛОВА"

1. Совокупность астрономических знаний, рассматриваемых до настоящего времени слишком изолированно, должна отныне оставлять только один из необходимых элементов новой нераздельной системы общей философии, постепенно подготовленной в течение последних трех веков само собой получившимся схождением результатов всех великих научных трудов и достигшей, наконец, по своей отвлеченности истинной зрелости. В силу этого еще чрезвычайно мало понятого теперь тесного соотношения сущность и назначение этого трактата не могли бы быть достаточно оценены, если бы это необходимое предварительное слово не было преимущественно посвящено надлежащему определению истинного основного духа этой философии, всемирное установление которой должно стать основной целью позитивного обучения. Так как она отличается, главным образом, постоянным преобладанием, одновременно логическим и научным, исторической или социальной точки зрения, то я должен сначала для того, чтобы ее лучше охарактеризовать, напомнить вкратце великий закон, который в моей Системе положительной философии я установил, о полной интеллектуальной эволюции

человечества, закон, который, сверх того, будет впоследствии часто применяться в наших астрономических исследованиях.

Часть I

ПРЕВОСХОДСТВО ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Глава первая

ЗАКОН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ИЛИ ЗАКОН ТРЕХ СТАДИЙ

2. Согласно моей основной доктрине, все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями: теологическая, метафизическая и научная, по крайней мере для тех, которые хорошо поймут их истинный общий смысл.

Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение - постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным.

1. ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЛИ ФИКТИВНАЯ СТАДИЯ

3. В их первоначальном проявлении, неминуемо теологическом, все наши умозрения сами собой выражают характерное предпочтение наиболее неразрешимым вопросам, наиболее недоступным всякому исчерпывающему исследованию предметом.

В силу контраста, который в наше время должен с первого взгляда казаться необъяснимым, но который в действительности был тогда в полной гармонии с истинно младенческим состоянием нашего ума, человеческий разум в то время, когда он еще был неспособен разрешать простейшие научные проблемы, жадно и почти исключительно ищет начала всех вещей, стремится найти либо начальные, либо конечные, основные причины различных поражающих его явлений и основной способ их возникновения, словом, стремится к абсолютному знанию. Эта примитивная способность естественно удовлетворяется, насколько этого требует такое состояние, и даже насколько она действительно могла бы когда-либо удовлетворяться, благодаря нашему извечному стремлению облекать все в человеческие образы, уподобляемые всякие наблюдаемые нами явления тем, которые мы сами производим и которые в силу этого начинают нам казаться вследствие сопровождающей их непосредственной интуиции достаточно известными. Для того, чтобы лучше понять чисто теологический дух, являющийся результатом все более и более систематического развития этого первобытного состояния, не нужно ограничиваться рассмотрением его в последнем фазисе, заканчивающемся на наших глазах у наиболее передовых народов, но представляющемся далеко не наиболее характерным - необходимо бросить истинно философский взгляд на весь его естественный ход, дабы оценить его основное тождество во всех последовательно свойственных ему трех главных формах.

4. Наиболее непосредственным и наиболее резко выраженным фазисом является собственно фетишизм, заключающийся преимущественно в том, что всем внешним телам приписывается жизнь, существенно аналогичная нашей, но почти всегда более энергичная вследствие их обыкновенно более сильного действия. Поклонение небесным светилам характеризует наиболее возвышенную ступень этой первой теологической стадии, вначале едва отличающейся от умственного состояния, на котором останавливаются высшие породы животных. Хотя эта первая форма теологической философии постоянно с очередностью выступает в

интеллектуальной истории всех наших обществ, она господствует теперь непосредственно только среди самой немногочисленной из трех великих рас, составляющих человеческий род.

5. В своем втором основном фазисе теологическое мышление, отливаясь в настоящий политеизм, очень часто смешиваемый современными народами с предыдущей стадией, ясно представляет свободное умозрительное преобладание воображения, между тем как раньше инстинкт и чувства имели перевес в человеческих теориях. Первоначальная философия в этом состоянии подвергается наиболее глубокому преобразованию, какому доступна совокупность ее реального назначения - преобразованию, выражающемуся в том, что материальные предметы, наконец, лишаются навязанной им жизни, мистически переносимой на различные вымышленные, обыкновенно невидимые существа, непрерывно активное вмешательство которых становится отныне прямым источником всех внешних, а затем даже и человеческих явлений.

Изучение теологического духа в этот период, который здесь развивается столь полно и однородно как никогда после, является во всех отношениях временем его наибольшего расцвета, одновременно умственного и социального. Большинство нашего рода не вышло еще из этой стадии, на которой упорно продолжает оставаться теперь, кроме выдающейся части черной расы и наиболее передовой части белой, наиболее многочисленной из трех человеческих рас.

6. В третьем, теологическом, фазисе монотеизм в собственном смысле слова начинает собой неизбежный упадок первоначальной философии, которая, вполне сохраняя за собой в течение долгого времени большое социальное влияние, хотя более кажущееся, чем действительное, претерпевает отныне быстрое уменьшение ее интеллектуального значения в силу естественного следствия, само собою вытекающего из характерного упрощения, благодаря которому разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения, давая постепенно развиваться до тех пор почти незаметному всеобщему чувству, говорящему о необходимом подчинении всех явлений неизменным законам. Эта крайняя форма предварительного порядка вещей в ее чрезвычайно различных и даже совершенно несогласимых видах продолжает еще оставаться более или менее прочной у громадного большинства белой расы. Но, хотя наблюдение ее должно было быть таким образом более легким, тем не менее личные предубеждения, мешающие достаточно разумному и достаточно беспристрастному ее сравнению с двумя предыдущими формами, слишком часто препятствуют и теперь ее справедливой оценке.

7. Каким бы несовершенным не должен казаться теперь такой философский метод, весьма важно неразрывно связать нынешнее состояние человеческого разума со всем рядом его предшествовавших состояний, признавая, что теологический метод должен быть долгое время столь же необходимым, как и неизбежным. Ограничиваясь здесь простой умственной оценкой, было бы прежде всего излишне долго останавливаться на невольной тенденции, которая даже теперь совершенно очевидно увлекает нас к тому, чтобы давать объяснения по существу теологические, коль скоро мы хотим непосредственно коснуться недоступной тайны основного способа образования явлений и, в особенности, образования тех, реальные законы которых мы еще не знаем. Наиболее выдающиеся мыслители могут констатировать в тех случаях, когда это незнание мгновенно сочетается у них с какой-либо ярко выраженной страстью, их собственное естественное расположение к наиболее наивному фетишизму. Если же все теологические объяснения подверглись у новых западноевропейских народов возражающей и разрушительной критике, то это единственно потому, что таинственные исследования, которые имеют ввиду объяснения, были все более отвергаемы как совершенно недоступные нашему уму, постепенно привыкшему непреложно заменять их знаниями более действительными

и более соответствующими нашим истинным способностям. Даже в эпоху, когда истинный философский дух одержал верх в вопросах, касающихся наиболее простых явлений и столь легкого предмета, как элементарная теория столкновения тел, - памятный пример Мальбранша напомнит всегда о необходимости прибегать к непосредственному и постоянному вмешательству сверхъестественной силы всякий раз, когда пытаются восходить к первопричине какого-либо события. Но с другой стороны, такие попытки, насколько бы ребяческими они теперь справедливо не казались, составляют поистине единственное первоначальное средство определять непрерывный подъем человеческих умозрений и само собой выводят наш ум из глубокого порочного круга, в котором они по необходимости были заключены сначала вследствие коренного противодействия двух одинаково настоятельных условий, ибо, если современные народы должны были провозгласить невозможность основать какую-либо прочную теорию иначе, как на достаточном фундаменте соответственных наблюдений, то не менее бесспорно, что человеческий разум не мог бы никогда ни сочетать, ни даже собрать эти необходимые материалы, если бы он не руководствовался всегда некоторыми предварительно установленными спекулятивными взглядами.

Эти первобытные концепции могли, очевидно, явиться продуктом только философии, по своей природе чуждой всякой сколько-нибудь продолжительной подготовки и способной, так сказать, самопроизвольно возникать под единственным давлением непосредственного инстинкта, как бы нелепы ни были умозрения, лишенные таким образом всякого реального основания. Таково счастливое преимущество теологических принципов, без которых, необходимо это признать, наш ум не мог бы никогда выйти из своего первоначального оцепенения и которые одни только могли позволить, руководя его спекулятивной деятельностью, постепенно подготовить лучший строй мысли. Этой основной способности, впрочем, сильно благоприятствовала врожденная склонность человеческого разума к неразрешимым вопросам, которыми преимущественно занималась эта первобытная философия. Мы могли познать объем наших умственных сил и, следовательно, разумно ограничить их назначение лишь после достаточного их упражнения. А это необходимое упражнение не могло сначала иметь места в особенности относительно наиболее слабых способностей нашей природы, без страстности, которая присуща таким исследованиям, где столько плохо просвещенных голов упорно продолжают еще искать наиболее быстрое и наиболее полное решение самых обычных вопросов. Дабы победить нашу врожденную косность, нужно было даже долгое время прибегать к заманчивым иллюзиям, самопорождаемых такой философией, о почти бесконечной власти человека видоизменять по своему желанию мир, рассматриваемый тогда как устроенный главным образом в интересах человека и о том, что никакой великий закон не мог еще избавиться от верховного произвола сверхъестественных влияний. Едва прошло три века, как у избранной части человечества астрологические и алхимические надежды - последний научный след этого первобытного мышления - действительно перестали служить мотивом для повседневного накопления соответствующих наблюдений, как это показали Кеплер и Бертоле.

8. Решающее значение этих различных интеллектуальных мотивов могло бы быть сверх того сильно подкреплено, если бы характер этого трактата позволил мне в достаточной мере указать на непреодолимое влияние важных социальных потребностей, которые я надлежащим образом рассмотрел в моем упомянутом выше сочинении. Можно таким образом сначала вполне доказать, насколько теологический дух должен был долгое время быть необходимым в особенности для постоянного сочетания моральных и политических идей еще в более сильной степени, чем для всяких других сочетаний идей как в силу их большей сложности,

так и потому, что соответственные явления, первоначально очень слабо выраженные, смогли приобрести заметное развитие лишь после чрезвычайно продолжительного роста цивилизации. Странной непоследовательностью, едва объяснимой бессознательной критической тенденцией нашего времени, является стремление признавать, что древние не могли рассуждать о простейших предметах иначе, как в теологическом духе, и в то же время отрицать в особенности у политиков наличие настоящей потребности в аналогичном образе мышления в области социальных вопросов. Но нужно, кроме того, понять, хотя я не могу установить это здесь, что эта первоначальная философия была не менее необходимой как для предварительного развития нашей общественности, так и для подъема наших умственных сил, либо с целью примитивного построения известных общих доктрин, без которых социальная связь не могла бы приобрести ни обширности, ни постоянства, либо для само собой осуществляемого единственно мыслимого тогда духовного авторитета.

2. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ИЛИ АБСТРАКТНАЯ СТАДИЯ

9. Как ни кратки должны быть здесь общие объяснения о временном характере и подготовительном назначении единственной философии, действительно соответствующей младенческому состоянию человечества, они могут легко дать понять, что этот первоначальный образ мышления резко отличается во всех отношениях от того направления ума, которое, как мы увидим, отвечает зрелому состоянию человеческой мысли, и что это различие слишком глубоко, для того чтобы постепенный переход от одного метода к другому мог впервые совершиться как у индивида, так и у целого рода без возрастающей помощи посредствующей философии, по существу ограниченной этой временной функцией. Такое специальное участие собственно метафизической стадии в основной эволюции нашего ума, который, не терпя резких изменений, может таким образом подниматься почти незаметно от чисто теологического до открыто позитивного состояния, хотя это двусмысленное положение по существу приближается гораздо более к первому, чем ко второму. Господствующие умозрения сохранили на этой стадии существенный характер направления, свойственного абсолютным знаниям: только выводы подвергаются здесь значительному преобразованию, способному более облегчить развитие положительных понятий.

В самом деле, метафизика пытается, как и теология, объяснить внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей, основной способ образования всех явлений, но вместо того, чтобы прибегать к помощи сверхъестественных факторов, она их все более и более заменяет сущностями (entites) или олицетворенными абстракциями, истинно характерное для нее употребление которых позволяло часто называть ее именем онтологии. Теперь очень легко наблюдать этот способ философствования, который, оставаясь еще преобладающим в области наиболее сложных явлений, дает ежедневно, даже в наиболее простых и наименее отсталых теориях, столько заметных следов его долгого господства.

Историческое значение этих сущностей прямо вытекает из их двусмысленного характера: ибо в каждом из этих метафизических существ, присущих соответствующему телу и в то же время не смешивающихся с ними, ум может по желанию и в зависимости от того, находится ли он ближе к теологическому или к позитивному состоянию, видеть либо действительную эманацию сверхъестественной силы, либо просто отвлеченное наименование рассматриваемого явления. Господствующее вложение чистой фантазии тогда прекращается, но и истинное наблюдение не является еще преобладающим, только мысль приобретает большую остроту и незаметно готовится к метафизической стадии; умозрительная часть оказы-

вается сначала чрезвычайно преувеличенной вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать, стремления, которое во всех областях обыкновенно характеризует метафизический образ мышления даже у его наиболее знаменитых выразителей. Гибкий порядок концепций, который никоим образом не терпит постоянства, столь долго свойственного теологической системе, должен (к тому же, очень скоро) достигнуть соответственного единства путем постепенного подчинения различных частных сущностей единой общей сущности - природе, предназначение которой заключается в том, чтобы представлять собою слабый метафизический эквивалент смутной универсальной связи, вытекающей из монотеизма.

10. Чтобы лучше понять, в особенности в наше время, историческую силу такого философского орудия, важно признать, что по своей природе оно само по себе способно лишь проявлять критическую или разрушительную деятельность даже в области теории и в еще большей степени в области социальных вопросов, не будучи никогда в состоянии создать что-либо положительное, исключительно свойственное ему.

Глубоко непоследовательная, эта двусмысленная философия сохраняет все основные принципы теологической системы, лишая их, однако, все более и более силы и постоянства, необходимых для их действительного авторитета, и именно в подобном искажении заключается ее главная временная полезность для того момента, когда старый образ мышления, долгое время прогрессивный для совокупности человеческой эволюции, неизбежно достигает той ступени, на которой дальнейшее его существование оказывается вредным, так как он стремится упрочить на неопределенное время младенческое состояние, которым он вначале так счастливо руководил. Метафизика, таким образом, является в сущности не чем иным, как видом теологии, ослабленной разрушительными упрощениями, самопроизвольно лишаящими ее непосредственной власти помешать развитию специально позитивных концепций. Но, с другой стороны, благодаря этим же разрушительным упрощениям, она приобретает временную способность поддерживать деятельность обобщающего ума, пока он, наконец, не получит возможность питаться лучшей пищей. В силу своего противоречивого характера метафизический или онтологический образ мышления оказывается всегда перед неизбежной альтернативой: либо стремиться в интересах порядка к тщетному восставлению теологического состояния, либо, дабы избежать угнетающей власти теологии, толкать общество к чисто отрицательному положению. Это неизбежное колебание, которое наблюдается теперь только относительно наиболее трудных теорий, некогда существовало равным образом по отношению даже к наиболее простым, пока они не перешагнули метафизической стадии, и обусловлено это органическим бессилием, всегда свойственным этому философскому методу.

Если бы общественный рассудок издавна не изгнал его из некоторых основных понятий, то можно было бы безошибочно утверждать, что порожденные им 20 веков тому назад бессмысленные сомнения в существовании внешних тел повторялись бы еще и теперь, ибо он их никогда никакой решительной аргументацией не рассеивал. Метафизическое состояние нужно, таким образом, рассматривать как своего рода хроническую болезнь, естественно присущую эволюции нашей мысли - индивидуальной или коллективной - на границе между младенчеством и возмужалостью.

11. Так как исторические умозрения у новых народов почти никогда не восходят дальше времен политеизма, то метафизическое мышление должно казаться почти столь же древним, как теологическое. В самом деле, оно неизбежно руководило, хотя скрытно, первоначальным преобразованием фетишизма в политеизм, дабы устранить исключительное господство чисто сверхъестественных сил, которые,

будучи таким образом непосредственно удалены из каждого отдельного тела, должны были тем самым оставлять в каждом некоторую соответствующую сущность. Но так как при этом первом теологическом перевороте никакое истинное обсуждение не могло иметь места, то непрерывное вмешательство онтологического духа стало вполне характерным лишь в последующей революции при превращении политеизма в монотеизм, естественным орудием которого он должен был явиться. Его возрастающее влияние должно было сначала, пока он оставался подчиненным теологическому давлению, казаться органическим, но его природа, в основе разрушительная, должна была затем все более и более проявляться, когда он постепенно делал попытки доводить упрощение теологии даже далее обыкновенного монотеизма, составлявшего по необходимости крайний и действительно возможный фазис первоначальной философии. Так, в течение последних пяти веков метафизический дух, действуя отрицательно, благоприятствовал основному подъему нашей современной цивилизации, разлагая мало-помалу теологическую систему, ставшую окончательно ретроградной к концу средних веков, когда социальная сила монотеистического режима оказалась существенно исчерпанной. К несчастью, выполнив с возможной полнотой эту необходимую, но временную функцию, онтологические концепции, действуя слишком продолжительно, должны были также стремиться противодействовать всякой другой реальной организации спекулятивной системы; так что наиболее опасное препятствие для окончательного установления истинной философии действительно вытекает теперь из того же самого образа мышления, который часто еще теперь присваивает себе почти исключительную привилегию в области философии.

3. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ СТАДИЯ

1. Основной признак: Закон постоянного подчинения воображения наблюдению

12. Эта длинная цепь необходимых фазисов приводит, наконец, наш постепенно освобождающийся ум к его окончательному состоянию рациональной положительности. Это состояние мы должны охарактеризовать здесь более подробно, чем две предыдущие стадии. Установив самопроизвольно, на основании стольких подготовительных опытов совершенную бесплодность смутных и произвольных объяснений, свойственных первоначальной философии как теологической, так и метафизической, наш ум отныне отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям. Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые, будучи недоступными сколько-нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает как основное правило, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами не чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был сверх того рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно вытекает исключительно из их прямого или косвенного соответствия наблюдаемым явлениям. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое былое первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая тем не менее выполнять в

положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей. Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении и тяготении, или о мышлении и нравственности, мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования.

2. Относительный характер положительной философии

13. Не только наши положительные исследования во всех областях должны по существу ограничиваться систематической оценкой того, что есть, отказываясь открывать первопричину и конечное назначение, но кроме того, важно понять, что это изучение явлений вместо того, чтобы стать когда-либо абсолютным, должно всегда оставаться относительным в зависимости от нашей организации и нашего положения. Признавая с этой двоякой точки зрения неизбежное несовершенство наших различных умозрительных средств, мы видим, что далекие от возможности изучить со всей полнотой какое-либо действительное существование, мы не можем быть уверенными в возможности констатировать даже чрезвычайно поверхностно все реальные существования, большая часть которых должна, быть может, всецело оставаться для нас сокрытой. Если потеря одного важного чувства достаточна, чтобы совсем скрыть от нас целый круг естественных явлений, то вполне уместно полагать, что, наоборот, приобретение нового чувства открыло бы нам класс фактов, о которых, мы теперь не имеем никакого представления; по крайней мере, думать, что разнообразие чувств, столь различное у главных видов животных, доведено в нашем организме до наивысшей степени, которой могло бы требовать полное познание внешнего мира - предложение, очевидно, неосновательное и почти бессмысленное.

Никакая наука не может лучше астрономии подтвердить этот неизбежно относительный характер всех наших реальных знаний; так как исследование явлений может здесь производиться только посредством одного чувства, то очень легко оценить умозрительные последствия, обусловленные его отсутствием или его ненормальностью. Никакая астрономия не могла бы существовать у слепого вида, каким бы разумным его не предполагали; точно также мы не могли бы иметь суждение ни относительно темных небесных тел, которые, быть может, являются наиболее многочисленными, ни даже относительно светил, если бы только атмосфера, через которую мы наблюдаем небесные тела, оставалась всегда и всюду туманной. На протяжении всего этого трактата мы часто будем иметь случай без всякого усилия оценивать с достаточной ясностью эту тесную зависимость, где совокупность как внутренних, так и внешних условий нашего собственного существования неизбежно задерживает наши положительные исследования.

14. Чтобы достаточно охарактеризовать эту по необходимости относительную природу всех наших реальных знаний, важно, сверх того, заметить с наиболее философской точки зрения, что, если какие-либо наши концепции должны сами рассматриваться как человеческие феномены, и в особенности, социальные, то они, на самом деле, обусловлены коллективной и непрерывной эволюцией, все элементы и фазисы которой по существу своему примыкают друг к другу. Если же, с одной стороны, признается, что наши умозрения должны всегда находиться в зависимости от различных основных условий нашего личного существования, то нужно равным образом допустить, с другой - что они не менее подчинены совокупности непрерывного хода социальных идей, так что никогда не могут

оставаться в предложенном метафизиками состоянии совершенной неподвижности. Но так как общий закон основного движения человечества в данном отношении заключается в том, что наши теории стремятся представить все более и более точно внешние предметы наших постоянных исследований, будучи, однако, лишены возможности вполне оценить истинное строение каждого из них, научное усовершенствование должно поэтому ограничиваться стремлением приблизиться к этому идеальному пределу постольку, поскольку этого требуют наши различные реальные потребности. Этот второй вид зависимости, присущий положительным умозрениям, обнаруживается так же ясно, как и первый, во всем ходе астрономических исследований, что, например, показывает ряд все более и более удовлетворительных понятий, полученных с момента зарождения небесной геометрии о фигуре земли, о планетных орбитах и т.д. Таким образом, хотя, с одной стороны, научные доктрины имеют по необходимости достаточно непостоянный характер, для того, чтобы устранить всякие притязания на абсолютное знание, их постепенные изменения не представляют, с другой, никакого произвола, который мог бы вызвать еще более опасный скептицизм; каждое последовательное изменение сверх того само по себе обеспечивает за соответственными теориями бесконечную способность предоставлять феномены, лежащие в их основание, по крайней мере, постольку, поскольку первоначальная степень действительной точности не должна быть перейдена.

3. Назначение положительных законов: рациональное предвидение

15. После того, как постоянное подчинение воображения наблюдению было единодушно признано как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух в основе не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между двумя одинаково губительными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу; потребность в такой постоянной осторожности, столько же трудной, сколько важной, сверх того, достаточна для подтверждения сообразно с нашими первоначальными объяснениями того, насколько истинная положительность должна быть зрело подготовлена, так, чтобы она не имела никакого сходства с перво-бытным состоянием человечества.

Именно в законах явлений действительно заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом.

Рассматривая же постоянное назначение этих законов, можно сказать без всякого преувеличения, что истинная наука, далеко не способная образоваться из простых наблюдений, стремится всегда избегать по возможности непосредственного исследования, заменяя последнее рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии. Совокупность астрономических знаний дает нам ясно понять это. Такое предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями, не позволит никогда смешивать реальную науку с той бесполезной эрудицией, которая механически накапливает факты, не стремясь вывести одни из других. Это важное свойство всех наших ясных умозрений не менее касается их Действительной полезности, чем их собственного достоинства; ибо прямое исследование совершившихся явлений, не давая нам возможности их предвидеть, не могло бы нам позволить изменять их ход. Таким образом, истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности видеть, чтобы предвидеть,

изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов.

4. Всеобщее распространение основного учения о неизменности естественных законов

16. Этот основной принцип всей положительной философии, будучи еще далеко недостаточно распространен на совокупность явлений, начинает, к счастью, за последние три века становиться столь обычным, что до сих пор вследствие привитых раньше привычек к абсолютам почти всегда игнорировали его истинный источник, стараясь на основании пустой и сбивчивой метафизической аргументации, представить как своего рода врожденное или по меньшей мере примитивное понятие то, что могло ясно вытекать из медленной и постепенной индукции, одновременно коллективной и индивидуальной. Не только никакой рациональный мотив, независимый от всякого внешнего исследования, не показывает нам сначала неизменность физических отношений, но, напротив, не подлежит сомнению, что человеческий разум испытывает в течение своего долгого младенческого состояния чрезвычайно сильную склонность игнорировать эту неизменность даже там, где беспристрастное наблюдение ее само собою обнаружило бы, если бы он не увлекался своим необходимым стремлением приписывать все какие бы то ни было события, а в особенности наиболее важные, произвольным хотениям. В каждом круге явлений существуют, без сомнения, некоторые явления, достаточно простые и достаточно обычные для того, чтобы их самопроизвольное наблюдение внушало всегда смутное и несвязное чувство некоторой второстепенной регулярности; так что чисто теологическая точка зрения не могла никогда быть строго всеобщей. Но это частичное и случайное убеждение распространяется долгое время на явления, весьма малочисленные и наиболее подчиненные, которые оно тогда не может даже предохранять от частых нарушений, приписываемых преобладающему вмешательству сверхъестественных факторов. Принцип неизменности естественных законов начинает действительно приобретать некоторое философское основание только тогда, когда первые истинно научные работы смогли обнаружить полную точность этого принципа для целого класса важных явлений; обстоятельство это могло в полной мере иметь место лишь с момента создания математической астрономии, в течение последних веков политеизма. Вслед за этим систематическим введением это основное правило стремилось, без сомнения, распространиться по аналогии на более сложные явления даже прежде, чем их собственные законы могли быть сколько-нибудь известны. Но помимо своей действительной бесплодности это смутное логическое предварение обладало тогда слишком незначительной энергией для того, чтобы надлежащим образом сопротивляться активному преобладанию, которое сохраняли в области мысли теолого-метафизические иллюзии. Первый специальный опыт установления естественных законов для каждого главного класса явлений был затем необходим, чтобы сообщить этому понятию ту непоколебимую силу, которую оно начинает представлять в наиболее передовых науках. Это убеждение не могло даже стать достаточно прочным, пока все основные умозрения не были действительно подвергнуты подобной обработке, так как сомнение, оставшееся еще относительно наиболее сложных, должно было тогда более или менее заражать каждое из них. Невозможно игнорировать эту бессознательную реакцию даже теперь, когда вследствие еще обычного невежества в области социологических законов, принцип постоянства физических отношений подвергается иногда грубым искажениям даже в чисто математических исследованиях, где мы видим, например, как неизменно превозносят мнимое исчисление шансов, скрыто предполагающее отсутствие всякого реального закона по отношению к известным событиям, в особенности, когда здесь имеет место вмешательство человека. Но

когда это всеобщее распространение, наконец, достаточно подготовлено - условие, уже выполненное теперь среди наиболее передовых умов, - этот великий философский принцип тотчас приобретает полную законченность, хотя действительные законы большинства частных случаев должны долгое время оставаться неизвестными; ибо не могущая быть отвергнутой аналогия применяет тогда наперед ко всем явлениям каждого класса то, что было установлено для некоторых из них, лишь бы только они имели надлежащую важность.

Глава вторая

НАЗНАЧЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

17. Рассмотрев отношение положительного мышления к внешним предметам наших умозрений, нужно закончить его характеристику оценкой и его внутреннего назначения - непрерывно удовлетворять наши собственные потребности, касающиеся созерцательной или активной жизни.

1. ПОЛНОЕ И ПРОЧНОЕ УСТРОЙСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ГАРМОНИИ В ОБЛАСТИ МЫСЛИ В ОТНОШЕНИИ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

18. Хотя чисто умственные запросы суть, без сомнения, наименее энергичные из всех потребностей, присущих нашей природе, их прямое и постоянное существование у всех мыслящих людей тем не менее не подлежит сомнению: они дают первый необходимый толчок нашим различным философским усилиям, слишком часто приписываемым преимущественно практическим импульсам; последние, правда, способствуют их развитию, но не могли бы их породить.

Эти умственные нужды, относящиеся, как все другие, к регулярному выполнению соответственных функций, требуют всегда счастливого сочетания прочности и активности, откуда одновременно вытекают потребности в порядке и прогрессе, или в связи и расширении. В продолжение долгого младенческого состояния человечества теолого-метафизические концепции единственно могли, согласно нашим предыдущим объяснениям, предварительно удовлетворять, хотя крайне несовершенным образом, этому двоякому основному условию. Но когда человеческий ум, наконец, достаточно созрел, чтобы открыто отказаться от недоступных ему исследований и мудро сосредоточить свою деятельность в области, оценка которой действительно доступна нашим способностям, тогда положительная философия поистине доставляет ему во всех отношениях гораздо более полное реальное удовлетворение этих двух элементарных потребностей. Таково, очевидно, с этой новой точки зрения, прямое назначение открываемых ею законов различных явлений и нераздельного с ними рационального предвидения. Относительно каждого рода событий в этих законах должно в этом отношении различать два класса, смотря по тому, связывают ли они по подобию события сосуществующие или по преемственности следующие друг за другом. Это необходимое различие в основе своей соответствует во внешнем мире тому, что само собой представляется нам всегда между соотносительными состояниями существования и движения; отсюда во всякой реальной науке вытекает основное различие между статистической и динамической оценками какого-либо предмета. Оба вида отношений одинаково способствуют объяснению явлений и равным образом приводят к возможности их предвидеть, хотя законы гармонии кажутся сначала назначенными преимущественно для объяснения, а законы последовательности - для предвидения. В самом деле, о чем бы ни шла речь - об объяснении или предвидении - все сводится постоянно к объединению: сверх того всякая реальная связь, статистическая или динамическая, открытая между двумя какими-либо явлениями, позволяет одновременно объяснить и предвидеть одно на основании другого; ибо научное предвидение согласуется, очевидно, с настоящим и даже с прошлым столь же хорошо, как я с будущим, и постоянно заключается в познании факта независимо от его прямого исследования

на основании уже известных его отношений с другими фактами. Так, например, сходство, установленное между небесным и земным тяготением, привело на основании резких изменений первого к предвидению слабо выраженных вариаций второго, которые прямое наблюдение не могло удовлетворительно вскрыть, хотя оно их впоследствии подтвердило; точно так же, в обратном смысле, издревле замеченное совпадение периодов морского прилива и отлива дало возможность объяснить лунный день тотчас, как было признано, что подъем воды в каждом пункте является результатом прохождения луны через меридиан данного места. Все наши истинные логические потребности, таким образом, по существу сводятся к следующему общему назначению: по возможности укреплять посредством наших систематических умозрений самопроизвольное единство наших суждений, строя непрерывность и однородность наших различных концепций так, чтобы равным образом удовлетворять требованиям одновременно порядка и прогресса, заставляя нас вновь находить постоянство среди разнообразия. Но с этой основной точки зрения очевидно, что положительная философия необходимо допускает у хорошо подготовленных умов наличие способности, далеко превосходящей ту, которую теолого-метафизическая философия когда-либо могла предоставить.

Рассматривая последнюю даже во времена ее наибольшего одновременно умственного и социального влияния, т.е. в фазис политеизма, мы видим, что интеллектуальное единство было даже тогда построено гораздо менее совершенно, менее прочно, чем это в будущем позволит сделать всеобщее преобладание положительного духа, когда он распространится, наконец, на самые важные умозрения. Тогда будет повсюду на самом деле господствовать в различных видах и в различных степенях то удивительное логическое построение, простейшие знания которого единственно могут нам дать теперь справедливое понятие, построение, где связь и расширение, обеспеченные каждое со всей полнотой, сами собой оказываются сверх того солидарными. Этот великий философский результат не требует другого необходимого условия, кроме постоянного обязательства ограничивать все наши умозрения действительно доступными исследованиями, рассматривая эти реальные отношения либо по сходству, либо по последовательности как могущие составлять для нас только простые общие факты, которые нужно всегда стремиться свести к возможно меньшему количеству, не рассчитывая когда-либо, сообразно основному характеру положительного мышления проникнуть в тайну их образования. Но если это действительно постоянное естественных связей есть на самом деле единственно доступное нашей оценке, то оно также вполне достаточно для удовлетворения всех наших потребностей, как созерцания, так и направления нашей деятельности.

19. Важно, однако, признать в принципе, что при положительном образе мышления гармония наших концепций неизбежно оказывается в известной степени ограниченной в силу основного для них обязательства быть реальными, т.е. достаточно соответствовать независимым от нас типам. В своем бессознательном, инстинктивном стремлении связывать наш ум почти всегда ищет возможности сочетать между собой два каких-либо одновременных или последовательных явления; но изучение внешнего мира, напротив, доказывает, что многие из этих сближений были бы нелепыми и что масса явлений совершается непрерывно без всякой истинной взаимной зависимости; отсюда эта необходимая склонность нуждается более, чем какая-либо другая, в регуляторе, которым может являться ясная общая оценка. Привыкший в течение долгого времени к своего рода единству учения, как бы смутно и призрачно оно ни было при господстве теологических функций и метафизических сущностей, человеческий разум, переходя к положительной стадии, стремился сначала сводить все различные классы явлений к единому общему закону. Но все попытки, сделанные в течение последних двух веков для получения

всеобщего объяснения природы, привели только к окончательному дискредитированию этого предприятия, отныне предоставленного лишь мало просвещенным умам. Основательное исследование внешнего мира представило его гораздо менее связным, чем это предполагает или желает наш ум, который, вследствие своей собственной слабости, более расположен умножать отношения, благоприятные для его движения и в особенности для его покоя.

Не только все шесть основных категорий, которые мы ниже различаем между естественными явлениями, не могли быть приведены к единому универсальному закону, но вполне позволительно утверждать теперь, что единство объяснения, преследуемое еще столькими серьезными умами относительно каждой из них, взятой в отдельности, окончательно закрыто для нас даже в этой, весьма ограниченной области. Астрономия в этом отношении породила слишком эмпирические надежды, безусловно неосуществимые относительно более сложных явлений не только в области физики в собственном смысле, пять главных отраслей которой, несмотря на их бесспорные отношения между собою, останутся всегда отличными друг от друга. Философы часто расположены значительно преувеличивать логические неудобства такого необходимого рассеяния, так как плохо оценивают реальные преимущества, представляемые преобразованием индукций в дедукцию. Тем не менее, нужно открыто признать эту прямую невозможность все приводить к единому положительному закону как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира.

20. Но эта бесспорная необходимость, которую важно признать во избежание всякой напрасной затраты умственных сил, нисколько не мешает реальной науке допускать, с другой точки зрения, достаточное философское единство, равносильное тем единствам, какие временно создают теология и метафизика, и, сверх того, чрезвычайно их превосходящее как своей прочностью, так и полнотой. Чтобы понять возможность такого единства и оценить его природу, нужно сначала прибегнуть к блестящему общему различению, установленному Кантом между точками зрения - объективной и субъективной, свойственными всякому исследованию.

Рассматриваемая, с одной точки зрения, т.е. со стороны внешнего назначения наших теорий, наша наука как точное представление реального мира, конечно, не поддается полной систематизации в силу неизбежного различия, существующего между основными явлениями. В этом смысле мы не должны искать другого единства, кроме того, какое представляет положительный метод, рассматриваемый в его целом, без притязания на истинное научное единство, стремясь только к однородности и сходству различных доктрин. Совсем иначе обстоит дело, когда наша наука оценивается со второй точки зрения, т.е. со стороны внутреннего источника человеческих теорий, рассматриваемых как естественные результаты нашей умственной эволюции одновременно индивидуальной и коллективной и назначенных для нормального удовлетворения каких-либо наших собственных потребностей. Отнесенные таким образом не ко Вселенной, а к человеку или, вернее, к человечеству, наши реальные знания, напротив, стремятся тогда с очевидной самопроизвольностью к полной систематизации как научной, так и логической. Тогда нужно собственно рассматривать только одну науку: человеческую науку, или, более точно, социальную, принцип и цель которой составлять наше существование и в которую рациональное изучение внешнего мира естественно входит двояким путем - в виде неизбежного элемента и в виде основного введения, одинаково необходимого как для метода, так и для доктрины, как я это объясню ниже. Именно таким образом наши положительные знания единственно могут образовать истинную систему, которая отличалась бы вполне удовлетворительным характером. Сама астрономия, хотя объективно более совершенная, чем все другие

отрасли естественной философии, вследствие своей чрезвычайной простоты является такой только с этой человеческой точки зрения; ибо совокупность соображений трактата дает ясно понять, что она должна была бы, напротив, считаться чрезвычайно несовершенной, если ее относить ко Вселенной, а не к человеку; ведь и в астрономии все наши реальные знания по необходимости ограничены нашим миром, который, однако, составляет только ничтожный элемент Вселенной, исследование которой для нас прямо недоступно.

Таково общее направление, которое должно, в конце концов, возобладать в истинно позитивной философии не только в области теорий, непосредственно относящихся к человеку и обществу, но также и в области теорий, касающихся простейших явлений, кажущихся наиболее удаленными от следующей общей идеи: рассматривать все наши умозрения как продукты нашего ума, предназначенные удовлетворять наши различные основные потребности, удаляясь от человека всегда только для того, чтобы к нему вновь возвратиться по изучении других феноменов постольку, поскольку необходимо их знать как для развития наших сил, так и для оценки нашей природы и нашего состояния. Можно поэтому заметить, каким образом преобладающее понятие человечества должно на положительной стадии давать полную систематизацию мысли, по меньшей мере равносильную той, которая окончательно установилась в теологическом фазисе благодаря великой концепции Бога, столь слабо замененной впоследствии в течение метафизического переходного времени смутной идеей природы.

21. Охарактеризовав таким образом самопроизвольную способность положительного способа мышления строить окончательное единство нашего ума, нетрудно будет дополнить это основное объяснение, распространяя его от индивида на род. Это необходимое расширение было до сих пор по существу невозможным для современных философов, которые, будучи сами лишены возможности окончательно выйти из метафизического состояния, никогда не становились на социальную точку зрения, единственно, однако, доступную полной реальности, как научной, так и логической, ибо человек развивается не изолированно, но коллективно. Изгоняя как нечто совершенно бесплодное (или, вернее, глубоко вредное) эту уродливую абстракцию наших психологов или идеологов, систематическая тенденция положительного духа, которую мы только что рассмотрели, приобретает, наконец, всю свою важность, ибо она указывает в нем истинное философское основание человеческой общественности, по крайней мере, постольку, поскольку последняя зависит от ума, огромное влияние которого, хотя отнюдь не исключительное, не может подлежать сомнению. Строить логическое единство каждого изолированного ума или устанавливать продолжительное согласие между различными умами, число которых может оказать существенное влияние лишь на быстроту операции, - это, на самом деле, одна и та же человеческая проблема только различных степеней трудности. Поэтому-то во все времена тот, кто мог стать достаточно последовательным, тем самым приобретал способность постепенно соединять других в силу основного сходства нашего рода. Теологическая философия была в течение младенческого периода человечества единственно способной систематизировать общество только потому, что она была тогда единственным источником некоторой умственной гармонии. Если же привилегия логического согласования отныне безвозвратно перешла к положительному образу мышления, что теперь вряд ли может быть серьезно оспариваемо, то нужно поэтому признать в нем также единый действительный принцип того великого интеллектуального согласия, которое становится необходимым основанием всякой истинной человеческой ассоциации, когда оно надлежащим образом связано с двумя другими основными условиями - достаточным сходством чувств и известным совпадением интересов. Печальное философское положение избранной части человечества

достаточно было бы теперь для устранения в этом отношении всякого спора, так как оно обусловлено именно тем обстоятельством, что в настоящее время наблюдается истинная общность мнений только относительно предметов, уже приведенных к положительным теориям, но, к несчастью, являющихся далеко не самыми важными. Прямое и специальное рассмотрение вопроса легко показало бы, сверх того, что единственно положительная философия может постепенно осуществить этот великий план всемирной ассоциации, который католичество в средние века начертало впервые, но который в основе был по существу несовместим, как это доказал опыт, с теологической природой философии католицизма, установившей слишком слабую логическую связь, чтобы быть способной проявить такую социальную силу.

2. ГАРМОНИЯ МЕЖДУ НАУКОЙ И ИСКУССТВОМ, МЕЖДУ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ

22. Охарактеризовав достаточно основную способность положительного мышления по отношению к умозрительной жизни, нам остается рассмотреть его также в применении к конкретной жизни, где оно, не обнаруживая никакого действительно нового свойства, проявляет гораздо полнее и, в особенности, гораздо определеннее все те качества, которые мы за ним признали. Хотя теологические концепции были даже в этом отношении долгое время необходимы, дабы возбуждать и поддерживать смелость человека косвенной надеждой на своего рода бесконечное господство, тем не менее именно в данном случае человеческий разум должен был прежде всего засвидетельствовать свое окончательное предпочтение реальным знаниям. В самом деле, положительное изучение природы начинает теперь пользоваться всемирным одобрением именно как рациональное основание воздействия человечества на внешний мир. Ничто не является в основе более мудрым, чем это грубое и само собой являющееся суждение, ибо такое назначение, когда оно надлежащим образом оценено, неизбежно напоминает в форме, наиболее удачно сокращенной, все величие черты истинного философского духа относительно как рациональности, так и положительности. Естественный порядок, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответственных явлений, должен очевидно быть нам сначала хорошо известен, для того чтобы мы могли либо его изменять в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение, если как и в области небесных явлений всякое человеческое вмешательство здесь невозможно.

Такое применение в особенности способно сделать широко доступной оценку того рационального предвидения, которое, как мы видели, составляет во всех отношениях главную характерную черту истинной науки, ибо чистая эрудиция, где реальные, но несвязанные знания заключаются в фактах, а не в законах, не могла бы, очевидно, удовлетворительно руководить нашей деятельностью. Было бы излишне останавливаться дольше на столь бесспорном объяснении.

Правда, чрезмерное предпочтение, оказываемое теперь материальным интересам, слишком часто приводило к пониманию этой необходимой связи в смысле, сильно компрометирующем будущность науки, порождая стремление ограничивать положительные умозрения исследованиями непосредственной полезности. Но эта бессознательная склонность обусловлена только ложным и узким представлением о важном взаимоотношении науки и искусства, страдающим отсутствием достаточно глубокой оценки их значения. Из всех наук астрономия наиболее способна избавиться от такой тенденции как потому, что ее чрезвычайная простота позволяет лучше уловить ее совокупность, так и в силу большей естественности соответственных применений, которые в течение 20 веков оказываются связанными с наиболее возвышенными умозрениями - в настоящей работе мы это дадим ясно

понять. Но в особенности важно признать по этому поводу, что основное отношение между наукой и искусством не могло до настоящего времени надлежащим образом быть постигнуто даже лучшими умами в силу необходимого следствия, вытекающего из недостаточного расширения естественной философии, которая еще остается чуждой наиболее важным и наиболее трудным исследованиям, касающимся непосредственно человеческого общества.

В самом деле, рациональная концепция воздействия человека на природу, оставаясь таким образом по существу ограниченной неорганическим миром, вызвала бы слишком слабое научное возбуждение. Когда этот громадный пробел будет достаточно восполнен, когда завершится уже теперь начавшийся процесс, можно будет понять основную важность этого великого практического назначения - побуждать и часто даже лучше направлять наиболее выдающиеся умозрения при одном нормальном условии постоянной положительности. Ибо искусство будет тогда не исключительно геометрическим, механическим или химическим и т.д., но также и, в особенности, политическим и моральным, так как главная деятельность человечества должна во всех отношениях состоять в непрерывном улучшении своей собственной индивидуальной или коллективной природы и в пределах, указываемых, как во всех других случаях, совокупностью реальных законов.

Когда эта сама собой возникающая солидарность науки с искусством сможет быть надлежащим образом организована, то не подлежит сомнению, что весьма далекая от стремления ограничивать здоровые философские умозрения, она, напротив, предназначила бы им окончательную функцию, слишком превосходящую их действительные силы, если бы наперед не была признана как общий принцип невозможность сделать когда-либо искусство чисто рациональным, т.е. поднять наши теоретические предвидения на действительный уровень наших практических потребностей. Даже в наиболее простых и наиболее совершенных искусствах прямое и самопроизвольное развитие остается всегда необходимым, и научные указания ни в коем случае не могут совершенно заменять такое название. Как бы удовлетворительны ни стали, например, наши астрономические предвидения, их точность является еще и, вероятно, будет всегда ниже наших справедливых практических требований, как мне часто придется на это указывать.

23. Эта самопроизвольная тенденция непосредственно построить полную гармонию между умозрительной и конкретной жизнью должна быть окончательно рассматриваема как наиболее счастливая привилегия положительного духа, и никакое другое свойство не может столь же хорошо обнаружить истинный характер его, а также облегчить его реальное влияние.

Наш умозрительный пыл, таким образом, поддерживается и даже руководится могучим и непрерывным возбуждением, без которого естественная косность нашего ума расположила бы его удовлетворять свои слабые теоретические потребности легкими, но недостаточными объяснениями, между тем как мысль об окончательном действии напоминает всегда условие - соблюдать надлежащую точность. В то же время это великое практическое назначение дополняет и ограничивает в каждом случае основное предписание, относящееся к открытию естественных законов, способствуя определению, согласно требованиям применения, степени точности и обширности нашей рациональной предусмотрительности, правильное измерение которой не могло бы быть вообще установлено другим путем.

Если, с одной стороны, научное совершенствование не может перейти этот предел, ниже которого оно, напротив, всегда действительно будет находиться, то оно не могло бы - с другой, его открыть, не рискуя тотчас впасть в слишком мелочную оценку, столь же нелепую, сколь бесплодную, которая окончательно поколебала бы доверие ко всем основаниям истинной науки, так как наши законы могут всегда

представлять явления только с известным приближением, дальше которого было бы так же опасно, как и бесполезно углублять наши исследования. Когда это основное отношение науки к искусству будет надлежащим образом систематизировано, оно иногда, без сомнения, будет стремиться дискредитировать теоретические попытки, коренная бесплодность которых была бы бесспорна; но далекое от того, чтобы создавать какое-либо реальное затруднение, это неизбежное направление станет тогда чрезвычайно благоприятным для наших истинных умозрительных интересов, предупреждая напрасную затрату наших слабых умственных сил, обусловливаемую теперь очень часто слепой специализацией. В своей предварительной эволюции человеческий разум должен был отдаваться всюду вопросам, ставшим для него доступными, не вдаваясь слишком в оценку их окончательной важности и не зная их собственного отношения к совокупности, которая сначала не могла быть заменена. Но этот временный инстинкт, без которого наука часто нуждалась бы тогда в надлежащей пище, должен будет, в конце концов, подчиниться справедливой систематической оценке, коль скоро полная зрелость положительного состояния позволит в достаточной степени уловить всегда истинные основные отношения каждой части к целому, с тем, чтобы постоянно доставлять широкое назначение наиболее глубоким исследованиям, избегая, однако, всякого ребяческого умозрения.

24. Относительно этой тесной гармонии между наукой и искусством важно в особенности отметить обусловливаемую ею счастливую тенденцию развивать и укреплять социальное влияние здоровой философии в силу следствия, само собой вытекающего из возрастающего преобладания, очевидно приобретенного промышленной жизнью в нашей современной цивилизации. Теологическая философия могла действительно соответствовать только той необходимой эпохе предварительной общественности, когда человеческая деятельность должна была быть преимущественно военной, дабы постепенно подготовить нормальное и совершенное общество, которое, согласно исторической теории, установленной мною в другом месте, не могла сначала существовать.

Политеизм преимущественно приспособлялся к древней завоевательной системе, а монотеизм - к средневековой оборонительной организации. Доставляя все большее и большее преобладание промышленной жизни, новейшая общественность должна таким образом сильно благоприятствовать великому перевороту в области мысли, окончательно поднимающему теперь наш ум от теологического к положительному состоянию. Это деятельное повседневное стремление к практическому улучшению человеческого существования не только мало совместимо с религиозными предубеждениями, всегда преследующими в особенности при монотеизме совершенно другие цели, но такая деятельность, сверх того, способна по своей природе породить, в конце концов, всемирную оппозицию всякой теологической философии, столь же радикальную, как и естественную. В самом деле, с одной стороны, промышленная жизнь[^] в основе прямо противоречит всякому провиденциальному оптимизму, ибо она необходимо предполагает, что естественный порядок достаточно несовершенен, для того чтобы непрерывно требовать человеческого вмешательства, между тем как теология логически не допускает Другого средства изменения, как обращение за содействием к сверхъестественной силе. С другой стороны, это противоречие, присущее совокупности наших промышленных концепций, непрерывно воссоздается в чрезвычайно разнообразных формах в процессе совершения наших операций, где мы должны рассматривать внешний мир не как руководимый каким-либо производством, но как подчиненный законам, позволяющим нам выработать достаточную предусмотрительность, без которой наша практическая деятельность была бы лишена всякого разумного основания. Таким образом, то же самое основное соотношение, которое делает

промышленную жизнь столь благоприятной философскому влиянию положительного мышления, внушает ей в то же время антитеологическую тенденцию более или менее резкую, но рано или поздно неизбежную, каковы бы ни были беспрестанные мудрые усилия духовенства сдержать или умерить антипромышленный характер первоначальной философии, сносно уживаться с которой мог бы только воинственный быт. Такова тесная солидарность, которая издавна заставляет все современные умы, даже наиболее примитивные и наиболее упрямые, невольно участвовать в постепенной замене древней теологической философии философией вполне положительной, единственно отныне способной оказывать действительно социальное влияние.

3. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ НАУКИ С ТЕОЛОГИЕЙ

25. Нам, таким образом, остается пополнить, наконец, непосредственную оценку истинного философского духа одним последним объяснением, которое, являясь преимущественно отрицательным, становится, тем не менее, действительно необходимым здесь, чтобы закончить полную характеристику природы и условий великого умственного обновления, необходимого теперь избранной части человечества. Это объяснение обнаруживает непосредственно окончательную несовместимость положительных концепций с какими бы то ни было теологическими воззрениями, как монотеистическими, так и политеистическими или фетишистскими. Различные соображения, приведенные в настоящем рассуждении, уже приблизительно согласованы между двумя философиями со стороны как метода, так и доктрины, так что всякое сомнение на этот счет может быть здесь легко рассеяно. Без сомнения, наука и теология вначале не находятся в открытой вражде, так как они не ставят себе одинаковых вопросов: именно это обстоятельство долгое время позволяло положительному мышлению делать частичные успехи, невзирая на общее господство теологической философии, и даже во многих отношениях под ее предварительным покровительством. Но когда рациональный позитивизм, ограниченный сначала скромными математическими исследованиями, которыми пренебрегала теология, начал распространяться на прямое изучение природы, в особенности посредством астрономических теорий, столкновение стало неизбежным, хотя оставалось скрытым в силу основного контраста, одновременно научного и логического, прогрессивно развивающегося с этого момента между двумя кругами идей. Логические мотивы, на основании которых наука наотрез отказывается от всяких таинственных проблем, являющихся существенным предметом занятий для теологии, сами по своей природе способны рано или поздно дискредитировать в глазах всех здравомыслящих людей умозрения, изгоняемые только потому, что они безусловно недоступны человеческому разуму. Сверх того, мудрая осторожность, с которой положительное мышление постепенно оперирует с чрезвычайно легкими предметами, должна косвенно заставить оценить безрассудную смелость теологии по отношению к наиболее трудным вопросам. Однако для большинства умов, обращающих обыкновенно слишком мало внимания на методологические разногласия (хотя последние, являясь необходимым источником всех других, суть наиболее серьезные) несовместимость этих двух философий должна вполне выясниться преимущественно из доктрин. А под этим новым углом зрения, невозможно отрицать коренное противоречие этих двух классов концепций, где одни и те же явления то приписываются произвольным велениям, то приводят к неизменным законам. Причудливая изменчивость, естественно присущая всякой явее произвола, никоим образом не может согласовываться с постоянством реальных отношений. Поэтому, по мере того, как физические законы становились известными, господство сверхъестественной воли все более и более ограничивалось и признавалось всегда

преимущественно по отношению к явлениям, законы которых остались неоткрытыми.

Эта несовместимость становится непосредственно очевидной, если противопоставить рациональное предвидение, составляющее главную составляющую специального откровения, которое теология вынуждена представить как единственное правильное средство узнавать будущее. Правда, положительный дух, достигши своей полной зрелости, стремится также подчинять самое волю истинным законам, существование которых действительно молча предполагается примитивным разумом, ибо иначе практические усилия изменять и предвидеть человеческие хотения не имели бы никакого разумного основания. Но такое понимание отнюдь не приводит к примирению этих двух противоположных способов, согласно которым наука и теология необходимо рассматривают действительное управление различными явлениями. Ибо подобное предвидение и вытекающее отсюда поведение требуют, очевидно, глубокого реального знания существа, в котором эти хотения рождаются. А создать это предварительное основание могло бы существо, по меньшей мере, равное, рассматриваемое таким образом по сходству; невозможно предположить это сходство по отношению к существу низшего порядка, и противоречие увеличивается наряду с неравенством природы. Поэтому притязания теологии проникать всегда в предначертания Провидения были совершенно безрассудны, подобно тому, как было бы нелепо предположить у низших животных способность предвидеть желания человека или других высших животных. Однако именно к этой бессмысленной гипотезе неминуемо пришлось бы прибегнуть для окончательного согласования теологического духа с положительным.

26. Их коренное, применимое ко всем существенным фазисам первоначальной философии противоречие, рассматриваемое исторически, издавна было общепризнано относительно тех ее стадий, которые уже совершенно миновали наиболее передовые народы. Несомненно даже, что касательно последних слишком преувеличили эту несовместимость вследствие абсолютного презрения, которое наши монотеистические привычки внушают нам к двум первым состояниям теологического режима. Здоровая философия обязана всегда оценивать необходимую форму, в которой каждый из великих последовательных фазисов развития человечества действительно содействовал нашей основной эволюции заботливо устранить эти несправедливые предрассудки, мешающие всякой истинной исторической теории.

Но хотя политеизм и даже фетишизм сначала действительно благоприятствовали самопроизвольному подъему духа наблюдения, должно, однако, признать, что они могли быть истинно совместимыми с постепенно создавшимся сознанием неизменности физических отношений, тотчас как это сознание сумело приобрести некоторое систематическое постоянство. Поэтому нужно рассматривать это неизбежное противоречие как тайный источник различных преобразований, которые последовательно разложили теологическую философию, все более и более суживая ее.

Здесь уместно пополнить необходимое объяснение, приведенное в начале этого Рассуждения, где это постепенное разрушение было главным образом приписано Метафизике в собственном смысле, которая в сущности могла бы быть только простым орудием, но никак не истинным фактором. Нужно заметить, что положительный дух, вследствие отсутствия обобщения, долженствовавшего характеризовать его медленную частичную эволюцию, не мог надлежащим образом формулировать свои собственные философские стремления, едва ставшие заметными в течение этих последних веков. Отсюда вытекала настоятельная необходимость вмешательства метафизики, которая единственно могла соответственно систематизировать само собой возникающий антагонизм между

рождающейся наукой и древней теологией. Но хотя такая функция должна была побуждать слишком преувеличивать действительную важность этой философии переходного времени, легко, однако, признать, что единственно естественный прогресс реальных знаний сообщал серьезность и прочность ее шумливой деятельности. Этот непрерывный прогресс, который в сущности вначале обусловил преобразование фетишизма в политеизм, преимущественно составлял затем существенный источник превращения политеизма в монотеизм. Так как столкновение должно было совершиться главным образом на почве астрономических теорий, то этот трактат доставит мне естественный случай охарактеризовать точную степень их развития, единственно действительно определившего безвозвратный умственный упадок политического режима, который мы тогда признаем логически несовместимым с окончательным основанием математической астрономии, школой Фалеса.

27. Рациональное изучение этого критического направления ясно доказывает, что оно не могло ограничиваться древней теологией и что оно должно было затем распространиться и на монотеизм, хотя его энергия должна была убывать одновременно с необходимостью в нем, по мере того, как теологический дух продолжал дряхлеть в силу того же самопроизвольного прогресса. Без сомнения, этот краткий фазис первоначальной философии был гораздо менее, чем предшествовавшие ему, противен подъему реальных знаний, не встречавших более на каждом шагу опасного соперничества в виде специально сформулированного сверхъестественного объяснения. Поэтому-то именно при монотеистическом режиме должна была завершиться предварительная эволюция положительного мышления. Но несоответствие, став менее резким и более запоздалым, оставалось тем не менее окончательно неизбежным даже накануне той эпохи, когда новая философия стала достаточно общей, чтобы принять истинно органический характер, заменяя безвозвратно теологию в ее социальной функции также как в ее умственном назначении. Так как спор должен был еще вестись преимущественно на почве астрономии, что я покажу с точностью, с какой более ранняя эволюция необходимо обусловила распространение до более простого монотеизма - ее коренного противоречия, касавшегося прежде только политеизма в собственном смысле; тогда ясно станет, что это неизбежное влияние вытекает из открытия двойного движения Земли, последовавшего вскоре после основания небесной механики.

Можно утверждать, что при настоящем состоянии человеческого разума монотеистический образ мышления, благоприятствовавший в течение долгого времени первоначальному подъему реальных знаний, сильно препятствует систематическому ходу, который они должны отныне принять, мешая основному осознанию неизменности физических законов приобрести, наконец, свою необходимую философскую полноту. Ибо постоянная мысль о внезапном произвольном возмущении в естественной экономике должна всегда оставаться нераздельной, по крайней мере, скрытно, со всякой какой бы то ни было теологической идеей, хотя бы даже по возможности сокращенной. Не будь, в самом деле, этого препятствия, которое может быть устранено только при полном упразднении теологического духа, повседневное зрелище реального порядка вызвало бы уже теперь всеобщее согласие с основным принципом положительной философии.

28. Задолго до того момента, когда развитие науки позволило непосредственно оценить это коренное противоречие, метафизика, руководимая своим тайным побуждением, пыталась сузить в недрах самого монотеизма влияние теологии, оставляя в последний период средневековья отвлеченное преобладание знаменитой схоластической доктрины, подчиняющей действия верховного руководителя

еязменным законам, которые он первоначально установил, запретив себе их когда-либо изменять. Но это своего рода самопроизвольное соглашение между теологическим принципом и положительным мышлением очевидно могло иметь только кратковременное существование, способное более облегчить непрерывное падение одного и постепенное торжество другого. Его господству существенно подчинились только просвещенные умы; ибо, покуда вера действительно существовала, народный инстинкт должен был всегда энергично отвергать концепцию, которая в сущности стремилась свести на нет власть Провидения, обрекая ее на величавую неподвижность, и которая предоставляла всю обычную деятельность великой метафизической сущности - Природе, приобщая ее таким образом к правильному управлению Вселенной в качестве обязательного и ответственного министра, к которому отныне должна была направляться большая часть жалоб и просьб.

Мы видим, что эта концепция во всех существенных точках очень похожа на идею конституционного монарха, приобретающую при современном положении вещей все большее и большее преобладание; и эта аналогия отнюдь не случайна, ибо теологический порядок явился рациональным основанием политического строя. Эта противоречивая доктрина, разрушающая социальную силу теологического принципа, не освящая основного превосходства положительного мышления, не может соответствовать никакому истинно нормальному и продолжительному состоянию: она составляет только наиболее могучее из средств перехода, годных для последней необходимой разрушительной работы метафизического мышления.

29. Наконец, неизбежное несоответствие науки с теологией должно было также обнаружиться в другой общей форме, специально приспособленной к монотеистическому состоянию, вскрывая все более и более коренное несовершенство реального порядка, так резко противоречащего необходимому провиденциальному оптимизму. Этот оптимизм должен был, без сомнения, оставаться долгое время согласимым с самопроизвольным развитием положительных знаний, ибо первый анализ природы должен был тогда внушать всюду наивное восхищение при виде того, как совершаются главные явления, составляющие действительный порядок. Но это первоначальное направление также неизбежно затем исчезает по мере того, как положительное мышление, принимая все более и более систематический характер, заменяет постепенно догму о конечных причинах принципом условий существования, обладающим в наивысшей степени всеми логическими свойствами этой догмы и не страдающим ни одним из серьезных научных недостатков. Тогда перестают удивляться тому, что организация естественных существ оказывается устроенной так, что в каждом случае зависящие от них явления могут совершаться беспрепятственно. Изучая внимательно эту неизбежную гармонию с единственным намерением лучше познать ее, люди, в конце концов, замечают коренные несовершенства, которыми во всех отношениях отличается реальный порядок, почти всегда уступающий в мудрости искусственной экономии, устанавливаемой нашим слабым человеческим вмешательством в ограниченных, доступных ему пределах. Так как эти естественные пороки должны быть тем больше, чем сложнее рассматриваемые явления, то неопровержимые указания, которые дает нам в этом отношении совокупность астрономических знаний, будут достаточны здесь, для того чтобы дать возможность предвидеть, насколько подобная оценка должна распространиться с новой философской энергией на все другие основные части реальной науки. Но в особенности важно понять, что вообще эта критика имеет не только временное значение в качестве антитеологического средства. Она связывается более тесно и более прочно с основным духом положительной философии в общем отношении, существующем между умозрением и действием. Если, с одной стороны, наше постоянное активное вмешательство покоится прежде всего на точном знании

естественной экономии, лишь прогрессивным улучшением которой должна являться во всех отношениях наша искусственная экономия, то с другой не менее ясно, что мы таким образом предполагаем необходимое несовершенство того самопроизвольного порядка, постепенное изменение которого является повседневной целью наших индивидуальных или коллективных усилий.

Оставляя в стороне всякую временную критику, справедливая оценка различных недостатков, свойственных действительно устройству реального мира должна таким образом, отныне рассматриваться как присущая положительной философии, чтобы лучше познать как наше основное состояние, так и существенное назначение нашей непрерывной деятельности.

СПЕНСЕР ГЕРБЕРТ (SPENCER) (1820-1903) - выдающийся английский фило-соф и социолог, сторонник позитивизма и эволюционизма в естествознании, родился в Дерби, умер в Брайтоне.

Спенсер не получил сколько-нибудь систематического гуманитарного образования и вплоть до 1846 г. работал железнодорожным инженером. Параллельно стремительно расширял свои познания в различных областях, что и позволило ему в 1848 г. стать главным редактором знаменитого журнала "Экономист". Именно в это время Спенсер стал проявлять интерес к социальным вопросам и их обобщению в рамках собственной теории.

В 1850 г. вышел научный труд Спенсера - "Социальная статистика".

Как один из основоположников органической школы, Спенсер вслед за Огюстом Контом ввел в социологию идею изменчивости и "плавного" эволюционизма. Понятия эволюционистской социологии Спенсера - "возрастающая связанность", "переход от гомогенности к гетерогенности", "определенность", - описывающие морфологическую структуру общества, позволяли английскому социологу-позитивисту проводить аналогию между биологической и социальной эволюцией, между живыми организмами и обществом. В свою очередь, это раскрывало возможность применения в социологии естественнонаучных методов, что и составляло одну из целей позитивистского подхода к обществознанию.

В главном социологическом произведении - трехтомных "Основах социологии" (1876-1896) - Спенсер уподоблял сословно-классовое строение общества и присущие ему различные функции разделению функций между органами живого тела. Однако отдельные личности обладают, по мысли Спенсера, гораздо большей самостоятельностью, чем биологические клетки. Подчеркивая свойство саморегуляции в живой материи, Спенсер на этом основании ставил под сомнение значимость государственных форм, рассматривая их в качестве инструментов насилия в большей мере, чем агентов регуляции.

Двумя полюсами эволюции общества английский социолог признавал военный и промышленный типы устройства общества. Эволюция идет по направлению от первого ко второму. В той мере, в какой закон выживания наиболее приспособленного реализует себя в общественной динамике, общество приближается к промышленному типу, характеризующемуся прежде всего дифференциацией, основанной на личной свободе. Социальные революции рассматривались Спенсером как болезнь общества, а социалистическое переустройство - как противное органическому единству социальной системы и эволюционному прогрессу, основанному на выживаемости наиболее приспособленных и одаренных. К числу важнейших его работ также относятся "Начала социологии", "Грядущее рабство".

Г. Спенсер ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Глава первая

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО?

212. Вот вопрос, который должен быть поставлен и разрешен с самого начала. Пока мы не порешили, - смотреть ли на общество как на некоторое особое бытие (entity) или нет, пока мы не порешили, должно ли это бытие, если оно будет признано таким, считаться сходным с какими-либо другими бытиями (entities), или же оно должно считаться безусловно отличным от всех других, наше представление о предмете этого сочинения будет оставаться крайне неопределенным.

Можно было бы сказать, что общество есть лишь собирательное имя для обозначения известного числа индивидов. Переноса спор между номинализмом и реализмом в другую область, номиналист мог бы утверждать, что, подобно тому как существуют только отдельные члены известного вида (species), самый же вид, взятый независимо от них, не имеет действительного существования, так, точно существуют одни только общественные единицы, т.е. люди, существование же самого общества есть число словесное. Сославшись на пример аудитории, собирающейся для чтения какого-либо профессора и представляющей собой такой агрегат, который самим своим исчезновением по окончании каждого чтения показывает, что он не есть некоторый действительно существующий предмет, но лишь известная группировка личностей, он мог бы доказывать, что то же самое имеет место и по отношению к гражданам, составляющим собою всякий данный народ.

Но, не оспаривая остальных звеньев его аргументации, мы имеем полное право отвергать состоятельность последнего его звена. Ибо та группировка, которая оказывается в первом случае лишь временной, имеет во втором случае постоянный характер; а мы знаем, что индивидуальность от целого, в отличие от индивидуальности по отношению к его остальным частям, заключается именно в постоянстве отношений между его частями. Всякая цельная масса, разбившись на куски, перестает быть особым индивидуальным предметом; и наоборот, - камни, кирпичи, куски дерева и т.п., не имевшие вначале ничего общего между собою, будучи связаны друг с другом известным образом, становятся индивидуальным предметом, называемым домом.

Таким образом, мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие (entity); ибо хотя оно и слагается из отдельных (discrete) единиц, однако же постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного общего сходства в группировке этих единиц, в пределах занимаемой каждым обществом местности, указывает на известную конкретность составляемого ими агрегата. И именно эта черта и доставляет нам нашу идею об обществе. Ибо мы не даем этого имени тем переменчивым скоплениям, которые образуют первобытные люди, но прилагаем его только там, где оседлая жизнь привела уже к некоторому постоянству в распределении внутри общества составляющих его частей.

213. Но, решившись смотреть на общество как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь, - что же это за предмет? К какому роду объектов следует отнести его? При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств. Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, но может быть открыто только путем рассуждения. Коль скоро общество становится особым индивидуальным бытием (entity) в силу постоянства отношений между его составными частями, у нас сейчас же является вопрос - не представляют ли эти постоянные отношения между его частями каких-нибудь сходств с постоянными отношениями между частями, замечаемыми нами в каких-либо других бытиях (entities)? Единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей. Существуют два больших типа агрегатов, с которыми мы можем сравнивать общественный агрегат: класс агрегатов органических и класс агрегатов неоргани-

ческих. Спросим же себя теперь: представляют ли отличительные свойства общества, рассматриваемого особо от его живых единиц, какие-нибудь сходства со свойствами неживого тела? или же они сходны в каких-либо отношениях со свойствами живого тела? или же, наконец, они совершенно несходны ни с теми, ни с другими? Достаточно только поставить первый из этих вопросов, чтобы немедленно ответить на него отрицательно. Целое, состоящее из живых частей, не может сходствовать по своим общим отличиям с безжизненными целыми. Второй вопрос, не допускающий столь быстрого ответа, должен быть разрешен в положительном смысле. И следующая глава будет посвящена изложению тех оснований, которые позволяют нам утверждать, что постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого существа.

Глава вторая

ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ОРГАНИЗМ

214. Когда мы говорим, что явление роста одинаково свойственно как общественным, так и органическим агрегатам, то мы не хотим исключить этим всякую общность в этом направлении между этими агрегатами, с одной стороны, и агрегатами неорганическими, с другой, так как некоторые из последних, как например, кристаллы, обнаруживают заметный рост, и так как они все на основании гипотезы развития должны были возникнуть в то или в другое время путем интеграции. Тем не менее, сравнивая живые существа и общества с так называемыми неодушевленными предметами, мы видим, что первые обнаруживают постепенное увеличение в своей массе в столь резко заметной степени, что мы по справедливости можем считать это обстоятельство за отличительный признак, характеризующий собою эти два разряда агрегатов. Многие организмы растут в продолжение всей своей жизни; и все остальные растут в продолжение весьма значительной ее части. Что касается до общественного роста, то он обыкновенно продолжается или до того времени, когда общество распадается на два или несколько других, или до того, когда оно будет поглощено каким-либо другим обществом.

Итак, вот первая черта, в силу которой общества сходствуют с органическим миром и существенно отличаются от мира неорганического.

215. Другая отличительная черта как обществ, так и живых существ заключается в том, что рядом с увеличением в размерах у них наблюдается и увеличение сложности строения. Низшее животное, или зародыш высшего, обладает лишь немногими отличимыми друг от друга частями; но с увеличением общей массы тела число таких частей увеличивается, и в то же время эти части дифференцируются одна от другой. То же самое справедливо и по отношению к обществу. Вначале несходства между различными группами составляющих его единиц очень незначительны и по числу, и по степени; но с возрастанием народонаселения в данном обществе общественные разделения и подразделения становятся более многочисленными и более резкими. Кроме того, как в общественном, так и в индивидуальном организме дальнейшие дифференциации прекращаются только с завершением типа, характеризующим собою зрелый возраст и предшествующим упадку.

Хотя и в неорганических агрегатах - как например, в целой солнечной системе, равно как и в каждом из ее членов, - интеграции также сопровождаются структурными дифференциациями, однако здесь эти последние относительно медленны и относительно просты, а потому могут быть оставлены без внимания. Напротив того, в политических агрегатах и в живых существах умножение несходных между собою частей так велико, что оно по справедливости может считаться вторым существенным признаком сходства между ними, отличающим их от неорганических предметов.

216. Это сходство выступит еще с большей силой, когда мы обратим внимание на тот факт, что прогресс в структурной дифференциации сопровождается в обоих случаях прогрессивной дифференциацией отправлений.

Все более и более многочисленные отделы - первого, второго, третьего и т.д. порядков, - на которые распадается общая масса тела развивающегося животного, становятся все более и более несходными между собою вовсе не напрасно: разнообразие их наружных форм и внутреннего сложения влечет за собою и разнообразие тех действий, которые они выполняют: они вырастают в несходные органы, имеющие несходные отправления. Пищеварительный канал, принимая на себя сполна всю функцию поглощения питательных веществ, распадается постепенно на отдельные, отличные друг от друга участки, выполняющие каждый свою специальную функцию, составляющую часть общей функции всего пищеварительного канала. Каждый отдельный член, служащий для перемещения или для схватывания, претерпевает известные разделения и подразделения; причем получившиеся таким образом части выполняют каждый свою главную и вспомогательную функции всего члена. То же самое справедливо и по отношению к тем частям, на которые распадается общество. Возникающий в нем господствующий класс не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями; когда же этот класс распадается далее на подклассы, обладающие одни большей, другие - меньшей степенью господства, то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый свою совершенно особенную часть общего контроля. В классах, подчиненных такому контролю, наблюдается то же самое. Различные группы, на которые они распадаются, выполняют различные занятия; причем в пределах каждой из таких групп наблюдается опять-таки распадение на части, конечно, менее резко различающиеся между собою, чем главные группы, но тем не менее, отправляющие пропорционально отличные обязанности.

С этой стороны два сравниваемых нами класса предметов отличаются еще более ясным образом от предметов других классов, ибо все те структурные различия, которые медленно возникают в структурных агрегатах, никогда не сопровождаются чем-либо таким, что мы могли бы по справедливости назвать различными отправлениями.

217. Но почему же несходные действия несходных частей в политическом агрегате и в живом существе рассматриваются как настоящие отправления, между тем как мы не можем смотреть таким образом на несходные действия несходных частей, наблюдаемые нами в неорганическом агрегате? Чтобы понять это как следует, надо обратиться к дальнейшей, и еще более ясной, черте сходства между политическими агрегатами и живыми существами.

И у тех, и у других развитие вызывает не просто различия, но различия, определенно связанные друг с другом, - такие различия, из которых каждое делает возможными остальные. Различные части неорганического агрегата находятся в каких отношениях друг к другу, что одна из них может быть изменена в очень значительной степени, без заметного действия на остальные. Но в органических и политических агрегатах отношение между частями вовсе не таково. В каждом из них изменения в различных частях взаимно определяют друг друга, и измененные действия этих частей также находятся в тесной взаимной зависимости. В обоих случаях эта взаимосвязь возрастает вместе с прогрессом развития. У низших типов животного царства все тело есть желудок, все тело есть дыхательная поверхность, все тело есть орган движения, хватания и перемещения. Развитие такого тела, у которого имеются особые придатки для перемещения с места на место и для схватывания пищи, может иметь место лишь в том случае, когда эти придатки, утратившие способность к непосредственному поглощению пищевых веществ из окружающей среды, будут в достаточной мере снабжаемы пищею теми частями,

которые удержали способность к ее поглощению. Развитие дыхательной поверхности, служащей для снабжения воздухом образующихся в теле соков, может произойти лишь на том условии, чтобы неизбежная при этом утрата ею способности добывать себе материалы для восстановления потерь и для роста была вознаграждена развитием аппаратов, приносящих эти материалы. Точно то же имеет место и для общества. То, что мы совершенно правильно называем общественной организацией, представляет те же необходимые условия. В зачаточном обществе каждый член его есть одновременно воин, охотник, домостроитель, изготовитель всех необходимых орудий и проч., т.е. здесь каждая часть удовлетворяет сама всем своим нуждам. Переход к общественному состоянию, характеризующемуся существованием постоянной армии, может свершиться только с развитием в обществе таких приспособлений, в силу которых остальные его члены будут снабжать армию пищей, одеждой и боевыми снарядами. Если мы видим, что одна часть населения занимается исключительно земледелием, другая - горным делом, и т.д., что одни производят товары, а другие распределяют их и проч., - то мы видим также, что все это возможно лишь при одном условии, а именно: чтобы каждая часть в обмен за специальную услугу, оказываемую ею всем другим частям, получала, в свою очередь, от всех них соответственные доли их специальных услуг. Разделение труда - впервые указанное экономистами как общественное явление и вслед за тем признанное биологами за явление органической жизни и названное ими "физиологическим разделением труда" - есть именно та особенность, как в обществе, так и в животном мире, которая делает каждое из них живым целым. Едва ли я могу с достаточной силой настаивать на той истине, что по отношению к этой основной черте общественный организм и индивидуальный совершенно сходны друг с другом. Когда мы видим, что у животного прекращение деятельности легких быстро влечет за собою остановку сердца; что с абсолютным прекращением деятельности желудка и все остальные части мало-помалу перестают действовать; что паралич членов ведет к смерти всего тела вследствие неспособности добывать пищу и избегать опасностей; что потеря даже таких маленьких органов, как глаза, лишает остальные такой услуги, которая весьма существенна для их сохранения, - мы не можем не признать, что взаимная зависимость между всеми частями организма составляет его существенную отличительную особенность. Точно так же, когда мы видим, что и в обществе рабочие по железу должны прекратить свою деятельность, коль скоро рудокопы перестают снабжать их нужными материалами; что портные не могут продолжать своего дела при отсутствии прядильщиков и ткачей; что мануфактурные округа должны приостановить свою работу, коль скоро классы людей, занимающиеся производством и распределением пищи, прекратят деятельность; что контролирующая власть - правительство, присутственные места, суды, полиция - перестает быть способной поддерживать порядок, коль скоро содержимые ею в порядке части перестают снабжать ее всем необходимым для жизни, - мы обязаны признать, что и в обществе взаимная зависимость между всеми его частями столь же строга, как и в организме. Как ни отличны эти два класса агрегатов в других отношениях, но по отношению к этой основной черте и ко всему, что необходимо вытекает из нее, они вполне сходны друг с другом.

218. Чтобы видеть еще более ясно, каким образом жизнь целого слагается из комбинаций деятельностей его составных частей, находящихся в тесной взаимной зависимости, и каким образом отсюда вытекает несомненный параллелизм между национальной жизнью и жизнью индивидуальной, следует обратить внимание на тот факт, что жизнь каждого видимого организма слагается из жизней крошечных единиц, слишком мелких для того, чтобы быть видимыми невооруженным глазом. Неопровержимое доказательство этого факта может быть подчеркнуто нами из рассмотрения странного порядка *Muchomycetes*. Споры, или зародыши, одной из этих

грибных форм превращаются в ресничных монад, которые в продолжение некоторого времени обнаруживают очень деятельное движение по всем направлениям; по истечении же этого периода изменяются в форме и становятся похожими на амёб; в этой новой форме они опять-таки движутся туда и сюда, принимают пищу, растут и размножаются путем деления. Затем эти амёбообразные индивиды сползаются вместе в группы, и эти последние опять-таки сливаются между собою, составляя таким образом студенистую массу, иной раз едва видимую простым глазом, иной же раз достигающую величины ладони. Этот plasmodium, имеющий неправильную форму и представляющий в большинстве случаев сетчатую внешность при студенистом внутреннем строении, сам обнаруживает движение то в той, то в другой своей части, делающее его похожим на громадную корненожку (rhizopodes): он медленно ползает по поверхности гниющих веществ, а иной раз взбирается даже вверх по стеблям растений. Итак, мы имеем здесь осязательный пример союза множества мелких живых индивидов для образования нового, сравнительно большого агрегата, в котором они, по-видимому, утрачивают свою прежнюю индивидуальность, но жизнь которого, однако же, ясно складывается из комбинаций их жизней.

В других случаях на месте единиц, первоначально совершенно отдельных и лишь впоследствии теряющих свою индивидуальность путем агрегации, мы имеем такие единицы, которые, явившись на свет путем размножения одного и того же зародыша, не разлучаются одна с другой, но тем не менее обнаруживают вполне ясно каждая свою особенную жизнь. Роговые фибры живой губки всегда одеты студенистым веществом, которое, как показывает микроскопическое исследование, состоит из монад, одаренных движением. Рассматривая губку как целое, мы не можем отказать ей в жизни; ибо она обнаруживает многие деятельности, свойственные только агрегату с определенной индивидуальностью. Те из ее амёбообразных единиц, которые находятся на наружной ее поверхности, теряют отчасти свою прежнюю индивидуальность, сливаясь в род охранительного слоя, или кожи; ее волокнистый скелет, служащий для поддержания ее внешней формы, производится совокупной деятельностью составляющих ее монад; точно так же их совокупная деятельность обуславливает те потоки воды, которые вбираются в нее через мелкие отверстия и выталкиваются через крупные. Но хотя все это указывает на несомненное существование у губки слабой агрегативной жизни, однако же отдельные жизни мириад оставляющих ее единиц очень мало подчинены ее агрегативной жизни: все эти единицы представляют как бы народ, у которого имеются только слабые следы начинающегося разделения функций. Или, говоря словами профессора Гексли, "губка представляет роль подводного города, обитатели которого стоят вдоль его улиц и переулков таким образом, что каждый из них легко может вылавливать себе пищу из протекающей мимо него воды".

Даже у высших животных сохраняется возможность проследить это отношение между агрегативной жизнью и жизнями отдельных частей, составляющих данный агрегат. Кровь представляет жидкость, в которой, наряду с питательными веществами, обращается бесчисленное множество живых единиц - так называемых кровяных телец (или шариков). Каждое из этих кровяных телец имеет свою собственную историю жизни. На первой ступени своего развития каждое из них (известное в этот период жизни под именем белого кровяного тельца) обладает способностью к выполнению независимых движений, сходных с движением амёб; и хотя впоследствии в форме красного, сплющенного диска оно уже не обладает видимой деятельностью, однако же его индивидуальная жизнь продолжается. Впрочем, присутствие такой индивидуальной жизни может быть доказано не для одних только тех единиц, которые свободно плавают в жидкости, позволяющей легко усмотреть внешние проявления этой жизни. Многие слизистые поверхности, как например,

внутренняя поверхность дыхательных путей, одеты так называемым ресничным зрителем, т.е. слоем мелких клеточек, тесно прижатых друг к другу и обладающих каждая на своей свободной оконечности несколькими ресничками, находящимися в непрерывном движении. Качания этих ресничек существенно сходны с такими же качаниями ресничек у монад, живущих в многочисленных про-ходах, проникающих во всех направлениях обыкновенную губку; и как в губке совокупная деятельность этих реснитчатых монад гонит поток воды в известном направлении, так и здесь совокупная деятельность реснитчатых эпителиальных клеток гонит в известном направлении покрывающее их слизистое выделение. Если бы мы пожелали иметь еще более доказательств в пользу индивидуальной жизни каждой из этих эпителиальных клеток, то мы могли бы найти такое доказательство в факте, что будучи отделены одна от другой и положены в жид-кость, они "начинают двигаться туда и сюда с значительной быстротой, с по-мощью непрерывных волнообразных качаний тех ресничек, которыми они снабжены, и продолжают такое движение довольно значительное время".

Видя таким образом, что обыкновенный живой организм может быть рассматриваем как народ, состоящий из отдельных единиц, живущих каждая своей индивидуальной жизнью, причем некоторые из них обладают даже весьма значительной степенью независимости, мы легко поймем, что народ, составленный из человеческих существ, может быть вполне справедливо рассматриваем как организм.

219. Отношения между жизнью единиц и жизнью всего агрегата представляют собой еще одну отличительную черту, общую для рассматриваемых нами случаев. Жизнь агрегата может быть разрушена вследствие какой-нибудь катастрофы без непосредственного разрушения жизнью всех составляющих его единиц; и наоборот, если никакая катастрофа не сократит насильственно жизни агрегата, то эта жизнь по своей продолжительности далеко оставляет за собою отдельные жизни его единиц.

У холоднокровных животных реснитчатые клеточки продолжают выполнять свои движения с совершенной правильностью еще долго после того, как животное, часть которого они составляют, представляет недвижный труп; мышечные волокна еще долго сохраняют свою способность к сокращению под влиянием возбуждений; клеточки выделительных органов продолжают изливаться свои продукты если только им будем доставляться искусственным образом потребное для этого количество крови; и даже составные части целого органа - такие, как сердце - продолжают свою совокупную деятельность в течение многих часов после того как оно будет вырезано из тела животного. Подобным же образом промышленные деятельности, правительственные координации и т.п., составляющие собой коллективную жизнь народа, могут быть остановлены насильственным способом например, вследствие вторжения варваров, без непосредственной остановки деятельности всех составляющих этот народ единиц. Некоторые классы этих единиц - в особенности широко распространенные классы, занимающиеся производством пищи, - могут еще долго проживать в более отдаленных округах и продолжать свои индивидуальные занятия.

И наоборот, в обоих случаях жизнь агрегата значительно превосходит по своей продолжительности жизни его отдельных единиц, если ничто не приведет ее к насильственному концу. Каждый из мелких животных элементов, составляющих собою взрослое животное, зарождается, развивается, играет свою роль в общей экономике тела, затем умирает, разрушается и заменяется другим, между тем животное как целое продолжает существовать. В нижнем (глубоком) слое кожи идет постоянное образование новых клеточек путем деления: по мере своего вырастания клеточки эти отодвигаются наружу, сплющиваются, превращаются в наружный эпителий и, наконец, отшелушиваются и опадают, уступая свои места лежащим ниже более молодым клеткам. Клетки печени, разрастаясь от поглощения веществ,

из которых они отделяют желчь, под конец умирают, и освобожденные ими места занимают другим поколением клеток. Даже кость, кажущаяся такой плотной и такой инертной, проникнута повсюду кровеносными сосудами, приносящими материалы для замещения состарившихся составных частей новыми И такое замещение - в иных тканях - быстрое, в других - медленное - совершается в таких размерах, что в продолжении существования всего тела все части его разрушаются и воспроизводятся снова помногу раз. То же самое и в такой же мере имеет место и по отношению к обществу и его единицам. Все общество и каждый из его больших отделов продолжают сохранять из года в год свою целостность несмотря на смерть входящих в их состав отдельных граждан. Обширная фабрика, находящаяся в каком-нибудь мануфактурном городе и состоящая из живых общественных единиц, людей, продолжает производить известный продукт, удовлетворяющий известной национальной потребности, и продолжает оставаться по истечении целого века той же обширной фабрикой, несмотря на то, что и хозяева и рабочие, составлявшие ее сто лет назад, давным-давно исчезли с лица земли. То же самое имеет место даже по отношению к еще менее важным частностям промышленного устройства. Известная фирма, берущая свое начало от прошедших поколений, продолжает вести свои дела под именем своего первого основателя; все ее члены и служащие переменялись поодиночке, быть может, уже много раз, но самая фирма продолжает занимать прежнее положение в промышленном мире и поддерживать прежнее отношение к покупателям и продавцам. То же самое находим мы повсюду. Правительственные учреждения, как общего, так и местной характера, духовные корпорации, армия, всевозможные другие учреждения, вплоть до гильдий, цехов, клубов, человеколюбивых обществ и пр., обнаруживают весьма значительную продолжительность жизни, далеко превосходящую продолжительность жизни составляющих их личностей. Но этого мало. Нетрудно видеть, что в силу того же самого закона существование общества как целого значительно превосходит по своей продолжительности существование некоторых из этих составляющих его частей. Частные союзы, местные общественные учреждения второстепенные национальные учреждения, целые города, посвященные известной национальной промышленности, могут исчезать, между тем как сама нация, постоянно сохраняя свою целостность, будет увеличиваться в размерах и в сложности своего устройства.

В обоих случаях мы видим также, что взаимозаменяемые отправления различных отделов слагаются каждое из деятельности множества единиц и что умирание этих единиц одна за другой и замещение их новыми не влияет чувственным образом на то отправление, в котором они принимали участие. Каждый саркозный элемент мышцы изнашивается в свою очередь, удаляется прочь и замещается новым; но остальные ее элементы продолжают свои совокупные сокращения по-прежнему; точно также выход в отставку какого-нибудь общественного деятеля или смерть какого-нибудь торговца нарушают лишь весьма малозаметным

образом деятельность торгового учреждения или отдела того промышленного предприятия, в котором он принимал участие.

Вследствие этого в социальном организме, как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизни отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних.

220. От этих сходств между социальным и индивидуальным организмами мы должны обратиться к рассмотрению трех крайних несходств, которые существуют между ними. Все части животного образуют одно конкретное целое; но части, составляющие общество, образуют такое целое, которое должно считаться раздельным (*discrete*), а не конкретным. Живые единицы, составляющие собой животное, тесно связаны между собою и находятся в непосредственном или почти непо-

средственном соприкосновении друг с другом; тогда как живые единицы, составляющие собой общество, свободны, не находятся в тесном соприкосновении, не рассеяны более или менее далеко друг от друга. Каким же образом можно толковать после этого о каком-либо параллелизме между обществом и организмом?

Хотя это различие имеет основной характер и, по-видимому, устраняет всякую возможность сравнения, однако внимательное исследование доказывает, что оно менее важно, чем это может казаться с первого взгляда. Позже я покажу, что даже при полном допущении этого различия оно ничуть не противоречит принятию указанной аналогии; но теперь посмотрим, каким образом всякий желающий мог бы доказать, что даже и в этом отношении здесь чувствуется более сходства, чем может показаться с первого поверхностного взгляда.

Человек, пожелавший доказать это, мог бы утверждать, что физически непрерывное тело животного не состоит повсюду из живых единиц; но что оно составлено в значительной мере из обособившихся частей, которые были образованы вначале жизнедеятельными частями, но позже сделались полуживыми или даже стали вовсе безжизненными. Взять для примера протоплазматический слой, лежащий под кожей, он мог бы сказать, что этот слой состоит действительно из живых единиц; но что образующиеся в нем клетки, переходя в эпителиальные чешуйки, превращаются в инертный охранительный аппарат; затем указав на нечувствительные ногти, волосы, рога, зубы, образующиеся из этого слоя, он мог бы прибавить, что хотя все эти образования суть составные части организма, однако же они едва ли могут быть названы его живыми частями. Следуя далее тем же путем, он мог бы сказать, что и во всех других частях организма существуют такие протоплазматические слои, из которых вырастают ткани, слагающиеся в различные органы; что эти слои одни только остаются вполне живыми, между тем как развивающиеся из них аппараты теряют свою жизненность пропорционально степени своей специализации; в подтверждение чего он мог бы указать на хрящи, тяжи (сухожилия) и соединительную ткань, которые обнаруживают весьма заметным образом низкую степень присущей им жизненности. Из всего этого он мог бы вывести заключение, что хотя тело животного представляет непрерывное целое, однако его существенные единицы, рассматриваемые сами по себе, образуют такое непрерывное целое только там, где мы находим протоплазматические слои.

Вслед за этим он постарался бы доказать, что социальный организм при правильном взгляде на него представляется гораздо менее прерывистым, или раздельным, чем это может показаться сначала. Он мог бы утверждать, что подобно тому, как мы включаем в индивидуальный механизм наряду с вполне живыми его частями, также и менее живые и даже вовсе безжизненные его части имеющие свою долю участия в полной деятельности всего целого; так точно мы должны включать и в общественный организм не одни только наиболее жизненные единицы - человеческие существа, которые определяют в главной мере наблюдаемые в нем явления, - но также различные роды домашних животных, которые, стоя ниже на лестнице жизни, оказывают тем не менее человеку свое содействие под его непрерывным контролем; равно как и еще более низко стоящие аппараты - растения, - которые, размножаясь под влиянием и при содействии человека, доставляют материалы для животной и человеческой деятельности. В защиту такого взгляда он бы мог указать на то, в какой мере эти низшие классы организмов сосуществуют с людьми в составе обществ, влияют на склад и деятельность общества в различных случаях, до какой степени различные особенности пастушеского типа зависят от рода воспитываемых животных, и в какой мере в оседлых обществах растения, доставляющие пищу, материалы для пряжи и ткань и пр., определяют собою те или иные особенности общественного склада, те или другие формы различных общественных деятельностей. Показав все это, он мог бы

сказать: так как физические и душевные особенности человеческих единиц, равно как и их повседневные действия, складываются в известной мере под влиянием этих животных и растений, которые, живя при помощи людей и, в свою очередь, помогая жить людям, проникают так глубоко в общественную жизнь, что составляют даже предмет попечений законодательства, то эти низшие существа не могут быть по справедливости исключены из представления об общественном организме. Резюмируя все сказанное, он мог бы вывести такое заключение: если включить в состав общества наряду с человеческими существами и все остальные менее жизнедеятельные его единицы, т.е. животные и растения, населяющие занимаемую обществом поверхность, то получится такой агрегат, в котором непрерывность между частями будет приближаться гораздо более к тому, что мы видим в индивидуальном организме, чем это можно было подумать с первого взгляда. Кроме того, в этом случае общество будет сходствовать с организмом еще с той стороны, что оно также окажется составленным из местных агрегатов в высшей степени жизненных единиц, погруженных в обширный агрегат единиц, представляющих различные, более низкие степени жизненности; причем эти низшие единицы производятся в известном смысле высшими единицами, видоизменяются ими и получают под их влиянием то или другое расположение в пространстве и времени. Впрочем, даже и не разделяя этого взгляда, но допуская вполне, что раздельность (discreteness) общественного организма стоит в резком противоречии с цельностью (concreteness) организма индивидуального, мы все-таки имеем возможности легко устранить сделанное выше возражение.

221. Хотя в индивидуальном организме непрерывная связь между частями составляет необходимое условие для той взаимной кооперации частей, посредством которой выполняется его жизнь; и хотя члены социального организма, не образуя конкретного целого, не могут достигать такой взаимной кооперации путем физических влияний, передаваемых непосредственно от одной части к другой, они могут достигать и действительно достигают такой кооперации, только путем. Хотя они и не находятся во взаимном соприкосновении, тем не менее они влияют друг на друга через промежуточные пространства при помощи языка чувств и языка ума, словесного и письменного. Для выполнения взаимозависимых действий необходимо, чтобы побудительные импульсы, приспособленные друг к другу со стороны качества, количества и времени, могли передаваться от одной части к другой. В живом существе это требование выполняется при помощи особых молекулярных волн, которые у низших типов неопределенно разливаются по всем направлениям, а у высших передаются по совершенно определенным каналам, функция которых получила знаменательное название посреднической (internuncial). В обществах это требование выполняется при помощи знаков, символически выражающих чувства и мысли и передающихся от одной личности к другой, сначала весьма неопределенным образом и лишь на коротких расстояниях, а потом более определенно и на более значительные расстояния. Другими словами, посредническая функция, не достижимая здесь путем физической передачи стимулов, выполняется тем не менее с помощью языка.

Таким образом и здесь устанавливается настоящим образом та взаимосвязь частей, которая составляет организацию. И хотя социальный организм не конкретен, а разделен, но это обстоятельство делает его тем не менее настоящим живым целым.

222. Только что рассмотренное нами возражение и данный на него ответ приводят нас косвенным путем к другому контрасту между обществом и организмом, контрасту, имеющему очень знаменательный смысл и влияющему основным образом на нашу идею относительно той цели, к осуществлению которой должна стремиться общественная жизнь.

Хотя раздельность социального организма не препятствует разделению отправления и взаимной зависимости частей, однако она не позволяет такой дифференциации зайти так далеко, чтобы одна часть сделалась органом чувства и мысли, а остальные части взамен того утратили совершенно всякую чувствительность. Высшие животные, к какому бы классу они ни принадлежали, отличаются от низших сравнительной сложностью нервной системы и сравнительным совершенством ее интеграции. В то время как у низших типов их мелкие, рассеянные нервные узелки существуют, можно сказать, только для блага других аппаратов; концентрированные узлы высших типов представляют, наоборот, другие аппараты, для блага которых, можно сказать, существуют все остальные. Хотя развитая нервная система управляет действиями всего тела таким образом, чтобы сохранить его целостность, однако конечной целью всех этих действий служит благосостояние самой нервной системы: так как вред, нанесенный какому-нибудь органу, получает важность только вследствие того, что он причиняет нервной системе непосредственным или отдаленным образом известное страдание или лишает ее известного удовольствия. Но раздельность общества отрицает возможность проведения в нем Дифференциации до этой крайней степени. В индивидуальном организме большая часть его мелких живых единиц локализована постоянным образом; большинство их зачинается, вырастает, действует, размножается и умирает на том же самом месте, а потом все эти прочно локализованные единицы в течение бесконечного Рода поколений, так сказать, пригоняются каждая к своей функции, так что некоторые из них становятся особенно чувствительными, а другие совсем бесчувственными. Но в социальном организме мы видим иное. Его составные единицы, не сходясь в непосредственном соприкосновении и будучи удерживаемы в своих вносительных положениях с меньшей строгостью, не могут дифференцироваться в такой мере, чтобы одни из них стали совсем бесчувственными, а другие иополизировали себе всякое чувство. В действительности и тут существуют слабые следы такой дифференциации.

Человеческие существа несходны между собою по отношению к количеству ощущения и чувства, вызываемых в них одинаковыми причинами, в одних из них замечается значительная черствость, в других - значительная восприимчивость. Контрасты этого рода могут быть постоянно наблюдаемы в пределах одного и того же общества даже тогда, когда его члены принадлежат к одной и той же расе; и особенно в тех случаях, когда члены его принадлежат к двум различным расам - господствующей и покоренной. Единицы, занимающиеся ручным трудом и ведущие тяжелую жизнь, вообще менее чувствительны, чем единицы, работающие головой и лучше обеспеченные в своей жизни. Но хотя регулятивные (правительственные) аппараты социального организма действительно стремятся - подобно регулятивным аппаратам индивидуального организма - стать исключительным сидалищем чувствования, однако это стремление постоянно сдерживается отсутствием здесь той физической непрерывности, которая ведет к постоянству отправления; оно сдерживается также и тем обстоятельством, что даже единицы, занимающиеся ручным трудом, постоянно нуждаются в чувствовании для должного выполнения своих функций.

Итак, вот в чем состоит основное отличие между этими двумя родами организмов. В одном сознание концентрировано в одной небольшой части агрегата. В другом сознание разлито по всему агрегату: все его единицы способны чувствовать наслаждение и страдание, если не в равной степени, то приблизительно одинаково. Следовательно, тут не существует ничего похожего на какое-либо "общественное чувствилище" (social sensorium), а поэтому благосостояние агрегата, рассматриваемое независимо от благосостояния составляющих его единиц, никогда не может считаться целью общественных стремлений. Общество существует для блага своих

членов, а не члены его существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политичес-кого агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе - суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц.

223. Высказав это последнее соображение, которое должно считаться скорее отклонением от предыдущей аргументации, чем ее продолжением, вернемся теперь назад и перечислим вкратце те различные доводы, которые принуждают нас смотреть на общество как на организм.

Общество обнаруживает явление постоянного роста, по мере его возрастания части его, становясь несходными друг с другом, обнаруживают увеличение сложности строения; в то же самое время эти несходные части принимают на себя выполнение несходных деятельностей; эти деятельности не только различны между собою, но еще эти различия находятся в таких отношениях друг к другу, что делают возможными одни другие; являющаяся таким образом взаимная помощь вызывает взаимную зависимость всех частей общества; и эти взаимозависимые части, живя при помощи друг друга и друг для друга, образуют агрегат, построенный на том же самом общем начале, как и индивидуальный организм. Аналогия между обществом и организмом становится еще яснее, когда мы узнаем, что каждый организм сколько-нибудь заметного объема есть общество; а также когда мы узнаем далее, что в обоих случаях жизнь единиц продолжается еще в течение некоторого времени после того, когда жизнь агрегата будет неожиданно остановлена каким-нибудь насильственным способом; и что в обоих случаях жизнь агрегата, не будучи остановлена путем насилия, далеко превосходит по своей продолжительности жизни его единиц. Хотя один из сравниваемых нами агрегатов конкретен, а другой разделен (discrete), и хотя это обстоятельство влечет за собою различие в тех целях, которые достигаются организацией в каждом из этих двух случаев, однако оно не влечет за собою различия со стороны законов организации, которые одинаковы для обоих случаев; ибо необходимое условие каждой организации, а именно - возможность для всех частей организма влиять друг на друга - существует и в обществе, хотя оно и выполняется здесь не прямым, а косвенным путем.

рассмотрев таким образом в самых общих формах те доводы, которые заставляют нас смотреть на общество как на организм, мы можем считать себя достаточно подготовленными к тому, чтобы проследить это сравнение в его подробностях. Мы увидим, что чем далее мы будем следить за этой аналогией, тем более мы будем убеждаться в ее верности.

Глава третья

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РОСТ

224. Общества, как и живые существа, начинаются из зародышей, т.е. берут свое начало от таких скоплений, величина которых крайне ничтожна по сравнению с той, которой они достигают впоследствии. Никто не решится оспаривать того факта, что самые большие общества возникли вначале из небольших кочующих орд, подобно тем, которые мы встречаем теперь у самых низших человеческих рас. Орудия и утварь у доисторических народов оказываются более грубыми, чем даже те, которые употребляются нынешними дикарями, что указывает на отсутствие у них тех искусств, которые одни только делают возможными обширные скопления людей. Некоторые религиозные обряды, сохранившиеся в культах древних исторических рас с незапамятных времен, указывают на тот период цивилизации, когда прародители этих рас употребляли кремневые ножи и добывали огонь из дерева посредством трения, и потому должны были жить маленькими группами, которые одни только могут существовать до появления земледелия.

Смысл всех этих фактов тот, что процесс интеграции, прямой и косвенный, породил в течение времени такие общественные агрегаты, которые по своей обширности превосходят в миллионы раз те мелкие общественные агрегаты, которые одни только существовали в самые отдаленные времена человеческой истории. И так общественный рост по достигаемым им размерам оказывается аналогичным росту живых существ.

225. Это черта надорганического развития сходствует с соответствующей ей чертой органического развития еще с той стороны, что в обоих случаях агрегаты различных классов обнаруживают явления роста в чрезвычайно различной степени.

Пересматривая наскоро всю совокупность животных типов, мы видим, что члены обширного класса Protozoa редко вырастают за пределы того микроскопического объема, с которого начинает свое развитие всякое высшее животное. У многочисленных и разнообразных Coelenterata величина тела колеблется между размерами маленькой гидры и большой медузы. У кольчатых и мягкотелых контраст между самыми крупными и самыми мелкими их представителями может быть назван громадным. Точно так же и позвоночные, будучи в среднем выводе крупнее остальных классов, обнаруживают огромные различия между отдельными своими членами со стороны достигаемых ими размеров.

Подобные же различия со стороны роста поражают нас и при обозрении всей совокупности людских обществ. Многие области земного шара представляют нам мелкие, рассеянные орды - эти выжившие донные образчики первобытного общественного типа. Так мы имеем тут Лесных Веддахов, живущих иной раз одиночными парами, и только изредка сбивающихся в небольшие группы; далее мы имеем

бушменов, блуждающих по своим пустыням отдельными семьями и лишь случайно образующих более крупные группы; затем мы имеем огнеземельцев, живущих по дюжине вместе или, редко, человек по двадцати. У Австралийцев, Тасманийцев, Андаманцев число членов в отдельном племени колеблется, быть может, между двадцатью и пятидесятью. Такое же ограничение численности племени этими первобытными размерами встречаем у эскимосов, где обитаемая страна чересчур негостеприимна для человека; у индейцев из племени Даггер, где размножению мешает слишком слабое развитие житейских искусств; и у некоторых из горных племен Индии, каковы Джуанги, где дальнейший общественный рост встречает себе помеху со стороны соседних, более высоких рас. Но там, где плодородная почва доставляет много пищи, и там, где более оседлая жизнь, порождая земледелие, опять-таки увеличивает запас пищи, мы находим более обширные общественные агрегаты, например, на островах Полинезии и во многих областях Африки. Тут, местами сотня или две, местами несколько тысяч, а местами и много тысяч людей удерживаются вместе более или менее совершенным образом и составляют более или менее плотную массу. И, наконец, в наиболее высоких обществах вместо отчасти сплоченных тысяч мы имеем вполне сплоченные миллионы.

226. Рост индивидуального организма и рост общественного организма сходны между собою еще в другом отношении. В каждом из этих случаев увеличение размера совершается с помощью двух процессов, которые имеют иной раз место порознь, а иной раз вместе. Возрастание размера может совершаться или путем простого увеличения единиц, ведущего к увеличению группы, или путем слияния между собою уже сложившихся групп, причем получившиеся таким путем группы групп могут снова сливаться между собою. Параллелизм первого способа для обоих случаев слишком прост, чтобы нуждаться в пояснениях; но второй случай должен быть пояснен фактами, в которых он обнаруживается.

Органическая интеграция была уже подробно рассмотрена в "Основаниях Биологии" (п. 180-211); но здесь мы должны снова припомнить ее вкратце, чтобы

сделать наше сравнение понятным. Прежде всего взглянем на органическую группировку первой, второй, и т.д. степеней, обнаруживающуюся в растительном царстве, так как здесь она может быть прослежена с большей легкостью.

Растения самых низших порядков представляют просто крошечные клеточки, неисчислимые мириады которых то окрашивают собою стоячие воды, то образуют зеленые пленки, одевающие различные сырые поверхности. Путем слияния таких клеточек образуются маленькие, нежные нити, кружки, шарики, и пр., равно как и бесформенные или же пластинчатые массы. Когда такая пластинчатая масса не представляет почти никакой дифференциации, как у морской водоросли, она называется ростцем, или слоевищем (*thallus*), когда же она представляет кое-какие признаки внутреннего строения, как у некоторых вышестоящих тайнобрачных, она называется листовищем, или вайею (*frond*); но и в том, и в другом случаях эта масса представляет обширную, но простую группу одноклеточных проторфитов, упомянутых нами с самого начала. Такие листовища опять-таки соединяются между собой у некоторых низших тайнобрачных лишь временным образом, у высших же - в совершенно постоянные группы, причем является ряд листовых поверхностей, соединенных между собою ползучим стеблем. Отсюда является потом явно-брачная ось, т.е. побег с его листовыми органами, или просто листьями. Другими словами, тут является уже группа групп, имеющая постоянный характер. Затем, когда из этой оси разовьются побочные оси, а из них опять ветви, веточки и т.д., то мы получим ряд сложных органических группировок все более и более высоких степеней. В животном царстве происходит то же самое, только в менее правильной и более скрытой форме. Самое маленькое животное, как и самое маленькое растение, есть крошечная группа живых молекул, или физиологических единиц. Эти самые маленькие животные сливаются в новые группы, представляющие много различных форм и ступеней. В некоторых случаях, как, например, у сложных *Vorticellae* и у губок, их индивидуальности почти нисколько не затемняются индивидуальностью составленного ими агрегата; но с прогрессивным развитием сложного агрегата индивидуальности составляющих его агрегатов становятся менее и менее ясными. Так, например, хотя в некоторых *Coelenterata* они и удерживают еще начительную самостоятельность - что можно видеть из того, что, будучи отдалены от составленного ими агрегата, они движутся на манер амёб, - однако уже и здесь их индивидуальности поглощаются в очень значительной мере индивидуальностью составленного ими агрегата, как в этом можно убедиться на примере обыкновенной гидры. Из совокупности этих вторичных агрегатов возникают подобным же образом третичные агрегаты. Различные формы и фазисы этого процесса могут быть наблюдаемы на многочисленных типах порядка *Coelenterata*. Здесь мы имеем ввиду ветвистую гидру, в которой отдельные полипы сохраняют каждый свою индивидуальность, общий полипняк служит только для удержания их вместе; затем тут имеются такие формы, как *Verella*, в которой составляющие ее полипы до такой степени изменены и слиты друг с другом, что их индивидуальность долго ускользала от взора наблюдателей. Между *Mouscoida* мы имеем и слабо связанные третичные агрегаты - в отряде *Salpidae*, где эта сплоченность третичного агрегата почти совершенно затемняет индивидуальности составляющих его вторичных агрегатов. То же самое видим мы и у некоторых кольчатых типов (*Annulosa*) и, как я старался доказать, у всех вообще *Annulosa*.

Общественный рост совершается путем подобного же слияния общественных групп различных степеней. Первичная общественная группа - подобно первичной группе физиологических единиц, с которой начинается органическое развитие, - никогда не достигает сколько-нибудь значительного размера путем простого разрастания. Рассматривая такие крайние примеры, как те, что доставляются нам Огнеземельцами, у которых скудность запасов естественной пищи, доставляемой им

их суровым обиталищем, не позволяет жить в одном месте более чем два дати человекам или около того; или Андаманезцами, принужденными ограничиваться узкою береговою полосой, запертою сзади непроницаемою лесною чащею, где сорок человек есть наибольшее число, могущее найти себе достаточно добычи, не удаляясь слишком далеко от своих временных жилищ; или Бушменами, блуждающими по голым пустыням, где могут существовать только самые маленькие орды, и где даже отдельная семья "бывает вынуждена иной раз разойтись в разные стороны, ибо одно и то же место не может доставить ее членам такого количества пищи, которого хватило бы на пропитание их всех", мы видим, что во всех этих случаях группа наталкивается при своем разрастании на некоторые неизбежные пределы, перейдя которые, она бывает вынуждена отделить и отослать от себя образовавшийся избыток, который складывается в новую маленькую группу, подобную первоначальной. Даже в довольно плодоносных обиталищах общественные группы по истечении некоторого времени бывают вынуждены к подобному же распадению на части. Увеличиваясь в своей численности, первобытное племя распространяется все шире и шире и, под конец, развивается так широко, что различные его части теряют взаимную связь и распадаются на независимые группы, которые, с превращением их постоянно расходящихся диалектов в различные языки, превращаются сами в различные племена. Часто за этим не следует ничего другого, кроме повторения того же процесса. Взаимные столкновения племен, уменьшение и умирание одних, разрастание и самопроизвольное разделение других продолжают тянуться из века в век бесконечную чередою. Образование более крупного общества происходит только путем комбинаций этих более мелких обществ; причем разделения, вызванные прежними распадами, не стираются вследствие этого процесса. Процесс этот может быть наблюдаем еще и теперь на различных своих ступенях у многих нецивилизованных рас, где он проходит так, как он происходил когда-то у предков прежних и нынешних цивилизованных рас. Вместо абсолютной независимости мелких орд, наблюдаемых нами у самых низших рас, мы находим у дикарей продвинувшихся уже несколько по пути развития, присутствие некоторой, хотя и слабой, связи между их несколько более крупными ордами. В Северной Америке каждое из трех больших племен Команчей состоит из многих банд, связанных между собою с помощью лишь тех слабых уз, которые вытекают из личного характера Великого Вождя. Племя Дакотов состоит, по словам Бертона, из семи главных банд, распадающихся каждая на несколько меньших, общее число которых, по свидетельству Кэтлина, простирается до сорока двух; подобным же образом пять Ирокезских народцев распадаются каждый на восемь племен. При благоприятных условиях из этих слабо связанных между собою первоначальных групп возникают союзы более тесного свойства; но такие союзы лишь очень редко получают постоянный характер. Самая обыкновенная форма этого процесса изображена Масоном в его описании Каренов: "Каждая деревня с ее бедными владениями есть независимое государство, и каждый вождь есть самостоятельный государь; но от времени до времени появляется между ними маленький Наполеон, который подчиняет себе королевство и основывает империю. Однако такие династии не переживают своего основателя". Подобное же мы видим и в Африке. Лингвистон говорит: "Прежде все Маганджийцы состояли под управлением своего великого вождя Унди... но по смерти Унди королевство его распалось на куски... Такое распадение составляет с незапамятных времен неизбежную судьбу всякой африканской империи". Только случайно возникают сложные общественные агрегаты, выдерживающие такую связь в продолжение значительного периода времени, как например, королевство Дагомейское или королевство Ашантиев, которые представляют собрание мелких государств, обязанных чем-то вроде феодального подчинения одному общему государю. В истории Мадагаскара и разных

Полинезийских островов мы также видим беспрестанно такие сложные общественные группы временного характера, причем в некоторых случаях из них слагаются под конец постоянные группы. Вымершие цивилизованные расы в древнейшие времена своей истории прошли через такие же ступени. По словам Масперо, Египет "в самом начале был населен большим числом племен, которые потом стали слагаться одновременно в различных его пунктах в маленькие независимые государства, имевшие каждое свое собственное законодательство и свой собственный культ". Первыми сложными общественными группами, возникшими между Греками, были те маленькие группы, которые явились вследствие покорения более слабых городов их более сильными соседями. А в Северной Европе во время ее языческого периода образчиками этой второй ступени агрегации были многочисленные Германские племена с их кантональными подразделениями внутри каждого отдельного племени. Когда такие сложные общества достаточно сплотятся, повторение того же самого процесса, но в еще более широких размерах, приводит к образованию обществ двойной сложности, которые обыкновенно обнаруживают лишь весьма слабую внутреннюю связь, но в некоторых случаях становятся вполне связанными и прочными агрегатами. Масперо говорит, что те мелкие государства, из которых состоял в древности Египет и которые произошли путем интеграции населявших его племен, слились впоследствии в два больших княжества - Верхний Египет и Нижний Египет, - а эти последние слились, в свою очередь, в одно большое государство, причем прежние мелкие государства стали его провинциями хвастливые летописи Месопотамских царей также повествуют о подобном соединении воедино прежних независимых союзов. Также и в Греции та интеграция, которая была вначале лишь местною, начала впоследствии стягивать все режние маленькие общества в две большие конфедерации. То же самое произошло и в Европе, как до, так и после христианской эры. Во времена Римской истории многие племена сливались в федерации ввиду оборонительных целей; с течением времени эти федерации приобрели значительную прочность, а еще позже ошли сами в состав еще более обширных агрегатов. После того за периодом неопределенных и изменчивых комбинаций наступило, в позднейшие времена, слияние мелких феодальных областей в провинции, а этих последних - в королевства, как это мы можем видеть, например, из истории Франции.

Так что и в органическом, и в надорганическом росте мы видим один и тот же процесс сложения, или слияния, восходящий последовательно все выше и выше. В обоих случаях за некоторой консолидацией самых мелких агрегатов идет процесс образования самых крупных агрегатов путем соединения первых в одну общую группу; и в обоих случаях повторение этого процесса превращает вторичные агрегаты в третичные.

227. Органический рост и надорганический представляют еще одну аналогию. Выше мы уже сказали, что разрастание путем умножения числа индивидов в группе может иметь место одновременно; и, действительно, такое одновременное разрастание этими двумя путями наблюдается в обоих сравниваемых случаях.

Первоначальные группы в животном и общественном мире не только незначительны по своим размерам, но и рыхлы. Существа низших типов занимают очень много пространства сравнительно с количеством содержащегося в них животного вещества; точно так же и общества низших типов распространяются на обширные пространства сравнительно с числом составляющих их индивидов. Но как в животном мире интеграция проявляется столь же в концентрации, как и в объеме, так точно и общественная интеграция, являющаяся результатом слияния отдельных групп, дополняется процессом умножения числа индивидов в каждой группе. Если мы сравним населенность областей, обитаемых дикими племенами, с населенностью Европейских областей таких же размеров, или мы сравним густоту

населения Англии во время гепархии с нынешней густотой ее населения, то мы увидим, что кроме разрастания, которое вытекало из слияния отдельных групп, здесь постоянно шло еще и разрастание путем заполнения свободных промежутков. Высшее животное не только больше низшего, но и плотнее его; и тот же самый результат получается из сравнения высшего общества с низшим.

Итак, общественный рост, подобно росту живого существа, обнаруживает перед нами основную черту развития с двух ее сторон. И в том, и в другом случае интеграция обнаруживается двояким образом: в достижении более объемистой массы, и в прогрессивном приближении этой массы к тому состоянию сплоченности (coherence), которое обуславливается тесным сближением ее частей.

Впрочем, справедливость требует прибавить, что существует такой способ общественного роста, который не находит себе ни малейшей аналогии в органическом росте - это рост путем миграции, или перехода единиц из одного общества в другое. У многих первобытных групп и у немногих развитых фактор этот имеет немалое значение; но вообще, влияние его столь ничтожно по сравнению с влиянием роста путем умножения населения и путем слияния прежних независимых групп, что он не изменяет в сколько-нибудь заметной степени рассматриваемой нами аналогии.

Глава четвертая

ОБЩЕСТВЕННОЕ СТРОЕНИЕ

228. В обществах, как и в живых существах, возрастание общей массы сопровождается обыкновенно возрастанием сложности строения, параллельно с той интеграцией, которая составляет первичную черту развития, заключающуюся в дифференциации.

Совокупный ход этих двух явлений в животном царстве был описан в "Основаниях Биологии" (44). Мы видели там, что за исключением некоторых низших родов животных, деятельности которых стоят немногим выше деятельности растений, во всем этом царстве господствует тот общий закон, что крупные агрегаты обладают высокой организацией. Ограничения этого закона, обуславливаемые различиями среды, местообитания, типа и пр., весьма многочисленны; но все эти ограничения оставляют неприкосновенною ту истину, что для выполнения сложной жизни крупной массы требуется сложное устройство. То же самое справедливо и для общества. Восходя от самых мелких групп к более крупным, от простых групп к сложным, от сложных групп к группам двойной сложности, мы замечаем постоянное возрастание несходств между частями группы. Общественная масса очень мелких размеров отличается однородностью своего состава, но с каждым увеличением ее размера увеличивается обыкновенно и ее разнородность; для достижения же значительного объема требуется приобретение значительной разнородности. Взглянем же вкратце на те последовательные ступени, через которые она проходит при этом.

Весьма существенно, что при таком быте, как быт Кайягуасов, или Лесных Индейцев Южной Америки, у которых "каждая семья живет на некотором расстоянии от остальных", невозможна никакая общественная организация; и что даже там, где между отдельными семьями уже существует кое-какая слабая связь, такая организация не может установиться, пока эти семьи слишком немногочисленны и ведут блуждающую жизнь. Группы Эскимосов, Австралийцев, Бушменов, Огнеземельцев, и т.п. не обнаруживают даже того первичного контраста между общественными частями, который выражается в установлении звания вождя или главы племени. Члены этих групп не подчинены никакой власти, кроме той, которая случайно и временно достается в удел более сильному или более смышленому, или более опытному; так что такие группы не имеют даже центрального звена. Повсюду, где существуют простые группы сколько-нибудь значительных размеров, мы находим обыкновенно род какого-нибудь главы. Нельзя сказать, чтобы это правило

не имело исключений (ибо, как мы увидим впоследствии, генезис контролирующей власти зависит от рода общественной деятельности), но все-таки его можно считать общим правилом. Группы, не имеющие глав и вполне свободные от всякого подчинения и управления, бывают недостаточно связаны и распадаются на части прежде, чем успеют достигнуть значительных размеров; но во всяком постоянном агрегате, достигающем до сотни человек или превосходящем эту цифру, мы находим обыкновенно простой или сложный правительственный аппарат, т.е. одного человека или большое число людей, заявляющих притязание на власть - естественную или сверхъестественную, или на ту и другую власть, - действительно пользующихся такой властью. В этом состоит первая общественная дифференциация. Вскоре, вслед за нею, возникает обыкновенно вторая дифференциация, стремящаяся установить разделение между направительную (regulative) и исполнительную (operative) частями общества. У самых низших племен это ление выражается в грубой форме в различии относительно положения и сительных обязанностей двух полов: мужчины, обладая неограниченной властью, занимаются только внешними делами, знакомыми данному племени, главным образом войною; женщины представляют покорных домашних рабов, выполняющих менее замысловатые деятельности в процессе прокормления семьи. Но с увеличением численности племени и с развитием и укреплением главенства ведущими обыкновенно к военному превосходству над соседними племенами, является постепенно расширение исполнительной части путем присоединения к ней пленников. Процесс этот начинается незаметным образом. В то время как мужчины, участвовавшие в битве, избиваются и часто поедаются, личности, не принимающие участия в битве, обращаются в рабство: так, например, Патагонцы порабащают женщин и детей, взятых на войне. Позднее, особенно с прекращением людоедства, является обращение в рабство пленных мужчин, откуда возникает в некоторых случаях исполнительная часть, резко отличающаяся от направительной. Росс сообщает нам, что у Чинуков "рабы исполняют все трудные работы". Известно также, что племя Белучу избегает тяжелых трудов, связанных с обработкой земли, покоренных ими под свою власть. По словам Бичами, на Золотом берегу существует обычай заставлять рабов расчищать новые земли под пашни, а у Фелатхов "рабы-мужчины употребляются для построек, для кузнечного дела, для тканья, для изготовления одежды и обуви и для торговли; а рабы-женщины - для прядения, для печенья хлеба и для продажи воды по улицам".

С дальнейшим возрастанием общественной массы, обусловленным слиянием первичных общественных агрегатов во вторичные, начинает возникать дальнейшее несходство между их частями. Сдерживание вместе сложной группы предполагает существование одного общего главы всего этого целого, равно как и второстепенных глав, управляющих отдельными частями; поэтому тот же самый процесс, который породил вначале главу племени, - или аналогичный этому процесс - порождает теперь главу глав, или вождя вождей. Иногда такое слияние прежних независимых племен предпринимается для защиты против общего врага; иногда же оно является результатом покорения одним племенем остальных. В этом последнем случае господствующее племя, стремясь удержать свою власть, развивает в более высокой степени свои военные качества и становится таким образом несходным с остальными.

Когда такая группа групп сплотится настолько, что ее соединенные силы будут поддаваться управлению одного правящего аппарата, она нередко вступает в союз с другими столь же сложными группами или покоряет себе такие группы, причем и в первом и во втором случаях дело может кончиться полным слиянием двух или нескольких таких сложных групп; затем за таким слиянием следует еще большее усложнение правительственного аппарата с его королем, областными правителями

и мелкими начальниками; в то же самое время тут возникает более резкое разделение на классы: воинов, жрецов, рабов и пр., но нам нет никакой надобности следить за этим процессом в его подробностях; ибо совершенно очевидно, что увеличение массы всегда сопровождается возрастанием сложности строения.

229. Это возрастание разнородности, следующее и в обществах, и организмах вслед за возрастанием общей массы, представляет еще одну, общую обоим этим случаям, черту. Кроме тех несходств между частями, которые являются результатом возникновения координирующих аппаратов, тут появляются вскоре новые несходства в самих координирующих аппаратах, т.е. в органах пищеварения и пр., в одном случае, и в органах промышленной жизни - в другом.

Когда животные агрегаты низшего порядка соединяются для образования агрегата высшего порядка или когда эти вторичные агрегаты соединяются снова для образования третичного агрегата, то вначале каждый составной элемент нового агрегата бывает сходен по своему строению со всеми остальными; но с дальнейшим развитием появляются несходства, которые постепенно становятся более и более резкими. У *Coelenterata* все эти ступени обозначены весьма явственно. Из боков обыкновенной гидры выпочковываются молодые гидры, которые, достигнув полного развития, отделяются от гидры-матери. У сложных гидроид молодые полипы, являющиеся на свет точно таким же путем, остаются навсегда связанными с полипом-матерью; каждый из них повторяет потом тот же самый процесс и, таким образом, получает под конец ветвистый агрегат. Когда все члены такой группы ведут схожую жизнь и сохраняют каждый свою независимость, как мы это видим здесь у многих сидячих родов, то все они остаются схожими между собою и по своему строению, за исключением тех, которые превращаются в органы размножения. Но у неприкрепленных и плавающих групп, явившихся путем подобного же процесса, различно обусловленные члены группы становятся отличными друг от друга по своему строению и принимают на себя различные деятельности или функции.

То же самое мы наблюдаем и в тех случаях, когда меньшие общественные группы соединяются между собой для образования большей группы. Каждое племя, удовлетворяющее первоначально все свои потребности своими собственными силами, обладало лишь слабо обозначенным промышленным разделением, достаточно пригодным для его низкого типа жизни; причем эти зачаточные промышленные группы были сходны с такими же группами в каждом другом племени. Но соединение этих племен в один из союзов значительно облегчает обмен продуктами; и если при этом еще случится - как это действительно и бывает в большинстве таких случаев - что соединившиеся племена занимают различные местности, благоприятствующие у одних одним видам производства, у других-другим, то это соединение послужит поводом к возникновению в различных местностях различных промышленных деятельностей, что приведет к возникновению в обществе различных промышленных аппаратов или классов. Даже между племенами, не входящими в состав одного общего союза, - каковы, например, племена Австралии - всегда происходит обмен продуктами, доставляемыми различными обиталищами, разумеется, кроме тех случаев, когда эти племена находятся в войне друг с другом. И очевидно, что там, где уже достигнута такая степень интеграции, как на Мадагаскаре, или как в главных негритянских государствах Африки, внутренний мир, следующий за подчинением одному правительству, делает промышленные сношения легкими, а потому вызывает их усиление. Постоянное удерживание вместе первоначально сходных частей делает возможным появление между ними взаимной зависимости; а с возрастанием взаимной зависимости возрастает и несходство между частями.

230. Итак, как в индивидуальном, так и в общественном организмах процесс агрегации постоянно сопровождается прогрессом организации, причем этот пос-

ледний следует в обоих случаях тому же самому закону, заключающемуся в том, что последовательные дифференциации подвигаются всегда от более общего к более специальному. Прежде всего появляются крупные и простые отличия между частями; затем в каждой их этих грубо обозначенных частей наступают изменения, разделяющие их на несходные между собою отделы; после того в этих несходных между собою подотделах возникают новые несходства, и так далее.

Действие этого закона в животном мире может быть показано на последовательных ступенях развития головной оси, или позвоночника. В самом начале головной канал представляется в виде продолговатого углубления бластодермы, известного под названием "первичной бороздки": на этой стадии не видно еще и малейшего признака позвонков; не видно даже различия между той его частью, которая превратится потом в голову, и той, которая станет спинным хребтом. Через некоторое время края, ограничивающие эту бороздку, начинают разрастаться и сгибаться над нею, причем этот процесс идет более быстро на переднем ее конце, который в то же время расширяется, вследствие чего череп начинает делаться отличным от спины; и так как спинная часть начинает при этом распадаться на сегменты, между тем как головная часть продолжает сохранять свою неразделенность, то контраст между этими двумя частями усиливается еще более. В каждом из этих главных отделов вскоре возникают другие, меньшие подразделения. Зачаточный череп начинает сгибаться впереди и начинает обнаруживать три расширения, соответствующие заключающимся в них нервным образованиям; а сегментация спинного хребта, дойдя до обоих его концов, производит почти однообразный ряд первичных его позвонков - protovertebrae. Вначале эти первичные позвонки не только мало отличаются друг от друга, но еще каждый из них обладает очень простою формою, а именно - представляет вид квадратной массы. Постепенно этот почти однообразный ряд распадается на несходные между собою группы - шейную, спинную и поясничную. Этого мало. В то время как позвонки специализируются таким образом, и распадаются на отличные друг от друга группы, каждый из них начинает изменяться и переходить из своей первоначальной формы, общей ему со всеми остальными, в собственную, специальную форму, отличающую его от всех других позвонков. Подобные же процессы совершаются в это время во всех других частях зародыша: повсюду прежде всего каждая крупная часть начинает становиться несходною с остальными; затем каждая такая часть начинает распадаться на другие, меньшие части, которые также становятся все более и более несходными друг с другом, и так далее.

В общественном развитии могут быть прослежены повсюду аналогичные этому метаморфозы. Для примера можно указать хоть на развитие аппарата, заведующего религиозным контролем. У простых племен и групп племен на ранних ступенях агрегации мы находим людей, которые суть в одно и то же время и колдуны, и жрецы, и гадатели, и заклинатели, и доктора, - людей, которые действуют на воображаемые сверхъестественные существа всеми возможными путями: то умоляя их, то выпрашивая у них знание и помощь, то приказывая им, то подчиняя их своей воле. С прогрессом общественной интеграции являются здесь зараз и отличия со стороны деятельности или функции, и различия со стороны сана или иерархического положения. На острове Танне "существует особый класс жрецов-насылателей дождей"; на фиджийских островах кроме жрецов имеются еще и ясновидцы; у обитателей Сандвичевых островов имеются не только жрецы, но и гадатели: у Новозеландцев Томсон отличает жрецов от колдунов; а у Каффов, кроме гадателей и подавателей дождей, существует еще два класса врачей, из которых один лечит своих пациентов только естественными средствами, а другой основывает свое лечение на помощи сверхъестественных сил. Более передовые общества - как например, общества Древней Америки, - обнаруживают еще более

разнообразия по отношению к этому первоначально однообразному общественному аппарату. Например, в Мексике медицинское сословие, происходившее по прямой линии от колдунов, которые действовали на сверхъестественных деятелей, считавшихся причинами болезней, с помощью враждебных мер, было вполне отлично от сословия жрецов, которые в своих сношениях с сверхъестественным миром прибегали к умиловительным средствам. Далее, сам жреческий класс распался у них на несколько различных отделов, которые распределяли между собою различные религиозные обязанности: тут были и жертвоприносители, и гадатели, и певцы, и сочинители гимнов, и наставники юношества, и т.д., кроме того, между жрецами существовала здесь известная иерархия, т.е. известная система различий относительно высоты занимаемого сана. Этот прогресс от общего к специальному в пределах жреческого сословия привел в еще вышестоящих народах к столь резким различиям между различными их отделами, что они заставили совершенно позабыть существовавшее первоначально между ними родство. Жрецы-астрологи Древних рас были представителями нашего ученого класса, который распался теперь на такое множество разнообразнейших групп социальных, от жрецов-, докторов древности произошло наше медицинское сословие с его крупными и мелкими подразделениями; а в собственно духовном классе возникли не только всевозможные ступени духовного сана - от папы до аколита, - но и разнообразнейшие роды священнодействующих: иереи, дьяконы, певчие, заклинатели и пр., равно как и многочисленные ордена монахов и монахинь. То же самое мы увидели бы и в том случае, если бы нам вздумалось проследить генезис какого-нибудь промысла ленного отдела; так например, от первобытных кузнецов, плавивших самолично то железо, из которого они делали потом разные орудия, мы дошли бы постепенно до нынешних железно-заводских, и железно-мануфактурных округов, где приготовление металла подразделяется на выплавку, очищение, пудлингование, прокатывание и пр., а изготовление из него разных орудий распадается на множество отделов и выполняется на многочисленных специальных фабриках.

Тот сорт преобразования, который поясняется примерами, есть в действительности нечто иное, как одна из форм преобразования однородного в разнородное, характеризующее собой процесс развития повсюду, где бы мы его ни встретили; но мы должны обратить здесь наше внимание на ту истину, что такое преобразование однородного в разнородное характеризует в особенно высокой степени именно развитие индивидуальных и общественных организмов.

231. Внимательное рассмотрение фактов указывает на еще одну поразительную параллель между обществом и организмом со стороны их строения. Органы животного и органы общества, рассматриваемые со стороны их внутреннего устройства, оказываются построенными на основании одного и того же принципа.

Хотя различные внутренностные органы животного отличаются друг от друга во многих отношениях, однако же есть такие черты в их устройстве, которые общи им всем. Всякий такой орган включает приспособления для проведения через него пищи, для доставления ему материалов для его деятельности, для выведения продуктов этой деятельности, а также для удаления ставших негодными веществ; кроме того в нем всегда существуют еще приспособления, служащие для усиления или ослабления его деятельности. Хотя печень и почка сильно отличаются одна от другой и по внешнему виду, и по гистологическому строению, и по выполняемым ими отправлениям, однако каждая из них имеет свою систему артерий, свою систему вен, свою систему лимфатических сосудов; в каждой из них имеется своя система разветвленных канальцев для выведения ею специфического выделения, и своя система нервов, то возбуждающих, то сдерживающих ее деятельность. То же самое применимо и к тем более высоким органам, которые вместо того чтобы

приготавливать, очищать и распределять кровь, помогают общему ходу жизни выполнением внешних действий, т.е. к нервным и мышечным органам. Эти органы также имеют свои каналы для принесения им годных к употреблению веществ, свои каналы для удаления негодных и испорченных веществ, и свои каналы для выведения веществ, уже побывавших в употреблении; они имеют также свои нервные клетки и волокна, управляющие их деятельностями. Так что рядом с резкими различиями в строении различные органы животного обладают и этими резкими чертами сходства со стороны своего внутреннего устройства.

То же самое мы видим в обществе. Каждая группа граждан, образующая собою орган, производящий какой-нибудь продукт на пользу всего народа, или удовлетворяющий каким-либо другим путем общенародным нуждам, обладает известной суммой вспомогательных приспособлений, которые в существенных чертах совершенно сходны со вспомогательными приспособлениями всякого другого органа, выполняющего всякую другую функцию. Возьмем ли мы округ хлопчато-бумажного производства или округ ножевых изделий, или какой-либо другой, в каждом из них мы найдем известную группу граждан, или известный аппарат, занятый доставкой сырых материалов, и другой аппарат, занятый собиранием и отсылкой изготовленных продуктов; в каждом из них имеется сложный аппарат, состоящий из мелких и крупных каналов, путем которых известная сумма житейских потребностей извлекается из общего ее запаса, циркулирующего по целому государству, и доставляется в данный округ местным работникам и людям, надзирающим за их трудом и управляющим их деятельностью; в каждом из них существуют особые приспособления - почтовые и другие - для принесения тех импульсов, которые то возбуждают, то сдерживают местную промышленность; в каждом из них имеются контролирующие власти политического и религиозного характера, поддерживающие порядок и способствующие непрерывному продолжению здоровой деятельности всего целого. Точно то же найдем мы и в том случае, если от округа, выделяющего известный продукт, мы обратимся к какому-нибудь морскому порту, который поглощает и отправляет всевозможные товары: и здесь мы найдем почти те же самые распределительные и сдерживающие приспособления. Даже в тех случаях, когда этот общественный орган, вместо того чтобы выполнять какую-нибудь материальную деятельность, имеет своей задачей, подобно университету, приготовление известных классов общественных единиц к выполнению известных родов общественных функций, этот общественный тип строения повторяется как в вышеприведенных случаях: и здесь приспособления для поддержания и регулирования местной деятельности, расходясь от того, что мы видим в других органах, во многих отношениях сходятся, однако, с этими другими приспособлениями во всем существенном, т.е. и тут существуют такие же классы распределителей, такие же классы для гражданского контроля, и такой же специально сложившийся класс для церковного контроля.

Если мы заметим еще при этом, что эта общность устройства общественных органов, подобно общности устройства органов живого тела, необходимо сопровождается взаимной зависимостью все органов друг от друга, то мы увидим еще с большей ясностью, чем прежде, как велико сходство между природою индивидуальной организации и природою организации общественной.

232. Нельзя не указать здесь еще на одну структурную аналогию между обществом и организмом. Развитие органов в живом теле проходит через три ступени, которые мы могли бы назвать первичною, вторичною и третичною. Но развитие общественных органов совершается параллельно этому периоду и проходит через те же первичную, вторичную и третичную ступени. Посмотрим на этот параллелизм на каждой из этих трех ступеней.

У животных низших типов выделение желчи выполняется не желчью, а отдельными клетками, рассеянными в стенке кишечного канала на известном его протяжении. Каждая из этих функций выполняет свою функцию индивидуально: т.е. индивидуально выделяет из крови известные вещества и индивидуально же изливает в кишечный канал свой продукт. В строгом смысле, здесь нет еще никакого органа, а лишь известное число специфических единиц, не соединившихся еще путем агрегации в едино мощный орган. Эта форма вполне аналогична с зачаточной формой любого промышленного органа в обществе. Вначале каждый Работник ведет свое дело в одиночку и сам сбывает потребителю плоды своих трудов. Такой порядок до сих пор еще встречается в наших деревнях, где сельский чеботарь работает и продает обувь у своего домашнего очага, и где кузнец изготавливает в одиночку все железные изделия, в которых могут нуждаться его соседи. Очевидно, что эти случаи представляют примеры первобытного типа каждого производительного общественного органа. Уже в диком состоянии существование индивидуальных способностей ведет к некоторым слабым дифференциациям в недрах племени. Даже о низко стоящих Огнеземельцах Фицрой сообщает нам, что у них один особенно искусно владеет копьем, другой - пращей, третий - луком и стрелами. В силу таких различий между членами первобытного племени по отношению к разным искусствам одни из них становятся изготовителями специальных предметов, другие - других, а отсюда необходимо следует, что всякий промышленный орган является в самом начале в виде простой общественной единицы. У Калифорнийских индейцев из племени Шаста "изготовление стрел составляет особую профессию". Из этого, и из множества других подобных фактов ясно видно, что первоначальная причина промышленной дифференциации в обществе лежит в особенной способности той или иной области ручного труда, а отсюда следует, что специальный работник является вначале одиночным. Тот же тип продолжает сохраняться даже в маленьких оседлых обществах в течение еще долгих последующих периодов общественного роста. Винтарботтом говорит, что у Береговых Негров "самыми искусными людьми в селении бывают кузнец, столяр (изготовитель утвари и других деревянных поделок), плотник (строитель хижин) и ткач". Это свидетельствует, во-первых, как мало дифференцированы у них промышленные функции, и, во-вторых, до какой степени чисто индивидуален их промышленный склад; ибо нетрудно видеть, что при разрастании такого общества всякое добавочное требование на эти формы труда удовлетворяется просто умножением индивидов, занимающихся этими профессиями, причем каждый из таких индивидов продолжает заниматься своим делом в одиночку, совершенно независимо от других.

Вторая, более высокая ступень в устройстве выделительного органа достигается путем двух одновременных изменений в животном мире. Во-первых, первоначальные клетки из рассеянной группы переходят в тесно сплоченную массу; во-вторых, вместо каждой простой клетки является сложное образование. На месте отдельной, одиночной клетки, вырабатывающей и выделяющей свой специальный продукт, мы имеем маленький продолговатый мешочек, содержащий целую семью клеток. Этот мешочек имеет на одном своем конце отверстие, дающее исход специальному выделению его клеток. Таким образом у нас появляется тесно сплоченная группа более или менее трубкообразных мешочков, из которых каждый имеет свои собственные выделяющие единицы и обладает своим собственным устьем для выведения их выделений. Этому типу индивидуального органа близко соответствует тот тип общественного органа, который мы находим в полудивилизованных обществах. В этих оседлых и постоянно возрастающих обществах требование на индивидуальных рабочих - теперь уже более специализировавшихся в своих занятиях - становится все более регулярным. При этом каждый работник, будучи от

времени до времени заваливаем работой, делает себе помощников из своих детей. Это обычай, начинаясь из отдельных случаев, мало-помалу устанавливается и укрепляется и, наконец превращается в общественный закон, в силу которого каждый человек должен воспитывать свою семью для того ремесла, которым он кормится сам. Примеры, поясняющие эту ступень промышленного развития, крайне многочисленны. Прескотт говорит, что ремесленные занятия, "подобно всем другим профессиям и должностям, всегда переходили в Перу от отца к сыну. Разделение на касты было в этом отношении столь же строго, как в Египте или в Индустане". По словам Клявигеро, в Мексике также "сыновья обыкновенно обучались занятию своих отцов и наследовали их профессию". То же самое существовало и в древние времена и в промышленной жизни Европейских народов. По кодексу Федосия, Римский юноша "был обязан продолжать профессию своего отца... и человек, искавший руки девушки, мог получить ее только под обязательством вступить в профессию ее семьи." В средневековой Франции ремесла были наследственными; и древние периоды Английской истории отличались тем же обычаем. Разветвление семьи в течение нескольких поколений на множество родственных семей, занимающихся одним и тем же делом, породило зародыш будущей гильдии.

Обыкновенно эти родственные семьи, захватившие в свои руки известное дело, старались селиться поближе друг к другу и занимали таким образом целые особые участки или кварталы. Отсюда ведут свое начало еще и ныне существующие названия многих улиц в английских городах: Скорняцкая, Мясницкая, Коронная, Башмачная, Оружейная, Токарная, Колбасная, Горшечная улица, и многие другие. Каждый такой квартал состоял из многих родственных семей; в каждой такой семье находились сыновья, трудившиеся под руководством отца, который хотя и принимал свою долю участия в их работе, но главным образом занимался продажей сделанного товара; в больших же семьях, ведших большие дела, отец играл почти исключительную роль канала для приведения сырых материалов и выведения изготовленных продуктов; присматриваясь к этому распорядку, мы не можем не усмотреть в нем сильной аналогии с вышеописанным железистым органом, состоящим из множества близко сплоченных мешочков, содержащих каждый группы выделяющих клеток и особое выводящее отверстие.

Подобная же аналогия может быть прослежена и на третьей ступени развития органов, индивидуальных и общественных. Более деятельные функции более развитого животного требуют необходимым образом более объемистой выделяющей железы; и это увеличение объема железистого органа выполняется путем некоторых особых изменений в его строении. Если бы описанные выше мешочки продолжали увеличиваться в своем числе, то их выводящие отверстия стремились бы занять все большую и большую часть степени пищевого канала. Но коль скоро другие функциональные требования организма не допускают увеличения в длину той полости канала, в которую открываются эти отверстия, то требуемое расширение поверхности для помещения выводящих отверстий железок должно быть достигнуто другим путем. И оно действительно достигается путем вытягивания вбок стенки канала, т.е. путем образования слепого мешка, на внутренней поверхности которого открываются выводящие отверстия первичных мешочков, содержащих выделяющие клетки. Дальнейшие требования такого же рода ведут к образованию вторичных слепых мешков, расходящихся от этого главного слепого мешка, который превращается, таким образом, отчасти в простой проток. Таким-то путем развивается подконец целый внутренностный орган, таких размеров как печень, в котором существует один главный проток с множеством расходящихся от него ветвей, которые, разбиваясь на все меньшие и меньшие веточки, пронизывают собою всю массу этого органа. Но вышеописанный промышленный орган переходит в орган более высокого порядка путем подобных же последовательных изменений.

Домашний способ производства не переходит к типу фабричного производства одним скачком, но рядом переходных форм. Первый шаг по этому направлению обнаруживается в тех правилах цехов и гильдий, которыми разрешалось присоединять к членам собственной семьи одного ученика. Такой ученик (бывший, вероятно, вначале родственником хозяина), становится, по словам Брентано, членом семьи своего хозяина, который обучал его своему делу и, как настоящий отец, наблюдал, не только за работой его, но и за нравственностью", так что он мог считаться, с практической точки зрения, усыновленным детищем хозяйской семьи. Раз начавшись, употребление учеников все расширялось и перешло в Употребление поденных работников. С развитием этой видоизмененной домашней группы хозяин вырос в продавца товаров, изготовляемых не одною его собственною семьей, но и другими лицами; а с еще большим расширением его дела он по необходимости перестал вовсе быть работником и превратился сполна в распределителя, т.е. в канал для выведения продуктов, изготовляемых уже не одними не-многочисленными его сыновьями, но множеством ремесленников, не находившихся ни в малейшем родстве друг с другом. Это проложило путь для таких заведений, где число работников далеко превышает число членов хозяйского семейства, пока, под конец, с введением механической силы, не появились фабрика или завод, т.е. ряд зданий, наполненных производительными единицами и изливающих целые потоки продуктов, которые прежде чем достигнуть единичного пункта исхода, соединяются между собою в один общий поток. Наконец, в сильно развитых промышленных органах, как например, в ткацких округах, мы имеем множество фабрик, скученных в том же самом городе и по другим соседним городам, к которым и от которых тянутся во все стороны по разветвляющимся дорогам массы серых материалов и тюки сукон, коленкора и пр.

Бывают случаи, когда новая промышленность проходит через все эти стадии развития в течение каких-нибудь нескольких поколений, как это было, например, чулочным производством. Лет пятьдесят тому назад во внутренних графствах Англии проезжий нередко мог слышать стук одного чулочного станка в маленьких коттеджах, разбросанных там и сям по сторонам дороги. В каждом таком коттедже одиночный рабочий изготовлял и продавал сам свой товар. Впоследствии возникли мастерские с несколькими станками, на которых работал отец с помощью своих сыновей, и иной раз, может быть, и с прибавкою одного наемного работника. Затем воздвигались огромные здания, в которых множество таких станков приводилось в движение паровую машиной; пока, наконец, такие здания не сконцентрировались по несколько в известных городах и местечках.

233. Но еще более поразительны эти структурные аналогии между обществом и организмом в заключительном своем фазисе. Действительно, и в том, и в другом случаях мы находим совершенно одинаковый контраст между первоначальным способом развития, который замещает его впоследствии.

В общем ходе органического развития низших типов в высшие животный мир действительно прошел путем нечувствительных видоизменений через все указанные выше ступени; но теперь, в индивидуальном развитии животного высшего типа, эти ступени оказываются значительно укороченными, и каждый орган слагается путем сравнительно прямого процесса. Так, например, печень зародыша млекопитающего образуется из скопления многочисленных клеток, которые постепенно возрастают в объемистую массу, торчащую из стенки пищеварительного канала. В то же самое время стенка этого канала вытягивается в виде слепого мешка, внедряющегося в эту массу будущей печени. Превращение этого слепого мешка в желчный проток совершается одновременно с развитием сказанной массы клеток, т.е. в толще будущей печени, второстепенных протоков, сообщающихся с этим главным протоком. В то же самое время совершаются тут и другие преобразования,

которые при развитии этого органа в ряд последовательно все более и более высоких типов имели место лишь одно после другого. То же самое мы видим и при образовании промышленных органов общества. Теперь, когда фабричная форма промышленного устройства уже вполне установилась, когда эта форма уже внедрилась в общественный строй, мы видим, что все те отрасли промышленности, для которых была доказана ее применимость, принимают ее прямо, не переходя предварительно через промежуточные ступени развития. Если присутствие руды в какой-нибудь местности благоприятствует железнору, или присутствие воды известных качеств делает выгодным пивоварение, то эти промыслы не проходят через ранние ступени своего развития, т.е. не появляются сначала в лице одиночного работника, потом в форме семьи, затем в виде группы семей, и т.д.; но дело совершается совсем иначе. Благоприятная местность наводняется сразу массой материалов и людей, и новый промышленный аппарат слагается тут в очень короткое время и в самой совершенной форме. Мало того. Часто тут развивается таким прямым путем не одно только крупное промышленное учреждение, как пример подобного случая может быть приведен Барроу-Этот город, с его огромными железнорульными заводами, с его обширными учреждениями для ввоза и вывоза, с его огромными доками и многочисленными Средствами сообщения, вырос в этой форме в течение нескольких лет; тогда как этот тип промышленного устройства может быть достигнут впервые только к концу многих веков и должен был пройти для этого в своем развитии через множество последовательных видоизменений.

Другое сродное с предыдущим, но еще более резкое видоизменение процесса развития также свойственно обоим сравниваемым нами случаям в одинаковой степени. В зародыше высшего животного многие важные части различных органов появляются не в первоначальном порядке их развития, но как бы забегают вперед; то же самое обнаруживается здесь и в развитии всего тела. Ибо многие органы, которые в постепенном историческом генезисе этого типа являются сравнительно поздно, теперь, в развитии индивидуальной особи, являются сравнительно рано. Это гетерохрония - как прозвал ее профессор Геккель - обнаруживается, например, у зародыша млекопитающего в раннем обозначении головного мозга, тогда как у самого низшего позвоночного животного не существует вовсе головного мозга. Такая гетерохрония обнаруживается здесь в сегментации спинного хребта до появления пищеварительной системы; тогда как у отряда proto-vertebrata даже после окончательного завершения пищеварительной системы имеются лишь слабые следы сегментации, из которой должна развиться со временем позвоночная ось. Аналогичное изменение порядка общественного развития представляет нам новые общества, унаследовавшие склад и обычаи старых. Для примера можно указать на Североамериканские Соединенные Штаты, где всякий город, основывающийся на дальнем Западе, после обозначения в натуре будущих улиц и площадей немедленно выстраивает себе гостиницу, церковь и почтовую контору, хотя в нем существует еще самое ничтожное число домов; и где железная дорога пробегает через пустыни, забегающая вперед нуждам будущих поселений. Другой такой пример представляет Австралия, где уже через несколько лет после того, как какой-нибудь новый рудник обстроится шалашами золотоискателей, появляются типография и газета; хотя в стране-матери целые столетия протекли до того, когда городки таких размеров развились до обладания таким общественным органом.

Глава пятая

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ

234. Изменения в строении не могут иметь места без изменений в отправлении. Поэтому многое из того, что было сказано в предыдущей главе, может быть повторено и в этой, с заменой одних терминов другими. Мало того. Так как многие

изменения в общественном устройстве скорее обнаруживаются из изменений в отправлениях, чем усматриваются прямо, то мы можем сказать, что эти последние были уже описаны нами, или по крайней мере, постоянно подразумевались во всем, что было сказано выше.

Однако существуют такие функциональные особенности, которые не подразумеваются прямо особенностями строения. На них-то мы и сосредоточим наше внимание на протяжении нескольких страниц.

235. Если организация состоит в таком устройстве целого, при котором его части получают возможность выполнять взаимозависимые действия, то низкая организация должна отличаться сравнительной независимостью частей друг от друга, а высокая, наоборот, такую сильную зависимость каждой части от остальных, что разлучение их должно вести к гибели. Эта истина обнаруживается одинаково хорошо, как в индивидуальном, так и в общественном организме.

Низшие животные агрегаты построены таким образом, что каждая из их частей сходна по внешности с каждою из остальных и выполняет также действия, что и остальные; а потому самопроизвольное или искусственное разделение такого агрегата остается почти без всякого влияния на жизнь отдельных одна от другой частей. Когда слабо дифференцированная капля протоплазмы, какую представляется нам корненожка, будет случайно разорвана надвое, то каждая половинка будет продолжать жить по-прежнему. То же самое может быть сказано и о тех агрегатах второго порядка, в которых составляющие их агрегаты первого порядка остаются существенно сходными друг с другом. Ресничные монады, одевающие собой роговой волокнистый скелет живой губки, так мало нуждаются во взаимной помощи что когда губка будет разрезана надвое, каждая ее половина продолжает выполнять все свои жизненные процессы без малейшего перерыва. Даже там, где между органическими единицами возникло уже некоторое несходство, как например, у обыкновенного полипа, нарушение жизненного процесса, производимое разделением, имеет лишь временный характер: получившиеся от такого разделения куски требуют лишь немножко времени, чтобы их единицы могли перерасположиться в такие формы, которые позволяют им начать снова свои обыкновенные простые действия. То же самое и на тех же основаниях имеет место и в низших общественных агрегатах. Кочующая кучка первобытных людей, не имеющая над собой главы, или вождя, раздробляется на части без всяких дурных последствий. Каждый мужчина, будучи заразом и воином, и охотником, и изготовителем своего собственного оружия, и строителем собственной хижины, имея при себе свою семью (жену), обязанную в каждом случае исполнять те же самые работы, нуждается в содействии других мужчин только на войне да еще, до некоторой степени, на охоте; причем, за исключением битвы, союз с половиною племени столь же хорош для него, как и союз с целым племенем. Даже там, где имеется уже целая дифференциация, проявляющаяся в существовании вождя, или главы, добровольное или насильственное раздробление племени на части не ведет за собою больших неудобств. В каждой отделившейся части какой-нибудь человек становится главою, и та низкая общественная жизнь, которая возможна на этой ступени социального развития, начинается снова.

Но в высокоорганизованных агрегатах, индивидуальных и общественных, дело обстоит совершенно иначе. Мы не можем разрезать млекопитающее животное надвое, не причинив ему немедленной смерти. Оторвать голову птице - значит убить ее. Даже пресмыкающееся, переживающее потерю хвоста, не может пережить разделение его тела надвое. Хотя у некоторых низших родов из отдела *Amphibia* разрывание тела надвое не убивает полученных таким образом половинок; но в классах насекомых, пауков и ракообразных оно оказывается губительным для обеих половинок.

В высших обществах последствия подобных изуродований не так велики, но все-таки значительны. Если бы Миддлсекс был отделен от окружающей его страны, то все его общественные процессы остановились бы в несколько дней вследствие прекращения подвоза необходимых припасов. Стоит отрезать хлопчатобумажный округ от Ливерпуля и других портов, чтобы его промышленность немедленно же остановилась; а за остановку промышленности последовало вымирание его населения. Отделение населения углекопного округа от соседних поселений, занимающихся выплавкой железа и машинным изготовлением сукон вызвало бы немедленную социальную смерть отдельных частей вследствие остановки промышленной деятельности в каждой из них; а затем наступило бы индивидуальное вымирание их населений. Хотя при таком разделении цивилизованного общества, при котором отделившаяся его часть остается без центрального контролирующего аппарата, эта часть может развиться из себя впоследствии такой аппарат; однако же, во все продолжение промежуточного периода существует сильная опасность распада; не говоря уже о том, что до установления новой, сколько-нибудь сносной организации, общество всегда должно пройти через длинный период беспорядка и слабости.

Так что *consensum* функции, т.е. их взаимная связь и зависимость, становится тем теснее, чем далее подвинулось вперед развитие. В низших агрегатах, как индивидуальных, так и общественных, действия частей зависят друг от друга лишь в самой незначительной степени; тогда как в развитых агрегатах обоюродные частные деятельности, составляющие жизнь отдельных частей, возможны только в силу комбинаций всех действий, составляющих жизнь всего целого.

236. Здесь следует упомянуть еще об одной функциональной черте, общей обоим родам организмов, - черте, усматриваемой уже *a priori* и вполне подтверждающейся *a posteriori*. Когда еще части мало дифференцированы, они могут сравнительно легко выполнять друг за друга различные отправления; но когда дифференциация их уже значительна, они могут исполнять функции друг друга лишь очень несовершенно, или даже вовсе не могут делать этого.

Обыкновенный полип опять-таки доставляет нам очень хороший пояснительный пример. Каждое из этих мешкообразных твореньиц может быть вывернуто как перчатка внутренней стороной наружу, а наружной внутрь, так что внешний покров, или кожа, станет желудком, а желудок - кожей; причем каждый из них начинает исполнять роль другого. Чем выше поднимаемся мы по лестнице организации, тем менее возможным становятся такие обмены ролями. Однако же в незначительной степени они остаются возможными и для наиболее развитых животных. Даже у человека кожа сохраняет еще след своей первоначальной поглотительной способности, монополиризованной теперь пищеварительным каналом, а именно, она способна впитывать известное небольшое количество втираемых в нее веществ. Впрочем, такие заместительные деятельности обнаруживаются между теми частями, функции которых остаются сродными еще и доныне. Так, например, если желчь, вырабатываемая печенью, не может выделяться вследствие каких-нибудь препятствий через желчный проток, то другие отделительные органы, кожа и почки, принимают на себя роль печени и становятся каналами для удаления желчи. Когда рак пищевода препятствует проглатыванию пищи, то недошедшая до желудка пища, растягивая пищевод, образует род кармана, или мешка, в котором устанавливается понемногу несовершенное пищеварение. Но эта способность дифференцированных частей исполнять обязанности друг друга не обнаруживается. Даже и в этой незначительной степени, между теми структурными аппаратами и функциями, которые слишком далеко разошлись друг от друга. Так, например, мукозная (слизистая) оболочка, переходящая непосредственно в кожу у разных естественных отверстий, будучи выворочена наружу, может еще принимать до очень

значительной степени внешний вид и свойства кожи; но серозная оболочка уже не способна к этому. Точно также ни кость, ни мускул не могут взять на себя никакой обязанности функции какого-либо внутренностного органа, если бы этот орган почему-либо оказался неспособным выполнять как следует свое отправление.

В общественных организмах мы также находим эту способность к замещению одной функции другою, причем и здесь также у низших типов эта способность относительно велика, а у высших - относительно мала. Конечно, там, где каждый член племени по своему образу жизни есть точное повторение всякого другого члена этого племени, не может существовать никакого обмена несходными функциями. Так же и там, где возникла лишь та ничтожная дифференциация, которая выражается в обмене оружия на другие предметы между одним членом племени, особенно искусном в изготовлении оружия, и другими, менее искусными членами, искусство одного члена не ведет еще за собой большого зла, так как каждый из остальных членов может сделать сам для себя все то, что он получал ранее от другого, хотя это будет сделано и не так хорошо, как в том случае. То же самое может быть сказано в очень значительной степени даже об оседлых обществах до, вольно больших размеров. Зурита говорит о древних Мексиканцах: "Каждый инде. ец знает все ремесла, не требующие большого искусства и очень тонких инструментов". А Прескотт утверждает, что в Перу для каждого человека "полагалось знать все ремесла, необходимые в домашнем быту". Ясно, что здесь отдельные части общества были так слабо дифференцированы между собою по своим занятиям, что каждая из них могла брать на себя функцию всякий другой. Но в обществе, подобном нашему, где промышленная и всякая другая специализация доходят до такой высокой степени, деятельность одной какой-либо части, почему-либо не выполняющей своего отправления, не может быть взята на себя другими частями. Даже относительно неискусный труд земледельческих рабочих не мог бы быть выполнен надлежащим образом нашим сельским населением, если бы рабочие вздумали начать стачку; и наши железные заводы должны были бы почти совершенно остановить свою деятельность, если бы их специально подготовленные рабочие отказались трудиться и были бы по необходимости замещены земледельцами и рабочими с хлопчатобумажных фабрик. Еще менее можно было бы ожидать, чтобы такие еще более высокие функции, как законодательная, судебная и пр., могли с успехом выполняться рудокопами и матросами.

Очевидно, что этот контраст вытекает в обоих случаях из одной и той же причины. Пропорционально той степени, в которой единицы, составляющие какую-нибудь часть индивидуального организма, ограничиваются каким-нибудь одним родом деятельности, например, поглощением пищевых веществ, выделением, сокращением или передачею импульсов, и пропорционально той степени, в которой они приспособляются к этой исключительной деятельности, они все более и более теряют способность к другим деятельностям; точно таким же образом и в социальном организме известное обучение и воспитание, требующиеся для успешного выполнения какой-либо специальной обязанности, подразумевают уменьшение годности к выполнению специальных обязанностей других.

237. Итак, когда организм, общественный или индивидуальный, развит еще в очень малой степени, разделение или изуродование его не имеет больших последствий; но при высоком его развитии оно причиняет важные бедствия или даже смерть. Далее, у низших типов органического мира, общественного и индивидуального, отдельные части могут принимать на себя функции друг друга, но у высших типов они не способны к этому. Но кроме этих двух аналогий между организмами индивидуальными и общественными существуют еще и другие функциональные аналогии, которые могут быть рассматриваемы как следствия предыдущих, и ко-

торые могли бы быть описаны здесь с большою пользою, если бы не недостаток места.

Так, например, здесь мы имеем ту истину, что в обоих родах организмов степень жизненности возрастает пропорционально степени специализации функций. В каждом из этих случаев ранее разнообразных аппаратов, приспособленных для выполнения несходных действий, эти действия выполняются плохо, и пользование услугами друг друга существует лишь в очень слабой степени вследствие отсутствия хорошо прилаженных для этого приспособлений. Но с прогрессом организации каждая часть, будучи более ограниченной со стороны своей обязанности, исполняет эту обязанность лучше; средства к обмену услугами становятся более совершенными; каждая помогает всем, и все помогают каждой с большей усиленностью; и общая сумма деятельностей, называемая нами жизнью, индивидуальной или национальной, необходимо возрастает.

Многое также могло бы быть сказано относительно параллелизма в обоих случаях тех изменений, путем которых достигается специализация функций; но этот параллелизм, как и многие другие, может быть показан гораздо лучше в последующих главах, в которых мы намерены проследить развитие различных крупных систем органов в индивидуальном и общественном организмах, причем будут сопоставлены вместе структурные и функциональные особенности, характеризующие сравниваемые нами классы организмов.

Спенсер Г. Социология как предмет изучения

Глава третья

ХАРАКТЕР СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

Пользуясь кирпичами, хорошо обожженными, с равными-обрезами, каменщик, даже без цемента, выводит довольно высокую и значительно устойчивую кладку. Но пользуясь кирпичами из плохого материала, плохо обожженными, неровными и разбитыми, он не в состоянии вывести без цемента кладку такой же устойчивости и высоты. Рабочий на доках, укладывающий пушечные ядра, никаким образом не может уложить эти сферические массы тел так, как укладываются кирпичи. И действительно, есть особенные, совершенно определенные формы, в которые они могут быть сложены, - формы тетраэдра, или пирамиды с квадратным основанием, или удлиненной призмы в соединении с пирамидой. В одну из этих форм они могут укладываться симметрично и устойчиво, но они не могут принимать форм с вертикальными или круто наклоненными боками. Если же вместо сферических ядер требуется сложить булыжный камень, с неправильными и только отчасти закругленными боками и различных величин, то невозможна никакая определенно устойчивая форма. Довольно несвязная куча с неопределенными поверхностями и углами - вот все, что может сделать работник. Сопоставляя все эти факты и спрашивая, какую же общую истину можно из них вывести, мы видим, что истина эта состоит в следующем: характер сложного тела определяется характером составляющих его единиц.

Переходя от видимых, осязаемых единиц к тем единицам, из которых, по мнению физиков и химиков, составляются материальные массы, мы встретим ту же самую истину. Каждый так называемый элемент, каждое соединение элементов, каждая новая комбинация этих соединений имеют кристаллическую форму. Хотя кристаллы и различны по величине и могут видоизменяться через притупление углов и ребер и отчасти переходить из одной формы в другую, но все-таки тип строения кристалла, как это видно из раскалывания кристаллов, остается постоянным: молекулы каждого рода имеют свои формы, в которые и складываются, соединяясь в агрегаты. И хотя в некоторых случаях и бывает, что вещество соединяется в двух

или более формах агрегации, но это объясняется таким образом, что молекулы принимают эти различные формы под влиянием аллотропических и изо-метрических изменений. Отношение между молекулами и их кристаллической формой так постоянно, что если даны два рода молекул, химические реакции которых обнаруживают в них близкое сходство природы, то можно быть уверенным, что формы их кристаллов также будут близки между собою. Одним словом, основываясь на данных физики и химии, можно положительно утверждать, что во всех явлениях, представляемых неодушевленной материей, природа единиц обуславливает известное строение агрегатов этих единиц.

Агрегаты органической материи доставляют нам новое подтверждение этой истины. Вещество каждого вида растений или животных обнаруживают склонность принимать строение, свойственное этим растениям или животным, - склонность эта убедительно доказывается в тех случаях, где условия для поддержания жизни достаточно просты и где ткань не получила такого законченного строения, при котором возможно было бы другое расположение. Постоянно приводимый пример полипа, каждая часть которого, если его разрезать на куски, тотчас же принимает форму целого полипа и получает строение и качества первоначального, по разделению, очень хорошо поясняет эту истину в царстве животных. Между растениями отличным примером служат бегонии. Здесь полное растение вырастает из отрезка листа, воткнутого в землю, а у *Begonia phyllomaniasa* полное растение вырастает даже из чешуек, падающих с листов и стебля, - факт, который показывает, как и в примере полипа, что везде отдельные единицы имеют типом своих агрегатов тип того организма, к которому они принадлежат; это напоминает нам и тот всеобщий факт, что единицы, из которых состоят зародыши в растительном и животном царствах, имеют наклонность к родовому типу агрегации.

Следовательно, если дан характер единиц, то характер агрегата, который они составляют, уже определен впредь. Я говорю "характер", разумея, конечно, существенные черты и не включая случайных. Характер единиц делает необходимым известные пределы, в которых и должен заключаться характер агрегата. Обстоятельства, сопровождающие агрегацию, значительно изменяют ее результаты; но и тут все-таки остается несомненно та истина, что эти обстоятельства, в некоторых случаях, быть может, уничтожающие агрегацию, в других случаях - задерживающие, а иногда более или менее облегчающие ее, никогда не могут придать агрегату характера, несогласного с характером единиц. Никакие благоприятные условия не дадут работнику возможности из пушечных ядер выстроить вертикальную стену; никакие благоприятные условия не заставят поваренную соль, которая кристаллизуется в правильной системе, кристаллизоваться как серно-натровая соль, в ромбической системе, никакие благоприятные условия не придадут отрезку полипа возможности принять строение моллюска.

Та же самая истина выражается, более или менее определенно, и в социальных агрегатах, в какие соединяются низшие животные. Составляют ли эти агрегаты простое собрание или нечто в роде союза с разделением труда между его членами - все это несомненно определяется свойствами единиц. Если дано строение и происходящие отсюда инстинкты индивидов, то община, которую они образуют, неизбежно будет представлять известные черты; и община, которая отличается такими чертами, никак не может быть составлена из индивидов, имеющих другое строение и другие инстинкты.

Люди, воспитанные в тех понятиях, что для вселенной существует один закон, а для человечества - другой, конечно, будут удивлены предложением включить в это обобщение и агрегации людей. А между тем та истина, что свойства единиц определяют свойства образуемого ими целого, очевидно, точно так же прилагается к обществам, как и ко всему другому. Общий обзор племен и народов, исчезнувших и

существующих теперь, показывает достаточно ясно, что это так; а краткое рассмотрение условий показывает не менее ясно, что это и должно быть так.

Оставляя пока в стороне частные особенности племен и отдельных личностей, обратим внимание на особенности, общие членам рода вообще, и рассмотрим, как эти особенности должны влиять на отношения членов, когда они соединяются в общества.

Все люди нуждаются в пище и имеют сходные потребности. У каждого из них движение сопровождается физиологической тратой, у каждого оно должно быть вознаграждено известным количеством пищи, чтобы не подействовать вредно; переходя за этот предел или даже раньше, оно возбуждает отвращение. Каждый из них может подвергнуться телесным повреждениям от разнообразных физических причин, сопровождаемых болью, и все они могут подвергаться болезненным ощущениям положительного или отрицательного характера, которые они причиняют друг другу. Вот что говорил Шейлок, доказывая, что человеческая природа одинакова как у Евреев, так и у Христиан:

"Разве у Еврея нет глаз? Разве у Еврея нет рук, чувств, привязанностей, страстей? Разве он не питается той же самой пищей, не получает раны от оружия, не подвержен тем же болезням; не лечится теми же средствами, не согревается тем же летом и не зябнет зимою, как и Христианин? Если вы нас укалываете, разве у нас не течет кровь? Если вы нас щекочете, разве мы не смеемся? Если вы нас отравляете, разве мы не умираем? И если вы нам вредите, разве мы не будем мстить? Если мы похожи на вас во всем остальном, то будем похожи на вас и в этом".

Хотя все это и вполне уже несомненно, что все люди одинаково обладают известными основными качествами, все-таки еще не достаточно признана та истина, что эти личные качества должны производить известные качества собрания людей, что насколько отдельные личности, составляющие одно собрание, похожи своими качествами на отдельные личности, составляющие другое собрание, настолько будут сходны и сами собрания, и что свойства одного собрания будут отличаться от свойств другого настолько, насколько отдельные личности, составляющие одно, отличаются от отдельных личностей, составляющих другое. Однако же, если и принимать это положение, которое стало почти аксиомой, то нельзя отвергать и того, что в каждой общине есть группа явлений, которые естественно разбиваются из явлений, представляемых членами этой общины, есть ряд свойств агрегата, определяемый рядом свойств единиц, и что отношения этих двух рядов составляют основной материал науки. Довольно спросить, что было бы, если бы люди избегали друг друга, как это делают различные низшие животные, и будет очевидно, что самая возможность существования общества зависит от известных свойств чувства (*emotional property*) у отдельной личности. Достаточно спросить, что было бы, если бы каждый человек любил больше тех людей, которые причиняют ему больше страданий, чтобы увидеть, что общественные отношения, если бы они были возможны в этом случае, были бы совершенно непохожи на те общественные отношения, какие существовали бы при большей склонности каждого человека к тем людям, которые доставляют ему удовольствие. Довольно спросить, что было бы, если бы люди вместо того, чтобы выбирать легчайшие пути для достижения своих целей, предпочитали достигать их самыми трудными, и мы приходим к заключению, что в этом случае общество, если бы оно могло существовать, имело бы огромную разницу от всякого известного нам общества. И если, как видно из этих крайних случаев, основные особенности обществ определяются основными особенностями отдельных людей, и что всюду должно существовать соответствие между особенным строем и деятельностью людей.

Поэтому общий принцип, что свойства единиц определяют свойства агрегата, дает нам возможность прийти к заключению - должна существовать социальная наука,

выражающая отношения между ними с такой определенностью, какая до-пускается природою явлений. Начиная с типов людей, образующих небольшие и несвязные общественные агрегаты, такая наука должна показать, каким образом личные качества ума и чувства делают дальнейшую агрегацию невозможной. Она должна объяснить, каким образом незначительные изменения в личной природе, происходящие при измененных условиях жизни, делают возможными более обширные агрегаты. Она должна проследить в нескольких значительных агрегатах за рождение общественных отношений, регулирующих и действующих, в которые вступают их члены. Она должна указать те более сильные и продолжительны общественные влияния, которые, дальнейшим образом видоизменяя характер едениц, облегчают дальнейшую агрегацию и дальнейшую соответственную сложност общественного строения. Она должна выяснить, какие общие черты, определяе мые общими чертами людей, существуют в обществах всевозможных порядков ; величин, начиная от самых малых и простых и до самых больших и цивилизо ванных, какие менее общие черты, отличающие известные группы обществ, про исходят из особенностей, отличающих известные племена людей, и какие особен ности каждого общества можно проследить до особенностей членов этого общест ва. Во всяком данном случае главными предметами ее изучения должны быть рост развитие, строение и отправления общественного агрегата, как они порождень взаимными действиями отдельных личностей, природа которых отчасти похожа н природу людей вообще, отчасти на природу родственных племен и отчасти совершенно исключительна.

Толкование этих явлений общественного развития, конечно, должно быть еде лано с должным вниманием к тем условиям, в которых находится каждое общество, - условиям, происходящим от его географического положения и его отноше ний к соседним обществам. Приводя здесь эти замечания только для того, чтоб предупредить возможные недоразумения, мы хотим здесь сказать не то, что социальные науки имеют те или другие социальные черты, а то, что если данные лю ди имеют известные свойства, то агрегаты таких людей должны иметь известные производные свойства, которые и составляют главный материал науки.

Однако несколько страниц назад мы видели утверждение, что общественные отношения между причинами и действиями так запутаны, что предвидение часто невозможно. Не предостерегали ли нас против опрометчивости в выборе средств: для исполнения того или другого желания, без внимания к тем доказательствам так обильно представляемым прошедшей историей, что приводимые в действие силы обыкновенно дают такие результаты, которых никогда нельзя предвидеть Не представляли ли нам примеров, что самые важнейшие причины произведень были такими силами, от которых их никто не ожидал? Если так, то какая же может быть социальная наука? Если Людовик Наполеон не мог предвидеть, что война, которую он начал, чтобы не допустить объединение Германии, именно послужит средством к этому объединению; если Тьеру двадцать пять лет наза; показалось бы сном, который превосходит все обыкновенные сны своей нелепо стью, что в него будут стрелять из его же собственных укреплений, то каким же чудом можно формулировать общественные явления во что-нибудь, приближающееся к научному порядку?

Это затруднение, выраженное в самой резкой форме, которую я только мо: подыскать, возникает более или менее отчетливо в умах большинства людей, ко торые предлагают социологию, как предмет, который можно изучать по научны> методам, с ожиданием результатов, имеющих научную вероятность.

Механика находится теперь в такой фазе развития, какой не достигала еще hi одна из абстрактных наук. Хотя ее и нельзя назвать совершенной, однако же боль шая точность предсказаний, которую ее законы позволяют делать астрономам, по

казывает, как близка она к совершенству; а действия искусных артиллеристов до казывают, что эти законы, в применении к земным движениям, допускают предсказания, значительно точные. Но принимая механику типом высокоразвитой науки посмотрим, что она позволяет нам предсказать и чего не позволяет относительно какого-нибудь конкретного явления. Пусть требуется, например, взорвать мину. Спросим, что будет с обломками вещества, взорванного на воздух, и заметим потом, что именно можем мы заключать из установленных динамических законов? По обыкновенному наблюдению, которое предшествует более точным наблюдениям науки, мы знаем, что все обломки, поднявшись на воздух более или менее высоко, упадут на землю и что они достигнут земли в различных местах ограниченного пространства, в несколько различные времена. Наука позволяет нам сказать еще больше. Из тех законов, которыми определяется путь планеты или брошенного тела, она выводит ту истину, что каждый обломок будет описывать кривую, что все кривые, отличаясь индивидуально, специфически будут сходны одна с другою, что все они (если не принимать во внимание отклонения, которые происходят от сопротивления воздуха) будут части эллипсов, с таким большим эксцентриситетом, что мало будут отличаться от парабол - по крайней мере, те их части, которые описываются в то время, когда напор газов уже не ускоряет движение обломков. Но хотя законы механики и позволяют нам сделать эти совершенно верные заключения, тем не менее мы не в состоянии почерпнуть из них ничего более определенного относительно пути, который примут отдельные обломки. Как именно взлетит на воздух левая часть массы, покрывающей порох, который хотят воспламенить, - одним куском или несколькими? Взлетит ли один кусок выше другого? Будут ли, а если будут, то какие именно, куски брошенной массы остановлены в своем движении окружающими предметами, в которые они ударятся? Все эти вопросы, на которые нельзя ответить. Нельзя ответить не потому, что результаты были бы в чем-нибудь несогласны с законом, но потому, что нельзя добыть тех данных, на которых должны основываться предсказания.

Следовательно, мы находим, что относительно конкретного явления, несколько сложного, самая точная наука позволяет делать большей частью одни только общие предсказания, и только отчасти - частные. Что ж из того, что это имеет место и там, где причины и действия в высшей степени запутаны и наука только что начинает развиваться? Этот контраст между общим, допускающим предвидение, и частным, не допускающим его, обнаруживается еще яснее, когда мы перейдем от этого, предварительного, объяснения к объяснению, в котором аналогия еще ближе. Что сказать о будущем новорожденного ребенка? Не умрет ли он в раннем детстве от какого-нибудь расстройства? Или он проживет немного и умрет от скарлатины или коклюша? Не будет ли у него кори или оспы и не умрет ли от той или другой? Ни на один из этих вопросов невозможно ответить. Не упадет ли он в один прекрасный день с лестницы, или не переедут ли через него, или не загорится ли на нем какое-нибудь платье, и не погибнет ли он, или не будет изувечен от какого-нибудь из этих случаев? На эти вопросы также нельзя ответить. Никто не может предусмотреть, не сделается ли у него в отроческом возрасте падучей болезнью, или пляски Св. Витта, или какой-нибудь другой ужасной болезни. Глядя, как он лежит на руках у кормилицы, никто не может сказать наверное, будет ли он глуп или умен, хороший и испорченный человек. Точно так же, если он останется жив, нет возможности предсказать те случаи, которые произойдут с ним в зрелом возрасте - частью от его собственной природы, частью от окружающих условий. Будет ли он иметь успех в жизни, зависящий от его искусства и трудолюбия? Позволят ли ему обстоятельства достигнуть этой цели или нет? Будут ли различные случайности мешать или благоприятствовать его усилиям? Все это вопросы, на которые невозможно

ответить; значит, те факты, которые обыкновенно считаются биографическими, не допускают предвидения.

Обращаясь от совершенно частных фактов к фактам, менее частным, которые должны представиться в жизни этого ребенка, то найдем в числе quasi биографических данных такие, где предвидение до известной степени возможно. Хотя развитие способностей совершается в известных пределах и в одном случае наступает рано, а в другом - необыкновенно поздно, однако же это развитие идет в таком порядке, что позволяет нам сказать, когда ребенок еще до трех лет, что он будет математиком или драматургом; когда ему лет десять - что он не будет психологом, и наконец, в тот возраст, когда он еще не возмужал, - что у него не будет широких политических взглядов. Мало того, мы можем сделать известные предсказания в том же роде и в отношении душевной природы ребенка. Никто не может сказать, женится он или нет; но возможно сказать, если не наверное, то с большой вероятностью, что в известный возраст он получит склонность к браку; л хотя никто не может сказать, будут ли у него дети или нет, но весьма вероятно, что если будут, то он обнаружит известную долю родительского чувства.

Затем, последовательно рассматривая всю сумму фактов, которые представляются в жизни этого ребенка по мере того, как он достигает зрелого возраста, дряхлеет и, наконец, умирает (мы оставим в стороне все биографические и quasi биографические факты, совсем не допускающие предвидения, или допускающие лишь неполное предвидение), мы найдем остальные классы таких фактов, которые возможно предвидеть заранее, - некоторые из них с большей степенью вероятности, а другие - наверное, некоторые очень определенно, а другие - довольно приблизительно. Я говорю о фактах роста, развития, строения и отправления.

Совместно с той любовью к личным подробностям, которая находит интерес во всем непостоянном в человеческой жизни, стоит привычка считать не стоящим внимания все постоянное; таким образом, говоря о будущем ребенка, никому и в голову не приходит обратить внимание на все жизненные явления, которые в ней представляются, явления, которые можно знать и которые очень важно знать. Анатомия и физиология человека, если понимать под этим названием не одно только строение и опрвления взрослого человека, но и прогрессивное развитие этого строения и отправления в продолжение личного развития, составляют материал того, что каждый считает за науку. Хотя и нет особенной точности в обобщении одновременных и последовательных явлений, которое составляет эту науку, хотя общие истины относительно строения и нарушаются случайными исключениями, каковы, например, неправильные образования, хотя аномалии в отправлениях также не допускают абсолютного предсказания, хотя и значительно изменяются пределы, в которых может происходить развитие роста и строения, и бывает значительное различие между силою отправления и временем, когда они устанавливаются, однако же никто не сомневается в том, что биологические явления, представляемые человеческим телом, можно организовать в знание, которое по своей определенности будет научным знанием в общепринятом смысле этого слова.

Следовательно, если бы кто-нибудь, настаивая на том, что невозможно рассчитывать будущее ребенка с биографической стороны, и стал утверждать, что ребенок не представляет поэтому материала для науки, не обращая никакого внимания на то, что мы назовем пока антропологией его (хотя значение, даваемое теперь этому слову, едва ли позволяет употребить его в этом смысле), то он впал бы в очевидную ошибку - очевидную в этом случае потому, что мы каждый день можем наблюдать различие между состоянием живого тела и его деятельностью и всеми случайностями, бывающими при этом.

Значит, как биография относится к антропологии, так история относится к социологии - я разумею историю, как она обыкновенно понимается. Между словами и

поступками человека, составляющими обыкновенно историю его жизни, и ходом его телесного и умственного развития, строения и отправлений существует такое же отношение, как между рассказом историка о действиях и судьбах какого-либо народа и описанием учреждений этого народа, регулирующих и действующих, и тех путей, которыми постепенно развивались строение и отправление этих учреждений. И если бы ошибочно было сказать, что не существует науки о человеке, так как невозможно предвидеть различных случайностей его жизни, то точно также ошибочно было бы сказать, что не существует науки об обществе, так как невозможно предвидеть те случайности, из которых состоит обыкновенно история.

Разумеется, нельзя сказать, что между личным и общественным организмом можно провести такую тесную параллель, что отличительные свойства в одном случае можно определять так же отчетливо, как и в другом. Очевидно, что строение и отправления общественного организма гораздо неопределеннее, гораздо изменчивее, гораздо более зависят от изменчивых и никогда вполне не повторяющихся условий. Я хочу только сказать, что и в том, и в другом случае за такими явлениями человеческих действий, которые не составляют материала для науки лежат жизненные явления, представляющие этот материал. Как в человеке существуют строение и отправление, делающие возможными те его действия, о которых говорит его биограф, совершенно также и в народе есть известное строение и отправления, делающие возможными те действия, о которых говорит историк; и в обоих случаях наука занимается исследованиями о происхождении, развитии и упадке этого строения и отправлений.

Общественные организмы, подобно организмам индивидуальным, должны быть разделены по классам и подклассам, которые хотя и не будут иметь такой же определенности и постоянства, но будут иметь такие сходства и различия, что их можно будет распределять в большие группы, резко отличающиеся одна от другой, и в этих границах подразделять на меньшие, с менее резкими различиями. Итак, биология открывает известные общие черты в развитии, строении и отправлениях, черты, из которых одни встречаются во всех организмах, другие - в известных больших группах, третьи - в известных подгруппах, заключающихся в этих группах, точно также и социология должна узнать законы общественного развития, строения и отправлений и те их черты, из которых одни - законы всеобщие, другие - общие для групп, и третьи - законы частные.

Действительно, припоминая заключения, к которым мы пришли раньше, очевидно, что если люди как общественные единицы обладают некоторыми общими свойствами, то и общественные агрегаты должны обладать общими свойствами; что сходства, которые обнаруживаются в природе некоторых племен, должны вызывать такие же сходства в природе наций, которые из них произошли: и что те особенные черты, которыми наделены высшие разновидности человечества, должны отразиться общими отличительными свойствами и в тех общинах, в которые организуются эти разновидности.

Значит, будем ли мы смотреть на этот вопрос с отвлеченной или с конкретной точки зрения, мы придем к одному и тому же заключению. Стоит только взглянуть, с одной стороны, на разнообразно-нецивилизованных людей и структуру их племен, а с другой - на разновидности цивилизованных людей и структуру их наций, чтобы убедиться, что это заключение подтверждается фактами. Но, признав таким образом *a priori* и *a posteriori* эти отношения между явлениями личной человеческой природы и явлениями общественной человеческой природы, мы не можем не видеть, что явления человеческой природы составляют материал для науки.

Для того, чтобы точнее определить понятие о социальной науке, намеченное мною лишь в общих чертах, я приведу здесь несколько истин такого же рода, как и сейчас указанные. Некоторые из них известны всем; другие же я привожу не потому, что они

представляли какой-нибудь особенный интерес или важность, а потому, что их легче изложить. Моя цель - просто дать ясное понятие о природе социологических истин. Обратим наше внимание на тот общий факт, что рядом в общественной агрегации всегда идет известная организация. На самых низких ступенях развития, где собрания людей и очень невелики и очень несвязны, нет ни прочной подчиненности, ни центральной власти. Власть племенных родоначальников устанавливается прочно только в более обширных и более связных агрегатах. Развитие правительственного строения, имеющего какую-нибудь силу и притом сколько-нибудь постоянную, составляет условие, без которого невозможен сколько-нибудь значительный рост общества. Дифференцирование первоначально однородной массы единиц в часть координирующую и часть координированную есть необходимый начальный шаг. Рядом с развитием роста обществ происходит развитие координирующих центров; эти центры, сделавшись постоянными, в то же время делаются более или менее сложными. В небольших племенах управление племенных начальников, обыкновенно непрочное, бывает весьма несложно; но по мере того, как племена увеличиваются численно, сами ли по себе, или через порабощение других племен, начинается развитие и координирующего аппарата, вследствие присоединения к нему подчиненных правительственных сил.

Хотя эти факты просты и знакомы, все-таки не следует упускать из виду их значение. Факт, что люди поднимаются до состояния общественной агрегации только при том условии, когда между ними устанавливается неравенство относительно власти, и что они могут действовать вместе, как целое, только посредством устройства, обеспечивающего повиновение, факт хотя и очень обыкновенный, но тем не менее научный. Это - первичная общая черта в общественных агрегатах, которая происходит от такой же общей черты в их единицах. В социологии существует истина, которую можно сравнить с биологической истиной, состоящей в том, что первый шаг в образовании какого-нибудь живого, высшего или низшего организма, есть известное дифференцирование, вследствие которого периферическая часть начинает отделяться от центральной. И как из этой биологической истины есть исключения, необходимые в мельчайших безъядерных частичках протоплазмы, составляющих самые низшие существа, так в параллель им есть исключения из социологической истины, которые можно видеть в небольших и не связных собраниях, состоящих из людей самого низшего типа.

В небольших первобытных обществах дифференцирование управляющей и управляемой частей бывает не только твердо установлено, но и неопределенно. В первое время начальник племени отличается в своих общественных отправлениях от остальных дикарей только тем, что пользуется большим влиянием. Он охотится, выделывает оружие, работает и занимается своими домашними делами совершенно так же как и все другие; на войне он отличается от остальных воинов только своим преобладающим влиянием, не переставая быть простым воином. Вместе с этим легким различием его военных и промышленных отправлений от тех же отправлений других членов племени существует лишь самое незначительное различие в политическом отношении: судебная власть выражается очень слабо вмешательством его личного авторитета для поддержания порядка.

С развитием общества, когда власть начальника устанавливается довольно твердо, он уже не работает больше для средств существования. Однако в промышленном отношении он все-таки не отличается от других членов господствующего класса, который образовался в то время, когда власть главы племени еще не совершенно установилась, потому что он, как и эти люди, ведет производительный труд через других. Дальнейшее распространение его власти также не сопровождается полным отделением политических отправлений от промышленных, потому что, обыкновенно, он продолжает регулировать производство и во многих случаях даже торговлю,

держа в своих руках обмен товаров. Впрочем, из различных родов его Управительской деятельности эту последнюю он перестает исполнять лично прежде всего. В промышленности рано обнаруживается стремление к самоуправлению, независимость от влияния, которое все более и более сосредоточивается в Руках начальника племени, как политического и военного главы. Первичное социальное дифференцирование, замеченное нами между управляющею и производящими частями общества, сопровождается теперь отличием, которое впоследствии становится очень резким между внутренним распределением этих двух частей: в производящей части мало-помалу вырабатываются такие отправления, посредством которых координируются процессы производства, распределения и обмена, между тем как координация в производящей части продолжает идти прежним путем.

Рядом с развитием, которое делает заметным отделение производящей части от регулирующей, происходит развитие и самой регулирующей части. Общественные обязанности начальника, вначале соединившего в своем лице царя, судью, полководца и часто жреца, все больше и больше специализируется по мере того, как увеличивается и усложняется само общество. Оставаясь верховным судьей, он исполняет правосудие большею частью через своих помощников; он остается номинально главой своей армии, но действительное предводительство все больше и больше переходит в руки подчиненных лиц; сохраняя жреческое первенство, он в действительности почти перестает исполнять обязанности жреца; в теории он считается исполнителем и законодателем закона, но в действительности законодательство и управление все больше и больше переходят в другие руки. Следовательно, из первоначально координирующей силы, не разделяющей своих отправлений с другими, развивается несколько координирующих сил, между которыми и разделяются эти отправления.

Будучи первоначально очень просто, каждое из этих отправлений мало-помалу подразделяется на множество частей и становится организацией - административной, судебной, духовной или военной, - организацией, которая вмещает в себя различные степени и более или менее различную форму отправления.

Нахожу нужным указать видоизменения, которые происходят в тех случаях, когда верховная власть не попадает в руки одного человека (впрочем, на низких ступенях общественного развития эта форма не бывает прочною). Я должен еще сказать, что приведенные выше общие положения должны приниматься лишь с тем ограничением, что в них, для большей краткости и ясности, отбрасываются различия в подробностях. Прибавим к этому, что мы не намерены выходить в своих доказательствах из пределов этих первоначальных степеней развития. Но не забывая, что без разработки целой социальной науки можно дать здесь только самый общий почерк главных фактов, мы все-таки достаточно сказали, чтобы показать, что в развитии общественных образований можно заметить известные всеобщие факты, все более и более частые, совершенно так, как можно заметить факты общие и частные в развитии индивидуальных организмов.

Я поставлю здесь еще вопрос, который относится к этой области. Какое существует отношение между строением и ростом общества? В какой мере строение необходимо для роста? После какого пункта оно замедляет рост? В каком пункте оно останавливает рост?

В индивидуальном организме существует двойственное отношение между ростом и строением; это отношение довольно трудно выразить с совершенною точностью. За исключением немногих низших организмов, живущих при особых условиях, мы почти обо всех остальных можем сказать, что большой рост невозможен без высокого строения. Это доказывается всем высоким царством с его беспозвоночными и позвоночными типами. С другой стороны, между высшими организмами, и особенно между теми, которые ведут деятельную жизнь, заметно явственное стремление к

дальнейшему развитию строения рядом с остановкой роста. В то время, когда животное высшего типа быстро растет, его органы остаются еще несовершенно развитыми, кости отчасти хрящеватыми, мускулы слабыми, мозг не имеет достаточной определенности - подробности всех вообще частей строения заканчиваются только после прекращения роста. Нетрудно понять, отчего существуют именно такие отношения. Чтобы молодое животное могло расти, оно должно переваривать пищу, иметь кровообращение, дышать, удалять негодные продукты и т.д.; для этих отправлений оно должно иметь достаточно совершенный канал, сосудистую систему и пр. Чтобы быть в состоянии добывать себе пищу, оно должно постепенно развить в себе необходимые способности и свойства; для этой цели ему необходимо начинать с тех своих членов, чувств и нервной системы, которые уже были несколько развиты. Но каждое приращение роста, произведенное с помощью этих, отчасти уже развитых органов, должно сопровождаться изменением и самих этих органов. Если они достаточно соответствовали прежнему и меньшему росту, то уже плохо соответствуют последующему, большему росту. Отсюда следует, что они должны быть преобразованы, они должны быть разрушены и перестроены. Очевидно, стало быть, что чем совершеннее было прежнее строение, тем больше возникает препятствий при его разрушении и перестройке. Кости представляют пример того, каким образом преодолевается это затруднение. Например, в бедренной кости мальчика, между головной и цилиндрической частями кости остается место, где первоначальный хрящ еще не окостенел и где, приращением нового хряща, в котором отлагается новое костное вещество, происходит удлинение кости; то же самое происходит в соответствующем месте на другом конце кости. Полное окостенение в этих двух местах наступает только тогда, когда кость перестает увеличиваться в длину; и если мы представим себе, что могло бы произойти, если бы кость окостенела по всей длине прежде, чем закончилось удлинение, то увидим, какое значительное препятствие дальнейшему росту устраняется таким способом. То же самое происходит и во всем организме; хотя строение до известного предела и необходимо для дальнейшего роста, но переходя за этот предел, оно мешает росту. Как необходимо это отношение, мы увидим это и на более сложном случае, например, на росте какого-нибудь целого члена. Величина и пропорциональность частей каждого члена обыкновенно должны находиться в известном отношении к остальному телу. Дайте этому члену избыток отправления, и его сила и объем в небольших пределах возрастут. Если этот избыток отправления начинается в раннем возрасте, то член может быть значительно больше своей прежней величины; если же этот избыток отправления начинается в позднем возрасте, то изменение будет меньше; однако, ни в том, ни в другом случае оно не будет очень велико. Рассматривая, каким образом происходит рост члена, мы увидим, почему это так. Более деятельное отправление вызывает большой местный приток крови, и с течением времени для вознаграждения потери образуется новая ткань. Но местный приток крови ограничен размерами артерий, приносящих ее; и хотя до известной степени больший приток приобретает временным расширением артерий, но дальнейшее его увеличение за этим пределом возможно только в том случае, если артерии будут разрушены и перестроены. Такие изменения артерий медленно и совершаются - не так медленно в мелких периферических артериях и более медленно в больших артериях, из которых разветвляются мелкие; потому что артерии большей величины должны изменяться по всей своей длине, до места разветвления их из больших, центральных кровеносных сосудов. Точно так же и Каналы, выносящие негодные продукты, должны подвергнуться как местным, так и центральным изменениям. Нервные стволы и центры, из которых выходят Червы, должны быть приспособлены к большим требованиям от них. Кроме того, "Ри данной системе внутренностей

слишком большие количества крови не могут постоянно притекать к одной части тела, не уменьшая количества крови, притекающего в другие части, поэтому необходимы такие изменения в строении, которые уменьшили бы отвлечение крови к этим частям. Отсюда происходит большое сопротивление увеличению размеров органа, когда оно переходит за известный умеренный предел. Такое увеличение не может происходить без разрушения и перестройки не только тех частей, которые непосредственно служат органу, но и всех отдельных частей. Таким образом, полное приравнивание строения к одним требованиям составляет громадное препятствие для приравнивания его к другим требованиям, трудность новых приспособлений возрастает по мере того, как прежние приспособления делаются полнее.

Но вполне ли применим этот закон к общественному организму? Случается ли здесь, что умножение и лучшее устройство учреждений, а также усовершенствование приспособлений, направленных к достижению ближайших целей, становится препятствием к развитию лучших учреждений и достижению более высоких целей в будущем? В обществе, как и в отдельной личности, организация необходима для роста; за известным пределом дальнейший рост не может совершаться без дальнейшей организации*.

* Однако в том отношении весьма важно не упустить из виду и второй части разбираемой автором параллели между обществом и организмом, - что зачастую более совершенная организация того или другого органа не только не служит целям прогресса, но даже прямо-таки становится преградой на пути дальнейшего развития. Это одинаково имеет место в развитии как организма (см. выше пример о бедренной кости мальчика), так и общества. (Прим. пер.)

Однако есть немалые причины подозревать, что за этим пределом организация косвенно оказывает репрессивное действие - что она увеличивает препятствия для новых приспособлений, какие нужны для голого роста и для более совершенного строения. Нет сомнения, что агрегат, который мы называем обществом, гораздо пластичнее, чем тот индивидуальный живой агрегат, с которым мы его здесь сравниваем - в его типе гораздо менее законченности. Но все-таки очевидно, что этот тип постоянно стремится к определенности и что каждое приращение в его строении есть вместе с тем и шаг к большей фиксации. Несколько примеров покажут, насколько это справедливо в применении к материальному строению общества и к его учреждениям, политическим и другим.

Примеры, может быть незначительные, но совершенно пригодные для нашей цели, можно видеть в наших способах передвижения. Не останавливаясь на мелких способах передвижения в городах, из которых, однако, видно, что существующие способы препятствуют появлению лучших, перейдем прямо к железным дорогам. Заметим, каким образом несоответственно узкая колея (которая, будучи взята с марки колес почтовой кареты, сама унаследована от прежней системы передвижения) сделалась непреодолимым препятствием для устройства лучшей колеи. Заметим также, что теперь, когда уже установлен тип вагона, для которого образцом служила все та же почтовая карета (на некоторых старых вагонах первого класса написано "tria juncta in uno") чрезвычайно трудно ввести более удобный тип вагона, принятый впоследствии в Америке, где воспользовавшись нашим опытом, не постеснялись воспользоваться и нашими чертежами. Невозможно пожертвовать громадным капиталом, употребленным на наш подвижной состав. Ввести вагоны американского типа постепенно, чтобы они ходили вместе с вагонами нашего типа, было бы очень трудно, потому что у нас поезда беспрестанно соединяются и разъединяются. Таким образом, мы поневоле должны удерживать у себя менее совершенный тип.

Другой пример даст нам наша система канализаций. Предложенная лет тридцать назад, как панацея против различных санитарных зол, и введенная силою закона во всех наших больших городах, эта система не может быть заменена в настоящее время лучшей системой без огромного затруднения. Хотя она, помогая разложению в тех местах, где нет доступа кислорода и образуя таким образом непрочные химические соединения, во многих случаях порождала те самые болезни, которые должна была предотвращать, однако же теперь невозможно и думать о введении тех способов, посредством которых можно безвредно и с выгодой очищать горо, от нечистот. Даже хуже - в то время, когда одна часть нашей санитарной администрации настаивала на введении системы водостоков, посредством которых Оксфорд Ридинг, Мейденгид, Уиндзор и пр. заражают воду, которую должен пить Лондо другая часть нашей санитарной администрации протестует против нечистоты воды говоря, что она порождает болезни (не замечая, однако, что эта нечистота произведена мероприятиями закона). И теперь нужно будет переделать всю организацию чему будет чрезвычайно мешать прежняя организация, пока мы дождемся чистого воздуха и чистой воды.

В каждом промысле существует установленный порядок ведения дела, и как бы ни был, однако, очевиден какой-нибудь лучший порядок, но изменение установившейся рутины представляет затруднения, если и непреодолимые, то все-таки очень значительные. Возьмем, например, книжную торговлю. В те времена, когда пересылка письма стоила шиллинг и когда не существовало еще почты для пересылки книг, образовалась организация оптовых и мелочных торговцев, которые брали на себя доставку книг от издателей к читателям; при этом известный барыш получал каждый из этих агентов, и крупный, и второстепенный. Теперь, когда книгу можно заказать письмом за полпенни, а переслать ее можно за несколько пенсов, старая пересылка могла бы быть заменена такою, которая уменьшила бы нересылочную плату и понизила бы цену книг. Но интересы торговцев делают эту перемен практически невозможной. Объявления с предложением выслать книгу прямо и почте и по уменьшенной цене нарушают интересы торговцев; они не хотят знать книги, и тем задержат ее продажу больше, чем она могла бы усилиться другим путями. Таким образом старая организация, в свое время полезная, теперь преграждает дорогу лучшей организации. Книжная торговля представляет еще другой пример. В то время, когда читающая публика была малочисленна и книги дороги, образовались библиотеки для чтения, которые доставляли возможность читать книги, не покупая их. Сначала немногочисленные, местные и плохо организованные, эти библиотеки увеличились в числе и организовались по всей стране: это привело к тому результату, что требование книг для библиотек сделалось главным спросом. При этом устройстве, которое при малом числе экземпляров доставляет чтение большому числу читателей, цена экземпляра необходимо должна быть высокою, чтобы могли окупиться расходы по изданию. И так как читающая публика привыкла вообще брать книги из библиотек и обыкновенно не думает покупать их, то она все-таки стала бы брать их из библиотеки и в том случае, если бы книги стали значительно дешевле. Поэтому существующая система распределения книг в Англии, за исключением сочинений самых популярных авторов, не позволяет нам применять американскую систему, которая, рассчитывая не на несколько библиотек, а на большое число частных покупателей, делает большие издания по дешевым ценам.

Возьмем еще пример: наши образовательные учреждения, хорошо обеспеченные, поддерживаемые своей славой и влиянием тех, кто воспитывался в них, наши училища, общественные школы и все другие подобные заведения основаны были очень давно, но, полезные в свое время, они долго составляли огромное препятствие для высшего образования. Поддерживая старое, они заглушали все

новое. Даже и теперь они мешают образованию улучшаться по содержанию и по методу. Мешают тем, что заграждают путь другим, и отчасти тем, что делают своих воспитанников неспособными понимать, в чем состоит лучшее образование. Еще больше таких примеров можно извлечь из образовательной организации приспособленной к обучению массы. Уже одна борьба между секуляризмом и деноминационализмом в обучении могла бы показать каждому, кто ищет более широкого смысла фактов, что строение, пустившее корни в своем обществе, приобретшее целую армию наемных чиновников, которые заботятся только о своем личном благосостоянии и повышении, поддерживаемое духовными и политическими классами, которых идеи и интересы оно распространяет, - есть такое строение, которое если и возможно изменить, то с тем большим трудом, чем выше его развитие.

Я полагаю, что этими немногими примерами мне удалось выяснить природу социальной науки, ставя на вид один из ее вопросов. Что в общественных организмах, как и в личных, строение до известного предела бывает необходимо для роста - это очевидно. Что как в том, так и в другом случаях дальнейшее продолжение роста делает необходимым разрушение и перестройку строения, которое, стало быть, в этих пределах становится препятствием, - кажется, также очевидно. Но верно ли в том и в другом случаях, что довершение строения причиняет остановку роста и удерживает общество на том типе которого оно в то время достигло, - это вопрос, который требует рассмотрения. Но и без ответа на этот вопрос мне кажется довольно очевидным, что он принадлежит к числу вопросов, которые совершенно пропускаются без внимания людьми, рассматривающими общество с обыкновенной, исторической, точки зрения, и что он принадлежит той социальной науке, которая, по их словам, не существует.

Мне кажется, что я уже слышу от тех, чье умственное направление мне хорошо знакомо, сомнение, стоит ли думать о том, что происходит между дикими племенами; каким образом появляются у них начальники и лекари; каким образом промышленные отправления отделяются от политических; в чем состоят первоначальные отношения управляющих классов между собою; в какой мере общественное строение определяется душевной природой отдельных личностей, в какой мере - их идеям и, наконец, - обстановкой? Вечно занятые тем, что они называют "практическим законодательством" (под которым подразумевают, кажется, законодательство, признающее одни ближайшие причины и действия и не знающее более отдаленных), люди этого сорта сомневаются, пригодятся ли к чему-нибудь те заключения, которые имеет в виду социальная наука, если бы эти заключения и были достигнуты.

Конечно, нельзя поставить это учение на один уровень с тем историческим изучением, которое так глубоко их интересует. Высокое значение таких фактов, как генеалогия королей, судьбы династий и ссоры дворов, стоит вне всякого сомнения. Был или нет заговор для умерщвления Ами-Робсарта составлен самим Ланчестером и была ли королева Елизавета его сообщницей; был ли верен или нет рассказ, сообщенный королем Иаковом о пороховом заговоре, - все это, очевидно, сомнения такого рода, которые требуется разрешить прежде, чем можно будет составить какие-нибудь правильные заключения о развитии наших политических учреждений. Что Фридрих I Прусский ссорился со своей мачехой, заподозрил ее в попытке отравить его, бежал к своей тетке и, получивши в наследство курфюрство, интриговал и давал взятки, чтобы получить королевский титул; что спустя полчаса после его смерти сын его, Фридрих Вильгельм, распустил весь придворный штат, а затем стал копить деньги, задался главным образом пополнением и обучением своей армии, возненавидел своего сына и стал дурно с ним обращаться - все эти и тому подобные факты обо всех королевских фамилиях во все века так важны, что

без них невозможно было уразуметь прогресс цивилизации. Невозможно также обойтись без полного знания таких событий, как наполеоновские войны - его итальянские победы и контрибуции, его вероломство относительно Венеции, его экспедиция в Египет, его успехи и опустошения в этой стране, неудача в Акре и, наконец, отступление; его разнообразные переговоры, союзы, трактаты и нарушения этих трактатов, со всеми подробностями его походов в Германию, Испанию, Россию и пр., со включением сведений о его стратегии, тактике, победах, поражениях, убийствах и проч., потому что возможно ли без этих сведений судить о том, какие учреждения следует защищать и каким законодательным переменам проти-водействовать.

Однако воздавая должное таким необходимым предметам, может быть, небесполезно обратить внимание и на естественную историю общества? Может быть, и возможно было бы извлечь какое-нибудь руководство для политического образа действий из вопроса: в чем состоит естественный ход общественного развития и какое влияние окажет на него та или другая политика? Может оказаться, что нельзя принять никакой законодательной меры, которая бы не была или согласна, или несогласна с естественным процессом национального роста и развития, и что о желательности этих мероприятий должно судить скорее по этому окончательному образцу, чем по образцам приблизительным. Не заявляя больших притязаний, мы во всяком случае можем ожидать, что если существует какой-нибудь порядок между теми изменениями строения и отправлениями, которым подвергается общество, то знакомство с этим порядком не может не отражаться на наших суждениях о том, что прогрессивно и что ретроградно, что желательно, что исполнимо и что является утопией.

Этому исследованию мы и посвятим дальнейшую часть настоящего труда. Найдется немало важных соображений, на которых следует остановиться прежде, чем приступить к изучению социологии.

ВУНДТ ВИЛЬГЕЛЬМ (WUNDT) - родился 16 августа 1832 г. в г. Неккарау, Баден - немецкий психолог, физиолог, философ, языковед. Ему принадлежит разработка физиологической психологии как особой науки, использующей метод лабораторного эксперимента для расчленения сознания на элементы и выяснения закономерной связи между ними. Созданная им в 1879 г. первая в мире психологическая лаборатория стала международным центром экспериментальной психологии. В ней изучались ощущения, время реакции, ассоциации, внимание, чувства. Предметом психологии Вундт считал непосредственный опыт - доступные самонаблюдению явления или факты сознания; однако высшие психические процессы (речь, мышление, воля), по Вундту, недоступны эксперименту, и он предложил изучать их культурно-историческим методом. Он стоял на позициях психофизического параллелизма. В области сознания действует особая психическая причинность, а поведение определяется апперцепцией. Опыт психологического истолкования мифа, религии, искусства и других явлений культуры Вундт предпринял в 10-томной "Психологии народов" ("Volkerpsychologie", 1900-1920 гг.). Вундт определял язык как одну из форм проявления "коллективной воли", или "народного духа". С этим пониманием языка как динамического процесса связано выделение в качестве главного объекта языковедения языковой деятельности, а не языковой системы.

В число основных его работ в русском переводе входят также: "Основные черты психологической истории развития человечества", "Основания физиологической психологии" (1880-1881), "Лекции о душе человека и животных" (1894), "Система философии" (1902), "Очерки психологии" (1912), "Введение в психологию" (1912), "Естествознание и психология" (1914). Умер 31 августа 1920 г. в г. Гросботене, близ Лейпцига.

В. Вундт ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ НАРОДОВ

I. ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ НАРОДОВ

1. ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИИ НАРОДОВ

Вполне понятно, что новые области знания или - если новой области в строгом смысле слова еще нет - новые формы научного исследования некоторое время должны бороться за свое существование; до известной степени это, может быть, даже полезно: таким образом вновь возникающая дисциплина получает могущественнейший толчок к тому, чтобы обеспечить свое положение приобретениями в области фактов и точнее уяснить себе свои задачи путем разграничения с близкими к ней областями знания, причем она умеряет слишком далеко идущие притязания и точнее отграничивает притязания правомерные.

Так, на протяжении девятнадцатого столетия, мы наблюдали отделение сравнительной анатомии от зоологии, языковедения от филологии, антропологии от анатомически-физиологических наук и от этнологии. Но и эти уже признанные в настоящее время области не везде вылились в законченную форму. Так, в илложении сравнительной анатомии по большей части все еще придерживаются методов зоологической системы. Как ни несомненным кажется объект исследования в языковедении, однако, лингвисты далеко не единодушны во мнениях об отношении его к другим объектам исторического исследования. Наконец, антропология лишь до недавнего времени признала своей специфическою областью естественную историю человека и неразрывно связанную с ней историю первобытного человека. Во всяком случае все эти области знания располагают уже в настоящее время относительно обеспеченным достоянием. Если мнения относительно их значения и задачи еще могут колебаться, зато едва ли уже возможно сомнение в их праве на существование и относительной самостоятельности.

Совершенно иначе обстоит дело с тою наукою, название которой довольно часто упоминается, хотя не всегда с ним связывается ясное понятие, - с психологией народов. Уже с давнего времени объекты ее - культурное состояние, языки, нравы, религиозные представления - не только являются задачей особых научных отраслей, как-то: истории культуры и нравов, языковедения и философии религии, но вместе с тем чувствуется уже давно потребность исследовать эти объекты в их общем отношении к природе человека, почему они по большей части и входят, как составная часть, в антропологические исследования. В особенности Причард в своем устаревшем в настоящее время, но сделавшем в свое время эпоху в антропологии сочинении¹ обратил должное внимание на психические отличия рас и народов.

¹ Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.

Но так, как антропология исследует эти отличия лишь в их генеалогическом и Этнографическом значениях, то при этом упускается из виду единственная точка зрения, с которой можно рассматривать все психические явления, связанные с совместной жизнью людей, - психологическая. А так как задачей психологии является описание данных состояний индивидуального сознания и объяснение связи его элементов и стадий развития, то и аналогичное генетическое и причинное исследование фактов, предполагающих для своего развития духовные взаимоотношения, существующие в человеческом обществе, несомненно также должно рассматриваться как объект психологического исследования.

Действительно, Лацарус и Штейнталь противопоставили в этом смысле индивидуальной психологии - психологию народов. Она должна была служить дополнением и необходимым продолжением индивидуальной психологии и, следовательно, лишь в связи с нею исчерпывать вполне задачу психологического исследования. Но так как все отдельные области знания, проблемы которых при этом вторично

затрагивает психология народов, - языковедение, мифология, история культуры в ее различных разветвлениях - уже сами давно старались выяснить психологические условия развития, то отношение психологии народов к этим отдельным дисциплинам становится до известной степени спорным, и возникает сомнение, не позаботились ли уже раньше другие о всестороннем разрешении той задачи, которую они себе ставят. Чтобы взвесить основательность этого сомнения, присмотримся прежде всего поближе к программе, предпосланной Лацарусом и Штейнталем их специально психологии народов посвященному журналу: "Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft"².

В самом деле, программа так обширна, как только можно: объектом этой будущей науки должны служить не только язык, мифы, религия и нравы, но также искусство и наука, развитие культуры в общем и в ее отдельных разветвлениях, даже исторические судьбы и гибель отдельных народов, равно как и история всего человечества. Но вся область исследования должна разделяться на две части: абстрактную, которая пытается разъяснить общие условия и законы "национального духа" (Volksggeist), оставляя в стороне отдельные народы и их историю, и конкретную, задача которой - дать характеристику духа отдельных народов и их особые формы развития. Вся область психологии народов распадается, таким образом, на "историческую психологию народов" (Volkergeschichtliche Psychologie) и "психологическую этнологию" (Psychologische Ethnologie).

Лацарус и Штейнталь отнюдь не просмотрели тех возражений, которые прежде всего могут прийти в голову по поводу этой программы. Прежде всего они восстают против утверждения, что проблемы, выставляемые психологией народов, уже нашли свое разрешение в истории и ее отдельных разветвлениях: хотя предмет психологии народов и истории в ее различных отраслях один и тот же, однако метод исследования различен. История человечества - "изображение прошлой действительности в царстве духа", она отказывается от установки законов, управляющих историческими событиями. Подобно тому как описательная естественная история нуждается в дополнении объясняющего природоведения - физики, химии и физиологии, - так и история, в смысле своего рода естественной истории духа, нуждается в дополнении со стороны физиологии исторической жизни человечества, а это как раз - психология народов. Поскольку историки, в особенности историки культуры, филологи, языковеды, пытаются достичь психологического понимания исследуемых ими фактов, она дает ценные предварительные работы; но всегда еще остается при этом нерешенной задача выяснения общих законов, управляющих приобретенными таким образом фактами, а это дело уже психологии народов.

Эти рассуждения, имеющие целью защитить право на существование психологии народов и ее самостоятельность, в свою очередь весьма легко наводят на возражения. Едва ли представители истории и различных других наук о духе удовольствуются уделенной им в подобном рассуждении ролью. В сущности, она сведена ведь к тому, что историки должны служить будущей психологии народов и раба тать на нее. На деле же это, предложенное с целью обеспечить за психологию народов особую область, разделение труда, не соответствует действительным условиям научной работы. Конечно, всякая история, если угодно, представляет собою "изображение прошлой действительности в царстве духа". Но такое изображение отнюдь не может отказаться от причинного объяснения событий. Всякая историческая дисциплина стремится поэтому, наряду с возможно широким захватом внешних побочных условий, к психологическому объяснению. Конечно, вполне возможно сомнение в том, удастся ли когда-нибудь найти "законы исторических событий" в смысле законов естествознания. Но если бы это было возможно, историк, конечно, никогда не отказался бы от своего права вывести их из возможно широкого знания самых исследуемых им фактов. Сравнение с естественной истори

ей не выдерживает критики уже потому, что противопоставление чисто описательной и объяснительной обработки того же самого объекта или состояния не считается в настоящее время правильным, пожалуй что, ни одним из естествоиспытателей. Зоология, ботаника, минералогия не менее, чем физика, химия и физиология, стремятся объяснить объекты своего исследования и, насколько возможно понять их в их причинных отношениях. Различие между этими науками заключается скорее же в том, что зоология, ботаника, минералогия имеют дело с познанием отдельных объектов природы в их взаимной связи, а физика, химия и физиологии - с познанием общих процессов природы. С этими более абстрактными дисциплинами можно до известной степени сопоставить общее языковедение, сравнительную мифологию или всеобщую историю, а с более конкретными дисциплинами - зоологией, ботаникой, минералогией - систематическое исследование отдельных языков, отдельных мифологических циклов и историю отдельных народов. Не здесь сейчас же приходит на ум возражение, что столь различные по своему характеру области, в сущности, совсем не допускают сравнения между собой, так как возникают и развиваются они в совершенно различных условиях.

В особенности ясно проявляется это, в данном случае, в несравненно более тесной связи общих дисциплин со специальными в науках о духе. Эволюция отдельных языков, мифологических циклов и история отдельных народов являются столь неотъемлемыми составными частями общего языковедения, мифологии и истории, что общие и конкретные дисциплины предполагают друг друга, причем абстрактные дисциплины в особенности зависят от конкретных. Можно быть хорошим физиком или физиологом, не обладая особенно глубокими познаниями в минералогии и зоологии, но конкретные области здесь требуют знания общего. Напротив, нельзя изучать общее языковедение, всеобщую историю без основательного знакомства с отдельными языками и отдельными историческими эпохами, здесь скорее возможен даже обратный случай: исследование частного до известной степени не нуждается в фундаменте общего. В развитии душевной жизни частное, единичное несравненно более непосредственным образом является составной частью целого, чем в природе. Природа распадается на множество объектов, которые, наряду с общими законами их возникновения и распада, и должны служить объектами самостоятельного исследования, духовное же развитие в каждой из главных своих областей постоянно разлагается лишь на большое число частичных процессов развития, образующих интегрирующие составные части целого. Поэтому и объект, и способ исследования остаются теми же самыми как в отдельных областях, так и в общих, основывающихся на них науках. Неудовлетворительное уже с точки зрения естественных наук противопоставление чисто описательного и объяснительного исследования явлений в науках о духе совершенно, таким образом, не выдерживает критики. Где дело идет не о различном содержании, но лишь об ином объеме исследуемых объектов, там и не может уже быть и речи о различии главнейших методов или общих задач. Общая задача всюду заключается не просто в описании фактов, но в то же время и в указании их связи и, насколько это в каждом данном случае возможно, в их психологической интерпретации. К какой бы области, следовательно, ни приступила со своими исследованиями психология народов, всюду она находит, что ее функции уже выполняются отдельными дисциплинами.

Тем не менее можно полагать, что в одном отношении остается еще пробел, требующий заполнения путем особенно тонкого и глубокого исследования. Каждая из отдельных исторических наук прослеживает исторический процесс лишь в одном направлении душевной жизни. Так, язык, мифы, искусство, наука, государственное устройство и внешние судьбы народов представляют собой отдельные объекты различных исторических наук. Но разве не ясна необходимость собрать эти

отдельные лучи духовной жизни как бы в едином фокусе, еще раз сделать результаты всех отдельных процессов развития предметов объединяющего и сравнивающего их исторического исследования? Действительно, уже с давних пор эта проблема привлекала внимание многих исследователей. Отчасти сами представители всеобщей истории почувствовали потребность включить в свое изложение исторических событий различные моменты культуры и нравов, в особенности же считали всегда такого рода всеобъемлющее исследование истинной задачей философии истории. И Лацарус и Штейнталь отнюдь не просмотрели тесной связи предложенной ими программы психологии народов с философией истории; но дело в том, что, по их мнению, в философии истории всегда пытались дать до сих пор лишь сжатое, резонирующее изображение духовного содержания, своего рода квинтэссенцию истории, и никогда не обращали внимания на законы исторического развития³. Не думаю, чтобы этот упрек был справедлив в столь общей форме. Как Гердер, так и Гегель, о которых мы прежде всего должны вспомнить, когда речь заходит о философии истории, пытались указать определенные законы развития в общем ходе истории. Если они, на современный наш взгляд, и не пришли к удовлетворительному результату, то причина этого крылась не в том, что они не предприняли попытки обобщить законы, но в несовершенстве или нецелесообразности примененных ими вспомогательных средств и методов, т.е. в тех условиях, которые, в сущности, всякой попытке в этой столь трудной области придают более или менее преходящий характер. Если, с другой стороны, ни Гердер ни Гегель не стремились, в частности, к тому, чтобы установить чисто психологические законы исторического развития, то в этом они, пожалуй, были правы, так как психические силы все же являют собой лишь один из элементов, которые нужно учесть для причинного объяснения в истории: помимо психических сил в историческом процессе играет значительную роль очень подчеркнутое уже Гердером и слишком игнорируемое Гегелем влияние природы и многочисленные внешние влияния, возникающие вместе с культурой.

2. ПРОГРАММА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ О ПРИНЦИПАХ

Но должны ли мы в виду вышеизложенных сомнений вообще отрицать право психологии народов на существование? Принадлежат ли ее проблемы, как это может показаться после изложенных выше разъяснений, всецело другим областям знания, так что для нее уже не остается самостоятельной задачи? Такое заключение, действительно, было сделано. В особенности подчеркнул его Герман Пауль в своем почтенном и важном труде: "Prinzipien der Sprachgeschichte". Однако он приходит к этому взгляду, отправляясь от точек зрения, несколько отличающихся от развитых выше.

Пауль исходит в своих разъяснениях из деления всех наук на науки о законах и на исторические науки⁴. Первые распадаются на естествознание и психологию, (Юследние - на исторические науки о природе и на исторические науки о культуре. Научам о законах совершенно чуждо понятие развития, оно даже несоединимо с понятием этих наук; напротив, в исторических науках понятие развития господствует над всем. Этот антагонизм между обеими областями требует примирения в третьей, стоящей между ними области, в науке философии истории или в науке о принципах. То, что Лацарус и Штейнталь считали задачей психологии народов, по Паулю, как раз будет задачей науки о принципах, которая, по его мнению, дает столько разветвлений, сколько существует до известной степени отграниченных друг от друга областей исторического развития. Поэтому все усилия этих наук о принципах должны быть направлены на выяснение того, как при условии постоянных сил и отношений возможно тем не менее развитие. Так как существуют лишь индивидуальные души, то, по мнению Пауля, возможна лишь индивидуальная

психология. В связанном с человеческим обществом культурном развитии не могут освободиться никакие силы, не существовавшие уже раньше в отдельной душе, поэтому и в развитии культуры не может быть никаких законов, которые уже не действовали бы в отдельной душе.

Конечно, уже Лацарус и Штейнталь не упустили из виду возможность этого последнего, основанного на отрицании существования мифологической "души народа", возражения. И по их мнению, "душа народа" в собственном смысле этого слова - немислима. Но и для индивидуальной психологии (так сейчас же отвергается это само собой возникающее возражение) - "познание души, т.е. ее субстанции или качества, отнюдь не является целью, и даже не представляет собой существенной стороны в ее задаче". Задача психологии скорее в "изображении психического процесса или прогресса, следовательно, в открытии законов, по которым совершается всякая внутренняя действительность человека, и разъяснении причин и условий всякого прогресса и всякого повышения в этой деятельности". Поэтому психология называется также у Лацаруса и Штейнталья "наукой о духе", тогда как "наука о душе" будет скорее же частью метафизики или натурфилософии, поскольку под "душой" мы будем понимать сущность или субстанцию души, а под "духом" - деятельность души и ее законы. В этом смысле можно говорить если не о душе народов, то во всяком случае о духе народов (Volksggeist), совершенно так же, как мы говорим об индивидуальном духе, и психология народов может развиваться наряду с индивидуальной психологией с равным правом на существование⁵.

Редко кто-либо из приверженцев субстанциального понятия о душе с большей несомненностью признавал полную непригодность его для психологического объяснения, чем это сказывается в приведенных выше цитатах из обоих гербартианцев. В особенности замечательно, что вопрос о субстанции души перенесен из психологии в натурфилософию, которая действительно является истинным источником этого понятия; при этом несомненно, что натурфилософия образовала его не ради собственных нужд, но ради мнимой услуги психологии. Если же отклонить эту помощь, как мы видели выше у Лацаруса и Штейнталья, то непонятным становится, какое вообще значение должно иметь это понятие⁶. Во всяком случае в Учении о душе ясно сказывается еще влияние метафизических точек зрения. Лацарус и Штейнталь фактически отреклись от основной предпосылки Гербарта, и лишь благодаря этому стало для них возможным прийти к идее психологии народов. Герман Пауль возвращается к точному толкованию Гербарта, и так как, согласно этому пониманию, возможна лишь индивидуальная психология, то он вполне последовательно отрицает право психологии народов на существование. Замечательно однако то, что Лацарус и Штейнталь, отрекаясь в принципе от основной точки зрения Гербарта, придерживаются тем не менее отдельных его предпосылок: хотя они и говорят о процессах развития также и в индивидуальной душе, тем не менее в основе всех их объяснений лежит гербартианская идея механизма представлений, в сущности, исключающего всякое развитие. Если все психические процессы от самых низших до самых высших основываются на однообразном повторении той же самой механики представлений, то условия всякого развития последовательным образом разложатся на внешние случайные взаимодействия с окружающей природой. Так и сам Гербарт, совершенно в духе основной своей предпосылки, допускал, что различие между человеком и животным в конце концов основывается на различии физической организации и на тех обратных воздействиях, которые она оказывает на душу. Нигде с большей ясностью не проглядывает бессознательный материализм, лежащий в основе всей метафизики души. И в этом пункте Пауль остается верным гербартианской метафизике. Психология, согласно Паулю, - "наука о законах"; поэтому понятие развития чуждо ей. Находимые ею абстрактные законы предшествуют всякому

духовному развитию: развитие всегда является позднейшим продуктом культуры, т.е. взаимодействия этих законов духовной жизни с внешними материальными условиями и влияниями. Но рассмотрение продуктов этого взаимодействия - дело исторического исследования.

Однако и Пауль не может не признать, вместе с Лацарусом и Штейнталем, что законы душевной жизни, в установке которых и заключается задача психологии, как науки о законах, должны заимствоваться не из понятия души, привнесенного со стороны, но из самого внутреннего опыта. Но тогда истинным объектом психологии будут, как это признали уже Лацарус со Штейнталем, в сущности, данные состояния сознания. Душа при этом будет уже не сущностью, находящейся вне этих данных душевных переживаний, но самими этими переживаниями; другими словами: различие между душой и духом, которое и без того уже перенесло понятие души из психологии в метафизику или даже в натурфилософию, в психологии совершенно лишено объекта. Если она и называет, согласно традиционному словоупотреблению, объект своего исследования душой, то под этим словом подразумевается лишь совокупность всех внутренних переживаний. Многие из этих переживаний, несомненно, общи большому числу индивидуумов; мало того, для многих продуктов душевной жизни, напр, языка, мифических представлений, эта общность является прямо-таки жизненным условием их существования. Почему бы, в таком случае, не рассматривать с точки зрения актуального понятия о душе эти общие образования представлений, чувствования и стремления, как содержание души народа, на том же основании, на котором мы рассматриваем наши собственные представления и душевные движения, как содержание нашей индивидуальной души; и почему этой "душе народа" мы должны приписывать меньшую реальность, чем нашей собственной душе?

Конечно, на это можно возразить, что душа народа всегда состоит все же из единичных душ, причастных ей; она - ничто вне последних, и все, что она порождает, приводит нас с необходимостью назад, к свойствам и силам индивидуальной души. Но если, как это само собой разумеется, предварительные условия всего, что порождается известным составным целым, уже должны содержаться в его членах, однако этим отнюдь не утверждается еще, что все продукты, создаваемые составным целым, вполне объяснимы из предварительных его условий. Скорее же можно ожидать, что совместная жизнь многих одинаковых по организации индивидуумов и вытекающие из этой жизни взаимодействия их между собой должны, как вновь привходящее условие, порождать и новые явления со своеобразными законами. Хотя эти законы никогда не могут противоречить законам индивидуального сознания, однако они отнюдь не содержатся, благодаря этому, в последних, совершенно так же, как и законы обмена веществ, например, в организмах, не содержатся в общих законах сродства тел.

В психологической области к этому присоединяется еще тот своеобразный момент, что реальность души народа для нашего наблюдения является столь же изначальной, как и реальность индивидуальных душ, почему индивидуум не только принимает участие в функциях общества, но в еще большей, может быть, степени зависит от развития той среды, к которой он принадлежит. Так, например, логические сочетания представлений относятся уже к области индивидуально-психологического исследования. Но ясно вместе с тем, что язык и связанное с эволюцией его развитие мышления оказывают столь сильное влияние на логические сочетания представлений индивидуума, что все попытки отвлечься от этого влияния при исследовании индивидуального сознания должны остаться тщетными. Поэтому, если мы будем придерживаться лишь фактов и отбросим совершенно бесполезные для исследования метафизические гипотезы, то психология народов вполне удержит за собой свое право на существование. Хотя обсуждаемые в ней проблемы, в

общем, и предполагают индивидуальную психологию, однако и психология народов во многих отношениях, в особенности, при анализе сложных душевных процессов, может оказывать влияние на объяснение индивидуальных состояний сознания.

По-видимому, однако, не только указанный метафизический предрассудок прерывает путь признанию новой психологической дисциплины: Пауль приводит в защиту своего мнения еще два фактических основания. Во-первых, всякое взаимодействие индивидуумов, следовательно, и всякая культура, обусловлены в то же время и физическими влияниями; поэтому культурно-исторические области не могут быть объектами чисто психологического, только на душевные процессы направленного исследования. Во-вторых, всякая история культуры представляет собой развитие, психология же - наука о законах, цель ее лишь установить однообразно на всех ступенях развития действующие законы, а не проследить и даже вывести само развитие.

Однако я не могу признать основательными и оба эти возражения, так как, по моему мнению, они опираются на ложное понятие о психологии. Прежде всего такая психология должна установить законы душевной жизни, как таковые, т.е. независимо от каких-либо влияний физической среды. Но существуют ли совершенно независимые от физических влияний душевные явления, которые можно было бы понять в их причинной связи помимо всякого отношения к физической среде? Наша душевная жизнь; от простых ощущений органов чувств и восприятий до наиболее сложных мыслительных процессов связана с теми отношениями к физической организации, которые мы, оставаясь на почве эмпирического психологического исследования, должны понимать как физические влияния в том же смысле, в каком мы пытаемся свести, например, культурное развитие в его различных разветвлениях к взаимоотношению психики с внешними природными условиями жизни. Механика души, трактуемая представлениями, как воображаемые сущности, подчиненные совершенно независимым от физических влияний законам Движения и задержки, представляет собой совершенно трансцендентную дисциплину, не имеющую ничего, кроме названия, общего с действительной психологией, стремящейся понять данные душевные состояния в их условиях и взаимоотношении.

Это же понятие мнимой механики души, относящееся к действительной психологии так же, как метафизические воздушные замки, изображающие мир в себе, к Действительному природоведению, делает для нас понятным и второе возражение: психология - "наука о законах"; поэтому понятие развития не только чуждо психологии, но даже находится с ней в противоречии. Конечно, с тем понятием о душе, которое служит этому психологическому учению как бы мишурным украшением, понятие о развитии может находиться в противоречии. Но противоречит ли оно также действительной душевной жизни, как она дана нам в неискаженном психологическими гипотезами виде в фактах индивидуального сознания? Не будет ли здесь все опять-таки развитием, начиная с простейших восприятий органов чувств и кончая возникновением наиболее сложных эмоциональных и мыслительных процессов? Если и психология, насколько это для нее осуществимо, должна свести эти явления к законам, то во всяком случае не путем абстракции этих законов от фактов самого духовного развития. Никогда не должны мы забывать, что "законы", устанавливаемые относительно какой-либо области фактов, сохраняют свое значение лишь пока они действительно приводят эти факты в объясняющую связь. Законы, не удовлетворяющие этому требованию, не помогают познанию, но тормозят его. Но есть ли более значительный факт как в индивидуальной, так и в общей душевной жизни, чем именно факт развития?

И в этом случае, как это вообще часто бывает, правильному пониманию предмета, по моему мнению, помешало применение не идущих к делу аналогий. Рас-

смаывая механику и абстрактную физику как образец, которому должна подражать всякая объяснительная наука, забывают о различии условий обеих областей знания. Если психологию и можно вообще сравнивать в методологическом отношении с какой-либо естественнонаучной дисциплиной, то прежде всего, конечно, с физиологией (поскольку же речь идет о психологии человека - с физиологией человека), а не с механикой и абстрактной физикой, возникшими из исследования наиболее общих и совершенно неизменных свойств материального мира. Ведь ни один физиолог не согласится с тем, что вопрос о развитии жизни и жизненных функций не подлежит суду физиологии, и что физиология не должна, в конце концов, открыть "законы", объясняющие нам это развитие. Если это положение бесспорно в физиологии, то тем более, по моему мнению, оно имеет значения и для психологии. При исследовании физиологических процессов, во многих случаях, когда дело идет лишь о понимании механических или химических процессов в организме, все же можно отвлечься от вопроса о генезисе. В психологической же области все как раз втянуто в поток того никогда не успокаивающегося духовного становления, которое хотя и может принять иные формы в области исторических явлений, однако и здесь в основах своих остается тождественным с индивидуальной духовной эволюцией, ибо всякое историческое развитие берет свой источник в основных фактах духовной эволюции, проявляющихся и в индивидуальной жизни. Если, следовательно, когда-либо удастся в той области подвести факты под законы, последние никогда не будут в состоянии удовлетворить нас, если сами они не будут по большей части носить характер законов развития.

Психология поступает при этом не иначе, чем всякая другая наука о духе. И языковедение, несмотря на то, что объект его непрестанно изменяется в потоке исторического развития, отнюдь не отказывается от формулировки эмпирических законов. Для сущности дела неважно при этом, распространяются ли подобные обобщения на более узкую или более широкую область. Важно то, что эмпирические законы, находимые естествознанием, в последней инстанции - как все в совокупности, так и отдельно взятые - являются законами развития. Законы перехода звуков, например, устанавливают, как звуковой состав одного языка или группы языков изменяется с течением времени. Законы образования форм устанавливают, как сложились формы речи и какие видоизменения они претерпели. Если психология обозначает известную закономерность в душевных явлениях, как "законы", не дающие непосредственного познания данного момента в течение душевных процессов, то законы эти, в сущности, представляют собой лишь кажущиеся исключения. Дело обстоит в этом случае так же, как и при установке законов грамматики, когда отвлекаются от изменений звуков речи и форм, чтобы представить организм данного языка в определенном, принимаемом за неизменное, состоянии, или так же, как при установке тех законов физиологии, в основу которых кладутся исключительно в развитом человеческом организме данные условия жизни. Так, законы ассоциаций и апперцепции для определенной степени развития сознания приобретают в известной мере общезначимость. Но самая эта ступень представляет собой звено в длинной цепи процессов развития, и психологическое понимание законов, имеющих для нее значение, всегда предполагает знакомство с низшими формами душевных явлений, из которых развились их более высокие формы.

Душевная жизнь в сознании человека иная, чем в сознании высших животных, отчасти даже психика культурного человека отличается от психики дикаря. И совершенно тщетны были бы надежды на то, что когда-нибудь нам удастся вполне подвести душевные явления высшей степени развития под те же "законы", которым подчинена психика на низшей ступени эволюции. Тем не менее между обеими степенями развития существует тесная связь, которая и помимо всяких допущений генеалогического характера ставит перед нами задачу рассмотрения законов

высшей ступени развития душевной жизни в известном смысле как продукта эволюции низшей ступени. Все духовные явления втянуты в тот поток исторической эволюции, в котором прошлое хотя и содержит в себе задатки развития законов, пригодных для будущего, однако эти законы никогда не могут быть исчерпывающим образом predetermined прошлым. Поэтому в каждый данный момент можно в крайнем случае предсказать направление будущего развития, но никогда не самое развитие. Главнейшая причина этого лежит в том, что уже при развитии общих функций сознания наряду с благоприятными для этого развития условиями, содержащимися в самых фактах психической жизни, важную роль играет всегда влияние внешних условий окружающей среды. Эта зависимость развития психики от окружающей природы делает неприемлемой фикцией допущение психологических законов, предшествующих всякому отношению к физической организации и обращающих последнюю разве лишь в средство для достижения своих целей. Психология всюду имеет дело с процессами развития, которые, подобно всем духовным процессам, связаны с многочисленными внешними отношениями, и с отношением к своему собственному телу. Поэтому в психологии так же невозможно установить законы душевной жизни к их абстракции от всех этих отношений, как и во всякой другой области исторического развития. Только в том случае, если мы допустим понятие "закона" не в принятом во всех эмпирических науках смысле абстрактного обобщения известных закономерных явлений в опыте, но придадим ему значение выведенной из метафизических предпосылок нормы, которой действительность по каким-либо основаниям должна подчиняться a priori, - лишь в этом случае "законы" могут принять вид таких вне всяких условий времени и внешних условий стоящих норм. Но такие не выведенные непосредственно из предмета психологии, а привнесенные в нее из чуждой области законы до сих пор всегда оказывались непригодными для объяснения душевных явлений, хотя не было, как это само собой разумеется, недостатка в попытках искусственным образом связать их с фактами. Но если бы даже подобная попытка и удалась, все же эти мнимые законы оставили бы незатронутой как раз главную проблему психологии - вопрос о развитии психики.

3. ГЛАВНЫЕ ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ НАРОДОВ

По-видимому, конечным результатом наших рассуждений будет все-таки полная неуверенность наша в ответе на вопрос, что собственно нужно считать истинной задачей психологии народов. С одной стороны, нельзя не признать, что программа, предложенная Лацарусом и Штейнталем, неприемлема. Допущенное ими полное разграничение описания и объяснения не оправдывается ни в одной науке, и требуемая ими новая дисциплина, куда ни обратится, всюду находит все места занятыми. С другой стороны, нельзя, однако, согласиться с возражениями против права психологии народов на существование, почерпнутыми из понятия индивидуальной психологии и ее задач. Индивидуум не менее, чем какая-либо группа или общество зависит от внешних влияний и от процесса исторического развития; поэтому одной из главных задач психологии навсегда останется исследование взаимодействия индивидуумов со средой и выяснение процесса развития. Если мы оставим в стороне непригодное для эмпирического исследования метафизическое понятие о душе и связанную с ним фикцию о "законах", и будем понимать под "душой" лишь совокупное содержание душевных переживаний, а под психическими законами - замечаемую в этих переживаниях закономерность, то "душа народа" будет столь же приемлемым и даже необходимым объектом психологического исследования, как и индивидуальная душа. А так как закономерность заметна и в тех душевных процессах, которые связаны со взаимодействием и взаимоотношением индивидуумов, то психология народов с не меньшим, чем индивидуальная психология, правом может притязать на звание "науки о законах".

При таких условиях можно допустить, что предложенная Лацарусом и Штейнталем программа психологии народов неприемлема не потому, что вообще не существует такой науки с самостоятельной программой, но в силу слишком широкого объема программы и несовершенного отграничения задачи этой новой дисциплины.

В самом деле, в последнем отношении справедливые возражения вызывает уже формулировка задачи специальной или конкретной части психологии народов. Она должна исследовать "действительно существующий национальный дух того или другого народа (Volksgeist) и специальные формы развития каждого из них", следовательно, дать психологическое описание и характеристику отдельных народов. Но такое предприятие является истинной задачей этнологии, которая с полным правом стремится к одновременному изображению физических и психических свойств того или другого народа в их взаимном отношении и в их зависимости от природы и истории. Конечно, временное выделение психологической части этого исследования может быть полезным в интересах разделения труда. Но никогда нельзя допустить в данном случае принципиального разделения, и даже те исследователи, которые работали преимущественно в области психологической этнологии, положительно высказались против такого разделения⁷. Правда, этнология прежде всего может доставить материал для общей характеристики психических свойств человека, почему она во всяком случае является важной вспомогательной дисциплиной для психологии народов, однако, соответствующей ей общей дисциплиной будет не психология народов, а антропология. Но и антропология занимает среднее место между физиологическим и психологическим исследованием человека, так как она, в качестве естественной истории человека, рассматривает его одновременно в его физических и духовных качествах.

Если мы выделим эти этнологические и антропологические проблемы, то в том, что, по Лацарусу и Штейнталу, составляет содержание общей части психологии народов, останутся еще такие области, которые, как мне кажется, должны быть исключены, по крайней мере, из основных, общих ее исследований. Прежде всего сюда относится всеобщая история. Психология является для нее важным вспомогательным средством, так как психологическая интерпретация необходима для всякого более глубокого проникновения в связь исторических событий. Напротив, история, взятая сама по себе, ни в коем случае не может быть - в силу сложной природы исторических процессов - причислена к основным областям психологии народов. Исторические судьбы отдельного народа имеют столь своеобразный характер, что допускают лишь аналогии между различными эпохами, а не выведение общезначимых психологических законов развития. При исследовании в области всеобщей истории духовные мотивы сочетаются, напротив, с массой естественноисторических и социологических условий, далеко выходящих за сферу задач психологического анализа, так как все эти элементы, взятые в целом, стремятся перейти уже в философское исследование. Поэтому всегда и во всех попытках формулировать общие законы исторического развития последние, независимо от степени удачности их формулировки, в силу внутренней необходимости носят характер философских принципов. В тех случаях, когда в установке этих законов принимает участие и психология народов - что неизбежно, если мы не хотим чтобы философия истории пошла по ложному пути умозрительных конструкций, - обсуждению будут подлежать непременно частные проблемы. Так, проблемы выяснения законов эволюции общества, обычаев и права, искусства, религии и т.д. прежде всего относятся к психологии народов и затем уже в более общей связи - к философии истории. Но предметом рассмотрения со стороны психологии народов эти отдельные процессы развития становятся лишь, поскольку в них, - в силу общих всем народам свойств человеческой природы, - проявляются совпадающие по существу черты. Это приложимо прежде всего к начальному

периоду общественной жизни, тогда как на позднейших ступенях развития, вместе с ростом внешних и внутренних частных влияний, разнообразие процессов эволюции все более и более оттесняет общезначимые психические мотивы и заставляет их растворяться в совокупности исторических условий; поэтому всеобщая история и психология народов соприкасаются лишь в том смысле, что обе эти дисциплины должны соединиться друг с другом, чтобы достигнуть философского исследования исторического человечества.

Напротив, они существенно уклоняются, в общем, от эволюции в истории развития искусства и науки.

Искусство в своих зачатках не представляет собой самостоятельной области общественной жизни: оно настолько тесно еще сливается в первоначальном периоде развития с мифами и обычаями, что отграничить его от них возможно лишь по общим формам, а не по основным мотивам его возникновения и первоначальной эволюции. Если наряду с внешними природными условиями и существуют технические и рано уже самостоятельные эстетические мотивы, определяющие художественное творчество, то сами они возникают отчасти из потребности в мифологии, которая должна объективизироваться в мимических и пластических представлениях или в песне и повествовании, чтобы достигнуть самобытного развития. И наука первоначально совершенно сливается с мифологическим мышлением, и оно долго еще воздействует на нее. Еще более продолжительное время остается, наконец, связанной с мифами третья область общественной жизни-религия, почему проблема развития ее из мифологии является вообще одной из важнейших проблем психологии народов, совпадающей в то же время вполне с проблемой развития самой мифологии. Всем этим трем областям обще то, что с момента их выделения из мифов и обычаев и начала самостоятельного существования отдельная личность решительнее начинает воздействовать на общее развитие, и в то же время все более резко начинают проявляться отличительные, характерные признаки отдельных циклов эволюции. Вместе с тем и исследования, относящиеся специально к психологии народов, выделяются из общего исторического исследования. Но так как и в психологии народов нет недостатка в общих мотивах, которые по большей части можно рассматривать как прямое продолжение действующих в начальном периоде духовного развития человечества сил, то перед этой новой дисциплиной вырастает новая задача - указать пути, по которым можно перейти к этим историческим дифференциациям общего духовного развития. Здесь психология народов опять-таки соприкасается поэтому, с одной стороны, с эстетикой и философией религии, с другой - с философией истории.

Согласно с этим остаются, в конце концов, три большие области, требующие, по-видимому, специального психологического исследования, три области, которые - ввиду того, что их содержание превышает объем индивидуального сознания - в то же время обнимают три основные проблемы психологии народов: язык, мифы и обычаи.

Конечно, и эти три области прежде всего являются объектами чисто исторического исследования, и психологическое объяснение в этом исследовании, как и во всякой истории, принимается во внимание лишь как вспомогательное средство интерпретации. Но от истории в собственном смысле слова эти три области отличаются общезначимым характером определенных духовных процессов развития, проявляющихся в них. Однако отнюдь не во всех фактах проявляется этот характер: каждый язык, каждый национальный мифологический цикл и эволюция обычаев находятся в зависимости от своеобразных, не сводимых ни к каким общезначимым правилам, условий. Но наряду с проявлением этого своеобразного характера, присущего им, как и всякому историческому процессу, они подчиняются,

в отличие от продуктов исторического развития в тесном смысле этого слова, общим духовным законам развития.

Причина этого явления лежит в том, что эволюция этих общих всему человечеству созданий его творческого духа основывается на общности духовных сил, проявления которых также поэтому согласуются в известных общих чертах. В истории аналогичное отношение наблюдается лишь в известных индивидуальных мотивах поведения, которые равным образом всюду повторяются в силу общей всему человечеству организации. Однако в этом случае индивидуальные мотивы, в силу многократного перекрещивания интересов, никогда не могут обеспечить обусловленным ими поступкам универсального значения для общего хода исторического развития: и в тех результатах, которые получаются из них в области психологии народов, мотивы эти сохраняют свой индивидуальный характер. Таким образом, индивидуальная психология по отношению к внешней истории народов всегда играет роль вспомогательного средства, и в истории нигде не находится объектов самостоятельного психологического исследования.

Напротив, между психологией и тремя вышеуказанными областями исследования (язык, мифы, обычаи) взаимоотношение этого рода осуществляется в полном объеме. И в этом случае психология естественным образом служит для разъяснения отдельных явлений; с другой стороны язык, мифы, обычаи сами представляют собой духовные продукты развития, в порождении которых проявляются своеобразные психологические законы. Хотя в свойствах индивидуального сознания уже содержатся последние мотивы к возникновению этих законов, однако нельзя сказать, чтобы самые законы эти были уже predeterminedены в мотивах. Поэтому все возникающие из общности духовной жизни процессы эволюции становятся проблемами самостоятельного психологического исследования; и для него вполне целесообразно удерживать название психология народов по той причине, что нация является важнейшим из тех концентрических кругов, в которых может развиваться совместная духовная жизнь. Психология народов, со своей стороны, является частью общей психологии, и результаты ее часто приводят к ценным выводам и в индивидуальной психологии, так как язык, мифы и обычаи, эти продукты духа народов в то же время дают материал для заключений также и о душевной жизни индивидуумов. Так, напр., строй языка, который, сам по себе взятый, является продуктом духа народа, проливает свет на психологическую закономерность индивидуального мышления. Эволюция мифологических представлений дает образец для анализа созданий индивидуальной фантазии, и история обычаев освещает развитие индивидуальных мотивов воли. Как индивидуальная психология, с одной стороны, служит для освещения проблем психологии народов, так, в свою очередь, и факты, почерпнутые из психологии народов, приобретают значение ценного объективного материала для объяснения состояний индивидуального сознания.

Итак, психология народов - самостоятельная наука наряду с индивидуальной психологией, и хотя она и пользуется услугами последней, однако и сама оказывает индивидуальной психологии значительную помощь. Против такой постановки психологии народов можно было бы возразить, что язык, мифы и обычаи в таком случае одновременно служили бы объектами различных наук: истории языка, мифов и нравов с одной стороны, психологии народов - с другой. Однако такое возражение не выдерживает критики. Такая двойственность исследования обычна и в других областях знания. В геологии и палеонтологии, анатомии и физиологии, филологии и истории, истории искусства и эстетике, в системе знания и его методологии - во всех этих областях объекты координированных друг с другом форм научной обработки или совершенно, или отчасти общи, и различие между дисциплинами сводится лишь к той или иной точке зрения, с которой обсуждаются проблемы. Даже жизнь индивидуума может в подобном же смысле быть предметом двоякого способа

рассмотрения: ее можно рассматривать в ее индивидуальной, неповторяемой природе и в ее своеобразном, лишь ей свойственном ходе развития, и тогда она будет служить предметом биографии, этой наиболее узкой и ограниченной формы истории, весьма важной тем не менее, если изображаемая в ней жизнь человека значительна по своему содержанию. Но можно исследовать индивидуальные переживания также с точки зрения общего их значения, или проявляющихся в них общих законов душевной жизни; это будет уже точкой зрения индивидуальной психологии, совершенно игнорирующей специфическую ценность этой индивидуальной жизни, так как в индивидуальных переживаниях она видит лишь материал, в котором проявляются общие законы духовного развития.

Совершенно аналогичное отношение находим мы и между историей народов и психологией народов. И психология народов следует по стопам индивидуальной психологии, игнорирующей при исследовании индивидуальной жизни все лишние общего значения моменты ее. Но в отношении к психологии народов предварительное разграничение областей намечается уже в самой исторической обработке, поскольку эволюция общих основ совместной жизни, общего языка, общего круга представлений и общезначимых норм поведения отграничивается от изображения внешних судеб народов и от выведения их из внутренних причин, так как это является уже задачей истории в собственном смысле слова. Но и после этого разграничения историческое изображение общих элементов жизни народов все еще представляет собой существенно отличную от психологического исследования их задачу: историческое изображение рассматривает эти общие элементы в их исторической обусловленности, следовательно, в связи со всей внешней и внутренней историей народов; психологическое же исследование рассматривает их преимущественно со стороны выражающихся в них общих законов духовного развития. Так, например, для исторического исследования сравнение различных циклов мифологических представлений, стоящих вне всякой подлежащей историческому доказательству связи, имеет разве лишь то значение, что, несмотря на невозможность доказательства прямой связи их между собой, все же можно на основании сходства этих циклов заключать к сходным, породившим их, историческим условиям. Наоборот, для исследования в области психологии народов частичное совпадение будет иметь значение преимущественно в тех случаях, когда оно возникло при сходных, но исторически независимо друг от друга сложившихся условиях. Поэтому обе области в то же время дополняют друг друга. Первоначально все общее дано наблюдению в виде единичных явлений: лишь путем сравнения многочисленных сходных по характеру процессов развития может быть общее выделено из потока единичных явлений. И, наоборот, подобно тому, как индивидуальная жизнь предполагает общие свойства отдельного сознания, так и отдельные переживания возникают на основе общих свойств духа народа. Поэтому психология народов многое почерпает из истории, чтобы в свою очередь предоставить себя в распоряжение последней, как одну из важнейших ее основ.

Нет нужды в дальнейших примерах, чтобы уяснить себе, насколько различны историческое и психологическое исследование, несмотря на то, что предмет их общ. Для истории языка развитие и постепенное изменение звуков, грамматических форм, дифференциация частей речи, изменение значения слов и выражающиеся в них дифференциация и изменение понятий являются составными частями известного замкнутого исторического цикла, который не утратил бы своего значения и в том случае, если бы наблюдался в такой форме всего один раз. Психология языка усматривает во всех этих процессах формы проявления общей духовной жизни, представляющие для нее интерес лишь поскольку они могут быть сведены на имеющие общее значение психологические законы. Тот факт, что слово "Konig", король, происходит от готского слова "Kuni", племя, а затем, приняв окончание

мужского рода, стало означать "человек племени", представляет для историка интерес лишь поскольку он указывает на те первобытные времена, в которые власть принадлежала знатым по рождению людям. Для психолога же на первый план выдвигается вопрос, на каком проявляющемся и в других подобных примерах ходе представлений основывается такой переход понятий, так что каждый отдельный случай психолог пытается представить, как образец общего закона изменения представлений в духе народа. Различные обряды германских и славянских народов, указывающие на широко распространенный некогда культ духов деревьев, лесных, полевых духов, интересуют историка, как пережиток древних религиозных воззрений и ранних стадий культурного развития; подобные же культы у древних и многих восточных народов интересуют как ценные следы доисторических сношений этих народов между собой. Психолога, напротив, занимает совершенно другой вопрос о том, какие общие условия генезиса лежат в основе этих своеобразных культов и связанных с ними представлений, каким психологическим причинам обязаны они своим продолжительным существованием при самых различных культурных условиях, и чем психологически обоснованы идущие рука об руку с развитием культуры изменения связанных с культом представлений, всюду сходные в наиболее существенных своих чертах. И здесь, следовательно, психологическое исследование, в конце концов, будет стремиться к тому, чтобы свести подобные процессы к общезначимым законам развития.

Итак, пытаясь определить и отграничить те области, в которых психологическое исследование может идти рука об руку с историческим, мы снова приходим к языку, мифам и обычаям, так как в этих областях искомый характер общей закономерности сочетается с выражающимся в жизни как индивидуума, так и народов характером исторического развития. Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли. Мы понимаем поэтому здесь термины миф и обычаи в широком смысле, так что термин "мифология" охватывает все первобытное миросозерцание, как оно под влиянием общих задатков человеческой природы возникло при самом зарождении научного мышления; понятие же "обычаев" обнимает собой одновременно и все те зачатки правового порядка, которые предшествуют планомерному развитию системы права, к историческому процессу.

Таким образом, в языке, мифах и обычаях повторяются, как бы на высшей ступени развития, те же элементы, из которых состоят данные, наличные состояния индивидуального сознания. Однако духовное взаимодействие индивидуумов, из общих представлений и влечений которых складывается дух народа, приносит новые условия. Именно эти новые условия и заставляют народный дух проявить в двух различных направлениях, относящихся друг к другу приблизительно как форма и материя - в языке и в мифах. Язык дает духовному содержанию жизни ту внешнюю форму, которая впервые дает ему возможность стать общим достоянием. Наконец, в обычаях это общее содержание выливается в форму сходных мотивов воли. Но подобно тому как при анализе индивидуального сознания представления чувствования и воля должны рассматриваться не как изолированные силы и способности, но как неотделимые друг от друга составные части одного и того же потока душевных переживаний, точно так же и язык, мифы и обычаи представляют собой общие духовные явления, настолько тесно сросшиеся друг с другом, что одно из них немыслимо без другого. Язык не только служит вспомогательным средством для объединения духовных сил индивидуумов, но принимает сверх того живейшее участие в находящем себе в речи выражении содержания; язык сам

сплошь проникнут тем мифологическим мышлением, которое первоначально бывает его содержанием. Равным образом и мифы, и обычаи всюду тесно связаны друг с другом. Они относятся друг к другу так же, как мотив и поступок: обычаи выражают в поступках те же жизненные воззрения, которые таятся в мифах делаются общим достоянием благодаря языку. И эти действия в свою очередь делают более прочными и развивают дальше представления, из которых они истекают. Исследование такого взаимодействия является поэтому, наряду исследованием отдельных функций души народа, важной задачей психологии народов.

Конечно, при этом не следует совершенно упускать из виду основное отличие истории языка, мифов и обычаев от других процессов исторического развития. По отношению к языку отличие это думали найти в том, что развитие его представляет собой будто бы не исторический, но естественноисторический процесс. Однако выражение это не совсем удачно; во всяком случае в основу его положено признание того, что язык, мифы и обычаи в главных моментах своего развития не зависят от сознательного влияния индивидуальных волевых актов и представляют собой непосредственный продукт творчества духа народа; индивидуальная же воля может внести в эти порождения общего духа всегда лишь несущественные изменения. Но эта особенность обусловлена, разумеется, не столько действительной независимостью от индивидуумов, сколько тем, что влияние их в этом случае бесконечно более раздроблено и поэтому проявляется не так заметно, как истории политической жизни и более высоких форм развития духовной жизни. Но в силу этой незаметности индивидуальных влияний каждое из них может быть продолжительным лишь в том случае, если оно идет навстречу стремлениям, уже действующим в общем духе народа. Таким образом, эти восходящие к самым зачаткам человеческого существования процессы исторического развития действительно приобретают известное сродство с процессами в природе, поскольку они кажутся возникающими из широко распространенных влечений. Волевые импульсы слагаются в них в цельные силы, обнаруживающие известное сходство со слепыми силами природы также в том, что влиянию их невозможно противостоять. Вследствие того, что эти первобытные продукты общей воли представляют собой производные широко распространенных духовных сил, становится понятным и оцезначимый характер, свойственный явлениям в известных основных их формах; становится понятным и то, что характер этот делает их не только объектами исторического исследования, но в то же время придает им значение общих продуктов человеческого общего духа, требующих психологического исследования.

Если поэтому на первый взгляд и может показаться странным, что именно язык, мифы и обычаи признаются нами за основные проблемы психологии народов, то чувство это, по моему мнению, исчезнет, если читатель взвесит то обстоятельство, что характер общезначимости основных форм явлений наблюдается преимущественно в указанных областях, в остальных же - лишь поскольку они сводятся к указанным трем. Предметом психологического исследования, которое имеет своим содержанием народное сознание в том же смысле, в каком индивидуальная психология имеет содержанием индивидуальное сознание, может быть поэтому, естественным образом, лишь то, что для народного сознания обладает таким же общим значением, какое для индивидуального сознания имеют исследуемые в индивидуальной психологии факты. В действительности, следовательно, язык, мифы и обычаи представляют собой не какие-либо фрагменты творчества народного духа, но самый этот дух народа в его относительно еще не затронутом индивидуальными влияниями отдельных процессов исторического развития виде.

¹ Researches into the physical history of mankind. По-немецки издал с 3-го англ. изд. Рудольф Вагнер: "Naturgeschichte des Menschen", Leipzig, 1840-1848.

² В первом томе этого журнала, 1860, стр. 1-73.

³ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. В. 1. S. 20.

⁴ В основу нашего изложения положено, главным образом, введение ко второму изданию труда Пауля, Halle, 1886. Впрочем, первое издание 1880 г. во всем существенном совпадает со вторым. То же можно сказать и о вышедшем в 1909 г. четвертом издании.

⁵ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. В. 1. S. 28 и след.

⁶ Сравни мою Logik 3, 111, 243 fl.

⁷ В особенности укажем здесь Теодора Вайтца в его "Anthropologie der Naturvölker". Работы Эдуарда Бернета Тэйлора, Дж.Г. Фрэнзера и др., как более сравнительного характера, относятся скорее к психологии народов в собственном смысле слова.

ГУМПЛОВИЧ ЛЮДВИГ (GUMFLOWICZ) (1838-1909) - польско-австрийский, социолог и правовед. Родился в Кракове. С 1882 г. - профессор государственного административного права в университете г. Грац (Австрия). Автор научных трудов по теории и истории социологии, правоведению, вопросам австрийского права и истории образования Австро-Венгрии. Представитель монизма социологии. Разделял позиции социал-дарвинизма, рассматривал социальные законы как форму проявления законов природы.

Важнейшие положения социологии Гумпловича: предмет социологии социальные группы и их взаимоотношения; основные понятия социологии "раса" и "этноцентризм"; исходный пункт социологии - теория полигенизма (множественности происхождения человеческого рода); универсальный фактор социального развития - постоянная межгрупповая борьба. В результате борьбы между первобытными ордами, считает Гумплович, возникло государство, и с этого момента борьба принимает две формы: межгосударственную и внутригосударственную (т.е. между группами, классами, сословиями, политическими партиями). Государство - организация господства большинства над меньшинством. Семья, собственность, право - продукты государства. Всякое право есть порядок неравенства.

В понимании исторического процесса первостепенную роль отводит политическому фактору, считает, что общество в своем развитии проходит стадии становления, расцвета и гибели.

Взгляд Гумпловича на альтернативу человечества: организация господств основанного на неравенстве (в лице государства), или анархия, которая для культурного человечества невыносима. Умер в Граце.

Важнейшие труды Гумпловича: (1875); (1879); (1881); (1883) (рус. перевод.: <Борьба рас.> 1883); (1885) (рус. пер.: <Основания социологии.> 1899); .

Л. Гумплович ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Глава четвертая

ИНДИВИД И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

1. ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

Понимание социальных явлений до сих пор колеблется между двумя крайностями: индивидуализмом и его противоположным полюсом - коллективизмом.

Как попытка объяснения "социального мира", так и характер требований, предъявленных организации последнего, признают своим исходным моментом или индивида или "человечество", и всякие различия, партийные несогласия в области социальных наук и борьбы всегда и везде находятся между этими двумя крайностями - индивидом и человечеством. Третьей точки зрения не было, теория, по крайней мере, не избрала и не заметила среднего пути.

В то время, как одни выставляли эгоизм и личные интересы источником всего социального развития, единственным стимулом всех человеческих поступков (смитанизм, материалистическая философия), другие указывали на факты самопо-

жертвования и преданности отдельных лиц в отношении к обществу и противопоставляли эгоизму и личным интересам "любовь к ближним", "альтруизм". В то время, как одни все социальные явления старались объяснить и вывести из природы индивида, другие указывали на "общечитие", на "общество", на "человечество", стремясь его природой и закономерным развитием объяснить все социальные явления (статистики).

И те, и другие игнорировали то, что находится между этими крайностями, игнорировали фактическую действительность, которая только и может быть истинной. Источником наших действий и стимулом их являются и эгоизм, и чувство симпатии или, вернее, не являются ни эгоизм, ни чувство симпатии, так как ни один из этих моментов не служит единственным источником, ни один из них не имеет того значения, какое приписывается им различными авторами. Но стоит прибавить к каждому из этих двух слов прилагательное "общественный" - не в смысле абстрактного целого, а в смысле определенного социального сингене-тического союза - и мы найдем тот средний путь, который просмотрели до сих пор все социальные философские системы. Не личный эгоизм является стимулом социального развития, а эгоизм общественный, не преданность к коллективному целому, не любовь к "ближнему" в ее широком универсальном смысле христианской теории, не симпатия к "человечеству", а социальная симпатия, готовая на жертву и полная любви преданность к естественному социальному общению. Человек не так плох, как его рисует грубый материализм, но не столь великодушен, как этого тщетно требует христианская доктрина: он не черт, не ангел - он только человек. Он прикован к обществу естественными узами кровного родства, нравов, образа мыслей, и его эгоизм является общественным, его симпатия - общественной. Требовать от него более, чем общественной симпатии - значит требовать от него неестественного, сверхчеловеческого, считать его способным на эгоизм более, чем общественный - значит быть к нему несправедливым. В общественном эгоизме заключена общественная симпатия, а общественная симпатия есть общественный эгоизм. Мы называем совокупность этих обоих чувств сингенизмом (*syngenismus*) и в ней находим стимул всего социального развития и вместе с тем ключ к его пониманию.

Те, которые весь социальный мир рассматривают лишь с точки зрения индивида, выводят из индивида и относят на его счет все развитие, те, которые смотрят на индивида и его развитие как на высшую, единственную цель всех социальных явлений - те хотят все зло и все несчастья социального мира излечить освобождением индивида, провозглашением его прав¹.

На такой точке зрения стоит доктринерский либерализм. Согласно этой доктрине, каждый отдельный человек как индивид, должен быть щедро одарен всевозможными правами, каждому индивиду должны принадлежать все, без исключения, права "наиболее привилегированных индивидов" - и тогда все пойдет хорошо на земле. Такой опыт многократно был сделан в Европе и всегда приводил к неудаче. Почему? Потому что все эти права индивиду ничуть не помогли, и всякий раз, когда он, опираясь на эти права, бросался вперед, он разбивал себе череп о твердые стены общественных учреждений. А этих стен индивидуализм не мог разрушить, как бы громко он ни провозглашал принципы индивидуальной свободы.

С другой точки зрения подходит к делу коллективизм в своих различных проявлениях (социализм, коммунизм и т.п.). Задача, по его мнению, разрешается созданием, по возможности, больших коллективных общностей. Общность должна работать для индивида, индивид становится под защиту общности, последняя должна освободить индивида от всех забот и тревог, сообща трудиться и не только контролировать и направлять индивида, но и кормить его.

К сожалению, еще никогда не были произведены соответствующие такому тезису законодательные опыты, иначе оказалось бы, что такая предусмотрительная и попечительная общность является такой же утопией, как и свободный самоопределяющийся индивид.

Истина в том, что социальный мир с самого начала всегда и повсюду движется только группами, группами приступает к деятельности, группами борется и стремится вперед и что мудрое законодательство считается с действительностью и должно уважать эти фактические отношения, и, не закрывая перед ними глаз, подобно "конституционалистам", не должно и подобно коллективистам (социалистам и коммунистам) надеяться на возможность их изменения. В гармоническом взаимодействии социальных групп лежит единственно возможное решение социальных вопросов, насколько оно вообще возможно.

2. ИНДИВИД И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Величайшая ошибка индивидуальной психологии заключается в предположении, будто мыслит человек. Вследствие этой ошибки в индивиде вечно ищут источник мышления, вечно ищут, почему он мыслит так, а не иначе, причем бого-слова и наивные философы стараются разъяснить и даже преподать советы, как человеку следует мыслить. Здесь целая сеть ошибок. Во-первых, в человеке мыслит совсем не он, но его социальная группа, источник его мыслей лежит не в нем, но в социальной среде, в которой он живет, в социальной атмосфере, которой он дышит, он может мыслить, только так, как необходимо его заставляют концентрирующиеся в его мозгу влияния окружающей его социальной среды. Подобно тому, как в механике и оптике, по известному нам закону, угол падения равен углу отражения, точно так же и в духовной сфере каждому углу падения духовного луча в наш мозг соответствует известный угол отражения наших воззрений, наших мыслей, являющихся точно необходимым результатом духовных влияний, внедренных в нас с самого детства.

Индивид при этом играет только роль призмы, которая воспринимает извне лучи и, преломив их по известным законам, отражает их в известном направлении и с известной окраской.

Впрочем, и до сих пор в философии и психологии говорилось о влиянии окружающей обстановки на духовное образование человека, но это влияние считалось лишь вторичным моментом. В действительности, однако, социальная среда, в которой индивид является на свет, в которой он дышит, живет и действует, должна быть признана основным и важнейшим началом, к этому окружающему элементу индивид с детства до самого зрелого возраста относится более или менее восприимчиво, и в зрелом возрасте только зрелому уму удастся эмансипироваться от этой духовной среды настолько, чтобы впредь самостоятельно мыслить, вполне же никто не может отрешиться от своей среды потому, что все формы мыслей, все органы мышления, все средства дальнейшего образования созданы той же средой, насквозь проникнуты ею. Поэтому, если даже и предположить, что возраст восприятия у совершенно зрелого и самостоятельного человека закончен, однако, следует усомниться в том, может ли самый передовой и оригинальный философ отделиться настолько от наследственной почвы мышления, чтобы достигнуть освобождения от привитых ему форм и органов мышления и самостоятельно создать вместо них свои собственные органы и формы.

Бросим взгляд на жизнь обыкновенного "среднего человека" и посмотрим, как создается его духовная организация! Поведение его воспитателей и воспитательниц образуют в нем первые нравственные понятия и взгляды. А первые учителя, представленные к нему! Похвала и порицание, награда и наказание, надежды, возбуждаемые в нем, нагоняемый на него страх - все это составные элементы, из которых образуются его первые воззрения, его дух. Незаметным образом маленький житель

мира является перед нами в виде верного слепка духовных свойств своей "семьи", если употребить это слово в самом широком смысле римской familia. Форма его детского духа точь-в-точь соответствует многосторонней модели, в которую он был вылит, носит на себе ясный отпечаток той формы, в которую он был заключен.

Подготовленный таким образом, юный индивид вступает в "мир", образуемый его сверстниками и товарищами, существами, отлитыми, в большинстве случаев, по той же форме. Их взгляды большей частью тождественны. Им привили одинаковое уважение ко всем категориям вещей и лиц, одинаковую ненависть и презрение к другим. Во всем, до чувства вкуса к пище и питью включительно, они получили одинаковое направление, они подобны часам, которые идут так, как их поставили и завели. Но в таком случае разве мыслит, чувствует, имеет вкус индивид? Нет! Не индивид, а социальная группа; каждый новый индивид выражает мысли и чувства, вкусы и взгляды, намерения и цели своей социальной группы. Поэтому один индивид похож на другого: как пели старые птицы, так щебечут и птенцы.

И как определить, что соединилось в духе этого юного индивида, что конденсировалось в его мозгу как осадок духовной жизни давно отживших поколений?

Здесь и тысячелетний опыт, давным-давно передающийся из поколения в поколение в виде готовых воззрений и представлений, и исторические и доисторические судьбы с их духовными результатами в характере и наклонностях, с формами мышления и образом мыслей, и старинные симпатии, предрассудки и предубеждения, - все это концентрируется в мозгу "свободного" индивида как миллионы лучей в точке преломления, все это живет в нем как мысль, все это вложено в него как чувство - как мысль и чувство, которые толпой приписываются ему само-му, которые в глазах толпы являются его заслугой или виной. Громадное большинство людей не освобождается вовсе от указанных выше категоричных определений, создающих человеческий дух; в течение всей своей жизни они руководствуются образующими впечатлениями детства и юных лет. Только ничтожное меньшинство продолжает еще "образование" ума (в более широком смысле слова), воспринимая при случае духовные впечатления и влияние извне, независимо от своей социальной группы. И как преувеличивают значение и результат этого "духовного образования" посредством культурных сокровищ нации, классической древности и т.д.! Как ничтожно, в сущности, это образование, в сравнении с тем прирожденным и полученным от воспитания образованием, в котором выражается дух социальной группы!

Если непредубежденно рассмотреть факты, нельзя не убедиться в том, что все это "образование", образование наших школ едва ли способны победить это духовное наследие, которое является частью всякого индивида; в глубину души от всего этого позднейшего образования проникает лишь то, что находит в ней для себя благодатную почву.

В самом деле, что дает большинству так называемых образованных людей, докторов, учителей, чиновников и т.д., что дает им это "образование", приобретенное в школах и вне школ? Немного "знания" и ничего больше! Но разве знания - мышление? Разве знание - чувство? К чему знание, если оно не может изменить мышление? Если оно не может оказать никакого влияния на чувство? А этого сделать оно не в силах.

Отсюда - печальный факт существования людей, которые, благодаря своим ничтожным знаниям, тем легче могут скрыть от мира пошлость своего образа мыслей, прирожденную им низость, - людей, которые своей крупницей "знания" только маскирует грубость своих чувств, только скрывают под мишурным плащом "образования" прирожденную животность своей природы. Если даже и признать справедливым положение Бокля, которое он старается доказать в своем огромном труде, положение, что знание, и только знание, улучшает народы и человечество, то

все-таки, прежде всего, должна улучшаться масса или, по меньшей мере, группа, и только группа может облагородить индивида.

Только знание массы, социальной среды улучшает индивида, индивидуальное же знание является для самого индивида слишком поздно для того, чтобы преобразить его, вступая в мир, индивид уже готов, как отчеканенная монета, и приобретенное им знание не может больше изменить его существа. В самом деле, что может изменить знание в зрелом юноше, который связан узами общих интересов со своей семьей, своим классом, своей социальной группой, к которому мир, т.е. другие социальные группы, относятся, как каждому из членов его сингенетического круга, и который уже поэтому свою часто недобровольную солидарность с этим кругом считает естественной и необходимой. Он может знать все, что ему угодно, но он является только тем, что уже раньше сделала из него его социальная среда, он ведет себя сообразно с тем, как действовали на него разнообразные социальные элементы, с которыми он сталкивался. Конечно, бывают случаи, когда отдельные, изолированные индивиды поглощаются чуждыми им социальными группами и, так сказать, в них тонут, или когда отдельные индивиды, насильственно вырванные из своей собственной социальной среды, присоединяются к чужим группам и растворяются в них со всей своей волей и стремлениями, причем происходит полный процесс перерождения их существа, но такие редкие исключения только подтверждают правило.

Судьба юноши определяет положение взрослого мужа. В зрелом возрасте он необходимо является тем, чем был в юности. И вот наступает тяжелая борьба интересов, т.е. борьба с теми сильными течениями практической жизни, которых индивид не может назвать и создать, но которые бросают его туда и сюда, по которым он должен плыть, если не хочет потонуть. Есть ли здесь для него выбор?

Он попадает в течения, которые отбрасывают его назад. Никакое знание ему не поможет - он должен бороться с ним. Если он не хочет погибнуть, он должен плыть по течению, которое его теперь несет, - и все его "свободное" действие состоит только в том, чтобы по возможности удержаться на поверхности несущего его благоприятного течения, уклоняясь в сторону от встречных волн. Быть переброшенным в другой поток, изменить свой курс - дело случая, результат какого-нибудь стихийного события, но отнюдь не свободного выбора.

Жизненная борьба, конечно, приводит индивида к самосознанию, он приобретает способность обозреть все поле битвы, получает свое собственное знание, а не присваивает себе одно только чужое, как было до сих пор; это собственное знание могло бы изменить индивида в самом корне, могло бы, пожалуй, повлиять на его поведение, но он уже достиг предела своей деятельности, снова начать жизнь для него невозможно. Теперь он постиг тайну: он знает, чем он был, и в то же время должен сойти со сцены, собственное знание есть его единственное счастье... или, вернее, несчастье.

Между колыбелью и могилой тянется нить, которая нигде не может быть ни разорвана, ни соткана вновь, тянется цепь, каждое кольцо которой приковано к предыдущему, человек по своему свободному выбору в силах лишь порвать ее насильно, но не сковать опять, он имеет возможность по своему собственному произволу умереть, но не может родиться вновь. Да и само решение умереть должно быть обусловлено всей его прежней жизнью.

Вера в свободу человека, в его свободные действия всецело коренится во взгляде, будто действия человека есть продукт его мыслей, а эти последние находятся в полной власти индивида, составляют его исключительную собственность. Последнее - ошибка. Человек так же мало рождает сам себя духовно, как и физически. Его мысли, его дух есть создание его социальной среды, социального элемента, в котором он рождается, в котором живет и действует.

Не признающие последнего и не желающие верить в столь всемогущее влияние социальной среды будут гораздо уступчивее, если они вдумаются в тот факт, что социальная среда, в которой вращается индивид, оказывает несомненное влияние не только на его дух, но (что, конечно, не замечательнее) и на физический тип, на его физиономию. Этот факт хорошо известен физиономистам и слишком очевиден, чтобы встретить серьезное возражение. Кто не узнает среди сотни лиц различных национальностей - англичанина, француза, итальянца, северного и южного немца! Трудно точно выразить, почему мы их узнаем, на это способен лишь карандаш живописца. Но мы узнаем Джона Буля, мы узнаем "гордого шваба", мы узнаем галантного, живого француза и даже парижанина, мы узнаем итальянца и т.д.

Кто не замечал, что продолжительное пребывание в течение годов или десятков лет среди известного народа с выраженным культурным типом ассимилирует с этим народом всякого иностранца в его внешнем виде и внешнем поведении.

Разве не делается истым Джоном Булем немец, проживающий в Англии десятки лет? Или кто не замечал на всех европейцах поразительно ориентализирующей силы жизни на Востоке? Мы знали поляка, отпрыска старопольской фамилии, внешний вид которого после долгого пребывания в Турции принял тип восточного человека. Нужны ли, однако, дальнейшие примеры: человек без достаточного опыта в этом отношении никогда не поймет их и не поверит нам, а у кого в этом отношении есть хоть малейшая опытность, то, конечно, сразу согласится с нами.

Только к этим последним и обращаемся мы с логическими доводами. Раз что-нибудь оказывает влияние на более сильное, то более слабое тем скорее уступит этому влиянию: влияние социального элемента, которое может изменить даже физический тип человека, конечно еще раньше преобразовало дух индивида, оказало давление на мысли и взгляды, на чувства и настроения его - давление, которое затем проявилось во всем внешнем *habitus(e)*, так как этот последний есть не что иное, как выражение духовного человека, зеркало, в котором мы видим отражение его души. Правда, человеческий язык никогда не будет обладать той точностью, наши мысли никогда не достигнут той ясности, чтобы мы были в силах выразить то, что мы наблюдаем и считаем за специфическую особенность этих различных типов. Здесь нам может помочь лишь карандаш художника, и он это делает лишь в иллюстрированных юмористических журналах. Мы можем констатировать лишь тот факт, что существует нечто, благодаря чему мы узнаем представителей различных наций, народов, социальных групп и т.д., и что это нечто переносится на индивидов посредством социального влияния. Ясно и то, что это нечто приобретается благодаря влиянию социальной среды, независимо от происхождения и подданства, наконец, что это влияние, очевидно, гораздо быстрее проникает и легче изменяет в человеке духовный элемент, чем физический, - и тем не менее при продолжительном действии воздействует и на последний, т.е. физический элемент.

Говоря о влиянии социальной среды на индивидов, принадлежащих к нему, мы должны упомянуть так же и о том, что характер социальной группы образуется при помощи этого постоянного ассимилирующего воздействия целого на его составные части. Представители одной нации отличаются от представителей другой отнюдь не физиономией, цветом, пропорциональностью частей тела и т.д., ко всему этому наш глаз без научно изоцированной наблюдательности и без научных аппаратов совсем не чувствителен и не восприимчив. При взгляде на представителей разных национальностей нас поражает всегда только тот тип, то невыразимое, неопределенное нечто, которое является результатом социального влияния, т.е. влияния социальной среды.

В высшей степени важно усвоить себе все значение этого факта, так как он указывает нам, что характер социальной группы является гораздо менее резуль-

татом ее физических, чем духовных качеств. Одним словом, физиогномический характер, тип народа или социальной группы ни в коем случае не является антропологическим, но исключительно социальным фактом. В этом, с одной стороны, объяснение того факта, что чуждая личность, попавшая в такую группу, воспринимает ее тип, а с другой - доказательство того, что такое превращение личности под влиянием группы должно быть рассматриваемо только как социальное и социологическое явление, дело здесь не в чем ином, как только в социальном и социологическом факте.

Будь этот тип фактом антропологическим - такое превращение личности, такое ассимилирование ее со средой было бы невозможно и немыслимо.

После того, как мы констатировали, таким образом, факт влияния социальной среды на индивида, нам остается еще больше исследовать сущность этого социального явления, этого социального фактора воздействия. Перед нами возникает следующий вопрос: в чем, если не в антропологических моментах, состоит тот социальный тип который отличает одну группу от другой и благодаря которому неизбежно ассимилируется личность, попавшая под ее влияние?

Сказанное нами выше уже доказывает, что мы не считаем возможным какой-либо точный ответ, все, что мы можем сказать, заключается в следующем. Между всякой мыслью, всяким стремлением и соответствующим действием человека лежит его физическая природа (die Physis). То, что сильные мысли и стремления выражаются в этой природе, во внешности человека, это мы знаем по таким сильным проявлениям, как гнев и радость, боль и отчаяние, так как мы ясно видим их ежедневно и ежечасно и так как здесь следствие наступает непосредственно вслед за причиной. Но естественное действие, истинное и физически существующее, поскольку мы в состоянии его наблюдать, конечно, точно так же истинно и фактически существует в тех случаях, когда наш глаз не способен его подметить. Если внутренний мотив, идея, стремление оказывают влияние на нашу внешность, на наше тело, движение и выражение лица, то они оказывают такое же влияние и в тех тончайших, незаметных случаях, когда благодаря несовершенству наших чувств мы не в состоянии его уловить. Мы начинаем подмечать результаты этих влияний только с того времени, когда благодаря многократным их повторениям они выступают уже перед нами в готовом типе.

Теперь все дело только в том, чтобы точнее определить эти воздействующие моменты. Мы сказали, что идея и стремления создают тип, теперь спрашивается: что создает идеи и стремления? Мы отвечаем на это: жизнь и, именно, социальная жизнь. И подобно тому, как жизнь слагается различно в различных климатах и странах, среди людей различных рас и различного этнического состава, точно так же различны и их идеи, следовательно, их общие воззрения, их стремления, - то отсюда возникает известное различие в типе представителей одного и того же народа, в различные, следующие одна за другой, эпохи.

3. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ИНДИВИДА

Установив, что социальная жизнь создает идеи и воззрения, мы можем теперь развить этот тезис несколько подробнее.

Экономическое положение непосредственно побуждает индивида к деятельности, принуждает его к известному образу жизни и будит в нем связанные с этим последним идеи и воззрения. Нам известно, что несмотря на самую разнообразную группировку всевозможных обществ, во всех государственных организациях существует три больших общественных класса, отличающихся друг от друга своим экономическим положением, а именно: класс дворян, среднее сословие торговцев и ремесленников, крестьянское сословие. Каждый из этих социальных классов воспитывает своих членов совершенно особым образом, приучает их к кругу своих воззрений, нравов, правовых привычек и норм и заставляя их, путем определения их

профессии, идти в собственных интересах по тому пути, по которому идет социальный класс как целое.

Таким образом, член сословия дворян привыкает господствовать и повелевать, заставлять других, как водится, заботиться о его жизненных удобствах, отсюда, само собой, возникает более высокое мнение о своей личности, отсюда - гордая осанка, третирование других людей и тысячи других характерных черт, свойственных аристократам всех времен и стран, независимо от народности, национальности, религии, расы и индивидуальных отличий.

В противоположность крестьянское сословие и сословие рабов всех стран и народов питает глубокую, затаенную ненависть, которую оно унаследовало от целых поколений, которая обуздается лишь сознанием духовной приниженности и которая раздражается со всей дикостью варварских орд, раз представится тому случай.

Кто не знает, кто не слышал о всеобщем глубоком недоверии, которое крестьянин питает к "барину" и которое не в состоянии искоренить никакая убедительность красноречия, никакая доброта, никакая обходительность? С тупым упорством крестьянское сословие замыкается в самом себе, отгораживается от высших сословий, которые, впрочем и ему не открывают своих дверей; привычным ухом не размышляя, слушает он утешение религии, и вину во всех бедствиях приписывает своим господам; но привычка и наследственные воззрения научили его спокойно сносить его тяжелый жребий, что облегчается и внедренным в него чувство уважения к более сильным; однако все эти моменты, взятые все вместе, конечно не заставили бы подчиниться государственному порядку, если бы этот последил не поддерживался рукой государственной власти.

Всякий член среднего сословия воспитывается в традициях "барыша": торговля, ремесло и получаемая от них прибыль с колыбели носят перед ним как идеал, с видит перед собой массу примеров нажитого богатства. Добиться удачи - это идея которой не знает крестьянин, идея, редко привлекающая дворянина, - эта идея является главной целью всякого индивида, принадлежащего к среднему сословию. Он уже рано убеждается, что искусная работа и изобретательность ведут к этой цели: все его мышление работает в этом направлении.

Крестьянин, прикованный к земле законом или силой отношений, только редких случаях может мечтать об оставлении наследственного занятия, по общему правилу, он не может даже понять такой мысли. В такое положение он поставлен законом и государственным порядком, которые настолько сильнее его, что ему не приходит даже в голову мысль против них восстать. Следствием такой неподвижности является более или менее узкий горизонт, не выходящий за пределы соседней деревни, и вот ему не остается никакой другой инициативы, как либо покориться и работать, приспособляясь к отношениям, либо возмутиться и страдать от нищеты и наказания.

Совсем другое дело гражданин! Торговля расширяет его горизонт, весь мир открыт для него, и с высоко парящими планами он выступает за пределы стеснительных рамок государственной жизни. Широкий горизонт и тесные рамки - что может быть при этом естественнее идеи пробить последние или их обойти? Горожанин именно и образует фермент социальной борьбы: он первый приводит движение глыбу, которая скатывается по наклонной поверхности социально жизни.

В такой атмосфере создаются жизненные взгляды горожанина, в такой атмосфере дают отпрыски и вырастают его идеи и убеждения. Самодовольному консерватизму господствующих классов духовно развитой горожанин противопоставляет свое вечное недовольство, и он же первый приводит в движение пассивный консерватизм "народа".

Дворянин, горожанин и крестьянин - таковы были бы три типа индивидов, если бы государство осталось при такой примитивной группировке общества, но мы знаем,

как многообразно дифференцируются и усложняются общественные образования, как вместе с тем разнообразятся типы индивидов.

Невозможно научно исчерпать эту тему, так как изображать типичное призвано, конечно, только искусство, здесь социология должна уступить первенство художнику и писателю, изображающим социальную жизнь.

Мы дадим еще несколько разъяснений.

Господствующее сословие с прогрессом культуры и расширением государства переносит свои функции на особые органы и, таким образом, распадается на сословие бюрократов, военных и крупных земледельцев.

Каждая из этих групп имеет свои особые интересы, свое общее занятие и обусловленный этим одинаковый образ жизни. Различные способы и характер участия в государственном господстве обуславливаются этим делением высшего сословия на отдельные группы. Представьте только различие между генералом, который остается "солдатом" и видит свою (солдатскую) честь в том, чтоб исполнять приказы монарха даже против своих убеждений; министром, который видит свою (политическую) честь в том, чтоб из-за всякого факта, который ему не нравится, или, из-за несогласия во мнениях со своим монархом, подать в отставку; и наконец "большим барином", который охотно принимает от своего монарха приглашение на охоту, но вежливо отклоняет министерский портфель, чтобы не лишиться своей свободы.

Как различно складываются взгляды на жизненные задачи и принципы! Как различно складываются убеждения и воззрения даже в одном господствующем классе благодаря социальной дифференциации занятий!

Точно то же и в среднем классе! Как различно складывается мирозерцание и направление мыслей у ремесленника, купца или судовладельца! Да и между самими купцами создается совершенно различный дух в зависимости от того, что один сидит в своей лавке, другой ведет экспортную торговлю, третий играет на бирже. И заметьте, что таким образом влияют не индивидуальные, а социальные различия, социальная зависимость.

Как своеобразно должны складываться характер и взгляды - с одной стороны, у детей ремесленников, которые привыкли к непрерывной работе в семье, небольшому заработку и монотонности жизни мелкого промышленника, - с другой стороны, в кругу биржевиков с быстрым чередованием богатства и бедности, с вечными волнениями ажиотажа, с переменой счастья в биржевой игре, в которой удача зависит от изменчивых условий мировых событий.

А как многочисленны ученые профессии - врачей, адвокатов, судей, ученых, чиновников, техников, инженеров, - профессии, на которые опять-таки дифференцируется среднее сословие. Каждый из этих классов создает, так сказать, свой дух, т.е. каждый из них создает свойственную ему и окружающую его моральную атмосферу принципов, идей, воззрений, понятий, в этой атмосфере живут и дышат принадлежащие к нему индивиды, в ней рождается и воспитывается молодое поколение.

Как уже было сказано, бесконечное множество здесь возникающих типов недоступно науке: изображение этих типов - дело искусства, мы же пытаемся только выяснить, каким образом индивид, его мышление и поведение, его чувства и стремления создаются не в нем, но в его социальном кругу, каким образом все это создается отнюдь не свободно и не путем определения, а, так сказать, навязывается индивиду, незаметно для него самого.

Но если социология не может исчерпать бесконечного разнообразия типов, в которых она видит продукт социальной жизни и самых разнообразных агентов и влияний, то все-таки ее дело установить некоторые принципиальные моменты в этом процессе создания индивида группой.

Уже из сказанного до сих пор следует, что только моральные моменты и влияния ведут за собой ассимиляцию индивида с группой, группа образует индивида с его моральной стороны, выросши в ее моральной атмосфере, в мире ее идей, он из почвы извлекает свои жизненные соки. В этом процессе момент кровного происхождения, генеалогической связи не играет решающей роли. Если бы индивид довольно рано, не испытавши влияния своей группы, попал в чужую группу, был в ней воспитан и духовно обработан, как её собственный материал, то он ассимилировался бы с нею, как будто бы он был рожден в этой группе. Поэтому в то время как антропологи уверяют нас, что на свете больше нет ни одной расы, в то время как ежедневный опыт показывает нам разнообразнейшие антропологические типы в одних и тех же социальных классах и группах - сочлены всякой группы морально представляют один общий тип. Антропологическое разнообразие и моральное единство - есть характер каждого социального общества, и не только в ЕВРОПЕ, но и во всех частях света! Впечатление, производимое на нас моральным типом, так сильно, что перед ним совершенно исчезает более слабое впечатление от типа антропологического. Так как в человеке человеческое, т.е. интеллектуальное и моральное, интересует нас вообще живее, чем животное, то при взгляде человека у нас запечатлевается сильнее социальный тип, между тем как антропологический ускользает от нашего внимания. Поэтому всегда получается, что при наличии известных внешних отличий, как одежда, прическа и т.п., которые указывают на принадлежность к известной группе, мы в индивиде, прежде всего замечаем моральный тип этой группы, антропологического же типа мы замечаем или ошибаемся на его счет, если нас не поражают отличительные черты, слишком бьющие в глаза.

Этим объясняется известный факт, что все китайцы кажутся нам похожими друг на друга: наш глаз, пораженный известными внешними признаками, как, напр. гладко выбритой головой, косой и т.п., замечает лишь моральный тип, а между тем, среди китайцев есть столько разнообразных антропологических типов, как и среди всех других народов.

Точно так же негру в европейском гренадерском полку все солдаты, вероятно, кажутся вполне похожими друг на друга, так как он, помимо одинаковости одежды, прическе и т.п., может подметить еще только моральный тип - выражение, мину, осанку. А между тем антрополог в таком полку мог бы найти достаточно данных для сложной классификации солдат на множество рас и антропологических типов!

Мы видели, что существуют одни общественные классы, которые теснее сомкнуты, которые, так сказать, компактнее и обладают большей силой сцепления, другие, которые менее сомкнуты, обладают меньшей силой сцепления. Эта степень сцепления зависит, как мы раньше видели, от количества обобществляющих моментов, т.е. от количества интересов, связывающих общественный класс, а так же от того, постоянны ли эти интересы, переходят ли они по наследству и сохраняются ли в будущем, или они преходящи, эфемерны и моментальны. Эта различная сила сцепления социальных групп имеет громадное влияние на создание постоянства морального типа. Мы не остановимся перед формулировкой следующего социологического закона: неизменность и постоянство морального типа прямо пропорциональны степени сцепления и прочности структуры социального класса, каковая зависит, в свою очередь, от количества обобществляющих моментов.

Большее количество их как бы теснее прикрепляет индивида к группе, так как преимущественно социальным классам с высокой степенью сцепления свойственно воспитывать твердый характер. Индивиды таких классов точно вылиты по одной форме, так как они плоть от плоти и кровь от крови своей социальной группы. Они не что иное, как часть этой последней. Отсюда стихийная моральная сила людей за свой класс, за свое сословие, за свою народность, которой они принадлежат всеми

обобществляющими моментами, а потому и всеми фибрами своего сердца, и, наоборот, легко понять колебания и бесхарактерность тех людей, у которых отсутствует один из моментов, порвана одна из связей, соединяющих их со <своими>, легко понять неестественность и ходульность лица, которое выступает в качестве представителя группы, с которой его связывает лишь какая-нибудь тонкая, эфемерная связь при полном отсутствии большинства естественных, обобществляющих моментов. В этом и состоит вечный комизм положения *parvenu* и этот комизм встречается нам не только там, где "безродный выскочка" хвастает своими интимными отношениями с графами и князьями (кто не знает такого типа!), но и в тех случаях, когда горожанин хочет вести себя среди крестьян, как крестьянин, или когда аристократический кандидат развивает перед своими деревенскими избирателями свою политическую и экономическую программу! Комичность во всех этих случаях состоит в недостатке всех естественных обобществляющих моментов между индивидом и той социальной группой, к которой он хотел бы принадлежать и от имени которой он пытается говорить. Ведь неестественность всегда комична. Сравните с такими комичными фигурами всегда и всюду заслуживающих уважения и импонирующих своей простотой и естественностью индивидов, выступающих в роли представителя своей социальной группы. К самому малозначащему индивиду в таком случае должно относиться серьезно, так как все его поступки проникнуты, так сказать, естественностью и справедливостью.

Но социальная жизнь не проходит в строго замкнутых социальных классах, из природы вещей, из сущности политического и социального развития следует вечное стремление индивидов туда и сюда, вечное возвышение и падение, вечные столкновения, при которых социальные классы перекрещиваются в разнообразных комбинациях и индивиды попадают в разнообразнейшие положения, как относительно своих, так и чужих социальных групп.

Итак, жизнь старательно позаботилась о том, чтобы доставить нам самый пестрый переход от светлой шутки к горькой скорби, от забавного комизма к потрясающему трагизму. Эти бесчисленные оттенки индивидуальных образований и положений - неблагодарное поле для науки, но тем благодарнее оно для истории и искусства.

4. ПРАВСТВЕННОСТЬ

Мы попытались выяснить процесс создания морального типа индивида его социальной группой. Мы уже заметили, что социальная группа создает и образует не только идеи и воззрения, взгляды и чувства индивида, но и то, что мы называем моралью, эта мораль есть не что иное, как внедренное социальной группой в дух ее членов убеждение в пристойности образа жизни, к которому они принуждаются самою же группой. Это убеждение, это сокровенное мнение личности о своем поведении и о поведении других является в развитии морали вторым моментом, которому предшествует первый, привитый привычкой и воспитанием, образом жизни и характером деятельности, стремлений и поступков. Это известные формы и принципы, которые индивид получает от своей группы и которые касаются всех сторон его жизни, всевозможных житейских положений.

Рассмотрим человека, который прочно прирос к своей группе: ни в каких житейских обстоятельствах, которые доступны группе по ее природе и положению, он не будет затрудняться в выборе образа действий, ибо он владеет привитым ему мериллом, которое никогда не бросит его на произвол судьбы, он владеет моралью, которая всюду служит ему путеводной звездой. Но это продолжается только до тех пор, пока простая, единообразная группа (*small and simple aggregat* Спенсера) составляет весь мир и притом единый мир индивида - т.е. так бывает в примитивной орде, в диком первобытном состоянии. Здесь индивид знает и сознает, что правильно, пристойно и позволительно по отношению к своим, и что - по отношению к чужим. Но с момента

организации господства одних над другими, со времени соединения двух или нескольких социальных групп и индивидов друг с другом возникают различные моральные воззрения. Новое соединение не может уже пользоваться этой примитивной моралью, чтобы существовать, оно должно иметь другую. Отношение господства одних над другими настойчиво требует и создает уже другое житейское поведение, другие жизненные правила, а вместе с тем и другую мораль. Ставши необходимыми, новые учреждения, цель которых - охрана господства, путем привычки прививаются к духу "сочленов" нового соединения и рождают в них новые воззрения относительно того, что правильно, пристойно, позволительно и хорошо. Новая форма жизни вырабатывает новую мораль. И из этой новой морали, которая приспособлена к усложненному социаль-ному обществу, к вновь сложившемуся политическому строю, с развитием и усовершенствованием этого политического строя возникает право, т.е. установленная и провозглашенная политическая норма, за нарушение которой установлены наказание и кара.

Поэтому между правом и моралью существует генетическое различие, поскольку первое есть продукт столкновения различных социальных элементов, а после, нее - продукт отношений между простым социальным элементом и индивидом. Право возникает всегда и всюду только в социальном соединении, хотя бы и самом простом; необходимым предположением права является организация господства; мораль возникает уже в примитивнейшем социальном элементе, в примитивнейшем племени, в орде.

Однако так как всякое более развитое и сложное социальное соединение независимо от содержащихся в нем общественных групп образует само по себе тоже социальную группу, так как совокупность его составных частей удерживается вместе с известными обобществляющими связями, и так как каждое соединение представляет социальное единство, то нет ничего удивительного в том, что простой факт существования этой социальной коллективности создает общую мораль, руководящую всеми его сочленами. Впрочем, эта мораль, соответствующая больше свободе взаимной связи, более ничтожному сцеплению этой совокупности, ни коем случае не будет обладать той проникающей силой и интенсивностью, которую обладает мораль социальных элементов, поэтому она вступает в частный конфликт с последним и часто побеждается им. Можно смело выставить положение, что большая часть преступлений и правонарушений, совершающихся в государстве, возникает из этих конфликтов общей морали с моралью социальных элементов. Так, напр., охотник в горах не поступает против морали своей социальной группы, охотясь за дичью, несмотря на это, он своим поступком вступает в конфликт не только с правом, но и с моралью государственного целого. Точно так же и бесчисленные правонарушения в торговом мире являются результатом противоречия между моралью торгового мира и моралью государственного целого (проценты и.п.). Такие частные конфликты служат доказательством того, что высшему единству государства еще не удалось растворить социальные элементы единое социальное общество и привить всем индивидам в государстве ту высшую мораль, которая так же нужна для счастья целого, как примитивная мораль орды для счастья орды.

Разрешение этой задачи - высшая цель государства, к которой оно стремится сознательно или бессознательно и, хотя бы ее никогда не суждено было достигнуть, все-таки нельзя представить себе никакой более высокой санкции, никакого более глубокого оправдания для государства, как это его назначение - работать над воспитанием человечества для высшей морали. Идея этой морали не может исчерпаться национальным чувством, которое есть не что иное, как усложненно чувство орды: оно должно обнять, по меньшей мере, все цивилизованное способное к цивилизации человечество.

Путь к осуществлению этого идеала морали открыт образованием системы государств так называемой европейской, которая со временем растворит сперва европейское человечество в одно, хотя и некрепко сплоченное социальное единство, после чего этот процесс может распространиться на другие части света. И хотя осуществление этого идеала и лежит в непредвидимой дали будущего, цивилизованное человечество должно крепко держаться за него, если оно не хочет совсем погибнуть в слепом естественном процессе, и, конечно, лучшая часть задачи социальной науки - констатировать тот трудный путь, по которому человечество, истекая кровью, идет к своей далекой цели.

5. НРАВСТВЕННОСТЬ И ПОЗНАНИЕ ИСТИНЫ

После предыдущего ясно одно: мораль - не резонирующее человеческого разума, не явление, созданное сознательно человеческим разумом и волей, она, как и все общественные учреждения - продукт естественного развития, которое, будучи обусловлено естественными и естественно необходимыми чувствами и идеями людей, возникает из взаимодействия между ними и стимулирующими, активными силами жизни как результат взаимодействий и противоречий между природой и человеческой жизнью. Отсюда следует, что в этом продукте мы можем различить два элемента - естественный и человеческий. Первый - вечен и неизменен, он повторяется всегда и всюду во все времена и во всех странах, последний - вечно изменяется, так как он представляет индивидуальное, индивидуальный вид рефлекса человека на отношения и силы природы. Поэтому в морали всех народов и времен мы всегда находим нечто сходное, типичное, наряду с изменяющимся индивидуальным: всегда и всюду один и тот же социальный естественный процесс создает мораль, тогда как различные модификации этого процесса различно влияют на социально-психический продукт.

Человек от природы поставлен в круг необходимостей, которые он не в состоянии изменить. Его стремление с естественной необходимостью направлено к тому, чтобы приспособиться как можно лучше к этим потребностям, устроить свою жизнь по возможности удобней. Привычка приучает его к худшему: она его притупляет. Он привыкает к терниям и более не чувствует их. На страдания, причиняемые ему, он смотрит, как на следствие высшей необходимости, сознавая бесцельность протеста, он прекращает бесполезную борьбу и только инстинктивно старается несколько смягчить свой суровый жребий.

Следуя этому естественному стремлению, или, лучше сказать, подталкиваемый им, поступая только так, как само собой следует из его свойств и его положения, но при этом размышляя (что тоже лежит в его природе), индивид верит в свободу своих действий. Доказательство этой свободы он видит в индивидуальном колорите своих действий, который, впрочем, является следствием рефлексии, по форме различной, а по сущности одинаковой. Если он в этом стремлении, которое выражается в действиях, хотя и сопровождаемых размышлениями, попадает на такой род поведения, который после долгого опыта покажется ему самым подходящим, целесообразным и соответствующим его положению, то он такое поведение считает правильным, единственно хорошим и нравственным, противоположное поведение считает он безнравственным.

Таким образом, человек попадает в круг моральных идей, который как раз соответствует меньшему или большему кругу его потребностей и опыта, низшей или высшей ступени его культурного развития, более простым или сложным жизненным отношениям. К этим моральным идеям он принаравливается, с ними растет и развивается.

Мы видели, что все моральные чувства индивида развиваются только в сфере его социальной группы, путем воздействия этой группы на индивида.

Вообразим себе примитивного дикаря, человека - стадного зверя, какова его мораль? К своим его привязывает естественное чувство принадлежности к одной орде. Они помогают ему в нужде, держатся заодно с ним, защищать их - таковы его моральные идеи. А чужие - члены других орд - подстерегают их, похищают их имущество, врываются в их леса, уменьшают их пищу, при случае убивают их, похищают у них сочленов. Убивать этих чужих, отнимать у них имущество - такова вторая главная моральная идея диких.

Естественный, вечный элемент этих идей остается присущим духу человека, переживает дикость, и сущность его сохраняется в течение всей жизни человечества, а меняются и совершенствуются только внешность и форма его. По отношению к чужим еще и теперь, как и тысячелетия тому назад, действует борьба за господство; между двумя чуждыми социальными группами еще и теперь, как и прежде, возможны только два отношения: борьба или союз для борьбы с третьей группой. По истечении тысячелетий развития, среди высшей цивилизации перед нами выступает та же примитивная мораль дикарей под видом патриотизма, героизма и храбрости. Ведь моральные идеи меняют лишь форму, зерно их бессмертно, т.е. умирает только с человечеством.

Удовлетворение своих телесных потребностей естественным путем является наслаждением как для дикаря, так и для культурного человека. К этому естественному факту примыкает круг моральных идей, которые со временем меняют свою форму, но не сущность.

Член орды больше культурного человека чувствует себя частью целого, так как без своих, без своей орды его жизнь, каждое мгновение отдается на произвол враждебной силе зверей и чужих орд.

Удовлетворение голода и жажды не может казаться безнравственным дикарю, на доставление пропитания беспомощным своим детям он должен смотреть как на хорошее и полезное дело, как на нравственный долг.

Между молодыми и старыми, беспомощными и работоспособными создается взаимное отношение поддержки и благодарности, отношение, которое становится в переменах возраста взаимным. Эта поддержка детей и стариков создает нравственную идею, но если времена, обстоятельства и индивидуальные свойства приучат орду к прекращению бедственной жизни стариков посредством их умерщвления, то и такая практика по временам и в известных местах приобретает характер нравственных поступков. Точно так же в разных местах и в разное время различно обстоит дело с воспитанием и умерщвлением детей. Зерно нравственной идеи одно и то же, поступки, возникающие из естественного стремления, применяются в той или иной форме, и моральной признается та практика, которая удержится и окажется целесообразной.

В зависимости от времени и обстоятельств, в зависимости от индивидуального характера орды, от физических и духовных качеств регулируются отношения полов в орде и разделение хозяйственного труда. И возникает ли из всех этих факторов беспорядочное половое сожитие, полигамия или полиандрия - признанное целесообразным и продолжительное применение всех этих форм половой связи будет составной частью морали, моральным долгом и моральной заповедью.

С господством одной орды над другой, или с союзом двух орд с целью отразить или покорить третью, или, наконец, с холопством и рабством, появившимися вследствие взятия в плен чужих, расширяется круг жизненных отношений, открываются новая сеть поступков, новая практика, и следовательно, возникает новая сфера моральных идей.

Целесообразный способ обращения с пленными, рабами и холопами, целесообразный характер отношений к союзникам создают основу для моральных воззрений. Разумное, целесообразное господство над подданными является единствен-

но нравственным, верность союзникам создает новую моральную идею, различное обращение с членами различных общественных групп прежде, чем создать новое моральное право, ведет к созданию новых правил морали. Различное общественное Положение молодых и старых поколений, мужчин и стариков, женщин в разные возрасты жизни, господствующих и зависимых, богатых и неимущих делает Целесообразным и разумным различное поведение в известных жизненных обстоятельствах: поэтому образуются и различные жизненные масштабы морального - Для людей, стоящих в различных жизненных положениях. Так, например, безусловное послушание признается моралью холопов и рабов, несокрушимая энергия и строгое обращение - моралью господ. Так, например, убийство господина может рассматриваться как поступок, безнравственный для раба, а убийство раба ни в коем случае не считается безнравственным поступком для господина.

Но человек не довольствуется простыми фактами. Рефлектирующему человеческому духу всегда свойственно стремиться к отысканию таких причин, которые не имеют ничего общего с естественными причинами фактов. Как только ему встретится факт, он всегда старается дать ему объяснение, которое было бы, по возможности, первоначальным. Человек по природе - мифолог, поэт, вымышляя для явлений природы поэтические, большей частью антропоморфические объяснения и отвлечения, он делает то же и с общественными фактами. Каждое фактическое состояние он объясняет поэтически, мифически. Приписывая свое бытие творчеству сверхъестественного существа, он и все общественные различия сводит к различным актам творчества этого существа. Что в общественной организации создано силой отношений, то он сводит, главным образом, к первоначальному установлению Творца мира. При этом им бессознательно руководит стремление сообщить каждой своей нравственной идее высшую санкцию. Когда социальные отношения развились настолько, что убийство стало наказываться и охрана жизни ближнего стала моральной заповедью, тогда его любовь к мифологии создает Бога, который является в пламени, среди блеска и грома для того, чтобы дать законодателю скрижали закона, на которых стоят слова: не убий! Таким путем человек мечтает построить здание морали на прочном фундаменте. Такой характерной особенностью всякая человеческая мораль обладает с давних пор и до наших дней. Продукт фактов и действительных отношений, объясняемый и сопровождаемый вымышленными обстоятельствами - в таком виде выступает перед нами мораль всех времен и стран. Постоянно в ней вымысел и истина переплетаются в нераздельную общую картину. В таком-то виде, как нераздельное целое, запечатлевается мораль в чувстве людей: иначе понять ее они не могут.

Основывается ли мораль в теологические эпохи на божественной заповеди, выводится ли она в философские времена из прирожденных человеку моральных идей - всегда мы видим, что вымысел и истина сплавляются воедино, и одно, по видимому, не может существовать без другого. И вместе с моралью, проникающей в духовный мир человека, становящейся частью духовного Я, подкрепляющий мораль миф укореняется в душе человека.

И вот создается взгляд, будто мораль может быть строго охраняема при помощи мифа, будто всякое посягательство на миф должно привести к падению морали! Так смотрели издавна, так смотрят и теперь. Сократ был обвинен в уничтожении добродетели и морали, этих действительных сил жизни, так как он подвергал сомнению существование олимпийских богов, этих продуктов фантазии. Так точно и теперь смотрят как на опасного врага морали, на всякого, кто отваживается дерзко критиковать или подвергать сомнению один из мифов, объясняющих и подкрепляющих нашу мораль, на всякого, кто отрицает "врожденные, всегда и вечно истинные моральные идеи" и старается представить мораль как продукт фактических социальных отношений, способных изменять и принимать разно-

образнейшие формы, приспособляясь к фактическим отношениям. Такую борьбу наивности против истины во имя морали мы видим в разнообразнейших сферах.

Развитое моральное чувство создало миф моногенизма, оно пытается объяснить и подкрепить идею и чувство любви к ближнему при помощи мифа происхождения всех людей от всех родителей. На полигенизм смотрят, как на нечто безнравственное, как будто он опасен для морального чувства любви к ближнему, хотя это последнее может быть так же хорошо построено на единстве рода полигенистического человечества, в действительности, однако, оно имеет совершенно иной базис, лежащий в культурном развитии человечества.

Такое же зрелище в безличных формах представляет нам история сектантства и религиозных расколов. За неимеющими значения религиозными обрядами признается прямая связь с известными нравственными идеями, и отрицание этих обрядов признается отрицанием моральных идей, в действительности не имеющих с ними никакой внутренней связи.

Всякой новой философской идее, всякому приобретению науки предстояло выдержать борьбу с мнимыми "охранителями и защитниками морали".

Когда "просвещение" XVIII века, тогдашняя материалистическая философия отвергала несколько господствующих предрассудков, отовсюду раздался иезуитский крик ужаса, будто просвещение и материализм ниспровергают мораль. Так как в данное время существовало мнение, что душа - временная обительница человеческого тела, что по разрушении его она прямо подымается на небо и там начинает новую жизнь, то всякая мораль и этика должны были зависеть от сохранения этой веры. Кто сумел усомниться в бессмертии души, тот грешил против морали и нравственности, как будто бы последние могут развиваться только на почве дуализма между телом и душой и бессмертия последней. В известные времена старались этим учением подкрепить существующий моральный строй, и при недостатке лучшего знания такая попытка была, конечно, только похвальна. Но в тот момент, когда прогресс знания показал, что такая основа морали неверна, эта основа становится шаткой. Однако отсюда ничуть не следует, чтобы отрицание этой мнимой основы ниспровергало мораль или ей угрожало, ведь, во-первых, основа морали - действительность, а не вымыслы, а во-вторых, все эти благочестивые вымыслы нисколько не помешали высшей безнравственности, ужасам инквизиции и процессам против ведьм - величайшим преступлениям, которые когда-либо совершало человечество.

Точно так же обстоит дело с враждебным отношением к дарвинизму. Так называемое происхождение человека от низших животных теология объявляет ниспровержением всякой этики и морали: как будто бы этика и мораль находятся в какой-нибудь фактической связи или являются следствием традиционного учения о сотворении человека!

Такое же явление встречаем мы в сфере государственной теории. Фактическое развитие права создало моральную идею государства. Из естественных и естественно необходимых стремлений выросло человеческое государство, оно стало в цивилизованных странах тем, чем оно является теперь - охраной права и нравов, опорой благосостояния и культуры. Этот факт создал в человеческом духе моральную теорию государства, один из тех прекрасных мифов, соответствующих этим фактам, в силу которого государство возникло из общественного договора, заключенного участниками государства для охраны права и применения справедливости. Этот миф является подходящим выражением для идеи государства, созданной фактическим развитием его.

И когда ныне объективные изыскания и исследования фактов приводят к тому результату, что его существование обязано лишь перевесу силы одних над другими,

вновь раздаётся крик ужаса со стороны "нравственных" трусов и святош: ниспровергают право, извращают общественную и политическую мораль!

Такова всегда политика глупых родителей, которые думают, что детям можно внушить мораль и чувство, привив им страх ко всевозможным привидениям. Могут ли такие узкие и ограниченные взгляды ввести науку в обман? Мораль есть спелый плод фактического культурного развития, она ни в коем случае не может быть поколеблена научным исследованием ее действительных основ, больше того, для развития и успеха морали, конечно, гораздо целительнее истина, чем вздорная ложь, на которой до сих пор безуспешно старались построить мораль.

Так как возникновение моральных идей есть слишком трудная проблема, слишком трудная сторона человеческого знания, то гораздо легче было объяснить его с помощью поэзии и сказок, свести к ним существование морали. Всякое научное нападение на эти сказки еще до сих пор считается нападением на нравственный мировой порядок.

А между тем нетрудно заметить, что как раз наоборот, всякий прогресс познания истины и, в частности, познания природы, может только содействовать морали. Жизненные события складываются из велений природы и поступков людей. Эти последние разумны, если соответствуют тенденциям природы, они неразумны, коль скоро презируют эти тенденции и идут вразрез с ними. Поэтому можно дать только один принцип для разумности человеческих поступков, следовательно, для человеческой морали и этики они должны соответствовать тенденции, смыслу велений природы. Поэтому познание природы, естествознание в своем истинном объеме, обнимающем все стороны человеческой жизни, есть единственный и необходимый базис всякой морали и всякой этики, как науки.

Без естествознания нет морали, и поэтому мораль стоит на низкой ступени там, где естествознание находится в пренебрежении, и тем выше и чище мораль, чем выше прогресс в познании жизни природы. Понять это очень просто. Природа имеет все те свойства, которые восточный монотеизм приписывает своему Богу, -Вездесущность и Всемогущество, так как, в сущности, понятие Бога есть, может быть, только бессознательный и поэтический, а позднее непонятный и неясный символ природы. Из этих свойств природы следует, что всегда и всюду совершается только то, чего хочет природа, т.е. то, что согласно с нею. Человек подчинен велениям природы. Он стоит под давлением ее требований, должен удовлетворять естественные потребности, он живет сообразно силам и потребностям, данным ему природой и, следуя ее велениям, должен окончить свой век. Это всемогущество природы и совершающиеся на почве его процессы глубоко запечатлеваются в душе человека: ему трудно представить себе другой способ бытия. Существующий же способ бытия кажется ему правильным и справедливым, разумным и нравственным. Для жизненных процессов у него нет другого масштаба, как предполагаемая воля природы, т.е. видимые его тенденции.

Что "естественно", то кажется ему по одному этому уже разумным и нравственным, а "неестественное" есть синоним неразумного и безнравственного. Так, на велениях природы воспитывалось этическое чувство человека, нормы природы, которые в социальной жизни превратились и конденсировались в его мозгу в нравственные идеи.

От природы взрослые и старики берут на себя руководство подрастающим поколением, уважение и почитание молодых к старшим соответствует нашей нравственной идее. Что естественно, что согласно с природой, то и нравственно.

Во всем, естественно возникает, согласно с природой, заключается вечное, прочное и неизменное основание всякой этики и морали, этические же и моральные поступки есть не что иное, как применение масштаба естественной тенденции, веления природы к жизненным явлениям.

Отсюда следует, что в сущности, должна существовать только одна мораль, которая всегда и всюду так же проста и неизменна, как веление природы; но если, несмотря на то, существуют во времени и в пространстве различные этические воззрения, то это является результатом того, что во-первых, познание природы не всегда и не всюду находится на одной и той же ступени, и что люди в этом отношении часто предаются грубейшим заблуждениям, во-вторых, что существуют целые области человеческой жизни, как, напр., социальная область, которые не относятся вовсе к нашим близоруким знаниям в областях природы, в которых совершенно не подозреваются и не предполагаются веления природы и в которых, следовательно, совсем не может быть и речи об изменении унаследованных моральных идей в смысле познанной "воли природы", возможного приближения к ее тенденциям.

Итак, наука, исследуя истину, в частности, обращаясь к природе и ее велениям, стараясь исследовать последние и в социальной области, работает в духе морали и способствует ее прогрессу, при этом случайно она может свергнуть старых, любимых идолов и вызвать этим жалобный вопль "моралистов".

6. ПРАВО

До сих пор изучение и понимание права колебалось между индивидуализмом и совершенно неопределенным коллективизмом. Обе эти крайности боролись одна с другой, от одной к другой бросалось развитие литературы, и так как истина не заключается ни в одной, ни в другой - то нечему и удивиться, что нас не удовлетворяют ни философия права, ни вообще господствующие научные системы права, что пресыщение и пустота являются продуктом длившейся целые столетия работы различных школ философии права.

Бросим краткий ретроспективный взгляд на этот печальный путь заблуждений. Самые первоначальные нормы человеческих действий получают свою санкцию частью от сложившихся обычаев, частью - от предполагаемой воли богов; вера и обычаи - первые источники права, т.е. того, что считается критерием поведения. Пробуждающаяся мысль общества смотрит на первые попытки юриспруденции как на источник права власти и государственного закон, отличая их от религии и морали. Таким наивным пониманием не могло удовлетвориться проникающее глубже научное стремление, отсюда начинается *circulus vitiosus*: одни ищут источник права просто в человеке, в его природе, в его стремлении к общежитию или в тому подобных приписанных ему свойствах, другие думают найти этот источник в коллективном целом, в народе, в обществе и его "общей воле", в народном духе.

Но истина лежит посередине. Право - не продукт индивида, не сознание природы и ее свойств, оно и не создание народа и даже выдуманной *ad hoc* общей воли и народного духа. Право - социальное явление, т.е. форма совместной жизни, созданная столкновением разнородных и неравносильных социальных групп. Эта разнородность и неравенства являются необходимыми предположениями всякого права.

В примитивной орде, которая представляет однородную, единую и недифференцированную группу, совсем нет права, да оно здесь и не нужно, так как на этой ступени развития, в таком состоянии люди удовлетворяются несколькими религиозными представлениями и обычаем. В примитивной орде царит полное равенство, а оно не является почвой, на которой могло бы вырасти право. Поэтому там нет ни семейного права (там господствует смешение полов), ни права собственности, следовательно, нет и наследственного права. А при отсутствии торговли и сношений, конечно, нет ничего подобного и нашему имущественному праву. Не обнародованные нормы регулирует жизнь. Что произошло, то священо; для того, чтобы регулировать жизнь примитивной орды, вполне достаточно форм жизни, созданных с течением времени потребностями - форм жизни, сумму которых мы

называем обычаям, которые сводятся в большинстве случаев, к воле богов, так как возникновение их происходит незаметно.

Только при столкновении разнородных групп, после того, как установлено подчинение одних другим и приходится подумать о совместной жизни неравных этнических элементов, т.е. приходится подумать об организации господства (а для этой цели недостаточно обычаев одной стороны, потому что они не признаны обычаями чуждого элемента), только тогда сила и преимущество более сильных устанавливают возможность совместной жизни и порядок жизни: вот эти-то установленные таким образом формы жизни неравных элементов друг подле друга, упрочняясь путем практики и привычки в нормы и принципы, создают право.

Так, вследствие похищения женщин чужого племени возникло впервые семейное право, как господство мужа над своей женой; так, вследствие подчинения чуждого элемента и превращения его в служебный возникло право господ на своих рабов, а вследствие различия между господином, которому принадлежат земные плоды, и рабом, который обрабатывает землю для господина, возникло право собственности. Земля вместе с приобретенным господством переходит в семье от отца к сыну, благодаря чему возникает наследственное право. Если в эту примитивную организацию вступает чужой торговый элемент, то обмен благ создает имущественное право, и прежде всего обязательственное, долговое право со всеми его усложнениями, вызванными развитием торговли и оборота.

Вообще говоря, право всегда создается столкновением неравных социальных элементов, и отсюда вытекает, что всякое право носит на себе печать своего происхождения.

Нет ни одного права, которое не было бы выражением неравенства, так как всякое право есть компромисс между неравными социальными элементами, первоначально принудительно осуществленное примирение противоположных интересов, получающее санкцию нового обычая только путем практики и привычки. Так, семейное право подчиняет жену и детей господству отца и сперва принудительным образом устанавливает примирение противоположных интересов, пока со временем практика и привычка не заменят первоначального принуждения новым обычаем и новой моралью.

Точно так же право собственности нормирует неравенство между собственниками и неимущими по отношению к объекту собственности, наследственное право - неравенство между наследником и всеми "ненаследниками" относительно наследства, долговое право - неравенство между кредитором и должником по отношению к предмету обязательства. Короче говоря, всякое право возникает из неравенства и имеет в виду поддержать и утвердить его через установления господства более сильных над более слабыми, в этом отношении всякое право есть верное зеркало государства, которому оно обязано своим возникновением и целью которого является тоже не что иное, как поддержание порядка совместной жизни неравных элементов посредством господства одних над другими. И так как поддержание неравенства есть душа, принцип всякого права, то всякому праву соответствует обязанность, всякому активному объекту права должны соответствовать один или много пассивных субъектов, подобно тому, как и в природе государства лежит тот факт, что оно состоит из господствующих и подчиненных.

7. ПРАВО И ГОСУДАРСТВО

Уже из предыдущего следует, что право может возникнуть и мыслимо только в государстве. Вне государства нет права, так как право есть специфически государственный институт, плоть от плоти и кровь от крови. Каждое право есть часть государства и, так сказать, содержит в себе известную меру государственного господства. Откуда приходит эта мера господства во всякое право, если не из огромного резервуара господства, который мы называем государством?

Государственное господство распределяется из этого огромного резервуара, подобно водо-проводу, через большие трубы права, стоит только отвернуть кран исполнения - и государственное господство, государственная власть налицо. В культурном государстве за право государственного господства платят маленькую пошлину, большей частью, в форме штемпельной марки. Но можно ли себе представить право без государства? Так же мало, как водопровод без резервуара, без сети, труб и кранов.

При всем том схоластики сумели создать многочисленные системы "естественного права", права, которое якобы существует и действует независимо от государства, вне его и над ним. Теперь естественное право, к счастью, побеждено: оно умерло и погребено.

Однако дух этого права все носится над волнами юриспруденции. Юристы все еще говорят о правах, которые "прирождены" человеку. Кроме основных прав, "провозглашенных Французской революцией", как например, "права" свободы, равенства и т.д., сюда относятся еще другие "неотъемлемые" права, напр.: "право жить", "право на труд" и т.п. В большинстве случаев такие права, если они могут быть выведены из "идеи человека", как "свободного, духовно-разумного" существа, выводятся из "идеи справедливости". Мы не будем теперь указывать на произвольность и пошлость таких дедукций. Все послышки этих естественноправовых дедукций, еще живущих, несмотря на смерть естественного права, - ложны. Чистая фантазия, что человек - "свободное" существо, еще большая фантазия, что он - "разумное" существо. Если под "разумностью" понимать то свойство, в силу которого всякий человек в своих поступках управляется разумом, а не слепыми силами, то ни в коем случае "человека", принимая это слово, как родовое понятие, нельзя назвать разумным. Это признание "неотъемлемых человеческих прав" основывается на самом неразумном самообогащении и слишком высокой оценке человека и его жизни, равно как на полном игнорировании единственно возможных основных основ существования государства.

Призрачные свобода и равенство несовместимы с государством, они - прямое отрицание последнего. Для людей нет никакого другого выбора, кроме государства с его неизбежными несвободой и неравенством, или анархии.

В первом есть много неизбежного зла, но, с другой стороны, оно содействует охране величайших благ, которые могут быть достоянием человека на земле. Анархия же есть возведение неизбежного в государстве зла в зло беспредельное, в то же время она не может доставить самого ничтожного из государственных благ, ибо самым большим злом для людей являются те же люди, их глупость и подлость. Государство едва сдерживает уздой власти это зло, в анархии же оно свирепствует необузданно и громоздит преступление на преступление. Итак, или государство, или анархия - иного выбора не может быть, мы не можем возвратиться к примитивной орде. А между этими двумя образами социального бытия - государством и анархией - выбор не труден.

Не меньшую ошибку делают те, кто думает вывести право из "справедливости", и ставят выведенное таким образом право над государством и предлагают государству реализовать его. В основе такой дедукции лежит оптический обман. В самом деле, что такое справедливость? Откуда мы можем получить о ней представление? Только факт права, как оно создано в государстве, воспитывает в нас идею справедливости, идея справедливости образуется благодаря праву, и наша восприимчивость к ней, наше ощущение справедливости, наше чувство справедливости не имеют никакого другого источника. Этой истине совсем не противоречит то, что мы в том или в ином случае можем признавать право несправедливым, противоречащим справедливости: развитие нашего чувства справедливости, совершающееся под влиянием права, может, по-видимому, настолько опередить разви-

тие самого права, насколько развитие государственных отношений вместе с чувством справедливости опережает все институты права, существующие еще только в силу писаного закона или укоренившейся практики и традиции. В подобном случае наше стремление к справедливости есть лишь предшественник нового законного права, которое уже зародилось в жизни и соответствует данной стадии развития государства, которое, можно сказать, уже существует как еще ненаписанное, но уже признанное, однако нужно делать различие между стремлением к реформам, которые основываются на существующих в государстве отношениях и вытекают из степени его развития, и между такими требованиями, которые противоречат существу государства и всему его историческому развитию. Одним словом, нужно отличать правильные стремления к реформам, вытекающие из существа государства, от утопий. Первые вытекают сами собой из всего прежнего развития государства, последние же совершенно отрешаются от государства и становятся на такую почву, на которой никогда не стояли государственные институты. Такая почва - свобода, равенство и совершенно независимая от государства абсолютная "естественноправовая" справедливость. Что такое эта "справедливость", как она создается - об этом мы ничего не знаем и ничего не можем знать. Наша идея справедливости есть простая абстракция от права, она стоит и падает с этим своим основанием. Представим себе, что из нашего прошлого исчезли государ-ственное развитие и право - и из нашего духа исчезнет всякий след понятия справедливости. Это знает уже Платон и, когда он в своем "Государстве" подходит к объяснению понятия "справедливого человека" и "справедливости", он начинает это объяснение описанием основания государства из разнородных неравных элементов и, предполагая, что каждая социальная составная часть принимает в государстве соответствующую ей роль, называет эту организацию государства и государственного строя справедливой, а то нормальное состояние государства, в котором каждый подчиняется выпадающей ему роли, является для него идеалом справедливости. Только этим окольным, или собственно естественно возможным путем, исходя из понятия государства, Платон постигает понятия справедливого, которое он затем прилагает, как масштаб, к отдельным людям².

К справедливому в государстве вполне относятся слова Тразимаха в диалоге того же имени: "Я именно утверждаю, что справедливое есть удобное для сильнейшего". Ведь, в самом деле, в государстве более слабый должен подчиниться и приспособляться к более сильному, и правовой порядок государства не может быть не чем иным, как таким, который больше всего удобен для самой крупной силы в государстве, впрочем, такой порядок в государстве для более слабого является сравнительно самым лучшим, и в этом смысле государственный правовой порядок представляет естественно мыслимую идею справедливости, единственный источник, из которого мы можем черпать представление о справедливости и справедливом. Но этот правовой порядок был всегда и всюду антиподом свободы и равенства, и должен быть таковым по природе вещей. Напротив, он всегда и всюду был выражением реальных отношений силы социальных элементов государства. С изменением этих отношений и особенно с прогрессивным развитием государства в области народного хозяйства, искусства и науки эти отношения силы претерпевают постепенное изменение в пользу большей гуманности и мягкости, вместе с тем гуманизируется и правовой порядок, право, вместе с тем и больше совершенствуется отвлеченная от него идея справедливости. Но теперь, как и во время Платона, только государство может быть масштабом справедливости, поэтому необходимые условия его существования и сохранения образуют границу этого понятия. Что должно делать государство, то справедливо, но никогда не может быть справедливым то, чего государство не может делать.

8. ПРАВО И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Мы видели, что право возникает при столкновении разнородных социальных элементов, когда коллективное целое уже не может быть сдержано простым обычаем, мораль одних не является в то же время моралью других. Такое противоречие нравственных воззрений, делающее невозможным существование социального единства, примиряется правом, сперва в форме повеления господствующих. Выше мы указали, что и это право со временем превращается в обычай и мораль, так что оно, как право, в то же время становится содержанием новой морали. Мы должны разъяснить это кажущееся противоречие между моралью, предшествующей праву, и моралью, вновь создаваемой правом.

Откуда произошли обычай и мораль примитивной орды? Из требований жизни, из общих потребностей примитивного социального единства. В новой социальной совокупности, образовавшейся из двух или нескольких разнородных элементов, эти жизненные потребности необходимо слагаются иначе, становятся иными. Конечно, вследствие отсутствия общего обычая и морали, эта новая совокупность сдерживается сначала силою, принуждением и государственным правом. Но в этом новом социальном единстве не может не быть действия практики и привычки, действия тех сил, которые ведут в примитивной орде к созданию прочного обычая и морали.

Новое право намечает только путь, которым должны были создаваться необходимые жизненные формы нового социального единства и по которому они со временем должны были пройти во всеобщее сознание.

Это очень легко понять. Новое социальное единство, новое общество консолидируется, оно находит, в конце концов, для своего бытия известные формы, которыми его сочлены должны так или иначе удовлетвориться и которым они должны подчиниться.

Тем ли иным путем люди ищут и находят известные формы мирного совместного существования, подчиняются их необходимости и, признавая и принимая последнюю, создают новый обычай, новую мораль, первый толчок к которой дается правом. Как же относится к этой новой морали сложного общественного тела прежняя мораль ее отдельных элементов?

Старая мораль социальных элементов необходимо должна подчиниться этой новой, ибо в то время, как первая обеспечивала состояние простой группы, новая обеспечивала состояние группы более сложной.

Иллюстрируем это примером. Для примитивной орды, для простого племени враг и чужой - идентичные понятия. Ее мораль повелевает ей щадить лишь своих и, напротив, без рассуждений истреблять чужих. Но с того момента, как чужие образуют составную часть нового общества, в положении ли рабов, союзников, или класса, принятых в каких-либо интересах старого общества (какое отношение устанавливается договором, из которого возникает право) - с этого момента старая мораль должна уступить место новой. Интерес нового общества, создающий новое право, медленно уничтожает старую мораль, отождествляющую "чужого и врага", и прокладывает дорогу новой, в силу которой раб, союзник или принятый в состав группы инородец имеют притязание на охрану и уважение, хотя старая мораль еще долго оставляет известные рудименты в воззрениях и чувствах - новый интерес нового целого создает все-таки новую мораль, которая оказывается победительницей старой.

Этот процесс, процесс образования новой морали под влиянием прогрессивного образования права происходит во всех областях правовой жизни.

Хотя в примитивной орде, или даже и в феодальном государстве средних веков имущество низших классов, напр., имущество странствующих купцов, могло послужить хорошим призом господствующим классам, рыцарям-хищникам, хотя подобный грабеж нисколько не грешил против старой морали, не наносил никакой "по-

рухи" рыцарской чести, но все-таки новое право, которое в интересах целого охраняет собственность и имущество горожан, медленно прокладывает путь новой морали, и эта новая мораль ныне запрещает дворянству отнимать у горожан их мнение. С трудом и медленно, но преодолевая все препятствия в течение столетия, право государства создает новую мораль для области имущественных отношений, и теперь для нас уже непонятно, как в средние века рыцари и дворяне, столь дорожившие честью, нисколько не задумывались и не стыдились напасть на первый же попавшийся им город и отнять трудовое имущество у горожан.

Вытеснение старой морали новой под влиянием нового права, вызванного потребностями и интересами нового общества, яснее всего сказывается в развитии патриотического чувства. Первоначальное племенное сознание отдельных социальных элементов государства со временем превращается в народное и национальное сознание. В то время как по старой морали личность обязана была к преданности только в отношении к ее сингенетической группе, существование интересов нового общества создает новую мораль, которая требует от личности безусловной преданности целому, составленному из разнообразных в этническом и социальном отношении элементов.

Нужно ли подтвердить это примерами? Найти их нетрудно.

Каков был патриотизм, к которому мораль обязывала каждого немца еще не-сколько десятилетий тому назад? Обозначив его словом "партикуляризм", мы тем самым указываем значительную перемену, которой подверглась в этой области мораль под влиянием фактов и нового права. Старой морали соответствовал еще Рейнский союз - факт, который теперь тот же народ и в той же стране называет в высшей степени безнравственным, изменой и беззаконием. Такая перемена совершилась со времен Иены и войны за освобождение, со времен права Германского Сюза и права Новой Германской Империи. Прежняя мораль элементов нового общества должна была уступить новой морали последнего, толчок образованию которой был дан новым правом. Как новое право прокладывает путь новой морали, создавало его, точно так же новая мораль является теперь сильнейшей опорой нового права, пока в вечной смене земного новые факты и отношения вновь не создадут нового права, жертвой которого станет существующая мораль.

Легко предусмотреть те воззрения, которые могут быть выставлены против нашего воззрения на отношение права к морали. Часто, по-видимому, дело обстоит как раз наоборот. Именно в нашем столетии мы часто замечаем, как подгнившее право уносится могучим потоком "общественной морали". В действительности, однако, и в подобных случаях это подгнившее право долго является лишь испанской стеной, за которой происходят лишь другие отношения и факты, настойчиво требующие своего признания в праве, и несмотря на то, что существующее писаное право формально противодействует исполнению этих требований, и без того уже создавших мораль, последняя, усилившись и овладев сознанием масс, в один прекрасный день рождается подобно буре, разрушает испанскую стену старого права и отбрасывает ее, как кусок бумаги, после чего давно уже требуемое фактами и отношениями новое право - право, вошедшее уже в моральное сознание, - находит себе выражение и признание в законе. Для уяснения всего этого процесса я позволю себе воспользоваться несколько тривиальным сравнением.

Помимо правомерного, законного союза нации с признанным всем светом правом, тайно, в силу фактических отношений, нация вступает в незаконный союз с другим новым правом, еще боящимся дневного света, правом, которое в этом союзе с нацией создает еще незаконную мораль; эта последняя, родившись и выросши, насильно уничтожает старое право, уже потерявшее свою силу и *raison d'être*, вслед за чем происходит *legitimitas* новой морали *per sub sequens matrimonium*.

"Так существует все-таки неписаное, естественное право?" - слышу я торжественный клик приверженцев естественноправовой школы. Нисколько!

В такие моменты развития право стремится из темного недра фактических отношений к дневному свету и появляется на свет среди тяжелых мук родов. Но это отнюдь не право природы, не право разума, которое существует независимо от времени и отношений, это в каждом отдельном случае право, коренящееся в фактических отношениях, конечно, естественное и разумное, так как оно соответствует этим отношениям, рождается ими. В этом смысле можно, пожалуй, называть естественным и разумным право, вызванное во всяком отдельном случае отношениями и фактическими потребностями, но оно - не право природы или разума, источник которого лежит в естественном правосознании или разуме, и которое остается якобы неизменным и вечным: оно - естественное и разумное требование права, требование, которое возникает во времени и пространстве из реальных отношений и соответствует им, а потом, формулируясь в законе, становится правом, после чего уже, как сказано, пускает глубокие корни в моральном сознании.

Итак, возражение, что мораль есть источник права, покоится на ошибочном представлении о фактическом процессе, в котором и естественное право точно также не находит себе подтверждения. Напротив, другое возражение, по-видимому, может сослаться на неопровержимые факты, а именно, то возражение, что право часто совсем не переходит в моральное сознание общества, несмотря на продолжительную практику, оно все еще имеет против себя публичную мораль и, в конце концов, должно уступить ей. В самом деле, этот несомненно часто повторяющийся фактический процесс, по-видимому, констатирует первенство морали перед правом в качестве источника последнего. И здесь это только так кажется: дело обстоит совсем иначе.

Правда, мы часто наблюдаем, что право, в действительности, несмотря на поддержку государственной власти, остается, так сказать, только мертвым механизмом, что для своего функционирования оно всегда нуждается в государственном принуждении, что отвергнутое общественной моралью, оно никогда не может создать новой морали и, в конце концов бесплодно исчезает, не вызывая ничего сожаления. Но если мы поближе познакомимся с тем правом, которое не сумело создать себе моральную почву и пустить в ней глубоких корней, мы убедимся, что такое право всегда возникает не из принудительных отношений жизни, а из минутной прихоти партий, из фальшивых идей и теорий, благодаря игнорированию фактических отношений и т.д. Такое право всегда витает в воздухе без устойчивости и силы, поддерживаемое только подкреплением извне, не имея собственной внутренней жизненной силы. Чуждое и враждебное общественной морали, будучи не в состоянии создать новой морали, оно раньше или позже побеждается старой. Но подобное право уже заранее не право и, как таковое, не имеет никакой жизнеспособности: это - мертворожденное право. Все сказанное нами об отношении и взаимодействии права и морали относится столько и к частному праву. Последнее также создает моральную атмосферу, как и первое, и совершенно так же в своем существовании обуславливается этой атмосферой.

Нужны ли примеры для доказательства этой истины? Обратите хотя бы внимание на перипетии процентного права (законов о ростовщичестве) за последние три десятилетия в некоторых государствах Европы, как напр., в Австрии. Старые строгие законы о ростовщичестве, соответствующие определениям ростовщического права, ведут свое начало от времен экономической связанности, несвободы и Цехового строя. Превышение максимальной степени процента (5 или 6%), наказуемое государством, имело против себя и публичную мораль. Откуда возникла эта мораль, наказывающая превышение 6%? Экономические отношения, связанность и

несвобода торговли, ремесел и сельского хозяйства вполне оправдывали законы о процентах; это строгое процентное право вытекало из процентных отношений, и в общественном мнении оно создало моральное представление о низости ростовщичества. Между тем экономическое развитие неудержимо прогрессирует; экономические рамки падают; торговля, ремесла, земля становятся свободными; промышленность и производство достигают невиданного дотоле "процветания"; доход с них далеко перерастает прежние времена. Тогда начинает чувствоваться стеснение от старого процентного права. За стеной этого писаного права дает себя чувствовать потребность в праве, более соответствующем новым отношениям, - и мораль, покоившаяся на старом праве, начинает падать. Старое процентное право теряет почву, оно отменяется, провозглашается новое право, полное свободы процента, которое скоро уничтожает старую мораль и создает новую, согласно которой обе стороны ни в коем случае не видят ничего безнравственного в высоте процента (пока не наступают другие безнравственные моменты, как, напр., эксплуатация несовершеннолетних, неопытных, нуждающихся и т.д.). Теперь уже само государство соглашается на учреждение и даже само вызывает к жизни кредитные установления, уставы, которые вводят проценты, осуждаемые и наказуемые правом и моралью два десятилетия тому назад. Во главе и в администрации таких учреждений можно встретить множество высокопоставленных лиц с безупречной репутацией, с высоким мнением о чести и нравственности.

Между тем экономический прогресс поутих; согласно экономическим законам не могла не настать реакция; торговля, ремесло, промышленность и сельское хозяйство снова пришли в упадок; их прибыльность упала. Прежде всего с упадком народного хозяйства оказалось стесненным новое процентное право с его безграничной свободой процента. И вновь это право потеряло почву в фактических отношениях, которые требовали иного правового порядка. Потребность в таковом давала себя знать, новая мораль пошатнулась, - новое право должно было пасть, и старые процентные ограничения вновь стали законным правом. Сперва это воскресшее право берется еще с исчезающими остатками морали, основанными на павшем праве, но победоносно выдерживает борьбу, ибо "лишь живой имеет право" - и вот трансформация морали уже закончена, в то время когда государственная власть и уголовный суд еще только прокладывают новому праву путь к общественной морали.

Если угодно, можно привести из всех областей частного права подобные примеры развития права из фактических отношений и морали из права. Мы позволим себе указать на многие изменения брачного права и морали, всякий раз возникающие из него. Там, где нерасторжимость брака в течение столетия была законным правом, там на разводе лежит пятно безнравственности. И если фактические отношения, более свободное развитие современного общества принуждают к законному установлению развода, как недавно было во Франции, то новому праву еще долго приходится воевать со старой моралью. Недавно еще в парижском "Фигаро" по поводу нового закона была помещена статья, в которой говорилось приблизительно следующее: "Развод - отлично! Но вторичный брак разведенных? Этого общественная мораль во Франции не снесет". "Фигаро" может успокоиться: общественная мораль в Европе и во Франции по временам в сфере брачного права сносила кое-что посерьезнее, напр., *jus primae noctis*. И во Франции она скоро примирится и сдружится, если это уже не совершилось, с новым правом, с расторгимостью брака и новым браком разведенных, которое разумно, так как соответствует фактическим отношениям и потребностям.

Еще один последний вопрос. Если мораль вечно изменяется и рабски следует за правом, которое всякий раз возникает из фактических отношений, то почему же люди постоянно склонны понимать мораль, как нечто неизменно остающееся в

смене вещей, как вечно одинаковый источник права, как вечную идею, царящую над преходящим земным; почему они склонны всегда апеллировать к ней и рассматривать ее как мерило всего права и всех государственных учреждений?

Причина этого явления очень проста. Изменение всего права и всех государственных учреждений понятно и очевидно: их невозможно считать неизменными. Сегодняшний закон отменяет вчерашний: распоряжение министра, уничтожая прежнее государственное учреждение, создает новое. Изменяемость и непостоянство этих фактов всякий легко понимает; изменение же морали совершается очень медленно и незаметно; оно движется как часовая стрелка на часах. Человеческий возраст составляет лишь минуту на часах морали, - кто же может заметить этот совершенно незаметный ход часовой стрелки? Конечно, несколько поколений спустя историк и философ замечают, что стрелка ушла вперед; средний человек "слухом слышит, но не имеет разумения". И это вполне естественно. Ведь человек в текущем потоке явлений должен примкнуть к чему-нибудь постоянному и неизменному, если он не хочет, так сказать, утонуть в нем. До Коперника, по крайней мере, земной шар неподвижно стоял под его ногами; с тех пор земля вертится, да и солнце стоит неподвижно. Что же странного, что у человека кружится голова и он высматривает себе где-нибудь твердую точку, на которую он мог бы опуститься в верном плавании по океану жизни. Иметь такую твердую точку, как звезду на своем горизонте, является неотразимой потребностью человеческой души; этой потребности обязаны своим существованием все обожаемые человеком "вечные силы", существованием, которое не прекратится, пока люди живут на земле. К таким "вечным силам", без которых человек не может обойтись, принадлежит и идея морали. В ней человек ищет и надеется найти прочную точку опоры для своего падения, путеводную звезду, которой он может руководствоваться во всех своих поступках и предприятиях, прочный масштаб для суждения о том, что хорошо и что дурно, что благородно и что подло. И действительно, в идее морального он находит то, что ищет. Действительно, она является для каждого человека такой точкой опоры и путеводной звездой на всю жизнь.

Ошибка состоит в том, что личность верит, будто ее идея морального - единственная, неизменна, одинакова для всех времен и народов, а такой она является столь же мало, как земля - неподвижной точкой во вселенной; но как земля, несмотря на свое вечное вращение, вообще представляет человеку неподвижную почву для его деятельности, так и идея морали представляет для личности его твердую почву, поддерживающую его характер, его стремления и желания. Что за дело крестьянину или земледельцу, что пашня, которую они обрабатывают, почва, на которой они строят свой дом, вращаются вместе с земным шаром? Так же мало дело индивиду до того, что его теперешняя мораль покажется безнравственной будущим поколениям. Для него эта мораль является единственно возможной, твердой почвой, которую он может обрабатывать и застраивать.

Ведь, в конце концов, личность, как ни преходяща она сама по себе, находила только в глубине души ту твердую точку опоры, к которой она может прикрепить себя в бурном волнении жизни и которая обеспечивает ей поддержку и помощь - и горе ей, если она ее не нашла! Только близорукость и непростительная слабость человека заставляют его верить, что он может найти эту точку опоры вне себя, - но там он ее ищет тщетно: "не придет царствие Божие извне, ибо царствие внутри вас есть". Будут ли то чисто личные чувства, как чистая любовь и дружба, сопровождающие человека в течение всей жизни, будет ли то искренняя вера, которой предается его благочестивая душа, будут ли то высокие идеи, воодушевляющие его в борьбе за народ и отечество, за истину и науку; чувства и всякая такая идея образуют тот "неподвижный полюс в смене явлений", который светит личности, утешает,

счастливит и в то же время облагораживает ее, несмотря на то, что он живет только в ее душе и с ней исчезает. Сюда же относится и мораль. Философ и социолог могут, сколько им угодно сказать, рассуждать о том, как и каким образом эта мораль возникла, какие изменения она претерпела; справедлива она или нет и т.п.; индивиду же достаточно в его жизни и того, что у него есть мораль; одна ли она, какова она, - это зависит от степени развития той социальной группы, к которой он принадлежит; от семьи, в которой он развился и воспитался; от обстановки, в которой он вырос; от впечатлений, которые он воспринял в нежном возрасте; от превратностей судьбы, которые он испытывал; может быть, и от знаний, которые он приобрел; главным же образом, от правового порядка, поддерживаемого государством, от того правового порядка, которому он должен подчиниться.

9. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Рассмотрев социальный мир и его явления, мы видим, что вещам и отношениям имманентна необходимость, создающая их развитие, направляющая их стремления и достигающая раньше или позже осуществления.

Уничтожить эту необходимость, задержать ее действие не во власти человека: он сам во всем своем поведении подчинен всеобъемлющей имманентной необходимости. Его призрачная видимая свобода не может ничего изменить в самостоятельности и самоосуществлении необходимости.

Это вполне признает и простой здравый смысл относительно бросающихся в глаза так называемых "естественных законов", но гораздо труднее признать это относительно более тонких микроскопических деталей индивидуальных поступков. Оставим человеку на миг прекрасное заблуждение, будто он "действует свободно", и рассмотрим лишь, какое значение можно придавать этим свободным действиям ввиду естественной необходимости, осуществляющейся в индивидуальной жизни и в жизни человеческого общества. Все "свободные действия" человека могут быть обобщены одним самым общим понятием, приведены к одному знаменателю, который гласит: сохранение. С другой стороны, все процессы, совершающиеся в природе и человеческой жизни с имманентной необходимостью, также можно объединить одним общим понятием, привести к одному знаменателю, который гласит: изменение и непостоянство.

В области природы все непостоянно; человек все хочет сохранить неизменным.

Это противоречие основной тенденции природы и человеческого стремления тяготеет, как проклятие, надо всеми "свободными действиями" человека, которые от века обречены на уничтожение в бесплодной борьбе против естественной необходимости. Такое значение имеет человеческая "свобода"; это свобода пойманного льва метаться в своей клетке, и при всей своей свободе вместе с клеткой следовать за хозяином зверинца в его путешествиях по разным городам и странам.

Но та общая истина, что человеческая свобода ничего не совершит вопреки естественной необходимости, что она подобна пенящимся волнам, которые бушуют у скалистого берега только для того, чтоб отпрянуть от него разбитыми и рассыпанными, - эта общая истина особой цены еще не имеет. Важнее из общего отношения между человеческой "свободой" и естественной необходимостью вывести правильное понимание сущности и характера всего человеческого поведения.

Это мы попытаемся сделать.

Мы сказали: все так называемые "человеческие свободные действия" направлены к тому, чтобы сохранить то, что преходяще по природе, т.е. что должно погибнуть и уступить место новому. Мы стараемся сохранить наше здоровье, над разрушением которого тихо, но неуклонно работает природа; мы стараемся по возможности дольше сохранить свою жизнь, хотя окончить ее, конечно, естественно и необходимо. Как обстоит дело с этими личными благами, точно так же оно обстоит и со всеми другими благами этой жизни. Стремление человека, направленное на

сохранение экономических благ для потомства и после своей жизни при благоприятных условиях может быть увенчано успехом в течение ряда поколений: тем не менее, как имущества древнего Креза подлежали всемогущему закону естественного непостоянства и вечного изменения, так и от Ротшильдов нашего века в будущем не останется никаких следов.

Все общественные учреждения, наконец, которые создает человек, как слепое орудие естественных инстинктов и склонностей, все духовные создания, при помощи которых он делает жизнь более сносной, украшает и облагораживает ее, все это он стремится сохранить "навсегда"; все его мысли направлены на это сохранение, между тем как естественный и естественно необходимый поток непостоянства работает над их гибелью, подтачивает их, грызет и разрушает. Мы хотим сохранить социальное общество, в котором нам живется хорошо, но оно должно погибнуть, как и наша личная жизнь; мы хотим сохранить свой язык, религию, обычаи, национальность, совсем не замечая, как каждый день трудится над гибелью этих наших моральных благ, как каждый день является каплей, подтачивающей и дробящей эту воображаемую силу.

Самопожертвование во имя сохранения того, что безжалостно подлежит гибели, мы называем высоким образом мыслей и героизмом. Подчинение естественной необходимости мы называем малодушием и низким образом мыслей.

Поступать наперекор естественным стремлениям - значит быть аскетом, которому люди не отказывают в своем удивлении; следовать естественным стремлениям и потребностям - значит, по большей части, быть низким "материалистом". Безумцы, не видящие и не понимающие всемогущности естественных отношений, являются героями наших художественных произведений, при взгляде на которых мы возносимся духом. Чем безумнее они поступали, тем более "великими" они представляются нам. Основатели всемирных государств - Кир, Александры, Цезари, Наполеоны - возбуждают в нас удивление, так как они хотели совершить невозможное и неестественное, и за то погибли. Простой человек, который покоряется естественной необходимости окружающих его отношений, не достоин никакого уважения.

Однако со всеми своими свободными действиями, со всем своим героизмом мы можем сделать только большее для себя неизбежное исполнение естественной необходимости, но не можем ни на миг замедлить ее. Имманентная вещам и отношениям естественная необходимость осуществляется, хотя бы мы и боролись против нее; поэтому вполне справедливо изображение человеческой жизни в виде вечной борьбы с природой, но вполне ложно воззрение, будто в этой борьбе человек может выйти победителем в каком-либо отношении. Здесь побеждает всегда и исключительно лишь естественная необходимость, но никогда и ни в коем случае не "свободная воля" человека. Стремление человека только колеблется то по одну, то по другую сторону этой необходимости, пока не совпадает с ее линией; и только тогда оно может быть осуществлено. Позволю себе воспользоваться здесь тривиальным сравнением.

Предположим, что мы из некоторого количества пробок различной величины и толщины выбираем одну для незакупоренной бутылки. Отношение между отверстием бутылки и кучей пробок определяется имманентной естественной необходимостью, в силу которой к отверстию подойдет только одна пробка соответствующей величины. Эта естественная необходимость находит свое осуществление, когда мы заткнем бутылку одной из кучи лежащих перед нами пробок; она осуществляется независимо от наших "свободных действий", которые состоят только в том, чтобы примерить некоторое число неподходящих - то меньших, то больших - пробок к отверстию бутылки, для того, чтобы убедиться, что они не годятся; подойдет, в конце концов, только та, которая обладает соответствующей величиной

и толщиной, и когда мы нападём на нее, мы с полным самоудовлетворением закупорим бутылку, довольные своим "свободным действием". Впрочем, это - тривиальное сравнение; в нем, кроме отверстия бутылки, можно найти еще одну дыру - поэтому мы перейдем к более серьезному, более приличному в научных исследованиях примеру.

Ни в какой другой области человеческая природа не развивается, по-видимому, столь беспрепятственно, как в области научного и философского мышления. Здесь "идеи свободы"; довольно велика их область, не подлежащая цензуре и не признанная опасной со стороны прокурорского надзора. Следовательно, здесь свободный человек может действовать как кому угодно и радоваться своей свободе; издавна он пользуется этим в полной мере. Целью этой работы мысли является открытие истин, т.е. знание. Ну, и каков же результат этих "свободных" стремлений, продолжавшихся целые века? Да та же история с пробками. Среди тысячи промахов "свободного" мышления кто-нибудь сделает счастливый выбор и найдет подходящую пробку для философской дыры. Но разве это - продукт нашего свободного духа или даже заслуга нашей работы мысли? Ни в коем случае. Тут исполняется имманентная вещам и отношениям необходимость; спотыкаясь во мраке, мы нападаем на истину. Научное и философское исследование нашего "свободного духа", высшая деятельность человеческой "свободы" - чистая игра случая. Философские и научные истины похожи на редкие выигрыши между миллионами пустых билетов вертящегося перед нами лотерейного колеса, а мы, "свободные мыслители", так много корпящие над своей "работой мысли", мы похожи на невинных детей, которые наугад достают билеты; и вот среди миллионов пустых одному достается выигрыш. Он - высокопрославленный мыслитель, "заслуги" которого превозносятся. И все-таки он совсем не ответственен за результаты работы своей мысли. Его заслуга не больше и не меньше заслуги тех "кропателей", которых покрывают язвительными насмешками и которые имели несчастье вынуть пустые билеты - научные и философские заблуждения. Его заслуга не больше, говорим мы, так как и эти кропатели, вытягивая бесчисленное множество пустых билетов, содействовали этим тому, что он, в конце концов, вытащил выигрыш, и они столь же достойны чести и уважения, как дитя счастья, доставшее выигрыш; можно даже сказать, что у "великого философа", который является только "однажды в столетие", еще меньше заслуг, чем у толпы мелких философов: ибо, благодаря тому, что они массами вытягивали пустые билеты, ему представилась возможность, наконец, получить большой выигрыш.

Перейдем к другой области "свободного" человеческого творчества, к законодательству, и посмотрим, в каком отношении находится здесь человеческая свобода к имманентной вещам и отношениям необходимости.

Какого гордого сознания полны представители большинства, будь то правая или левая ложи парламента: они ныне творят законы, они законодатели государства; на это они употребляют свое лучшее знание, всю свою мудрость прилагают они к этому, лучших своих членов выбирают они в комиссии и комитеты, остроумнейшим юристам поручают выработку проектов; сами они делают "дополнения" к отдельным "параграфам"! Тут каждый благодарно старается вложить весь ум, который он может выжать из своих мозгов, - и каков же результат всех этих издержек "ума" и "свободного" мышления?

В большинстве случаев - жалкое кропанье, в котором действительные отношения жизни с имманентной им естественной необходимостью должны сделать нужные поправки, чтоб из этого получился годный закон, соответствующий потребностям! Савиньи подобное явление признавал отсутствием призвания к законодательству и приписывал его только "нашему времени". Недостаток призвания - это факт, но прежнее время в этом отношении было не хуже нашего, и будущее не будет лучше

его. Насколько законодатели приспособляются к непосредственным потребностям, принимают во внимание действительные интересы, короче, при-норавливаются к естественным потребностям - лишь настолько они и могут творить годные законы: так было всегда и везде. Но лишь только законодатель сядет на горячего коня доктрины, выставит идеальные принципы и захочет из них выводить законы, чтоб создать идеальное право и идеальную справедливость, - словом, лишь только он, вместо того, чтобы подчиняться социальной необходимости, вступит в область свободной духовной деятельности, чтоб создавать законы не по действительным потребностям и интересам, а по "идеям", сейчас по-являются законы, которые ясно обнаруживают отсутствие "призвания к законодательству".

Это отсутствие "призвания" к "свободному" творчеству проявляется еще в высшей степени в области политики. Здесь все "свободно" созданные учреждения - суть жалкие опыты, которые постоянно преобразуются и переделываются властными течениями действительных интересов и потребностей, чтобы придти в соответствие с социальной необходимостью и получить некоторое постоянство и крепость. Здесь человеческая (дипломатическая) "свобода" совершенно бессильна, и постоянно должна направляться на правый путь социальной необходимостью.

В частности, в этой последней области, в области политики, создания человеческой свободы отличаются особенной шаткостью еще и потому, что основная тенденция всего свободного человеческого поведения - сохранение и приобретение - дает себя чувствовать самым настоящим образом именно здесь, где безжалостно царит естественная необходимость изменения и непостоянства. Вся мысль, все старания государственного человека направлены на государственное и национальное сохранение и приобретение - вследствие чего естественная необходимость непостоянства и гибели может пробить себе дорогу только насильственным низвержением всех свободных человеческих учреждений. Отсюда следует, что ни одно новое государственное образование не может явиться на свет без насилия и разрушения, без жестокой борьбы и пролития крови. Следовательно, здесь человеческая свобода, направленная на сохранение и приобретение, играет самую жалкую роль, а социальная необходимость, направленная на вечную гибель и вечную смену, проявляется в своем ужасающем величии.

Теперь нам остается разрешить еще один важный вопрос: в каком отношении стоит эта несчастная свобода человека к жизненному счастью? и может ли ему принести пользу более правильный взгляд на ничтожность и пустоту этой его свободы, может ли он помочь ему избежать зла и быть счастливее? Исследуем этот вопрос. Конечно, если бы человек всегда и всюду знал вперед неизбежную необходимость, он мог бы сохранить себя от массы бед и несчастий, подчиняясь неизбежному с тихим смирением; но это совсем невозможно, так как такое знание никогда не может стать уделом совокупности людей, - в крайнем случае, оно является уделом единичных исключительных личностей, так как свобода человека, т.е. колебание по ту и другую сторону линии необходимости, основана на природе человека и является, в свою очередь, тоже необходимостью.

Если, следовательно, для всей совокупности людей нечего и помышлять об уничтожении заблуждений, возникающих из противоречия между индивидуальной свободой и социальной необходимостью, если люди вообще не в силах предохранить себя от зла, порожденного этими коллизиями, то все-таки стоит исследовать, не уменьшает ли несколько - по крайней мере, в некоторых отношениях жизни, в некоторых областях человеческой деятельности - правильное познание необходимости сумм выпадающего на долю человека зла, или, лучше сказать, нельзя ли при помощи такового познания избежать зла, увеличиваемого напрасно человеческой свободой? Посмотрим, насколько это возможно.

Выше нами было уже указано, что мы никогда не должны рассматривать человека, как изолированное существо; изолированно человек не мог и не может существовать никогда и нигде. Но если мы правильно представляем себе человека с давних пор не иначе, как сочленом племени, орды, то его благополучие и его жизнь зависят от благополучия и жизни окружающих и обуславливается ими. Инстинкт самосохранения, который является сильнейшим мотивом для человеческих стремлений и "свободных" действий, ни в коем случае не индивидуален: напротив, он всегда социален. Он проявляется в совместной жизни со своими и в стремлении подавить чужих.

Этот социальный инстинкт самосохранения, необходимой оборотной стороной которого является стремление подавить и эксплуатировать чужих, открывает для человеческих стремлений и поступков все новые области, как, напр., экономическую и политическую, а также техническую, научную, даже область искусства. В большей части этих областей индивидуальные стремления приходят в конфликт с социальными необходимостями, и так как последние, само собой разумеется, неизменно сильнее первых, то отсюда следует перевес "несчастья" и "зла" в человеческой жизни. Знай человек необходимость, имманентную вещам и отношениям. Будь у него сила подчинить свои стремления мерилу этой необходимости, человеческая жизнь, была бы, несомненно, гораздо счастливее. Вообще же это невозможно по внутренним и внешним основаниям. Рассмотрим, однако, в какой из этих областей мыслимо подчинение индивидуальных стремлений естественным необходимостям, мыслимы приспособления и покорность.

Прежде всего, они мыслимы в той области человеческих стремлений, в которой познание естественных необходимостей ушло дальше, чем в других. Это - область личной жизни. Здесь люди меньше всего обманываются насчет естественных необходимостей и давно уже научились подчинять им свои стремления. Каждый сколько-нибудь разумный человек подавляет стремление сохранить жизнь дальше границы, поставленной ему природой и подчиняется естественной необходимости смерти.

Правда, одного (ничтожной ценности жизни) многие народы еще не постигли, или, быть может, искусственно воспитанное направление жизни заставило их это забыть. Высокая оценка жизни является источником великого личного зла. Несчастное воображение заставляет как раз "цивилизованные" нации оценивать "бла-го" жизни слишком высоко, жаловаться на его утрату, как на "великое несчастье" и слишком много думать о его сохранении.

Однако если мы сопоставим, с одной стороны, степень заботливости, которую природа дает человеческой жизни, с другой стороны, степень производительности и продуктивности жизни, которые являются мерилем ее "естественной" ценности, то как низко должна пасть эта ценность! Подземный толчок - и тысячи человеческих жизней подвергаются гибели. Чума сегодня здесь, а завтра там, и сотни тысяч человеческих жизней подвергаются гибели; плохое лето, неурожай и голод похищают в чрезмерно населенных местностях миллионы людей.

С другой стороны, природа может позволить себе легкую игру с человеческой жизнью - ежедневно миллионы новых детей появляются на свет, и природа предусмотрительно позаботилась о том, чтобы эта продуктивность не прекратилась никогда.

Ввиду этих естественных отношений есть ли смысл и справедливость излишне оценивать единичную жизнь, как это делают цивилизованные нации? Как много зла и несчастья могли бы избежать люди, если бы исчезли общественные, политические и правовые институты, вытекающие из столь чрезмерной оценки жизни. Наряду с сохранением жизни удовлетворение естественных потребностей образует важнейшее содержание человеческих стремлений. И здесь формы, созданные

свободой человека, прямо противоречат естественным потребностям и наполняют жизнь, особенно цивилизованного человека, бесполезной мукой и бесполезной борьбой. Природа указывает людям на свободно развивающееся удовлетворение их чувственных потребностей, соответствующее их физическим силам. Неестественное направление мыслей создает в этой сфере жизненные формы, которые противоречат естественной необходимости и только увеличивают сумму зла, связанного с жизнью, не будучи в состоянии уничтожить естественной необходимости.

Инстинкт удовлетворения потребностей вводит человека в экономическую область. Нечего и говорить, как тяжела тут его борьба с природой. Естественная необходимость теснит его на каждом шагу; целью его стремлений является сопротивление этим отношениям. Он преуспевает в этом, по-видимому, часто только затем, чтобы наконец все-таки покориться. Его стремления идут в двух главных направлениях: во-первых, он ненасытно гонится за имуществом, которое он должен же, в конце концов, потерять; во-вторых, он гонится за увеличением имущества, чтобы сравняться с имеющими больше, между тем как экономическое неравенство представляет естественную необходимость.

Экономические потребности ведут человека в политическую область, так как государство должно доставлять одним средства за счет других, удовлетворять их высшие экономические и культурные потребности без вреда для них. Как все человеческие учреждения, государство преходяще, и более древнее государство придя в упадок, должно уступить место новому, быстро развивающемуся. И все таки как много бесполезных усилий употребляется на то, чтобы сдержать неудержимое, чтоб сохранить жизнь тому, что обречено на смерть.

В сфере внутренней организации государств человеческая свобода вечно ограничивается линией естественной необходимости, обгоняет ли она и низвергает! развитие социальных отношений, или задерживает их дольше естественного времени. Поэтому во внутренней жизни государств наступает то вечное колебание, с которым Кант думает, что оно - результат двух противоположных принципов - теологического и метафизического, и что оно должно исчезнуть с наступлением позитивного государственного управления, но которое мы рассматриваем просто как естественный способ действия "человеческой свободы".

Напротив, великий триумф празднует человеческая свобода в области техники науки и искусства. Причина этого очень понятна. Ведь в этих областях дело идет только о том, чтоб исследовать естественную необходимость, действительные факты и законы природы или воспроизвести (в области искусства) их создания. Здесь людям нужно: в первых двух областях рыться до тех пор, пока они не узнают! чего-нибудь; или (в искусстве) делать попытки выразить что-нибудь, пока они не будут успешны. И они делают это с большим терпением и получают известный конечный результат.

У всей техники и всей науки нет высшей задачи, как исследовать природу познать ее законы: так как природа всегда одна и та же, поток человечества течет! бесконечно и любознательность людей остается постоянной, то наконец должно удастся подсмотреть у природы ее тайны. Но тут вся свобода человека состоит в подчинении необходимости, весь результат - в открытии этой необходимости, в технике - в приспособлении к ней и в науке - в познании ее. Итак, здесь стремления людей ни в коем случае не противоречат естественной необходимости: поэтому им доставляет наслаждение удовлетворение этого стремления, как и всякого другого. Но чем лучше удается это воспроизведение, тем вернее он (человек. - Ред. приравнивается к природе и ее необходимости; чем более истинно она выражает! ее, тем выше его триумф, тем выше его счастье. Это удается ему тем чаще, чем он Действует не вопреки природе, а напротив, следуя естественным стремлениям берет себе природу руководителем и учителем.

Результат наших исследований, конечно, в общем совсем не утешителен для людей.

И в самом деле. По мере того, как "свободные" человеческие стремления бес-
12:

плодно разбиваются об естественную необходимость, - увеличивается сумма человеческого несчастья и зла; поэтому из предыдущего следует, что только в областях техники, науки и искусства, доступных ничтожному меньшинству людей, возможны существенные результаты и истинное счастье, что, напротив, в областях экономической и политической жизни, где эти стремления совершенно бессильны перед лицом естественной необходимости, можно достигнуть очень ничтожной доли действительного счастья, и что в области личной жизни лишь мудрое смирение может несколько смягчить неизбежное зло.

Глава пятая

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ЖИЗНИ РОДА

1. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИЯ

Отношение социологии к философии истории таково же, как отношение статистики к истории. Первую часто называют разрезом (Durchschnitt) последней. Этим хотят сказать, что история должна обнять общее течение судеб человечества, как целого, тогда как статистика изучает данный момент. Такая задача для истории совершенно невозможна, и очевидно, что история уже по самой сущности вещей не сумела разрешить этой задачи; статистика же, ограничив себя временем и пространством, пришла к некоторым положительным результатам. Все это относится так же к социологии и философии истории. Последняя пытается дать нам историю человечества, как целого; она хочет изложить теорию общего процесса человеческой истории и должна поэтому оказаться несостоятельной вследствие того, что она не в силах когда-либо все обозреть: идея же части, понимаемая, как идея целого, всегда извращает идею целого.

Напротив, задача социологии легче решается благодаря тем ограничениям, которые она себе поставила. Отказываясь понять историю человечества, как целого, она удовлетворяется исследованием процесса возникновения человеческих соединений, вечное повторение которых дает содержание всякой истории. Итак, не спрашивая о смысле общего процесса истории, которого она не знает, она удовлетворяется установлением законосообразности этого процесса, исследованием рода и характера социального развития - словом, она излагает закономерный процесс, возникающий из данного соприкосновения человеческих обществ и совершающихся благодаря этим соприкосновениям и взаимным влиянием.

В своем заключении мы намерены говорить не об общем процессе истории человечества (это мы предоставляем философам истории), но о принципиальных вопросах социологии: о закономерности в процессе политической истории, о природе и характере развития обществ; мы намерены рассмотреть, выступают ли перед нами из отдельных отрывков этого исторического процесса известные идеи, общие тенденции (напр., прогресс, улучшение и т.п.) или даже общие формы социальных процессов.

2. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В РАЗВИТИИ

О закономерности процессов и изменений в области политической истории говорилось много и часто; утверждали даже, что подобная закономерность существует, но насколько нам известно и как мы уже указывали в другом месте (Rassenkampf, стр. 6), еще никому не удалось конкретным и очевидным образом доказать эту закономерность.

Ввиду подобных неудачных доказательств тем больше было пустых и враждебных возражений, отрицавших вовсе такую закономерность и говоривших о свободной воле и Промысле Провидения.

Однако в высшей степени интересно то, что в областях, которые не вполне тождественны с политической и социальной жизнью, но близко стоят к ним и даже связаны с ними тесной взаимной причинной зависимостью, эта закономерность выступает так ясно и очевидно, что сомневаться в ней не приходит в голову даже самым ярким сторонникам свободы воли и Промысла Божия. Впрочем, они не принимают в соображение того, что сделавши уступки в пользу закономерного, независящего от воли отдельного лица развития в таких областях, как напр., искусство и наука, они должны допустить закономерность в более глубоких и важных областях политической и социальной жизни.

Итак, сначала будем говорить о тех областях, в которых эта закономерность теперь никем не оспаривается, а затем укажем на тесную связь между этой закономерностью и закономерностью в политической и социальной области, обуславливающей первую.

Разве рассуждение о ходе развития искусства, науки и философии у какого-либо народа уже не является общим научным местом? Современные историки искусства и литературы не занимаются ничем иным, кроме изложения закономерного развития искусства, науки и литературы отдельных народов. Они излагают развитие, в котором личность, очевидно, должна подчиниться и бессознательно, невольно подчиняется законам целого, достижения общности. Что значит, напр., такой факт: знаток может совершенно точно определить любое произведение искусства, не зная даже его автора, - время его появления, школу, к которой оно принадлежит, чуть ли не место, где оно должно было возникнуть. Что иное означают эти факты, как не то, что нет личности, которая создавала бы свои произведения по своей воле и произволу, но что есть общность и развитие, рабом которых она действует и творит? Не личность творит: в ней творит поэтическое отражение ее времени и ее социальной группы; не личность мыслит: в ней мыслит дух ее времени и ее социальной группы; ибо в противном случае не могло бы быть и речи об общем развитии; никакой знаток не мог бы определить, принадлежит ли показанная ему картина школе Тинторетто или Рубенса, представляет ли найденное латинское стихотворение - творение классическое или послеклассическое, принадлежит ли философский отрывок веку Аристотеля или александрийскому периоду.

Что для знатока все это возможно - это служит лучшим доказательством, в какой степени личность в своих мыслях, чувствах и поступках стоит под влиянием своего века и определяется им и своей социальной средой.

В этих областях мы признаем всеобщие, никем не отрицаемые факты; но мы не решаемся распространить их необходимых следствий на другие области. Мы уже видели однако, что способ (Modus) чувствований, мысли и творчества людей является не чем иным, как результатом той степени социального и политического развития, на которой находится настоящее время (см. выше IV, 2). Можно ли еще сомневаться в том, что на одинаковые, вообще, духовные свойства и способности людей оказывает решающее влияние социальное и политическое положение, в котором они находятся?

Искусный и способный деревенский мальчуган в течение всей своей жизни будет чертить на песке или вырезать ножиком из дерева свои грубые фигуры; поднятый же на более высокий социальный уровень, обученный в какой-либо художественной академии культурного государства, он будет представителем своего времени и своего народа, т.е. интеллигентных слоев, стоящих на высоте исторического развития нации. Этим он обязан, кроме своих природных способностей, создающей его социальной обстановке и той ступени развития, на которой он находится. По своей воле он не может стать ничем иным, кроме того, что необходимо обуславливается обществом и его ступенью социального развития. Он не может стать ничем иным, как кирпичом в духовной постройке, выводимой этим обществом, - кирпичом,

который произвольно помещается на том или другом месте, но которому это место предугадывается развитием целого.

Таким образом, не подлежит сомнению и признано всеми, что общественное духовное развитие, или, как его еще называют, развитие человеческого духа, или духа человечества, совершается по строгим законам, и что личность, насколько она принимает в этом развитии активное или пассивное участие, должна подчиниться этой строгой закономерности, что она ничего не может создать, даже ничего не может мыслить, что не вытекало бы из данных исторических посылок этого развития. Следовательно, здесь совсем нет свободной воли личности, а есть лишь закон, управляющий обществом.

Как же относится общепризнанная закономерность развития в этих духовных областях к закономерности в социальной области? Возможна ли, или даже мыслима ли первая без последней? Что она невозможна и немыслима, это достаточно доказывается ссылкой на внутреннюю причинную зависимость между духовным развитием и социальным и политическим строем.

Так называемое духовное развитие людей всегда является лишь следствием их социального, а следовательно, и их экономического положения. Указав в другом месте (Rissenkampf, стр. 231) связь между этими двумя родами явлений, между обществом и государством и культурой, здесь мы к тому, что сказано, прибавим только несколько слов.

Духовная жизнь, их духовное развитие, следовательно, их духовные произведения и творения, обуславливаются той степенью политического и общественного развития, на которой они стоят: иначе - горожане, живущие торговлей и ремеслами, иначе - член господствующей касты, иначе - священники, сильные таинственными чарами религии. Все идеи человека обуславливаются тем местом, которое он занимает в обществе, и той ступенью развития, на которой это общество стоит.

Теперь для нас уже возможно в общих чертах понять связь между общностью духовной жизни, духовного действия и социальными ступенями развития; но нам недостает еще микроскопического анализа того, в какой зависимости от социального развития находится отдельная личность и каким образом это развитие влияет на индивидуальные мысли, чувства и поступки. Точно так же и физик из положения солнца и туч может объяснить, как под влиянием каждого отдельного луча в каждом единичном атоме, в каждой единичной капле появляется радужное преломление лучей. Но кто при общем доказательстве необходимости этого явления усомнится в том, что естественная необходимость, управляющая целым, заставляет каждый атом и каждую каплю соединиться в общую картину?

Подобно радуге на небесном своде, мы видим и понимаем духовное развитие народа в его необходимости; мы понимаем, каким образом общественное состояние (подобно солнцу в его известном положении) должно вызвать только это и никакое другое преломление лучей культуры и цивилизации, каким образом в искусстве и науке при данном состоянии общественного развития должна появиться та, а не иная духовная картина; несмотря на это, нам не хватает средств для микроскопического анализа необходимого влияния данного состояния на каждого отдельного индивида, на его поступки, мысли и чувства. Но кто при взгляде на это необходимое общественное действие усомнится в том, что оно есть лишь сумма необходимых воздействий и влияний, от которых не могут отрешиться индивиды и из которых создается общая и целостная картина?

Средним членом между личностью и духовным общим действием являются социальные образования; их закономерное и естественно необходимое развитие доказывается закономерностью и естественной необходимостью общего действия, хотя непосредственных и прямых доказательств не существует.

Кто признает закономерность в развитии искусства и литературы, науки и философии (а кто же теперь ее отрицает?), тот должен признать закономерность в развитии социальных образований и скованность личности этими последними.

3. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Социальное развитие, насколько мы познакомились с ним, является частным, местным и временным: мы уже говорили, что мы не в силах представить себе развитие человечества, как единого целого, так как у нас совсем нет общего представления о субъекте такого развития. Спрашивается теперь, можем ли мы иметь представление о развитии известного нам человечества помимо представления о развитии отдельных групп и социальных групп и социальных обществ, и как мы должны представить развитие этого относительно целого (по отношению к нашему познанию о нем)?

Мы уже знаем, что библейское предание, соответствуя, по выражению Конта, "теологическому мировоззрению", представляло себе развитие человечества подобно генеалогическому дереву, нарастающему от Адама и Евы. Мы повторили уже несколько раз, что такое воззрение на человечество, как на единство, все еще держится в социально-научной области, где, по справедливому мнению Конта, теологическая фаза продолжается еще до нашего времени.

В большинстве случаев одерживающее уже верх полигенистическое воззрение, по необходимости, изменяет это представление о едином развитии племенного дерева, но последствия этого изменения простираются лишь до того, что вместо одного исходного момента развития признают несколько или бесчисленное множество таких. Такое изменение представления, собственно говоря, есть лишь изменение формы, или, лучше - изменение числа: вместо одного племенного дерева признается несколько таких. Сущность представления при этом не изменяется, так как в одном и том же ряду в развитии племенного дерева признается постоянный прогресс от простого к сложному, от ростка до разросшегося дерева, от примитивного до утонченного; все-таки наука исходит от данного первоначального момента возникновения и затем следит за дальнейшим движением "великого прогресса, достигающего в наши дни вершины и кульминационного пункта".

Ясно, как день, что такое воззрение несоединимо с превосходящим все наши понятия постоянством жизни на земле. Исходя из этой идеи, все яснее и яснее выступающей из приобретений современного естествознания, мы ни в коем случае не должны нарисованное выше социальное развитие представлять в такой единичной или множественной схеме племенного дерева.

Причиной такой схемы является наша склонность всюду искать возникновения, тогда как мы, по природе, обладаем способностью познавать только развитие (Werden).

Вся истинная научность или, говоря словами Конта, "позитивизм", начинается там, где мы побеждаем наше стремление узнать начало вещей и удовлетворяемся плодами их развития. Если мы проникаемся как идеей о вечности жизни на земле, так точно и идеей о нашей неспособности к познанию возникновения вещей, то мы получим совершенно иную схему для социального развития. Представление об этом развитии мы создали себе на почве фактов. Если мы будем игнорировать всякую единичность и начальный пункт развития, то у нас в виде конкретного остатка получится процесс развития, совершающийся в различные времена и в различных местах всегда по одним и тем же законам. Нарисованный нами выше переход примитивной для нас орды с женским родом, с материнской семьей в похищение жен и брак путем похищения и далее в простую организацию господства, частную собственность, право и "общество", мы должны представить себе в виде процесса, который свойствен не человечеству как единому или множественному субъекту, равно как и человечеству, возникающему с определенного момента в виде

процесса, который совершается всегда и всюду, где и когда только возникают благоприятствующие ему социальные условия. Только такое представление, но ни в коем случае не упомянутое противоположное, может объяснить тот факт, что еще и теперь мы наблюдаем примитивные стадии этого процесса так же первообразно и ясно, как они протекали когда-то в нашем собственном прошлом.

Изображенное нами социальное развитие совсем не претендует на хронологическую и местную истинность, не распространяется на определенный субъект; оно обладает лишь типичной истинностью, насколько оно рисует процесс, касающийся человека, как родового понятия, и определяющий развитие групп, находящихся в соответствующих социальных условиях.

Все речи о "развитии человечества" (le developement de l'humanite) у Конта основаны на ошибочном и совершенно ложном взгляде, так как можно говорить только о социальном развитии в пределах одного и того же рода: "человек". Это развитие всегда и всюду начинается там, где существуют налицо соответствующие социальные условия; оно течет закономерно до конечного пункта, где оно, так сказать, завершается, где оно по недостатку необходимых социальных сил гаснет и умирает. Нельзя сомневаться в том, что бывают случаи такого потухания и развития, такого умирания, так как множество некогда культурных и социально развитых государств теперь пустыни и необитаемы. Азия, Америка, Африка дают массу примеров огромных областей, где теперь потухла всякая жизнь, но где некогда социальный процесс создал колоссальную культуру. С другой стороны, нельзя отрицать возможности даже вероятности того, что в тех же государствах при наступлении соответствующих условий (новой колонизации, заселения) социальное развитие может начаться вновь.

Факты эти приведены для подкрепления идеи круговоротного течения социального развития, - идеи, имеющей опорным пунктом круговоротное развитие государств.

Я много раз касался этой последней идеи, и здесь мне приходится вновь возвратиться к ней.

4. КРУГОВОРОТ РАЗВИТИЯ

Если я утверждаю, что жизнь государств течет наподобие круговорота и что каждая нация, достигая высшей ступени своей культуры, идет навстречу своей гибели, и что первые попавшие варвары ее уничтожают, то, конечно, в этом звучит что-то родственное Гегелю и Шэффле; простые умы склонны считать несерьезным подобное утверждение.

Между тем нетрудно указать причины такого круговоротного движения в естественных, экономических и социальных условиях жизни народов; эти причины настолько ясны, их действие так всемогуще и всеобщее, так ясно и неоспоримо, что знакомство с ними должно убедить в постоянном исполнении и естественной необходимости наступления их последствий.

Эти причины лежат в сфере экономической жизни, следовательно, в такой области, где несвобода человека, его зависимость от физических потребностей совершенно бесспорны, где можно с людьми считаться так же, как со слепыми силами природы, которые следуют своему закономерному течению. Потребности и стремления людей приводят, как мы видели, к тому, что они группами и общинами возвышаются от примитивного состояния к состоянию культуры и цивилизации и затем, достигнув его, склоняются к упадку и гибнут под ударами других групп и общин, находящихся в периоде роста.

В примитивном, т.е. бедном в экономическом отношении, государственном организме люди, кроме своего стремления к самосохранению, обладают еще только потребностью воспроизведения рода. На этой ступени производится много детей и значительно растет население. На более высокой ступени культуры возникает желание обеспечить за потомством по возможности лучшее материальное существо-

вание; тем не менее государство еще не стремится к ограничению числа рождений ввиду того, что каждое живое человеческое существо еще представляет рабочую силу, которая может способствовать улучшению экономического положения. Семья, ничем не обладающая, растет, не заботясь о том, что будущие ее члены в отношении собственности будут стоять в более дурном положении, чем живущие теперь; пока, наоборот, благодаря улучшению числа рабочих улучшается положение целой семьи.

Вот основание того, что государственный организм на низких ступенях культуры и благосостояния быстро растет; в течение этого времени он представляет по отношению к другим обществам растущую народную силу, которая может внутри опереться на растущее производство и экономический успех. Такой народ, находящийся в прогрессивном развитии, может вполне образовать фундамент политического государственного тела, которым будет управлять более развитое и цивилизованное меньшинство: затем в своем нормальном развитии он является прочным фундаментом политической силы этого государственного организма.

Если же с развитием государственного организма низшие слои народа также поднимутся до высшей ступени культуры (а иначе и быть не может), и благосостояние распространится и на низшие слои народа, то начинается забота о достижении будущего благосостояния для потомства путем ограничения собственного размножения народа. Прежняя беззаботность, спутница нищеты, уступает место "мудрой заботе", и рост населения останавливается, а в конце концов и совсем идет на убыль. Вместе с тем общество в сравнении с другим, которое еще не находится на этой стадии прогресса, ослабевает, что в дальнейшем следствии порождает экономическую слабость и политический упадок, между тем как другое общество, стоящее еще на низшей ступени развития, обладающее еще бедным и потому нормально развивающимся пролетариатом, одерживает благодаря своей народной силе победу. Таковы реальные, всегда и всюду заявляющие о себе причины, которые производят круговоротные движения в жизни народов и государств, и которые объясняют, почему "варварские орды" уничтожают и стирают с лица земли высоко развитые нации со всей их цивилизацией.

Эти "варварские орды" не всегда появляются извне; иначе они были бы не в состоянии разрушить до основания сильные культуры государства. К сожалению, чем выше стоит человечество на лестнице культуры, тем в большем объеме скрывает оно в своих собственных недрах достаточно варварских орд, которые ждут только сигнала, ждут только критического мгновения внутренней и внешней войны, чтоб начать дело разрушения. Так, нам совсем была бы непонятна гибель сильного государства под напором варварских орд, если бы мы не знали, что внутренние социальные враги существующего строя незаметно раздули в минуту опасности тлеющую злобу против собственников и господствующих в громадное пламя, которого одного часто достаточно, чтоб тяжелый труд столетий превратился в пепел и прах.

Теперь же с развитием культуры этот внутренний враг необходимым образом усиливается настолько, что каждый культурный мир, независимо от угрожающей ему внешней опасности, постоянно носит внутри себя зерно своего разложения.

5. ПРОГРЕСС И НОВОЕ

Факт такого круговоротного развития государств и народов имеет кардинальное значение в вопросах о "прогрессе" в области человеческой истории.

Два положения, выставленные мной в *Rassenkampf(e)*, вызвали во многих отношениях протесты и опровержения; эти положения заключаются в следующем: нет никакого прогресса и не может быть ничего существенно нового в сфере умственной жизни. Возможно, что я недостаточно выразил свою мысль, и потому я хочу еще остановиться на этих тезисах.

Что я признаю прогресс в развитии вообще и в развитии культурного мира в особенности, - в развитии, начинающемся каждый раз снова и достигающем конца, - это упомянуто моим почтенным рецензентом в его краткой заметке в английском журнале Mind: "The general conclusion to he finally comes, - говорится там, - is, that there is no such thing as either progress or regress in the course of history taken as a whole but only in the particular periods of a progress that is going on for ever in a circle in particular countries where the social progress is for ever recommencing".

Вообще очень странно, что английский критик, реферирующий мою книгу в 14 строках, правильно понял мои мысли, тогда как масса немецких критиков, представляющих о ней объемистые рецензии, держатся того мнения, будто я вообще отрицаю всякий прогресс³! Поэтому я думаю, что я не совсем ясно выразился относительно этого вопроса и считаю себя обязанным выяснить здесь свой взгляд.

Так как я считаю людей не только в физическом, как думает Кольман (см. выше II, 4), но и в духовном отношении постоянным типом (Dauertypus), то я того мнения, что и духовной деятельности их поставлены прочные границы, к которым издавна приближались единичные, счастливо одаренные натуры, но которых не перешагнуть ни одному человеку.

Равным образом и в физическом отношении, по природе вещей, сила человека не может перейти за известный максимум, который, конечно, во все времена достижим для личности; подобным образом в нравственном отношении всегда и всюду существуют и существовали, с одной стороны, хорошие и благородные натуры, с другой - низкие и животные натуры, и в этой (нравственной) области мало можно заметить действительного улучшения людей; видимый же прогресс осуществляется во времени и пространстве только благодаря приходящим извне институтам и учреждениям: то же справедливо и в отношении к интеллектуальному развитию.

Интеллект человека всегда один и тот же - он движется в сфере, имеющей постоянный и не расширяющийся предел, достигаемый от времени до времени отдельными "гениями". Но существует видимость прогресса благодаря тому, что по временам в известной местности одинаковый интеллект опирается на сумму приобретений своих предшественников, пользуясь ими, как исходным моментом для дальнейших приобретений. Так позднейшие поколения обладают не высшим или более совершенным интеллектом, но большими средствами, собранными прежними поколениями - так сказать, лучшими орудиями; поэтому они достигают больших результатов. Конечно, в области открытий и изобретений прогресса нельзя отрицать, но было бы ошибкой объяснять его совершенствованием, прогрессом человеческого интеллекта. Умный древний грек, будь он только последователем Уатта, открыл бы локомотив, а знай он изобретение электрического телеграфа, он, конечно, мог бы изобрести и телефон.

Человеческий интеллект - 400 лет тому назад и теперь - не отличается ни качественно, ни большим развитием, ни совершенством; только труд, совершенный в промежуточное время всеми прошлыми поколениями, служит на пользу нынешнему интеллекту, и таким запасом такой же интеллект совершает теперь, по видимому, большие "чудеса", чем совершал 400 лет тому назад интеллект, лишенный промежуточной работы, - интеллект, который, в сущности, и для своего времени совершал не меньшие чудеса.

Основываясь на этом, можно было бы возразить на мое рассуждение об относительном прогрессе, проявляющемся в отдельных периодах развития, что кроме такой преемственности умственного труда, ничего больше и не нужно для того, чтобы привести человечество к бесконечно продолжительному прогрессу. С таким заключением нельзя было бы спорить, если бы только было вообще верно предположение о преемственности человеческого культурного развития. Но в ней можно сомневаться. Во-первых, известная нам история отмечает вечное повторение

катастроф, производящих быструю гибель культурных миров. Что случи-лось в Индии, Вавилонии, Египте, Греции и Риме, может случиться и в современной Европе: европейская культура может погибнуть под натиском варварских орд.

Считая себя вне опасности от таких катастроф, мы, быть может, впадаем в слишком оптимистический самообман. Конечно, в нашем соседстве нет варварских орд, но не следует забывать, что инстинкты этих варварских орд таятся в скрытом состоянии в народных массах европейских государств. Подвиги анархистов -только отдельные вспыхивающие молнии; кто поручится нам, что когда-нибудь не разразится гроза? Варвары живут от Европы не так далеко, как обыкновенно думают, и довольно рискованно думать о европейском культурном мире без учета этих внутренних сил. Итак, признание вечной преемственности культурного развития, как условие признания бесконечно продолжающегося прогресса, может иметь лишь гипотетическое значение.

Как на доказательство постоянства человеческого интеллекта, можно указать и на тот факт, что в областях, где дело не идет об изображениях и открытиях естественных сил, т.е. в области нравственной и социальной философии, не только не заметно прогресса, но уже несколько тысячелетий нельзя вообще сказать больше ничего нового. Если мы взглянем на эту область нравственного и социального философского познания, то мы убедимся, что здесь все уже есть и что нельзя "открыть" ничего нового.

Относительно добродетели и нравственности, относительно человеческого счастья и социальных отношений мы ни в коем случае не обладаем более зрелым знанием сравнительно с древнейшими народами - напротив, часто мы замечаем, что мы уступаем им в некоторых отношениях. Несмотря на то, что в различнейшие времена у различнейших народов единоличные законодатели и основатели религий проповедовали любовь к ближним, наше отношение к нашим "братьям и друзьям" очень заметно отличается от нашего отношения к чужим, как издавна было повсюду. Воевать с чужими и побеждать их - добродетель; изменять своим - преступление. Относительно ценности жизни, взаимоотношения полов, формы брака и т.д. отдельные культурные миры всегда вращаются в одном и том же заколдованном кругу, с каждого пункта которого противоположный пункт представляется находящимся внизу. Поэту в этой области о нравственных и социальных проблемах нельзя сказать ничего нового, ничего такого, что уже раньше не было бы когда-нибудь сказано. Все, что выступает перед нами в этой области, как новое и оригинальное, есть лишь новая комбинация старых идей и воззрений, комбинация, создаваемая, конечно, новым индивидуальным воззрением; ибо бесконечно разнообразно в природе только индивидуальное.

Индивидуальность всегда создает новые комбинации из прежнего запаса человеческих идей. Но если бы оказалось возможным человеку знать все мысли прошедших тысячелетий, если бы дано было кому-нибудь знать всех философов и Мыслителей старых времен и народов, он легко мог бы принадлежущую лично ему и самую оригинальную систему, свое индивидуальнейшее мировоззрение подкрепить цитатами из своих предшественников. Нечто подобное представляет, в сущности, Бастиан. У этого феноменального ума мы часто находим совершенно оригинальные выводы с известными цитатами из других писателей. Целое есть самостоятельный результат его индивидуальности, но его замечательно вместительная память делает для него возможным брать готовые камни для постройки своей системы из сочинений мыслителей всех веков и народов.

Ново только индивидуальное понимание; материал стар. В области нравственной и социальной философии не существует нового материала: здесь материал всегда лишь воспроизводится сознательно и бессознательно, но не создается вновь. Здесь нет речи об образованиях и открытиях, как в области явлений и сил природы; здесь

человеческий интеллект издавна измерил сферу познания, которая возможна для него при его организации, и не в силах подняться над ней. Концепции человеческого духа в этой области совершенно подобны картинам калейдоскопа: комбинации могут быть новы и оригинальны, или, по крайней мере, кажутся новыми и оригинальными, а материал всегда один и тот же. Но так как мыслители и философы уже целые столетия вращают этот калейдоскоп, то, конечно, случается, что отдельные его комбинации повторяются по несколько раз, целая же картина едва ли может повториться, ибо комбинации бесчисленны; разнообразие картин мы приписываем разнообразию различных индивидуальностей, и может быть, мы правы.

6. СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ИСТОРИИ

Ничто так не колеблет представления наивно верующего ума о "справедливом провидении", как напрашивающееся на каждом шагу человеческой жизни убеждение в "неисправности" мира. Вопреки всем старательным теологическим объяснениям и толкованиям колеблет наивную веру и гложет благочестивое сердце вопрос о том, неужели вся исправность, которой полна человеческая жизнь, есть дело всеблагого и всесправедного Бога? Это - необходимый и неизбежный вывод из антропоморфизма, представляющего Бога в образе человека и приписывающего ему человеческую "справедливость". Но в мире и в жизни или собственно в жизни и в истории осуществляется совсем не человеческая справедливость, скорее - историческая справедливость, которая должна казаться грубой несправедливостью в человеческом смысле. И здесь виновата ложная индивидуальная мерка, которую человек прилагает к житейским событиям: они совершаются по совершенно иной мерке, так сказать, по большому социальному масштабу, и их надо обсуждать с точки зрения этого масштаба. Если же эти вещи мерить индивидуальной человеческой меркой, тогда, конечно, ошибки неизбежны.

Что понимают люди под справедливостью вообще? Известный критерий в распределении материальных и нравственных благ. Существует два понятия о справедливости. Одни исходят из полного равенства всех людей и потому требуют для каждого индивида одинаковой доли прав и благ. Оба эти понятия признают индивида объектом и масштабом применения справедливости, и при всяком действии, имеющем объектом человека, спрашивают: соответствует ли оно ценности этого объекта? Если соответствует, тогда действия зачисляются под рубрику справедливости; если нет - несправедливости. При этом различные приговоры имеют лишь настолько место, насколько существуют различные мнения о ценности объекта, или насколько одно понятие о справедливости основано на полном равенстве в оценке всех людей, другое - на неравенстве в их оценке.

Все эти понятия о справедливости имеют своим исходным моментом изучение поступков людей в отношении к людям и создают критерий для переговоров над ними. Как таковые, они имеют известную долю значения.

ЛЕБОН ГЮСТАВ (Le BON) (1841-1931) ~ французский социолог, социальный психолог, публицист, автор ряда работ по физике и химии, доктор медицины, родился в Ножан-ле-Ротру. Путешествовал по Европе, Северной Африке и Азии, где написал более половины своих трудов, в основном по антропологии и археологии. Последний из них - "Монументы Индии" (Les monuments de l'Inde) - опубликовал в 1893 г. в возрасте 52 лет. Лишь после этого увлекся социальной психологией, сделавшей его впоследствии знаменитым. Наиболее известные работы - "Психология народов" (1894) и "Толпа" (1895). Кроме того, создал натурфилософскую концепцию, близкую к энергетизму "L'evolution de la matiere" (1909).

Главные произведения: Sois psychologiques de revolution des peuples (1894, рус. пер. 1896), Psychologic des foules (1895, рус. пер. 1896), Psychologic du socialisme (1898, рус. пер. 1908), Psychologic de l'education (1902), Psychologic politique et la defense sociale (1910), Les opinions et les croyances (1911), La revolution francaise et la

psychologic des revolutions (1912), Aphorismes du temps present (1913), Enseignements psychologiques de la guerre europeenne (1916).

Лебон отстаивал идею расового детерминизма в развитии цивилизации. В качестве фундамента социальной эволюции он рассматривал не разум, а иррационально-волевую, эмоциональную сферу психической жизни - чувства и верования. С его точки зрения, психология - основа познания истории. Лебон является автором одного из первых вариантов доктрины "массового общества". Рассматривая массу (толпу) как иррациональную разрушительную силу, Лебон полагал, что цивилизация всеми своими достижениями обязана деятельности элиты, и выступал против идеи социального равенства и социализма. Согласно его концепции, поведение индивида в толпе носит бессознательный и иррациональный характер, ему присущи нетерпимость, догматизм, утрата чувства ответственности, повышенная эмоциональность и умственный примитивизм. В основе всех социальных изменений лежит изменение идей, внушаемых массам немногими лидерами посредством утверждения, повторения и заражения. Революции он считал проявлениями массовой истерии. Конец XIX - начала XX в. Лебон характеризовал как наступление "эры масс" и предсказывал неизбежный в этой связи упадок цивилизации.

Идеи Лебона оказали влияние на развитие социальной психологии, а также доктрин "массового общества", получивших распространение в западной социологии. Умер в Париже.

Г. Лебон ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ И МАСС

ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ

ВВЕДЕНИЕ:

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕИ РАВЕНСТВА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИИ

Возникновение и развитие идеи равенства - Произведенные ею последствия - Во что обошлось ее приложение - Нынешнее ее влияние на массы - Задачи, намеченные в настоящем труде - Исследования главных факторов общей эволюции народов - Возникает ли эта эволюция из учреждений - Не заключают ли в себе элементы каждой цивилизации: учреждения, искусства, верования и пр., известных психологических основ, свойственных каждому народу в отдельности - Значение случая в истории и неизменные законы - Трудность в изменении наследственной идеи в данном субъекте.

Идеи, правящие учреждениями народов, претерпевают очень длинную эволюцию. Образуясь очень медленно, они, вместе с тем, очень медленно исчезают. Ставши для просвещенных умов очевидными заблуждениями, они еще очень долгое время остаются неоспоримыми истинами для толпы и продолжают оказывать свое действие на народные массы. Если трудно внушить новую идею, то не менее трудно уничтожить старую. Человечество постоянно с отчаянием цепляется за мертвые идеи и мертвых богов.

Уже почти полтора века прошло с тех пор, как поэты и философы, крайне невежественные относительно первобытной истории человека, разнообразия его душевного строя и законов наследственности, бросили в мир идею равенства людей и рас.

Очень обольстительная для масс, эта идея вскоре прочно укрепилась в их душе и не замедлила принести свои плоды. Она потрясла основы старых обществ, произвела одну из страшнейших революций и бросила западный мир в целый ряд сильнейших конвульсий, котрым невозможно предвидеть конца.

Без сомнения, некоторые из неравенств, разделяющих индивидуумов и расы, были слишком очевидны, чтобы приходилось серьезно их оспаривать, но люди легко успокаивались на том, что эти неравенства только следствия различия их

воспитания, что все люди рождаются одинаково умными и добрыми и что одни только учреждения могли их развратить. Средство против этого было очень простое: перестроить учреждения и дать всем людям одинаковое воспитание. Таким-то образом учреждения и просвещение стали великими панацеями современных демократий, средством для исправления неравенств, оскорбительных для великих принципов, являющихся единственными божествами современности.

Впрочем, новейшие успехи науки выяснили все бесплодие эгалитарных теорий и доказали, что умственная бездна, созданная прошлым между людьми и расами, может быть заполнена только медленными наследственными накоплениями. Современная психология наряду с суровыми уроками опыта показала, что воспитание и учреждения, приспособленные к известным лицам и к известным народам, могут быть очень вредны для других. Но не во власти философов изъять из обращения идеи, выпущенные ими в мир, когда они убедятся в их ложности. Как вышедшая из берегов река, которую не в состоянии удержать никакая плотина, идея продолжает свой опустошительный, величественный и страшный поток.

И смотрите, какова непобедимая сила идеи. Нет ни одного психолога, ни одного сколько-нибудь просвещенного государственного человека, и, в особенности, ни одного путешественника, который бы не знал, насколько ложно химерическое понятие о равенстве людей, перевернувшее мир, вызвавшее в Европе гигантскую революцию и бросившее Америку в кровавую войну за отделение Южных Штатов от Северо-Американского Союза. Никто не имеет нравственного права игнорировать, насколько наши учреждения и воспитание губительны для низших народов - и за всем тем не найдется ни одного человека - во всяком случае во Франции - который бы, достигши власти, мог бы противиться общественному мнению и не требовать этого воспитания и этих учреждений для наших колоний. Применение системы, выведенной из наших идей равенства, разоряет метрополию и постепенно приводит все наши колонии в состояние плачевного упадка: но принципы, от которых система берет начало, еще не поколеблены.

Будучи, впрочем, далека от упадка, идея равенства продолжает еще расти. Во имя этого равенства социализм, долженствующий, по-видимому, в ближайшее время поработить большинство народов Запада, домогается обеспечить их счастье. Его именем современная женщина требует себе одинаковых прав и одинакового образования с мужчиной.

О политических и социальных переворотах, произведенных этими принципами равенства, и о тех гораздо более важных, какие им суждено еще породить, массам нисколько не заботятся, а политическая жизнь государственных людей слишком коротка для того, чтобы они об этом более беспокоились. Впрочем, верховный властелин современности - общественное мнение, и было бы совершенно невозможно не следовать за ним.

Для оценки социальной важности какой-нибудь идеи нет более вредного мерила, чем та власть, какую она пользуется над умами. Закрывающаяся в ней доля истины или лжи может представлять интерес только с точки зрения философской. Когда истинная или ложная идея перешла у масс в чувство, то должны постепенно проявляться все вытекающие из нее последствия.

Итак, посредством просвещения и учреждений нужно приступить к осуществлению современной мечты о равенстве. С помощью их мы стараемся, исправляя несправедливые законы природы, отлить в одну форму мозги негров из Мартиники, Гваделупы и Сенегала, мозги арабов из Алжира и наконец, мозги азиатов. Конечно, это - совершенно неосуществимая химера, но разве не постоянная погоня за химерами составляла до сих пор главное занятие человечества? Современный человек не может уклониться от закона, которому поклонялись его предки.

Я в другом месте показал плачевные результаты, произведенные европейским воспитанием и учреждениями на низшие народы. Точно так же я изложил результаты современного образования женщин и не намереваюсь здесь возвращаться к старому. Вопросы, которые нам предстоит изучить в настоящем труде, будут более общего характера. Оставляя в стороне подробности, или касаясь их только постольку, поскольку они окажутся необходимыми для доказательства изложенных принципов, я исследую образование и душевный строй исторических рас, т.е. искусственных рас, образованных в исторические времена случайностями завоевания, иммиграций и политических изменений, и постараюсь доказать, что из этого душевного строя вытекает их история. Я установлю степень прочности и изменчивости характеров рас и попытаюсь также узнать, идут ли индивиды и народы к равенству или, напротив, стремятся как можно более отличаться друг от друга. Доказав, что элементы, из которых образуется цивилизация (искусства, учреждения, верования), составляют непосредственные продукты расовой души, и поэтому не могут переходить от одного народа к другому, я определю наконец те непреодолимые силы, от действия которых цивилизации начинают меркнуть и, наконец, угасают. Вот вопросы, которые мне приходилось уже не раз обсуждать в моих трудах о цивилизациях Востока. На этот маленький том следует смотреть только как на краткий их синтез.

Наиболее яркое впечатление, вынесенное мною из продолжительных путешествий по разным странам, это то, что каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и искусства. Токвиль и другие знаменитые мыслители думали найти в учреждениях народов причину их развития. Я уже убежден в противном и надеюсь доказать, беря примеры как раз из тех стран, которые изучал Токвиль, что учреждения имеют на развитие цивилизаций крайне слабое влияние. Они чаще всего являются следствиями, но очень редко бывают причинами.

Без сомнения, история народов определяется очень различными факторами. Она полна особенными событиями, случайностями, которые были, но могли бы и не быть. Однако рядом с этими случайностями, с этими побочными обстоятельствами существуют великие неизменные законы, управляющие общим ходом каждой цивилизации. Эти неизменные, самые общие и основные законы вытекают из душевного строя рас. Жизнь народа, его учреждения, его верования и искусства суть только видимые продукты его невидимой души; для того чтобы какой-нибудь народ преобразовал свои учреждения, свое верование и свое искусство, он должен сначала переделать свою душу: для того чтобы он мог передать другому свою цивилизацию, нужно, чтобы он в состоянии был передать ему также свою душу. Без сомнения, не то, что нам говорит история, но мы легко докажем, что, записывая противоположные утверждения, она вводит себя в обман пустыми видимостями.

Мне пришлось однажды изложить пред большим конгрессом некоторые из развиваемых в настоящем труде идей: перед министрами, губернаторами колоний, адмиралами, профессорами, учеными, принадлежащими к цвету различных наций. Я рассчитывал встретить в подобном собрании некоторое единомыслие относительно основных вопросов. Но его вовсе не было. Высказанные мнения оказались совершенно не зависящими от степени культурности тех, кто их высказывал. Передавали эти мнения, главным образом то, что составляло наследственные чувства разных рас, к которым принадлежали члены названного конгресса. Никогда мне не было так ясно, что люди каждой расы обладают, несмотря на различие их социального положения, неразрушимым запасом идей, традиций, чувств, способов мышления, составляющих бессознательное наследие их предков, против которого всякие аргументы совершенно бессильны.

В действительности мысль людей преобразуется не влиянием разума. Идеи начинают оказывать свое действие только тогда, когда они, после очень медленной переработки, преобразовались в чувства и проникли, следовательно, в темную область бессознательного, где вырабатываются наши мысли. Для внушения идей книги имеют не большую силу, чем слово. Точно так же, не с целью убеждать, а с целью развлечься, тратят философы свое время на писание. Лишь только человек выходит из обычного круга идей среды, в которой ему приходится жить, он должен заранее отказаться от всякого влияния и довольствоваться узким кругом читателей, самостоятельно пришедших к идеям, аналогичным тем, которые он защищает. Одни только убежденные апостолы обладают властью заставить себя слушать, плыть против течения, изменять идеал целого поколения, но это чаще всего благодаря узости их мысли и известной доле фанатизма, в чем им нельзя завидовать. Впрочем, не писанием книг они доставляют торжество какому-нибудь верованию. Они долго спят в земле, прежде чем вздумается литераторам, занятым фабрикацией легенд о них, заставить их говорить.

Первый отдел

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РАС

Глава первая ДУША РАС

Как натуралисты классифицируют виды - Приложение к человеку их методов - Слабая сторона современных классификаций человеческих рас - Основания психологической классификации - Средние типы рас- До какой степени позволяет их установить наблюдение- Психологические факторы, определяющие средний тип расы - Влияние предков и непосредственных родителей - Общее психологическое достояние, каким обладают все индивиды данной расы - Громадное влияние умерших поколений на живущие - Математические обоснования этого влияния - Как коллективная душа распространяется от семьи на деревню, город, провинцию - Преимущества и опасности, вытекающие из образования города как обособленного целого - Обстоятельства, при которых образование коллективной души невозможно - Пример Италии - Как естественные расы уступили место историческим расам.

Натуралисты основывают свою классификацию видов на присутствии известных анатомических особенностей, воспроизводимых наследственностью с устойчивостью и постоянством. Мы теперь знаем, что эти особенности изменяются наследственным накоплением незаметных изменений, но если рассматривать только краткий период исторических времен, то можно сказать, что виды неизменны.

В приложении к человеку методы классификации натуралистов дали возможность установить известное число совершенно отличных типов. Основываясь на чисто анатомических признаках, таких, как цвет кожи, форма и емкость черепа, стало возможным установить, что человеческий род состоит из многих совершенно отличных видов и, вероятно, очень различного происхождения. Для ученых относящихся с благоговением к мифологическим традициям, эти виды суть не более, чем расы. Но, как основательно сказал кто-то: "если бы негр и кавказец были улитками, то все зоологи единогласно утверждали бы, что они представляют различные виды, которые никогда не могли бы происходить от одной и той же пары, от которой они постепенно отдалялись".

Эти анатомические особенности, те по крайней мере из них, которые имеют отношение к нашему анализу, допускают только Общие, самые грубые подразделения. Их различия появляются только у человеческих видов, совершенно отличных друг от друга, например: у белых, негров и желтых. Но народы, очень похожие по своему внешнему виду, могут сильно отличаться своими способами чувствовать и действовать и, следовательно, своими цивилизациями, своими верованиями и своими искусствами. Возможно ли объединить в одну группу испанца, англичанина и

араба? Не бросаются ли всем в глаза существующие между ними психические Различия и не читаются ли они на каждой странице их истории?

За недостатком анатомических особенностей, хотели опереться, при классификации известных народов, на различные элементы, как: языки, верования, политические учреждения; но подобные классификации не выдерживают серьезной научной критики. При случае мы покажем, что многие народы сумели ассимилироваться, преобразовать чужие языки, верования и учреждения настолько, чтобы они могли согласоваться с их духовным складом.

Основания для классификации, которые не могут дать анатомия, языки, среда, политические группировки, даются нам психологией. Последняя показывает, что позади учреждений, искусств, верований, политических переворотов каждого народа находятся известные моральные и интеллектуальные особенности, из которых вытекает его эволюция. Эти-то особенности в своей совокупности и образуют то, что можно было бы назвать душой расы.

Каждая раса обладает столь же устойчивой психической организацией, как ее анатомическая организация. Что первая находится в зависимости от устройства мозга - в этом трудно сомневаться. Но так как наука еще недостаточно ушла вперед, чтобы показать нам детали его механизма, то мы не можем брать его за основание. Впрочем, ближайшее знакомство с ним несколько не может изменить описания психической организации, которая из него вытекает и которую открывают нам наблюдения.

Моральные и интеллектуальные особенности, совокупность которых выражает душу народа, представляет синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения. У отдельных индивидуумов той же расы они окажутся столь же изменчивыми, как черты лица; но наблюдение показывает, что большинство индивидуумов этой расы обладает всегда известным количеством общих психологических особенностей, столь же прочных как и анатомические признаки, по которым классифицируются виды. Как эти последние, психологические особенности воспроизводятся наследственностью с правильностью и постоянством. Этот агрегат общих психологических особенностей составляет то, что основательно называют национальным характером. Их совокупность образует средний тип, дающий возможность определить народ. Тысяча французов, тысяча англичан, тысяча китайцев, взятых случайно, конечно должны отличаться друг от друга; однако они обладают, в силу наследственности их расы, общими свойствами, на основании которых можно воссоздать идеальный тип француза, англичанина, китаец, аналогичный идеальному типу, какой представляет себе натуралист, когда он в общих чертах представляет себе собаку или лошадь. В приложении к различным разновидностям собаки или лошади подобное описание может заключать только признаки, общие всем, но ничуть не те, по которым можно различать их многочисленные породы.

Если только раса достаточно древняя и, следовательно, однородная, то средний ее тип достаточно ясно определился, чтобы быстро укрепиться в сознании наблюдателя.

Когда мы посещаем чужой народ, то только поражающие нас особенности можно признать общими всем обитателям объезжаемой нами страны, потому что только они постоянно повторяются.

Индивидуальные отличия редко повторяются, а потому и ускользают от нас; и вскоре мы не только научаемся различать с первого взгляда англичанина, итальянца, испанца, но начинаем замечать в них известные интеллектуальные и моральные особенности, которые составляют как раз те основные черты, о которых мы говорили выше. Англичанин, гасконец, нормандец, фламандец соответствуют в нашем уме вполне определенному типу, который мы можем легко описать. В при-

ложении к отдельному индивидууму описание может быть очень недостаточным, а иногда и неверным; но в приложении к большинству индивидуумов известной расы оно дает самое верное его изображение. Бессознательная мозговая работа, с помощью которой определяется физический и психический тип какого-нибудь народа, совершенно тождественна по существу с методом, который дает натуралисту возможность классифицировать виды.

Эта тождественность психической организации большинства индивидуумов известной расы имеет очень простые физиологические основания. Каждый индивидуум в действительности не есть только продукт его непосредственных родителей, но еще и своей расы, т.е. всего ряда предков. Ученый экономист Шейсон вычислил, что во Франции, если считать по три поколения на столетие, каждый из нас имеет в своих жилах по крайней мере двадцать миллионов современников 1000-го года... "Все жители одной и той же местности, одной и той же провинции по необходимости имеют общих предков, сделаны из одной глины, носят один отпечаток, и постоянно приводятся обратно к среднему типу той длинной и тяжелой цепи, которой они суть только последние звенья. Мы одновременно дети своих родителей и своей расы. Не только чувства, но еще физиология и наследственность делают для нас отечество второй матерью".

Если перевести на язык механики влияния, которым подвергается индивидуум и которые руководят его поведением, то можно сказать, что они бывают тройкого рода. Первое, и вероятно самое важное - влияние предков; второе - влияние непосредственных родителей; третье, которое обыкновенно считают самым могущественным и которое, однако, есть самое слабое - влияние среды. Эта последняя, понимая под нею различные физические и нравственные влияния, которым подвергается человек во время своей жизни и, конечно, в продолжение своего воспитания, производит только очень слабые изменения. Влияния среды начинают оказывать реальное действие только тогда, когда наследственность накапливала их в одном и том же направлении очень долгое время.

Чтобы человек ни делал, он всегда и прежде всего - представитель своей расы. Тот запас идей и чувств, которые приносят на свет индивидуумы одной и той же расы, образует душу расы. Невидимая в своей сущности, эта душа очень ви-, има в своих проявлениях, так как в действительности она управляет всей эволюцией народа.

Можно сравнить расу с соединением клеточек, образующих живое существо. Эти миллиарды клеточек имеют очень непродолжительное существование, между тем как продолжительность жизни образованного их соединением существа относительно очень долгая; клеточки, следовательно, одновременно имеют жизнь, продолженную веществом. Точно так же каждый индивидуум какой-нибудь расы имеет очень короткую индивидуальную жизнь и очень долгую коллективную. Эта последняя - есть жизнь расы, в которой он родился, продолжению которой он способствует и от которой он всегда зависит.

Раса поэтому должна быть рассматриваема как постоянное существо, неподчиненное действию времени.

Это постоянное существо состоит не только из живущих индивидуумов, образующих его в данный момент, но также из длинного ряда мертвых, которые были их предками. Чтобы понять истинное значение расы, следует продолжить ее одновременно в прошедшее и в будущее. Они управляют неизмеримой областью бессознательного, - той невидимой областью, которая держит под своей властью все проявления ума и характера. Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Ими одними заложено основание расы. Столетие за столетием они творили идеи и чувства и, следовательно, все побудительные причины нашего поведения. Умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию; они внушают нам также свои мысли. Покойники суть

единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели.

Образование психического склада народа не требует, как создание животных видов, тех геологических периодов, громадная продолжительность которых не поддается нашим вычислениям. Она, однако, требует довольно длительного времени. Чтобы создать в народе, таком как наш, и то, еще в довольно слабой степени, ту общность чувств, которая образует его душу, нужно было более десяти веков.

Может быть самое важное дело Французской революции было то, что она ускорила это образование почти совершенным уничтожением мелких национальностей: пиккардийцев, фламандцев, бургундцев, гасконцев, бретонцев, провансальцев и т.д. между которыми Франция была некогда раздроблена...

Глава вторая ПРЕДЕЛЫ ИЗМЕНЧИВОСТИ ХАРАКТЕРА РАС

Изменчивость характера рас, но не его постоянство, составляет кажущееся правило - Основания этой видимости - Неизменяемость основных черт и изменчивость второстепенных - Ассимиляция психологических особенностей с неизменными признаками и изменчивыми особенностями животных видов - Среда, обстоятельства, воспитание действуют на побочные психологические особенности - Скрытые возможности характера - Примеры, предоставляемые различными эпохами - Люди террора - Чем они стали бы в другие эпохи - Как, несмотря на революции, остаются неизменными национальные характеры - Разные примеры - Заключение.

Только изучив внимательно развитие цивилизации, можно установить постоянство психического склада рас. С первого взгляда общим правилом кажется изменчивость его, а не постоянство. История народов действительно может давать иногда повод предполагать, что души их по временам претерпевают очень быстрые и значительные изменения. Не кажется ли вам, например, что существует значительная разница между характером англичанина времен Кромвеля и характером современного англичанина? Не является ли для вас современный итальянец, осторожный и хитрый, совершенно отличным от порывистого и свирепого человека, каким нам его описывает в своих мемуарах Бенвенуто Челлини? Не идя так далеко, ограничимся пределами Франции. Сколько произошло видимых перемен в характере французов за ничтожное число веков и иногда даже лет? Какой историк не отмечал различий в характере между XVII и XVIII веками? И в наши дни, не кажется ли вам, что существует пропасть между характерами непреклонных членов Конвента и послушных рабов Наполеона? Однако это были одни и те же люди, и в несколько лет они кажутся совершенно изменившимися.

Чтобы разъяснить причины этих изменений, мы должны прежде всего вспомнить, что психологический вид, подобно анатомическому, состоит из очень небольшого числа основных неизменных особенностей, вокруг которых группируются изменяемые и непостоянные второстепенные признаки. Скотовод, изменяющий видимую структуру какого-нибудь животного, садовник, переделывающий внешний вид какого-нибудь растения до такой степени, что неопытный глаз с трудом его может узнать, несколько не коснулись основных особенностей вида; они только действовали на его побочные признаки. Не смотря на все старания искусства, основные особенности всегда стремятся выйти наружу в каждом новом поколении.

И психическая организация имеет основные особенности, столь же неизменные, как и анатомические особенности видов; но она, вместе с тем, обладает и легко изменяемыми второстепенными особенностями; эти-то последние и могут легко изменить среда, обстоятельства, воспитание и различные факторы.

Нам нужно также вспомнить, и это самое важное, что в своей психической организации мы имеем всевозможные задатки характера, которым обстоятельства не всегда доставляют случай обнаруживаться. Раз они случайно получили применение, - тотчас же образуется более или менее эфемерная новая личность. Этим

именно объясняется то, что в эпохи больших религиозных и политических кризисов наблюдаются такие мгновенные пертурбации в характере, что кажется, будто все изменилось: нравы, идеи, поведение и т.д. Действительно: все изменилось, как поверхность спокойного озера, волнуемого бурей, но очень редко бывает, чтобы это было надолго.

В силу этих-то задатков характера, которые приводятся в действие известными исключительными событиями, деятели больших религиозных и политических кризисов кажутся нам высшими существами в сравнении с нами, своего рода колоссами, по отношению к которым мы являемся какими-то жалкими убудками. Однако это были такие же люди как и мы, у которых обстоятельства привели в действие задатки характера, какими обладают все. Возьмите, например, этих "гигантов Конвента", которые смотрели вызывающе на вооруженную Европу и посылали своих противников на гильотину за простое противоречие. Это были, в сущности, такие же почтенные и мирные обыватели, как и мы, которые в обычное время, вероятно, вели бы в стенах своего кабинета, своей конторы очень тихое и бесцветное существование. Исключительные события привели в движение некоторые клеточки в их мозгу, оставшиеся бы без применения в обычном состоянии, и они стали теми колоссальными фигурами, которых потомство уже не в состоянии понять. Сто лет спустя Робеспьер был бы без сомнения честным мировым судьей, очень дружным со своим священником; Фуке Тенвиль - судебным следователем, обладающим, может быть, несколько большей суровостью, чем его коллеги, и высокомерным обращением людей его профессии, но которого, вероятно, очень бы ценили за его ревность в преследовании преступников; Сен-Жюст был бы превосходным школьным учителем, уважаемым своими начальниками и очень гордым академическими пальмовыми ветками, которые ему, наверное, удалось бы получить. Впрочем, чтобы не сомневаться в законности наших предвидений, достаточно посмотреть на то, что сделал Наполеон из свирепых террористов, которые еще не успели перерубить друг другу головы. Большая часть их сделалась столоничальниками, преподавателями, судьями или префектами. Волны, поднятые бурей, о которой мы говорили выше, успокоились, и взволнованное озеро вновь приняло спокойный вид.

Даже в наиболее смутные эпохи, производящие самые странные изменения в личностях, можно легко под новыми формами отыскать основные черты расы. Разве централистский, самовластный и деспотичный режим суровых якобинцев в действительности сильно отличался от централистского, самовластного и деспотического режима, который пятнадцать веков монархии глубоко вкоренили в души французов? После всех революций латинских народов всегда появляется этот суровый режим, эта неизлечимая потребность быть управляемыми, потому что он представляет собой как бы синтез инстинктов их расы. Не через один только ореол своих побед Бонапарт сделался властелином. Когда он преобразовывал республику в диктатуру, то наследственные инстинкты расы обнаруживались с каждым днем с все большей и большей интенсивностью, и, за отсутствием артиллерийского офицера, был бы достаточен какой-нибудь авантюрист. Пятьдесят лет спустя достаточно было появиться наследнику его имени, чтобы собрать голоса целого народа, измученного свободой и жаждущего рабства. Не брюмер сделал Наполеона, но Душа народа, который почти добровольно шел под его железную пята.

Если влияние среды на человека кажется столь большим, то главным образом потому, что она действует на побочные и временные особенности или на еще скрытые задатки характера, о которых нам выше пришлось говорить. В действительности изменения не очень глубоки. Самый смирный человек под влиянием голода может доходить до степени ожесточения, которая его приводит ко всевозможным преступлениям, а иногда, даже к тому, что он пожирает своих ближних.

Можно ли на основании этого сказать, что его обычный характер окончательно изменился?

Из того, что условия цивилизации приводят одних к чрезмерной роскоши и ко всем порокам, составляющим их неизбежное следствие, а у других создают очень большие потребности, не давая им средств для их удовлетворения, может последовать общее недовольство и беспокойное состояние, которые будут действовать на поведение и вызывать разного рода перевороты, но в этих недовольствах и в этих переворотах всегда будут проявляться основные черты расы. Англичане Соединенных Штатов вносили когда-то в свои раздоры во время междоусобной войны ту же настойчивость, ту же неукротимую энергию, какую они теперь вкладывают в основание городов, университетов и фабрик. Характер не изменился. Изменились только предметы, к которым он прилагался.

Исследуя один за другим различные факторы, способные действовать на психический склад народов, мы вполне можем констатировать, что они всегда действуют на побочные и непостоянные черты характера, но нисколько не задевают его основных черт, или задевают их путем медленных наследственных накоплений.

Из предыдущего никак нельзя заключить, что психологические особенности рас совсем не подвергаются изменениям; но только то, что, подобно анатомическим признакам, они обладают очень большой устойчивостью. Вследствие этой устойчивости душа рас и изменяется так медленно в течение веков.

Глава третья ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ РАС

Психологическая классификация основывается подобно анатомической классификации на констатировании небольшого числа неизменных и основных черт - Психологическая классификация человеческих рас - Первобытные расы - Низшие расы - Средние расы - Высшие расы - Психологические элементы, группировка которых допускает эту классификацию - Элементы, имеющие наибольшую важность - Характер - Нравственность - Умственные качества могут изменяться воспитанием - Качества характера постоянны и составляют неизменный элемент каждого народа - Их роль в истории - Почему различные расы не могут понимать и влиять друг на друга - Причины невозможности заставить низший народ принять высшую цивилизацию.

Когда в области естествознания приходится устанавливать основания для классификации видов, то труд этот облегчается тем, что неизменные и, следовательно, основные признаки, по которым определяется каждый вид очень немногочисленны. Их перечисление всегда занимает несколько строчек. Это потому, что в действительности натуралист занимается только неизменными признаками, не обращая никакого внимания на временные. Впрочем, эти основные признаки неизбежно влекут за собой целый ряд других.

То же самое с психологическими признаками рас. Если входить в подробности, то между одним народом и другим, между одним индивидуумом и другим можно заметить бесчисленные и тонкие различия; но если обращать внимание только на основные признаки, то придется признать, что для каждого народа они немногочисленны. Только на примерах - мы скоро представим очень характерные - можно ясно показать влияние этого небольшого числа основных признаков на жизнь народов.

Основания психологической классификации рас могут быть изложены лишь после детального изучения психологии отдельных народов, - труд, для которого одного потребовались бы тома: мы же ограничимся тем, что набросаем их психологию крупными штрихами. Рассматривая только главные психологические признаки человеческих рас, мы можем разделить их на следующие четыре группы: первобытные расы, низшие, высшие и средние.

Первобытные расы - те, у которых не находят ни малейшего следа культуры, и которые остановились на той эпохе первобытной животности, какую переживали наши предки в каменном веке: таковы нынешние фиджийцы и австралийцы.

Кроме первобытных рас существуют еще низшие расы, главными представителями которых являются негры. Они способны к зачаткам цивилизации, но только к зачаткам. Никогда им не удавалось подняться выше совершенно вар-варских форм цивилизации, хотя случай делал их, как например, негров Сан-До-минго, наследниками высших цивилизаций.

К средним расам мы относим китайцев, японцев, и семитские народы. Через ассирийцев, монголов, китайцев, арабов они создали высокие типы цивилизаций, которые могли быть превзойдены одними только европейскими народами.

Среди высших рас могут занимать место только индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тем высоким уровнем, которого достигла ныне цивилизация. Пар и электричество вышли из их рук. Наименее развитые из этих высших рас, например индусы, возвысились в области искусства, литературы и философии до такого уровня, какого никогда не могли достигнуть монголы, китаецы и семиты.

Между четырьмя большими группами, которые мы только что перечислили, невозможно никакого слияния; отделяющая их умственная пропасть очевидна. Трудности начинаются только тогда, когда хотят подразделить эти группы. Англичанин, испанец, русский относятся к группе высших народов; однако мы хорошо знаем, что между ними существуют очень большие различия. Чтобы определить эти различия, нужно брать каждый народ в отдельности и описать его характер. Это мы скоро сделаем для двух из них с тем, чтобы дать применение нашему методу и показать важность его результатов. Пока же мы обрисовываем только в самых общих чертах природу главных психологических элементов, по которым можно различать расы.

У первобытных и низших рас (нет надобности отыскивать их среди настоящих дикарей, так как низшие слои европейских обществ подобны первобытным существам) можно всегда констатировать большую или меньшую неспособность рассуждать, т.е. ассоциировать в мозгу идеи, чтобы их сравнивать и замечать их сходства и различия, - идеи, вызванные прошедшими ощущениями, или слова, служащие их знаками, идеи, произведенные настоящими ощущениями. Из этой неспособности рассуждать проистекает большое легкоеверие и полное отсутствие критической мысли. У высшего существа, напротив, способность ассоциировать идеи очень велика, критическая мысль и способность к точному мышлению высоко развиты.

У людей низших рас можно еще констатировать очень низкую степень внимания и соображения, очень большой раздражительный ум, привычку делать из частных случаев общие неточные выводы, слабую способность наблюдать и выводить из своих наблюдений полезные результаты, чрезвычайную изменчивость характера и очень большую непредусмотрительность. Инстинкт момента -единственный их путеводитель. Подобно Исаву - типу первобытного человека, они охотно продали бы свое будущее право первородства за настоящую чечевичную похлебку. Когда человек умеет противопоставлять ближайшему интересу будущий, ставить себе цель и с настойчивостью осуществлять ее, то он уже осуществил большой прогресс. Эта неспособность предвидеть отдаленные последствия своих поступков и склонность не иметь иного путеводителя кроме моментальных побуждений обрекают индивида, точно так же как и расу, на то, чтобы постоянно оставаться в очень низком состоянии. Только по мере того, как народы научаются владеть своими инстинктами, т.е. по мере того, как они приобретают волю и, следовательно, власть над собой, они начинают понимать важность порядка, необходимость жертвовать

собой ради идеала и возвыситься до цивилизации. Если бы нужно было оценить одним мерилom социальный уровень народов в истории, то я охотно принял бы за масштаб степень способности владеть своими инстинктами. Римляне в древности и англо-американцы в настоящее время представляют собой народы, обладающие этим качеством в высшей степени. Оно сильно содействовало сохранению их величия.

Общей группировкой и относительным развитием различных психологических элементов образуются типы психических организаций, по которым можно установить классификацию индивидуумов и рас. Из этих психологических элементов одни имеют отношение к характеру, другие - к уму.

Высшие расы отличаются от низших как характером, так и умом; но высшие народы отличаются между собою главным образом характером. Так как этот пункт имеет огромное общественное значение, то его следует изложить ясно. Характер образуется сочетанием в различной пропорции различных элементов, которые психологи обозначают ныне именем чувств.

Из тех, которые играют наиболее важную роль, следует главным образом отметить: настойчивость, энергию, способность владеть собою, - способности, происходящие из воли. Мы упомянем также среди основных элементов характера нравственность, хотя она - синтез довольно сложных чувств. Это последнее слово мы берем в смысле наследственного уважения к правилам, на которых покоится существование общества. Иметь нравственность, для народа - значит иметь твердые правила поведения и не отступать от них. Так как эти правила разнообразятся по времени и странам, то нравственность, вследствие этого, кажется вещью очень изменчивой, и она в действительности такова; но для данного народа, для данного момента нравственность должна быть совершенно неизменной. Дочь характера, но ничуть не ума, она может считаться прочно установленной только тогда, когда стала наследственной и, следовательно, бессознательной. Вообще, можно сказать, что величие народов зависит главным образом от уровня их нравственности.

Умственные качества могут легко изменяться под влиянием воспитания; качества характера почти совершенно ускользают от его действия. Если воспитание действует на них, то это только бывает у натур безразличных, не имеющих почти никакой воли и, следовательно, легко склоняющихся в ту сторону, куда их толкают. Эти безразличные натуры встречаются у отдельных индивидов, но крайне редко у целого народа, или если их можно встретить в нем, то только в моменты глубокого упадка.

Открытия ума передаются легко от одного народа к другому. Качества характера не могут передаваться. Это те неизменные основные элементы, которые позволяют различать психический склад высших народов. Открытия, обязанные уму, составляют общее достояние человечества; преимущества или недостатки характера составляют исключительное достояние каждого народа. Это - неизменный утес, в который волна должна бить изо дня в день в течение веков, чтобы обточить его контуры; он соответствует специфическому признаку вида: плавнику рыбы, клюву птицы, зубу плотоядного.

Характер народа, не его ум, определяет его развитие в истории. Влияние характера можно всегда отыскать в видимых капризах совершенно бессильного случая и очень могущественной судьбы, которая по различным верованиям, руководит поступками людей.

Влияние характера - самый могущественный фактор в жизни народов, между тем как влияние ума чрезвычайно слабо. Римляне времен упадка имели более утонченный ум, чем ум их грубых предков, но они потеряли прежние качества своего характера: настойчивость, энергию, непобедимое упорство, способность жертвовать собой ради идеала, нерушимое уважение к законам, которые создали величие их предков.

Только благодаря характеру 60 000 англичан держат под своей властью 250 миллионов индусов, из которых многие, по крайней мере равны им по уму, а некоторые неизмеримо превосходят их эстетическим вкусом и глубиной философских воззрений. Только благодаря характеру, они стоят во главе гигантской колониальной империи, какую когда либо знала история. На характере, но не на уме основываются общества, религии и империи. Характер дает народам возможность чувствовать и действовать. Они никогда не выигрывали много от того, что желали слишком много рассуждать и слишком много мыслить.

Чрезвычайная слабость работ профессиональных психологов и их ничтожный практический интерес зависят главным образом от того, что они посвящают себя исключительно изучению ума и оставляют почти совершенно в стороне изучение характера. Я знаю только одного Рибо, который на нескольких страницах, слишком кратких, показал значение характера и признал, что он образует истинный фундамент душевного развития. "Ум, - пишет совершенно основательно ученый профессор College de France, лишь побочная форма психической эволюции. Основной тип ее есть характер. Ум, когда он слишком развит, скорее ведет к его разрушению".

Я постараюсь здесь доказать, что если желают ознакомиться со сравнительной психологией народов, то следует прежде всего приступить к изучению характера. Тот факт, что столь важная наука (так как из нее вытекают история и политика) никогда не являлась предметом исследования, остался бы совершенно непонятным, если бы нам не было известно, что подобная наука не приобретается ни в лабораториях, ни в книгах, но только продолжительными путешествиями. Ничто, впрочем, не дает повода предсказать, что к ней вскоре приступят профессиональные психологи. Они оставляют в настоящее время все более и более то, что было некогда их областью, чтобы посвятить себя анатомическим и физиологическим исследованиям. Анатомировать мозги, исследовать под микроскопом клетки, определять законы, связывающие возбуждение и реакцию, все это относится к общей физиологии, касаясь одинаково лягушки и человека, но останется без всякого близкого или отдаленного применения к познанию психологического склада различных типов нашего вида. Поэтому нельзя не поощрять особенно таких сочинений, как только что вышедшее в свет интересное исследование Поллака "Les caracteres".

Хотя размеры нашего труда очень ограничены, они все-таки позволят нам показать на нескольких совершенно ясных примерах, в какой степени характер народов определяет их судьбу. Я также покажу на других примерах, что вопреки всем историческим видимостям, психический склад рас, когда он уже образовался, обладает почти столь же устойчивыми признаками, как анатомические признаки видов.

Из психического склада рас вытекает их понятие о мире и жизни, а следовательно, их поведение и их история. Воспринимая известным образом впечатления от внешних вещей, каждый индивид чувствует, мыслит и поступает совершенно иначе, чем будут чувствовать, мыслить и поступать те, которые обладают совершенно отличным психическим складом. Отсюда следует, что психические организации, построенные по совершенно различным типам, не могут достигнуть абсолютно полного слияния.

Вековые столкновения рас имеют главным своим основанием непримиримость их характеров.

Ничего нельзя понять в истории, если не имеешь постоянно в виду, что различные расы не могут ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаковым образом, ни, следовательно, понимать друг друга. Без сомнения, различные народы имеют в своих языках общие слова, которые они считают синонимами, но эти слова будят у

тех, кто их слушает, совершенно несхожие чувства, идеи, способы мышления. Нужно пожить с народами, психический склад которых чувствительно отличается от нашего, даже лишь выбирая среди них только лишь говорящих на нашем языке и получивших наше воспитание, чтобы понять глубину пропасти, существующей между психическим складом различных народов.

Можно и без дальних путешествий составить себе об этом некоторое представление, констатируя глубокое психическое различие, существующее между цивилизованным мужчиной и женщиной, даже в том случае, когда последняя очень образована. Они могут иметь общие интересы, общие чувства, но никогда общих ассоциаций идей. Они разговаривают между собою в течение веков, не понимая друг друга, потому что их духовные организмы построены по слишком различным типам, чтобы они могли воспринимать одинаковым образом внешние вещи. Уже одна разница в их логике была бы достаточна для того, чтобы создать между ними непроходимую пропасть.

Эта-то пропасть между психическим складом различных рас объясняет нам, по-чому высшим народам никогда не удавалось заставить низшие принять их цивилизацию. Столь еще распространенное мнение, что образование может осуществить подобное дело, - одна из печальнейших иллюзий, какую когда-либо создавали теоретики чистого разума. Без сомнения, образование позволяет, благодаря памяти, которую обладают самые низкие существа - и которая не составляет, впрочем, исключительной привилегии человека, - дать индивиду, стоящему довольно низко на человеческой лестнице, совокупность познаний, какими обладает европеец. Можно легко сделать бакалавра или адвоката из негра или японца; но этим ему дают чисто внешний лоск, без всякого воздействия на психическую природу, из которой он не может извлекать никакой пользы. То, чего не может дать ему никакое образование, потому что их создает одна только наследственность, это формы мышления, логика и, главным образом, характер западных людей. Этот негр или этот японец могут получать сколько угодно дипломов, но никогда им не подняться до уровня обыкновенного европейца. В десять лет ему можно легко дать образование очень просвещенного англичанина. Но, чтобы сделать из него настоящего англичанина, т.е. человека, действующего как англичанин в различных обстоятельствах жизни, в какие он будет поставлен, для этого едва достаточно было бы тысячи лет. Только на внешний взгляд, народ круто меняет свой язык, свой государственный строй, свои верования и свое искусство. Для того, чтобы произвести подобные перемены в действительности, нужно изменить его душу.

Глава четвертая ПРОГРЕССИВНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИНДИВИДОВ И РАС

Неравенство между различными индивидами данной расы тем больше, чем эта раса выше - Психическое равенство всех индивидов низших рас - Не средние слои, но высшие нужно сравнивать для оценки различий, разделяющих расы - Успехи цивилизации стремятся все к большему и большему дифференцированию индивидов и рас - Результаты этой дифференциации - Психологические основания, мешающие ей стать очень значительной - Как наследственность постоянно приводит индивидуаль-ные превосходства к среднему типу расы - Анатомические наблюдения, подтверждающие прогрессивную психологическую дифференциацию рас. полов и индивидов.

Высшие расы отличаются от низших не только своими психологическими и анатомическими особенностями, но также и разнообразием входящих в их недра элементов. У низших рас все индивиды, даже тогда, когда они принадлежат к различным полам, обладают почти одним и тем же психическим уровнем. Будучи все похожи друг на друга, они представляют вполне картину того равенства, о котором мечтают современные социалисты. У высших рас неравенство полов и индивидов, напротив, составляет закон.

И, поэтому, сравнивая между собой не средние слои народов, но их высшие, если только у них есть таковые, можно измерить величину отделяющих их различий. Индусы, китайцы, европейцы мало отличаются своими средними слоями и, в то же время, значительно разнятся высшими.

С успехами цивилизации не только расы, но и индивиды каждой расы, по крайней мере индивиды высших рас, стремятся дифференцироваться. Вопреки нашим мечтам о равенстве, результат современной цивилизации не тот, чтобы делать людей все более и более равными, но, наоборот, все более и более различными.

Один из главных результатов цивилизации, с одной стороны, - дифференцирование рас посредством умственного труда, все более и более возрастающего с каждым днем, возлагаемого ею на народы, дошедшие до высокой ступени культуры, и, с другой стороны, все большая и большая дифференциация различных слоев, из которых состоит каждый цивилизованный народ.

Условия современного промышленного развития осуждают в действительности низшие слои цивилизованных народов [] на очень специализированный труд, который, будучи очень далек от того, чтобы расширять их умственные способности, скорее стремится их сузить. Сто лет тому назад работник был настоящим художником, способным выполнить все мелочи какого-нибудь механизма, например, часов. Ныне же простая манипуляция, которая никогда не производит более той или другой отдельной части, заставляет его всю жизнь сверлить одни и те же дыры или полировать одно и то же орудие, вследствие чего его ум должен, в скором времени, дойти до совершенной атрофии. Теснимый открытиями и конкуренцией, промышленник или руководящий им инженер, напротив, вынужден накоплять неизмеримо больше знаний, духа инициативы и изобретательности, чем тот же промышленник, тот же инженер сто лет тому назад. Постоянно упражняемый, его мозг подчиняется закону, которому в подобном случае подчиняются все органы: - он все более и более развивается.

Токвиль в приводимых ниже словах очень ясно показал это прогрессивное дифференцирование социальных слоев и притом в такую эпоху, когда промышленность была очень далека от той ступени развития, какой она достигла в настоящее время... "По мере того как принцип разделения труда получает все более полное приложение, рабочий становится все слабее, ограниченнее и зависимее. Искусство делает успехи, ремесленник идет назад. Хозяин и работник с каждым днем все более различаются друг от друга".

В настоящее время цивилизованный народ с интеллектуальной точки зрения можно рассматривать как своего рода пирамиду со ступенями, основание которой заполнено темными массами населения, средние ступени - образованными слоями и высшие ступени, т.е. вершина пирамиды, - всем небольшим отбором ученых, изобретателей, артистов, писателей, очень ничтожной группой в сравнении с остальной частью населения, но которая одна определяет уровень страны на шкале цивилизации. Достаточно было бы им исчезнуть, чтобы видеть, как одновременно исчезло и все то, что составляет величие нации.

"Если бы Франция, - пишет Сен-Симон, - вдруг потеряла своих пятьдесят первых артистов, своих пятьдесят первых фабрикантов, своих пятьдесят первых агрономов, то нация стала бы телом без души, она была бы обезглавлена. Но, если бы ей пришлось, напротив, потерять весь свой служебный персонал, то это событие опечалило бы французов, потому что они добры, но для страны от этого последовало бы очень небольшой ущерб".

С успехами цивилизации дифференциация между крайними слоями населения быстро возрастает; она даже стремится возрастать в геометрической прогрессии. Итак, если бы известные влияния наследственности не положили этому преграды, то с течением времени высшие слои какого-нибудь народа удалились бы в умствен-

ном отношении от низших на такое же большое расстояние, какое отделяет нефа от белого, или даже негра от обезьяны.

Но многие причины препятствуют тому, чтобы эта интеллектуальная дифференциация простиралась только на ум, мало или вовсе не задевая характера; а мы знаем, что характер, а не ум, играет важную роль в политической жизни народов. Во вторых, массы стремятся в настоящее время своей организацией и дисциплиной стать всемогущими.

Кроме двух только что изложенных причин, чисто искусственных, потому что они вытекают из условий цивилизации, способных разнообразиться, есть еще значительно более важная (потому что она - не приобретенный закон природы), которая всегда будет мешать отборной части нации дифференцироваться слишком быстро в интеллектуальном отношении от низших слоев. Рядом с искусственными условиями цивилизации, которые все более и более стремятся дифференцировать людей одной и той же расы, существуют в действительности устойчивые законы наследственности, которые стремятся уничтожить или приводить к среднему индивиду, слишком явно стоящих выше ее. Уже древние наблюдения, приводимые всеми авторами трудов о наследственности, доказали, что потомки выдающихся по уму семейств рано или поздно - чаще всего рано - претерпевают вырождения, имеющие тенденцию их совершенно уничтожить. Большое интеллектуальное превосходство получается лишь при условии, если оставить за собой только вырождающихся. В действительности верхушка социальной пирамиды, о которой я говорил выше, может существовать только при условии, когда постоянно заимствуют свои продуктивные силы у элементов, помещающихся под нею. Если собрать на уединенном острове всех индивидов, составляющих этот цвет, то можно образовать путем их сокращения расу, пораженную всевозможными формами вырождения и следовательно осужденную на скорое исчезновение. Большие интеллектуальные превосходства можно сравнивать с ботаническими уродствами, созданными искусством садовника. Представленные сами себе они вымирают или возвращаются к среднему типу вида, который один и есть всемогущий, потому что он представляет длинный ряд предков.

Итак, все более и более дифференцируясь в течение веков, индивиды какой-нибудь расы постоянно стремятся вращаться вокруг среднего типа этой расы, не будучи в состоянии удалиться от него надолго. К этому-то среднему типу, который возвращается очень медленно, принадлежит значительное большинство членов известной нации. Этот основной остров покрыт - по крайней мере у высших народов - очень тонким слоем выдающихся умов, важным с точки зрения цивилизации, но не имеющим никакого значения с точки зрения расы. Беспреданно уничтожаясь, он беспреданно обновляется за счет среднего слоя, который один изменяется, только очень медленно, потому что малейшие изменения, чтобы стать прочными, должны накапливаться наследственно в том же направлении в продолжение многих веков. В действительности, только наследственным накоплением усовершенствований, приобретенных средними слоями, но не возвышенными умами (потому что гений не передается) образовались те прогрессивные дифференциации, которые постепенно возвысили уровень некоторых рас и вырыли пропасть между этими расами и народами, не сумевшими прогрессировать.

Уже несколько лет тому назад, опираясь на чисто анатомические исследования я пришел к идеям, изложенным мною выше относительно дифференциации индивидов и рас, и для оправдания которых я ссылаюсь теперь только на психологические доводы. Так как двоякого рода исследования приводят к одним и тем же результатам, то я позволю себе напомнить некоторые из выводов моего первого труда. Они опираются на измерения, произведенные над многими тысячами древних и

современных черепов, принадлежащих к различным расам. Вот наиболее существенные выводы из них.

"Если оставить в стороне отдельные случаи и обращать внимание только на большее число их, то тесная зависимость между объемом черепа и умственными способностями становится совершенно ясной. Но не эти ничтожные различия в средней емкости черепов составляют тот признак, по которому можно отличить низшие расы от высших, а тот существенный факт, что высшая раса имеет известное число лиц с очень развитым мозгом, между тем как в низшей расе их не встречается. Итак, не народными массами, но единицами, выдающимися среди них, различаются между собою расы. Средняя раса в объеме черепа у различных народов - исключая случаи, когда рассматриваешь низшие расы, - никогда не бывает очень значительной".

"Сравнивая черепа различных человеческих рас за настоящее и прошедшее время, можно видеть, что расы, объем черепов у которых представляет большие индивидуальные различия, стоят на высшей ступени цивилизации, что по мере того, как какая-нибудь раса цивилизуется, черепа составляющих ее индивидов все более и более разнятся между собою. Результатом этого является то, что цивилизация ведет нас не к умственному равенству, но к все более и более глубокому неравенству. Анатомическое и физиологическое равенство встречается только среди представителей рас, стоящих на самой низкой ступени развития. Между членами какого-нибудь дикого племени, из которых все посвящают себя одним и тем же занятиям, различие существует самое ничтожное. Напротив, между каким-нибудь крестьянином, имеющим в своем лексиконе не более трехсот слов, и ученым, у которого их сотня тысяч с соответствующими понятиями, различие существует громадное".

Я должен прибавить к сказанному мною выше, что дифференциация между индивидами, произведенная развитием цивилизации, проявляется также и между полами. У низших народов или у низших слоев высших народов мужчина и женщина в умственном отношении весьма близки друг к другу. Но по мере того, как народы цивилизуются, помы стремятся к тому, чтобы все больше и больше различаться между собою.

Объем черепа мужчины и женщины, даже когда сравниваем только субъектов одинакового возраста, одинакового роста и равного веса, представляет очень быстро возрастающие различия с ростом цивилизации. Очень слабые в низших расах, эти различия становятся громадными в высших. У высших рас женские черепа лишь немногим больше развиты, чем черепа женщин низших рас. Между тем как средний объем черепа парижанина ставит его между самыми большими известными черепами, средний объем черепа парижанки ничем не разнится от объема самых маленьких черепов и достигает чуть ли не объема черепа китаянок или даже черепа женщин Новой Каледонии.

Глава пятая ОБРАЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РАС

Как образовались исторические расы - Условия, позволяющие различным расам слиться для образования одной расы - Влияние числа приходящих в столкновение между собой индивидов, неравенство их признаков, среды и т.д. - Результаты скрещиваний - Причины большого понижения типа у метисов - Изменчивость новых психологических признаков, созданных скрещиваниями - Как укрепляются эти признаки - Критические эпохи истории - Скрещивания составляют существенный фактор образования новых рас и в то же время могущественный фактор разложения цивилизаций - Значение утверждения каст - Влияние среды - Среда может влиять только на новые расы, находящиеся в периоде образования, скрещивание которых разложили признаки, унаследованные от предков - Различные примеры - Большинство исторических рас Европы находятся еще в периоде образования -

Политические и социальные выводы - Почему период образования исторических рас должен скоро завершиться.

Мы уже выше отметили, что теперь нельзя более встретить среди цивилизованных народов настоящие расы, в научном значении этого слова, но только расы исторические, т.е. расы, созданные случайностями завоеваний, иммиграций, политики и т.д. и образованные, следовательно, из смешения людей различного происхождения.

Каким образом сливаются эти разнообразные расы и образуют одну историческую расу, обладающую общими психологическими признаками? Это составит предмет нашего ближайшего рассмотрения.

Прежде всего заметим, что элементы, которые привели в столкновение случай, не всегда сливаются. Немцы, венгерцы, славяне, живущие под австрийским владычеством, образуют совершенно различные расы и никогда не обнаруживали склонности к слиянию. Ирландец, живущий под владычеством англичан, не в большей степени смешался с ними. Что же касается народов, стоящих на самой низкой ступени развития, например, краснокожих, австралийцев, тасманийцев и т.д., они не только не сливаются с высшими народами, но и быстро исчезают от соприкосновения с ними. Всякий низший народ, приходящий в столкновение с высшим, фатально осужден на скорое исчезновение.

Много условий необходимо для того, чтобы расы могли слиться и образовать новую более или менее однородную.

Первое из этих условий заключается в том, чтобы скрещивающиеся расы не были слишком неравны численно; второе, чтобы они не слишком отличались своими признаками; третье, чтобы в течение долгого времени они подвергались одинаковым влияниям среды.

Первое из только что перечисленных мною условий имеет главное значение. Небольшое число белых, поселившихся среди многочисленного негритянского племени, обыкновенно исчезает через несколько поколений, не оставив следа своей крови в потомстве. Так исчезли все победители, которые покоряли себе слишком многочисленные народности. Они умели оставить по себе свою цивилизацию, свое искусство и свой язык; но никогда не оставляли там своей крови.

Второе из предыдущих условий имеет столь же важное значение. Без сомнения, сильно различающиеся между собой расы, как, например, белая и черная, могут смешиваться, но рождающиеся от них метисы образуют значительно низшую расу в сравнении с теми, от которых она происходит, и совершенно неспособную создать или даже поддержать какую бы то ни было цивилизацию. Влияние противоположных наследственностей разлагает их нравственность и характер. Когда метисы случайно унаследуют, как например в Сан-Доминго, высшую цивилизацию, то эта цивилизация быстро приходит в состояние плачевного упадка. Скрещивающиеся могут быть элементом прогресса только среди высших рас, достаточно близких друг к другу, таковы, например, англичане и немцы Америки. Но они составляют всегда элемент вырождения, когда эти расы, будучи даже высшими, слишком различаются между собою.

Все страны, заключающие в себе слишком большое число метисов, по одной только этой причине обречены на постоянную анархию, если только ими не будет управлять железная рука. Такова неизбежная судьба Бразилии. Она насчитывает только треть белых. Остальная часть населения состоит из негров и мулатов. Знаменитый Агассиц говорит с полным основанием, что "достаточно побывать в Бразилии, чтобы признать факт вырождения, являющийся результатом скрещиваний имевших в этой стране место в гораздо более широких размерах, чем где-либо в другом месте. Эти скрещивания сглаживают, - говорит он, лучшие расовые качества

родичей - будут ли это негры, индейцы, или европейцы - и производят неопи-сываемый тип, в котором физическая и душевная энергия ослабли".

Скрещивать два народа, - значит сразу изменять как его физический, так и душевный склад. Впрочем, скрещивания составляют единственно верное средство, каким мы обладаем для того, чтобы основательно изменить характер какого-ни-будь народа, так как одна только наследственность достаточно сильна для того, чтобы вступать за боробу с наследственностью. Они позволяют создать со време-нем новую расу, обладающую новыми физическими и психологическими при-знаками.

Таким образом созданные признаки остаются вначале очень неустойчивыми и слабыми. Нужны всегда продолжительные наследственные накопления, чтобы закрепить их. Первые действия скрещивания между различными расами заклю-чаются в том, что они уничтожают душу этих рас, т.е. ту совокупность идей и чувств, которые составляют силу народов и без которых не могут существовать ни нация, ни отечество. Это критический период истории рас, период первых опытов и блужданий, обязательно проходимый всеми расами, потому что нет ни одного европейского народа, который бы не образовался из останков других народов. Это - период, полный междоусобных распрей и всевозможных неожиданностей, продолжающихся до тех пор, пока новые психологические признаки еще не укрепились.

Преыдущее нам показывает, что на скрещивания следует смотреть одновре-менно, как на основной элемент образования высших рас и как на могучий фактор разложения древних рас. Итак, вполне основательно поступали все народы, дос-тигшие высокой ступени цивилизации, что старательно избегали смешения с ино-странцами. Без удивительного кастового строя ничтожная горсть арийцев, покрывшая 3000 лет тому назад Индию, вскоре потонула бы в бечисленной массе чер-ных племен, окруживших ее со всех сторон, и никакая цивилизация не возникла бы на почве большого полуострова. Если бы в наши дни англичане не сохранили на практике той же системы и согласились бы скрещиваться с туземцами, то гро-мадная империя Индии давно бы от них избавилась. Народ может потерять очень многое, претерпевать всевозможные катастрофы и быть еще в состоянии под-няться. Но им все потеряно, ему уже никогда не подняться, если он потерял свою душу.

В то время, когда цивилизация, находящаяся в упадке, стала добычей завоева-телей, скрещивания сначала играют разрушительную роль, а потом созидательную роль, о чем я только что говорил. Они разрушают древнюю цивилизацию, так как губят душу народа, который ею обладал. Они допускают создание новой цивилизации, так как старые психологические признаки пришедших в столкновение рас уничтожены и так как под влияниями новых условий существования могут в скором времени образоваться новые признаки.

Только на расах, находящихся в период образования, унаследованные черты ко-торых разрушаются противоположными действиями наследственности, обнаружи-вается влияние последнего из упомянутых в настоящей главе факторов, - среды. Очень слабое в своем воздействии на древние расы, оно влияет очень сильно на новые. Скрещивания, уничтожая психологические признаки, унаследованные от предков, создали своего рода *tabula rasa*, на которой действие среды, продол-жающееся в течение веков, в конце концов создает и постепенно укрепляет но-вые психологические признаки. Тогда и только тогда можно считать образо-вание новой исторической расы завершившимся. Так создалась французская раса.

Отсюда ясно, что влияние среды, как физической, так и моральной, - или очень велико, или напротив, очень слабо, смотря по обстоятельствам, и этим можно себе объяснить, почему относительно их влияния высказываются самые противоре-чивые мнения. Мы только что видели, что это влияние очень велико на расы,

находящиеся в период образования; но если рассматривать древние расы, прочно установленные с давних пор наследственностью, то можно сказать, что влияние среды, напротив, почти сводится к нулю.

Для моральной среды мы имеем доказательства ничтожности ее действия в полном бессилии наших западных цивилизаций оказать влияния на народы Востока, даже когда они соприкасались с ними в течение многих поколений, как это наблюдается на китайцах, живущих в США. Для физической среды мы можем констатировать слабости ее власти из трудности акклиматизации. Перенесенная в новую среду, совершенно отличную от прежней, древняя раса - все равно, идет ли речь о человеке, животном или растении - скорее гибнет, чем изменяется. Последовательно завоеванный десятью различными народами, Египет был всегда их могилой, ни один из них не мог там акклиматизироваться. Греки, римляне, персы, арабы, турки и т.д. никогда не оставляли там следов своей крови. Единственный тип, который там можно встретить, - это тот же неизменный феллах с чертами, верно воспроизводящими те, которые вырезали египетские художники семь тысяч лет тому назад на гробницах и дворцах фараонов.

Большинство исторических народов Европы находится еще в периоде образования, и этот факт очень важен для понимания их истории. Один только современный англичанин представляет почти совершенно сформировавшуюся расу. В нем древний бретонец, англо-сакс и нормандец сплелись, чтобы образовать новый, очень однородный тип. Во Франции, напротив, провансалец совершенно отличен от бретонца, овернца и нормандца. Однако, если еще не существует типа среднего француза, то по крайней мере существуют средние типы известных областей. Эти типы к несчастью еще слишком разнятся идеями и характером. Поэтому сложно найти учреждения, которые могли быть одинаково пригодны для всех. Их глубокие различия в чувствах и верованиях и вытекающие отсюда политические перевороты держатся главным образом на различиях в душевном складе, которые, сумеет, может быть, изгладить будущее.

Так бывало всегда, когда стечение обстоятельств заставляло различные расы жить совместно на одной территории. Раздоры и междоусобные войны всегда отличались тем большей интенсивностью, чем различнее были соприкасавшиеся между собою расы. Когда они слишком различны между собою, то становится совершенно невозможным заставить их жить под одними учреждениями и одними законами. История больших империй, образованных из различных рас, всегда была тождественна. Они исчезали чаще всего вместе со своим основателем. Из современных наций одни только голландцы и англичане успели подчинить своему игу азиатские народы, совершенно отличающиеся от них, но это им удалось только потому, что они умели уважать нравы, обычаи и законы этих народов, предоставляя в действительности им самим управлять собою и ограничивая свою роль взиманием налогов, торговыми сношениями и поддержанием мира.

За этими редкими исключениями, все большие империи, объединяющие несходные народы, могут быть созданы только силой и осуждены погибнуть от насилия.

Для того, чтобы нация могла образоваться и долго существовать, нужно, чтобы она образовывалась медленно, постепенным смешением рас, мало отличных друг от друга, постоянно скрещивающихся между собой, живущих на одной территории, подчиняющихся действию одной и той же среды, имеющих одни и те же учреждения и одни те же верования. Эти различные расы могут тогда, по истечении нескольких веков, образовать очень однородную нацию.

По мере того как старится мир, расы становятся все более и более устойчивыми, и их изменения путем смешения все более и более редкими. Вступая в возраст, человечество чувствует, что бремя наследственности становится все тяжелее и из-

менения все труднее. Что касается Европы, то можно сказать, что эра образования исторических рас для нее в скором времени завершится.

Отдел третий **КАК ИЗМЕНЯЮТСЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ РАС**

Глава первая **РОЛЬ ИДЕЙ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Руководящих идей в каждой цивилизации всегда бывает немного - Крайняя медленность их возникновения и исчезновения - Идеи влияют на поведение только после того, как преобразовались в чувства - Они участвуют тогда в образовании характера - Благодаря медленности развития идей, цивилизации обладают известной устойчивостью - Как устанавливаются идеи - Действие рассуждений на массы совершенно ничтожно - Влияние утверждения и престижа - Роль убежденных и апостолов -Искажение, испытываемое идеями, когда они спускаются в массы - Общепринятая идея действует скоро на все элементы цивилизации - Благодаря общности идей люди каждого века имеют известный запас средних понятий, который делает их очень сходными в их мыслях и в их делах - Иго обычая и общественного мнения - Оно уменьшается только в критические эпохи истории, когда старые идеи потеряли свое влияние и еще не заменены новыми - Эта критическая, эпоха - единственная, когда оспаривание мнений может быть терпимо - Догматы держатся только под условием не подвергаться критике - Народы не могут изменить своих идей и своих догматов, не будучи тотчас же вынуждены переменить свою цивилизацию.

Показав, что психологические черты рас обладают большою устойчивостью и что из этих черт вытекает история народов, мы прибавили, что психологические элементы могли, подобно анатомическим, под конец преобразоваться медленными наследственными изменениями. Большею частью от этих изменений зависит развитие цивилизации.

Факторы, способные вызывать психологические перемены, весьма разнообразны. К числу их относятся: потребности, борьба за сосуществование, действие известной среды, успехи знаний и промышленности, воспитание, верования и проч. Я посвятил их изучению уже целый том и не буду трактовать теперь об этом предмете подробно, а возвращаюсь к нему лишь с тем, чтобы показать механизм их действия, которому и будут посвящены настоящая и следующая главы.

Изучение различных цивилизаций, следовавших друг за другом от начала мира, показывает, что руководящая роль в их развитии всегда принадлежала очень незначительному числу основных идей.

Если бы история народов сводилась к истории их идей, то она никогда бы не была очень длинной. Когда какая-нибудь цивилизация успела создать за век или Два основные идеи в области искусств, наук, литературы и философии, то можно рассматривать ее как исключительно блестящую.

Нам уже известно, что ход какой-нибудь цивилизации вытекает главным образом из характера, т.е. из наследственных чувств народа, у которого эта цивилизация проявилась. Мы видели также, что эти наследственные чувства имеют большую прочность, но что они могут под конец измениться под влиянием различных факторов. В первом ряду между этими последними следует поставить влияние идей. Но идеи могут оказать настоящее действие на душу народов только, когда они, после очень медленной выработки, спустились из подвижных сфер мысли в ту устойчивую и бессознательную область чувств, где вырабатываются мотивы наших поступков. Они составляют тогда некоторым образом часть характера и могут влиять на поведение.

Когда идеи подверглись уже этой медленной выработке, то сила их очень значительна, потому что разум перестает иметь власть над ними.

Убежденный человек, над которым господствует какая-нибудь идея, религиозная или другая, неприступен для рассуждений, как бы основательны они ни были. Все,

что он может попробовать, это ввести, путем искусственных мыслительных приемов и часто путем очень больших искажений, опровергающую его мысль в круг господствующих над ним понятий.

Если идеи могут оказать влияние только после того, как они медленно спустились из сознательных сфер в сферу бессознательного, то не трудно понять, с какой медленностью они должны изменяться, а также почему руководящие идеи какой-нибудь цивилизации столь немногочисленны и требуют так много времени для своего развития. Нам нужно радоваться, что это так: ибо, в противном случае, цивилизации не могли бы иметь никакой прочности. Счастье также, что новые идеи могут в конце концов заставить принять себя, ибо, если бы старые идеи остались совершенно неподвижными, то цивилизации не могли бы совершать никакого прогресса. Благодаря медленности наших психических изменений нужно много человеческих поколений, чтобы дать восторжествовать новым идеям и еще много человеческих поколений, чтобы заставить их исчезнуть. Наиболее цивилизованные народы - те, руководящие идеи которых сумели держаться на равном расстоянии от изменчивости и устойчивости. История устлана останками тех, которые не были в состоянии сохранить это в равновесии.

Итак, легко понять, почему при изучении истории народов более всего поражает не богатство или новизна их идей, но, напротив, крайняя бедность их идей, медленность их изменений и власти, какую они имеют. Цивилизации являются результатами некоторых основных идей; когда же случайно изменяются эти идеи, то и питаемые ими цивилизации осуждены скоро измениться.

Средние века жили двумя основными идеями: религиозной и феодальной. Из этих двух идей вытекало их искусство, литература и их понятия о жизни. Во время эпохи Возрождения обе эти идеи немного изменяются; идеал, найденный в древнем греко-латинском мире, воспринимается Европой, и скоро понятие о жизни, искусство, философия и литература начинают преобразовываться. Потом начинает колебаться авторитет предания, научные истины заменяют собою постепенно истину откровения, и снова преобразовывается цивилизация. В настоящее время старые религиозные идеи по-видимому окончательно потеряли большую часть своей власти, и вследствие этого одного всем общественным учреждениям, опиравшимся на нее, угрожает гибель.

История происхождения идей, их господства, отживания, преобразования и исчезновения может быть убедительно изложена только тогда, когда подтверждаешь ее многочисленными примерами. Если бы мы могли входить в детали, то показали бы, что каждый элемент цивилизации - философия, религия, искусство, литература и т.д. - подчинен очень большому числу руководящих идей, развитие которых чрезвычайно медленно. Сами науки не избегают этого закона. Вся физика вытекает из закона сохранения энергии, вся биология - из идеи трансформизма (изменяемости), вся медицина - из идеи действия бесконечно малых, и история этих идей показывает, что хотя последние обращаются к самым посвященным умам, но устанавливаются они только мало-помалу и с трудом. В наше время, когда все идет так быстро, и при том в сфере исследований, где не говорят уже ни страсти, ни интересы, для установления основной научной идеи требуется не менее 25 лет. Наиболее ясные, наиболее легкие для доказательства идеи, которые должны были давать меньше всего поводов для споров, как, например, идея кровообращения, потребовали не меньше времени.

Будет ли это научная, художественная, философская, религиозная, одним словом, какая бы то ни была идея, распространение ее совершается всегда одинаковым образом. Нужно, чтобы она сначала была принята небольшим числом апостолов, которым сила их веры или авторитет их имени дают большой престиж. Они действуют тогда более внушением, чем доказательствами. Не в достоинстве како-го-

нибудь доказательства следует искать существенные элементы механизма убеждения. Внушают свои идеи престижем, которым обладают, или обращаясь к страстям, но нельзя произвести никакого влияния, если обращаться только к разуму. Массы не дают себя никогда убеждать доказательствами, но только утверждениями, и авторитет этих утверждений зависит от того обаяния, каким пользуется тот, кто на них настаивает.

Когда апостолы успели убедить небольшой кружок своих учеников и преобразовали таким образом новых апостолов, то новая идея начинает входить в область спорного. Она сначала поднимает против себя всеобщую оппозицию, потому что сильно задевает много старых и установленных вещей. Апостолы, ее защищающие, естественно возбуждаются этой оппозицией; она убеждает их только в превосходстве над остальными людьми, и они защищают с энергией новую идею не потому, что она истинна - чаще всего они ничего этого не знают, - но просто потому, что они ее приняли. Новая идея тогда все больше и больше обсуждается, т.е. в действительности принимается без оговорок одними и отвергается без оговорок другими. Обмениваются утверждениями и отрицаниями и очень многими аргументами, так как они не могут служить единственными мотивами понятия или утверждения какой-нибудь идеи для громадного большинства людей, как мотивы чувства, в которых рассуждения не могут играть никакой роли.

Благодаря этим всегда страстным дебатам идея прогрессирует очень медленно. Новые поколения, видя, что она оспаривается, склонны принять ее в силу того, что она оспаривается. Для молодежи, всегда жаждущей независимости, полная оппозиция принятым идеям представляет самую доступную для нее форму проявлять свою оригинальность.

Итак, идея продолжает расти, и скоро она уже не будет нуждаться ни в какой поддержке. Ее распространение теперь станет совершаться повсюду одним только действием подражания, путем заражения, способностью, которой люди одарены в той же степени, как и человекообразные обезьяны.

С того времени, как вмешался механизм заражения, идея вступает в фазу, приводящую ее быстро к успеху. Общественное мнение принимает ее скоро. Она приобретает тогда проникающую и непреодолимую силу, покоряющую ей все умы, создавая вместе с тем специальную атмосферу, общую манеру мышления. Как тонкая пыль, проникающая всюду, она проскальзывает во все понятия и умственные продукты известной эпохи. Идеи и выводы из нее составляют тогда часть того запаса наследственных банальностей, который навязывался нам воспитанием. Она восторжествовала и вошла в область чувства, что впредь ее ограждает от всяких посягательств.

Из различных идей, руководящих цивилизацией, одни, относящиеся к искусству или к философии, остаются в высших слоях; другие, особенно относящиеся к религиозным и политическим понятиям, спускаются иногда в глубину масс. Последние доходят туда обыкновенно сильно искаженными, но когда им уже удалось туда проникнуть, то власть, какую они имеют над первобытными, не способными к рассуждению умами, громадна. Идея представляет тогда что-то непобедимое, и ее следствия распространяются со стремительностью потока, который не может удержать никакая плотина. Тогда-то и вспыхивают те великие события, которые создают исторические перевороты и которые могут совершить одни только массы. Не учеными, не художниками и не философами основывались новые религии, управлявшие миром, громадные империи, которые простирались от одного полушария до другого, великие религиозные и политические революции, которые перевернули Европу, но людьми, достаточно поглощенными известной идеей, чтобы пожертвовать своей жизнью для ее распространения. С этим очень ничтожным в теории, но очень сильным на практике багажом кочевники аравийских пустынь

завоевали часть древнего греко-римского мира и основали одну из величайших империй, какие когда-либо знала история. С подобным же нравственным багажом - преданностью идее - героические солдаты Конвента победоносно отражали коалицию вооруженной Европы.

Сильное убеждение - непобедимо, пока оно не встретилось с таким же сильным убеждением: последнее может бороться против первого с шансами на победу. У веры нет другого, более серьезного врага, чем вера. Она уверена в победе, когда физическая сила, которую против нее выставляют, служит слабым чувством и ослабленным верованиям. Но если она находится лицом к лицу со столь же сильной верой, то борьба становится очень оживленной, и успех тогда решается случайными обстоятельствами, большей частью нравственного порядка, каковы дух дисциплины и лучшая организация. При более близком знакомстве с историей арабов, о которой только что шла речь, мы заметили бы, что в своих первых победах - а эти победы всегда и самые трудные, и самые важные - они встретили морально очень слабых противников, хотя их военная организация была достаточно высока. Сначала арабы направили свое оружие против Сирии. Там они нашли только византийские войска, образованные из наемников, мало расположенных жертвовать собой для какого бы то ни было дела. Воодушевленные живой верой, удесятирившей их силы, они рассеяли эти отряды без идеала так же легко, как некогда горсть греков, воодушевленных любовью к отечеству, рассеяла много-численные полчища Ксеркса. Исход их предприятия был бы совершенно другой, если бы они несколькими веками раньше столкнулись с римскими когортами. История доказывает многочисленными примерами, что, когда сталкиваются между собою одинаково могущественные моральные силы, одерживают верх всегда лучше организованные. Вандейцы, наверное, имели очень живую веру; это были очень сильно убежденные люди; с другой стороны, и солдаты Конвента имели также очень стойкие убеждения, но так как они были в военном отношении лучше организованы, то и одержали верх. В религии, как и в политике, успех всегда принадлежит верующим, но никогда скептикам, и если в настоящее время кажется, что будущее принадлежит социалистам, несмотря на явную незрелость их учений, то только потому, что они горячо верят в спасительность своих идеалов. Современные правящие классы потеряли веру в плодотворность своей деятельности. Они не верят ни во что, даже в возможность защищаться против угрожающей волны варваров, окружающих их со всех сторон.

Когда после более или менее долгого периода блужданий, переделок, пропаганды какая-нибудь идея приобрела определенную форму и проникла в душу масс, то она образует догмат, т.е. одну из тех абсолютных истин, которые уже не оспариваются. Она составляет тогда часть тех общих верований, на которых держится существование народов. Ее универсальный характер позволяет ей тогда играть решающую роль. Великие исторические эпохи, как век Августа или век Людовика XIV, - те, когда идеи, вышедшие из периода блужданий и обсуждения, утвердились и стали верховными властительницами мысли людей. Они становились тогда светящими маяками, и все, что им приходится освещать своим светом, принимает их окраску.

С того времени, как новая идея водворилась в мире, она кладет свою печать на малейшие элементы цивилизации; но, чтобы эта идея могла на все произвести свои следствия, нужно всегда, чтобы она проникала в душу масс. С интеллектуальных вершин, где идея часто зарождалась, она спускается от слоя к слою, беспрестанно изменяясь и преобразуясь, пока не примет формы, доступной для народной души, которая ей и подготовит торжество. Она может быть тогда выражена в нескольких словах, а иногда даже в одном слове, но это слово вызывает яркие образы, то обольстительные, то страшные, и, следовательно, всегда производящие сильное

впечатление. Таковы рай и ад в средние века, короткие слова, имеющие магическую силу отвечать на все и для простых душ объяснять все. Слово "социализм" представляет для современного рабочего одну из тех магических синтетических формул, способных властвовать над душами. Она вызывает, в зависимости от среды, в которую проникала, различные образы, но сильно действующие, несмотря на их всегда зачаточные формы.

У французского теоретика слово "социализм" вызывает представление о каком-то рае, где люди равны, справедливы, добры, и все, ставшие работниками, будут наслаждаться под покровительством государства идеальным счастьем. Для немецкого рабочего вызванный образ представляется в виде накуренного трактира, где правительство предлагает даром каждому приходящему громадные пирамиды сосисок с кислой капустой и бесконечное число кружек пива. Понятно, что ни один из таких мечтателей о кислой капусте и равенстве не потрудился узнать действительную сумму вещей, подлежащих разделу, или число участников в дележе. Особенность этой идеи заключается в том, что она внушается в безусловной форме, против которой бессильны всякие возражения.

Когда идея постепенно преобразовывалась в чувство и сделалась догматом, то торжество ее обеспечено на долгий период, и всякие попытки поколебать ее были бы напрасны. Несомненно, что и новая идея подвергнется в конце концов участи идеи, которую ей удалось заместить. Эта идея состарится и придет в упадок, но прежде чем стать совершенно негодной, ей придется испытать целый ряд регрессивных изменений и странных искажений, для осуществления которых потребуется много поколений. Прежде, чем окончательно умереть, она будет долгое время составлять часть старых наследственных идей, которые называют предрас-судками, но которые мы уважаем. Старая идея даже тогда, когда она не более, как слово, звук, мираж, обладает магической властью, способной еще подчинять нас своему влиянию.

Так держится это старое наследие отживших идей, мнений, условностей, которые мы благоговейно принимаем, хотя они не выдержали бы малейшего прикосновения критики, если бы нам вздумалось исследовать их. Но много ли людей, способных разобраться в своих собственных мнениях, и много ли найдется таких мнений, которые могли бы устоять даже после самого поверхностного исследования?

Лучше не браться за это страшное исследование. К счастью, мы мало к тому и склонны. Критический ум составляет высшее, очень редкое качество, между тем, как подражательный ум представляет весьма распространенную способность: громадное большинство людей принимает без критики все установившиеся идеи, какие ему доставляет общественное мнение и передает воспитание.

Таким-то образом через наследственность, воспитание, среду, подражание и общественное мнение люди каждого века и каждой расы получают известную сумму средних понятий, которые делают их похожими друг на друга, и притом до такой степени, что когда они уже лежат под тяжестью веков, то по их художественным, философским и литературным произведениям мы узнаем эпоху, в которую они жили. Конечно, нельзя сказать, чтоб они составляли точные копии друг с друга; но то, что у них было общего - одинаковые способы чувствования и мышления, необходимо приводило к очень родственным произведениям.

Нужно радоваться тому, что дело обстоит так, а не иначе; ибо как раз эта сеть общих традиций, идей, чувств, верований, способов мышления составляет душу народа. Мы видели, что эта душа тем устойчивее, чем крепче указанная сеть. В действительности она, и только она одна, сохраняет нации, не имея возможности разорваться без того, чтоб не распались бы тотчас же эти нации. Она составляет разом и их настоящую силу, и их настоящего властелина. Иногда представляют себе азиатских монархов в виде деспотов, которые ничем не руководствуются, кроме

своих фантазий. Напротив, эти фантазии заключены в чрезвычайно тесные пределы. В особенности на Востоке сеть традиций очень крепка. Религиозные традиции, столь поколебленные у нас, там сохранили всю свою силу, и самый своенравный деспот никогда не оскорбит традиций и общественного мнения - этих двух властелинов, которые, как он знает, значительно сильнее его самого.

Современный цивилизованный человек живет в одну из тех критических эпох истории, когда вследствие того, что старые идеи, от которых происходит его цивилизация, потеряли свою власть, а новые еще не образовались, критика терпима. Ему нужно перенестись мысленно в эпохи древних цивилизаций или только за два или три века тому назад, чтобы понять, чем тогда было иго обычая и общественного мнения, и чтобы знать, сколько нравственного мужества надо иметь новатору, чтобы напасть на эти две силы. Греки, которые, по мнению невежественных краснобаев, наслаждались такой свободой, в действительности были подчинены игу общественного мнения и обычая. Каждый гражданин был окружен сетью безусловно ненарушимых верований: никто не смел и думать об оспаривании общепринятых идей и подчинялся им без протеста. Греческий мир не знал ни религиозной свободы, ни свободы частной жизни, ни какой бы то ни было свободы вообще. Афинский закон не позволял даже гражданину жить вдали от народных собраний или не участвовать в религиозных национальных празднествах. Мнимая свобода античного мира была только бессознательной и, следовательно, совершенной формой полного порабощения гражданина игом идей города. В состоянии всеобщей войны, среди которой жил тогдашний мир, общество, члены которого обладали бы свободой мысли и действия, не просуществовало бы ни одного дня. Веком упадка всегда начинался для богов, учреждений и догматов тот день, когда они подвергались критике.

Так как в современных цивилизациях старые идеи, служившие основанием для обычая и общественного мнения, почти уничтожены, то власть их над душами стала очень слаба. Они вошли в тот фазис обветшания, когда старая идея уже переходит в состояние предрассудка. Пока их заменят новые идеи, в умах царствовать будет анархия. Только благодаря этой анархии и может быть терпима критика. Писатели, мыслители и философы должны благословлять настоящий век и спешить воспользоваться им, ибо мы больше его не увидим. Это может быть век упадка, но это один из тех редких моментов в истории мира, когда выражение мысли свободно. Новые догматы, которые в скором времени родятся, не могут в действительности иначе утвердиться, как только под условием не допускать никакой критики и быть также нетерпимыми, как те, которые им предшествовали.

Современный человек еще ищет идеи, которые могли бы служить основанием для будущего социального строя, и тут кроется опасность для него. Важны в истории народов и глубоко влияют на их судьбу не революции, не войны - следы их опустошений скоро изглаживаются, - но перемены в основных идеях. Они не могут совершиться без того, чтобы одновременно все элементы цивилизации не были осуждены на преобразование. Настоящие революции одни только опасные для существования известного народа, это те, которые касаются его мысли.

Не столько опасно для какого-нибудь народа принятие новых идей, сколько непрерывная проба идей, на что он неминуемо обречен, прежде чем найти ту из них, на которой он мог бы прочно обосновать свое социальное здание, предназначенное заменять старое. Впрочем, идея опасна не потому, что нужны долговременные опыты, чтобы узнать, могут ли новые идеи приспособиться к потребностям общества, которое их принимают. К несчастью, степень их полезности может стать ясной для толпы только посредством опыта...

История нам часто показывает, во что обходились пробы недоступных для известной эпохи идей, но не в истории человек черпает свои уроки. Карл Великий

тщетно пытался восстановить Римскую Империю. Идея универсализма не была тогда осуществима, и его дело погибло вместе с ним, как должны были позже погибнуть дела Кромвеля и Наполеона. Филипп II бесплодно истратил свой гений и си. У Испании, - тогда еще господствовавшей, - на борьбу с духом свободного исследования, который, под именем протестантизма, распространялся в Европе. Все его усилия против новой идеи успели только ввергнуть Испанию в состояние разорения и упадка, из которого она уже никогда не поднималась. В наши дни химерические идеи коронованного мечтателя, вдохновленного неизлечимым сентиментализмом своей расы, создали единство Италии и Германии и стоили Франции двух провинций и мира на долгое время.

Столь глубоко ложная идея, что количество составляет силу армии, покрыла Европу своего рода вооруженной национальной обороной и ведет к ее неизбежному разорению. Социалистические идеи о труде, капитале, преобразовании частной собственности в государственную докочат те народы, которые избегнут гибели от постоянных армий и банкротства.

Национальный принцип, столь дорогой некогда государственным деятелям и составлявший единственное основание их политики, может быть еще приведен в числе тех руководящих идей, вредное влияние которых пришлось испытать цивилизованному миру. Его осуществление привело Европу к самым губительным войнам, поставило ее под оружие и постепенно привело все современные государства к гибели и упадку. Единственный разумный мотив, который можно было привести для защиты этого принципа, был тот, что самые большие и самые населенные страны вместе с тем и наиболее защищены от нападений. В тайне они думали также, что наиболее способны к завоеваниям. Но в настоящее время оказывается, что как раз самые маленькие и наименее населенные страны: Португалия, Греция, Швейцария, Бельгия, Швеция, мелкие Балканские княжества менее всего могут бояться нападений. Идея объединения разорила некогда столь счастливую Италию до того, что в настоящее время она находится накануне революции и банкротства. Ежегодный бюджет расходов всех итальянских государств, который до осуществления итальянского объединения доходил до 550 миллионов, в настоящее время достиг 2 миллиардов.

Не во власти людей остановить ход идей, когда они уже проникли в душу. Нужно тогда, чтобы их эволюция завершилась. Защитниками их чаще всего являются те, которые намечены их первыми жертвами. По отношению к идеям мы только бараны, покорно идущие за вожатым, ведущим нас на бойню. Преклонимся перед силой идеи. Когда она уже достигла известного периода своего развития, то нет уже ни рассуждений, ни доказательств, которые могли бы ее победить. Чтобы народы могли освободиться из-под ига какой-нибудь идеи, нужны века или насильственные революции, а иногда и то, и другое. Человечеству остается только считать химеры, которое оно себе измышляло и жертвой которых оно последовательно становилось.

Глава вторая РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Преобладающее влияние религиозных верований - Они всегда составляли наиболее важный элемент жизни народов - Большая часть исторических событий так же, как политические и социальные учреждения, проистекает из религиозных идей - С новой религиозной идеей рождается всегда новая цивилизация - Власть религиозного идеала - Его влияние на характер - Он направляет все способности к одной цели - Политическая, художественная и литературная история народов - дочь их верований - Малейшая перемена в состоянии верований какого-нибудь народа имеет результатом целый ряд изменений в его существовании - Разные примеры.

Среди различных идей, руководящих народами и составляющих маяки истории и полюсы цивилизации, религиозные идеи играли слишком преобладающую и слишком основную роль, чтобы не посвятить им отдельной главы.

Религиозные верования составляли всегда самый важный элемент в жизни народов и следовательно в их истории. Самыми значительными историческими событиями, имевшими наибольшее колоссальное влияние, были рождение и смерть богов. Вместе с новой религиозной идеей рождается и новая цивилизация. Во все века в древние времена, как и в новые, основными вопросами для человека были всегда вопросы религиозные. Если бы человечество могло предоставить своим богам умереть, то о таком событии можно было бы сказать, что оно по своим последствиям было бы самым важным из совершившихся когда-либо на поверхности нашей планеты...

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Нам уже пришлось указать во введении к настоящему труду, что он представляет собой только краткое резюме, своего рода синтез томо, в, посвященных нами истории цивилизации. Каждая из составляющих его глав должна рассматриваться как вывод из предшествующих трудов. Поэтому очень трудно сжать идеи, и без того уже очень сжатые. Я хочу, однако, попытаться для читателей, которым дорого время, представить в виде очень кратких положений основные принципы, составляющие философию данного труда.

- Раса обладает почти столь же устойчивыми психологическими признаками, как и ее анатомические признаки. Как и анатомический вид, психологический изменяется только после многовековых накоплений.

- К устойчивым и наследственным психологическим признакам, сочетание которых образует психический склад расы, присоединяются, как и у анатомических видов, побочные элементы, созданные различными изменениями среды. Беспредельно возобновляемые, они оставляют расе широкий простор для внешних изменений.

- Психический склад расы представляет не только синтез составляющих ее живых существ, но в особенности синтез всех предков, способствовавших ее образованию. Не живые только, но и мертвые играют преобладающую роль в современной жизни какого-нибудь народа. Они творцы его морали и бессознательные двигатели его поведения.

- Очень большие анатомические различия, разделяющие различные человеческие расы, сопровождаются не менее значительными психологическими различиями. Когда сравниваешь между собой средние [] каждой расы, то психические различия кажутся довольно слабыми. Они становятся громадными, лишь только мы распространяем сравнение на высшие элементы каждой расы. Тогда можно заметить, что главным отличием высших народов от низших служит то, что первые выделяют из своей среды известное число очень развитых мозгов, тогда как у вторых их нет.

- Индивиды, составляющие низшие расы, представляют между собой очевидное равенство. По мере того, как расы поднимаются по лестнице цивилизации, их члены стремятся все более различаться между собой. Неизбежный результат цивилизации - дифференциация индивидов и рас. Итак, не к равенству идут народы, но ко все большему неравенству.

- Жизнь какого-нибудь народа и все проявления его цивилизации составляют простое отражение его души, знаки невидимой, но очень реальной вещи. Внешние события образуют только видимую поверхность определяющей их скрытой ткани.

- Ни случай, ни внешние обстоятельства, ни в особенности политические учреждения не играют главной роли в истории какого-нибудь народа.

- Различные элементы цивилизации какого-нибудь народа, будучи только внешними знаками его психического склада, выражением известных способов чувствования и мышления, свойственных данному народу, не могут передаваться без изменений

народам совершенно иного психического склада. Передаваться могут только внешние, поверхностные и не имеющие значения формы.

- Глубокие различия, существующие между психическим складом различных народов, приводят к тому, что они воспринимают внешний мир совершенно различно. Из этого вытекает то, что они чувствуют, рассуждают и действуют совершенно различно и что между ними существует разногласие по всем вопросам, когда они приходят в соприкосновение друг с другом. Большая часть войн, которыми полна история, возникала из этих разногласий. Завоевательные, религиозные и династические войны всегда были в действительности расовыми войнами.

- Скоплению людей различного происхождения удается образовать расу, т.е. сформировать в себе коллективную душу только тогда, когда путем повторяющихся веками скрещиваний и одинаковой жизни в тождественной среде оно приобрело общие чувства, общие интересы, общие верования.

- У цивилизованных народов нет уже естественных рас, но существуют только искусственные, созданные историческими условиями.

- Новая среда, моральная или физическая, действует глубоко только на новые расы, т.е. на помеси древних рас, скрещивания которых разложили унаследованные от предков черты. Одна только наследственность достаточно сильна, чтобы бороться с наследственностью. На расы, у которых скрещивания еще не успели уничтожить устойчивости признаков, влияния среды имеют только чисто разрушительное влияние. Древняя раса скорее гибнет, чем подвергается изменениям, которые требуют приспособления к новой среде.

- Приобретение прочно сложенной коллективной души представляет для известного народа апогей его величия. Разложение этой души всегда означает час его падения. Вмешательство чужеземных элементов составляет одно из наиболее верных средств достигнуть этого разложения.

- Психологические виды, как и анатомические, подвергаются действию времени. Они также осуждены стареть и угасать. Всегда очень медленно образуясь, они, напротив, могут быстро исчезать. Достаточно глубоко нарушить функционирование их органов, чтобы заставить их испытать регрессивные изменения, результатом которых бывает часто очень быстрое уничтожение. Народам нужны многие века, чтобы приобрести определенный психический склад, и они его иногда теряют в очень короткое время. Восходящая дорога, которая ведет их на высокую ступень Цивилизации, всегда очень длинна; покато же, ведущая к падению, чаще всего бывает очень короткой.

- Рядом с характером нужно поставить идеи, как один из главных факторов Эволюции какой-нибудь цивилизации. Они действуют только тогда, когда после очень медленной эволюции преобразовались в чувства. Тогда они застрахованы от возражений, и требуется очень долгое время для их исчезновения. Каждая цивилизация происходит из очень небольшого числа общепринятых основных идей.

- Среди наиболее важных руководящих идей какой-нибудь цивилизации находятся религиозные идеи. Из изменений религиозных верований непосредственно вытекало большинство исторических событий. История человечества всегда была параллельна истории его богов. Эти дети наших мечтаний имеют столь сильную власть, что даже имя их не может измениться без того, чтобы тотчас же не был потрясен мир. Рождение новых богов всегда означало зарю новой цивилизации, и их исчезновение всегда означало ее падение. Мы живем в один из тех исторических периодов, когда на время небеса остаются пустыми. В силу одного этого должен измениться мир.

ТАРД ГАБРИЭЛЬ (TARDE) (1843-1904) - французский социолог, представитель психологического направления в социологии, один из основоположников социальной психологии, автор ряда работ по философии права. Родился в Сарли, получил

юридическое образование, в 1869-1894 гг. находился на юридической службе в Сарли. С 1894 г. жил в Париже, где возглавлял отдел криминальной статистики в Министерстве юстиции, преподавал новейшую философию в различных учебных заведениях. В 1900 г. был избран членом академии нравственных и политических наук.

Главные произведения: Les lois de l'imitation (1890, рус. пер. 1892), La logique sociale (1895, рус. пер. 1901), Essais et melanges sociologiques (1895), L'opposition universelle (1897), Etudes de psychologie sociale (1898), Les lois sociales (1898, рус. пер. 1900), Les transformations du pouvoir (1899), L'opinion et la foule (1901, рус. пер. 1902), Psychologie economique, 2 vols (1902), Fragment d'histoire future (1904), а также масса статей в различных периодических изданиях.

Исходным пунктом социологической теории Тарда является трактовка социальности как подражательности, являющейся проявлением основного закона всего сущего - всемирного повторения. Общество в конечном счете есть подражание. Возможность социальной эволюции Тард связывает с отклонениями от строгого повторения, инновациями, т.е. актами индивидуального творчества, изобретениями. Подражание подхватывает то, что первоначально было лишь отклонением, и таким образом осуществляется эволюция общества. Позже Тард разработал теорию социального конфликта индивидов с разными идеями и изобретениями.

В противоположность Дюркгейму Тард поставил во главу угла изучение индивида, а не групп или организаций, и рассматривал общество как продукт взаимодействия индивидуальных созданий через передачу и усвоение ими верований и желаний. Исходя из этого, он полагал, что необходимо создать науку - социальную психологию, которая должна исследовать взаимодействие индивидуальных сознаний и стать фундаментом социологии.

Тард внес значительный вклад в изучение механизмов межличностных отношений, разрабатывал проблемы общественного мнения, психологии толпы, изучал механизмы психологического заражения и внушения; способствовал включению в арсенал социологии эмпирических методов - анализа исторических документов и статистических данных. Социологические идеи Тарда оказали влияние на Э. Росса, Ч. Эллвуда, Д. Болдуина, Ч. Кули, Д. Дьюи. Его концепции повлияли на теории "массового общества", исследования массовых коммуникаций и распространения инноваций.

В данном издании помещен отрывок из работы "Социальные законы", основанной на лекциях, прочитанных Тардом в 1897 г. в College libre des Sciences Sociales, в которой кратко изложены идеи трех его важнейших трудов по общей социологии: "Законы подражания", "Всемирное противопоставление" и Социальная логика". Умер в Париже.

Г. Тард СОЦИАЛЬНАЯ ЛОГИКА

Глава вторая СОЦИАЛЬНЫЙ УМ

Или я сильно ошибаюсь, введенный в заблуждение - и при том в заблуждение очень глубокое - призраком аналогии, или история и в самом деле понимается лучше благодаря указанной мною точке зрения. Беспорядочность ее событий тогда перестает вызывать в нас изумление, так как она только внешняя. До сих пор тщательно искали связь и закон исторических событий, причины, вызвавшие странный порядок их последовательности, в котором во что бы то ни стало хотели видеть некоторое развитие. В действительности события следуют друг за другом, но при этом они не только не походят одно на другое, но и не вызывают или, по крайней мере, не обуславливают необходимо друг друга; они сталкиваются между собой в гораздо большей степени, нежели объясняют друг друга, и каждое из них

связывается истинно логической связью не с предыдущим и не с последующим, а с целым рядом или даже скорее с несколькими рядами правильных жизненных или социальных повторений, верхней точкой пересечений которых является данное событие. Они накладываются одно на другое подобно последовательным состояниям сознания в индивидуальном уме. Пусть кто-нибудь попробует отмечать со всею возможной точностью и подробностью последовательный ряд тех мелких зрительных, слуховых, обонятельных ощущений, мелких проявлений деятельности мускулов и пр., шаги, жесты, слова и т.д., из которых составляется какой-нибудь его день, и пусть он потом попытается отыскать формулу для этого ряда, разгадать этот ребус! Ему это удастся не лучше и не хуже, как не удастся историку установить законы истории, представляющей собою ряд состояний национального сознания. Что же удивительного после того, что появление ощущений и внушений, воспоминаний и привычек или появление открытий и изобретений из хранилищ Традиции и Обычая оказывается случайным и беспорядочным! Важно лишь то, что они там появляются, а затем они распределяются и организуются в каждую из перечисленных выше отдельных категорий индивидуальной и коллективной логики. Тут именно и находится искомый исторический порядок - в собраниях того, что произведено историей, в грамматиках, в кодексах, в теологиях или научных системах, в способах управления, в промышленности или в искусствах, которыми обладает данная цивилизация, но не в самой истории; подобным же образом душевная гармония заключается во внутреннем, поистине удивительном распределении воспоминаний, а отнюдь не в самой деятельности нашего "я", собирающего их направо и налево.

Поскольку мала или слаба связь между теми научными открытиями или промышленными изобретениями, которые следуют непосредственно друг за другом в данное время, постольку во всякую эпоху оказываются относительно связанными между собой группы старых открытий, из которых состоит, например, геометрия или астрономия, или даже физика или биология этой эпохи, и группа тех старых изобретений, которые составляют ее военное искусство, ее архитектуру, ее музыку, так как время рассортировывает все те, пользовавшиеся в свое время известностью и бывшие в моде нововведения, которые эта мода присоединила к священному хору их предшественников; многие вычеркиваются из списка, и окончательное значение тех, которые остаются, бывает далеко не пропорционально тому блеску, каким сопровождалось их введение. Те, которые взаимно подтверждают или помогают друг другу, с течением времени сближаются между собою, а чуждые друг другу расходятся и их истинная плодотворность, медленно проявляющаяся в виде знаний и сил; в форме истин или более или менее драгоценных гарантий спокойствия, устанавливает среди них известный иерархический порядок, временно неизменный, который не было никакой возможности предвидеть по различным размерам их первоначального успеха.

Другими словами, логическое сознание проявляется не между различными последовательно пользовавшимися известностью нововведениями, а именно между различными продолжительными подражаниями, исходящими из каждого из этих нововведений как из фокуса. Надо заметить, что в силу непрекращающейся логической разработки связь между ними становится теснее, пропорционально их возрасту. Действительно, в процессе этого социального нагромождения открытия и изобретения, постепенно распространяясь и укореняясь, проходят через фазисы, подобные тем, через которые проходят восприятия и действия в аналогичном процессе их закрепления в глубине индивидуальной памяти; первые, как и последние, распадаются на несколько слоев, которые, как мне кажется, сводятся к трем. На поверхности находится довольно мало однородный слой идей и привычек, приобретенных более или менее недавно и образующих собою то, что называется мне-

ниями или вкусами народа или человека. Под ним лежит собрание убеждений и страстей, разрабатывавшихся более продолжительное время, более тесно связанных между собою, хотя, впрочем, они могут быть в противоречии с элементами верхнего слоя; это традиции и обычаи в обществе, ум и сердце - в индивидууме. Еще глубже находится та плотная ткань, состоящая из почти несознаваемых и бесспорных принципов и побуждений, которая носит название духа и характера, как по отношению к нации, так и по отношению к индивидууму.

Однако, если последовательный ряд состояний сознания или исторических фактов не развертывается в логическом порядке, то значит ли это, что и сама логика является им чуждой? Нет, ибо каждое состояние сознания, взятое в отдельности, Уже представляет собой маленькую систему, является по меньшей мере подбором таких впечатлений, которые среди всех имеющихся налицо оказываются наиболее поучительными, наиболее соответствующими тому, что в этот момент занимает мысль, и тщательным устранением всех тех впечатлений, которые не соответствуют или противоречат первым, .как это ясно показал Гельмгольц относительно впечатлений зрительных. В каждое мгновение нас осаждают и нам мешают зрительные ощущения, подобные ощущениям летающих мух, и если бы мы их всегда замечали, если бы наше "я" включало их в число избранных, то они воспрепятствовали бы суждению систематической локализации или объективирования впечатлений рутины, которые только одни и замечаются нами. Поэтому-то они и остаются незамеченными так же, как остается незамеченным шум в ушах, Который ввиду полной невозможности локализовать и объективировать его не Может войти в ту систему внешних звуков, в которой мы всегда располагаем Последние. Сколько еще других внутренних образов так же проходят перед нашим Сознанием, не оставляя в нем даже заметной для нас тени! То же самое происходит и с социальным сознанием, с знаменитостью, когда из тысячи оставшихся неизвестными изобретений и открытий, среди которых имеются, быть может, и очень серьезные, но все-таки не имеющие успеха только потому, что они противоречат какому-нибудь установившемуся верованию или мешают удовлетворению какого-нибудь могущественного желания, делается знаменитым всегда только одно, наиболее способное в настоящий момент укрепить и увеличить сумму народной веры и спокойствия, - другими словами, лучше всех удовлетворяющее любопытство публики и полнее всех осуществляющее ее надежды или наиболее соответствующее ее мнениям и вкусам.

Итак, в окончательном выводе, над несколькими толстыми слоями воспоминаний и привычек, прочно установившихся, классифицированных и расположенных в систему воспоминаний, т.е. прежних восприятий, превратившихся в понятия, и привычек, т.е. прежних целей, превратившихся в средства, - над этой грудой остатков суждений и хотений прошлого наше теперешнее "я" скитается туда и сюда подобно блуждающему огоньку, наше "я", т.е. непрерывное присоединение новых восприятий, новых целей, которые вскоре подвергнутся аналогичным же превращениям. Такова умственная жизнь индивида. Совершенно подобна ей жизнь и социальная. Над громадными тысячелетними скоплениями перемешанных, комбинированных, координированных традиций и обычаев - традиций, т.е. прежних открытий, распространившихся в массах, сделавшихся безымянными предубеждениями, соединившихся отдельными группами, образующими языки, религии, науки, и обычаев, т.е. прежних изобретений, также сделавшихся обще принадлежностью, ставших всем известными приемами и способами деятельности, гармонически сгруппированными в форме нравов, промышленности, способов управления, искусств, - над всеми этими чудесными дарами, завещанными глубокой древностью, неустанно движется какая-то сверкающая, отливающая разными цветами точка, путь которой носит название истории; эта точка представляет собой

успех или славу настоящего дня, так сказать, изменчивый фокус рутины социального глаза, последовательно останавливающегося на всех новых открытиях и изобретениях, - одним словом, на всех новых начинаниях, которым суждено распространиться подобным образом в массах.

Если я не ошибаюсь, то здесь представляется одна из самых полных и явственных аналогий, которая может с большим удобством заменить собою постоянно повторяемое, но столь искусственное и натянутое сравнение общества с организмами. Общество походит и, по мере того, как оно цивилизуется, стремится все более и более не походить на организм, а скорее на тот своеобразный орган, который называется мозгом; вот почему социальная наука, как и психология, является только прикладной логикой. Общество вообще представляет собой или каждый день приближается к тому, чтобы представлять только большой собирательный мозг, в котором отдельные маленькие индивидуальные мозги являются клеточками. Мы видим, как легко и сам собою обнаруживается с этой точки зрения социальный эквивалент нашего "я", тщательно отыскиваемый современными социологами, слишком много занимающимися биологией и, может быть, слишком мало психологией. Мы видим также, что наше сопоставление позволяет приписать человеческому верованию свойственное ему первенствующее значение в обществах, тогда как уже вышедшее из моды сравнение Спенсера позволяет видеть здесь только комбинацию желаний и обнаруживает свою несостоятельность своим очевидным непониманием религиозной стороны народов. Мне, может быть, возразят, и я с этим соглашусь, что мозг предполагает тело, которым он питается. У всякого общества есть также в зависимости от него и к его услугам группа существ и предметов, которые оно присваивает себе и приспособляет к своим потребностям и которые, будучи раз выработанными им, становятся как бы его внутренностями и его членами. Эти предметы не составляют части самого общества или, пожалуй, они имеют в весьма малой степени такой характер в среде рабовладельческих народов и наций, где раб вместе с коровой и с собакой способствует пропитанию и защите свободного человека. В таких обществах каста рабов, а иногда и каста плебеев, может быть названа с некоторой справедливостью желудком патрициев. Но там, где рабство исчезло, теория общества-организма потеряла последнюю тень правдоподобности. Если там и есть какой-нибудь организм или нечто похожее на него, то это совсем не общество - это все то целое, которое слагается из общества, с одной стороны, и, с другой - его обработанной теории с проходящими по ней дорогами и каналами, с ее подчиненной человеку флорой и фауной, с ее домашними животными и растениями, с ее подчиненными человеку физическими силами, которые питают, одевают, излечивают, перевозят и переносят, служат всюду и везде населению городов и полей без всякой, строго говоря, взаимности услуг, хотя и получают взамен скупые и корыстные заботы. Эти подчиненные человеку земля и природа играют по отношению к культивирующей их нации точно такую же роль, какую играют органы тела относительно мозга существа высшего порядка, которое живет для того, чтобы мыслить, а не мыслить для того, чтобы жить, и которое расходует или употребляет свою физическую силу исключительно в интересах своей силы интеллектуальной. Сравнивали телеграфную сеть с нервной, а сеть железных дорог с кровеносной системами! Но нервы, нервные нити, кровеносные сосуды составляют часть организма, а разве железные телеграфные проволоки и рельсы и цепи вагонов составляют часть общества? Пусть нам покажут народы, у которых вместо наших металлических проводников электрические цепи из одного города в другой составляются из людей, держащихся за руки и стоящих по направлению этой линии, где вместо наших поездов с пассажирами и товарами люди тянутся из города в город длинными, непрерывными, переплетающимися между собой процессиями!

Если бы общества представляли собой организмы, то социальный процесс сопровождался бы не только возрастанием дифференциации, но и возрастанием неравенства; демократическая тенденция к равенству во всяком обществе, достигшем известного уровня цивилизации, стала бы необъяснимой и могла бы истолковываться только как симптом социального упадка. Между тем очевидно, что это постепенное уравнивание и прогрессивное уподобление различных классов друг другу в языке, костюме, нравах, образовании, воспитании укрепляет истинную социальную связь между людьми одной и той же страны, тогда как там, где в виде исключения расстояние и различие между классами увеличивается, регрессирует и цивилизация. Но с точки зрения нашей аналогии это становится понятным. В самом деле, хотя мозг и стоит выше всех других органов, он отличается от них относительной однородностью своего состава и тем, что несмотря на его извилины, несмотря на более или менее точное размещение его различных функций в каждой доле, все его бесчисленные элементы сходны между собой, как это Доказывается быстротой и легкостью постоянного обмена сообщений между ними и их способность, по-видимому, взаимно замещать друг друга. Отметим также исключительное положение мозга в теле. Все остальные органы употребляют все усилия на то, чтобы питать его. У животных, умерших от голода, общее исхудание Достигает крайних пределов, но "весь мозг, говорит Рише, заметно не уменьшается". Таково же и человечество среди поработанной природы.

Только общества животных, пчел и муравьев, например, до некоторой степени более всего заслуживают названия социальных организмов, так как только там отдельный индивидуум, движимый инстинктом, побуждающим его жертвовать собою на пользу всего общества, играет роль простого органа или простой клеточки и иерархическая субординация различных функций является там полной. Тело там так же построено из индивидов, как и голова. В некоторой степени сходны с ним древние общины, где господствует рабство. Но по мере того, как общества цивилизуются, они по-видимому дезорганизируются и их следует сравнивать не с организмом и даже не с отдельным органом, а с некоторого рода высшим психологическим механизмом; в самом деле, в них все более развивается эгоизм и изменчивая связь всего целого все менее и менее поддерживается духом самопожертвования, особенно самопожертвования бессознательного, и все более и более (но никогда не исключительно) зависит от равновесия или солидарности между симпатизирующими друг другу эгоизмами, подобно тому, как цельность солнечной системы поддерживается равновесием и солидарностью молекулярных притяжений.

Во время войны современные нации в виде исключения также приобретают довольно ясно выраженный характер организма. Солдат дает себя убить за свой полк, полк жертвует собою для армии, армия жертвует собою для спасения страны, т.е. для торжества политической мысли, задуманной тем человеком или той группой людей, которые в настоящий момент воплощают в себе государство. Тогда строго применяется к делу закон возмездия, предполагающий тождественными между собой солдат одной и той же армии, граждан одной и той же нации и считающей всех ответственными за каждого из них. Попробуйте тогда заняться рассмотрением эквивалентности и взаимности жертвований, сделанных солдатами или гражданами! Ни эта эквивалентность, ни эта взаимность здесь не причем; они являются только словами, сущность же заключается тут в органической, т.е. целесообразной, солидарности. Но почему эта солидарность органическая? Потому что в проявлении военной деятельности умственная и телесная стороны армии соединены между собой той связью однородности, которая характеризует живые, одушевленные существа. Орудия и силы, употребляемые главнокомандующими или министром, являются, по крайней мере большей частью, такими же людьми, как и он сам, подобно тому, как в древности большая часть услуг, требуемых господином,

доставлялась ему человеческой силой его рабов. Это будет низшее социальное состояние, от которого избавляются, постепенно заменяя энергию человеческих мускулов силами не человеческого происхождения, - животными, растительными, физическими, механическими. Правда, с прогрессом военного искусства работа, выполнявшаяся раньше руками солдат, по-видимому все больше и больше выполняется также машинами - пушками или ружьями. Но, в конце концов, сегодня, как и вчера, личная храбрость, дисциплина, военные достоинства остаются единственно действительными силами, без которых ничего не может сделать никакая энергия взрывчатых веществ; сегодня, как и вчера, тело и кровь солдат является основным веществом, первичными материалами, употребляющимися для военного производства или, лучше сказать, для военного разрушения. Таким образом, милитаризм приобретает поражающий нас характер органической солидарности именно потому, что он является регрессом. Прогресс же происходит по направлению к возрастающей "дезорганизации", являющейся основным условием наступления высшей гармонии.

ПАРЕТО ВИЛЬФРЕДО (PARETO) (родился 15 июля 1848 г. в Париже) - итальянский экономист и социолог. Сущность его методологии состоит в критике априорных метафизических суждений и понятий в социологии, в сведении ее к эмпирически обоснованному знанию об обществе, базирующемуся на описании фактов и формулированию законов, выражающих функциональные зависимости между фактами. Он постулировал математическое выражение этих зависимостей. Исходным пунктом социологической теории Парето является концепция нелогического действия, согласно которой человеческое поведение имеет иррациональный и алогичный характер, что отчетливо проявляется в ходе истории. Любые теории и идеологии являются оправданием действия и имеют целью придать последнему внешне логичный характер, скрыв его истинные мотивы. Парето использует свой термин "дериваты", что есть расчеты и объяснения, которые люди делают постфактум для доказательства естественности, логичности, справедливости и разумности своих поступков. Он назвал идеологические системы, обладающие ложным содержанием, "деривациями", т.е. производными от чувств (названных им "остатками"), коренящихся в иррациональных пластах человеческой психики. Они являются внутренними биологическими импульсами, определяющими социальное поведение человека. Используя шесть главных классов "остатков", подразделенных на множество подгрупп, Парето пытался объяснить многочисленные варианты человеческого поведения. Исходя из основополагающей роли сфер человеческой психики, он выводил из них теории идеологии, социальной стратификации и смены правящих элит. Парето, хотя и противопоставлял "деривации" истине, подчеркивал их социальное значение, ценность для общества в целом и для отдельных действующих личностей. Он рассматривал общество как систему, находящуюся в состоянии динамического равновесия, придавал детерминирующее значение "остаткам", лежащим в основе как "дериваций", так и деления общества на элиту и неэлиту. Социальная гетерогенность обосновывалась биологически наличием у индивидов определенных биопсихологических качеств. Деление на способную к управлению элиту и неэлиту он считал существенной чертой всех человеческих обществ, а "круговорот" элит, т.е. их стабилизацию и деградацию, - движущей силой общественного развития, лежащей в основе исторических событий. Процесс циркуляции элит отражает глубинные основные общественные процессы и прежде всего социально-экономические. Политические же изменения отражают неспособность правящих группировок разрешить социально-экономические проблемы. Основополагающими работами Парето являются: "Курс политической экономии" (1896-1897), "Учебник политической экономии" (1906), Трактат по общей социологии" (1916), "Трансформация

демократии" (1921). Умер Парето 20 августа 1923 г. в Селиньи, Швейцария. На русском языке его работы не издавались.

В. Парето ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

* Pareto W. The transformation of Democracy. L., 1984. На русском языке публикуется впервые. Перевод Е. Халий.

Глава первая **ОБОБЩЕНИЯ**

"Трансформация демократии" - не самое лучшее название. Но мы будем его использовать, ибо лучшего нет.

Для начала термину "демократия" недостает определенного значения, как и многим другим терминам, заимствованным из вульгарного языка. Зумнер Майн искал обходные пути решения проблем определения и заменил его на "народное правление", опубликовав книгу под таким названием. Но этот термин объясняет не больше, чем первый. И мы не должны питать надежду, что найдем терминологию, точнее и строже выражающую условие, столь преходящее и ничего не определяющее.

Перерождение из одного состояния в другое осуществляется не вдруг. Скорее здесь происходит продолжительное видоизменение, похожее на процесс эволюционного развития живых существ. Мы хотим изучать один аспект этого перерождения.

Используя экспериментальный подход, следует не только вскрыть ряд перемен, но и распознать их взаимосвязь. В противном случае мы бы подверглись риску вставить в объективное исследование субъективные моменты, отражающие наши настроения.

В связи с этим возникают две трудности.

Первая связана с тем, что общественные процессы занимают длительное время, пока дойдут до конца. Моя предыдущая попытка провести это исследование описывается в "Трактате по общей социологии". Поэтому я буду иногда ссылаться на эту книгу. И чтобы спасти читателя от необходимости детально знакомиться с той работой, я предваряю данное исследование некоторыми представляющимися уместными положениями. Вторая трудность обусловлена тем, что очень немногие исторические документы доступны для изучения. Предыдущая работа, заострявшая внимание на трансформациях "народного правления", от которого происходит современная европейская демократия, была монументальной. Даже этот ограниченный аспект был обширной темой для рассмотрения во всех доступных источниках. Поэтому нужно быть кратким и излагать только выводы. В связи с этим я вынужден буду ограничиться немногими примерами.

Много хороших книг ждут читателя, который захочет изучить эту тему подробнее. Конечно, я не собираюсь соперничать с ними. Но с другой стороны, если я буду их неправильно цитировать, то скорее из-за нехватки места, а не для того, чтобы утаить мое чувство признательности. Это объясняется тем, что я стремился обойтись без рассмотрения истории учений по данному поводу. Но я не буду связан благоговейной мыслью, что я в долгу перед мастером. Если я провожу разделение между теориями мастера и фактами, то это потому, что с фактами должны оперировать все ученые, придерживающиеся экспериментального метода.

Давайте вспомним некоторые общие принципы, которые выводились из "Трактата по общей социологии". Мы должны изучать сущность явлений. Прежде всего надо оценить, как события рассматривались людьми, распознать образы мышления, вызванные этими событиями.

Чувства и интересы постояннее всего, и потому они - самые важные составляющие сущности явлений. Чувства и интересы, которые к ним относятся, описаны в

"Трактате по общей социологии". Материальные интересы и политическая экономика также обсуждаются в той работе.

Выражения чувств и интересов могут быть различны, как различаются их логические последствия. Эти выражения и последствия обычно служат предметом изучения для историков. Среди современных отраслей истории те, которые занимаются происхождением государственных и общественных структур, очень высоко ценятся.

Люди смотрят на факты сквозь собственные предубеждения. И если цивилизованные люди уже не верят в то, что солнце каждый вечер садится в море, они питают другие верования, столь же невероятные. Больше того, для них естественно высказывать домыслы о том, почему и как что-то происходит. Логическая экспериментальная наука позволяет нам отвечать на вопросы в определенных рамках. Но люди презируют случайности и отказываются принимать такие рамки. С тех пор как люди редко стали изучать общества экспериментальным путем, настоящую науку заменяет псевдонаука в поисках абсолютных ответов, которых страстно желают люди. Толкование фактов определяется чувствами, желаниями, предрассудками и интересами, которые очень часто незаметно для человека мотивируют его действия. Именно так появляются продукты мысли, которые названы "дериватами" в "Трактате по общей социологии". Ни один из этих факторов не отражен в логически экспериментальной науке.

"Дериваты" могут быть очень разными. Они часто разноцветны и переливаются всеми цветами радуги. Они одновременно и олицетворяют, и затемняют социальные факты. Мы изучали эти факты в "Трактате по общей социологии", анализируя сущность "дериватов". Ни метафизика с ее абсолютными принципами, ни эмпиризм, который довольствуется поверхностным сходством, не могут дать точный анализ. Эмпиристы, чтобы объяснить существующие явления, ищут точно такие же явления в прошлом. Но похожие явления не находятся и не могут быть найдены, потому что история в действительности никогда не повторяется. Бесконечное число сочетаний может рождаться из составляющих их человеческих поступков, а история ведет только хронику этих сочетаний.

Общественный порядок никогда не бывает совсем неподвижным: он находится в непрерывном движении. Но превращения могут происходить с разной скоростью. Их можно наблюдать как в древние времена - в Спарте, Афинах, так и в наше время - в Китае, Англии. Разница в том, что движение идет медленно, как в Спарте или Китае, либо быстро, как в Афинах или Англии. Больше того, такие различия могут характеризовать одну и ту же страну в разные времена. Например, Италия испытывает непрерывное движение от легендарных времен Ромула до сегодняшнего дня, но процесс перемен более интенсивен в одни годы и менее - в другие.

Легко понять, как люди отмечали зарю новой эры. Пришествие Христа определило начало новой, христианской веры, Хегира - для мусульман; Французская Революция 1789 г. - для верующих в "демократическую" религию, революция Ленина - для фанатически верующих в III Интернационал, и т.д. Практики логически экспериментальной науки не должны обсуждать такие требования, потому что они - показатели веры и находятся совершенно вне экспериментальной области. Но если с точки зрения логически-экспериментальной науки рассматривать события лишь как факты, не принимая в расчет приверженность к вере, которую они порождают, то нужно признать, что исторические периоды различаются только своими особенностями. Нижним критическим точкам этой кривой соответствуют христианство до Христа, ислам до Мухаммеда, демократия до Французской революции и большевизм до революции Ленина.

Полезно отдалиться от бездоказательной веры и изучать события так, потому что обособление в экспериментальной науке необходимо, но сомнение в вере очень

часто мешает этой деятельности. Когда скептицизм плодит теоретические рассуждения, вера побуждает людей к деятельности, требуемой практической жизнью. Идеалы могут быть нелепыми и в то же время очень полезными для общества. Нам придется часто напоминать об этом, потому что такой факт нередко упускают.

Установление четкой границы между тем, что хорошо для экспериментальной науки и что хорошо для общества, - основание всему. Я писал об этом развернуто в "Трактате по общей социологии". Об этом нужно снова упомянуть здесь, чтобы не было риска, что некоторые читатели поймут мои наблюдения над фактом и связями фактов друг с другом как защиту частного момента. Такое часто случалось со мной в прошлом. Я думаю, что на основе исторических фактов могут прийти к выводу, что наша буржуазия движется к краху, но это не означает, что я сужу, "хорошо" это или "плохо". Точно так же я не стал бы оценивать крушение фео-дальних помещиков, вызванное крестовыми походами, как хорошее или плохое событие. Я не буду убеждать буржуазию пойти по другому пути или проповедовать реформы обычаев, вкусов или предрассудков. Так же, и даже в большей степени, я не буду заставлять людей верить, будто у меня есть рецепт исцеления от той болезни, которой страдает буржуазия и, шире, все общество. Как раз наоборот. Я открыто объявляю, что ни одно такое лекарство, выдуманное для того, чтобы поспорить, мне совершенно неизвестно. Я похож на врача, который распознал, что у пациента чахотка, но не знает, как излечить его. Разрешите мне добавить еще, что, пока общественные науки не продвинутся вперед, эмпиристы и люди-практики будут иметь больше мнений о том, как излечить общественный организм, чем врачи и ученые, хотя первые и могут иногда полагаться на знания последних.

Рационализм как одна из интеллектуальных "религий" укрепляет свои позиции утверждением, что не должно быть различия между теорией и практикой, между тем, что логически возможно, и верой в невероятное и фантастическое, или разделения между реальными и идеальными целями. Рационализм утверждает, что человек должен своим трудом сводить на нет эти различия. Ну да ладно, но я изучаю то, что есть, а не то, чему бы "следовало быть". И когда человеческие чувства, вкусы, интересы и образцы поведения изменяются, тогда объяснения, которые мы соображаем, переменяются, но не раньше.

Только одно возражение нужно рассмотреть. Если бы надвигался новый порядок, мы бы почувствовали его приближение и тогда должны были бы рассматривать его с научной точки зрения. Но нет никакого указания на то, что тот образец хода событий, который наблюдался более 2000 лет, подходит к концу. Давайте предоставим решение тяжелой задачи по изучению социологии отдаленного будущего нашим потомкам, а сами будем довольствоваться социологией прошедшего, настоящего и ближайшего будущего.

Число людей, соглашающихся с этим положением, тает уже сейчас, когда я пишу эти строки. Сторонники могут и совсем исчезнуть, когда я проиллюстрирую мои теоретические принципы. Тем не менее я не могу умолчать об этих последних.

Первое их следствие состоит в том, что надо сохранить абсолютные суждения и довольствоваться случайными. Каждое состояние исходит из прошлых состояний и дает происхождение будущим. Те, кто любит произносить абсолютные суждения о "добре" и "зле", должны быть знакомы со всеми будущими состояниями, которые берут свое начало в настоящем. А поскольку это невозможно, то придется воздерживаться от абсолютных суждений и ограничиться случайными. Люди могут различать "добро" и "зло", только рассматривая ближайшие, немедленные воздействия на положение дел в изучаемой области и налагая ограничения на понятие ближайшего (сознавая, что долгосрочные тенденции часто приводят к совершенно различным результатам).

Были ли изгнания по приказу Римского Триумvirата или террор в первые годы Французской революции, или террор большевиков "хорошими" либо "плохими"? На этот вопрос можно ответить только в понятиях чувства и веры, которые основываются на априорном размышлении, метафизических понятиях и т.д. Нельзя ответить на этот вопрос в терминах логически-экспериментальной науки.

В грубом виде взаимозависимость исторических явлений ясно видна из утверждения Клемансо о том, что нужно рассматривать Французскую революцию в целом (как блок) и что те, кто принимает часть ее, должны принимать ее всю. Здесь можно ясно увидеть разницу между научным объяснением и "дериватом". Если бы Клемансо хотел рассуждать логично, ему бы пришлось распространить этот принцип и на русскую революцию. Но, напротив, Клемансо отказывается рассматривать русскую революцию "как блок", не давая этому никаких объяснений. Он осуждает ее за "террор" и в то же время отказывается судить Французскую революцию за него же.

Мы имеем возможность убедиться в том, что только что упомянутый случай - это один лишь пример более общего явления - использования "дериватов" для оправдания хода событий. Человек может сказать очень мало нового об общественных фактах, которые повторяются в каждую эпоху, потому что они, по всей вероятности, уже произвели впечатление на мыслящих людей. Различие между их первыми впечатлениями и нашим научным наблюдением может состоять только в том, что наука предлагает большее приближение к экспериментальным реальным событиям.

Давайте построим аналогию. Невежественные люди иначе объясняют, что такое "богатая" и "бедная" почва, чем химики. Химики знают, а невежды не знают элементов, из которых составлены разные виды почв. Тем не менее химики считают термины "бедные" и "богатые" приемлемыми и ценными. Но невежда чувствует, что эти термины недостаточно ценные и должны быть отброшены в строгой научной дискуссии.

Второй вывод делается из наблюдения, что поиск наиболее выдающейся формы правления бесполезен и призрачен. Это происходит из неопределенности понятия "выдающийся". Это также следует из факта, что невозможное событие считают возможным, т.е. процесс перемен замедляется в пользу хорошего правительства. Можно также встретиться с серьезными затруднениями потому, что общественные науки никогда не достигали большого успеха. С другой стороны, нужно надеяться, что мы преодолеем все помехи, которые закрывают единообразие от взгляда, и рассмотрим природу взаимозависимости между социальными фактами.

Если обратиться к многочисленным теориям о конституционных и парламентских государствах, учрежденных за последнее столетие, становится ясно, что ни одна из них не отвечает современным ей событиям. Эти теории указывали в одну сторону, а факты - в другую. Например, "Размышления о представительном правительстве" и "Эссе о свободе" - Милли - книги, когда-то очень знаменитые, - поражают читателя своей совершенной оторванностью от реалий современной автору Англии.

Кто сейчас интересуется теориями равновесия власти? Кто определяет нужное равновесие между правами государства и индивида? Может ли этическое государство, о котором люди говорили с таким уважением (несмотря на очевидную иронию), действительно быть найдено? Конечно, государство Гегеля было продуктом очень живого воображения и даже пережило поэтическую и метафизическую социологию. Трудящиеся больше интересуются осязаемыми преимуществами вроде высокой зарплаты, прогрессивного налога и увеличенного свободного времени чем метафизикой; хотя нужно признать, что рабочие не высказывают презрения к своим собственным мифам о пролетарской добродетели, зле капиталистических порядков, желательности рабочей демократии и т.д.

Нам однажды говорили, что война невозможна, потому что успехи в военной промышленности сделали конфликт невыносимым. Что самое плохое, война должна была быть предотвращена в последнюю минуту всеобщей забастовкой или каким-то другим планом рабочих, особенно социалистов. Какие лицемеры! Такие милые речи ничуть не помогли остановить первую мировую войну. Никакая всеобщая забастовка так и не осуществилась. Напротив, члены парламента - социалисты разных стран - либо поддерживали войну, либо никак не могли ей противостоять. Немецкие социалисты, наследники Маркса, почти единогласно проголосовали за войну, и лозунг Маркса: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" - превратился в "Пролетарии всех стран, убивайте друг друга!"

Теперь мифы и пророчества обновлены. Некоторые говорили, что Лига Наций представляет триумф "защитников добра и справедливости" (другие даже добавили бы "и свободы") и принесет мир и радость всему миру. (Конечно, кто-то из них на самом деле не верит тому, что говорит.) Другие же люди вполне искренне верят, что большевизм принесет радость и мир. Даже если это покажется странным, есть и такие, кто убежден, несмотря на последние разочаровывающие события, что Лига Наций исцелит все болезни мира. Это те люди, хотя их мало, которые верят в 14 пунктов Вильсона. Больше, чем любой мыслитель до него, Вильсон был способен выделить основания для хорошей республики. Может быть, он и прав. Есть еще люди, которые верят в магию, и говорят, что кто-то верит в дьявола. Больше того, посчитайте, как многочисленны верующие в христианскую науку.

Давайте продолжим о третьем следствии. Когда кто-то оценивает любое деяние с целью определить, действительно ли оно "хорошо, справедливо, нравственно, религиозно, патриотично" и т.д., он в самом деле хочет определить, действительно ли этот поступок согласуется с чувствами определенной группы людей в данный момент времени. Такие чувства обычно смутно определяются. Это может быть полезно, если требуется консенсус, но это почти ничего не говорит о возможности осуществления политики на практике или о том, какие должны быть экономические и общественные последствия такой политики.

Тот факт, что понятие долго живет в обществе, показывает, что оно совместимо с общественными условиями. В конечном счете возможно, чтобы с изменением такого понятия одновременно изменялись социальные условия. Но можно доказать правильность чего угодно, если использовать неадекватные меры.

Например, зная, что крестовые походы в Азию с целью освободить гроб Господень будут рассматриваться как религиозный поступок, можно было предсказать теплый прием крестоносцев местными глубоко верующими христианами. Но это знание не позволило предсказать экономические, политические и социальные последствия крестовых походов. Барон, который участвовал в крестовом походе, был предположительно добрым христианином, хотя, возможно, в большей степени неутомимым искателем приключений. Но он, несомненно, был плохим феодальным помещиком, потому что оставил свой замок на разрушение. Капиталисты нашего времени, которые всегда готовы к войне, возможно, хорошие патриоты, хотя среди них есть корыстолюбцы. Но они производят очередное разрушение своего класса.

В этом и во многих подобных случаях, если человек оценивает общественную полезность хода действий, он может сказать, что люди, участвующие в этих действиях, преследуют какую-то идеальную цель. Но при этом они часто неосознанно идут к той цели, к которой бы не стали идти, если бы знали, что их дорога ведет туда.

Таким образом, одно дело размышлять об идеалах, и другое - оценивать реальные образцы перемен. Божественное право королей и императоров, священная власть большинства и божественное право рабочих - все это может быть защищено прекрасными аргументами. Точно так же Победоносцев находил самые

возвышенные слова, чтобы восхвалять царское самовластие. Это ничего не добавляет к нашему пониманию последствий различных государственных политик. Спарта не давала гражданства чужестранцам. Рим даровал им это право, пригласив свободных людей к себе в граждане. Как оценить эти меры? Во-первых, их можно оценить с точки зрения предполагаемого равенства всех людей, защиты равных прав и гуманизма. Во-вторых, их можно оценить с позиций экономических, социальных и политических последствий. Это две разные темы, не имеющие между собой ничего общего.

"Справедлив" или "несправедлив" налог? Один возможный подход - отвечать на вопрос в терминах чувств. В таком случае аргументами в дискуссии по этому предмету будут только "дериваты". Еще один возможный подход состоит в том, чтобы отвечать с помощью формальной логики. В таком случае на вопрос можно ответить, только если знать значение терминов "справедливо" и "несправедливо". Меньше 100 лет прошло с тех пор, когда считалось "несправедливым", что налог устанавливает кто-то помимо тех, кто его платит. Фактически веками считалось, что согласие налогоплательщиков необходимо для того, чтобы налог был признан справедливым. Это было установлено палатой общин в Англии и другими аналогичными собраниями. Даже прогрессивные налоги, которые давали возможность забирать деньги у "состоятельных" и давать их "бедным", некоторые из коих жили лучше, чем богатые, считалось "несправедливым". Результатом этих прогрессивных налогов было истощение капитала и др. Сейчас в 1920 году прогрессивные налоги признаны целесообразными и справедливыми. И уже нечего говорить на тему "справедливости", потому что это зависит от значения, которое вкладывается в используемые термины. Но силлогизмы, которые можно использовать, обращаясь к вопросу о справедливости, докажут свою несостоятельность в решении другого вопроса, совсем на иную тему. Какие экономические и социальные последствия будет иметь политика?

Может быть, это "справедливо, похвально, желательно, нравственно, необходимо", чтобы у рабочих была короткая смена и высокая зарплата. Но проблема справедливости отличается от вопроса практичности. Во-первых, практично ли думать, что будет обеспечен реальный, а не номинальный заработок? Во-вторых, каковы могут быть последствия таких мероприятий?

Возможно, такие утверждения шокируют некоторых читателей и покажутся им ересью. Другие будут судить о них так, что устроят необходимость их выражения. Я напомню первой категории читателей, что моя цель - представить исключительно экспериментальное исследование, свободное от привязанностей к вере. Я хочу напомнить второй категории читателей, что очень многие люди, далекие от того, чтобы считать эти утверждения очевидными, думают, что это нелепые аблуждения. Поэтому совсем бесполезно держаться в стороне от этих людей.

Давайте продолжим о других ересях. Определение суммы контрибуций, которые "должна" была выплатить Германия после своего поражения, было законным упражнением - точнее, псевдологическим упражнением - в международной нравственности, равенстве и т.д. Определение суммы контрибуции без использования этого термина, потому что термин мог быть обидным для Вильсона, - это пример использования "дериватов". Но все это не может, пока рассматриваются практические эффекты, заменить усилия по определению того, что Германия "может" заплатить и что "полезно" требовать победителям.

Предсказания делаются с помощью двух операций. Во-первых, наблюдатель изучает возможности. Во-вторых, наблюдатель подсчитывает вероятность различных результатов. Прошлое снабжает нас примерами того, что возможно, или, точнее, экспериментальное наблюдение предполагает, что некоторые вещи логически зависят от наблюдаемых элементов. Похожесть отдельных результатов мо-

жет быть экстраполирована из общего единообразия, наблюдаемого на протяжении определенного времени в различных местах. Эти два исследования должны по названным выше причинам повернуться больше к наименее переменным величинам явлений, чем к сложным событиям (включая выбранные наугад идиосинкретические подробности), с которыми часто имеют дело эмпиристы. Это правильно по одной замечательной причине: бесполезно искать предсказуемые образцы, которых не существует.

На протяжении XIX века многие люди обращались к так называемому историческому методу изучения общественных явлений. Много важных исследований было проведено, чтобы выяснить корни этих явлений. Это обозначило заметный успех в приближении к опыту в сравнении с этическим и метафизическим методами, которые были, да в каком-то смысле и остаются, очень важными. Но мы можем пойти дальше по сравнению с историзмом, используя гениальные методы эксперимента.

Какой-либо институт или социальный факт в данный отрезок времени может быть, хотя это и не обязательно, непосредственным превращением априорного института или социального факта. Однако схема эволюции не представляет собой прямую линию и наличие общих признаков не следует путать с доказательством происхождения одного от другого. Рассматривая птиц и млекопитающих как классы, хищных птиц мы помещаем на позиции, аналогичные позициям зверей. Но даже самый ярый дарвинист не будет утверждать, что звери произошли от хищных птиц. Современные профсоюзы аналогичны средневековым гильдиям. Но если даже некоторые пламенные приверженцы метода социального происхождения однажды рассматривали это как случай непосредственного превращения и осведомлены об экспериментальной методологии, то в итоге и они отказались от предположения о таком происхождении.

Метафизики начинают с абсолютных принципов и пытаются давать объяснения реальности, согласующейся с этими принципами. Ученые и эксперименталисты стараются обнаружить общие черты и образцы, которые также называют абстракциями.

Я упомянул об этом потому, что есть авторы, которые путают экспериментальный метод с метафизикой. Игнорирование этого различия происходит от недостаточного знакомства с экспериментальным методом.

Степень, до которой можно дойти в экспериментальном отвлечении, бесконечна. Любой общий принцип может зависеть от еще более общего и так далее, беспредельно. Но следовать этой логике не всегда можно и не всегда приемлемо для выполнения наших целей. Нужно избегать риска обобщения вне границ сегодняшнего опыта и странствования в воображаемых пространствах. Ньютон справедливо ограничивал себя в размышлениях о гравитационной Вселенной, как справедливо современные инженеры желают дальнейшего прогресса и как будет справедливо для людей будущего отвлекаться от успехов современности. Нужно также заметить, что важно ограничивать область исследования. Последователи Ньютона сослужили хорошую службу тем, что ограничили свои изыскания нахождением выводов из теории гравитации. Их вклад в науку был бы незначителен, если бы они искали только "сущность" земного притяжения. Сходным образом сейчас, кажется, растет интерес к праздной дискуссии о "ценностях" среди некоторых экономистов (если их можно таковыми назвать).

В "Трактате по общей социологии" мы анализировали элементы, называемые "резидуями". Нет сомнения, что этот термин включает бесконечное число широко обозреваемых фактов и что рано или поздно мы откроем еще больше общих фактов. Все можно объяснить таким образом. Было бы вопиющим противоречием, если бы кто-то утверждал в споре, что экспериментальный метод никогда не постигнет

абсолютного знания, и в то же время заявлял, что все явления можно объяснить в терминах открывательских принципов. Я буду теперь говорить только от своего имени, а не от имени других. Давайте посмотрим, какие взгляды можно вывести из широко обозреваемых фактов. Это занятие более утомительное, чем позволять нашему воображению блуждать в бесконечных пространствах вне царства опыта. Как я уже сказал, такой подход ценен, когда он рассматривается с научной точки зрения. Но он не ценен с точки зрения веры, которая побуждает простых людей к действию.

Те, кто утверждает, что научное обоснование менее важно, чем вера, побуждающая к действиям, правы. Я не буду спорить с этим. Они оправданы теорией, которую считают принципиально важной, и могут быть довольны тем, что моя попытка построить логически-экспериментальную теорию находится среди вторых по важности.

Чтобы открыть элементы, относящиеся к вопросу, который мы задаем, давайте поищем другие аналогичные факты. Мы найдем различные факты, рассмотрим разные элементы. Те, кто тщательно наблюдает факты такими, как они сейчас раскрываются, заметят по меньшей мере три очень различные тенденции: 1) ослабление центральной власти и рост анархических сил; 2) быстрое движение внутри цикла демагогической плутократии; 3) трансформацию чувств буржуазии и все еще правящего класса.

Эти три тенденции - предметы следующих эссе.

ГИДДИНГС ФРАНКЛИН ГЕНРИ (GIDDINGS) (родился 23 марта 1855 г. в Коннектикуте, США) - американский социолог, был президентом Американского социологического общества (1908 г.). В 1894 г. первым в США получил должность "полного профессора" социологии в Колумбийском университете. В начале научной карьеры он примыкал по своим взглядам к психологическому эволюционизму, являвшемуся одним из направлений психологической социологии. Общество, по мнению Гиддингса, есть физико-психический организм, особого рода организация, представляющая отчасти продукт бессознательной эволюции, отчасти результат сознательного плана. Анализируя общество, социология должна сочетать изучение субъективно-психологических и объективно-природных факторов. Считаю основополагающим элементом общественной жизни "сознание рода" (коллективное сознание), Гиддингс использует это понятие наряду с термином "социальный разум". В своей концепции существования "социальной структуры" он называет три класса: "жизненные классы", "классы личностей", "социальные классы", а для объяснения эволюции общественной организации использует тезис о развитии социума от "зоогенической ассоциации" к современной "демогенической ассоциации". В поздний период своей деятельности, начиная с 20-х годов, Гиддингс становится одним из самых активных пропагандистов новых концепций позитивизма и статистического метода исследования и оказывает заметное влияние на формирование эмпирической социологии США. При этом изменилась и его трактовка предмета социологии, изучающей "плюралистическое поведение", истолковываемое в бихевиористском смысле - как совокупность реакций индивидов на стимулы среды. Главными произведениями Гиддингса являются: "Основания социологии (Анализ явлений ассоциации и социальной организации)", изданные в русском переводе (Киев-Харьков, 1898), а также "Studies in the theory of human society" (N.Y., 1924). Умер Гиддингс 11 июня 1931 г. в Нью-Йорке.

Ф.Г. Гиддингс ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ АНАЛИЗ ЯВЛЕНИЙ АССОЦИАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Глава первая СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ

Среди той обширной группировки видов животных, которая носит название географического распределения, существует более мелкая группировка их в стаи, рои или стада, а человеческого населения в орды, кланы, племена и нации. Эти естественные группировки сознательных индивидуумов представляют физические основания социальных явлений. Общество в первоначальном значении этого слова является сотовариществом, сообществом, ассоциацией, и все истинно общественные явления - психические по своей природе. Но умственная жизнь в отдельных индивидуумах находится не в более сильной зависимости от физического строения мозга и нервных клеток, чем общественные сношения и общие стремления - от физических группировок населения. Следовательно, вполне соответственно природе вещей обозначать словом "общество" также рассматриваемых коллективно индивидуумов, которые и находятся в сношениях друг с другом и соединяются или организуются ради общих целей. Далее, из этих конкретных идей выводим отвлеченное понятие об обществе как о союзе, об организации - как о сумме формальных отношений, которыми вступившие в ассоциацию индивидуумы связаны друг с другом.

Соединяя в одно эти идеи, мы находим, что наше понятие об обществе получило уже несколько более сложный характер. Но оно было бы все еще недостаточно полным, если бы мы не приняли во внимание взаимную зависимость, существующую между временными и постоянными формами ассоциаций, между мимолетными сообществами и прочными организациями, между свободными соглашениями и требующей повиновения властью, между искусственно образованными союзами и теми саморазвивающимися общинами, племенами и нациями, среди которых происходят более мелкие явления ассоциации.

Для целей политической науки различие между "естественным" и "политическим" обществом представляет существенное значение. Определения этих форм, Данные Бентамом в его "Fragment on Government", в высшей степени метки. "Когда известное число лиц (которых мы можем назвать подданными), - говорит он, - получают привычку оказывать повиновение данному лицу или данному собранию лиц (которых мы можем назвать правителем или правителями), обладающими известным определенным характером, то о такого рода лицах в их совокупности (подданных и правителях) говорится, что они образуют политическое общество". "Когда известное число лиц приобретают привычку к взаимным сношениям и в то же время чужды той привычке, о которой мы только что упоминали, то о них говорится, что они образуют естественное общество". Тем не менее разница заключается только в степени, как доказывает далее Бентам. "С ними происходит то же, что со светом и тьмою: как бы различны ни были идеи, которые при первом упоминании вызываются в нашем уме этими именами, сами предметы в действительности не имеют ясно обозначенных границ, разделяющих их". Раньше или позже, но взаимные сношения сами собою вырабатывают формы управления и повиновения. Ассоциация переходит нечувствительно, постепенно в определенные и постоянные отношения. Организация, со своей стороны, придает устойчивость и определенность социальной группе. Психическая жизнь и ее физическое основание развиваются совместно.

Таким образом, наша идея общества обращается в идею обширного и сложного естественного явления, в понятие о космическом факте, чудесном и чарующем. Мы замечаем, что только в узком смысле этого слова общество представляет простое сообщество, или просто некоторое число индивидуумов, соединившихся для известной цели. В более обширном и в более важном в научном отношении смысле общество представляет естественно развивающуюся группу сознательных существ,

в которой сообщество переходит в определенные отношения, которые с течением времени развиваются в сложную и прочную организацию.

Точное знание общества, понятого именно в этом смысле, составляет одно из позднейших наших приобретений. За исключением тайны самой жизни, ничто другое в природе, кроме общества, не оказывало такого глубокого впечатления на человеческое воображение, и за исключением самой жизни, ничто другое не доставляло так много почвы для свободной игры воображения. Ни один образ не казался слишком фантастическим, ни одно умозрение слишком мистическим, ни одно верование слишком нелепым, чтобы не послужить основанием для описания и объяснения общества.

Зачатки научного наблюдения и классификации социальных явлений и истинного обобщения их сохранились для нас в "Республике" и "Законах" Платона и в "Политике" Аристотеля, но они представляют только зачатки. В этих произведениях, впрочем, общество исследуется в своем целом, как организованное в общину или государство, между тем как во времена Римской империи, в средние века и в эпоху Возрождения все научные исследования социальных явлений отличались отрывочным характером. Одни касались экономической стороны вопроса, другие юридической, третьи - церковной, четвертые - политической. Никто не делал попытки описать ассоциацию и социальную организацию в их полном виде; никто не пробовал понять конкретное, жизненное целое. Только в настоящем столетии к разрешению этой более обширной задачи были впервые систематически приложены научные методы, которые немедленно принесли богатые плоды в виде существенных вкладов в сумму истин. Теперь мы обладаем быстро увеличивающимся запасом проверенного и подвергнутого обсуждению знаний социальных отношений и имеем, наконец, основание говорить, что создана уже социология, которая может быть определена как систематическое описание и объяснение общества, рассматриваемого в его целом. Это - общая наука о социальных явлениях.

Слово "социология" было впервые употреблено Огюстом Контом в его "Cours de philosophie positive" для обозначения обширной социальной науки, рассматриваемой как часть позитивной, подлежащей проверке философии, и Конт первый высказал значение, представляемое отделением элементов таковой науки от чуждых ей материалов, идей и методов; он же первый соединил в одно понятие все действительно необходимые элементы. Платон и Аристотель не отделяли ни политики от этики, ни науки политики от искусства политики. Обсуждение в XVIII в. - вопросов политической науки привело к самому бесплодному смешению ее с революционным духом. Ни Гоббс, ни Монтескье, ни экономисты не изучали общества во всех его проявлениях и несмотря на влияние Юма, которому Конт обязан всем, что есть истинного в его понятиях о причинности, объяснения социальных явлений носили по-прежнему в значительной степени теологический и метафизический характер.

Следовательно, Конт первый обратил свет рационалистического исследования на этот хаос. Он утверждал, что общество должно быть рассматриваемо как неделимое и ограниченное целое, и вследствие этого старался основать науку социальных явлений в их связной полноте, науку положительную по своим методам, опирающуюся на обширное наблюдение явлений и в качестве науки отделенную раз навсегда от политического искусства и революционных целей. Следовательно, социология, как он ее понимал, должна была быть тождественной с социальной физикой, потому что задача социологии должна заключаться в том, чтобы открыть природу, естественные причины и естественные законы общества и чтобы изгнать из истории политической экономии и политики всякого рода обращение к метафизическому и сверхъестественному, подобно тому, как оно было изгнано из астрономии и химии. Конт думал, что, следуя позитивному методу, социология

может сделаться до некоторой степени наукой предвидения, предсказывающей ход прогресса.

Со времени Конта социология разрабатывалась главным образом людьми, которые почувствовали всю силу импульса, произведшего глубокий переворот в научном мышлении на все будущие времена. Эволюционное объяснение естественного мира проложило себе путь во все отрасли знания. Закон естественного отбора и понятие о жизни как о процессе приспособления организма к окружающей его среде лежат в основе современной биологии и психологии. Эволюционная философия должна была неизбежно расширяться, чтобы охватить социальные явления человеческой жизни. Наука, проследившая жизнь от протоплазмы до человека, не могла остановиться на объяснениях его внутреннего строения. Она должна была ознакомиться и с его разнообразными внешними отношениями, с этническими группами, с естественными обществами людей и с обнаруживающимися в них явлениями и исследовать, насколько все это продукт всемирной эволюции. Поэтому, как в ранних трудах Герберта Спенсера, так и в сочинениях Дарвина и профессора Геккеля, мы находим указания на эволюционное исследование социальных отношений. Эти намеки не представляли еще сами по себе социологии. Для создания социологии требовались другие факты, вытекавшие непосредственно путем индукции из социальных явлений. Но такого рода намеков было достаточно, чтобы указать, где следует искать основные положения новой науки, чтобы открыть некоторые из ее основных понятий, чтобы доказать, что социолог должен быть не только историком, экономистом и статистиком, но и биологом и психологом. Следовательно, современная социология образовалась на эволюционных началах и благодаря трудам эволюционных мыслителей. Она представляет истолкование человеческого общества в выражениях естественной причинности. Она отказывается рассматривать человечество как нечто, стоящее вне космического процесса, подчиненное собственному закону. Социология является попыткой объяснить происхождение, развитие, строение и деятельность общества действием физических, жизненных и психических причин, работающих совместно в процессе эволюции.

Вряд ли нужно говорить, что наиболее важная попытка этого рода сделана Спенсером в его "Синтетической философии". В этом великом произведении основания социологии выведены из оснований психологии и биологии. Социальное развитие рассматривается как надорганическая эволюция. Это процесс, в котором все органические и психические явления человеческой жизни соединяются в более широкие формы запутанной, но правильной сложности. Понятие Спенсера об обществе как об органическом целом более определено, чем у Конта. С точки зрения Спенсера, общество представляет организм, организм действительный, а не существующий только в виде фантастической аналогии, как в "Левиафане" Гоббса, организм не только нравственный, но и физиологический, потому что в строении его замечается разделение труда, распространяющееся от отдельных индивидуумов на группы и организации индивидуумов. Существует система питания, составленная из промышленных групп, система распределения, составленная из разных отраслей торговой деятельности, и регулирующая система, составленная из политических и религиозных агентов. Спенсер прилагает немало усилий, чтобы показать, что этический прогресс и счастье человечества обусловлены этой функциональной организацией общества, но он не развивает в желательной полноте мысль Платона, который находил в социальном разделении труда основание и истинный тип этической жизни и подготовил таким образом путь для понятия об обществе как о средстве совершенствования человеческой личности.

Если Спенсер обнаруживает некоторые недостатки в этом отношении, то он мало оставляет желать лучшего относительно той замечательной определенности, какую

он обнаруживает, связывая социальную организацию с мировым физическим процессом. Большинство писателей, подвергавших критике социологические учения Спенсера, не обратили должного внимания на основные начала, из которых он выводит свои заключения. Они искали его социологическую систему в тех его книгах, которые носят социологические заглавия, между тем как на самом деле основные теоремы его социологической мысли рассеяны во второй половине его сочинения, озаглавленного "Основные начала", и для сведения их в одно целое требуют некоторого труда со стороны читателя. Взятые совместно, эти теоремы составляют истолкование социальных перемен посредством тех законов постоянства силы, направления и ритма движения, интеграции материи и дифференциации формы, которые в их совокупности образуют хорошо известную спенсеровскую формулу всемирной эволюции. Общество, подобно материальному миру и живому организму, подвергается интеграции и дифференциации. Оно переходит от однородности и неопределенности неорганизованного состояния к разнородности и определенности организации. Конечной причиной всех этих перемен является всемирное равновесие энергии. Конт употребляет выражение "социальная статика" в чисто риторическом смысле, обозначая им социальный порядок, а выражение "социальная динамика" служит у него для обозначения прогресса. Спенсер, поступая более научным образом, считает нужным точно определять физические понятия. Социальная статика представляет, с его точки зрения, исследование социальных сил, состоящих в равновесии. Полное равновесие никогда не достигается на деле благодаря нарушающим его изменениям, которые, в свою очередь, являются последствием уравнивания энергии между обществом и окружающей его средой. В действительности же, впрочем, статические и кинетические стремления сами собой уравниваются и в результате в обществе, как и в солнечной системе и живом существе, получается неустойчивое равновесие.

Все это представляет, очевидно, физическое объяснение социальных форм и метаморфоз, и спенсеровская социология, кем бы она ни формулировалась. Спенсером или другими писателями под влиянием его мысли, является в значительной степени физической философией общества несмотря на щедрое пользование ею биологическими и психологическими данными.

Тем не менее подобного рода физическое истолкование не исчерпывает всей эволюционной социологии. Потому что социология не только настаивает на признании единства, лежащего в основании всех различных фаз общества, исследуемых специальными социальными науками, но и настаивает на том, что одна основная логика служит краеугольным камнем как для объективного или физического, так и для субъективного или волевого объяснения социальных явлений. Эти два объяснения ведут непрестанную борьбу друг с другом в экономической и политической философии в течение многих столетий. Сначала Аристотель в своей "Политике", а затем Воден, Монтескье и физиократы разрабатывали объективное истолкование их с помощью данных о расе, почве, климате, наследственности и исторических условиях. Напротив того, Гоббс, Греции, Локк, Юм, Бентам, Беркли, Кант и Гегель трудились над субъективным их истолкованием с помощью понятий о человеческой природе, пользе, этических императивах и идеалах. Но оба эти объяснения никогда не были поставлены лицом к лицу. Разграничения между ними, которые никогда не нарушались попытками исследовать единство самого общества, точно также никогда не нарушались какой-либо действительно научной попыткой достигнуть единства истолкования. В действительности ближе всех подошел к такому единству, почти бессознательно Борк в своих несравненных политических произведениях. Только в систематической социологии мы находим ясное признание как волевой, так и физической социальной эволюции и сознательное стремление к разрешению задачи их научного примирения.

Подобно тому как объективное истолкование, весьма мало обработанное в философии Конта, подверглось быстрому развитию у последующих мыслителей и субъективное истолкование разделило его судьбу, хотя, к несчастью, далеко не в такой сильной степени. Конт верил, что научно образованные государственные люди могут реорганизовать общество, руководить его прогрессом. В спенсеровской философии эта идея получила отчасти отрицательный характер. Государственный деятель не может изучить общество своим искусством, он может только бесконечно ухудшить его. В сочинениях Лестера Ф. Уорда мысль эта получила вновь вполне положительный характер. Общество может превратить естественный прогресс эволюции в искусственный процесс. Оно может по своей воле создать собственную судьбу. Оно может сделаться телеологически прогрессивным. В превосходных трудах Лилиенфельда, д-ра А. Шеффле и профессора Гийома де Греефа, выработавших чисто натуралистические привычки мышления, между тем как сочинения их заключают в себе терпеливое исследование требований социализма, мы видим также полное признание социальной воли. Наконец, в критическом опыте Альфреда и Фуллье мы находим подробный обзор исторических отношений идеализма и реализма в социальной философии и блестящую попытку доказать тождество физических и волевых явлений, которые, по мнению Фуллье, представляют фазисы процесса эволюции, обусловленного действием идей сил (*ideesforces*).

Однако, внимательно изучивши эти обширные сочинения, мы увидим, что их объяснение общества путем волевого процесса не было разработано с той научной точностью, которая характеризует их объяснение в терминах физического закона. На самом деле метод, которому следовали некоторые из наиболее выдающихся истолкователей социологии, заключает в себе важную ошибку, вызвавшую незаслуженные недоверие и неуважение к их науке. Объективное истолкование, сведенное к простейшим выражениям в формуле физической эволюции, проводилось систематически, но субъективное истолкование не проводилось подобным же образом через весь ряд социальных явлений. Еще менее было оно сведено к выражениям единичного мотива или принципа, характеризующего сознательный индивидуум как социальное существо и определяющее все его социальные отношения, насколько они создаются волей. Вместо того чтобы пытаться найти такой принцип, вывести из него все его последствия и организовать вокруг него обуславливающие его мотивы или обстоятельства, которые должны были бы приниматься в расчет, сделана была утомительная попытка перечислить все мотивы, побуждающие человека вступать в те или иные разнообразные отношения и удовлетворять все свои потребности, как будто бы все мотивы представляли одинаковое значение для социологии. В результате получилось не то проверенное разумом знание, которое составляет науку.

Этот метод замечателен по двум причинам. Он противоположен тому, которым с таким успехом пользовались при физическом истолковании общества. Он противоположен и тому, который так удачно применялся при субъективном истолковании в области политики, и особенно в области политической экономии. Политическая экономия создает свое учение не на основании группировки фактов, а путем отвлечения, абстракции. Усвоивши форму чистой теории полезности, наука политической экономии достигла в недавнее время значительного развития. Чисто отвлеченный анализ, начатый Курно, Джевонсом и профессором Леоном Вальрасом и разработанный дальше австрийскими и американскими экономистами, показал, что явления экономического мотива и выбора, а следовательно, и экономические деятельности и отношения, определяемые выбором, могут быть формулированы не только научным, качественным образом, но и математически. Социолог может надеяться достигнуть научной точности только в том случае, если он будет

следовать этому знаменательному примеру, доказывающему все значение последовательного метода.

Следовательно, нельзя не признать, что много важного уже сделано в области социологии и открыто для научной критики, высказанной против нее лицами, которые не верят в возможность существования общей науки об обществе. Социология, с точки зрения этих лиц, поставила себе задачу объяснить общество как целое и потерпела неудачу в деле достижения единства метода. Получилось впечатление, что социальная наука всеобъемлющая, но не связанная, что она может описать общество в целом только путем перечисления его частей и что она должна неизбежно потерпеть неудачу, пытаясь доказать существование провозглашенного ею единства, лежащего в его основании.

Можно было бы думать, что социология, ввиду этой критики, передаст все субъективные объяснения другим наукам и ограничится разработкой объективного объяснения. Но это значило бы отказаться всецело от всякого притязания на единство социальных явлений. Волевой процесс представляет очевидно существенное значение. Если нет единства здесь, то его нет и нигде в обществе; видимое единство представляет обстоятельство, покоящееся на физическом основании. Одним словом, истинная социология должна соединять субъективное и объективное истолкования. Она должна свести каждое из них до его простейших выражений и начертать в связанном виде основные принципы каждого из них через всякого рода социальные отношения. Затем она должна соединять их не просто искусственным путем, а логически, в виде дополнительных доктрин, и показать, как они на каждом шагу обуславливают друг друга.

Если даровитым социологам не удалось исполнить этой трудной задачи, то это вовсе не дает повода осуждать саму социологию. Социология может быть свергнута со своего пьедестала только в том случае, если ее критики докажут, что она не может быть построена согласно с чисто научными требованиями или что она не выказывает стремления развиваться на строго научных основаниях. Для людей науки доказательство от невозможного само по себе невозможно, так что его можно смело отстранить без дальнейшего рассмотрения. Современное направление социологии - отыскать единство для субъективного истолкования - выражается самым ясным образом в произведениях ее более молодых ученых. Они везде останавливаются над вопросом, какая черта характеризует данное явление как социальное, и тем отличают его от всякого рода других явлений. Как только на этот вопрос будет дан ответ, социологический постулат может считаться открытым, потому что характеристика является всегда исходной точкой процесса. А раз мы найдем общую характеристику и основной процесс, мы найдем и основание для истолкования.

Политико-экономическая мысль ответственна не в малой степени за сделавшееся столь популярным представление, что взаимопомощь и разделение труда - отличительные признаки общества. Однако на деле оказывается, что взаимопомощь и разделение труда встречаются как среди клеток и органов живых организмов, так и среди членов общества, между тем как в социальных сношениях не замечается часто и следа кооперации. Пока ошибочное мнение, будто социальные различия (*differentia*) могут быть открыты в органических и экономических явлениях, не потеряло доверия научных умов, наука стояла на точке замерзания, не двигалась вперед. Это мнение рушится в настоящее время благодаря попыткам нескольких талантливых исследователей глубже проникнуть в задачу. Профессор Людвиг Гумплович пытался доказать, что истинными элементарными социальными явлениями представляются столкновения, слияния и ассимиляции разнородных этнических групп. Новиков, обобщая дальше эту мысль, утверждает, что социальная эволюция в ее сущности представляет прогрессивное видоизменение

столкновения путем союза, причем во время этого видоизменения само столкновение превращается из физической борьбы в интеллектуальную. Профессор де Грееф, рассматривая этот вопрос совсем другим способом, находит характеризующий социальное явление признак в договоре и измеряет социальный прогресс тем, насколько принудительная власть заменена сознательным соглашением. Габриель Тард в своих оригинальных и увлекательных сочинениях, оставивших такой прочный след как в психологической, так и в социологической мысли, доказывает, что первичное социальное явление заключается в подражании -явлению, предшествовавшем всякой взаимопомощи, всякому разделению труда и договору. Профессор Эмиль Дюркгейм, не разделяя заключений Тарда, старается доказать, что характеристичный для социального прогресса признак, а следовательно, первичное социальное явление, заключается в принудительном действии на каждый отдельный индивидуальный ум разных видов действия, мысли и чувства, внешних по отношению к нему.

Из всех этих писателей Тард и профессор Дюркгейм бесспорно действовали с наибольшим успехом, так как им почти удалось различить существенный характер социального явления и определить первичное основание социологии. Они не сумели понять друг друга, но для беспристрастного читателя их произведений совершенно ясно, что они сходно смотрят на различные явления, которые по меньшей мере самым тесным образом связаны друг с другом: профессор Дюркгейм ~ на впечатление, производимое многими умами на единичный ум, а Тард - на подражательное действие многих в ответ на вдохновляющую изобретательность одного. Если эти явления не представляются абсолютно оригинальными или основными в общественных отношениях, то они во всяком случае близко подходят к этому. Быть может, истинность этого положения с большей очевидностью выступает вперед в деле подражания. Разного рода явления, как доказывает Тард, могут быть познаваемы только потому, что они повторяются. В физике мы изучаем повторение в формах колебания или вибрации; в биологии - в форме наследственности или передачи жизни и характеристических признаков от клеточки к клеточке; в социологии - в форме подражания или передачи импульса, чувства и идеи от индивидуума к индивидууму, от группы к группе и от поколения к поколению. Тем не менее есть основательная причина отвергнуть конечные обобщения как Тарда, так и профессора Дюркгейма. Никто из них не определил ясно социального факта, как ни близко подошел каждый из них к этой цели. Их формулы слишком многообъемлющи. Один ум или несколько умов могут производить впечатление на другой без того, чтобы это впечатление переходило или могло перейти в ассоциацию. Может существовать подражание, в котором не заключается никакого зародыша общества. Змея производит впечатление на испуганную птицу, наводя на нее парализующий страх, и затем приносит ей быструю смерть. Американский дрозд подражает крику реполова, не имея при этом в виду никаких социальных намерений или результатов. Отсюда следует, что элементарное социальное явление, хотя и находилось несомненно в тесной связи как с впечатлением, так и с подражанием, не составляет само по себе ни подражания, ни впечатления. Мы должны искать его в каком-либо явлении, которое представлялось бы существующим только в предполагаемом нами и нигде больше.

Теперь мы, как нам кажется, выяснили достаточно ясно цель и научный характер социологии как при ее возникновении, так и в наше время. Это наука, пытающаяся представить себе общество во всей его целостности и старающаяся объяснить его с помощью космических причин и космического закона. Для того чтобы дать такого рода объяснение, социология должна выработать субъективное истолкование какого-либо факта сознания или мотива и объективное истолкование какого-либо физического процесса. Эти два истолкования должны быть совместимы друг с

другом и находиться в связи. Следует показать, что субъективный процесс и объективный неразделимы и обуславливаются во все времена друг другом.

Каков бы ни был в будущем прогресс физических наук, сделавших такой громадный шаг вперед в заканчивающемся теперь столетии, верно одно: работа, уже произведенная в области социальных наук, представляет не более, как обещание тех новых результатов, которые следует еще достигнуть. Социология, приходится сознаться, представляется как бы совокупностью научных фактов, которые мы надеемся получить в будущем, но осуществление ее логической возможности по крайней мере несколько ближе к нам теперь, чем в то время, когда Спенсер писал свою действующую возбуждающим образом главу "Она нам нужна". И в самом деле, есть все основания верить, что наступило время, когда ее основания, точным образом сформулированные и тщательно проверенные, могут быть организованы в связную теорию.

Нам незачем выжидать появления какого-либо нового принципа объективного истолкования. Физический процесс, как в обществе, так и в мире звезд, представляет собой правильный процесс эволюции, совершающийся с помощью уравновешения энергии. Но много надо трудиться, прежде чем мы поймем вполне разветвления этого процесса через все разнообразные виды наших человеческих отношений.

Но для субъективного истолкования необходимо, как мы уже знаем, исходить из той новой точки зрения, которая безуспешно отыскивалась до недавнего времени, но которая не может долгие остаться незамеченной ввиду сузившейся сферы исследования.

С этого времени социология должна смело идти вперед подобно тому, как это должно делать и человечество, которое, по мнению Спенсера, испробовало уже все ложные пути и потому должно идти по истинному. Так как договор и союз, очевидно, более специальные явления, чем ассоциация или общество, а подражание и впечатление, очевидно, явления более общие, то мы должны искать психический мотив или основания общества в таком явлении, которое представлялось бы промежуточным между ними, посредствующим. Следовательно, социологическим постулатом может быть только следующий: оригинальным и элементарным явлением в обществе представляется сознание рода (the consciousness of kind). Под этим выражением я подразумеваю то состояние сознания, при котором каждое существо, какое бы высокое или низкое положение ни занимало оно в жизни, признает другое сознательное существо принадлежащим к одному роду с собой. Такого рода сознание может быть следствием впечатления и подражания, но оно не единственное вызываемое ими следствие. Оно может вызвать договор и спор, но может также точно обусловить и другое явление. Поэтому оно менее общо, чем впечатление и подражание, которые более общи, чем ассоциация. Оно более общо, чем договор и союз, которые, в свою очередь, менее общи, чем ассоциация. Оно различными путями действует на поведение, и всякого рода поведение, которое мы можем вполне основательно называть социальным, определяется ими. Одним словом, оно выполняет социологическое требование; оно существует только в предполагаемом обществе и нигде больше.

В своем наиболее широком распространении сознание рода отличает одушевленное от неодушевленного. Внутри обширного класса одушевленных оно отличает, далее, различные роды и расы. В пределах рас сознание рода лежит в основании более определенных этнических и политических группировок, служит основой для различий между классами, для бесчисленных форм союза, для правил сношения и для особенностей управления. Наше поведение относительно лиц, в которых мы чувствуем подобие себе, совершенно основательно отличается

(инстинктивно) от нашего поведения относительно других, которых мы считаем менее похожими на нас.

Прибавим еще, что только сознание рода, и только оно, отличает социальное поведение как таковое от чисто экономического, чисто политического или чисто религиозного поведения, потому что именно сознание рода в действительной жизни постоянно нарушает действие экономического, политического или религиозного мотива, которое, по теории, должно протекать совершенно правильно. Рабочий, который, преследуя свой экономический интерес, желал бы всегда получать возможно более высокую заработную плату, предпочитает присоединиться к стачке, которую он не понимает или которую не одобряет, скорее, чем отделиться от товарищей и сделаться отверженным. По той же причине и фабрикант, сомневающийся, чтобы протекционная система могла приносить выгоды его собственной промышленности, платит свой взнос в фонд для компании в защиту протекционизма. Землевладелец Юга, веруя в дело союза, соединяет тем не менее свою судьбу с судьбой конфедерации, если чувствует себя в целом гражданином Юга и чуждым народу Севера. Веротерпимость была установлена людьми, которые не способны были больше принимать традиционные толкования, но желали от Души поддержать ассоциации, расторжение которых могло бы сопровождаться тягостными последствиями.

Одним словом, вокруг сознания рода, как вокруг определяющего принципа, организуются все другие мотивы в эволюции социального выбора, социальной^В или социальной политики. Следовательно, проследить действие сознания рода через все фазы обнаружения его в обществе значит выработать полное субъективное истолкование общества.

Таковы объективный и субъективный постулаты социологии. Они соответствуют конечным видам внешней силы и внутреннего мотива, побуждения, которые бесконечным образом влияют и действуют друг на друга в социальной эволюции. Теория их взаимодействий, формулирование и доказательство которой составляет задачу социологии, должна обязательно остаться на долгое время несовершенной во многих своих подробностях, но в общих очертаниях она, смею думать, должна принять приблизительно следующую форму. Социальные агрегаты образуются прежде всего внешними условиями, каковы: запас пищи, температура и соприкосновение или столкновение отдельных индивидуумов или групп их; ввиду разлагающего действия всякого рода случайных сил можно принять за правило, что агрегат образуется преимущественно из сходных особей. До сих пор действует физическая причина.

Но теперь внутри агрегации, среди подобных индивидуумов проявляется сознание рода, которое развивается в ассоциацию. Ассоциация, в свою очередь, начинает реагировать благоприятно на удовольствия и на положение в жизни индивидуумов. Индивидуумы начинают замечать это явление, и волевой процесс возникает. Затем соединенные в ассоциацию индивидуумы обдуманно стараются расширить и усовершенствовать свои общественные отношения. Следовательно, индивидуальный и социальный выбор обращается в важный социальный фактор, производящий те или иные последствия. Среди множества социальных отношений и деятельностей, которые либо устанавливаются случайно, либо подвергаются испытанию, либо приходят на мысль, некоторые представляются сознанию приятными и желательными, другие возбуждают неприязненное чувство. Вступившие в ассоциацию индивидуумы выбирают между ними, стараясь укрепить и увековечить некоторые отношения и прекратить другие. В течение всего этого процесса ассоциация, социальный выбор и социальная воля определяются сознанием рода.

Но теперь выступает вновь на сцену физический процесс. Выборы приводят к разным последствиям. В общем, принимая во внимание и влияние, оказываемое

ими на силу, развитие и благосостояние общины, выборы могут быть невежественными, безумными и вредными или просвещенными, мудрыми и благотворными. Здесь, следовательно, открывается почти безграничное поле для действия естественного отбора. Во время борьбы за существование выборы, как и отдельные индивидуумы, могут переживать или нет. Выборы и вытекающие из них деятельности и отношения, которые оказывают в целом пагубное действие, прекращаются или вследствие подчинения или истребления индивидуумов или вследствие исчезновения целых обществ.

Таким образом, цикл социальной причинности начинается и заканчивается физическим процессом. Между началом и завершением его действует волевой процесс искусственного отбора или сознательного выбора, определяемого сознанием рода. Но это не есть вовсе замена естественного процесса искусственным, как утверждает Уорд. Это просто грандиозное увеличение количества изменений, на которые действует окончательно естественный отбор.

Следовательно, социологу представляются для исследования три главных пункта. Во-первых, он должен пытаться открыть условия, определяющие простой агрегат или сообщество. Во-вторых, он должен стараться открыть закон, управляющий социальными выборами, иначе сказать, закон субъективного процесса. В-третьих, он должен стараться открыть также закон, управляющий естественным отбором и переживанием выборов, т.е. закон объективного процесса.

Глава вторая ОБЛАСТЬ СОЦИОЛОГИИ

Такова социологическая идея; ее более совершенное, полное развитие в науку зависит преимущественно от присущей ей истины. Впрочем, некоторые ограничивающие ее условия налагаются разделением труда, установленным уже во всяком научном исследовании. Живая наука, привлекающая к себе практических исследователей, должна быть несколько больше или несколько меньше, чем органическая часть системы знания, подвергающейся исследованию философа. Конт изобрел слово "социология" и построил социологическую теорию, потому что он чувствовал, что "philosophic positiv" (позитивная философия) представляла бы лишь жалкий обрывок, если бы он оставил ее без науки о человеке, служащей дополнением биологии. Спенсер, пользуясь результатами, которые добыты вторым наиболее блестящим полустолетием открытий, принял это наименование и переработал учение Конта, так как он пришел к убеждению, что полное исследование о всемирной эволюции должно объяснить происхождение и строение человеческих обществ не в меньшей степени, чем происхождение видов и туманностей. Но теперь возбуждается вопрос: какая часть этого учения входит в состав какой-либо одной науки. Социальная философия таких размеров, как контовская или спенсеровская, должна прежде всего ограничить свою область исследования определением своих отношений к другим отраслям знания, и прежде всего к психологии, а затем к тем более специальным наукам, которые разделили между собой терпеливое и плодотворное изучение немалой части доступных наблюдению социальных явлений. Мы не имеем права утверждать без дальнейшего рассмотрения, что естественное истолкование общества не есть часть систематической психологии или что оно составляет функцию единой, всеобъемлющей социологии. Психологи представили многие из наиболее ценных социологических исследований, а отдельные социальные науки не были вполне лишены позитивного характера.

Если мы станем на точку зрения субъективного истолкования социальных явлений, то нам будет очень легко определить область социологии. Очевидным выводом из первичного принципа или основания, установленного в предыдущей главе, будет тот, что хотя социология и входит и область психологии, но она в то же время резко различается от нее. Психология изучает происхождение различных состояний сознания. Социология изучает явления, вытекающие из одного состояния, в частности, из

сознания рода. Подобным же образом и подчинение отдельных социальных наук социологии составляет другой необходимый вывод из нашего первичного принципа. Сознание рода подвергается интеграции и дифференциации. Иногда его дифференцированные формы сталкиваются друг с другом или с родственной им формой. Они представляются тогда часто мотивами, побуждениями, которые вполне отличны от сознания рода, хотя в действительности исходят из него. Далее, в этом измененном виде они могут комбинироваться, соединяться с мотивами, возникшими из прямого отношения индивидуума к физической природе или из его сознания отделенности в качестве индивидуума от всякого рода родственных ему существ. Хорошей иллюстрацией этого может служить экономический мотив: желание богатства исходит из физических потребностей, но оно в то же время значительно усиливается под влиянием сознания рода, проявляющегося в виде могущественного желания соревноваться с равными существами, производить на них впечатление или повелевать ими. Эти сложные мотивы или побуждения, в которых сознание рода является как действительный, хотя, быть может, видоизмененный и замаскированный элемент, служат постулатами для специальных социальных наук, например, для политической экономии и для науки о государстве, вследствие этого специальные социальные науки подчинены социологии.

Но все это заключения а priori. Соответствуют ли они тем отличиям, которые уже установлены научным опытом? Притязание, заявляемое социологией, на звание главной науки об обществе достаточно важно, чтобы оправдать терпеливое рассмотрение этого вопроса. Мы испробуем справедливость этих априорных заключений, рассмотрев действительные дифференциации научной мысли в наше время.

Прежде всего необходимо рассмотреть отношение социологии к психологии. Чем бы еще другим ни было общество, но оно представляет явление сознательной ассоциации, и область социологии не может считаться точно разграниченной, пока мы не знаем, существует ли в природе вещей, истолковываемых с помощью психологии, какое-либо основание классифицировать явления общества отдельно от явлений индивидуумов.

Согласно общепринятым взглядам, биология и психология представляют науки о жизни, подчиняющейся влиянию окружающей среды. В биологии мы изучаем приспособление физических изменений в организме к внешним отношениям, которые сравнительно малочисленны, просты и постоянны. В психологии мы изучаем приспособление сознательных изменений в организме к внешним отношениям, протяженным во времени и пространстве и представляющим величайшую сложность.

Те из сознательных изменений, которые мы называем социальными, очевидно, более сложны и специальны, чем некоторые другие. Быть может, вначале, при первом пробуждении сознания, среда восприятия будет физической и органической, но не социальной. Во все времена, конечно, значительная часть внешнего мира, к которому сознание должно приспособиться, - физическая и органическая скорее, чем социальная. Более того: между тем как социальные условия сложны и изменчивы, физические сравнительно просты и постоянны; они также всеобщы. С помощью именно соприкосновения с ними и устанавливаются постоянные ассоциации идей и разум доходит до познания космического закона.

Следовательно, психология - безразлично, заключает ли она в себе изучение социальных отношений или нет - занимается несомненно происхождением и комбинациями элементов разума. Как ощущения смешиваются с восприятием, как восприятия комбинируются в воображении и мысли, как мысль, чувство и импульс сочетаются в том удивительном сложном явлении, которое называется инди-

видуальным самосознанием, так и все эти задачи представляются на исследование психологии и, если возможно, на ее разрешение.

Но явления сознательной ассоциации не прекращаются с появлением индивидуального ума. Они тогда - только зарождаются. Индивидуальные умы в качестве отдельных единиц входят в состав той громадной более обширной и сложной ассоциации животного с животным, человека с человеком и группы с группой, которая создает различные отношения социальной жизни.

Естественная демаркационная линия, сопротивляющаяся в этом случае, так же очевидна, как и та, которая отделяет психологические явления от биологических. Вполне законно образовывать из психологии науку, отдельную от биологии; не менее законно отделять социологию от психологии, ограничив психологию изучением явлений индивидуального ума и предоставив социологии исследование более специальных и сложных явлений умов, вступивших в ассоциацию друг с другом. Раз это будет сделано, психология как наука, разрабатывающая явления более общие, чем явления общества, должна считаться наукой, предшествовавшей социологии. Психология - наука ассоциации идей. Социология - наука ассоциации умов.

Эта дифференциация получает более определенный характер благодаря дальнейшим соображениям. Ассоциация умов создает внешние формы и отношения. Умы реагируют на свои собственные виды ассоциаций, а ассоциация, характеризующаяся таким образом определенными видами и приспособлениями к организованным формам, образует для каждого отдельного индивидуума окружающую социальную среду, занимающую место между сознанием и внешней природой. Далее, непосредственное приращивание, приращивание умственной жизни составляет особенность общества. Приращивание же к внешнему, более широкому миру производится через посредство общества. Общество обращается, одним словом, в специальную и наиболее важную часть "внешних состояний" (outward states).

Более быстро и более полно, чем какая-либо другая часть окружающей среды, происходят благоприятные "внутренние состояния" в индивидуумах, вступивших в ассоциацию. Они создают симпатию и нравственную природу, способность к наслаждению и силу отвлеченной мысли и речи. Эти силы ума, в свою очередь, реагируют на общество, сознавая, что их общественные отношения составляют наиболее важные для них средства защиты, помощи, наслаждения и развития; индивидуумы стараются сохранить и усовершенствовать их. Общество делается сознательно любимым явлением и становится все в большей и большей степени продуктом сознательного намерения, плана. Из мыслей и чувств возникают те формы ассоциации, которые составлены преднамеренно, с заранее намеченной целью. Следовательно, социальные деятельности и отношения становятся все в большей и большей степени внешними продуктами внутренних состояний.

Здесь коренится более глубокая причина тех обширных различий, того резкого разграничения, которое в видах облегчения научного исследования и, следовательно, для лучшей классификации наук должно соблюдаться между изучением сознательного явления собственно психологического и сознательного явления собственно социологического. Как в биологии, так и в психологии явления, совершающиеся внутри организма, рассматриваются как следствия, а отношения к окружающей среде - как причины. Что же касается социальных явлений, то относительно них установлено, что деятельности внутри организма должны считаться причинами. Они создали удивительно сложное строение внешних отношений и связей и даже видоизменили фауну и флору и поверхность земли в окружающей среде. Прогрессивное приспособление между внешними и внутренними отношениями сделалось взаимным.

Таким образом психология есть наука об элементах и происхождении умственных явлений, насколько они определяются физическими и органическими отношениями.

Социология есть наука об умственных явлениях в их наиболее обширных осложнениях и реакциях и об искусственной эволюции социальной среды, благодаря которой приспособление жизни к окружающим условиям становится взаимным.

Следовательно, в своих философских отношениях биология, психология и социология - науки, соответствующие известной градации явлений. Биология есть общая наука о жизни, но она передает в ведение психологии изучение более обширных приспособлений организма в пространстве и времени посредством эволюции разума. Психология есть общая наука об уме, душе, но, в свою очередь, она передает в ведение социологии изучение взаимодействия умов и взаимного приспособления жизни и окружающей ее среды через эволюцию социальной среды.

Рассматривая теперь отношение социологии к специальным социальным наукам, необходимо не упускать из виду одно весьма тонкое различие, которое, быть может, по причине своей тонкости часто оставлялось без внимания. Явления могут описываться или как дифференцировавшиеся от явлений более общих, чем они сами, или как дифференциация самих общих явлений. В первом случае изменение заходит так далеко, что несходство производного явления с родовым явлением делается более заметным, чем сходство. Во втором случае дифференциация действительно происходит, но не доходит до крайних изменений. Сходство остается более заметным, чем несходство. Следовательно, можно сказать, что психологические явления дифференцированы из биологических явлений, но что физиологические и морфологические процессы - дифференциации биологического процесса. Подобным же образом мы должны рассматривать социологические явления как дифференцировавшиеся из психологических явлений, а эмоциональные и умственные процессы мы должны считать простыми дифференциациями психологического процесса вообще. Наконец, экономические, политические и культурные явления представляют лишь дифференциации социальных явлений; они не настолько отличаются от более общих фаз ассоциации, чтобы их можно было считать дифференцировавшимися из социальных явлений.

Теперь раз один класс явлений дифференцируется из другого класса, то вряд ли у кого явится желание оспаривать основательность отнесения обоих классов к различным наукам. Биологию и психологию, психологию и социологию легко разграничить. Но при распределении между различными специальными науками явлений, представляющих простые дифференциации общего процесса, возбуждается немедленно вопрос, остается ли что-нибудь от общей науки или, в случае если специальные науки развились первыми, есть ли возможность создать общую науку о всех явлениях в их совокупности.

Этот вопрос приводил в сильное смущение социологов. Он ставит перед ними всю задачу об отношении социологии к специальным социальным наукам и выражает недоверие к лицам, которые не признают необходимость или даже возможность какой-либо социологии, кроме той, которая основывается на социальных науках в их совокупности. Отсюда следует, что, желая определить область социологии, необходимо тщательно исследовать этот вопрос.

Одна группа социальных наук, известная коллективно под общим наименованием политических наук, включает в себе политическую экономию, философию, законы и теорию государства. Другая группа включает в себе археологию, сравнительную филологию и сравнительную науку о верованиях. Представляет ли главный предмет социологии нечто отдельное от того, что подвергается исследованию в этих науках? Очевидно, что этого не может быть, так как эти науки охватывают приблизительно или даже всю область социальных явлений. Раз главный предмет один и тот же, включает ли в себе социология эти различные области исследования? Раз она включает их, представляет ли она нечто большее, чем коллективное

наименование, для всей суммы социальных наук? Допуская, что она более, чем коллективное наименование, оставляет ли она в стороне теоретические начала специальных социальных наук или заменяет их другими, или усваивает и координирует их?

Согласно спенсеровским понятиям, политическая экономия, юриспруденция, теория государства и такие отрасли знания, как сравнительная филология, являются дифференцированными частями социологии и, следовательно, представляются достаточно отличными друг от друга, хотя координированными науками. С точки зрения Конта, они вовсе не истинные науки. Презрительное отношение Конта к политической экономии достаточно известно, так что лишне было бы приводить его здесь. Он признавал жизнь общества неразделимой и верил, что истинная наука будет изучать ее как одно целое. Присутствуя при спорах, мы постоянно встречаем тот же взгляд, только заимствованный у Спенсера и сопровождающийся чаще всего указаниями, что только подразделения социологии - специальные социальные науки - представляют важное значение для серьезных ученых. Если мы будем рассматривать социологию как целое, части которого организовались в определенные, отдельные науки, достигшие таких грандиозных размеров, что обладающий наибольшей эрудицией ученый вряд ли может надеяться одолеть хотя бы одну из них в течение всей жизни, то мы должны будем признать, что она, т.е. социология, слишком обширный предмет для практических целей. К ней можно с полным удобством применить насмешливое описание истории, данное Шопенгауэром: "известное рациональное знание, но не наука".

Тем не менее наименование "социология" не может быть отброшено. Как только какой-либо писатель решается не признавать своей областью исследования все специальные знания, он немедленно пытается найти новое содержание для этого лишенного плоти наименования.

Отсюда происходит то, что каждый социальный философ создает социологию по образу своей профессиональной специальности. Экономисту социология представляется в виде смутной, туманной политической экономии - темной в научном отношении для неподходящих задач и упорных фактов, которые никак не могут ужиться мирно с принятыми формулами. Для психиатра и для криминалиста-антрополога - это социальная патология. Для этнолога - это подразделение его собственной науки, дополняющее исследование расовых признаков описанием социальной организации. Для ученого, занимающегося сравнительной мифологией и исследованием народных преданий, - это исследование о культуре.

Живая наука не создается таким путем. Она развивается из отдельного зародыша. С каждым десятилетием она более и более ясно индивидуализируется. Она создает для себя ясно обозначенную область. Ее задачи отличаются бесспорно от тех, которые принадлежат какой-либо другой области исследования.

Эти ограничения были, по-видимому, замечены раньше всего не социологами, а другими исследователями. Полное разногласие в мнениях между двумя выдающимися профессорами Брюссельского университета навело многих на размышления и привело к значительному выяснению этого предмета. Профессор де Грееф в предисловии к "Premiere Partie" своей "Introduction a la sociologie", написанной в 1886 г., доказывает необходимость учредить кафедры и даже факультеты социологии, на которых преподавание велось бы согласно известной классификации социальных явлений, составляющей, по мнению профессора де Греефа, существенную часть его системы. Эта классификация отличается всеобъемлющим характером. Она включает в себя все, начиная от производства хлеба и вина и кончая избирательной борьбой во французской академии. При открытии университета 15 октября 1888 г. ректор его, Ван-дер-Рест, избрал темой своей речи "la Sociologie" и представил в ней критическое исследование философских отношений социальных наук. Социологии

была дана следующая характеристика: "плохо определенная наука, представляющая неточно намеченные демаркационные линии от нравственных и политических наук и затрагивающая самые разнообразные вопросы, из которых каждый заключается тем не менее в пределах изучения существующих кафедр".

Собственный взгляд ректора на социологию был выражен в следующих словах: "Я принимаю это слово просто как наименование одного из понятий человеческого разума. Признавая за ним то значение, которое ему дается, я подразумевал бы под ним науку о социальных явлениях. Но я прибавлю, что раз мы переступим за область абстракций, определенная таким образом наука может быть понята двояким образом: или она будет ставить себе задачей изучение людей, соединенных в общество, включая в эту задачу все факты, которые могут встретиться ей в социальной жизни, обнаруживая их законы и связывая социальное настоящее с прошлым и будущим - в этом случае наука не может быть построена, а будет представлять только ensemble, совокупность наших политических и моральных наук, связанных в одно химерическое целое; или она будет состоять только из общих взглядов на социальный прогресс, и тогда мне кажется невозможным провести демаркационную линию между социологией и другой гораздо более старой наукой - философией истории".

Нам незачем принимать заключение Ван-дер-Реста, что конкретная социология должна быть либо совокупностью политических и моральных наук, либо философией истории, но мы можем согласиться с ним, что если социология представляется неопределенной, плохо выясненной наукой, то она не может преподаваться в Университете. Социологию нельзя преподавать в виде органа социальных наук или в виде массы несвязных фактов, оставшихся от каких-либо других исследований.

Ясное обдумывание и точное употребление терминов, выражений создадут порядок в этом хаосе и отведут социологии надлежащее ей место, так что она перестанет вторгаться в область других наук и сама не будет вытесняться из принадлежащей ей области. Социология - общая социальная наука, но общая наука не есть обязательно группа наук. Несомненно, что слово "социология" будет продолжать служить кратким наименованием для социальных наук, взятых в их совокупности. Далее в синтетической философии вроде спенсеровской она может всегда вполне основательно употребляться для объяснения социальной эволюции в широких пределах отвлеченной истины. Но социология социолога-исследователя и университетского преподавателя должна представлять определенную и конкретную совокупность знаний, которая может быть изложена с кафедры и обработана в семинаре. Эти последние условия представляются пробным камнем для самого существования науки: потому что раз социология занимает в программе университетского преподавания такое же определенное место, как политическая экономика или психология, ее притязания на звание науки не будут никем оспариваться. Но это случится только тогда, когда образованные люди научатся видеть в социологии такое же отдельное и конкретное целое, какое они усматривают в других науках. Слово "социология" должно немедленно вызывать в уме особый класс явлений и определенную группу связанных задач.

Несомненно, что такого рода ясные, конкретные представления с течением времени заменят собой смутные понятия, ходящие в настоящее время. С помощью методов здоровой логики и руководствуясь историей других наук, социология может быть точно отграничена от специальных социологических наук. Когда явления, принадлежащие одному роду и составляющие, следовательно, главный предмет изучения одной науки, настолько сложны и многочисленны, что ни один исследователь не может льстить себя надеждой познакомиться со всеми ними, тогда они должны быть разделены между многими специальными науками; но рядом с этими науками может существовать и общая наука о явлениях во всей их совокупности как

единичного класса, но при одном непременном условии, а именно: общая наука должна исследовать свойства класса, общие всем его подразделениям, а не частные свойства одного только подразделения. Такие общие свойства элементарны. Общие принципы - основные. Общая наука, следовательно, есть наука об элементах и первых основаниях.

Общая биология представляет наиболее подходящую для нас аналогию. Слово "биология", впервые употребленное Ламарком, было принято Контом, предложившим слово "социология" и употреблявшим оба наименования по однородным причинам. Он верил в существование как науки о жизни, так и науки об обществе, представляющих каждая одно целое. Но как слово "биология", так и слово "социология" не сделались общеупотребительными, пока Спенсер не пустил их в ход. Все наши ученые, кроме разве наиболее молодых, могут припомнить то время, когда это наименование проникло впервые на страницы каталогов университетов и колледжей. Как самое слово, так и обозначаемая им идея были признаны только после известной борьбы. Разве есть в общей биологии, говорили ее противники, что не преподавалось бы в виде "естественной истории" или в виде ботаники и зоологии, или в виде анатомии и физиологии? Биологи отвечали на это, что существенные явления жизни - строение клеточек, питание и трата, рост и воспроизведение, приспособление к окружающей среде и естественный отбор - общи животным и растениям; что строение и отправления неотделимы друг от друга и что ученый будет иметь ложное, неправильное представление о своем предмете, пока не научится понимать явления жизни как в их целом, так и в их специальных фазисах развития. Он должен, конечно, изучать специально ботанику и зоологию, но он должен сначала получить основательные знания по общей биологии, по науке о существенных и всемирных явлениях жизни в ее самых разнообразных проявлениях. Этот взгляд на предмет восторжествовал благодаря присущей ему правде и здравому смыслу. Общая биология сделалась наукой, разрабатываемой даже в лабораториях, понимаемой и исследуемой в качестве основы для более специальных биологических наук.

Вопрос о социологии совершенно однороден с предыдущим и на него приходится дать совершенно тот же ответ. Есть ли какое-либо проявление социальной жизни, которое не было бы уже подвергнуто исследованию в одной какой-либо науке экономического, политического или исторического содержания, уже имеющей право гражданства в хорошо организованных университетах или в нескольких науках подобного рода? Вряд ли; он, социолог, понимает, что не в этом заключается действительный вопрос. Представляет ли в самом деле общество одно целое? Представляет ли социальная деятельность непрерывное, непрестанное явление? Существуют ли известные существенные явления, причины или законы в обществе, которые общи обществам всякого рода во все времена и которые лежат в основании более специальных социальных форм и объясняют их? Раз мы ответим на этот вопрос утвердительно, мы этим самым подтвердим необходимость преподавать эти всемирные истины. Преподавать этнологию, философию истории, политическую экономию и теорию о государстве лицам, не изучившим этих первичных оснований социологии, то же, что преподавать астрономию и термодинамику лицам, не изучившим ньютоновских законов движения. Следовательно, анализ общих характерных черт социальных явлений и формулировка общих законов социальной эволюции должны служить основанием для специального изучения во всех делах социальной науки.

Отсюда следует, что между тем как социология в наиболее широком смысле этого слова есть обширная наука об обществе, охватывающая всю область специальных социальных наук, в более узком значении этого слова как служащую целям университетского преподавания и общего изложения ее можно определить как науку

о социальных элементах и первичных основаниях, принципах. В виде границ, пределов, наложенных на умственную жизнь и, следовательно, на всякую истинно научную работу, ученый, занимающийся общей социологией, должен удовлетвориться подробным изучением элементарных и родовых явлений обширного предмета, подлежащего его исследованию, и предоставить бесконечные формы комбинаций другим исследователям. Более того, социология есть обобщающая и координирующая наука, поскольку она есть наука основная. Она не столько представляет собой всю сумму социальных наук, сколько служит их общим основанием. Ее широко охватывающие принципы являются постулатами специальных наук и как таковые координируют всю совокупность социальных обобщений и связывают их в одно обширное научное целое. Не занимаясь каждым особым видом и каждой особой группой социальных явлений, основная социология занимает среднее место между органическими науками, с одной стороны, и политическими и историческими - с другой. Социология дифференцировалась из психологии, а психология дифференцировалась из биологии. Специальные социальные науки являются дифференциациями из социологии.

Но не упустили ли мы из виду одну важную возможность? Не может ли так случиться, что именно эта основная социальная наука, предполагая, что такая наука должна существовать, не представляет собой новой или мало известной науки, а ищет просто одну из тех старых наук, которые мы называем специальными, например, политику или политическую экономию?

Основная социальная наука, какова бы она ни была, не должна принимать за Ризнанные социальные данные, которые допускают научное объяснение после Риведения их к более простым выражениям. Если политическая экономия, или о государстве, или какая-либо другая социальная наука основана на положениях, которые представляют выводы из более элементарных социальных истин, то такая наука не может изъяслять притязаний на логическое первенство. Какая бы ни была форма ее истолкований, объективная или субъективная, но основная социальная наука должна свести свой главный предмет исследования к первичным, социальным явлениям или к раньше всего зарождающимся социальным побуждениям, мотивам. Следовательно, что касается объективного истолкования, то ни политическая экономия, ни политика не могут заявлять притязаний на то, что они сводят свои исследования к первичным явлениям в социальной категории.

И та и другая наука открыто принимают без всяких объяснений явление человеческой ассоциации.

Совершенно верно, что систематические сочинения по политической экономии обыкновенно заключали в себе рассуждения о мальтузианской теории населения и о гипотезе сокращения доходов с земли и благодаря этому давали частичные объяснения о взаимодействии между населением и окружающей его средой. Но все эти рассуждения не входят логически в состав собственно политической экономии. Многие из писателей давно уже признали, что все это - простые данные, которые могут изучаться плодотворным образом только при помощи социологии. Далее, даже если мы включим их в состав политической экономии, они не объяснят нам ассоциации. Население может возрасти в любых размерах и ввиду неравных доходов, получаемых с земли, прирост его может распределяться неравномерно: здесь пусто, там густо; но отсюда не следует, что население обязательно образует везде ассоциации. Между тем политическая экономия признает это, как видно из самого хода ее изложения, потому что при всех дальнейших ее рассуждениях - о кооперации и разделении труда, о всякого рода соединениях и конкуренции, об обмене и распределении - политическая экономия признает, не разбирая все социальное milieu, социальную среду. Выгоды, получаемые от экономических форм

ассоциации, реагируют благоприятно на ассоциацию вообще. Но они не могли бы возникнуть раньше установлений самой ассоциации.

Подобным же образом в трудах по политической науке со времен Аристотеля давались всегда длинные предисловия, излагающие происхождение человеческих обществ и представляющие обыкновенно переработку патриархальной теории. Но наиболее значительный шаг вперед в этой науке был сделан в последние годы, когда было открыто, что область политической экономии не охватывает всего исследования об обществе и что ограничивающие ее линии могут быть легко проведены. В своем выдающемся сочинении "Политическая наука и сравнительное конституционное право" профессор Бургесс не только резко разграничил правительство и государство, но первый из всех ученых, трудившихся в области политической философии, в ясных чертах отграничил государство, организованное согласно известному государственному строю, от государства[^] скрывавшегося за этим государственным строем. "Население, говорящее на общем языке, обладающее известными понятиями об основных принципах прав и правонарушений и обитающее на территории, отделенной рядами высоких гор и обширными пространствами воды или климатическими различиями от всякой другой территории, - таково государство, стоящее позади государственного строя". Оно "доставляет нам естественные основания для действительного и постоянного политического устройства". Это "недра для всевозможных государственных устройств и переворотов". Политическая наука изучает государство в пределах государственного устройства (constitution) и показывает, как оно выражает свою волю в правительственных действиях. Она исследует, как это государство, ограниченное государственным устройством, создается и становится государством, скрывающимся за этим государственным устройством. Государство, стоящее вне государственного устройства, или естественное общество, как мы иначе называем его, представляет как для политика, так и для политэконома, известное данное. Подробное изучение происхождения и развития этого данного принадлежит области социологии.

Переходя теперь к субъективному истолкованию или к объяснению социальных явлений посредством выяснения побуждений к ним, мотивов, мы увидим, что и весь также специальные социальные науки принимают некоторые посылки, которые при дальнейшем рассмотрении оказываются социологическими истинами, которых нельзя называть ни простыми, ни элементарными.

Начнем, как и прежде, с политической экономии. Политэкономы в последнее время усвоили себе новые взгляды на характер посылок политико-экономической теории. Они не удовлетворяются больше представлением своей науки как занимающейся исключительно материальным богатством. Психологическая номенклатура, к которой так часто прибегают теперь во время всякого рода политико-экономических рассуждений, указывает в большинстве случаев на новые точки зрения и на важное изменение в перспективе. На первый план ставятся чисто душевные явления потребностей и их удовлетворения. Производство материальных товаров не выдвигается больше на первый план при изложении, так как доказано, что некоторые законы экономического выбора управляют всем процессом производства и обмена. Много лет тому назад президент Уолкер описывал потребление как динамику богатства, и мы только теперь начинаем понимать, какое важное значение представлял этот термин, это выражение. Очевидно, что желания являются движущими силами экономического мира. Внешние деятельности людей и многочисленные виды промышленности и торговли возникают согласно их постоянно меняющимся количествам, силе и форме.

Но откуда же происходят сами желания? Какие условия определяют их развитие из грубых, первобытных потребностей чисто животного существования, которое дикари разделяют с бабуинами и дикими гориллами, в потребности "доброго гориллы", как

Ренан называет его, в потребности человека с благородными инстинктами и утонченными вкусами? Это все интересные вопросы, но полит-эконом не отвечает на них. Он берет желания в том виде, в каком застаёт их, и разве в тех случаях, когда он находит это нужным для исследования динамических фазисов своего предмета, он переходит к наблюдению реакции самой экономическо-й жизни на желание. Но вообще желания представляются ему лишь посыла-ками сложной дедуктивной схемы, и только.

Что же происходит с теорией государства? Политическая наука также берет свои послылки из явлений человеческой природы. Движущими силами как политическо-й, так и экономической жизни являются желания людей, но это уже не просто индивидуальные желания, не просто желания удовлетворения, наступающего большей частью в материальных формах. Это желания массовые и обобщен-ные; желания, испытываемые одновременно и постоянно тысячами, если не миллионами людей, которые одновременно побуждаются ими к принятым с общего согласия действиям. Это желания разума, который мы можем называть социаль-ным в отличие от индивидуального, желания, которые ставят себе большей частью на будущее такого рода идеалы, как национальное могущество и слава, или условия свободы и мира. Превращаясь в волю, желания эти переходят в явления верховной власти - в понуждающую к повиновению власть государства. Политическая наука описывает эти гигантские силы социального разума и изучает их действие; но она так же мало заботится об их происхождении, как политическая экономия о происхождении индивидуальных желаний. Она просто признает за каждой нацией свой особый национальный характер и довольствуется тем, что политическое устройство государства может быть научным способом выведено из предполагаемого характера нации. Она берет факт верховной власти и строит на нем свои заключения, не рассуждая о том, каким образом возникла эта власть, как это делали Гоббс, Локк и Руссо. Она останавливается на том, на чем остановился Ари-стотель, - на изречении: "человек - животное политическое".

Существует группа наук, занимающаяся различными специальными видами социального разума. Основанием для них служит сравнительная филология, которую Ренан, писавший в 1848 г. о будущем науки, с замечательной проницательностью описывает следующим удачным образом - как "точную науку о произведениях человеческого ума". На этой науке основаны были наука сравнительной мифологии и сравнительной религии, а в настоящее время собираются материалы для науки о сравнительном искусстве. Постулатами всех этих наук, равно как и политическо-й экономии и политики, являются человеческие желания. Они, может быть не всегда ясно выражаются, но всегда подразумеваются, потому что стремление есть не что иное, как желание, сливающееся с верованием и возведенное в идеал. Но в противоположность политической экономии и политике, эти науки, принадлежащие области культуры, до некоторой степени непосредственно занимаются происхождением тех умственных состояний, которые служат для них постулатами. Но они изучают их в чисто специальных видах и с узко научной целью. Что касается обширного вопроса о развитии первичной причины желаний вообще, то им не представляется случай заниматься этим.

Таким образом, нам может казаться, что нет ни одной из признанных социаль-ных наук, на которую возлагалась бы обязанность исследовать происхождение побуждений, признанных причинами всего, что случается в социальной жизни человечества. Но происхождение это не есть нечто скрытое. Причина не была под-вергнута исследованию потому, что предполагали, будто такая простая вещь не может нуждаться в объяснении. Ассоциация, товарищество и кооперация превратили дикую гориллу в добрую гориллу и заставили ее задуматься над тем, по словам Бэкона, "что в человеческой природе существует тайная склонность и

стремление любить других: если эта любовь не расходуется на одного или нескольких людей, то она естественно должна расходоваться на нескольких или многих, и таковые люди делаются человеколюбивыми и милосердными, как это часто замечается среди монахов". Или, выражаясь фигурально, потому что это только уподобление, так как прародитель человека должен был быть социальным видом обезьяны, а не гориллой, - именно взаимное трение грубых натур и произвело утонченные натуры. Именно бесконечное разнообразие ощущений, опытов и мыслей, обусловленное продолжительным и тесным сожителем человеческих орд в тех благоприятных для жизни местностях, где население могло сделаться относительно густым, и создало человеческий разум и наполнило его бесчисленными желаниями, потребностями, побуждающими его к бесконечным усилиям и к утомительному безустанному исследованию неизвестного. Пословица "железо точит железо подобно тому, как человек точит человека" составляет первичное и наиболее крупное открытие, сделанное когда-либо социологией.

Если предшествовавшее изложение было с фактической точки зрения верно, то ни одна из специальных социальных наук не есть первичная наука об обществе, какого бы истолкования она ни требовала: субъективного или объективного.

Остается еще рассмотреть, справедливо ли будет это заключение касательно отношения социологии к некоторым отвлеченным наукам, которые, не будучи собственно социальными науками, тем не менее занимаются изучением явлений, и не только психических, но и социальных по своей природе.

Социология не есть отвлеченная наука, хотя она, подобно всем другим истинным наукам, прибегает к отвлеченностям; как для различения изучаемых ею явлений от явлений другого рода, так и при исследовании действия той особой силы или мотива, побуждения, которыми явления данного класса отличаются в действительности от явлений других классов. Отвлеченная наука, следовательно, есть такая наука, которая прослеживает распространение или действие одного только простого Принципа, силы или мотива через все его проявления и этим довольствуется. Конкретная наука есть такая наука, которая делает все то, что и отвлеченная, а затем изучает способы, которыми проявления особых сил или побуждений, открытых ею, соединяются с проявлениями других сил или мотивов для создания конкретных группировок явлений реального мира. И в этом действительно и заключается цель социологии. Подобно биологии и психологии и она занимается конкретными группировками явлений. Первые основания социальной эволюции, которые она формулирует, представляются конкретными истинами. Это описательное, историческое и изъяснительное исследование общества, рассматриваемого как вполне конкретная реальность. Подобным же образом и специальные социальные науки как дифференцировавшиеся из социологии представляются также конкретными науками.

Если мы допустим далее, что политическая экономия в том виде, как ее обыкновенно определяют и преподают, есть специальная социальная наука, которая логически представляется дифференциацией из социологии, то нам могут возражать, что мы имеем теперь перед собой чистую или отвлеченную политическую экономию, которая состоит из теории субъективной пользы, субъективной стоимости и субъективной ценности и не только не составляет отрасль социологии, а логически предшествует всяким отраслям ее.

С другой стороны, может быть сделано подобное же возражение, что отвлеченная этика, рассматриваемая как наука об идеальном праве, представляет анализ социальных побуждений и, следовательно, предшествует социологии.

Эти возражения не только правдоподобны, но они, по-видимому, подкрепляются признанной нами необходимостью субъективных истолкований в социальной науке вообще. Если выборы не подчинены капризам, то не руководят ли ими соображения

о пользе и праве? А субъективная польза и идеи о праве не предшествуют ли логически в своем поступательном развитии обществу? Даже до существования какого-нибудь общества разве индивидуум, живущий в постоянном общении с природой, не наслаждается субъективной пользой всякий раз, когда он принимает пищу или греется на солнце? Не может ли он иметь и тогда понятия о праве и несправедливости? Если да, то не предшествуют ли социологии теории о пользе и праве?

Не входя здесь в обсуждение по поводу какой-либо теории выборов, мы можем сразу признать, что первые проявления сознания пользы - явления психические, предшествующие обществу, но в то же время приходится утверждать, что всякое дальнейшее развитие понятия пользы предполагает социальные отношения.

В современной теории субъективной пользы, как она сформулирована Бентамом, Госсеном, Джевонсом и позднейшими политэкономами, проводится разграничение между первоначальной пользой и конечной. Под первоначальной пользой^{по} подразумевается то удовлетворение, которое доставляется потреблением первой необходимой порции какого-либо полезного вещества, например, удовольствие, испытываемое жаждущим человеком, когда он выпивает один стакан воды. Под конечной пользой подразумевается удовольствие, получаемое от окончания еды^{или} и питья, например, от последнего полустакана предложенной воды или от последнего куска пищи. Это разграничение признавалось до сих пор чисто аналитическим и отвлеченным, имеющим значение только для теории политической экономии. На самом деле это разграничение вполне конкретно и исторически верно, что составляет громадное значение для социологии.

Не нужно никаких аргументов, чтобы доказать, что зародышевое сознание первоначальных полезностей предшествует социальным отношениям. Живые существа, способные узнавать друг друга, способные также и различать пищевые вещества и, следовательно, способные различать первоначальные полезности.

Что касается конечной пользы, то дело представляется здесь в совершенно новом виде. В доказательство этого необходимо прежде всего указать на недостаток в определении. В позднейших политико-экономических произведениях проявилось стремление употреблять выражение "субъективная польза" в том смысле как будто им обозначается просто приятное чувство, хотя бы и самое незначительное по своей интенсивности, и ничего больше в добавление к удовольствию или в соединении с ним. Если такого рода толкование этого выражения будет продолжаться, то политэкономы будут поставлены в безнадежно затруднительное положение. Элемент удовольствия в понятии о субъективной пользе не может быть до бесконечности мал. Он должен быть достаточной величины, чтобы представлять значение для сознания и чтобы возможно было различать большую или меньшую степень его. Кроме того, удовольствие не есть единственный элемент. Субъективная польза есть приятное чувство, соединенное со знанием, что удовольствие обусловлено внешним условием или вещью, именно объективной пользой. Это - удовольствие, приписываемое внешней причине. Раз этот умственный фактор не будет включен, вся теория пользы, построенная с таким трудом, распадется вдребезги, потому что эта теория всегда признавала молча в качестве меньшей посылки, что меняющиеся состояние чувств сопровождаются всегда некоторым знанием качественных или количественных изменений во внешних условиях, которым соответствует состояние чувств. Следовательно, первоначальная польза есть подлежащее оценке удовольствие, сознательно приписываемое внешней причине, а конечная польза есть подлежащее оценке удовольствие, сознательно приписываемое конечному действию внешней причины. В добавление к различию между первоначальным и конечным чувством, в качестве просто чувств, конечная польза включает в себе еще и представление различия между первоначальным и конечным действием той же причины.

Раз такое критическое отношение будет усвоено, вопрос о конечной пользе и о социальной эволюции станет так же ясен, как и вопрос о первенстве первоначальной пользы. Если верно, что зарождающееся сознание первоначальной пользы предшествует ассоциации, то не менее верно и то, что ассоциация предшествует разграничению конечной причины с первоначальной, а следовательно, и осознанию конечной пользы. Три различных довода поддерживают справедливость этого утверждения. Во-первых, имеется налицо простой факт, что психические зачатки ассоциации наблюдаются в самых низших формах животной жизни, между тем как представления о конечной пользе обнаруживаются только в более высоко развитых организмах. Во-вторых, - что может объяснить до некоторой степени эти факты, доставленные нам наблюдением, - мы знаем, что ассоциация умножает количество сознательных опытов; если она действительно играла в умственной эволюции ту роль, которая приписывается ей в настоящей книге, то она должна была служить главным агентом в деле дифференциации, усиления приятного чувства и в развитии ума, улавливающего отношение между состояниями чувств и их объективными условиями. В-третьих, - мы продолжаем объяснение подвергнутых наблюдению фактов - переживание животной жизни в борьбе за существование зависит или от большой плодовитости, или от взаимной помощи, присущей ассоциации, или от умственных средств. Высокая плодовитость находится в антагонизме с умственной эволюцией, а умственная совершается на счет высокой плодовитости. Ассоциация обеспечивала переживание во время перехода от переживания путем физиологического процесса до переживания путем процесса психологического. Без ассоциации сознательная жизнь никогда не достигла бы той степени развития, при которой возможно представление о конечной пользе.

Субъективная стоимость (cost) есть умственное явление, еще более сложное, чем конечная польза, а так как оно включает в себе представление о двойном ряде отношений, а именно, во-первых, тех отношений, которые образуют субъективную пользу сами по себе, а во-вторых, дальнейшего отношения, существующего между субъективной пользой и усилением или между субъективной пользой и каким-либо другим видом труда (pain).

Но еще более сложной представляется субъективная ценность. Еще более нелепым, чем отождествление субъективной пользы с простым удовольствием, было отождествление субъективной ценности с удовольствием.

Здесь нам возможно дать лишь самое краткое изложение этого предмета. Когда достигнуто было известное разнообразие в объективных полезностях и каждому индивидуальному сознанию представлен был целый ряд их для выбора, тогда делается сравнение полезностей друг с другом и с их относительными стоимостями (cost). Полезности и стоимости рисуются в воображении раньше, чем они действительно подвергаются опыту и относительно их образуются различные суждения. Особенно часто подвергаются оценке действительные стоимости. Под этим словом подразумевается сравнительная способность одинаковых видов и количеств товаров доставлять удовлетворение при изменяющихся условиях потребности. Действительная полезность одной тонны угля не та в июле, как в феврале. Для сравнительного оценивания действительных полезностей мы употребляем выражение "оценка". Субъективная ценность есть оценка действительной полезности, которая еще ожидается в будущем. Она получается из сравнения различных полезностей и различных стоимостей. Очевидно, что эти умственные операции далеко не просты и не могут быть произведены такими существами - если таковые существуют, - о которых можно было бы сказать, что они ничем не обязаны ассоциации. Субъективная ценность появляется только в обществе.

Отсюда можно вывести в кратких чертах следующее заключение: с самого начала приятные и тягостные чувства внутри и ассоциация вне были неразлучно связаны

друг и другом. Первоначальная польза предшествует конечной пользе, субъективной стоимости и субъективной ценности. Субъективное истолкование общества в выражениях этих последних понятий не может никоим образом привести нас назад к анализу социальных оснований или социальных зачатков во времени. Социальная эволюция предшествует всякого рода утонченным видам пользы. Когда во время социальной эволюции появляются эти утонченные виды, они вступают в процесс как новые факторы и, следовательно, предшествуют многим из более или менее сложных форм социального развития. Следовательно, только последние виды пользы и только они одни допускают субъективное истолкование⁸ в выражениях утилитарной теории, переходящей за пределы исследования простейшей первоначальной пользы.

Из изложенного очевидно, я думаю, что, насколько мы можем определить предмет путем исследования последствий явлений, целая наука отвлеченной политической экономии не может считаться предшествующей социологии как Целому.

Подобным же образом можно доказать, что отвлеченная этика не предшествует⁹ социологии как целому, хотя некоторые части социологии предполагают этические теории. Но как бы то ни было, начинают ли появляться в нашем сознании понятия о праве и несправедливости до установления каких-либо социальных отношений, развитие их представляет результат ассоциации.

Но даже если бы такого рода отношения преемственности между социальными,¹⁰ экономическими и этическими явлениями могли быть показаны в подробностях, участвует психологическая последовательность в эволюции знания, которая не быть оставлена без внимания и которая в конце концов определяет отношение отвлеченной политической экономии и отвлеченной этики и конкретной социологии. Отвлеченные науки не могут развиваться в умственной пустоте. Все отвлеченные знания предполагают существование конкретной науки.

Если эти вполне очевидные и общераспространенные истины до сих пор оставались без внимания писателями, отводившими политической экономии и этике первое место во времени перед социологией, то это может быть объяснено непроходимыми затруднениями, представляемыми последней наукой. Если все отвлеченные принципы предполагают существование описательного и исторического содержания конкретной науки и если все объяснительные части конкретной науки предполагают существование отвлеченных принципов, то не уничтожится ли этим самым единство всякой науки? Если некоторые части политической экономии предполагают существование некоторых частей социологии, а части социологии предполагают существование частей политической экономии, то существует ли у нас в действительности политическая экономия или социология? Если математические принципы выводятся из астрономии и если астрономия предполагает существование математики, то были ли в действительности когда-либо отдельными науками астрономия и математика?

Подобного рода смешение часто вытекает из попыток определить простые отношения так, как будто бы они были совершенно просты. Это именно и было сделано при классификациях наук.

Хорошо известная классификация Конта распределяет все науки в последовательный ряд. Конт верил, что знание подвигается от общего к частному, от отвлеченного к конкретному и от простого к сложному. Следовательно, он отводит математике первое место в своей иерархии, а затем в поименованном порядке распределяет астрономию, земную физику (со включением в нее и химии), биологию (со включением в нее психологии) и социологию.

Спенсер доказывает, опираясь на целый арсенал примеров, что никакое простое линейное распределение не может представить эволюции научного знания. Новые науки постоянно вносят свои лепты в старые. Новые знания расширяют знание, и

это одинаково верно как по отношению конкретного знания к отвлеченному, так и по отношению конкретного знания к конкретному и отвлеченного к отвлеченному. Разум движется от конкретного к отвлеченному, но он затем применяет свои обобщения к дальнейшему истолкованию конкретных явлений.

Спенсер указывает дальше на ошибку, скрывающуюся в слове "общий", ошибку, в которую впадает и Конт, когда он смешивает общее с отвлеченным. "Абстракт, отвлечение означает отделение от явлений частных случаев; обобщение означает проявление в многочисленных случаях". Читателю может показаться, что слово "специальный" также имеет более чем одно значение. Специальный случай может быть частным; он может быть необыкновенным или исключительным, или мелочным, или подробным. Отсюда очевидно, что если нам говорят, что знание подвигается от общего к специальному, то следует спросить: от какого общего и к какому специальному. Мы, конечно, не можем знать отвлеченного, пока не узнаем конкретного. Мы не можем познать проявлений в многочисленных случаях, пока не познаем проявления в частном случае. Но мы познаем обыкновенное раньше, чем знакомимся с необыкновенным, и мы приобретаем знания об общем раньше, чем ознакомимся с подробностями.

В целом можно сказать, что знание подвигается вперед от знакомства со сравнительно простыми явлениями, которые можно наблюдать повсюду, до понимания сложных явлений, которые встречаются сравнительно редко. Но при этом поступательном движении конкретное описание и формулировка его сплетаются друг с другом. Поэтому мы не можем ставить в один ряд отвлеченные и конкретные науки.

Согласно с этим, Спенсер сводит в одну отдельную группу отвлеченные науки, во вторую группу отвлеченно-конкретные, а в третью - конкретные. Отвлеченные науки, логика и математика, излагают отношения. Отвлеченно-конкретные науки, молекулярная физика и химия, излагают свойства. Конкретные науки, астрономия, геология, биология, психология и социология, излагают агрегаты.

Излишней и запутанной частью этой классификации является отвлеченно-конкретная группа. Исследование свойств или сил представляет совершенно такую же отвлеченную науку, как исследование отношений. Во всякой науке мы должны делать одно из двух. Мы можем сосредоточить наше внимание на одной действительной группе отношений, свойств и сил, образующих совместно совершенно конкретный агрегат, и сделать попытку понять это и объяснить как одно целое. Таков метод конкретных наук. Или мы можем сосредоточить свое внимание на одном свойстве или отношении или на одной силе; или на одном разряде отношений, свойств или сил и проследить его во всех агрегатах, в каких он находится. Таков метод отвлеченной науки. Но ни один из этих методов не может быть проведен до своих крайних последствий без помощи другого. Отвлеченность предполагает конкретное знание, но раз отвлеченность достигнута, она должна вернуться назад к конкретному знанию как к организующему принципу, прежде чем будем в состоянии вполне понять какой-либо агрегат.

Поэтому более удобно относить науку в класс отвлеченных, если она занимается преимущественно отношениями, свойствами или силами и только случайно агрегатами. Молярная и молекулярная физика - науки отвлеченные. Наука конкретна, если ее главная цель - объяснить агрегаты как таковые, хотя она при этом имеет дело со свойствами и силами и пользуется методами абстракции. Химия в целом конкретная наука.

Итак, вместо одного последовательного ряда наук существует два различных порядка наук, до такой степени связанных друг с другом, что они образуют перекрестные классификации в каждой части сложной области знания...

Таким образом социология своим единством цели и метода ясно отграничивается от отвлеченных наук, хотя сама пересекает их или пересекается ими; она

ограничивается исследованиями более общими и более основными, чем те, которые образуют социальные науки, хотя сама входит в состав этих наук и дифференцируется в них; отделившись от психологии, она пользуется принципами психологии для истолкования наиболее сложных явлений, представляющихся наблюдению человека, и имея область, так же точно определенную, как и область всякой другой науки, она продолжает находиться в полной связи с каждой наукой в неделимом мире знания. При научном разделении труда социологу принадлежит совершенно отдельное, самостоятельное дело, но успешный ход его работы будет незначителен, если он не вступит в разумное сотрудничество с товарищами по работе в других областях знания и если они не будут поддерживать его.

Глава третья

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИИ

Признав, что точное ограничение области социологии является одной из мер, необходимых для того, чтобы сделать из нее науку, способную к развитию, мы должны обратить внимание прежде всего на ее методы исследования. Намеченная нами область представляется одной из тех, в которой могут действовать множество причин. Общие явления общества, которые социолог должен классифицировать и объяснять, были описаны нами как элементарные, но, подобно многим элементарным явлениям, они не могут быть подвергнуты анализу и поняты без помощи самих действительных методов, предоставляемых в распоряжение науки.

Изясняя цель социологии и определяя ее область, мы должны были упоминать и о ее методах, потому что пригодность данного метода существенно необходима для создания будущей науки и потому, что науки отличаются друг от друга столько же методами, сколько и содержанием. Но подобного рода случайное упоминание недостаточно. Мы рассматривали этот вопрос далеко не с той тщательностью, какая обуславливалась его выдающимся значением. Для того чтобы социология была избавлена от тех ложных взглядов на ее характер, которые препятствовали ее развитию, ее методы должны быть подвергнуты критическому рассмотрению и если возможно, сформулированы систематическим путем.

Главы Милля о логике нравственных наук будут служить навсегда прочным основанием для социологического метода, но есть основание опасаться, что они не были усвоены всеми социологами-теоретиками, а дальнейшее развитие научной мысли обусловило необходимость некоторых добавлений к ним. Поэтому мы должны взглянуть на методы социологии с двух различных точек зрения: во-первых, с точки зрения их действительности и пригодности служить средством для открытия и объяснения; а во-вторых, с точки зрения их согласия или несогласия с условиями и обычаями, преобладающими в настоящее время в научной и воспитательной работе.

Описывая социологию как конкретную науку описательную, историческую и объяснительную, я в общих чертах охарактеризовал ее метод. Конкретная наука пользуется всеми методами: наблюдением и взглядом назад, на прошедшее; классификацией и обобщением, индукцией и дедукцией. Пренебрежение хотя бы одним из них уничтожает несомненность и обращает в напрасную трату сил самое искусное употребление других методов. Утомительный спор, который в течение поколения велся по поводу относительной ценности исторического и априорного методов в социальных науках, заслуживает быть включенным в список отрицаний Гуда, которые создали бы целый мир, если бы не существовало "другой стороны пути". История без дедуктивного освещения представляет настоящий хаос. Дедукция без проверки представляет несомненно тот "свет, который никогда не существовал ни на море, ни на суше".

Тем не менее, когда известное сочетание методов употребляется в какой-либо науке, один какой-либо метод получает преобладание и какой-либо один порядок

преимущества считается более подходящим, чем другой, и составляет сам по себе важную часть в целом методе науки. Считается более выгодным исходить из непосредственной дедукции и затем добиваться проверки ее каким-либо особым опытом или исходить из обобщения путем наблюдаемых фактов и затем проверять дедукцией из основного начала с согласованием ее с данными опыта. Каждая из этих комбинаций представляет то, что Милль называет дедуктивной формой индуктивного метода, или то, что Джевонс называет полным (complete) методом истинной науки.

Опыт доказал неопровержимо, что дедукция, подтверждаемая наблюдением, или прямой дедуктивный метод есть узаконенный общий порядок для отвлеченных наук, а что обобщение, истолковываемое дедукцией, или косвенный дедуктивный метод миллевской терминологии есть вполне пригодный и плодотворный метод для конкретных наук. Следовательно, как конкретная наука социология, подобно психологии и биологии, должна начинать свои исследования с наблюдения и заканчивать их дедуктивным подтверждением и истолкованием. В ее выводах" описание и история должны всегда предшествовать объяснению.

Но мы сделали бы большую ошибку, если бы с узкой точностью придерживались этого общего правила. Единственное правило, которому надо строго следовать, это следующее: при всяком исследовании какой бы то ни было науки дедукция и опыт должны обязательно применяться в тех или иных сочетаниях, в том или ином порядке. Кроме соблюдения этого принципа и выбора того порядка, который в целом представляет наибольшие выгоды, никаких дальнейших требований не предъявляется и подвижность плана составляет одно из существенных условий исследования. На каждой данной ступени развития может быть легче прибегать к непрямой дедукции в конкретной науке или к прямой в неконкретной; на каждой из них мы можем рассуждать то от причины к следствию, то от следствия к причине. Более того, при анализе любого процесса оказывается, что в нем заключается и другой. Нам не только не представляет надобности исключать дедукцию из предварительных процессов наблюдения или исключать наблюдение из конечного истолкования, но мы не могли бы сделать этого, даже если бы захотели. Даже в повседневных обыденных делах жизни мы обыкновенно руководствуемся наблюдением с помощью простой дедукции из общеизвестных начал, принципов. Вся разница между систематическим наблюдением человека, получившего научное образование, и случайным наблюдением взбалмошного человека заключается в более искусном пользовании такого рода дедукциями. Рассуждая обратно, абстрактный мыслитель находит дорогу в лабиринтах дедуктивного рассуждения с помощью указаний, намеков, которые возникают в его уме через посредство наблюдения. Он не может совершенно отрешиться от мира восприятия, и громадное различие между ясным пронизательным умом "думающим правильно", и фантастическим умом мечтателя заключается в степени чувствительности к руководству, оказываемому наблюдением. Поэтому наше общее правило социологического метода может означать лишь то, что в целом те исследования, в которых дедукция играет наименее значительную роль, предшествуют тем, в которых она занимает наиболее выдающееся место.

Это правило требует не только того, чтобы описание и история предшествовали объяснению, но чтобы и описание предшествовало истории и чтобы изучение сосуществований в социальных явлениях предшествовало изучению их последовательности. Взгляд назад на прошлое, метод исторический, представляет более сложный, чем наблюдение, метод описания. Он предполагает наблюдение и свободнее пользуется дедукцией. Он может быть описан как критическое изображение вещей исчезнувших, основанное на систематическом наблюдении тех признаков (signs), знаков или действий существовавших некогда вещей, которые

существуют и по настоящее время. Он заключает в себе три процесса, из которых ни один не прост. Во-первых, должно иметься налицо критическое наблюдение существующих признаков или действий. Во-вторых, должно было существовать широкое наблюдение явлений, в которых подобные признаки или действия ассоциируются с существующими вещами или с причинами, продолжающими действовать. В-третьих, должно существовать веское основание предполагать, что подобные признаки или подобные вещи ассоциируются совершенно подобным же образом, как в прошлые времена. Историки редко подвергали анализу свои методы. Можно опасаться, что немногие из них заметили, что ретроспекция, обозрение прошлого, есть метод с определенными правилами. Даже современное критическое изучение истории вряд ли перешло за пределы рассмотрения первой ступени исследования, т.е. критического наблюдения существующих признаков или действий прежних вещей. Мало внимания было обращено на процессы рассуждения, которые должны дополнять собой всякого рода предварительную работу.

Не указывает ли общее господство метода в социологии на существование и в строго теоретическом делении науки порядка преемственности, соответствующего Порядку, найденному удобным для описательной и исторической частей той же науки? Необходимо ли и удобно ли объяснять сосуществование в социальных явлениях раньше, чем мы сделаем попытку объяснить последовательности явлений, т.е. предпосылать описание историй. Утвердительный ответ дается, по-видимому, традиционным делением социологии на социальную статику и социальную динамику. Но Конт, как мы видели, употреблял эти выражения крайне произвольно. Его социальная статика мало чем отличалась от описания; его социальная динамика мало чем отличалась от истории. Не сделав систематической попытки отделить анализ социальных причин от описания и от истории производимых ими действий он, естественно, мало чего достиг в деле изучения причин. Если, следовательно, здравый метод предписывает знакомство с конкретными действиями прежде, чем будет сделана попытка отвлеченного анализа причин, то мы этим ответим не на один только настоящий вопрос, а именно: должны ли мы описывать существующие деятельности и отношения в обществе раньше, чем мы определим, в каком конкретном порядке следовали друг за другом в прошлом социальные перемены; мы ответим и на вопрос, следует ли формулировать отвлеченный закон равновесия социальных сил раньше, чем мы попытаемся формулировать отвлеченные законы, согласно которым данные сочетания социальных сил данных величин должны необходимо произвести данные социальные перемены определенных размеров.

Изложения этого вопроса достаточно, чтобы показать, как нелепо употреблялись выражения "социальная статика" и "социальная динамика" теми, кто смешивал социальную статику с простым описательным анализом социального порядка, а социальную динамику с простой историей прогресса. Технические физические выражения не имеют никакого значения в социологии, исключая те случаи, когда они связаны с физическим истолкованием социальной причинности.

Но даже в этом ограниченном виде рассматриваемые нами выражения употребляются так, что в результате получаются совершенно ложные представления. Одно из наиболее сбивающих с истинного пути и хитросплетенных заблуждений, заключающееся в смешении социальной статики с изложением социального строения, а социальной динамики с изложением социальной функции, было ярко изложено Уордом. Функции в своем нормальном виде находятся в равновесии; и функция, покамест она не претерпевает перемен, представляет статическое явление. В действительности именно равновесие функций и поддерживает прочность строения. Только тогда имеем мы нестатические явления в органическом мире или в обществе, когда функция видоизменена, а строение преобразовано. В биологии анатомия и физиология - статические науки, пока они исследуют строение и функции

как неизменные. Они переходят за пределы статики только тогда, когда занимаются изучением явлений изменчивости и превращения.

Это критическое рассмотрение нашего предмета приводит нас к другим соображениям. Дальнейшее употребление слова "динамика" в том смысле его, какой уже оставлен и в физике, совершенно неизвинительно. Почему мы вполне естественно представляем себе функцию как динамическое явление? Потому что в действительности она - явление динамическое, хотя также и статическое, а не кинетическое. Мы познаем силу только с помощью движения или сопротивления движению. Мы познаем законы равновесия только посредством законов движения. Следовательно, всякое изучение сил, как находящихся в состоянии равновесия, так и производящих движение, представляет, в конце концов, изучение движения. Следовательно, это все - динамика как в первом, так и во втором значении этого слова. Динамика совпадает с физикой, а не есть одно только подразделение. Она включает все исследования о движении и сопротивлении. Статика есть отдел динамики, не координированный с ней. Она включает всякое изучение движений и сопротивлений, которые не меняются ни по силе, ни по направлению, и, следовательно, всякое изучение функции и строения рассматривается как неизменное. Другим отделом динамики представляется кинетика. Она включает всякое изучение движений, изменяющих свою силу или направление, или то и другое вместе, следовательно, всякое изучение видоизменений, колебаний и превращений функций и строения. Отсюда следует, что, если мы должны иметь два отдела социальной физики, то мы должны обозначать их словами, которые по своему смыслу и употреблению оправдывают до некоторой степени сделанный нами выбор. Мы не должны говорить "социальная динамика", когда нам следует сказать "социальная кинетика".

Но есть ли надобность в таком подразделении? Вспомнимся глубже в этот вопрос. Кинетика включает три рода задач. В одном отделе мы изучаем изменяющееся движение частицы. В другом мы изучаем изменяющееся движение твердого тела. В третьем мы изучаем изменяющиеся движения подверженной изменениям системы из n частиц или тел, подверженных действию как внутренних, так и внешних сил. Например, солнечная система представляет изменяющуюся систему, в которой взаимные притяжения солнца, планет и спутников представляют внутренние силы, между тем как притяжения неподвижных звезд действуют на нее как внешние силы. Очевидно, что кинетические задачи этого отдела наиболее сложны из всех, какие только могут быть представлены.

Изменяющаяся система, при которой внутренние силы остаются в приблизительно равновесии, между тем как внешние силы действуют так, что препятствуют внутреннему равновесию сделаться полным, называется движущимся равновесием. Все агрегаты вещества, находящегося в стадии развития, находятся в состоянии движущегося равновесия, как было доказано Спенсером. Наиболее сложные примеры этого доставляют нам живые организмы и общества. Физическое истолкование организма или общества представляет разрешение задачи в статикокинетике изменяющейся системы.

Как только перед нами уяснятся все выводы из этой грандиозной истины, мы увидим, что наш вопрос получает близкий ответ.

Невозможность рассматривать более сложные задачи динамики раньше, чем будут изучены ее элементы, принуждает исследователя изучать многочисленные случаи неизменяющегося движения раньше, чем делать попытку объяснить случаи движения меняющегося. Статические основы всякой конкретной науки, астрономии или геологии, биологии или социологии, развиваются всегда раньше ее кинетических начал, подобно тому как описание развивается раньше истории. Это вовсе не случайное явление, если статическая биология Кювье предшествовала кинетической биологии Ламарка и Дарвина.

Но, конечно, из этого вовсе не следует необходимость группировать систематически все статические исследования эволюционной науки, изучать их с систематической полнотой раньше, чем приниматься за разрешение кинетических задач, и затем группировать подобным же образом все кинетические исследования, так чтобы в конце концов теория представилась резко разграниченной на две части. Поступая так, мы бы отказались от надежды разрешить наиболее характеристичные задачи науки, задачи, представляющиеся не просто статическими или просто кинетическими, а статико-кинетическими. Это значило бы прекратить всякую Действительную попытку объяснить то единственное равновесие, которые мы больше всего желаем понять, потому что оно представляет собой конечный вывод из всех сил, именно то, которое получается от совокупного действия статических стремлений, с одной стороны, и кинетических стремлений - с другой. Ради удобства Или ради необходимости мы можем на любой стадии нашего исследования отделить статическое исследование от кинетического. Но такого рода отделение Представляло бы не более как средство для достижения известной цели, а цель эта состоит в синтезе статических и кинетических начал. Пока этот синтез не закончен, динамическая теория любой конкретной науки об эволюционных явлениях должна считаться неполной.

Это приводит, по-видимому, к следующему заключению: между тем как исследования статических явлений общества должны до некоторой степени предшествовать изучению кинетических явлений, наблюдение должно предшествовать ретроспекции, и социологическая теория в своей конечной форме не может быть разделена на социальную статику и социальную кинетику.

Таковы правила, руководящие распределением и порядком исследования в социологии; теперь нам остается рассмотреть некоторые правила, руководящие разнообразными процессами исследования. Нам незачем дальше останавливаться на наблюдении и ретроспекции, но мы должны критически исследовать методы классификации, обобщения и дедукции.

Многие упорные труды в области социологии пропадали даром вследствие неудачных классификаций, повторявших ошибки, которые делались в естественной истории, прежде чем учение о происхождении с сопутствующими ему изменениями не исправило ошибочности первоначальных понятий о естественных группах. Хотя это учение сделалось существенной частью научного мышления, почти все социологические классификации игнорируют до некоторой степени принцип развития. Укажем на два различных проявления этого заблуждения.

Многие социальные привычки общи животным и людям. Многие законы, обычаи и учреждения общи диким племенам и гражданским обществам. Должны существовать социологические категории достаточно обширные, чтобы включать каннибала и человека, обедающего в гостях. Некоторые должны быть достаточно обширны, чтобы включать мудрого человека и муравья. Но известно, что филология и этнология вели в продолжении многих лет борьбу против роковой легкости, с какой выводили обобщения из слишком широких классификаций. Историческая политическая экономия представляла протест против классификаций, сливавших в одно рабовладельческую усадьбу с рынком, ренту обычную с рентой в духе Рикардо. Историческая юриспруденция оказала большую услугу науке своим критическим разбором группировок вроде тех, которые смешивали юридическую ответственность англичанина или американца, основанную на социальной пользе, с юридической ответственностью саксов или первобытных римлян, основанной на простых ухищрениях, обусловленных желанием изменить непосредственные виды мести. Во всех подобных неподходящих группировках ошибка заключается в неумении отделить характеристические черты явления, появляющиеся только на определенной ступени развития, от тех характеристических черт, которые встре-

чаются на всех ступенях развития. Например, ответственность встречается во всех обществах, и все виды ответственности могут быть сгруппированы в один класс для сравнения с одинаково общими явлениями; но более ранняя и более поздняя ответственность не должны быть слиты в одно для сравнения с явлениями, которые появляются только при позднейших формах ответственности: Семья, в некотором смысле этого слова, встречается как в животных, так и в человеческих обществах. Животные и человеческие семьи, соединенные в один класс, могут быть сравниваемы с другими явлениями, общими животным и человеческим обществам. Но если мы станем сравнивать семейную организацию с явлениями, которые встречаются лишь после действия родственных отношений и которые были учреждены и санкционированы социальным разумом, то человеческие семьи должны быть классифицированы особо. Клан встречается в племенных обществах, ведущих свое происхождение по материнским именам, и продолжает существовать в видоизмененном виде и в общинах, которые ведут свое происхождение по отцовским именам. Изучая всемирные фазисы племенной организации, мы можем соединять в один класс оба типа; но при изучении некоторых специальных фазисов позднейшего происхождения, клан, соединенный с понятием о родстве через женщин, должен быть исключен.

Вторая форма, в которой появляется характеристическая ошибка социологических классификаций, заключается в злоупотреблении биологической аналогией. Попытка, сделанная Спенсером в его "Социальном организме", произвела сильное впечатление. В настоящее время значительная часть трудов по социологической литературе написана в выражениях биологической терминологии. В собственном атласе "Описательной социологии" Спенсера самое обширное и наиболее систематическое собрание социологического материала было распределено, сгруппировано под заглавиями "Строение" и "Функция" и подразделено на "Оперативный" и "Регулятивный". Пример этот оказал громадное влияние. Все классификации в обширном трактате д-ра Шэффле представляют биологический характер как по имени, так и по идее. В сочинениях, менее значительных, постоянно встречаются выражения, вроде "социальная анатомия", "социальная физиология" и "социальные органы".

Социология должна будет отбросить эту классификацию и номенклатуру, подобно тому, как химия и физиология еще в прошлом поколении отбросили невозможные группировки и терминологии. Анализ носит слишком общий характер. В некоторых основных своих чертах социальная организация подобна жизненной организации, но во всех тех отношениях, которые оправдывают фразу Спенсера о "надорганическом развитии", она представляет совершенно особенный характер и не может быть отнесена в один класс с организмами. Если бы это было несправедливо, социология представляла бы простой отдел биологии. Каждая отдельная наука должна обладать собственными классификациями и собственными наименованиями для явлений, которые, как они ни походят на явления, изучаемые другими науками, представляют, однако, нечто совершенно отличное от них и служат содержанием отдельной науки только благодаря своему различию, своим особенностям.

Ошибки классификации, обусловливаемые недостаточно внимательным отношением к вопросу о развитии, можно избежать в социологии подобно тому, как это сделано в биологии внимательным отношением к одному отличительному признаку развития, именно к дифференциации. Дифференциация представляет посредствующий, примирительный фазис между двумя видами естественных групп, которые Уэвелл называет "типами" и "определениями". Описание типов, составленное Уэвеллом, и описание видов, составленное Миллем, служат как бы предвестниками того всеобъемлющего взгляда на природу, который был достигнут

впервые Спенсером в его представлении о всемирной эволюции путем интеграции и дифференциации. Тот класс истинный, действительный, в котором предметы или индивидуумы сгруппированы соответственно некоторым характеристическим чертам их, обусловленным нормальной дифференциацией. Пока этот генетический критерий не будет применяться, временные или случайные отношения явлений будут всегда приниматься за постоянные и существенные отношения. Им же единственно и можно руководиться при классификации по сериям. Хронологическая историческая преемственность может быть покрыта мраком, "высшее" и низшее" на лестнице жизни может быть недостоверно, пока строения и функции сравниваются без всякого упоминания о генетических, родственных отношениях, но раз степени дифференциации могут быть установлены, будет открыт и естественный порядок подчинения в сериях. Только постоянно следуя правилу, что классификация должна производиться по мере дифференциации, исследователь-социолог может надеяться отличить первичные характеристические черты от второстепенных или отличить общее от специального. Желая, например, разделить население на социальные классы или сгруппировать общества по типам, он может рассчитывать на успех только в том случае, если сосредоточит свое внимание на признаках и процессах социальной дифференциации.

Эмпирические обобщения в социологии могут быть сделаны двумя методами, а именно - сравнительным и историческим. Оба они представляют различные формы того метода, который известен в логике под именем метода сопутствующих изменений. Каждый из них представляет систематическое наблюдение сосуществований явлений в соединении с указанием, что явления, которые продолжают существовать вместе или изменяются вместе, - причины и следствия или следствия общей причины. Сравнительный метод представляет наблюдение тождественных сосуществований социальных явлений в двух или более местах или в двух или более народностях, например, сосуществование поклонения предкам с отцовской властью повсюду, где встречается поклонение предкам или сосуществование полигамии с низким общественным положением женщин, повсюду, где встречается полигамия. Исторический метод представляет наблюдение сосуществований в течение известных периодов времени. Сравнительный и исторический методы могут сделаться точными, если они могут сделаться статистическими. Статистическое исследование представляет систематическое наблюдение сосуществований социальных явлений, допускающих цифровое подтверждение сосуществования, например, известного количества браков и известных цен на хлеб или эмиграции из Европы и процветания дел в Соединенных Штатах. Так как все эти сосуществования распределены во времени и пространстве, то статистический метод не может считаться третьей определенной формой метода сопутствующих изменений. Это только количественная форма для сравнительного и исторического методов.

Действительность какого-либо метода эмпирического обобщения в социологии зависит от количества фактов, которые подлежат сравнению, и от возможности предварительного устранения содействующих причин.

Когда, например, Милль доказывал, что ни методом соглашения, ни методом различения, ни даже методом изменений нельзя доказать, что свобода торговли служит причиной, обуславливающей благосостояние, он представлял себе сравнение, сделанное только между двумя странами, ни в чем не сходными друг с другом или ни в чем не различающимися друг от друга, или не изменяющимися совместно ни в чем, кроме торговой политики. Этот гипотетический случай, впрочем, не вполне типичен для сравнительных или исторических исследований. Он никоим образом не представляет собой исторических исследований. Благосостояние является следствием громадного множества причин, но среди них нет и полудюжины,

которые были бы соразмерны с каким-либо обширным, внезапным или продолжительным увеличением материального благосостояния. Все другие могут быть сразу устранены. Затем, если бы оказалось, что во множестве случаев количественные изменения в некоторых из предположенных причин сосуществуют с изменениями в благосостоянии, между тем как изменения в остальных случаях лишь редко сосуществуют с теми же изменениями в благосостоянии, то это будет сильно говорить в пользу предположения, что главная причина найдена. Степень вероятности может быть подтверждена сравнением числа найденных сосуществований с числом предполагаемых на основании логической вероятности.

Впрочем, эмпирические обобщения, даже те из них, которые сделаны самым тщательным статистическим методом и на основании обильных статистических данных, представляют только вероятности. Они должны быть проверены дедукцией, и среди методов социологии, которые все еще несовершенны, существуют такие, с помощью которых дедукции из субъективных посылок сравниваются с обобщениями из подвергнутых наблюдению факторов.

В течение целого ряда лет совершенно ненаучная процедура преобладала в социальных науках. После того как человеческая природа была разложена на целый ряд абстракций, сделана была попытка проверять и отдельно и совместно всякого рода дедукции из нее с помощью непосредственного сравнения со статистикой и историей, как будто бы эти конкретные истины могли соответствовать дедуктивному в то время, когда последние не были еще соединены в сложные целые. Из множества примеров, которые мы могли бы привести, возьмем некогда весьма распространенное положение, что если бы рабочий не преследовал своего интереса, его интерес тем не менее преследовал бы его, против чего президент Уолкер выставил с успехом факты из промышленной жизни. Если рассматривать это пагубное положение с точки зрения простой отвлеченной истины, оно представляет как бы вполне верное научное заключение. Вполне основательно поступает тот, кто отделяет одно отвлеченное начало из человеческой природы от всех других отвлеченных начал и выводит из него логические последствия, дедукции. Ошибка наступает тогда, когда какая-либо единичная истина принимается за синтез истин; когда частично предоставляется та обязанность, которую должно выполнять целое. Если экономист, выставляя посылку, что человек может быть рассматриваем отвлеченно как соперник своего товарища-человека в деле достижения экономических выгод, пользуется дальше и другой посылкой, что человека можно также рассматривать отвлеченно как инстинктивного соучастника своего товарища-человека в деле сохранения за данным классом известной власти и привилегии, то он выводил бы, следовательно, не только то заключение, дедукцию, что работодатели будут конкурировать друг с другом в деле создания новых промышленностей, но и дальнейшее заключение, что они будут насколько возможно воздерживаться от конкуренции друг с другом в деле покупки труда и никогда не упустят случая оказать друг другу помощь в деле создания социальных и юридических условий, при которых рабочие должны продать свой труд. Сопоставивши эти две дедукции, мы получим вытекающую из них, истинно сходную с обобщениями истории и статистики.

Следовательно, дедуктивный процесс в социологии должен развиваться в построительный метод, который может быть назван методом психологического синтеза. Социолог должен выработать в себе привычки обращать непрерывное внимание на психические возможности, предоставляемые великим миром человеческой борьбы. Он должен быть всегда настороже, чтобы как-нибудь не упустить из виду каких-либо факторов человеческих действий, как это делает химик относительно неизвестных ему элементов. Затем, пользуясь способностью научного воображения, он должен мысленно сопоставить все факторы и стараться открыть условия и законы их

соединения. Только тогда, когда он это сделает, он может подвергнуть свое заключение сравнению с историческими и статистическими сведениями.

Мы пришли, наконец, к вопросу, могут ли методы социологии быть усовершенствованы при существующих условиях научного исследования и университетского преподавания. Для успешной разработки идей из современных наук требуется обширный ряд умственных симпатий. Каждая наука зависит до некоторой степени от многих других наук как по отношению к своим идеям, так и по отношению к своим методам. Ее деятели могут быть совершенно несведущи относительно тех орудий мысли и тех способов рассуждения, которые употребляются их соратниками в других областях научного исследования. Это особенно верно относительно социологии. Но стремление специализировать современное исследование обусловлено столько же пределами, поставленными человеческому уму, сколько и границами, проведенными между различного рода исследованиями. Быть может, именно этот субъективный факт скорее, чем какие-либо объективные признаки, все более и более обуславливает классификацию наук для целей университетского преподавания. Предметы преподавания группируются в школы и отделы, если они требуют для своей разработки одинаковых или подобных способностей или исследуются с помощью одинаковых или подобных методов. Следовательно, если данная наука примыкает по своему содержанию к знанию одного рода, между тем как по своему методу она соединяется с знанием совершенно иного рода, то ее шансы на приобретение расположения со стороны учащихся будут весьма ничтожны. Если социология представляет интерес главным образом для изучающих экономические, юридические и политические науки, и должна разрабатываться с помощью методов, с которыми эти учащиеся мало знакомы, то всякая надежда на упрочение за ней места в кругу университетских наук должна быть оставлена.

Но в этих рассуждениях нет ничего, что бы могло привести в смущение лиц изучающих социологию, или лиц, преподающих ее. Если методы социологии представляют особенные трудности для изучающих политическую экономию, или политику, или какую-нибудь историческую науку, то из этого следует, что методы именно этих наук, а не методы социологии заключают в себе крупный недостаток. Изучающие каждую из социальных наук должны быть вполне ознакомлены со сравнительными и историческими методами в их качественной и в их статистической формах. Этого никто не станет отрицать. Единственный вопрос, который может быть поднят, касается дедуктивного процесса. Можно ли ожидать от лиц занимающихся изучением экономической, юридической и политической науки, что они вполне усвоили метод психологического синтеза?

В ответ на это можно сказать, что из целого ряда предметов, которые они должны будут, быть может, изучить в будущем, нет ни одного, полное усвоение которого было для них так действительно необходимо. Молодой человек, начинающий в наше время заниматься специально экономической наукой или наукой общественного права, скоро заметит, что он должен критически проверить психологические положения, лежащие в основании этих наук, если желает идти в ногу с ними. Продолжительный спор об относительном значении дедуктивного и исторического методов приближается к совершенно неожиданному для всех исходу. Немалое разочарование испытали те, кто двенадцать или пятнадцать лет тому назад ожидали почти безграничного расширения знания от применения исторических исследований к политическим и экономическим вопросам. В настоящее время замечается беспорочная реакция в пользу более свободного обращения к анализу и дедукции. Но никогда более эти методы не могут быть применяемы так, как они применялись в прежнее время. Основание исследования должно быть расширено; многочисленные факты, неизвестные в прежнее время, должны быть теперь приняты во внимание. Знаменательно, между тем, то, что в то время, как это заключение мало-помалу

овладевало вниманием ученых, новая жизнь вливалась в теоретические исследования людьми, приступившими к ним с психологической стороны. Бесспорно, что именно их пересмотру психологических посылок политической экономии обязаны мы тем свежим импульсом, который ощущается во всех отделах экономического исследования. То же можно сказать в значительной степени и о сравнительной юриспруденции. Но и здесь также новый взгляд и существенное отличие от старого. Так как исторические исследования доказали относительность по существу всех систем права, то исследование сосредоточивается теперь на субъективном или психологическом основании исторических систем. Нет сомнения, что учение, которое должно отсюда возникнуть, будет совершенно не похоже на учение XVIII в., но как бы то ни было в настоящее время все более и более распространяется убеждение, что дальнейший прогресс наук общественного права будет зависеть в значительной степени от более тщательного изучения социальной психологии. И общественное право, и экономическая наука представляют только две науки из многих, основанных на социальной психологии. Они все построены на психологических предположениях, а предположения эти могут быть либо истинными, либо ошибочными. Фантазии и символы воображаемой психологии достаточно долго управляли социальными науками. Нравится ли нам это или нет, но мы должны отбросить свои иллюзии и научиться заменять их истинами рациональной социологии.

Глава четвертая ЗАДАЧИ СОЦИОЛОГИИ

Остается определить, какие исследования или задачи должно будет подвергнуть подробному рассмотрению лицо, занявшееся изучением социологии, если оно признает то понятие о социологии, которое мы излагали и защищали на предыдущих страницах. Недостаточно сказать, что пределы социологии могут быть обозначены, и что определенная таким образом область может быть исследована точными методами. Социология представляет лишь номинальную науку, если в ее область не входит множество логически связанных друг с другом предметов исследования. Поэтому необходимо узнать, многочисленны ли социальные элементы и первые начала и достаточно ли они плодотворны в умственном отношении, а также являются ли вполне определенными и выполнимыми предстоящие исследования их.

Краткого обозрения задач социологии в порядке их систематического расположения будет достаточно для доказательства, что содержание социологии неистинно и реально. Социологические задачи вполне определены и допускают бесконечное подразделение их.

Порядок их распределения был указан нами, когда мы говорили в заключение, что описание истории должно предшествовать теории, что невозможно изучать с пользой общие законы и причины, прежде чем будут изучены конкретные частные виды вещей и событий; что, прежде чем обобщать, мы должны познакомиться основательно с составными элементами наших явлений, с образом их действия, с формами, какие получают ими во время их комбинаций, с условиями, при которых происходят эти комбинации.

Соблюдая затем этот научный порядок распределения, который был объяснен нами на предыдущих страницах, мы должны разделить задачи социологии на первичные и второстепенные. К первому классу принадлежат задачи социального строения и роста. Ко второму - задачи социального процесса, законы и причины. Первичные задачи распадаются в свою очередь на две группы. Одна группа состоит из задач описания. Ее содержанием являются элементы и современная организация общества. Вторая группа состоит из задач истории, именно из задач о происхождении общества и о его эволюции до нашего времени.

В первой, или описательной, группе первичных социологических задач мы видим все задачи о социальном населении. Они включают задачи: 1) агрегации, 2) ассо-циации и кооперации, или взаимопомощи, 3) социального характера населения и 4) классов, на которые население дифференцируется.

Социальные отношения предполагают сочетание индивидуальных элементов социального агрегата. Но сообщество не только не представляет собой простого явления, но находится в строгой зависимости от определенных условий и принимает самые разнообразные формы, связанные друг с другом самыми любопытными и тесными способами, представляющими большое значение для социальной теории. Сообщество развивается в сношениях, главным проявлением которых является обмен мыслей и чувств с помощью речи и главными последствиями которых являются эволюция сознания рода и эволюция природы, в умственном и нравственном отношении пригодные для социальной жизни. Развитие достигает неодинаковой степени в различных индивидуумах, вследствие чего в населении появляется несколько классов. Это, во-первых, социальный класс, положительный и постройительный элемент общества, характеризуемый высоким развитием сознания рода; во-вторых, несоциальный класс, в котором сознание рода не вполне еще совершенно, но в то же время и не извращено, - класс, из которого дифференцируются все остальные социальные классы; в-третьих, псевдосоциальный класс, или бедный, в котором сознание рода выродилось; и, в-четвертых, антисоциальный, или преступный, класс, в котором сознание рода почти что исчезло.

Итак, влияния, обуславливающие агрегацию и смешение элементов населения их кооперативные деятельности, их взаимные видоизменения, вытекающие из этого характеристики и дифференциации, представляют много интересных пунктов для изучения как и сами по себе, так и по отношению к другим чертам социальной системы.

Дальше идут задачи социального сознания, или социального разума, включая сюда общие воспоминания и идеи, общие стремления и желания. Социолог не будет при исследовании их входить в подробный разбор археологии, мифологии и сравнительной религии или в подробности права и учреждений - всего того, в чем находит свое выражение социальный разум. Но он должен понять строй, происхождение и деятельность самого социального разума.

В конце всего следуют задачи социального строения. При разных попытках, которые делались с целью организовать систематическую социологию, на задачи социального строения, или организации, было обращено наибольшее внимание. Много пространных сочинений занимают исключительно этими вопросами. Впрочем, многое еще надо сделать не только с целью подробного изучения, но и с целью более обширной группировки частей. Под социальным строением многие писатели подразумевают этнографическую группировку населения в племена и нации. Другие подразумевают под этим выражением организацию государства и церкви и бесчисленные меньшие ассоциации, служащие для специальных целей. Обе точки зрения справедливы, но ни одна из них не отличается полнотой. Социальное строение включает в себя как этнографическую группировку, так и намеренную организацию. Что же составляет существенное различие между ними и не ограничивает ли или не определяет ли одно другое?

Ответ тот, что социальный разум, действуя на самопроизвольные, бессознательные или случайные комбинации индивидуумов, вырабатывает две различные формы союза, которые могут быть условно названы социальным составом (composition) и социальным устройством (constitution).

Под социальным составом подразумевается такая комбинация мелких групп в большие агрегаты, когда каждая из более мелких групп настолько совершенна как

социальный организм, что может в случае нужды вести в течение некоторого времени независимую жизнь. Семья, клан, племя и народ или семья, городская община, государство и нация - наименования, обнимающие собой как элементы, так и стадии в социальном составе.

Под социальным устройством, с другой стороны, подразумевается дифференциация социального агрегата в зависимые друг от друга классы или организации, среди которых существует разделение труда.

Социальный состав подобен составу большого организма, образуемого из живых клеток. Социальное устройство подобно дифференциации организма в особые органы и ткани.

Агрегация, ассоциация и вытекающие отсюда изменения в характере и деятельности населения составляют первую стадию в синтезе социальных явлений. Эволюция социального разума составляет вторую стадию. Третью стадию представляет социальный состав; четвертую - социальное устройство.

Этим четырем стадиям социального синтеза соответствуют в общих чертах четыре последовательные стадии. Они представляют вторую, или историческую-группу первичных задач социологии.

Большинство форм сообщества, сношений и взаимопомощи ведут свое начало от животного общества. С помощью их животная жизнь развивается в свои различные типы. Следовательно, эта стадия ассоциации может быть характеризована как зоогеническая, а изучение ее, как она выражается в животных обществах, может быть названо зоогенической социологией.

Развитие социального разума и зарождение различных преданий обозначают переход от животного к человеку. Это антропогеническая стадия ассоциации и изучение ее называется антропогенической социологией.

Социальный разум, действуя на самозарождающиеся формы союза, создает семью, клан и племя, а позже народ и нацию. Это этногеническая стадия социальной эволюции, и ей соответствует этногеническая социология.

Наконец, интеграция племен и мелких наций в территориальные и национальные государства обуславливает возможность удивительного развития социального устройства, изумительного расширения разделения труда, пользования в обширном размере средствами страны, быстрого прироста населения и демократической эволюции социального разума. Эта, следовательно, демогеническая стадия социальной эволюции образует демогеническую социологию.

Одного обзора социального роста и строения будет, по-видимому, достаточно, чтобы убедить исследователя в действительности социальной эволюции. Но представляет ли эволюция в каком-либо смысле прогресс, а если так, то в каком именно смысле, - все это вопросы, оставшиеся до сих пор без ответа. Идея прогресса должна быть еще рассмотрена. Что означает слово "прогресс" в действительном значении этого слова? Если оно имеет разумное значение, то существуют ли какие-либо факты и обобщения, отдельные от социологии, которые соответствовали бы этой идее? Если и этот вопрос получит утвердительный ответ, то социолог должен проникнуть в природу прогресса. Он должен сделать попытку выразить это понятие в более простых выражениях и, насколько это требуется, объяснить его.

Таковы первичные социологические задачи, которые должны быть основательно разработаны, прежде чем приступлено будет к разрешению более сложных и во всех отношениях более трудных вторичных задач. А между тем на вторичные задачи часто раньше всего обращали внимание, причем исследователи не имели ни малейшего понятия об их научном отношении к тому роду исследования, которое было нами только что начертано. Они более важны и заключают в себе срав-

нительно значительную часть чистой теории. По этой причине на них и было обращено преимущественное внимание.

Первое место между ними занимают чрезвычайно сложные задачи о взаимодействии социальных сил и мотивов. Если, изучая историческую эволюцию общества, мы будем вынуждены утверждать реальность прогресса, мы неизбежно найдем, что он обуславливает некоторое постоянное изменение в величине психического фактора и в его относительном значении по сравнению с физическим фактором во время поступательного движения общества. Следовательно, необходимо прежде всего исследовать социальный прогресс. Относительно этого выражения мы должны быть очень осторожны, понимать под ним не последовательные фазы социального роста или эволюции, представляющие первичные задачи социологии, но скорее сам процесс, из которого вытекают фазы эволюции. Задачи социального процесса преследуют изучение взаимодействия физических сил и сознательных мотивов. Они обуславливают изучение природы и форм добровольной ассоциации и ее воздействия на социальный характер и деятельность.

Очевидно, что социолог тех времен дошел до понимания закона и причины. Вопрос, возбуждавший столько споров о том, существуют ли какие-либо истинные естественные или космические законы социальных явлений, не может быть дольше избегнут, но на него нельзя ответить простым аргументом о возможности или невозможности закона в мире сознательных человеческих действий. На него надо ответить доказательством, что социальные законы существуют, и указанием на их действие. Следует формулировать закон социальных выборов, который, как я говорил, составляет один из главных предметов исследования для социолога, а также закон о социальных пережитках. Когда это будет сделано, следует обратить внимание на дальнейший вопрос о причине. Так как воля была признана одной из причин социальных перемен, то социолог должен решить, как ему следует относиться к ней: как к независимой оригинально самобытной причине или как ко вторичной и производной. Он должен далее решить, находит ли он или нет в физической природе единственный самобытный источник социальной энергии.

Только тогда, когда все эти исследования будут завершены, социолог будет в состоянии приступить к разрешению того конечного вопроса, который ставили так часто в самом начале изложения социологии. Что такое общество? Представляет ли оно организм или органическое целое, или нечто большее? Представляет ли оно по существу своему физическое явление или сложенное из психических отношений? Обладает ли оно функцией или целью, ясно различаемое назначение или ко-нец? В соответствующих ответах на вопросы, подобные предыдущим, заключается истинно научное понятие об обществе и также о рациональной социальной идее.

ТЕННИС ФЕРДИНАНД (TUNNIES)-родился 26.07.1855, город Рун, Шлезвиг-немецкий социолог и историк философии. Один из основоположников социологии в Германии и основателей Немецкого социологического общества и его президент (1909-1933), сооснователь и президент Гоббсовского общества. С 1909 г. -экстраординарный профессор, с 1913 г. - ординарный профессор Кильского университета. Социология Тенниса - один из первых опытов построения системы формальных, "чистых" категорий социологии, позволяющих анализировать любые социальные явления в прошлом и настоящем, а также тенденции социальных изменений. Он подразделяет социологию на "общую" и "специальную". Первая им подробно не рассматривается, она должна изучать все нормы сосуществования людей, общие с формами социальной жизни животных. Вторая, подразделяемая на "чистую" (теоретическую), "прикладную" и "эмпирическую" (социографию), изучает собственно социальную жизнь. Собственно социальное возникает, когда сосуществующие люди находятся в состоянии "взаимоут-верждения". В основу социальной связи Теннис кладет волю (им же впервые введен термин "волюнтаризм"). Тип воли определяет тип связи.

Типология взаимоутверждающей воли подробно разработана в его главном труде "Община и общество" (1897). Он различает волю, поскольку в ней содержится мышление, и мышление, поскольку в нем содержится воля. Теннис добавляет понятия "статус социальной концепции" и "контракта" (договора). Эти оппозиции дают возможность не только построить разветвленную систему "чистых" социологических категорий, но и рассмотреть под этим углом зрения процесс и смысл исторических изменений, что стало задачей 2-й части его "специальной социологии" - прикладной социологии. Основная идея заключается в том, что социальность преимущественно "общинная" в ходе истории все более вытесняется социальностью "общественной". Отсюда открывался путь для анализа права, семьи, нравов, хозяйствования, деревенской и городской жизни, религии, политики, общественного мнения, государства. Со временем он усложнил схему, предложенную в названном труде, включив в ее характеристики: плотность социальной связи, количество участников, товарищеский характер в противоположность отношениям господства и подчинения. В полном виде эта схема представлена в одной из последних работ: "Введение в социологию" (1931). Теннис был широко известен и как социолог-эмпирик, организатор крупных статистических и социографических обследований. Умер 11.04.1936 в Киле, Германия.

Ф. Теннис ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА

Глава первая

СУЩНОСТЬ И ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА

Вопрос, как осуществить мирное сожителство и мирное сотрудничество различных слоев, классов и сословий одного народа, далеко отстоящих друг от друга по своим экономическим условиям, своим жизненным привычкам и своим жизненным воззрениям, - вот общее содержание так называемого "социального вопроса".

В наши дни этот вопрос во всем своем подавляющем величии стоит перед глазами мыслящего человека. Развитие его представляет собой особую сторону общего развития культуры в целом. И параллельно с этим развитием социальный вопрос выступает перед нами в трех своих великих и главных формах, между которыми сохраняется глубокая и крепкая связь, которые взаимно обуславливают друг друга и взаимно оказывают друг на друга то ускоряющее, то замедляющее влияние.

В основе лежит социальная жизнь сама по себе, в ее непосредственном проявлении, в виде экономической жизни. Вторую главную норму представляет политическая жизнь, третью - духовная жизнь.

Важнейшим элементом экономической жизни является труд, преимущественно труд как производство товаров. Он распадается на две большие области: сельское хозяйство и промышленность, причем последнюю можно определить как городское производство, ибо сельское хозяйство сосредоточивается преимущественно в деревнях, промышленность же развивается преимущественно в городах. В своем развитом состоянии, каким мы знаем его в настоящее время, социальный вопрос стоит, главным образом, в связи с положением труда, притом гораздо больше труда промышленного, чем труда сельскохозяйственного. Теперь, как известно, этот вопрос, прежде всего, является вопросом промышленных рабочих. Далек позади его стоит по своему значению вопрос о рабочих сельскохозяйственных.

Но более старой, чем эти формы, является другая форма социального вопроса, форма которая, конечно, ближе связана со вторым из современных проявлений, с вопросом о сельскохозяйственных рабочих. Мы имеем в виду крестьянский вопрос.

С давних пор и во многих случаях уже с "классической древности", т.е. у греков и римлян - наблюдается борьба между крестьянским сословием и сословием феодалов.

лов. Феодалы притесняют крестьян, как единственные и непосредственные собственники (*domini direct!*) земли, как заимодавцы, - особенно, ссужающие скот - икак законодатели; часто они обращают крестьян в рабство. Феодал нередко является не только господином и хозяином, но и собственником крестьянина, который становится тогда крепостным в силу завоевания или какого-либо другого "права", покоящегося на произволе или на могуществе господина. В Риме и Греции столкновение и борьба, возникшая на этой почве отходит в поздние столетия скорее на задний план; зато более на передний план выдвигаются столкновения и борьба, основой которых служит положение несвободных рабочих в рудниках и городских поселениях, а также положение бедняков и нуждающихся, особенно в крупных густонаселенных городах.

Подобным же путем шло до сих пор развитие социального вопроса в новом культурном мире. В последние столетия средних веков и вплоть до XIX столетия, и даже до настоящего времени (вспомните Россию, Венгрию, Румынию), крестьянство, волнуемое, недовольное, склонное к возмущению и от времени до времени, то здесь, то там восстающее, раздавленное и угнетенное, - служит предметом заботы политиков и предметом спасательных попыток путем законодательства. Уже здесь рассмотрение политической жизни нельзя отделить от рассмотрения жизни социальной.

Желания, стремления и надежды лично несвободного и связанного в распоряжении своей собственностью крестьянина направились на завоевание личной свободы и свободной собственности, достаточной для содержания его семейства. В одних случаях социальное развитие само по себе, развитие общества, оказывалось способным освободить крестьянина, причем феодалы сами и непосредственно признали для себя выгодным освобождение крестьян. В других случаях и тогда, когда первого фактора оказывалось недостаточно, акт освобождения должно было совершать государство.

Развитие общества есть развитие владеющего и через свое владение господствующего класса, как известной коллективной единицы, которая занимает большую территорию и из своей среды выделяет органы "государства", как носителя и выразителя ее коллективной роли.

В этом смысле слова "общество" слагается прежде всего, из старого феодального сословия, которое в рамках нового культурного мира состоит в свою очередь из двух частей. Одна - это светские феодалы, дворянство или рыцарство, которые по праву являются полными обладателями или прямыми собственниками громадного количества земель в стране, причем ветви этого феодального сословия образуют княжеский род или династию. Другую, и во многих отношениях выдающуюся сравнительно с первой, часть старого феодального сословия образуют духовные феодалы, клир, церковная иерархия, которая была представлена в лице своих высоких и высших князей церкви, и которая при помощи монашеских орденов, этих "неумирающих" корпораций, создавала себе органическую силу и преемственность знатных родов.

Следующей сословной группой, входившей в состав общества и по существу собственно и характерной для него, - ибо она все более и более сообщала обществу свой отпечаток, - было новое господствующее сословие, состоящее преимущественно и, прежде всего, из тех, в чьих руках были деньги, и кто в качестве ростовщиков, купцов и промышленных предпринимателей получил общее название капиталистов". Это был слой по существу своему городской, даже в особенности свойственный большим городам, все более и более возвышающийся и перерастающий прежнее сословие господ. Это была буржуазия.

Оба этих составных элемента общества, частью действовали совместно друг с Другом, частью друг против друга. Они борются за государство, т.е. за власть в

государстве, за политическую власть, которую каждый из этих элементов стремится осуществлять в своих исключительных интересах, а там, где они сталкиваются с интересами другого элемента, осуществлять за счет враждебных интересов этого последнего.

Развитие общества и государства и борьба внутри общества за политическую власть наполняют собой историю европейских наций, особенно историю последних четырех столетий.

Внизу, на нижних ступенях общества и государства, протекает жизнь собственно "народа", громадной массы, которая постоянно занята производительным трудом - сельскохозяйственным или промышленным. Отношение народа к правящему классу, который именно потому и является правящим, что он правит народом можно охватить и выразить словами: народ кормит и питает своих господ ради определенных, полезных для него (народа) и даже необходимых функций, как то - предводительство на войне, суд, управление, просвещение, отправление культа духовное руководство. Он несет и выносит их иго, потому что они, - хотя и правящие им, но вместе с тем и служащие ему органы. И он не только несет и выносит их иго. Он смотрит на них снизу вверх, он читает и почитает их, как самих богов, которых он создает по своему образу и подобию. Но в то же время он постоянно дает им чувствовать, что это отношение является обоюдоострым, что они - господа - зависят в известной мере от него - народа.

Но господа остаются господами и все более и более приходят к сознанию своей независимости и своего самовластия. Частью они чувствуют в себе такое призвание, как люди благородного происхождения, отмеченные сверхъестественными дарами и милостями божества; частью - и это в особенности - они проникаются своим призванием на практике, применяя свои права властелина в интересах своей собственной выгоды, а не в интересах народа. Далее, - и это имеет существенное значение для нового буржуазного слоя - они придают фактическую жизнь деньгам, делая их орудием и основой обмана, как всеобщее приемлемое покупное и платежное средство, развивают и расширяют эту власть денег, которая, само собой разумеется, и с самого начала, направляется к их пользе, а не к пользе народа, даже противоречит интересам последнего.

Старое господствующее сословие все больше и больше учится охранять свои позиции этой фактической властью денег. С этой тенденцией сходна более ранняя тенденция, - сделать свои земельные владения не зависимыми от прав народа, чтобы земля, как какая-нибудь сумма денег, осталась в полном распоряжении хозяина и давала ему возможность осуществлять свои цели - умножать свое богатство, свою силу, свои наслаждения. Разными путями стремились господствующие классы к тому, чтобы и людей, подобно земле, сделать в своих руках орудием, которое было бы им подвластно и покорно, сделать их простыми объектами своего господства, средствами для своих целей. В этом им способствовали частью традиции и первоначально вредное право владения, в силу которого были закрепощены крестьяне, частью также права на власть, имевшие общественный характер, права, которыми может пользоваться господствующий класс иногда непосредственно и в качестве органов общественного управления.

До XIX столетия во всех странах Европы, (как и в наши дни еще в некоторых) громадная масса населения состояла, во-первых из "крестьян", если причислять сюда многочисленных владельцев ничтожных клочков земли, вынужденных дополнять свои средства существования поденным заработком, и, во-вторых, из гораздо меньшего числа "горожан", по большей части ремесленников-мастеров, подмастерьев и учеников. Эти горожане были правильно организованы в цехи и корпорации, подобно тому как крестьяне объединялись в сельские общины, а иногда и в более широкие территориальные единицы, где каждый участник имеет свою долю в

общественном пастбище и, часто, в лесу и в воде, обладая при этом правами пользования. Такие права пользования землевладельцы всеми силами старались отобрать или урезать, чтобы себе одним присвоить все выгоды.

Наряду с землевладельцами и над ними стоят также князья с их особенно тяжелыми для народа требованиями. По общему правилу, они тоже являются крупными землевладельцами. Как землевладельцы, они заботятся о том, чтобы сравнительно с прочими, оставить у крестьян или дать им больше свободы, часто даже стараются щадить достояние своих крестьян. Но, как князья, работающие над созданием государства, они нередко заставляют землевладельцев увеличивать их требования по отношению к размерам услуг и повинностей. Князья относятся к землевладельцам приблизительно так же, как последние относятся к крестьянам, и почти принуждают юнкера и бедного рыцаря беспощадно обращаться со своими крестьянами. Рост денежного обращения и рост потребности государей в деньгах производит здесь целый переворот. Превращение, обычно бывших до того натуральными, повинностей, - например, зерна, птицы и т.п. - в денежные; наложение денежных повинностей, наряду с ранее существовавшими натуральными; стремление повысить оба эти рода повинностей, чтобы вынудить уплату непомерной дани; стечение повинностей для светских феодалов, повинностей для духовенства (большая и малая десятины) и повинностей для князя, который облагал и без того обремененные семьи, особенно тяжело ложившейся на них подушной податью, - все это нагромождение "высасывающих кровь" поборов должно было стать для крестьянина невыносимым. И эта невыносимость положения становится еще чувствительней, когда приходят новые еще более тяжелые временные бедствия: война или эпидемия, неспособность крестьянина сбыть за достаточно высокое вознаграждение излишек своих продуктов, колебание цен, вздорожание денег, неизбежно сопровождается возрастанием жадности к ним. Жадность эта с особенной силой овладевала всеми, кто стремился к накоплению денег. Нужда в деньгах толкала крестьянина в объятия ростовщика. Здесь он легко находил почву для объединения с городскими ремесленниками и другими мелкими городскими людьми, вздыхавшими под игом "жидов". И без того простой человек склонен, если не презирать, то опасаться евреев, как людей чуждых ему по национальности и религии.

Однако, если торговля, развитие обмена и денежного хозяйства делают еще более тяжелым положение "мужиков", то с другой стороны, та же торговля и то же развитие приносят крестьянам известные улучшения и облегчения. Движимая этими силами, делает успехи центральная власть, а ее успехи всегда бывают губительны для мелких местных тиранов. С падением последних вступает на сцену "государство", которое, поскольку возможно, стремится осуществить личную свободу и формальное равновесие. Позади государства стоят и вслед за ним идут соперники старого господствующего сословия, представители денежного капитала, которые, по крайней мере, в первое время, склонны освободить крестьян, поработанных феодалами, ибо подвижность людей и имущества служит к выгоде капитала, облегчая торговые обороты. Центральная власть, представленная князьями и их финансистами, государственными людьми, или, в тех случаях, где князья являются лишь местными властелинами, - воплощенная, по крайней мере, по мнению крестьян, в лице стоящего над князьями императора, эта центральная власть должна стремиться "разделить, чтобы управлять". И если, с одной стороны, она хочет изолировать друг от друга отдельных личностей, чтобы властвовать над всеми ими, то, с другой стороны, она берет на себя защиту слабых против сильных.

Духовный мир народа до новейшего времени наполнен преимущественно религиозными представлениями. И религия народа соткана из переживаний чувства и фантазий, которые изгоняют из религии ее сущность и всего больше подходят к

женской психологии. Напротив того, церковность пытается дать удовлетворение мужскому рассудку, выдвигая свои догматы и доктрины, хотя бы и самые невероятные, и в силу этого требующие веры. При помощи своего духовенства, которое распространяет ее учение и, что еще важнее, кажется призванным наделять простецов сверхъестественными дарами и таинственными милостями, церковь сама становится видимой представительницей божества и выступает, как первенствующее и самое главное из господствующих сословий. Коль скоро не насилие и принуждение, а постоянная, неустанная проповедь убедит народ в "истинности" известного учения и "святости" известных символов, народ свяжет с этим учением свои собственные и наиболее дорогие для него мечты. И эти мечты тем яснее очерчиваются в духе братского товарищества и милостивой отеческой власти, чем больше детское чувство переходит в смутное самосознание. В этом отношении городские влияния с раннего времени действуют и на сельское население. Именно как такая вера угнетенных и несчастных людей и выросло христианство в городах Римской империи. В самом существе его заложена мечтательность. В сектах которые убежденно ждали второго пришествия Господа и исполнения тысячелетнего царства, могучим ключом тека та самая кровь таинства, какую в скором времени (в виде "чаши") духовенство осмелилось присвоить себе одному. К общности души всегда направлены религиозные помыслы, и к общности имуществ - коммунизму - устремлены желания и надежды истинных христиан, т.е. тех, которые хотят провести дух религии в жизнь, или по крайней мере, с верою ждут, что этот дух когда-либо войдет в жизнь. Но вера и надежда встречаются на этом пути со старой любовью общинников к "неразделенному священному достоянию", к общинному полю и лесу, с преданиями и воспоминаниями старых времен. И эти предания говорят о той эпохе, когда сама община, а еще раньше - род, при помощи своих выборных старейшин, охраняли право и поддерживали мир, когда люди уверенно считали своей общей и свободной собственностью всю ту территорию, на которой они селились.

Отсюда восстания крестьян носят двойственный характер, имеют два лица. Одно - обращено назад в поисках возвращения утраченного: другое - смотрит вперед и ждет новой свободы и нового равенства, основанных на городской культуре и на торговом обмене. Желания, обращенные к прошлому, сказываются в том учении, которое гласит, что настали времена "святых" и эти святые должны разрушить царство "Вельзевула". Те же желания выражаются и в божественных голосах, слышанных верующими, и в чувстве призвания, исходящего от божественного духа, который сообщает свою благодать через воду крещения, не действующую на младенцев (отсюда секта анабаптистов и "перекрещенцев"). Бедные сознают свое единство в вере, ибо богачи и расточители - очевидно безбожники, которым закрыт вход на небо. Господа - жестоки, священники - грешники и лицемеры, а мы должны платить им оброк и десятину? Господь осудил их и их настигнет острие меча. "Милые братья! Для Англии никогда не настанет лучшее будущее, пока будут существовать господа и подвластные им. По какому праву так называемые лорды считаются лучшими людьми, чем мы? Чем они заслужили это? Почему они держат нас в рабстве? Если все мы происходили от одних и тех же прародителей, Адама и Евы, то как могут они доказывать и говорить, что они лучше нас? На каком основании берут они то, что добыто нами в поте лица, и растрачивают на свою роскошь? Им принадлежит досуг и прекрасные дома, а нам остается мука и труд, дождь и ветер на наших полях". Так уже к концу XIV столетия говорил устами одного народного проповедника английский крестьянин. "Смотри, какой это сброд ростовщиков, воров и грабителей - наши князья и господа; они забирают себе в собственность все творения, рыб в воде и птиц в воздухе и посевы на земле, все должно принадлежать им. Зато они распространяют среди бедняков заповеди Божьи

и говорят: так повелел Господь, ты не должен красть! Сами же они грабят и обируют бедного пахаря и ремесленника и все, что есть живого. Но тот, кто поступил неправо хоть в самом ничтожном деле, тот должен пострадать за это. Сами господа делают так, что простой человек становится их врагом. Они не хотят устранить причины восстания, так каким же образом в будущем дело может измениться к лучшему. Так я говорю вам, и пусть я буду бунтовщиком!" Такие речи произносил в 1520 г. грозный тюрингенский священник Томас Мюнцер.

В западной Европе немецкая крестьянская война была последним крупным движением, в котором большими массами и решительно выступило сельское население, увлекшее за собой и недовольные общины развившихся к тому времени городов. Эпоха, отличавшаяся по преимуществу крестьянским и деревенским характером социальной жизни, кончилась. Одновременно закончились и для старых городов цветущие времена их независимости. Городской характер всей последующей культуры все более и более выступает наружу. Новый господствующий слой, созревший в недрах старого и наряду с ним частью разлагает, частью вытесняет своего предшественника. Он и по существу своему, и по своему происхождению принадлежит городу. И этому не противоречит тот факт, что в следующие столетия (с XVI века и до нашего времени), дворянство, а отчасти и духовенство, впервые сплываются как правящие общественно-государственные классы, и, опираясь на застывшие предания, тем с большей гордостью выдвигают свое значение. Новое господствующее сословие должно само стать "дворянством", оно даже не будет пренебрегать и священнической рясой. Но позади этих новых, постепенно занимающих свое место владык, теснится темная и немая масса народа. По большей части она состоит из крестьянства, но в ней замечается уже мелкий городской люд.

Государство, по существу своему, враждебно старому господствующему сословию, так как оно должно сломить силу последнего, чтобы начать править вместо него. Но на первых порах государство становится на защиту этого старого феодального сословия после того, как феодалы подчинятся ему и часть своей былой власти получают обратно из рук в руки милостивых князей, в которых воплощается всемогущество государства.

В Англии первое время непосредственным носителем государственной власти было старое господствующее сословие, частью впитавшее в себя элементы нового. И в названной стране это обстоятельство замедляет внутреннее развитие государственной власти. Дворянская олигархия со своей левой рукой - духовенством - ставит себя рядом с королем, даже выше него. Таков конечный результат обеих "революций XVII столетия".

Во время первой из них еще сохраняет свою жизненную силу кое-что из того сопротивления, которое противопоставляет крестьянина современному государству, давящему на него произвольными налогами, и официальной церковью. Мотивы этого сопротивления стоят в близком родстве с мотивами былых восстаний. Во время второй "славной" революции (1688) на первый план выступает крупное землевладение, обогатившееся сто лет пред тем конфискацией монастырских земель, выступает вслед за ним и купеческий капитал. И хотя личность и собственность крестьянина уже давно сделались почти свободными, его социальное и политическое значение становятся все ничтожнее. В Великобритании и Ирландии значительная часть крестьянства вытесняется временными арендаторами, другая, и такая же крупная часть, мало-помалу распродает свои земли. Уже в первой половине XIX столетия в Англии и в Шотландии мы застаем крестьянство почти Исчезнувшим. В Ирландии же оно на социальной почве приходит в резкое столкновение с англичанами, господами страны и владельцами земли. И это столкновение еще более обостряется различием и враждебностью расы и религии и усиливается

голом и нуждой, обезлюдем страны, эмиграцией, преступлениями и непрерывно тлеющим восстанием. Положение не изменяется до самого конца XIX столетия, когда парламент соединенного королевства вмешивается, наконец, в "свободу" грабительских арендных договоров.

Глава вторая. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Итак, через все новое время, почти с начала XVI века, тянется непрерывная борьба за машину и против машины, борьба между ремеслом и промышленным капиталом. В этой борьбе ремесло долгое время оставалось [наружу] победителем так как на его стороне стояли и власти, и господствовавшие тогда взгляды. Введение и распространение машин натывалось на массу крепких закоренелых пред, рассудков. Уже во времена Реформации прядильная машина была изобретена в том самом Данциге, где граждане во имя евангельской свободы свирепствовали против ростовщиков, (которые прекрасно приспособили эту свободу к своим операциям). Городской совет Данцига, как гласит предание, распорядился умертвить изобретателя. В нескольких других городах снова появились прядильные машины. Городские магистраты сумели выхлопотать императорские указы (1685 и 1719 г.) запрещавшие эти машины по всей Германской империи. В Гамбурге искусно изготовленный инструмент был публично сожжен по приказу премудрого городского совета. Даже Кольбер, который в иных случаях так энергично способствовал развитию крупных мастерских, был врагом новых машин. Монтескье, со своей стороны, полагает, что если товары по умеренным ценам находят хороший сбыт, то машины, которые упрощают изготовление этих товаров, "т.е. сокращают число рабочих", были бы вредны.

Однако, несмотря на сопротивление, естественно более сильное в консервативной Германии, постройка мельниц, приводимых в движение водою или ветром в XVII и XVIII столетиях, распространяется все шире и шире (даже в Германии). Голландия, страна ветряных мельниц, дала убежище и прядильным машинам, невзирая на многочисленные протесты и волнения среди ремесленников, выделывающих нитки. Говоря об известной ему западной Германии, где *esprit de fabrique* (фабричный дух) уже приобрел права гражданства, Мезер (1768 г.) отмечает, что в более крупных городах большие фабрики, наряду с шестью преимуществами, выгодно отличающими их от ремесленников мелких городов, обладающих еще одним очень полезным для них преимуществом: они могут "пользоваться ценными изобретениями и машинами, и водою и ветром". И действительно, во 2-ой половине XVIII века во многих местах, особенно там, где этому благоприятствуют водные потоки, мы встречаем валяльные мельницы, пилильные машины, бумажные машины и т.п. колесные машины, двигатель которых (вода и ветер) очень дешев, но его нельзя устанавливать или переносить по произволу. Вытеснение старого ручного производства здесь еще так заметно, ибо мы имеем тут дело по большей части с новыми местными отраслями промышленности, которые развиваются параллельно с развитием механических двигателей. Победоносный ход и триумф машинизма впервые создается появлением так называемых рабочих машин и упрочивается паровой машиной, как всеобщим применимым двигателям. Этими изобретениями определяется исходный пункт "промышленной революции", которая начинается почти одновременно с Великой французской революцией, имеющей гораздо большее значение для обычных исторических описаний. Вместе с последней оказывает эта промышленная революция формирующее влияние на всю политическую и социальную жизнь Европы на протяжении XIX века.

Оба указанные переворота - один политический и другой социальный - находятся в тесной и близкой связи друг с другом. Оба имеют решающее значение для развития социального вопроса. В более запутанном отношении стоит к ним обоим духовный переворот, который отчасти их обуславливает, отчасти их сопровождает, отчасти

совершается под их воздействием. Но и этот последний переворот входит в область развития социального вопроса, входит даже как момент, определяющий направление этого развития.

Промышленная революция обозначает собой образование нового общества рядом со старым и над ним. Старое общество составляли крестьяне и ремесленники под властью феодального сословия. Новое общество состоит из нового правящего сословия - буржуазии - и работающих для нее пролетариев, т.е. по преимуществу, наемных промышленных рабочих. Новая форма завоевывает постепенно, - процесс этот не закончился еще и доньше, - завоевывает всю область старого ремесла; она вводит машины во все отрасли общественного производства. Паровая машина, оказывая свое действие, расширяет и облегчает транспорт и обмен; развивается мировая торговля; внутренняя торговля отдельных стран оказывается связанной условиями мирового рынка; рабочая сила и все средства производства становятся подвижными и открывают широкий простор для все усиливающейся концентрации производства и безграничного увеличения новых пунктов, где находят себе применение производительные силы. Под благоприятным воздействием этих факторов и воздействуя в свою очередь на них, вырастает до поражающих размеров кредит - это идеальное средство, способное наполнить духом предприимчивости тело нового экономического строя. Наряду с промышленными предпринимателями и торговыми тузами - и даже в большей мере, чем эти группы - являются воплощением нового общества, "владыками минуты", финансовые дельцы, представители ростовщического капитала. Они вытесняют старое господствующее сословие или ставят его в зависимость от себя, хотя часто встречают с его стороны упорное сопротивление и бывают вынуждены вести борьбу с его недоброжелательством и враждебностью. Эта борьба идет своим чередом и от времени до времени дает о себе знать новыми вспышками.

Политическая революция создает новую государственную форму, соответствующую новому обществу. Руководящая власть в этом государстве предоставлена новым господствующим слоям. Новое государство связывает громадную территорию новой экономической связью и устанавливает для этой территории единое законодательство и единое управление. Оно провозглашает свободу передвижения, свободу торговли и конкуренции внутри своей территории, свободу браков и свободу ассоциаций. Но капиталистическое общество, лишь подобно высокой пристройке, выросло рядом со старым обществом, покоившимся на земледелии и ремесле. Поэтому политическое господство буржуазии в течение долгого времени только путем компромиссов может отвоевывать для себя почву у старой феодальной политической власти. Подобно тому, как экономическая жизнь крупной промышленности состоит в смене повышений и понижений - периодов процветания и кризиса, - так и политическая жизнь протекает в разнообразной и беспоконной смене периодов прогресса и реакции. В области народного хозяйства механическое веретено и ткацкий станок, а также применение к обоим этим машинам силы пара, нанесли в конце XVIII века роковые удары старому образу жизни. Ближайшим их следствием был изумительный расцвет текстильной, особенно хлопчатобумажной промышленности в Англии, а более отдаленным следствием - оттеснение на задний план земельной аристократии. В области политики в Другой стране - Франции - произошел решительный переворот в то же самое время, когда в Англии водворилась промышленная революция. Этот переворот включается в утверждение понятия о нации, как об объединенном с политическими целями обществе свободных и равных личностей или, другими словами, дерущихся за промышленность, торговлю и финансы буржуа, которые выдавали себя за образец человечества. Задачей революции было освобождение буржуазии от власти старого господствующего сословия и уравнение ее в правах с этим сословием, которое,

временами почти исчезая, все снова и снова, хотя и со слабеющими силами, удерживало за собой свои позиции.

Духовная революция породила для нового общества и для нового государства новое миросозерцание как социальную движущую силу. Это миросозерцание предназначало себя для руководства государством и обществом. Оно всецело порывало с религиозной идеей, или ее псевдонаучным выражением - теологическим миросозерцанием. Случалось, что это новое общественное сознание снова облакалось в старые формы богословских воззрений, по внешности даже часто подчинялось им но и тут оно все-таки шло своими собственными путями, создавало свои понятия и идейные ценности, становившиеся общим достоянием. Благодаря Реформации и последовавшим за ней страшным войнам. Германия представляла собой наиболее свободную почву для идейного творчества. Из самого запустения своей политической и экономической жизни она извлекала необходимый досуг и склонность к этому творчеству, и в области духовной революции Германия стоит на первом плане. Философия Канта, увидевшая свет в последней четверти XVIII века, создает в качестве критики разума новый теоретический базис для свободного господства разума в сфере познания и хотения. Развитие естественных наук, в высшей степени благоприятствующих великим нововведениям в обществе и государстве, совершается во всех странах независимо от этой философии. Но в естественных науках все больше и больше приобретает свое господство элемент жизни с присущей ему идеей развития; между тем, жизнь и развитие не могут быть поняты без помощи критической философии. Историческое (реакционное) мировоззрение возражает против революций в государстве и обществе и отрицает их, не понимая; рационалистическое - механически-научное - мировоззрение признает революцию, так-же не понимая ее. Только философское, критико-диалектическое миропонимание постигает революцию в ее необходимости, ее причинах и ее результатах, в конечном счете, не признавая и не отрицая ее.

Во всех трех отношениях - промышленном, политическом и духовном - мы говорим о революциях, хотя новый порядок появляется лишь как итог закономерной революции и трех предшествующих столетий. Все нововведения во всех областях представляют собой члены непрерывной цепи, хотя бы даже при своем появлении они и производили впечатление катастроф. Элементы нового мира ведут свое происхождение от старой культуры, построенных на развалинах античной Эллады и Римской империи и исполненной духом христианства, родившегося на Востоке. Новый мир отрицает эту культуру, но по-прежнему укрывается под его сенью. Только когда мы признаем и находим, что новое общество, новое государство и новое мировоззрение, которыми завершается старая культура подобно тому, как жизнь завершается смертью, - могут и должны содержать в себе основы новой культуры, только тогда мы охватываем и постигаем во всей полноте особый смысл этих революций и их поворотный характер.

С этим стоит в связи и на этом покоится развитие социального вопроса, двигательной силой которого являются классовые противоречия и борьба классов внутри нового общества, внутри нового государства и внутри нового социального мировоззрения. Сообразно природе вещей, центральное место в этой борьбе занимает низший класс, в котором, как его сознательный слой, выделяются промышленные рабочие, пролетариат городов, особенно крупных городов. Именно положение этого класса и все его отношения оказываются стоящими под знаком вопроса, он чувствует себя классом страдающим и страстно борется за улучшение своей участи. В своей борьбе рабочий класс с самого начала и до сих пор прежде всего добивается того, что не только вытекает из идеи нового общества, из идеи нового государства и из идеи нового общественного сознания, но по праву относится к самому существу этих новых идей. Пролетариат борется за свое равноправие, за то, чтобы

осуществить свои права свободных и взрослых людей, осуществить свои интересы и свои желания.

Прежде всего, это равноправие имеет громаднейшее значение для заключения рабочего договора, т.е. для продажи рабочим своей рабочей силы. Постоянно оспариваемым, долгое время отнятым, затем урезанным и всегда подверженным новым нападениям правом является право коалиции, право союзов. Борьба за право коалиции тянется с конца ХУШ века и до наших дней, во всех странах современной промышленности и современной цивилизации.

Другая сторона равноправия - это равенство прав политических. Борьба, кото-рая ведется в этом направлении, связана прежде всего и теснее всего с вопросами избирательного права. В этой области борьба не закончена еще почти повсюду, и даже завоеванные позиции не обеспечены от новой потери их, не говоря уже о постоянных покушениях на приобретенные права.

Наконец, третий вид равноправия - это равноправие в сфере духовной жизни. Относящиеся сюда права касаются общего мировоззрения и религиозных убеждений, а также их публичного выражения. Здесь мы прежде всего встречаем право свободы совести, имеющее не только то специфически-вероисповедальное значение, в каком впервые новый правящий класс потребовал это право у старшего господствующего сословия и взял под свою защиту. Пролетариат хочет добиться этого права и для себя, для своих мнений, в особенности для тех мнений, которые неуютны правящим классам и подобно тому, как некогда ереси в церковной практике, объявляются недозволенными или даже позорными и преступными. Процесс борьбы за этот третий вид равноправия находится, по-видимому, еще в самом начале.

Всякого рода борьба пролетариата с буржуазией из-за равноправия является обоснованной, ибо она направлена против буржуазии и против государственной власти, которая одна только "естественное" (т.е. свыше данное) равенство прав может облечь в положительные и действительные формы и защищать эти формы. Но если только государственная власть является выразительницей интересов и мнений буржуазии, то она отказывается признавать и поддерживать равенство прав на том вымышленном или действительном основании, что такое равенство противоречит данному благу, охранять которое государственная власть считает своим призванием. Представители власти выдвигают против естественного права соображения целесообразности - *salus publica*, или интерес государства. В этом Деле им оказывают могущественную поддержку уцелевшие или только отчасти растворившиеся в рядах новых повелителей элементы старого господствующего сословия. Это сословие сохраняет особую интимную приязнь даже к изменившей свою форму государственной власти. До тех пор, пока оно само обладает руководящим влиянием на государство, оно стремится спасти для этого государства принцип авторитета, естественность и божественность которого феодалы отстаивали раньше, только ради своих общих выгод. Следуя своей сущности и своим традициям, старые феодалы отрицают идеи нового общества, нового государства и нового общественного сознания. Для них не имеет принудительной силы та логика, по которой приходится считать несправедливым со стороны буржуазии отказ в Равноправии низшим классам. Согласно собственным воззрениям феодала, эти Классы по праву должны быть низшими. Естественно, поэтому, что буржуазия Карается насколько возможно теснее сблизиться со старым господствующим сословием, даже слиться с ним или, по крайней мере, укрыться за его спиной.

С другой стороны, из всех политических и социальных столкновений всегда вытекает тот опыт, что когда двое борются, есть некто третий, кому идет на пользу эта борьба. Таким "третьим" бывает старое господствующее сословие, при столкновениях между старым и новым правящим сословием. Это новое

господствую, щее сословие, которому так широко благоприятствуют все существующие отношения и прежде всего рост промышленности и городов, неизмеримо увеличивающий его силу, капитал и власть капитала, - новое господствующее сословие лишено этого ценного преимущества. Для него нет почвы, по крайней мере нет до тех пор пока сельский пролетариат, соответственно ничтожный по численности, не приобретет сознания противоположности своих интересов интересам землевла-дельцев. Первое время такие протесты частью являются простыми следствиями той более основной борьбы, которую пролетариат ведет против нового господ-ствующего сословия, служащего, таким образом, своего рода буфером для старых господ; частью же рабочий класс выступает здесь в согласии с буржуазией или даже под ее предводительством, увеличивая ее силу и делая ее тем более опасной для старого господствующего сословия. Вообще говоря, помимо случаев едино-борства, когда следует обращать внимание на то, в каком сочетании соединены между собою две силы, которые идут против третьей. При этом можно наблюдать три следующие положения:

- 1) буржуазия и пролетариат против старого господствующего сословия,
- 2) старое господствующее сословие и пролетариат против буржуазии,
- 3) старое господствующее сословие и буржуазия против пролетариата.

Не говоря уже о многих возможных осложнениях, заметим еще, что значи-тельная разница обуславливается тем обстоятельством, какая из двух объединив-шихся сил стоит на переднем плане и выступает как истинная представительница боевого знамени. Впрочем, кроме этих трех главных лагерей, следует еще прини-мать во внимание четвертую группу - старый народ, состоящий из крестьян (при-датком к которым служит по большей части класс сельских батраков), из ремес-ленников и из слоев, промежуточных между двумя последними. Важность этой четвертой зависит от того, насколько она сохранила силы по своей численности и по упорству своих желаний. Составляющие ее элементы, как уже было сказано, непосредственно и по преимуществу, именно в качестве страдающей стороны, участвуют в развитии капитализма, а тем самым и в развитии социального вопроса. Однако их недовольство все более и более отступает на задний план перед недо-вольством промышленного пролетариата. Лишь только оно проявляется в упор-ных формах, оно примыкает к недовольству старого господствующего сословия и подчиняется ему. Часть крестьянского сословия, состоящая из зажиточных земле-владельцев, а среди ремесленников, гордые своими цеховыми привилегиями мастера - чувствуют свое родство со старым феодальным сословием, разделяют его отвращение к вновь выдвинувшимся силам. С другой стороны, из обоих слоев непрерывно поднимаются элементы, которые переходят в ряды нового, по самой природе вещей довольного, господствующего сословия, становятся капиталистами и буржуа и усваивают идеи нового времени. Главным образом, отдельные лица из беднейшей массы этих слоев спускаются в пролетариат, отчасти впитываются им и проникаются его воззрениями. При этом против такого хода вещей может быть с успехом направлено вмешательство государства, являющегося частью предста-вителем старого, частью представителем нового господствующего сословия. Таким образом старый слой подвластных как бы разрывается на части и направляется и в ту и в другую сторону. И тут уже от политической мудрости и ловкости трех главных лагерей зависит решение вопроса, к кому из противников примкнут эти элементы. Прибавим, что фактическое положение вещей скорее всего содействует консервативному лагерю. К борьбе пролетариата за права и за равенство прав присоединяется далее борь-ба за интересы. В значительной степени непосредственная борьба первого роД^a служит лишь средством для борьбы за интересы, в особенности, если дело идет о материальных, экономических, т.е. именно о насущных для бедняков жизненных интересах, о "достойном человека" существовании. В более широком смысле борь-

ба отвечает всеобщему, специфически буржуазному (торговому, капиталистическому) стремлению к силе - ради прибыли и богатства, к прибыли и богатству - ради силы, почета и влияния. Это стремление заявляет о себе то оборонительными, то наступательными действиями. В борьбе интересов между двумя большими и главными классами нашего времени - классом промышленных предпринимателей (работодателей, капиталистов) и классом промышленных рабочих (мастеровыми, вспомогательным персоналом, нанимающимися на работу) - спор идет, прежде всего о высоте заработной платы и наряду с этим о других, более или менее примыкающих сюда, условиях труда, среди которых первое место занимает продолжительность рабочего времени. Борьба за право коалиции и за признание предпринимателями рабочих союзов находится в весьма осязательном взаимодействии с этой борьбой интересов. И над борьбой за социальные интересы в постоянной связи с ней, поднимается борьба за политические интересы, которым снова отвечает борьба за политические права, хотя последняя, как и всякая борьба за право, имеет самостоятельное и идеальное значение. В борьбе за политические интересы дело идет частью о том, чтобы государственная власть оказывала предпочтение тем или другим из различных и противоречащих друг другу интересов и прав, частью о специальной государственной помощи для охраны или улучшения материального и идейного положения известного класса общества. Борьба за идеальные интересы, к числу которых в известном смысле принадлежат также и права, выражается в борьбе за мнения, учения, теории, догматы, символы веры, в борьбе в свою очередь, родственной всякой классовой борьбе. Подобно тому, как борьбу за политические интересы отличают от борьбы за политические права, (и борьбу за экономические интересы - от борьбы за социальные права) - подобно этому следует отличать борьбу за мнения от борьбы за право на собственные мнения или от борьбы за свободу совести.

Класс рабочих (промышленных) в политической области борется частью за признание государством и охрану его равноправия, частью, подобно другим классам, за особое законодательство, направленное к его выгоде. В своих домогательствах пролетариат опирается на экономическую слабость рабочих в борьбе с капиталом и на назначение государства, как представителя всей совокупности граждан, защищать и охранять слабых. Это требование благоприятной для рабочих "социальной политики" завершается стремлением к коренному переустройству отношений собственности, т.е. к переустройству существующего, а именно, капиталистического общественного порядка. Чисто политические тенденции частью идут впереди этого стремления, частью примыкают к нему. Республика, которая по общему правилу признается общественным мнением за наиболее подходящую для нового общества форму государственного строя, - становится, в виде демократической Республики, теоретическим символом веры пролетариата, и он пытается или, по "райней мере, желает воплотить в жизнь эту идею республики.

Сообразно данной выше характеристике "революций", лежащих в основе развития социального вопроса в его современном виде - борьба и успехи пролетариата ^втрех главных странах новейшей культуры имеют различную сущность и различный вид. В Великобритании, и по своей сущности, и по своему виду эти успехи относятся преимущественно к экономической области, во Франции - преимущественно к политической, в Германии - преимущественно к области идейной.

в последующем очерке мы рассмотрим поэтому отдельно процесс развития в из названных стран и дадим в заключение, как общую оценку современно-положения вещей, так и те предсказания, какие можно сделать относительно Развития социального вопроса в будущем.

В сфере экономической борьбы на первом плане стоят профессиональные союзы и их права. Политическая борьба находит самое яркое свое выражение, как борьба за

республиканскую форму государственного строя. Духовная борьба ведется, главным образом, за идеи социализма. В каждой из упомянутых великих наций резко проявляются и имеют большое значение все три стороны развития, но эти стороны всюду неравномерно подчеркнуты, и это последнее обстоятельство стоит в зависимости от преобладания нового общества, преобладания нового государства или преобладания нового общественного сознания. В рамках каждой из этих форм пролетариат борется за свое равноправие, за свои интересы, за свои убеждения и идеалы. Борьба рождается из потребностей его души. И ту же борьбу во имя пролетариата ведет известная часть мужчин и женщин, по рождению и по положению принадлежащих к другим классам. К этим явлениям и к этим фактам присоединяются и смешиваются другие факты, а именно союзы. Борьба пролетариата прежде всего и непосредственно направлена против прав (т.е. против присвоенных привилегий), против мнимых или действительных интересов и против всего мира идей нового господствующего сословия, или буржуазии. Этим, в существе дела, объясняется тот факт, что на помощь пролетарской борьбе приходит отчасти старое господствующее сословие, которое оттеснено на задний план новыми владыками и постоянно готово вступить в соперничество с ними. На этой почве возникает то сочетание, которое было отмечено выше, как второе из этих трех возможных положений. В области экономической феодальное сословие всегда склонно удовлетворить рабочих, требующих равноправия с фабрикантами, если только собственные привилегии феодалов остаются при этом незатронутыми или даже могут быть таким путем упрочены. В политической области такое сочетание означает вмешательство феодалов в пользу социального законодательства. В духовной области то же явление характеризуется "христианским социализмом" - католического или протестантского толка, безразлично. Но с другой стороны, феодальное сословие враждебно относится к вольностям буржуа и рабочих и потому, когда буржуа идут на бой за свою свободу, они борются в то же время отчасти и за свободу рабочих. И эти последние, сообразно общим материальным и духовным условиям своего положения, идут в хвосте у буржуазии до тех пор и постольку, пока и поскольку противоречие между идеями и интересами рабочих и идеями и интересами капиталистов остается неразвитым или может оказываться затушеванным. Следовательно, первое из указанных нами сочетаний в известной мере всегда является и остается признаком эпохи. Но для того, чтобы удержать это соотношение или по возможности и, по крайней мере, глядя по обстоятельствам, возобновлять его, - буржуазия должна делать пролетариату уступки и в тех областях, где противоречие их интересов уже обнаружилось. Необходимость таких уступок, наряду с другими факторами, содействует распадению буржуазии на два лагеря, при этом более сильные (более богатые) элементы буржуазии гораздо охотнее заключают мир со своим старым и знатным врагом (старым господствующим сословием) - хотя бы и ценой частичного подчинения его прихотям. Зато с новым, менее знатным противником эти элементы не вступают в переговоры, хотя они могли бы стать его вождями, согласившись уступить ему равенство прав. Таким образом, положение вещей всегда снова приводит нас, как к наиболее вероятному, к третьему сочетанию, при котором пролетариат остается предоставленным исключительно самому себе, а обе социально господствующие группы выступают против него и как политические силы. Эти сочетания лишь в незначительной степени видоизменяются вследствие частичной независимости научной и философски мысли и ее влияния на общественное мнение.

ФРЕЙД ЗИГМУНД (FREUD) (1856-1939) - австрийский невропатолог, психиатр, психолог, родился в моравском городе Фрайбурге. В семнадцать лет закончил гимназию с отличием и поступил в Венский университет. Особый интерес у него вызвали естественные науки, достижения которых заложили фундамент

современного знания об организме и о живой природе. Ранние работы Фрейда посвящены физиологии и анатомии головного мозга - его учителем был физиолог Эрнст Брюкке, имевший европейскую известность. Под влиянием представителей "французской школы", таких как Шарко и Бернхейм, с конца 80-х г. Фрейд занимался проблемами неврозов, а с середины 90-х - начал разработку психоанализа - психотерапевтического метода лечения неврозов, основанного на технике свободных ассоциаций и анализе "ошибочных действий" и сновидений как способе проникновения в бессознательное. В своих работах Фрейд опирался на практический опыт, полученный в клинике, куда он пришел после нескольких лет работы в физиологической лаборатории, овладев теоретическими идеями передовой физиологии.

Фрейд одним из первых начал изучать психические аспекты сексуальности. В 1900-х г. он выдвинул общепсихологическую теорию строения психического аппарата как энергетической системы, в основе динамики которой лежит конфликт между сознанием и бессознательными влечениями. Фрейд попытался применить психоанализ к изучению важнейших проблем религии, морали, истории общества, человеческой культуры. Этому посвящены его работы "Тотем и табу" (1913), "Психология масс и анализ человеческого Я" (1921), "Будущность одной иллюзии" (1927), "Неудовлетворенность культурой" (1930). В двадцатых годах - учение о психологических особенностях личности - работа "Я и Оно" (1923). Фрейд применял понятие "сублимация" как центральное в психологической трактовке культуры, которая является неизбежным компромиссом между реальностью и стихийными влечениями. Идеи эволюции взглядов Фрейда шла от "физиологического материализма" к автономии психического и антропологическим построениям, близким натуралистическим разновидностям "философии жизни".

Идеи Фрейда оказали влияние на самые различные направления западной философии, социологии, социальной психологии, литературы и искусства.

Зигмунд Фрейд умер в Хэмпстеде, близ Лондона.

3. Фрейд НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КУЛЬТУРОЙ

* Sigmund Freud. Civilization and its Discontents. New York. 1962; на русском языке публикуется впервые. Перевод И.Б. Крючковой.

|

Меня не покидает впечатление, что большинство людей используют ложные ориентиры: стремятся к власти, успеху, богатству для себя, восхищаются этим в других и недооценивают подлинных ценностей жизни. Конечно, делая подобные обобщения, мы не учитываем многообразия человечества и его интеллектуальной жизни. Современники редко восхищаются теми, чье величие основано на достижениях и ценностях, чуждых большинству. Конечно, можно отнести это поклонение к незначительному меньшинству, оценившему этих великих людей, в то время, как большинство остается равнодушным к ним. Но, вероятно, все не так просто вследствие различия в мыслях и поступках людей, разнообразия их побудительных импульсов.

Один из представителей этого меньшинства называет себя моим другом в письмах, адресованных мне. Я послал ему маленькую книгу, в которой религия рассматривается как иллюзия, и он выразил полное согласие с такой точкой зрения на религию, сожалея, однако, о том, что я не оценил должным образом подлинных источников религиозного чувства. По его мнению оно основывается на своеобразном чувстве, которое он всегда испытывает сам, многие другие, и которое присуще миллионам. Это чувство, называемое нами ощущением вечности, чего-то беспредельного, безграничного, другими словами "океанического". Он добавляет,

что чувство - чисто субъективный фактор, не являющийся предметом веры, оно не создает уверенности в личном бессмертии, но является источником религи-озной энергии, на которой основаны различные церкви и религиозные системы, направляющие эту энергию в нужные русла и несомненно исчерпывающие ее. Человек может считать себя религиозных! лишь на основе этого "океанического" чувства, даже если он отвергает веру или иллюзии.

Взгляды, выраженные моим уважаемым другом, который воспел магическую силу иллюзии в стихах, не вызвали у меня затруднений. Сам я не испытываю этого чувства. Рассматривать чувства с научной точки зрения весьма непросто. Там, где это невозможно, а я боюсь, что "океаническое" чувство относится именно к этому разряду, - приходится обращаться к идейному содержанию, которое ассоциируется с чувством. Если я понял моего друга, он имеет в виду нечто сродни утешению, которое предлагает эксцентричный и самобытный драматург своему герою на пороге самоубийства. "Мы не можем отрешиться от этого мира". Другими словами, это чувство нерасторжимых уз, осознание себя частицей мироздания в целом. Надо заметить, что мне это кажется чем-то из области психического восприятия, хотя и не без оттенка чувственности, но не позволяет убедиться в первичной природ⁶ этого чувства. Но это не дает мне права отрицать, что другие люди действительно испытывают его. Вопрос состоит в том, правильно ли мы объясняем это чувство, и должно ли оно рассматриваться как *fans et origo* потребности в религии.

У меня нет аргументов, которые пролили бы свет на решение этой проблемы. Довольно о том, что непосредственное чувство является сигналом свыше, который означает связь человека с окружающим миром и посылается ему специально для этой цели, звучит несколько странно и так плохо сочетается со структурой нашего сознания, что вполне оправданы попытки дать психоаналитическое, или, иными словами, генетическое объяснение этому чувству. Возникает следующая цепочка мыслей. Обычно мы ни в чем не уверены больше, чем в осознании себя, нашего собственного *его*. Это *его* представляется нам чем-то автономным и единичным, резко отграниченным от всего остального. То, что это представление обманчиво, что, напротив, корни *его* уходят внутрь, без какого-то четкого разграничения переходят в бессознательную психическую сущность, которую мы определяем как *id* и для которой оно и служит фасадом, - это открытие, которое было впервые сделано в результате психоаналитического исследования, и которое еще многое может объяснить в отношениях *его* и *id*. Как бы то ни было, по отношению к внешнему *его* имеет четкие и резкие линии разграничения. Лишь для одного состояния, до-вольно нехарактерного, но которое все же нельзя расценивать как патологическое, это не так. На пике влюбленности граница между *его* и объектом на грани стирания. Вопреки всем доводам рассудка, влюбленный провозглашает, что "я" и "ты" едины, и готов вести себя так, как будто это факт. То, что может быть временно устранено физиологической (т.е. нормальной) функцией, должно, конечно, быть подвержено разрушению патологическими процессами. Патология дает нам возможность познакомиться с большим числом состояний, в которых пограничные линии между *его* и внешним миром становятся размытыми или в которых часть тела человека, или даже области *его* психики - *его* ощущения, мысли, чувства - становятся враждебны ему, как будто не принадлежат *его* *его*; есть случаи, в которых он приписывает внешнему миру то, что родилось в *его* собственном *его* и должно быть им признано. Таким образом, даже чувство нашего собственного *его* подвержено нарушениям и границы *его* не постоянны.

Дальнейшее размышление приводит к мысли о том, что взрослое *его*-чувство не было таковым с самого начала. Оно претерпевало процесс развития, который нельзя продемонстрировать, но который можно воссоздать с высокой степенью вероятности. Новорожденный у груди матери еще не различает свое *его* и внешний

мир как источник ощущений, охватывающих его. Он постепенно учится этому, реагируя на различные источники возбуждения, которые, как он позднее обнаружит, являются его органами и могут в любой момент вызвать ощущения, тогда как Другие время от времени ускользают от него, и среди них наиболее желанный - материнская грудь - и могут появиться вновь лишь в результате крика. Таким образом, впервые объект отделяется от его в форме чего-то извне существующего, появление которого связано с определенными действиями. Следующая побудительная причина к выделению его из общей массы ощущений, т.е. признание "извне", внешнего мира - частные, многообразные и неизбежные ощущения боли и неудовольствия, уменьшить или избежать которые можно только на основе принципа Удовольствия, при условии его неограниченного главенства. Складывается тенденция к отделению от его всего, что может стать источником дискомфорта, отбрасыванию этого, формированию его-удовольствия, которое противостоит незнакомому и угрожающему "извне". Границы этого примитивного его-удовольствия претерпевают изменения в процессе накопления опыта. То, с чем ребенок не желает Расставаться, так как это является источником удовольствия, тем не менее является объектом, а не его; а некоторые страдания, от которых он хочет избавиться, оказываются неотделимыми от его его в силу его внутреннего строения. Приходится осваивать процесс, который посредством тщательного направления сенсорной активности и соответствующих мускульных действий дает возможность разграничить внутреннее - то, что принадлежит его, и внешнее - то, что порождено внешним миром. Таким образом, делается первый шаг на пути признания принципа реальности, который будет главенствовать в дальнейшем развитии. Конечно, практическая цель такого различия состоит в том, чтобы оградить себя от ощущений дискомфорта, которые человек испытывает или которые ему угрожают. Чтобы снять неприятные ощущения, возникающие внутри, его может использовать только те методы, при помощи которых он устраняет чувство дискомфорта, причиненное ему "извне", и здесь кроется причина серьезных патологических нарушений.

Таким образом его отделяет себя от внешнего мира. Или, если быть более точным, первоначально его включает все, позднее оно абстрагируется от внешнего мира. Наше существующее его-чувство является, таким образом, лишь слабым подобием более емкого всеобъемлющего чувства, которое соответствует более тесной связи между его и окружающим миром. Соглашаясь с тем, что в психической жизни многих людей преобладает первичное его-чувство в большей или меньшей степени, мы принимаем и то, что оно будет существовать наряду с более узким и четко обозначенным его-чувством зрелости, как бы дублируя его. В этом случае идейное содержание, соответствующее ему, будет как раз безграничностью и связью со Вселенной, т.е. теми понятиями, которые мой друг вкладывал в "океаническое" чувство.

Но имеем ли мы право на признание чего-то, что первоначально существовало и сохранилось наряду с тем, что было от него образовано? Несомненно. В этом нет ничего странного ни для области психики, ни для какой-либо другой области. Говоря о животном мире, мы придерживаемся той точки зрения, что наиболее высокоорганизованные виды произошли от низших; но все простейшие формы существуют и сегодня. Отряд гигантских ящеров вымер, уступив место млекопитающим, но типичный представитель его, крокодил, живет и по сей день. Возможно, это весьма туманная аналогия, тем более, что низшие виды, которые сохранились до наших дней, в большинстве своем не являются предками существующих ныне высокоорганизованных видов. Как правило, связующие звенья вымерли и известны нам только по результатам реконструкции. С другой стороны, в психической сфере сохраняется примитивное наряду с видоизмененной формой, возникшей на этой основе, поэтому нет необходимости приводить примеры в

качестве доказательств. Обычно это является результатом отклонений в развитии: одна часть (в количественном смысле) отношения, или инстинктивного импульса, остается без изменений, в то время, как другая претерпевает дальнейшее развитие. Теперь мы подошли к более общей проблеме сохранения в психической сфере. Предмет этот мало изучен, но он настолько интересен и важен, что мы позволим себе обратить на него внимание, хотя оправдания и не убедительны. Так как мы преодолели ошибочную точку зрения, в соответствии с которой забывание уже знакомого означает разрушение памятного следа, т.е. его уничтожение, мы склонны принять противоположный взгляд, а именно: в психической жизни не умирает то, что однажды возникло, все каким-то образом сохраняется и в определенных обстоятельствах (когда, к примеру, регресс достаточно сильный) может снова всплывать на поверхность.

Давайте представим, к чему приведет аналогия с другой областью. Возьмем, к примеру, историю Вечного города. Историки утверждают, что древнейший Рим представлял собой *Roma Quadrata*, огороженное поселение на Палатине. Следующим этапом был *Septimontium*, федерация поселений, расположенных на различных холмах; после этого возник город, огороженный крепостной стеной, в дальнейшем претерпев изменения в период Республики и ранних Кесарей, появился город, который император Аврелий окружил своими стенами. Мы не будем рассматривать дальнейшие изменения, имевшие место в истории этого города, а зададим себе вопрос: "Насколько посетителю, вооруженному глубокими историческими и топографическими знаниями, очевидны следы ранних периодов развития в сегодняшнем Риме?" За исключением нескольких разрушенных участков, стена Аврелия предстанет перед его взором практически в первозданном виде. Кое-где сможет он увидеть останки крепостной стены, которые были обнаружены в результате раскопок. Если знания его глубже, чем у современного археолога, вероятно он сможет проследить по карте города расположение всей этой стены и границы *Roma Quadrata*. Ему не удастся, за исключением скудных останков, найти здания, которые занимали когда-то эту древнюю территорию, так как их уже более не существует. Получить информацию о Риме в период республики он сможет лишь посетив места, где были расположены храмы и общественные постройки этого периода. Они сейчас представляют собой руины зданий, отреставрированных после пожаров или других разрушений. Вряд ли нужно напоминать о том, что к останкам Древнего Рима плотно подступает великая столица, которая выросла за последние несколько столетий после эпохи Возрождения. Немало древнего осталось погребенным под современными постройками, в земле, на которой расположен город. Именно так сохраняется прошлое в исторических местах, таких, как Рим.

А теперь при помощи воображения давайте представим себе, что Рим - это не поселение людей, а психологическая целостность с длинной и богатой историей, целостность, так сказать, в которой ничего, однажды возникшее, не исчезает; и все ранние стадии развития сосуществуют с более поздними. Это значит, что в Риме дворцы Кесаря и Семизониум Септимиуса Северуса будут возвышаться на Палатине, и что на башнях замка Святого Ангела будут по-прежнему прекрасные статуи, которые украшали его до осады готов, и так далее. Но более того. На месте, где расположен Палаццо Каффарелли, будет снова стоять, одновременно с Палаццо, храм Юпитера Капитолинуса, и не только в том виде, который он имел в период Римской империи, но также и более ранняя постройка, сохранившая формы Этруссков и украшенная орнаментом с терракотовыми антифисками. На месте, где стоит Колизей, мы одновременно сможем восхищаться исчезнувшим ныне Золотым Домом Неро. На Пиацца Пантеона мы найдем не только современный Пантеон, завещанный нам Адрианом, но также и первоначальное сооружение, воздвигнутое Агриппой; на одном и том же участке земли будет расположена церковь Святой

Марии сопра Миневра и древний храм, на месте которого она была построена. И наблюдателю, наверно, нужно будет только изменить угол зрения или перейти с одного места на другое, чтобы перед его взором предстал тот или иной вид.

Очевидно, что развивать далее нашу фантазию нет смысла. Если мы хотим восстановить историческую последовательность в пространственном аспекте, нам придется применять замещение в пространстве; на одном и том же месте не могут находиться два различных предмета. Наша затея кажется пустой. Ей есть только одно оправдание. Она свидетельствует о том, как далеки мы от того, чтобы наглядно представить себе психическую жизнь.

Необходимо принять во внимание следующее возражение: "Почему прошлое психики мы стали сравнивать именно с прошлым города?" Утверждение о том, что все прошлое сохраняется в психике, верно лишь при условии, что орган мышления не поврежден, его ткани не подвергались травме или воспалению. Но то разрушительное влияние, которое можно сравнить с поражающей психику болезнью, невозможно избежать в процессе развития города, даже если он имеет и не столь богатую историю как Рим; как Лондон, едва пострадавший от нашествий врага. Разрушение и перестройка зданий имеют место даже в самом мирном процессе развития города. Таким образом, город а priori не подходит для подобных сравнений с психическим организмом.

Мы согласны с этим возражением и, отказавшись от попытки выявить разительный контраст, мы займемся предметом более подходящим для сравнения, а именно - телом животного или человека. Но здесь мы встречаемся с той же проблемой. Ранние стадии развития никак не сохраняются; они переходят в более поздние стадии, являясь для них исходным материалом. Во взрослом вы не найдете эмбриона. Вилочковая железа ребенка в пубертатный период с наступлением половой зрелости заменяется соединительной тканью, а сама исчезает. В костях взрослого человека действительно можно уловить контуры детских костей, но сами они исчезли, удлиннившись и утолщившись до их взрослой формы. Остается фактом то, что лишь в мозге сохраняются все ранние стадии наряду с возможной конечной формой, равно как и то, что мы не имеем возможности проиллюстрировать этот феномен.

Возможно, мы слишком далеко зашли в попытке сделать это. Возможно, нам следовало бы удовлетвориться утверждением о том, что прошлое в психической жизни может сохраняться и не обязательно разрушается. Всегда имеется возможность того, что даже в психической жизни какие-то элементы прошлого стираются или поглощаются или в процессе нормального развития, или, как исключение, до степени, когда их невозможно восстановить или оживить никаким способом; или что сохранение, как правило, зависит от благоприятных условий. Это возможно, но мы ничего не знаем об этом. Мы можем лишь признавать тот факт, что сохранение в психике является скорее правилом, нежели исключением.

Таким образом, мы готовы признать, что "океаническое" чувство существует у многих людей, и мы склонны отнести его к ранней фазе развития чувства. Тогда возникает следующий вопрос: "Какой критерий применим к этому чувству как источнику религиозных потребностей!"

Мне это не кажется непреодолимым препятствием. В конце концов, чувство может быть лишь источником энергии, если само оно является выражением сильной потребности. Развитие религиозной потребности из детской беспомощности, и на почве тяги к отцу, кажется мне неоспоримым фактом, тем более, что чувство это не только сохраняется с детского возраста, но и постоянно поддерживается страхом перед всемогущей силой Судьбы. Я считаю, что самой сильной потребностью в детстве является потребность в отцовской защите. Таким образом, роль "океанического" чувства, которое могло бы стремиться к восстановлению беспре-

дельности нарциссизма, вытеснена на задний план. Корни религиозных отношений можно четко проследить в чувстве детской беспомощности. Возможно они и более глубоки, но на сегодня это еще тайна, покрытая мраком.

Я могу допустить, что "океаническое" чувство позже стало связываться с религией. "Единство Вселенной", которое формирует идейное содержание, является как бы первой попыткой религиозного утешения, как бы иным способом предотвратить опасность, которая угрожает его со стороны внешнего мира. Позвольте мне еще раз напомнить о том, что мне крайне сложно оперировать такими, почти неуловимыми величинами. Другой мой друг, чья ненасытная жажда знания заставила его ставить крайне необычные опыты и позволила овладеть поистине энциклопедическим объемом знаний, убедил меня в том, что, упражняясь в йоге, отрешаясь от мира, сосредоточивая внимание на телесных функциях и применяя нетрадиционные методы дыхания, можно добиться фактически новых ощущений и возможностей в себе, которые он рассматривает как возврат к первобытным формам разума, давно забытым. Он считает, что эти ощущения являются физиологической основой значительной мудрости мистицизма. Нетрудно установить связи с целым рядом модификаций психики, таких, как трансы и экстазы. Но хочу воскликнуть словами Шиллера:

"...Es freue sich

Wer da atmet in rosigen licht"

"Позвольте радоваться тому, кто видит здесь все в розовом свете".

II

В моей работе "Будущность одной иллюзии" (1927) меня значительно больше интересовали не источники религиозного чувства, а вопрос о том, что обычный человек понимает под своей религией - системой доктрин и посулов, которые, с одной стороны, объясняют ему загадки этого мира с завидной последовательностью, а с другой - дают ему уверенность в том, что Провидение позаботится о нем, и в мире ином воздаст за страдания, выпавшие на его долю в земной жизни. Человек может представить себе это Провидение только в виде бесконечно возвеличенного отца. Только такое существо может понять нужды его детей, расстрогаться их молитвами и умиротвориться их раскаянием. Все это настолько очевидный инфантилизм, далекий от реальности, что любому, доброжелательно настроенному по отношению к человечеству, больно думать о том, что большинство смертных никогда не поднимутся над таким пониманием жизни. Еще более удивительно наблюдать, как велико число живущих сегодня людей, которые не могут не видеть непоследовательности религии, и тем не менее стараются по крупицам защитить ее средствами, достойными сожаления. Кому-то, может быть, захочется вступить в ряды этих верующих, познакомиться с этими философами, которые надеются спасти Бога религии, заменив его безличным, размытым и абстрактным принципом, и обратиться к ним со словами предостережения: "Thou shall not take the name Lord thy God in vain". И если так и поступали великие люди в прошлом, нет смысла обращаться к их примеру: мы знаем, почему они должны были делать это. Давайте вернемся к простому человеку и его религии, единственной религии, которая имеет право называться так. Первое, что приходит на ум - это слова одного из величайших поэтов и мыслителей, касающиеся отношения религии к науке и искусству:

"Wer wissenschaft und Kunst besitzt, hat auch Religion; Wer jene beide nicht besitzt, der habe Religion!"

С одной стороны, это высказывание выявляет противоположность между религией и двумя величайшими достижениями человека, а с другой - утверждает, что, с точки зрения их значения в жизни человека, эти достижения и религия могут вполне быть взаимозамещаемы и взаимозаменяемы. Если мы попытаемся лишить Человека (не

знающего ни науки, ни искусства) его религии, поэт нас скорее всего не поддержит. Мы выберем особый способ, чтобы постичь значение его слов, [^]изнь, как мы ее себе представляем, слишком трудна для нас, она несет нам слишком много страданий, разочарований и непосильных задач. Мы не можем обходить-^{ся} полумерами лишь для того, чтобы выжить. Мы не обойдемся без вспомогательных конструкций, как утверждает Теодор Фонтейн. Основные из них - следующие: сильные отклонения, которые позволяют не так болезненно воспринимать горе; замещающее удовлетворение, которое смягчает его; опьяняющие

237

вещества, которые делают нас невосприимчивыми к нему. Что-то в этом роде совершенно необходимо. Вольтер имел в виду отклонения, заканчивая "Кандид" советом возделывать свой сад; научная деятельность также является отклонением подобного рода. Замещающие удовлетворения, рождаемые искусством, являются иллюзиями по контрасту с реальностью, но они обладают ничуть не меньшим психическим действием благодаря роли, которую приобрела фантазия в психической жизни. Опьяняющие вещества влияют на наш организм и изменяют его химический состав. Не легко определить место религии в этих последовательностях. Мы должны дальше рассматривать этот вопрос.

Вопрос о смысле человеческой жизни поднимался бесчисленное количество раз но еще ни разу не было дано на него удовлетворительного ответа, а возможно его и нет. Некоторые из числа тех, кто задавал этот вопрос, добавляли, что если в жизни не окажется цели, она потеряет для них свою ценность. Но это угроза ничего не меняет. Напротив, создается впечатление, что этот вопрос можно оставить без ответа, ведь он возник на почве человеческой самонадеянности, многочисленные проявления которой нам уже знакомы. Никто не говорит о цели в жизни животных, за исключением разве что тех случаев, когда они находятся на службе у человека. Но этот взгляд также не отличается последовательностью, так как существует большое количество животных, с которыми человек не может сделать ничего, кроме описания, классификации и изучения их; и множество видов животных, которые избежали и этой участи, так как они существовали и исчезли с лица земли до того, как человек обратил на них внимание. И опять-таки, только религия может ответить на вопрос о смысле жизни. Вряд ли можно считать ошибочной точку зрения, согласно которой идея о наличии цели в жизни появляется и исчезает в рамках религиозной системы.

Таким образом, мы подошли к более прозаичному вопросу, а именно: "Что сами люди выявляют своим поведением как цель и стремления в жизни?" Что они хотят от жизни и стремятся в ней достичь? Вряд ли можно подвергнуть сомнению ответ на этот вопрос. Они страстно желают счастья; они хотят стать счастливыми и оставаться такими. Это стремление имеет два аспекта, позитивную и негативную цель. С одной стороны, оно направлено на исключение боли и неудовольствия, а с другой - на достижение сильного чувства удовольствия. В своем более узком смысле слово "счастье" имеет отношение только к последнему. В приспособлении к этой дихотомии своих целей деятельность человека развивается в двух направлениях, в зависимости от желаемой степени реализации - в основном или почти исключительно - одной из этих двух целей.

Как мы видим, то, что определяет цель в жизни, является по сути дела программой принципа удовольствия. Этот принцип доминирует в действиях психического аппарата с самого начала. Не вызывает сомнений его действительность, однако программа его находится в противоречии с целым миром, как микрокосмом, так и с макрокосмом. Абсолютно не существует возможности для ее реализации; все правила Вселенной идут вразрез с ней. Так и хочется сказать, что в планы создателя не входило делать людей счастливыми. То, что мы называем счастьем в са-

мом узком смысле, есть не что иное, как (преимущественно неожиданное) удовлетворение потребностей, обостренных до крайней степени, природа которых допускает лишь эпизодическое удовлетворение их. Когда ситуация, которая столь желанна в соответствии с принципом удовольствия, продлевается, это вызывает лишь чувство легкого удовлетворения. Так уж мы устроены, что подлинное наслаждение можем получать лишь на контрасте, и очень редко от стабильного положения вещей. Таким образом, наши возможности для счастья изначально ограничены нашей конституцией. Несчастье испытать гораздо легче. Нам угрожают страдания с трех сторон: наш собственный организм, обреченный на старение и распад, который не может переобойтись без боли и беспокойства в качестве предупредительных сигналов; внешний мир, который может обрушиться на нас безжалостными и непреодолимыми разрушительными силами; и, наконец, наши отношения с другими людьми. Мы часто считаем их бессмысленными и беспочвенными, не смотря на то, что они столь же неизбежны, как и страдания, вызванные другими причинами.

Нет ничего удивительного в том, что под давлением этих источников страдания человек привык снижать свои потребности в счастье, равно как и сам по себе принцип удовольствия под воздействием внешнего мира трансформировался в более скромный принцип реальности, когда человек считает себя счастливым только лишь потому, что ему удалось избежать несчастья или выжить несмотря на страдания, стремление избежать несчастья вытесняет на задний план желание получить удовольствие. Размышления приводят к мысли о том, что выполнение этой задачи может быть осуществлено различными путями, каждый из которых рекомендуется различными школами мирового опыта и используется человеком. Неограниченное удовлетворение всех потребностей представляет собой наиболее соблазнительный образ жизни, но он означает, что удовольствие превалирует над осторожностью и вскоре само становится наказуемо. Другие способы, когда избегание неприятностей является главной целью, различаются в зависимости от источника неприятностей, находящегося в центре внимания. Одни из этих споров радикальны, другие вполне умеренны; некоторые весьма односторонни, иные же подходят к решению проблемы с различных сторон. Самым верным способом избежать страдания на почве человеческих взаимоотношений является добровольная изоляция, отчуждение от людей. Таким путем счастье можно найти только в покое. Защититься от опасностей внешнего мира можно лишь отвернувшись от них, пытаясь решить задачу в одиночку. Но ведь существует иной и лучший способ: стать членом сообщества людей и с помощью техники, создаваемой на научной основе, подчинить природу воле человека. В таком случае каждый работает со всеми на всеобщее благо. Но наиболее интересные способы избежать страдания связаны с воздействием на наш организм. В последнем анализе все страдания расцениваются не иначе как ощущение, оно существует лишь до тех пор, пока мы его чувствуем, а эта чувствительность связана с регулятивными процессами в нашем организме.

Самый грубый, но в то же время самый действенный среди этих методов - химический, то есть опьянение. Я не думаю, чтобы кто-то до конца понимал механизм этого процесса, но является фактом наличие инородных веществ, присутствие которых в крови или тканях непосредственно вызывает приятные ощущения и одновременно настолько изменяют наше сознание, что мы неспособны получать неприятные импульсы. Воздействия эти одновременны и взаимосвязаны. Но в химическом составе нашего организма содержатся вещества, обладающие аналогичным действием, так как нам знакомо по крайней мере одно патологическое состояние, мания, в котором сходное с опьянением состояние достигается без принятия специальных веществ. Помимо этого в нормальной психической жизни имеют место колебания между сравнительно легким и сравнительно трудным восприятием удовольствия, наряду с которым существует сниженная и повышенная

Чувствительность к неудовольствию. Остается только сожалеть о том, что токсический аспект психической жизни до сих пор не подвергся научному анализу. Польза от опьяняющих веществ в борьбе за счастье и попытке оградить себя от неприятностей получила столь высокую оценку, что отдельные индивиды и целые народы внедрили их в структуру своих либидо. Этим средствам мы обязаны не только непосредственным ощущением удовольствия и столь желанной независимостью от внешнего мира. Ведь каждый знает, что с помощью этих "избавителей от забот" можно в любое время отрешиться от гнета реальности и укрыться в своем внутреннем мире с лучшими условиями для чувствительности. Также хорошо известно и то, что именно эти свойства токсичных веществ делают их опасными и вредными. Это они в некоторых обстоятельствах приводят к бессмысленной растрате энергии, которая могла бы быть использована для совершенствования человечества.

Сложная структура нашего психического аппарата подвержена, однако, и целому ряду других влияний. Так же, как удовлетворение инстинкта дает нам ощущение счастья, страдания, причиненные внешним миром и мешающие удовлетворению потребностей, истощают нас. Таким образом, кто-то питает надежду на то, что можно уменьшить страдания, влияя на инстинктивные импульсы. Этот вид защиты от страданий не приводит в действие сенсорный аппарат, а направлен на овладение внутренними источниками наших потребностей. Предельной формой является уничтожение инстинктов, как и предписывается Восточной мудростью и практикуется йогой. Если это удастся, субъект действительно отказывается от всех других видов деятельности, он жертвует своей жизнью и другим путем, и этим обретает счастье в покое. Мы поступаем аналогично, имея не столь радикальные цели, пытаемся лишь контролировать нашу инстинктивную жизнь. В этом случае контролирующие элементы являются проводниками высшей нервной деятельности, подчиненными принципу реальности. Здесь отнюдь не происходит отказа от цели удовлетворения, но сохраняется определенная степень защищенности, которая, благодаря сдерживанию инстинктов, позволяет не столь болезненно реагировать на неудовлетворенность как в случае, когда они необузданны. Как будто вопреки этому существует неоспоримое ослабление потенциальных возможностей для наслаждения. Чувство счастья, возникшее от удовлетворения необузданных инстинктивных импульсов, выходящих из-под контроля его, несоразмерно сильнее, чем то, которое ублажает сдерживаемые инстинкты. Безудержность извращенных инстинктов и, возможно, притягательность запрещенного, получает здесь свое структурное объяснение.

Другой способ отгородиться от страданий - это смещение либидо, которое допускает наша психика и которое делает его столь гибким. Основная задача здесь состоит в изменении инстинктивных целей настолько, чтобы достичь их через сублимацию инстинктов. Значительно выигрывает тот, кто может наслаждаться физическим и интеллектуальным трудом. Судьба не может причинить вреда этим людям. Удовлетворение такого рода, упоение процессом творчества, материализация фантазий для художника, решение задач и установление истины для ученого имеют также свойства, которые мы непременно рассмотрим когда-нибудь с метапсихологической точки зрения. Сейчас мы можем лишь определить эти наслаждения как более высокие и утонченные. Но они слабее по сравнению с тем, что дает удовлетворение грубых и примитивных инстинктивных импульсов; они не затрагивают нашу физическую сущность. И слабость этого метода заключается в том, что он действует весьма избирательно: он доступен лишь немногим. Он предполагает наличие особых дарований и талантов, которые нельзя назвать всеобщими. И даже для небольшого числа людей, которые обладают ими, этот метод не обеспечивает полной защищенности от страданий. Он не является не-

проницаемым щитом от ударов судьбы и обычно теряет свою эффективность, когда источником страданий становится организм человека.

В то время, как этот процесс уже достаточно наглядно демонстрирует попытку обрести независимость от внешнего мира и найти удовлетворение во внутренних психических процессах, следующий метод еще более рельефно выделяет эти черты. В этом случае связь с реальностью еще более размыта, удовлетворение черпается из иллюзий, которые и признаются как таковые, без разграничения их с реальностью, допускающей вмешательство в процесс наслаждения. Область возникновения иллюзий - жизнь воображения; когда развивалось чувство реальности, эта область освобождалась от потребности в контроле за реальностью и абстрагировалась от задачи выполнения труднодоступных желаний. Основу удовлетворения посредством фантазии составляет наслаждение, которое благодаря творчеству художника, становится доступным даже для тех, кто сам не наделен даром творить. Люди, восприимчивые к искусству, не могут переоценить его как источник удовольствия и утешения в жизни. Однако легкое очарование искусством позволяет лишь ненадолго отрешиться от давления повседневных жизненно важных потребностей, оно не настолько сильно, чтобы затмить подлинное горе.

Другой процесс обладает более энергичным действием. Реальность в нем рассматривается как единственный враг и источник всех страданий, с которыми невозможно жить, поэтому необходимо оборвать все связи с ней, если человек хочет быть счастливым. Отшельник отворачивается от мира и не имеет с ним никаких контактов. Но можно пойти и дальше: попытаться создать другой мир, в основе которого не будет наиболее неприятных черт, а их место займут те, которые отвечают его желаниям. Но кто бы не бросал столь дерзкий вызов, пытаясь обрести счастье, как правило, он обречен на неудачу. Реальность слишком сильна для него. Он становится сумасшедшим, и никто не может помочь ему преодолеть его заблуждение. Принято считать, тем не менее, что каждый из нас ведет себя в каких-то ситуациях как параноик, исправляя то, что он считает для себя неприятным в этом мире, путем конструирования желаемого и претворения этого заблуждения в жизнь. Особо важны те случаи, в которых попытка обеспечить гарантии счастья и защиту от страданий посредством иллюзорного переустройства реальности делается группами людей. Религии, которые знакомы человечеству, следует классифицировать по типу массовых заблуждений подобного рода. Естественно, что разделяющие это заблуждение не признают его таковым.

Я не думаю, что перечислил все методы, с помощью которых люди стремятся обрести счастье и уберечь себя от страданий, и я знаю также, что этот материал можно трактовать по-разному. Я не упомянул еще об одном процессе, но не потому, что забыл о нем, а потому, что он будет предметом нашего рассмотрения позже, в другой связи. Да и как вообще можно забыть среди всех остальных этот прием в искусстве жить? Задача его, конечно же, состоит в том, чтобы сделать субъекта независимым от Судьбы (как можно наилучшим образом определить это), и для той цели источником удовлетворения становятся внутренние психические процессы, таким образом, что используется замещаемость (способность к перенесению) либидо, о которой мы уже говорили. Но это не отказ от внешнего мира; напротив, крепкая связь с объектами, принадлежащими внешнему миру и достижение счастья через эмоциональное отношение к ним. Не входит в его цели избегание неприятностей - задача, как мы могли бы назвать ее, на уровне скучной покорности; он благополучно минует ее и останавливается на подлинном, страстном желании обрести счастье. И, возможно, этот прием ближе к выполнению поставленной цели, чем какой бы то ни было иной. Я, конечно, говорю об образе жизни, в центре которого удовлетворение состоит в любви и в том, чтобы быть любимым.

Психическое отношение подобного рода достаточно хорошо знакомо всем нам; одна из форм проявления любви - сексуальная любовь - дала нам наиболее яркий опыт всепоглощающего чувства удовлетворения и, таким образом, предоставила модель для поиска счастья. Что может быть естественней, чем поиск счастья. Что может быть естественней, чем поиск счастья там же, где мы впервые испытали его? Не трудно выявить слабые стороны такого подхода, иначе любой человек предпочел бы его всем остальным. Дело в том, что никогда мы не бываем столь беззащитными перед лицом страданий, кроме как в состоянии, когда мы любим; столь беспомощно несчастны, когда мы теряем любимый объект или его любовь. Но это не исключает способ жизни, основанный на ценности любви, как путь к счастью. Об этом еще многое следует сказать (см. ниже, стр. 250.)

Далее мы можем перейти к рассмотрению интересного случая, в котором счастье в жизни обретается преимущественно в наслаждении красотой в любых ее проявлениях - красота человеческих форм и движений, природных ландшафтов и пейзажей, художественных и даже научных творений. Такое эстетическое отношение к цели жизни обеспечивает весьма слабую защиту от угрозы страданий, но оно может в значительной степени компенсировать их. Наслаждение красотой рождает своеобразное, слегка завораживающее чувство. От красоты нет очевидной пользы, нет и определенной культурной потребности в ней. И все же цивилизации не обойтись без красоты. Эстетика исследует условия восприятия красоты но она не может объяснить природу и истоки красоты, и, как это обычно случается, безуспешность попыток скрывается под потоком пустых и громких слов. Психоанализ, к сожалению, также едва ли может расширить наши знания о красоте. Единственное, что кажется неоспоримым - происхождение ее из области сексуального чувства. Любовь к красоте кажется мне прекрасным примером импульса, заложенного в ее целях. "Красота" и "влечение" - изначально признаки сексуального объекта. Стоит заметить, что сами половые органы, вид которых всегда возбуждает, вряд ли можно назвать красивыми; складывается впечатление, что красота, как таковая, ассоциируется с определенными второстепенными сексуальными свойствами.

Несмотря на незавершенность моего перечня, я позволю себе несколько замечаний в качестве вывода нашего исследования. Программа обретения счастья, навязанная нам принципом удовольствия, не может быть выполнена, однако мы не должны, а вернее не может отказаться от попыток приблизить его так или иначе. В этом направлении можно двигаться различными путями, отдавая предпочтение позитивному аспекту цели, т.е. получению удовольствия, или негативному, а именно, избеганию неприятностей. Полностью достичь желаемого невозможно никаким способом. Счастье, в усеченном смысле, так, как мы понимаем его возможным, является проблемой структуры индивидуального либидо. Нет золотого правила, пригодного для всех. Каждый должен найти свой путь к спасению. На выбор влияет множество различных факторов. Это зависит от того, какое реальное удовлетворение человек надеется получить от внешнего мира, от степени его независимости от этого мира в соответствии со своими желаниями. В этом решающую роль будет играть строение его психики, независимо от внешних факторов. Человек, по природе своей эротичный, отдаст предпочтение эмоциональным взаимоотношениям с другими людьми; нарциссист, человек, склонный к замкнутости, будет искать главные источники удовлетворения в своих внутренних психических процессах; человек действия никогда не отступится от внешнего мира, проверяя на нем свою силу. Что касается второго типа, особенности его талантов и сумма сублимации инстинктов, доступной ему, определяют сферу приложения его интересов. Любой выбор, ведущий к крайностям, наказуем тем, что индивид будет подвергнут опасностям, возникающим в том случае, если избранный исключитель-

ным способ жизни окажется неадекватным. Аналогично тому, как осторожный бизнесмен избегает вложения всего своего капитала в одно предприятие, и мировой опыт, вероятно, подсказывает нам, что не следует стремиться к полному удовлетворению одного-единственного желания. Никогда нельзя быть уверенным в успехе, так как он зависит от совмещения многих факторов, и, наверное в большей степени от возможностей психического строения. Приспособить свои функции к окружающей среде и затем использовать их для получения удовольствия. Для человека, рожденного с особо неблагоприятным инстинктивным складом, не претерпевшего трансформации и реорганизации своего либидо, что необходимо для дальнейших достижений, будет трудно обрести счастье из внешней ситуации, особенно если задачи, с которыми он сталкивается, хотя сколько-нибудь затруднительны. Единственный способ жизни, который по крайней мере доставит ему заменяющее удовольствие - это переход в состояние невротического заболевания, переход, который обычно происходит еще в молодости. Человек, понимающий, что его попытки обрести счастье ни к чему ни привели, в более зрелом возрасте может все-таки найти утешение в постоянном опьянении или предпринять отчаянную попытку протеста, выраженную в психозе.

Религия ограничивает эту роль выбора и адаптации, так как всем одинаково навязывает свой собственный путь к обретению счастья и защите от страданий. Суть ее влияния состоит в преуменьшении ценности жизни и искажении картины реального мира путем обмана, который предполагает угнетение разума. Такой ценой, насильно удерживая их в состоянии психического инфантилизма и вводя в массовое заблуждение, религия преуспевает в избавлении от индивидуального невроза большого количества людей. Но не более. Как мы уже сказали, существует много путей, способных привести к счастью, доступному для человека, но ни один из них не делает этого наверняка. Даже верующий, в конце концов, хотя и считает себя обязанным говорить о "таинственных знамениях" Бога, соглашается с тем, что ему остается как последнее возможное утешение и источник удовольствия в его страданиях безоговорочная покорность. И если он к этому готов, он, возможно, и мог бы избавить себя от созданного им detour.

III

Изучая проблему счастья, мы не открыли для себя ничего нового. И даже если мы попытаемся перейти к вопросу о том, почему человеку так трудно быть счастливым, мы вряд ли узнаем что-то новое. Мы уже дали ответ, указав на три источника страданий: сверхсилы природы, слабость наших организмов и неадекватность правил, регулирующих отношения людей в семье, государстве, обществе. Что касается первых двух источников, нам не приходится сомневаться. Мы вынуждены признать их и принять как неизбежные. Мы никогда полностью не подчиним себе природу, и наш организм, сам по себе являющийся частью природы, всегда останется временной структурой с ограниченной способностью к адаптации и каким-либо достижениям. Но признание этого не парализует нашу активность, а напротив, указывает направление нашей деятельности. Если мы не можем ликвидировать все страдания, мы можем сократить их, смягчить некоторые из них - многовековой опыт убедил нас в этом. Что же касается третьего источника, социального источника страданий, наше отношение к нему иное. Мы вовсе не принимаем его; мы не понимаем, почему правила, которые создали мы сами, не должны напротив, быть защитой и удобством для каждого из нас. И все же, когда мы рассматриваем, сколь безуспешны были попытки предотвратить страдания на этой почве, возникает подозрение, что здесь также есть частицы нашего психического склада.

Когда мы начинаем анализировать эту возможность, мы сталкиваемся со столь поразительным выводом, что не можем не коснуться его. Он заключается в том, что

цивилизация в значительной степени повинна в наших несчастьях, и если бы Мы отказались от нее и вернулись к примитивным условиям, мы были бы гораздо более счастливы. Я называю этот вывод поразительным потому, что как бы мы не определяли понятие цивилизации, очевидно, что все средства, при помощи которых Мы стремимся защитить себя от угроз, возникающих из источников страданий, являются частью этой самой цивилизации.

Когда же случилось, что у такого большого количества людей возникло это странно враждебное отношение к цивилизации, на этой основе сформировалось осуждение, обусловленное специфическими историческими событиями. Мне кажется, что я знаю о последнем и предпоследнем таком событии. Я не обладаю дос-таточными знаниями для того, чтобы восстановить цепочку этих событий на протяжении достаточно длительного периода истории живых видов, но фактор подобного рода, враждебный цивилизации, уже имел место, когда Христианство одержало верх над языческими религиями. Это было тесно связано с тем, что Христианская доктрина низко оценивала земную жизнь. Предпоследнее событие подобного рода произошло, когда в результате роста географических открытий было положено начало контактам с примитивными народами и расами. В результате недостаточного наблюдения и ошибочного взгляда на их обычаи и традиции европейцы приняли их образ жизни за простой и счастливый, с низким уровнем потребностей, недоступный пришельцам, обремененным превосходством цивилизации. Более поздний опыт внес коррективы в некоторые из этих выводов. Во многих случаях наблюдатели ошибочно принимали за отсутствие сложных культурных потребностей то, что на самом деле существовало благодаря щедрости природы и легкости, с которой удовлетворялось большинство человеческих потребностей. Последний случай особенно хорошо знаком нам. Он возник тогда, когда люди узнали о механизме невроза, грозившем подорвать даже ту малую долю счастья, которой наслаждались цивилизованные люди. Было обнаружено, что человек становится невротичным, так как не может вынести весь объем лишений, который общество навязывает ему в угоду своим культурным идеалам, и отсюда следовало, что в результате уничтожения или сокращения этих требований они вернут возможность счастья.

Существует также дополнительный фактор разочарования. Последние несколько поколений человечества колоссально продвинулись в области естественных наук, их техническом применении и установлении такого контроля за природой, которой раньше был немыслим. Этапы этого продвижения общеизвестны и нет нужды перечислять их. Люди по праву гордятся этими достижениями. Но они, кажется, поняли, что эта вновьявленная власть над пространством и временем, это покорение сил природы, которое является реализацией мечты, существовавшей на протяжении тысяч лет, не прибавили им удовольствия в жизни и не сделали их более счастливыми. Признавая этот факт, мы должны с удовлетворением заметить, что власть над природой не является единственным условием человеческого счастья, равно как и не является единственной целью культурного развития. Мы не должны делать вывод о том, что технический прогресс не несет ценности для экономики нашего счастья. Может возникнуть вопрос: "Неужели мы не получаем удовольствия, не усиливаем непосредственного ощущения счастья, если можем слышать голос своего ребенка, живущего за сотни миль, столько, сколько захотим; или если можем узнать в максимально короткий срок, что друг благополучно проделал длинное и трудное путешествие и достиг конечного пункта?" Неужели ничего не значит то, что медицина достигла огромных успехов в борьбе с детской смертностью и опасностью заражения женщины в период родов, в значительном увеличении продолжительности жизни цивилизованного человека? К этому еще можно добавить целый список достижений подобного рода, которыми мы обязаны пресловутому

научно-техническому прогрессу. Но здесь слышится голос критически настроенного пессимиста, который предупреждает нас о том, что все это относится к разряду "дешевого удовольствия" - в духе анекдота - удовольствия, получаемого от того, что голую ногу, вынутую из под одеяла на зимний холод, убирают в тепло. Если бы расстояния не были покорены при помощи железных дорог, мой ребенок никогда бы не покинул свой родной город, и мне бы не понадобился телефон для того, чтобы услышать его голос; если бы по океанам не плавали корабли, мой друг не отправился бы в морское путешествие, и мне не нужна была бы телеграмма, чтобы успокоить свои волнения о нем. Какая польза в сокращении детской смертности, если именно это сокращение налагает на нас самые большие ограничения в деторождении, и в общем-то, мы воспитываем детей не больше, чем до воцарения гигиены. И опять же мы создали такие сложности для половых отношений в семейной жизни, что возможно, и действуем вопреки полезным результатам естественного отбора? И, наконец, что хорошего в долгой ясизни, если она трудна и лишена удовольствий, если в ней так много страданий, что мы можем только радоваться смерти, как избавлению от них?

Кажется очевидным, что мы не чувствуем себя уютно в нашей сегодняшней цивилизации, по крайней мере сложно определить, были ли, и в какой степени, люди, жившие раньше, более счастливыми, и какие культурные условия оказывали на это влияние. Мы всегда будем стремиться рассматривать людские несчастья предметно, т.е. ставить себя, с нашими желаниями и эмоциями, на их место, и затем решать, что мы найдем там для счастья или несчастья. Такой взгляд на вещи, кажущийся объективным, так как игнорируются различия в субъективной чувствительности, является на самом деле наиболее субъективным, так как он помещает психические состояния человека на место любых других, хотя и незнакомых. Однако счастье есть нечто субъективное по сути своей. Сколько бы мы не содрогались от ужаса, в различных ситуациях представляя раба в период античности, крестьянина во время Тридцатилетней войны, жертву святой инквизиции, еврея в ожидании погрома, - мы, все же, не можем почувствовать то же самое, что эти люди, предсказывать изменения, которые природная ограниченность разума, постепенное притупление ума, крушение надежд, более или менее грубые методы наркотизации оказали на их восприимчивость к ощущению счастья или неудовольствия. Более того, в случае наиболее экстремальных причин для страдания, приходят в действие специальные защитные психические механизмы. Мне кажется бесполезным дальнейшее рассмотрение этого аспекта проблемы.

Нам пора обратить внимание на природу этой цивилизации, значение которой для обретения счастья подверглось сомнению. Мы не будем искать формулу для того, чтобы в нескольких словах выразить эту природу до тех пор, пока не расширим свои познания, изучая ее. Таким образом, мы должны доставить себе удовольствие, еще раз повторив, что слово "цивилизация" охватывает всю сумму достижений и правил, которые отличают наши жизни от существования животных предков и которые служат двум целям, а именно: защитить людей от природы и урегулировать их взаимные отношения. Для того, чтобы узнать больше, мы соединим воедино различные черты цивилизации, как это имеет место в человеческих сообществах. Делая это, мы не колеблясь позволим себе руководствоваться лингвистическим принципом или, как иначе называют, лингвистическим чувством, будучи убежденными в том, что мы таким образом внесем ясность во внутренние различия, которые все еще определяют выражение в абстрактных терминах.

Первая стадия проста. Мы считаем культурной всю деятельность и все ресурсы, используемые людьми для того, чтобы сделать землю более пригодной для жизни, защититься от стихийных сил природы и так далее. Что касается этого аспекта Цивилизации, вряд ли могут возникнуть какие-либо сомнения. Оглянувшись назад,

вспомним, что первыми шагами цивилизации были: использование орудий, умение добывать огонь и строительство жилищ. Среди них выделяется конт-роль за огнем как совершенно неординарное и беспрецедентное достижение, другие же открыли пути, по которым люди и следуют с тех пор и стимулы для которых легко выявить. При помощи каждого орудия труда человек совершенствует свои собственные органы, моторные или сенсорные, или же расширяет возможности их функционирования. Двигатели дают в распоряжение человеку гигантские силы, которые, как и свои мускулы, он может использовать в любых целях; благо-даря пароходам и самолетам ни вода, ни воздух не препятствуют его передвижениям; телескоп дает возможность видеть на очень больших расстояниях; с помощью микроскопа он преодолевает границы видимости, установленные структур-ной сетчаткой его глаза. Фотографической камерой он фиксирует мимолетное зрительное впечатление, так же, как и грампластинки сохраняют столь же мимолетные звуковые. По сути своей, это является материализацией власти над воспоминанием, над памятью, которую обрел человек. Телефоны дают ему возможность слышать на расстоянии, что считалось невозможным даже в сказке. Письмо по природе своей является голосом отсутствующего лица, а жилище было заменой материнской утробы, в которой человек чувствовал себя комфортно и безопасно, и в которой, по всей вероятности, он испытывает недостаток.

Все то, что при помощи науки и технологии человек сделал возможным на этой земле, на которой он впервые появился как слабый животный организм, и на которую каждый новый представитель его рода должен являться ("о капелька природы") беспомощным младенцем - все это не только звучит сказочным, это и есть фактическая реализация всех, или почти всех, сказочных желаний. Все эти положительные достижения человек может рассматривать как культурное достижение. Давным-давно он сформулировал идеальную концепцию всемогущества и всезнания, которую воплотил в своих богах. Этим богам он приписывал то, что казалось невыполнимым для него или что было ему запрещено. Таким образом, кто-то может сказать, что эти боги были культурными идеалами. Сегодня он значительно приблизился к достижению своего идеала, он сам стал почти богом. Настолько, насколько идеалы обычно достигаются согласно с общими представлениями человечества. Не полностью: в каких-то аспектах не достиг вовсе, а в каких-то лишь частично. Человек стал подобен Божеству. Когда он одевает все свои вспомогательные органы, он поистине величествен; но эти органы временами причиняют большие неприятности. Однако он вынужден утешать себя мыслью о том, что это развитие не завершится в 1930 году. Последующие века принесут новые и, возможно, непредсказуемые великие открытия в этой области цивилизации и еще сильнее приблизят человека к Богу. Но в интересах наших исследований не будем забывать о том, что сегодняшней человек не чувствует себя счастливым в этом богоподобном образе.

Мы признаем, таким образом, что страны достигли высокого уровня цивилизации, если в них имеет место и эффективно используется все то, что помогает человеку возделывать землю и защищать себя от сил природы, короче говоря, все то, что ему полезно. В таких странах реки, грозящие наводнением, умирятся, и их воды направляются по каналам туда, где испытывается нехватка их. Почвы тщательно возделываются и засаживаются теми культурами, которые могут на них вырасти; подземные минеральные богатства усердно добываются и перерабатываются в необходимые ресурсы и сырье. Средства коммуникации обширны, быстры и надежны. Дикие и опасные животные истребляются и процветает разведение домашних животных. Но помимо этого мы предъявляем и другие требования к цивилизации, и совершенно очевиден тот факт, что именно в этих странах мы надеемся на их реализацию. Мы как будто пытаемся отречься от первого требо-

вания, выдвинутого нами, мы будем приветствовать его как признак цивилизации, если увидим, что люди направляют свои усилия на то, что так или иначе не имеет практической ценности, на то, что не приносит пользы - если, к примеру, зеленые пространства, необходимые в городе для прогулок и как резервуары свежего воздуха, будут также украшены цветочными клумбами; или если на окнах домов стоят горшочки с цветами. Вскоре мы увидим, что это самое бесполезное и оценивается цивилизацией как красота. Мы требуем от цивилизованного человека почтительного отношения к красоте, где бы он ни увидел ее в природе, и создания ее в предметах его ручного труда в соответствии с его способностями. Но это далеко не исчерпывает наши требования к цивилизации. Мы также хотим видеть Признаки чистоты и порядка. Мы не очень высоко оцениваем культурный уровень провинциального английского городка времен Шекспира, когда читаем о том, что перед домом его отца в Страдфорде была большая свалка; мы возмущены, называем варварством (в противовес цивилизации), если видим замусоренные тропинки Венского леса. Неопрятность в любом проявлении кажется нам несовместимой с цивилизацией. Мы также требуем от человека поддерживать в чистоте его тело. Мы с удивлением узнаем о неприятном запахе, который исходит от Короля-Солнца, и мы качаем головами, когда нам показывают крошечную раковину, в которой Наполеон совершал свой утренний туалет на острове Изола Белла. Действительно, нас не удивляет идея использования мыла как реального критерия цивилизованности. То же и касается порядка. Он, равно как и чистота, применим исключительно к делам человека. Но в то время, как чистота и не предполагается в природе, порядок, напротив, возник от нее. Наблюдение человеком великих астро-номических правил не только вооружило его моделью для наведения порядка в его жизни, но и определило основные отправные точки для этого. Порядок является своеобразным принуждением, повторение которого, если правила раз и навсегда установлены, определяет когда, где и как нужно что-либо сделать; таким образом, в сходных обстоятельствах человек избавлен от колебаний и нерешительности. Преимущества порядка неоспоримы. Он дает людям возможность с наибольшей выгодой использовать пространство и время, сохраняя свои физические силы. Мы имеем все основания предполагать, что порядок с самого начала должен был занять свое место в деятельности человека; и нам остается только удивляться, почему люди демонстрируют врожденную тенденцию к беспечности, беспорядочности и ненадежности в своей работе, им нужны усердные тренировки, прежде чем они научатся следовать примеру своих лучших представителей.

Красота, чистота и порядок без сомнений занимают особое место среди требований, предъявляемых к цивилизации. Никто не будет отрицать, что они столь же важны для жизни, как и контроль за силами природы или некоторые другие факторы, с которыми мы познакомимся. Никто не отодвинет их на задний план как незначительные мелочи. То, что цивилизация включает в себя не только полезное, уже проиллюстрировано примером с красотой, которую мы отказываемся исключать из сферы интересов цивилизации. Польза от порядка совершенно очевидна. Что же касается чистоты, то нужно иметь в виду, что этого от нас также требует и гигиена, и можно предположить, что даже до того, как существовала научная профилактика, связь между ними не была абсолютно неизвестной человеку. И все же полезность не исчерпывает объяснение этих попыток, действует что-то еще, помимо нее.

Ничего, казалось бы, лучше не характеризует цивилизацию, чем уважение и одобрение высших форм психической деятельности человека - его интеллектуальных, научных и творческих достижений, и ведущей роли идей в жизни человека. Самое значительное место среди этих идей занимают религиозные системы, на сложную структуру которых я попытался пролить свет в других работах. Далее

следуют философские размышления и, наконец, то, что можно охарактеризовать как "идеалы" человека - его идеи о возможном совершенствовании личностей, на-родов или всего человечества и требования, возникающие на базе этих идей. Тот факт, что все эти его творения не являются не зависимыми друг от друга, а, на-оборот, тесно переплетены, затрудняет не только их описание, но и установление их психологических источников. Если мы в целом согласимся с тем, что мотива-Чсионным источником деятельности человека является стремление к двум сливающимся целям, полезности и удовольствию, мы должны предположить, что это также верно и в отношении проявлений цивилизации, которые мы здесь обсуждаем, хотя это легко проследить только на примере научной и эстетической деятельности. Но без сомнения другие формы деятельности также соотносятся с острыми потребностями в человеке, возможно, что с потребностями, развитыми у меньшинства. Мы не можем позволить ввести себя в заблуждение признанием ценности какой-то отдельной религии, философской системы или идеала. Пытаемся ли мы выявить в них высшее достижение человеческого разума, или расцениваем как заблуждение, мы не можем не признать, что факт их наличия, и особенно их главенства, свидетельствует о высоком уровне цивилизации.

Остается определить последнюю, но конечно не менее важную, характерную черту цивилизации: способ регуляции отношений между людьми, их социальных отношений - отношений, которые делают человека соседом, источником помощи, сексуальным объектом другого человека, членом семьи и государства. Здесь особенно трудно выделить то, что является цивилизованным в целом по сравнению с отдельными, частными, идеальными требованиями. Вероятно, имеет смысл начать с того, что элементы цивилизации привносятся с первыми попытками урегулировать эти социальные отношения. Если бы таких попыток не делалось, отношения определялись бы произвольным волеизъявлением индивида: иными словами, физически более сильный человек решал бы все в своих интересах и в соответствии со своими инстинктивными импульсами. Ничего бы не изменилось, если этот сильный встретил бы в свою очередь еще более сильного. Вообще, жизнь людей возможна лишь тогда, когда большинство объединяется и становится сильнее отдельных индивидов, и сохраняет единство перед лицом всех отдельных индивидов. Власть такого сообщества тогда устанавливается как "справедливая" в противовес власти индивида, которая осуждается "как грубая сила". Замена индивидуальной власти властью сообщества является собой решающий шаг цивилизации. Суть его состоит в том, что члены сообщества ограничивают свои возможности для удовольствия, в то время, как индивид не признает никаких ограничений. Та-ким образом, первое, что необходимо цивилизации - это справедливость, т.е. уверенность в том, что однажды установленный закон не будет нарушен в пользу индивида. Под этим не подразумевается, что закон имеет этическую ценность. В процессе культурного развития закон, вероятно, перестает быть выражением воли малых сообществ - касты, или страты населения, или расовой группы, которые в свою очередь ведут себя подобно сильному индивиду по отношению к остальным, возможно, более многочисленным группам людей. Конечным результатом должно явиться господство закона, в соответствии с которым все, за исключением неспособных стать членом сообщества, приносят в жертву свои инстинкты, и который никого не оставляет, за тем же исключением, во власти грубой силы.

Свобода индивида не является завоеванием цивилизации. До возникновения последней, свободы было значительно больше, хотя справедливо и то, что тогда она в основном не имела ценности, так как индивид вряд ли мог защитить ее. Развитие цивилизации навязывает ограничения, справедливость требует от всех их соблюдения. То, что в человеческом обществе ощущается как стремление к свободе, может быть протестом против какой-либо существующей несправедливости, и,

таким образом, может стать благоприятным фактором для дальнейшего развития цивилизации. Но это также может быть порождено пережитками первобытной личности, не укрощенной цивилизацией, и, следовательно, стать основой враждебного отношения к ней. Отсюда следует, что стремление к свободе возникает как реакция на отдельные формы и требования цивилизации или же направлено против цивилизации. Ничего не может заставить человека изменить свою природу и уподобиться термитам. Нет сомнений в том, что он всегда будет защищать свою личную свободу от воли группы. Большей частью борьба человечества концентрируется вокруг одной простой задачи поиска взаимного компромисса - такого, который бы принес счастье - между запросами индивида и культурными запросами группы; и одна из проблем, касающихся судьбы человечества - возможно ли достижение такого компромисса путем каких-то особых форм цивилизации, или этот конфликт неразрешим.

Руководствуясь здравым смыслом в решении вопроса о том, какие же черты человеческой жизни можно рассматривать как признаки цивилизации, у нас сложилось впечатление об общей картине цивилизации, но верно и то, что мы ничего не добавили к общеизвестным истинам. В то же время мы старались не скатиться к предрассудку о том, что цивилизация синонимична совершенствованию и является дорогой к совершенству, предназначенной людям. Но вот точка зрения, которая может увести нас совсем в другом направлении. Развитие цивилизации представляется любопытным процессом, который претерпевает человечество, и в котором кое-что поражает нас как вполне знакомое. Мы можем охарактеризовать этот процесс с точки зрения изменений, которые он приносит в обычные инстинктивные склонности людей, удовлетворение которых в конечном счете является экономической задачей нашей жизни. Некоторые из этих инстинктов используются таким образом, что на их месте у индивида появляется то, что мы называем характерной чертой. Наиболее ярким примером такого процесса является анальный эротизм молодых людей. Их начальный интерес к экскреторной функции, ее органам и продуктам, преобразуется в процессе развития в группу черт, известных нам как бережливость, чувство порядка и чистоты - качества, хотя желанные и ценные сами по себе, но которые могут усиливаться до степени заметного доминирования и превращаться в то, что носит название анального характера. Мы не знаем, как это происходит, но правильность вывода не вызывает сомнений. Сейчас мы убедились в том, что чистота и порядок являются важными требованиями цивилизации, хотя жизненная потребность в них не столь очевидна, не более чем их пригодность в качестве источников удовольствия. Здесь мы не можем не поразиться сходству между процессом развития цивилизации и либидным развитием индивида. Другие инстинкты, помимо анального эротизма, побуждаются к изменению условий для их удовлетворения, направлению их в другие русла. В большинстве случаев этот процесс совпадает с процессом сублимации инстинктивных целей, с которыми мы уже знакомы, но иногда может и отличаться от него. Сублимация инстинкта является наиболее характерной чертой культурного развития; это как раз то, благодаря чему высшая психическая деятельность, научная, творческая или идеологическая, играет такую важную роль в цивилизованной жизни. На первый взгляд может показаться, что сублимация - это превратность, полностью навязанная инстинктам цивилизацией. Но будет целесообразно рассмотреть этот вопрос глубже. И, наконец, в-третьих, и это кажется наиболее важным, невозможно не заметить, что в значительной степени цивилизация основана на отказе от инстинктов, и чаще всего предполагает именно неудовлетворение (подавлением, уничтожением или другими способами) волевых инстинктов. Эта "культурная фрустрация" доминирует в значительной области социальных отношений между людьми. Как мы уже знаем, это является причиной враждебности, с которой приходилось бороться всем

цивилизациям. Это также выдвигает жесткие "требования к нашей научной работе; и нам здесь придется многое объяснить. Нелегко понять, как стало возможным оставить инстинкт без удовлетворения. Это сопряжено с опасностью. Если потеря не компенсирована экономически, можно быть уверенным в том, что возникнут серьезные нарушения.

Но если мы хотим выявить ценность нашей точки зрения, согласно которой Развитие цивилизации - это особый процесс, сравнимый с нормальным становлением личности, мы, очевидно, должны рассмотреть еще одну проблему. Мы должны спросить себя, под влиянием чего сформулировалась цивилизация, как она возникла, и что доминировало в этом процессе.

IV

Задача кажется грандиозной, и вполне объяснимо чувство неуверенности перед лицом ее. Но здесь я привожу некоторые догадки, которые я смог сделать.

Как только примитивный человек обнаружил, что его судьба в его руках в прямом смысле этого слова и он может улучшить ее своим трудом, он не мог оставаться безразличным к тому, как другой человек работает: заодно с ним или против него. Другой человек постиг ценность помощника по работе, с которым было выгодно вместе жить. Даже раньше, в своей обезьяноподобной предыстории человек выработал привычку образовывать семью, и члены его семьи были вероятно, его первыми помощниками. Некоторые могут предположить, что образование семей связано с тем периодом, когда потребность в половом удовлетворении перестала появляться вдруг и также внезапно исчезать на длительное время, но, напротив, заняла свое устойчивое место. Когда это произошло, у самца появились мотивы для того, чтобы держать около себя самку, или, говоря более обобщенно, свой сексуальный объект; в то время как самка, не желая разлучаться со своими детенышами, вынуждена была в их интересах оставаться рядом с более сильным самцом. В этой примитивной семье все же отсутствует основная черта цивилизации. Необузданная сила ее главы, отца, была неограничена. В "Тотем и Табу" (1912-13) я попытался показать переход от этой семьи к следующей стадии совместной жизни в форме отрядов братьев. Превосходя отца в силе, сыновья поняли, что несколько человек могут быть сильнее одного. Тотемическая культура основана на ограничениях, которые сыновья навязывали друг другу для того, чтобы поддержать такое положение вещей. Ритуалы табу были первым выражением "права", или "закона". Совместная жизнь людей имела, таким образом, двустороннюю основу: принуждение работать, порождаемое высшей необходимостью и силой любви, на почве которой мужчина не хотел лишиться своего сексуального объекта - женщины, а женщина не хотела лишиться части самой себя, которая от нее отделилась - ее ребенка. Эрос и Ананк (Любовь и Необходимость) также стали прародителями человеческой цивилизации. Первым результатом цивилизации была возможность совместного проживания довольно большого количества людей. И так как в этом соединились две великие силы, можно было бы ожидать, что дальнейшее развитие цивилизации плавно перейдет в стадию еще лучшего контроля над внешним миром и дальнейшего увеличения числа людей, проживающих в сообществе. Не так просто понять, почему же цивилизация не сделала людей счастливыми.

Перед тем, как мы продолжим изучать вопрос, откуда же возникли помехи, признание любви, как одного из основополагающих факторов цивилизации, послужит нам оправданием для отступления, которое позволит восполнить пробел, оставленный в дискуссии, имевшей место выше (стр. 242). Там говорилось о том, что открытие человеком сексуальной (половой) любви как источника наиболее сильного чувства удовлетворения, которая фактически вооружила его моделью счастья, должно было направить его усилия в поисках удовлетворения и счастья в русло сексуальных отношений и сделать половой эротизм центром всей его жизни.

Мы продолжаем утверждать, что, поступая таким образом, человек попадал в опасную зависимость от внешнего мира, а именно, от избранного им объекта любви, и подвергал себя особым страданиям: в случае, если этот объект отказывался от него, или исчезал в результате неверности или смерти. Именно поэтому опытные мужчины самого различного возраста особенно предостерегают нас от такого образа жизни; но, несмотря на это, он не утратил привлекательности для большого количества людей.

Незначительное большинство, благодаря своей конституции, может, несмотря на то, что, найти свое счастье в любви. Но необходимы глубокие психические изменения в функции любви прежде, чем это может случиться. Эти люди достигают независимости от согласия своего объекта, предпочитая любить, а не быть любимыми; они защищают себя от потери объекта, направляя свою любовь не на отдельных представителей, а на всех схожих людей. Они избавлены от сомнений и разочарований половой любви, благодаря отказу от ее сексуальных целей и трансформации инстинкта в импульс с подавленной целью. Таким образом им удается поддерживать в себе ровное, устойчивое искусственное чувство, которое лишь отдаленно напоминает бурное волнение половой любви, от которой оно тем не менее произошло. Возможно, святой Френсис Ассизинский пошел дальше, используя любовь для внутреннего чувства счастья. Более того, то, что мы рассматриваем как один из способов реализации принципа удовольствия, часто связывалось с религией; эта связь лежит в размытых сферах, где различие между егo и объектами, или между самими объектами, не принимается во внимание. Согласно одной этической точке зрения, глубокая мотивация которой сейчас станет нам ясна, эта готовность ко всеобщей любви к человечеству и к миру представляет собой высшую ступень, которую может достичь человек. Даже на этой начальной стадии обсуждения я бы хотел высказать два моих основных возражения по поводу такого взгляда. Мне кажется, что любовь без разбора утрачивает часть своей ценности, будучи несправедливой по отношению к своему объекту; во-вторых, не все люди достойны любви.

Любовь, лежащая в основе семьи, остается в условиях цивилизации как в своей первоначальной форме, когда не отвергается непосредственное сексуальное удовлетворение, так и в видоизмененной, как привязанность с подавленной целью. В любой из форм она продолжает выполнять свою функцию сближения значительного числа людей, и делает это более эффективно, чем совместный интерес к работе. Та легкость, с которой в языке используется слово "любовь", имеет генетическое оправдание. Люди называют любовью отношения между мужчиной и женщиной, чьи половые потребности влекут за собой образование семьи, но "любовью" также называются и позитивные чувства между родителями и детьми, сестрами и братьями в семье, хотя нам следовало бы описывать это как любовь с подавленной целью, или привязанность. Любовь с подавленной целью первоначально являлась фактически чувственной любовью и остается таковой в подсознании мужчин. Как сугубо чувственная, так и любовь с подавленной целью - происходят из семьи и создают новые узы между людьми, которые до этого были незнакомы. Половая любовь ведет к образованию новых семей, а любовь с подавленной целью - к "дружбам", представляющим ценность с культурной точки зрения, так как удается избежать таких ограниченностей, присущих половой любви, как, например, ее исключительность. Но в процессе развития отношение между любовью и цивилизацией теряет свою недвусмысленность. С одной стороны, любовь вступает в противоречие с интересами цивилизации, а с другой - цивилизация угрожает любви серьезными ограничениями.

Разлад между ними кажется неизбежным. Причина его не лежит на поверхности. Во-первых, она проявляется в конфликте между семьей и более многочисленными

сообществами, к которым принадлежат индивиды. Мы уже осознали, что одной из основных попыток, предпринятых цивилизацией, является сближение людей в крупных объединениях. Но семья не отказывается от индивида. Чем сильнее привязаны друг к другу члены семьи, тем чаще случается, что они отгораживаются от других, и тем труднее им войти в более широкий круг жизни. Вообще, образ жизни, который является старейшим с филогенетической точки зрения, и единственным существующим в детстве, не поддается замене культурным образом жизни, который усваивается позже. Отделение от семьи становится задачей, с которой сталкивается любой молодой человек, и общество часто помогает решить ее используя половую зрелость и вступительные ритуалы. Складывается впечатление, что это трудности, присущие всем физическим, а вернее, по сути и всем органическим типам развития.

Кроме того, женщины вскоре встают в оппозицию к цивилизации и оказывают тормозящее и сдерживающее влияние - те самые женщины, которые поначалу закладывали основы цивилизации потребностями своей любви. Женщины представляют интересы семьи и половой жизни. Создание цивилизации стало, по большей части, делом мужчины, она поставила перед ними гораздо более трудные задачи и вынудила претерпеть сублимацию инстинктов, на которую вряд ли способны женщины. Так как мужчина не обладает неограниченным количеством физической энергии, ему приходится выполнять стоящие перед ним задачи, совершая целесообразное распределение своего либидо. То, что он использует для культурных целей, он в значительной мере отнимает от женщин и сексуальной жизни. Его постоянное общение с мужчинами, зависимость от отношений с ними, отчуждает его от обязанностей мужа и отца. Таким образом, цивилизация требует оттеснения женщин на задний план, и у них появляется враждебное отношение к ней.

Тенденция к ограничению сексуальной жизни, присущая цивилизации, столь же очевидна, как и другая тенденция - к расширению культурного единства. Ее первая, тотемическая фаза уже повлекла за собой запрет кровосмешения, что явилось, возможно, наиболее чудовищным увечьем, нанесенным когда-либо эротической жизни человека. Табу, законы и обычаи навязывают дальнейшие ограничения, касающиеся как мужчин, так и женщин. Не все цивилизации одинаково продвинулись в этом; и экономическая структура общества также влияет на сексуальную свободу. Здесь, как мы уже знаем, цивилизация подчиняется закону экономической необходимости, так как большое количество энергии, которую она использует в своих целях, необходимо отнять у сексуальности. В этом смысле цивилизация ведет себя по отношению к сексуальности так же, как поступают люди или страта населения, подвергая другого своей эксплуатации. Страх перед мятежом угнетенных элементов заставляет принимать строгие меры предосторожности. Высочайший уровень такого развития был достигнут нашей западноевропейской цивилизацией. Психологически совершенно оправдано объявление культурным сообществом вне закона проявлений сексуальной жизни детей, иначе не было бы возможности обуздать сексуальные страсти взрослых, если почва для этого не была бы подготовлена еще в детстве. Но никак не может быть оправдано то, что такое общество столь далеко продвинулось в отрицании столь наглядного и действительно поразительного явления. Для сексуально зрелого индивида выбор объекта ограничен противоположным полом, большинство экстра-половых удовлетворений запрещены как извращения. В этих запрещениях заключается требование для всех придерживаться единственного типа сексуальной жизни, независимо от различий, врожденных или приобретенных, в сексуальных конституциях людей; оно лишает сексуального наслаждения большое количество людей и, таким образом, становится источником серьезной несправедливости. Результатом таких ограничительных мер может быть то, что сексуальные интересы нормальных людей, кото-

рым позволяет конституция, полностью, без потерь будут реализовываться по каналам, которые открыты. Но интерсексуальная половая любовь, которая не объявляется вне закона, подвергается дальнейшим ограничениям, а именно требованиям законности и моногамии. Ясно, что сегодняшняя цивилизация позволяет только сексуальные отношения на базе единичных, неразрывных уз между мужчиной и женщиной, сексуальность сама по себе не принимается как источник удовольствия, а допускается лишь как не имеющий замены способ продолжения рода человеческого.

Это, конечно, крайность. Все знают, что невозможно осуществить это даже на протяжении очень коротких периодов. Только слабые подчинились такому обширному посягательству на их сексуальную свободу, а более сильные натуры делают это, принимая компенсирующее условие. Цивилизованное общество пришло к выводу о том, что должно закрывать глаза на многие нарушения закона, которые в соответствии с его же рескриптами должны были бы быть наказаны. Но с другой стороны, мы не должны заблуждаться и допускать, что такое отношение со стороны общества абсолютно безобидно, хотя оно и не достигает всех своих целей. Сексуальной жизни цивилизованного человека наносится, однако, большой вред; иногда создается впечатление, что она, как функция, возводится в степень точно так же, как зубы или волосы кажутся нам органами. Вероятно, справедливо предположение о том, что ее значение как источника чувства счастья, и, таким образом, выполнения нашей цели в жизни, заметно уменьшилось. Иногда мы, кажется, осознаем, что это - не только давление цивилизации, но что-то в природе самой функции, что лишает нас полного удовлетворения и толкает на другие пути. Может быть, это и не так, трудно сказать.

Психоаналитическое исследование показало, что именно эти нарушения сексуальной жизни не выносят люди, известные как невротики. Невротик создает для себя заменяющее удовлетворение в своих симптомах, и это либо причиняет ему непосредственное страдание, либо является для него источником страданий, так как создает сложности в отношениях с окружающим миром и обществом (членом которого он является). Последний факт легко понять, первый же представляет для нас некоторую сложность. Но цивилизация требует еще и других жертв, помимо сексуального удовлетворения.

Мы рассматривали трудность культурного развития как общую трудность развития, относя ее за счет инертности либидо, его нежелания отказаться от старой позиции и занять новую. Мы придерживаемся того же мнения, выявляя контраст между цивилизацией и сексуальностью на основании того, что сексуальная любовь - это отношения между двумя индивидами, в которой третий может только мешать или быть лишним, в то время, как цивилизация зависит от отношений между значительным числом людей. В апогее любовных отношений интерес к окружающему миру полностью отсутствует, - паре влюбленных ничего не нужно. Для счастья, кроме них самих, даже их общий ребенок. Лишь в этом случае Эрос так беззастенчиво предает суть своего существования: цель создания одного человека из более чем одного, но когда он достигает ее (при помощи любви между двумя живыми существами), он отказывается идти дальше.

Таким образом, мы можем вполне отчетливо представить себе культурное сообщество, состоящее из подобных пар индивидов, либидно удовлетворяющих себя, которых объединяет совместная работа и общие интересы. Если бы все было так, цивилизация не отнимала бы часть энергии у сексуальности. Но такое, столь желанное положение вещей не существует и никогда не будет существовать. В Реальности цивилизация не довольствуется теми узлами, которыми мы позволили ей себя связать. В ее цели входит также объединение членов сообщества либидным путем, и для этого используются все средства. Она предпочитает любые способы,

при помощи которых устанавливается прочная идентификация между членами сообщества, и она собирает на одну большую чашу все подавляемые либидо для того, чтобы усилить общественные связи отношениями дружбы. Для достижения этих целей неизбежно ограничение сексуальной жизни. Но мы не в состоянии понять, какая же необходимость толкает цивилизацию на этот путь и порождает конфликт с сексуальностью. Должно быть, существует какой-то тревожный фактор, который мы еще не обнаружили.

Ключ к разгадке может быть найден в одном из идеальных (как мы их назвали) требований цивилизованного общества. Оно гласит: "Возлюби ближнего как самого себя". Оно известно во всем мире, и, несомненно, относится к более ранним периодам, чем христианство, которое выдвинуло его в качестве одного из своих самых значительных постулатов. И все же оно, конечно, не так уж старо; даже в исторические периоды человечество с ним не знакомо. Давайте притворимся наивными, как будто мы впервые слышим его; и тогда мы не сможем подавить в себе чувства удивления и замешательства. Почему мы должны это делать? Какая нам от этого польза? Но самое главное, как достичь этого? Как сделать возможным? Моя любовь - это что-то значимое для меня, чем не следует распорядиться бездумно. Она навязывает мне обязательства, ради выполнения которых я должен быть готов на жертвы. Если я кого-то люблю, он это должен заслуживать, так или иначе (я не принимаю во внимание его возможную полезность для меня, а также значение как сексуального объекта, так как эти типы отношений не подразумеваются, когда речь идет о заповеди возлюбите ближнего своего). Он заслуживает это, если похож на меня в чем-то существенном, и я могу любить в нем себя; он это заслуживает, если он гораздо совершеннее меня, и я могу любить в нем свое идеальное представление о себе. И, конечно, я должен любить его, если он сын моего друга, так как боль, причиненная моему другу в случае неприятностей, будет также и моей болью. Мне придется разделить ее. Но если он мне незнаком, если он не может привлечь меня своей внутренней ценностью или значением, которое он приобрел для моей эмоциональной жизни, мне будет трудно полюбить его. Действительно, будет неверно поступать так, ведь моя любовь расценивается близкими мне людьми как знак моего предпочтения другим. И было бы несправедливо (по отношению к ним) поставить на одну доску с ними незнакомца. Но если я должен любить его (этой всеобщей любовью) только потому, что он, так же, как и я, обитатель этой земли, как насекомое, земляной червяк или змея, тогда, я боюсь, что ему достанется лишь маленькая толика моей любви - не столько по возможности, сколько по убеждению, что я имею право сохранить ее для себя. И какой же смысл в заповеди, провозглашенной столь торжественно, если выполнение ее не может считаться благоразумным.

При более внимательном изучении я обнаружил еще и другие сложности. Просто этот незнакомец вообще недостоин моей любви; я должен честно признаться, что он в большей степени вызывает во мне враждебность и даже ненависть. В нем, кажется, нет ни капли любви по отношению ко мне, и он не проявляет ни малейшего уважения. Если бы ему понадобилось, он без колебаний обидел бы меня, не задаваясь вопросом, сопоставима ли полученная им выгода с нанесенным мне вредом. На самом деле, он стремится к выгоде; если он может удовлетворить какое-либо из своих желаний, поступая так, ему ничего не стоит насмеяться надо мной, оскорблять меня, сплетничать обо мне и демонстрировать свое превосходство; и чем безопаснее чувствует себя он, и беспомощней я, тем больше вероятность того, что он будет вести себя так по отношению ко мне. Если он ведет себя иначе, проявляет уважение и сдержанность, как незнакомый человек, я готов отвечать ему тем же, в любом случае и не зависимо от какой-либо заповеди. Действительно, ведь если бы эта напыщенная заповедь гласила: "Возлюби ближнего своего так как

твой ближний возлюбит тебя", я бы не делал ей исключение. И есть вторая заповедь, которая кажется мне еще более непостижимой и вызывает во мне сильный протест. Это "Возлюби своих врагов". Тем не менее, обдумывая ее, я понимаю, что неверно рассматривать ее как еще большее мошенничество. По сути, это одно и то же.

Я думаю, что сейчас может послышаться благородный голос, предостерегающий меня: "Именно потому, что сосед твой недостоин любви, и, более того, является твоим врагом, ты должен любить его как себя". Тогда я понимаю, что это случай, аналогичный *Credo quia absurdum*.

Теперь вполне возможно, что мой сосед, которому предписано любить меня, как самого себя, ответит точно так же, как и я, и оттолкнет меня по тем же причинам. Я надеюсь, у него будут иные объективные основания для этого, но суть остается той же. И несмотря на то, что поведение людей столь различно, этика не расценивает его как плохое или хорошее. До тех пор, пока эти различия не устранены, подчинение высоким этическим нормам наносит ущерб целям цивилизации, поощряя плохое (поведение).

Это сильно напоминает инцидент во Французской Палате, когда обсуждалась высшая мера наказания. Речь одного из членов, страстно выступавшего за ее отмену, была встречена бурными овациями, когда послышался голос из зала: "*Que messieurs les assassins commencent!*"

Доля правды во всем этом, от которой люди с такой легкостью отрекаются, состоит в том, что люди отнюдь не хрупкие создания, желающие быть любимыми, которые в лучшем случае могут защитить себя от нападения; напротив, это создания, среди инстинктивных дарований которых должна быть выявлена значительная степень агрессивности. В результате их сосед является для них не только потенциальным помощником или сексуальным объектом, но также и тем, кто искушает на удовлетворение агрессивности, эксплуатацию его работоспособности, использование его как сексуального объекта без его согласия, захват его собственности, уничтожение его, причинение ему боли, пытку и убийство его. Кто, перед лицом жизненного и исторического опыта, найдет в себе силы оспаривать это утверждение? Как правило, эта жесткая агрессивность ждет какого-либо повода или используется в иных благоприятных обстоятельствах, когда психические контрсилы, обычно сдерживающие ее, не действуют, она проявляется произвольно и выдает в человеке дикого зверя, которому совершенно чуждо уважение к своему собственному виду. Если вспомнить зверства, совершенные в периоды расовых миграций или нашествий варваров, монголов под предводительством Чингизхана и Тамерлана или захват Иерусалима благочестивыми крестоносцами, ужасы последней мировой войны - вспомнив все это, придется смиренно склонить голову перед истинностью такой точки зрения.

Наличие склонности к агрессии, которую мы можем выявить в себе и честно признать ее присутствие в других, является фактором, подрывающим наши отношения с ближним и повергающим цивилизацию в такие крупные расходы (энергии). В результате этой изначальной взаимной враждебности людей, цивилизованному обществу постоянно угрожает дезинтеграция. Интерес к совместной работе не обеспечит ее целостности, инстинктивные страсти сильнее разумных интересов. Цивилизации приходится прилагать все возможные усилия, чтобы сдержать агрессивные инстинкты человека и ограничить проявление их в соответствии с психическим формированием реакций. Следовательно, таким образом, использование Методов предназначается для того, чтобы побудить людей к идентификации и подавляемым отношениям любви, из чего вытекают ограничения в сексуальной жизни, и то, что идеальная заповедь: "Возлюби ближнего своего как себя", - в Действительности оправдывается тем фактом, что ничего более не противоречит

Изначальной природе человека. Несмотря на все попытки, усилия цивилизации не увенчались большим успехом. Она надеется предотвратить самостоятельно жесточайшие проявления грубого насилия, оставляя за собой право использовать насилие против преступников, но закон не в состоянии обуздать более осторожные и изощренные проявления человеческой агрессивности. Приходит время, когда каждый "из нас вынужден назвать иллюзиями надежды молодости, которые он возлагал на своих собратьев, и узнать, сколько проблем и страданий появляется в нашей жизни из-за злого умысла. В то же время, было бы несправедливо упрекать цивилизацию за попытку устранить борьбу и соперничество из человеческой активности. Без сомнения, это необходимо. Но оппозиция не обязательно носит враждебный характер, она просто неверно употребляется и дает, тем самым, повод к враждебности.

Коммунисты верят в то, что нашли путь к избавлению от наших грехов. Они считают, что человек совершенно прекрасен и хорошо расположен по отношению к своему ближнему; но установление частной собственности развратило его природу. Владение личным богатством дает индивиду власть, а вместе с ней и искушение плохо относиться к ближнему; в то время как человек, лишенный собственности, вынужден восставать против своего угнетателя. Если ликвидировать частную собственность и каждому позволить наслаждаться общим богатством, злая воля и враждебность исчезнут у людей. Так как потребности каждого будут удовлетворены, не будет оснований для того, чтобы считать кого-то своим врагом; все будут охотно выполнять необходимую работу. Я не останавливаюсь на критике экономического аспекта коммунистической системы; я не могу судить о том, насколько выгодна или целесообразна отмена частной собственности. Но я не могу признать, что психологические предпосылки, лежащие в основе системы, являются алогичной иллюзией. Отменяя частную собственность, мы лишаем человеческую склонность к агрессии одного из ее инструментов, безусловно важного, хотя и не важнейшего, но мы не устраняем различий в силе и влиянии, которыми злоупотребляет агрессивность, ничего не изменяем и в ее природе. Агрессивность не была порождена собственностью. Она почти безгранично правила миром еще в первобытные времена, когда собственность была весьма ограниченной, и она уже проявила себя в детстве почти до того, как собственность рассталась со своей примитивной анальной формой; она образует основу любых отношений любви и привязанности у людей (единственное исключение составляет отношение матери к своему сыну). Если мы покончим с личными правами на материальное богатство, еще останется прерогатива в сфере сексуальных отношений, которая непременно станет источником сильнейшей неприязни и наиболее неистовой враждебности среди мужчин, которые равны в других отношениях. Если бы нам надо было устранить и этот фактор, допустив полную свободу сексуальной жизни, и таким образом ликвидировать семью, положившую начало цивилизации, очевидно, что мы не смогли бы предвидеть, в каких новых направлениях может пойти развитие цивилизации; единственное, что мы можем ожидать - это наличие и там этой неистребимой черты человеческой натуры.

Людям, конечно, не просто отказаться от удовлетворения этой склонности к агрессии. Им без нее неудобно. Не следует оставлять без внимания преимущество, предлагаемое сравнительно маленькой культурной группой, от реализации этого инстинкта в форме враждебности по отношению к самозванцам. Всегда есть возможность связать чувством любви значительное число людей, тогда как все остальные будут испытывать на себе проявление их агрессивности. Я однажды обсуждал феномен, когда именно сообщества с прилегающими территориями и связанные также между собой и другими отношениями, находятся в состоянии постоянной вражды и подтрунивания друг над другом, как, например, испанцы и

португальцы, северные и южные немцы, англичане и шотландцы и т.д. Я назвал этот феномен "нарциссизм малых различий", хотя название и не объясняет его. Сейчас мы можем видеть, что это является удобным и относительно безвредным способом удовлетворения склонности к агрессии, благодаря которой легче постигается сплоченность между членами общества. В этом отношении еврейский народ, расселенный повсюду, оказал неоценимую услугу цивилизациям тех стран, в которых он нашел себе приют; но, к сожалению, всех гонений, которым подверглись евреи в средние века, было недостаточно для того, чтобы сделать этот народ более мирным и безопасным для их христианских братьев. Когда однажды апостол Павел провозгласил всеобщую любовь между людьми основой христианского сообщества, стала неизбежной крайняя нетерпимость христианства по отношению к тем, кто остался за его пределами. Католикам, чья общественная жизнь не строилась по принципу "Государство на основе любви", религиозная нетерпимость была чуждой, несмотря на то, что религия находилась в компетенции Государства, и Государство было пронизано религией. Не случайно и то, что идея мирового господства немцев породила как дополнение и антисемитизм; и вполне понятно, что попытка установить новую, коммунистическую цивилизацию в России должна была найти психологическую опору в преследовании буржуазии. Остается только строить догадки, весьма озабоченно, что же будут делать Советы после того, как уничтожат свою буржуазию.

Если цивилизация требует таких жертв не только от человеческой сексуальности, но и от его агрессивности, нам легче понять, почему же так трудно быть счастливым в этой цивилизации. Действительно, примитивному человеку жилось лучше без ограничений инстинкта. В противовес этому, перспективы наслаждения этим счастьем на протяжении какого-то времени были для него весьма призрачными. Цивилизованный человек променял часть возможностей для счастья на безопасность. Мы не должны, тем не менее, забывать, что в первобытной стране только глава ее наслаждался этой свободой инстинктов, остальные жили в рабском подавлении. В этот примитивный период цивилизации контраст между меньшинством, наслаждавшимся преимуществами цивилизации, и большинством, которое было лишено этих преимуществ, был, таким образом, доведен до крайностей. Что касается первобытных людей, существующих и по сей день, тщательное исследование показало, что их инстинктивная жизнь с ее свободами не должна являться предметом зависти. Она подвергается ограничениям другого рода, но возможно, более строгим чем те, которые применимы к современному цивилизованному человеку.

Когда мы справедливо открыли вину нынешнего состояния цивилизации в том[^] что столь неадекватно выполняются наши требования к образу жизни, который должен сделать нас счастливыми, в том, что допускается существование стольких страданий, которых, вероятно, можно было бы избежать, - когда с беспощадной критикой мы пытаемся раскрыть корни ее несовершенства, мы, несомненно, используем свое право, а не проявляем себя врагами цивилизации. Мы можем надеяться на постепенное осуществление таких перемен в нашей цивилизации, которые будут способствовать лучшему удовлетворению наших потребностей, и не подвергаться нашей критике. Но, вероятно, мы можем также свыкнуться с мыслью о том, что существуют трудности, связанные с самой природой цивилизации, и никакие попытки реформирования не приведут к успеху. Помимо задач ограничения инстинктов, к которым мы готовы, напрашивается для рассмотрения опасная ситуация, которую можно определить как "психологическую бедность группы". Эта опасность угрожает, в основном, там, где связи в обществе главным образом основываются на идентификации его членов друг с другом в то время, как индивиды лидерского типа не сознают то значение, которое они должны иметь для

формирования групп. Сегодняшнее культурное состояние Америки дало бы нам хорошую возможность для изучения вреда, нанесенного цивилизации, которого таким образом, следует опасаться. Но мне надо избежать соблазна и не вдаваться в критику американской цивилизации; не хочу производить впечатления, будто я сам стремлюсь использовать американские методы.

VI

Ни в одной из моих предыдущих работ у меня не было столь сильного чувства как сейчас, что я описываю нечто общеизвестное и трачу бумагу и чернила, и, в свою очередь, труд издателя и печатника, материал, для того, чтобы разъяснить то что на самом деле говорит само за себя. Поэтому мне бы следовало с радостью ухватиться за мысль, если бы она возникла, что признание особого, независимого агрессивного инстинкта означает изменение психоаналитической теории инстинктов...

Мы увидим, однако, что это не так, это просто тот случай, когда я попытался сосредоточить внимание на мысли, возникающей давно, и выявить ее значение. Из всех медленно развивавшихся частей аналитической теории, теория инстинктов наиболее болезненно прокладывала себе дорогу. И все же, теория была столь необходима для структуры в целом, что нужно было чем-то ее заменить. Поначалу, находясь в крайнем затруднении, я принял за точку отсчета высказывание поэта и философа Шиллера, о том, что "голод и любовь - это то, что движет миром". Можно допустить, что голод представляет инстинкты, направленные на сохранение индивида; тогда как любовь стремится к объектам, и ее основной функцией, которой всячески благоприятствует природа, является сохранение видов. Таким образом, надо начать с того, что эго-инстинкты и объект-инстинкты сталкиваются друг с другом. Для обозначения энергии последних и только последних инстинктов я ввел термин "либидо". Таким образом, антитеза была между эго-инстинктами и либидными инстинктами любви (в широком смысле), которые были направлены на объект. Верно, что один из этих объект-инстинктов, садистский инстинкт, выделялся на фоне остальных тем, что цель его далека от достижения влюбленности. Более того, очевидно, что он в некоторых отношениях относился к эго-инстинктам и ему не удалось скрыть явного сходства с властными инстинктами, не имеющими либидной цели. Но эти различия были преодолены; в конце концов, очевидно, что садизм был частью сексуальной жизни, в проявлениях которой любовь могла замещаться жестокостью. Неврозы рассматривались как результат борьбы между интересом самосохранения и требованием либидо, борьбы, в которой эго одерживало победу, но ценой сильных страданий и отречений.

Любой аналитик согласится с тем, что даже сегодня эта точка зрения не звучит ошибкой, от которой давно отреклись. Тем не менее, она претерпела существенные изменения, так как центр наших исследований переместился со сдерживаемых на сдерживающие силы, от объект-инстинктов на эго. Решающим шагом на этом пути явилось введение концепции нарциссизма - а именно, открытие того, что эго само по себе привязано к либидо и действительно является естественным местом нахождения либидо, и остается в какой-то степени его центром. Это нарцисстическое либидо обращается к объектам и, таким образом, становится объект-либидо; и оно снова может превратиться в нарцисстическое либидо. Концепция нарциссизма дает возможность аналитически объяснить травматические неврозы и многие болезни, граничащие с психозом, так же как и сами психозы. Необходимо было дать нашу интерпретацию перенесения неврозов, как попытки, предпринимаемой эго для самозащиты от сексуальности; но в таком случае подвергается опасности концепция либидо. Так как эго-инстинкты так же были либидными, одно вре^А казалось неизбежным отождествление либидо с инстинктивной энергией в целом* 258

что ранее и отстаивал К.Г. Юнг. Тем не менее, у меня все же остается убеждение, которое я пока не в состоянии обосновать, что все инстинкты не могут быть однородными. Следующий мой шаг был сделан в работе "По ту сторону принципа удовольствия" (1920 г.), когда принуждение к повторению и консервативный характер инстинктивной жизни впервые привлекли мое внимание. Основываясь на размышлении о начале жизни и биологических аналогах, я пришел к выводу о том, что помимо инстинкта, сохраняющего живую материю и объединяющего ее в более крупные единицы, должен существовать другой, противоположный инстинкт, направленный на разложение этих единиц и возврат их в первобытное, неорганическое состояние. Другими словами, наравне с Эросом, существовал инстинкт смерти. Объяснение феномену жизни может быть дано на основе совпадающих или взаимоисключающих действий этих двух инстинктов. Было, тем не менее, нелегко продемонстрировать действие этого предполагаемого инстинкта смерти.

Проявления Эроса были достаточно яркими и заметными. Можно было предположить, что инстинкт смерти действовал бесшумно внутри организма в направлении его разложения, но это, конечно, не является доказательством. Более плодотворной была мысль о том, что этот инстинкт направлен на внешний мир и проявится в виде инстинкта агрессивности и разрушения. В этом сам по себе инстинкт мог бы быть поставлен на службу Эросу в том смысле, что организм разрушал бы что-то другое, живое или неживое, вместо разрушения себя самого. И, наоборот, любое ограничение этой агрессивности, направленной наружу, будет обязательно усиливать саморазрушение, которое в любом случае произойдет. В то же время из этого примера может возникнуть подозрение, что два вида инстинкта редко, - возможно никогда - не проявляются отдельно друг от друга, но сочетаются друг с другом в различных и очень разных пропорциях, и, таким образом, становятся недоступными для нашего суждения. В садизме, задолго до того, как он был признан составной частью сексуальности, следовало бы рассматривать особенно сильное слияние подобного рода между тенденцией к любви и разрушительным инстинктом; в то время, как его двойник, мазохизм, являлся бы союзом между деструктивизмом, направленным внутрь, и сексуальностью - союзом, превращающим ранее незначительную тенденцию в заметную и ощутимую.

Предположение о существовании инстинкта смерти или разрушения вызвало сопротивление даже в аналитических кругах. Я знаю о том, что имеет место постоянная склонность к приписыванию любых проявлений опасного и враждебного в любви к естественной биполярности в ее собственной природе. Первоначально лишь в качестве эксперимента я выдвинул идеи, которые развивал здесь, но с течением времени они настолько завладели мной, что я не мог больше думать иначе. На мой взгляд, они гораздо полезнее с теоретической точки зрения, чем любые другие возможные идеи; они обеспечивают то упрощение, без игнорирования или злоупотребления фактами, к которому мы стремимся в научной работе. Я знаю, что в садизме и мазохизме мы всегда видели проявление деструктивного инстинкта (направленного внутрь и наружу), тесно переплетенного с эротизмом; но^я не в состоянии более понимать, как мы могли проглядеть вездесущность неэротической агрессивности и деструктивности и не поставить ее на соответствующее место в нашей интерпретации жизни. (Желание разрушать, направленное внутрь, чаще всего ускользает от нашего восприятия, конечно, если оно не имеет Примеси эротизма). Я помню свое собственное настороженное отношение, когда "Дея инстинкта разрушения впервые возникла в психоаналитической литературе, Как много времени потребовалось, прежде чем я смог воспринять ее. То, что Другие проявляли, и все еще проявляют подобное отношение неприятия, удивляет меньше. Ведь "маленькие дети не любят", когда речь идет о врожденной человеческой

склонности к "порочности", агрессивности и деструктивности, а также жестокости. Бог сотворил их по образу и подобию своего собственного совершенства; никто не хочет слышать напоминания о том, как трудно примирить неоспоримое существование зла - несмотря на заверения христианской науки - с его всемогуществом и его всеобщей добродетелью. Дьявол был бы наилучшим выходом из положения в качестве оправдания для Бога; в этом смысле он сыграл бы ту же роль, как фактор экономической разгрузки, что и евреи в мире арийского идеала. Но даже в этом случае на Бога можно возложить ответственность за существование Дьявола точно так же, как и за существование зла, которое Дьявол воплощает. В виду этих трудностей, каждому из нас будет дан совет, при удобном случае низко поклониться глубоко нравственной природе человечества; это поможет нам завоевать широкую популярность и многое нам простится за это.

Термин "либидо" может быть еще раз использован для обозначения проявлений власти Эроса для того, чтобы разграничить их от энергии инстинкта смерти. Нужно признать, что мы сталкиваемся с гораздо большей трудностью в осознании того инстинкта, мы можем только предполагать его существование, как нечто, находящееся в тени Эроса; он ускользает от обнаружения, за исключением тех случаев, когда его присутствие выдает слияние его с Эросом. Именно в том случае садизма, когда инстинкт смерти искажает эротическую цель в своем собственном смысле, но, в то же время, полностью удовлетворяет эротический импульс, нам удалось добиться наиболее глубокого проникновения в его природу и его отношения с Эросом; но даже там, где он возникает без какой-либо сексуальной цели, в безрассудном неистовстве деструктивизма, мы не можем не признать, что удовлетворение инстинкта сопровождается чрезвычайно высокой степенью нарцисстического наслаждения, вследствие возможности осуществления его заветного стремления ко всемогуществу. Инстинкт разрушения, смягченный и приуроченный, и будто бы замкнутый в своей цели, должен обеспечивать его удовлетворение его жизненных потребностей и контроль над природой тогда, когда он направлен на объекты. Так как признание инстинкта имеет, в основном, теоретическое обоснование, мы должны также согласиться и с тем, что он не является совершенно неуязвимым для теоретических возражений. Но такое положение вещей существует сейчас, на сегодняшнем уровне наших знаний; дальнейшее исследование и размышление, без сомнения, прольет свет, который и решит проблему.

Поэтому, в дальнейшем, я принимаю точку зрения, согласно которой склонность к агрессии является естественной самоподдерживаемой инстинктивной предрасположенностью в человеке, и я возвращаюсь к моему мнению о том, что она создает самые серьезные сложности на пути цивилизации. В какой-то момент в процессе исследования, я вплотную подошел к мысли о том, что цивилизация была особым процессом, который претерпевает человечество, и я до сих пор еще нахожусь под влиянием этой идеи. Сейчас я могу добавить, что цивилизация является процессом, находящимся на службе Эроса, цель которого - объединить одиночные человеческие индивиды, а затем семьи, затем расы, народы и нации в одно великое единство, единство человечества. Почему это должно произойти, мы не знаем; работа Эроса именно такова. Эти скопления людей либидно связаны ДРУГ с другом. Только необходимость, преимущества совместного труда не удержат их вместе. Но естественный, агрессивный инстинкт является производным и главным представителем инстинкта смерти, который мы обнаружили наряду с Эросом и который разделяет с ним мировое господство. И сейчас я думаю, что смысл эволюции цивилизации не является для нас далее неясным. Она представляет собой борьбу между Эросом и Смертью, между инстинктом разрушения в том виде, в каком он выражает себя в роде человеческом. Эта борьба как раз то, из чего, в сущности, состоит вся жизнь, и эволюцию цивилизации можно, таким образом,

рассматривать просто как борьбу за жизнь человеческого рода. **И именно эту битву** великанов наши няни пытаются умиротворить колыбельной песенкой о небесах.

VII

Почему наши родственники, животные, не ведут такой культурной борьбы? Мы не знаем. Очень возможно, что некоторым из них - пчелам, муравьям, термитам - потребовались тысячелетия, прежде чем они пришли к государственным институтам, разграничению функций и ограничению индивида, которые восхищают нас и по сей день. Признаком нашего теперешнего состояния является то, что мы знаем, основываясь на наших собственных чувствах, что не смогли бы считать себя счастливыми ни в одном из этих животных государств, или ни в одной из ролей, предназначенных в них индивиду. В случае других животных видов вполне возможно, что временный баланс был достигнут между влиянием их среды обитания и противоборствующими инстинктами внутри них, и, таким образом, наступил перерыв в развитии. Весьма вероятно, что в примитивном человеке новое приближение либидо спровоцировало повторный взрыв активности со стороны деструктивного инстинкта. Здесь есть очень много вопросов, на которые все еще не найдены ответы.

Другой вопрос касается нас более непосредственно. Какие средства использует цивилизация для того, чтобы обуздать агрессивность, которая противодействует ей, сделать ее безвредной и, возможно, избавиться от нее. Мы уже ознакомились с несколькими из этих методов, но остается еще один, и, как оказывается, наиболее важный. Это мы можем изучать на примере истории развития индивида. Что в нем происходит для того, чтобы сделать эту страсть к агрессии безвредной? Что-то очень значительное, о чем мы никогда бы не догадались, но что, тем не менее, совершенно очевидно. Его агрессивность обращается вовнутрь; она, собственно говоря, направлена обратно туда, откуда произошла - другими словами, она направлена к его собственному эго. Там она сменяется частью эго, которое противопоставляет себя остальному эго как супер-эго и которая затем в форме "совести" готова пустить в ход против эго ту же самую глубокую агрессивность, которую эго хотело бы удовлетворить на других, посторонних индивидах. Напряженность между жестоким супер-эго и подчиненным ему эго названа нами чувством вины; оно выражается в потребности в наказании. Цивилизация, следовательно, обретает власть над опасной страстью к агрессии, присущей индивиду, путем ослабления и обезоруживания ее и установления внутри нее силы для контроля за ней, подобно вводу гарнизона в захваченный город.

Что касается природы чувства вины, то аналитик располагает различными точками зрения других психологов, но даже для него является непростой задачей объяснение этого чувства. Если мы для начала спросим, как у человека рождается чувство вины, мы получим неоспоримый ответ: человек чувствует вину (верующие люди сказали бы "грешность"), когда он сделал что-то, известное ему как "плохое". Но тогда мы видим, что ответ этот говорит нам о малом. Возможно, после некоторых колебаний, мы добавим, что даже если человек фактически и не сделал ничего плохого, но только признал в себе намерение сделать это, он может считать себя виноватым; и тогда возникает вопрос, почему намерение считается равносильным деянию. Оба случая, однако, предполагают признание человеком того, что плохое достойно порицания, и это то, чего не следует делать. Из чего вытекает этот вывод? Мы можем отклонить существование изначальной, как бы естественной способности отличать плохое от хорошего. То, что плохо, часто вовсе не является вредным или опасным для эго, напротив, это может быть чем-то желанным и приятным для эго. Здесь, следовательно, вступает в силу постороннее влияние, и именно оно определяет, что считать хорошим или плохим. Так как личные чувства человека не направили бы его по этому пути, он должен иметь мотив для того, чтобы

покориться этому постороннему влиянию. Такой мотив легко обнаружить в его беспомощности и его зависимости от других людей, и лучше всего определить его как страх потери любви. Если он теряет любовь другого человека, от которого он зависит, он также теряет защищенность от различных опасностей. Более того, он подвергается опасности, что этот более сильный человек проявит по отношению к нему свое превосходство в форме наказания. Следовательно, вначале плохо то, что угрожает человеку потерей любви. Из-за страха перед этой потерей он должен избежать ее. Это также является причиной незначительного различия между тем, сделал ли человек нечто плохое или только намеревается сделать. В любом случае опасность возникает, только в случае, если и когда власть обнаруживает ее, и в любом случае власть повела бы себя одинаково.

Такой образ мыслей назван "плохой совестью". Но в действительности, он не заслуживает такого названия, так как на этой стадии очевидно, что чувство вины -это лишь страх потери любви, "социальное" беспокойство. В маленьких детях он не может быть ничем иным, но и у многих взрослых он изменился лишь настолько, что место отца или двух родителей занято большим сообществом людей. Поэтому такие люди обычно позволяют себе совершать плохие поступки, которые сулят им удовольствия до тех пор, пока они сохраняют уверенность в том, что власть ничего не узнает об этом, или не сможет обвинить их в этом; они боятся лишь быть пойманными. Современное общество должно, в общем, считаться с таким образом мыслей.

Существенные изменения имеют место только тогда, когда власть переносится вовнутрь посредством введения супер-его. Феномен совести иногда достигает высшей стадии. Фактически нам только сейчас следовало бы говорить о совести, или чувстве вины. На этой стадии также и страх быть пойманным пропадает; более того, различие между совершением чего-то плохого и желанием сделать это полностью исчезает, так как ничего нельзя скрыть от супер-его, даже мысли. Верно, что серьезность ситуации, с настоящей точки зрения, исчезла, поскольку у новой власти, супер-его, нет повода, известного нам, для плохого обращения с его, с которым оно так тесно связано, но генетическое влияние, которое ведет к выживанию того, что является прошлым и было преодолено, дает о себе знать в этом смысле, что основополагающие обстоятельства остаются такими же, какими они были вначале. Супер-его терзает грешное его тем же чувством беспокойства и не пропускает возможностей, позволяющих внешнему миру наказать его.

На второй стадии развития совесть проявляет особенность, которая существовала на первой стадии, и которую теперь не так просто объяснить. Ведь чем добродетельней человек, тем строже и недоверчивей его поведение, так что в конечном счете именно те люди, которые наиболее безгрешны, упрекают себя в самых тяжелых грехах. Это значит, что добродетель лишается части обещанного ей вознаграждения; послушное и целомудренное его не пользуется доверием у своего ментора и тщетно, казалось бы, пытается обрести его. Сразу же можно возразить, что эти трудности надуманы, и сказать, что более строгая и бдительная совесть именно и является отличительным признаком нравственного человека. Более того, когда святоши называют себя грешниками, они не так уж заблуждаются, принимая во внимание искушения к инстинктивному удовлетворению, которым они подвержены в особенно высокой степени, ведь, как хорошо известно, соблазн лишь усиливается постоянной фрустрацией, тогда как периодическое удовлетворение ведет к ослаблению, по крайней мере, на какое-то время. Сфера этики, в которой столько проблем, ставит нас перед другим фактом, а именно тем, что несчастье, или внешняя фрустрация так сильно увеличивает власть совести в супер-его. Пока у человека все идет хорошо, его совесть снисходительна и позволяет его делать все, что угодно; но когда на него обрушиваются неприятности, он ищет свою душу,

признает свою грешность, повышает требовательность своей совести, навязывает себе воздержание и наказывает себя епитимиями. Целые народы вели себя так, и все еще ведут. Это все же легко объясняется начальной, младенческой стадией совести, которая не отступает после интериоризации в супер-его, но сохраняется наряду с ним и в тени его. Судьба рассматривается как замена родительского фактора. Если человеку сопутствует неудача, это значит, что он больше не любим этой высшей властью, и под угрозой потери такой любви он еще раз склоняет голову перед родительским представителем в его супер-его - представителем, на которого в дни удачи он готов был не обращать внимания. Это становится особенно хорошо заметно, когда судьба рассматривается в строго религиозном смысле, как нечто иное, как выражение Божественной Воли. Люди Израиля верили в то, что они являются любимым детищем Бога, и когда Великий Отец вызывал одно за другим несчастья, чтобы обрушить его на этих людей, они были непоколебимы в своей вере относительно его отношения к ним и не сомневались в его власти и правоте. Напротив, они сотворили пророков, которые выставляли напоказ их грешность; и из чувства вины они создали сверхстрогие заповеди их священной религии. Важно, насколько отличается поведение примитивного человека. Если у него случается неприятность, он обвиняет не себя, а своего кумира, не выполнившего своей обязанности, и он подвергает его побоям, вместо того, чтобы наказывать себя. Таким образом, мы знаем о двух источниках чувства вины: один возникает из-за страха перед властью, а другой, позднее, из-за страха перед супер-его. Первый настаивает на отказе от инстинктивных удовлетворений; второй, помимо этого, требует наказания, так как остаются запрещенные желания, которые могут быть скрыты от супер-его. Мы узнали также, как следует понимать строгость супер-его - требований совести. Это простое преодоление строгости внешней власти, за которой она последовала и которую она частично заменила. Теперь мы видим соотношение между отказом от инстинкта и чувством вины. Первоначально отказ от инстинкта был результатом страха перед внешней властью. Человек отказывался от своих удовлетворений для того, чтобы не потерять ее любовь. Если он был верен этому отказу, то был как бы в расчете с этой властью, у него не должно остаться чувства вины. Но страх перед супер-его - это другой случай. Здесь недостаточно инстинктивного отказа, так как желание настойчивое, и его нельзя скрыть от его. Таким образом, несмотря на отказ, чувство вины сохраняется. Это ставит строение супер-его, или другими словами, формирование совести в очень неблагоприятное экономическое положение. Инстинктивный отказ сейчас более не обладает полностью освобождающим эффектом; целомудренное воздержание не вознаграждается больше гарантией любви. Грозящее внешнее несчастье - потеря любви и наказание внешней властью - сменилось постоянным внутренним несчастьем из-за напряженного состояния, вызванного чувством вины. Эти взаимоотношения настолько сложны и в то же время настолько важны, что, рискуя повториться, я должен рассмотреть их еще с одной точки зрения. Хронологическая последовательность в этом случае будет следующей. Первым возникает отказ от инстинкта из-за страха перед агрессией со стороны внешней силы. (Это, конечно, равносильно страху потери любви, так как любовь является защитой от этой карательной агрессии.) После этого идет образование внутренней власти и отказ от инстинкта из-за страха перед совестью. В этой второй ситуации плохие намерения равносильны плохим действиям, и, следовательно, возникает чувство вины и потребность в наказании. Агрессивность совести поддерживает агрессивность власти. До сих пор все, без сомнения, ясно, но где это уступает место усилению влияния несчастья (усиление, навязанное извне), чрезвычайной строгости совести в лучших и наиболее мягких людях. Мы уже объяснили обе эти особенности, присущие совести, но у нас, возможно, сохраняется впечатление, что эти

объяснения не затрагивают сути и оставляют еще что-то необъясненным. И здесь наконец-то, возникает идея, целиком и полностью относящаяся к психоанализу и совершенно чуждая обычному образу мышления у людей. Идея такого рода позволяет нам понять, почему содержание должно было показаться нам таким бессвязным и неясным. Ведь идея эта состоит в том, что совесть (или, более точно беспокойство, которое позднее становится совестью) на самом деле является изначальной причиной отказа от инстинкта, но позднее отношения меняются местами. Каждый отказ от инстинкта сейчас становится активным источником совести, и каждый новый отказ усиливает строгость и непримиримость последней. Если бы мы только могли привести это в соответствие с тем, что мы уже знаем об истории возникновения совести, мы подверглись бы искушению поддержать парадоксальное утверждение о том, что совесть есть результат отказа от инстинкта, или что такой отказ (навязанный нам извне) создает совесть, которая затем требует дальнейших отказов от удовлетворения инстинктов.

Противоречие между этим утверждением и тем, что было сказано выше о генезисе совести, на самом деле, не такое уж глубокое, и мы видим возможность дальнейшего его ослабления. Чтобы облегчить наше объяснение, давайте возьмем в качестве примера агрессивный инстинкт и допустим, что рассматриваемый отказ всегда есть отказ от агрессии. (Это, конечно, следует рассматривать лишь как временное утверждение.) Отказ от инстинкта действует на совесть таким образом, что каждый элемент агрессии, от удовлетворения которого субъект отказывается, принимается супер-его и усиливает агрессивность последнего (против его). Это не очень хорошо гармонирует с точкой зрения, согласно которой первоначальная агрессивность совести является продлением строгости внешней власти и, таким образом, не имеет ничего общего с отказом. Но это несоответствие стирается, если мы обуславливаем другой источник этого первого проявления агрессивности со стороны супер-его. В значительной степени агрессивность должна быть развита у ребенка против власти, мешающей ему получить его первые и вместе с тем наиболее важные удовлетворения, какого бы типа ни были требуемые от него инстинктивные лишения; но он должен отказаться от удовлетворения этой мстительной агрессивности. Он находит выход из этой экономически сложной ситуации при помощи знакомых механизмов. Путем идентификации он помещает в себя неуязвимую власть. Власть сейчас же превращается в его супер-его и завладевает всей агрессивностью, которую ребенок хотел бы направить против него. Детское его вынуждено довольствоваться печальной ролью авторитета - отца, который, таким образом, деградирует. Здесь, как столь часто бывает, реальная ситуация перевернута: "Если бы я был отцом, а ты был бы ребенком, я бы обращался с тобой плохо". Отношение между супер-его и его - это возврат к искаженным желанием реальным отношениям между еще неразделенным его и внешним объектом. Это тоже типично. Но основное различие состоит в том, что первоначальная строгость супер-его совсем или частично не представляет собой строгости, которую человек испытывал со стороны объекта или которую он приписывал ему; она, скорее, представляет собой агрессию человека по отношению к нему. Если это верно, мы должны честно признать, что сначала совесть возникает в результате подавления агрессивного импульса, и потом усиливается новыми подавлениями подобного рода. Какая из этих двух точек зрения верна? Первая, которая казалась неуязвимой в генетическом аспекте, или новая, столь благоприятно завершающая эту теорию? Ясно также и по результатам непосредственного наблюдения, что обе точки зрения оправданы. Они не противоречат друг другу, и даже совпадают в том, что детская мстительная агрессивность будет частично определяться карательной агрессивностью, которая ожидается со стороны отца. Однако опыт показывает, что строгость супер-его, которую ребенок проявляет, никак не соответствует строгости

обращения с ним. Строгость первого кажется независимой от строгости последнего. Ребенок, который воспитывался снисходительно, может иметь очень строгую совесть. Но будет неверным преувеличивать эту независимость; нетрудно убедиться в том, что строгость воспитания оказывает также сильное влияние и на формирование детского супер-эго. Это значит, что формирование супер-эго, появление врожденных, органических факторов совести и влияние окружающей среды оказывают комбинированное воздействие. Это вовсе не удивительно, напротив, это универсальное этиологическое условие для всех процессов подобного рода. Можно также утверждать, что, когда ребенок реагирует на свои первые инстинктивные фрустрации с излишне бурной агрессивностью и с соответственно строгим супер-эго, он придерживается филогенетической модели и выходит за рамки ответа, который был бы подтвержден течением событий, так как отец в доисторические времена, был, несомненно, ужасен, и ему могла быть присуща крайняя степень агрессивности. Таким образом, если перейти от индивида к филогенетическому развитию, различия между двумя теориями генезиса совести еще более размыты. С другой стороны, новое и важное различие появляется между этими двумя процессами развития. Мы не можем уйти от предположения, что у человека чувство вины произошло от Эдипова комплекса, и возникло при убийстве отца братьями, объединенными между собой. В таком случае акт агрессии был не подавлен, а осуществлен; но это был тот же акт агрессии, подавление которого в ребенке рассматривается как источник его чувства вины. Здесь мне не следует удивляться, если читатель сердито воскликнет: "Тогда не имеет значения, убил человек отца или нет - в любом случае у него появляется чувство вины!" Мы можем тут остановиться и выразить некоторые сомнения. Либо не верно то, что чувство вины происходит от подавленной агрессивности, либо вся история с убийством отца является фикцией, и дети первобытного человека убивали своих отцов не чаще, чем это делают дети сегодня. Кроме того, если это не фикция, а правдоподобный исторический факт, это было бы чем-то превосходящим то, что, как каждый предполагает, может случиться, - а именно с человеком, чувствующим вину, так как он действительно сделал то, что не может быть оправдано. И этому событию, которое в конце концов является каждодневным происшествием, психо-анализ еще не дал объяснения.

Это правда, и психоанализ должен заполнить этот пробел. Нет в этом никакого великого секрета. Когда у человека есть чувство вины за преступление после его совершения, чувство следовало бы более точно назвать раскаянием. Оно относится только к совершенному поступку, и конечно предполагает, что совесть - готовность чувствовать вину - существовали уже до того, как было совершено преступление. Раскаяние подобного рода не может, следовательно, способствовать выяснению происхождения совести и чувства вины вообще. В этих каждодневных случаях происходит обычно следующее: инстинктивная потребность обретает силу для получения удовлетворения, невзирая на совесть, сила которой, в конце концов, ограничена; и, с естественным ослаблением потребности, благодаря удовлетворению ее, прежний баланс власти восстановлен. Таким образом, оправдано исключение психоанализом из настоящей дискуссии случая с чувством вины, обусловленным раскаянием, насколько бы часто ни имели места эти случаи и сколь ни велика их практическая важность.

Но если чувство вины человека восходит к убийству примитивного отца, то это, в конечном результате, случай "раскаяния". Следует ли нам допустить, что (в те времена) совесть и чувство вины, как мы предположили, не существовали до поступка? Если нет, откуда, в таком случае, появилось раскаяние? Нет сомнений в том, что этот случай должен объяснить нам тайну чувства вины и положить конец нашим трудностям. И я верю, что так и будет.

Это раскаяние было результатом изначальной амбивалентности чувства к отцу. Его сыновья ненавидели его, но они также и любили его. После того, как их ненависть была удовлетворена актом агрессии, их любовь вышла на первый план в их раскаянии за совершенный поступок. Это основало супер-эго, идентифицированное с отцом, наделило его отцовской властью как наказание за агрессивный поступок, совершенный по отношению к нему, и это создало ограничения, направленные на предотвращение поступка. И так как агрессивность против отца была повторена в следующих поколениях, чувство вины тоже сохранялось и усиливалось с каждым актом агрессивности, который был подавлен и перенесен на супер-эго. Сейчас, я думаю, мы можем наконец-то отчетливо понять два момента: роль люб-ви в происхождении совести и фатальную неизбежность чувства вины. Убил ли человек своего отца или воздержался от свершения этого в действительности, не является решающим фактором. Человек должен чувствовать себя виноватым в любом случае, так как чувство вины есть выражение конфликта, обусловленного амбивалентностью, вечной борьбой между Эросом и инстинктом разрушения, или смерти. Этот конфликт вступает в силу, как только люди сталкиваются с задачей совместного проживания. До тех пор, пока в сообществе не допускаются другие формы, кроме семьи, конфликт должен проявляться в Эдиповом комплексе с тем, чтобы основать совесть и породить первое чувство вины. Когда делается попытка расширить сообщество, этот же конфликт продолжается в формах, зависящих от прошлого; и он усугубляется и приводит к дальнейшему усилению чувства вины. Так как цивилизация подчиняется внутреннему эротическому импульсу, который заставляет людей объединяться в тесно сплоченные группы, она может достичь своей цели посредством все возрастающего усиления чувства вины. То, что начиналось по отношению к отцу, завершается по отношению к группе.

Если цивилизация является необходимым ходом развития от семьи к человечеству в целом, тогда, в результате врожденного конфликта на почве амбивалентности, внутренней борьбы между тенденциями любви и смерти - неразрывно связанно с ней усиление чувства вины, которое, возможно, достигнет высшей степени, с которой индивиду трудно мириться. Это напоминает эмоциональное обвинение великим поэтом "Божественных сил":

На сей безрадостной земле нам свыше велено остаться. Но небеса винить не должен человек, Осталось нам одно - раскаяньем терзаться: Вины - мгновенье, горя - век!

И мы должны вздохнуть с облегчением при мысли о том, что кто-то достоин извлечь без усилий из пучины своих собственных чувств глубочайшие истины, к которым остальным приходится прокладывать путь в мучительной неопределенности и непрерывных поисках.

VIII

Достигнув конца путешествия, автор должен просить прощения у читателей за то, что он был недостаточно опытным гидом и не избавил их от бессодержательных отрезков повествования и утомительных отступлений. Несомненно, это можно было сделать лучше. На завершающей стадии я постараюсь внести некоторые изменения. Во-первых, я подозреваю, что у читателя сложилось впечатление, что наши рассуждения о чувстве вины не вписываются в рамки этого эссе; они занимают слишком много места, а другие предметы исследования не всегда тесно связанные, получили одностороннее освещение. Это могло испортить структуру моей работы; но это полностью соответствует моему намерению представить чувство вины как наиболее важную проблему в развитии цивилизации; ценой, которую мы платим за прогресс цивилизации, является потеря счастья на почве усиливающегося чувства вины. Все, что кажется странным в связи с этим заявлением, которое является окончательным выводом из нашего исследования, может быть, вероятно, отнесено к

совершенно особому, все еще не объясненному отношению между чувством вины и нашим сознанием. В обычном случае раскаяния, рассматриваемом нами, как нормальном, это чувство становится вполне ощутимым для сознания. Действительно, мы привыкли говорить о "сознании вины", о "чувстве вины". Наше изучение неврозов, которому в конечном счете мы обязаны наиболее ценными сведениями, являющимися ключом к пониманию нормальных условий, ставит нас перед лицом некоторых противоречий. В одном из таких заболеваний, неврозе навязчивых идей, чувство вины настойчиво дает о себе знать сознанию; оно доминирует как в клинической картине, так и в жизни пациента, и едва ли позволяет появиться наряду с ним чему-нибудь еще. Но в большинстве других случаев и форм невроза оно остается полностью подсознательным, не производя на этой почве каких-либо значительных эффектов. Наши пациенты не верят, когда мы выявляем у них "неосознанное чувство вины". Для того, чтобы они поняли нас, мы говорим о неосознанной потребности в наказании, в которой и выражается чувство вины. Но нельзя недооценивать его связь с особой формой невроза. Существуют даже пациенты с неврозом навязчивых идей, которые не знают о своем чувстве вины, или которые лишь чувствуют мучительную тяжесть, беспокойство, если не имеют возможности выполнить определенные действия. Эти явления должны быть поняты, но пока постичь их мы не можем. Здесь, вероятно, мы должны довольствоваться указанием на то, что чувство вины по своей сути есть не что иное, как топографическая разновидность беспокойства; в своих последующих фазах она полностью совпадает со страхом перед супер-его.

И в отношениях между беспокойством и совестью проявляются те же необычные разновидности. Беспокойство так или иначе присутствует во всех симптомах; но в некоторых случаях оно полностью завладевает сознанием, тогда как в других оно полностью скрыто, и мы вынуждены говорить о бессознательном беспокойстве или, если мы хотим иметь более чистую психологическую совесть, так как беспокойство в своем первом проявлении это просто чувство, о возможностях беспокойства. Следовательно, весьма вероятно, что чувство вины, порожденное Цивилизацией, не воспринимается ею как таковое, и остается в значительной степени неосознанным, или проявляется как разновидность недомогания, неудовлетворенности, которым люди стремятся найти другое объяснение. Во всяком случае религии никогда не упускали из вида ту роль, которую имеет в цивилизации чувство вины. Более того - и это я не смог осветить в другой работе - они претендуют на избавление человечества от чувства вины, которое они называют гре-ком. То, как христианская религия достигает этого избавления - через пожертвование жизнью одного человека, который таким образом возлагает на себя вину, присущую каждому, - дает нам возможность заключить, каков же был первый случай, когда эта изначальная вина, явившаяся также началом цивилизации, возникла.

Хотя это и не очень важно, все же будет нелишним разъяснить значение нескольких слов, таких как "супер-его", "чувство вины", "совесть", "потребность в наказании", "раскаяние", которые мы часто употребляли и, возможно, слишком вольно и взаимозаменяемо. Они все относятся к одной и той же ситуации, определяя различные ее аспекты. Супер-его - это субстанция, выявленная нами, а совесть - функция, которая наряду с другими приписывается ей нами. Эта функция состоит в наблюдении за действиями и намерениями его, рассмотрении их и осуществлении цензуры. Чувство вины, жестокость супер-его, являются следовательно тем же, что и суровость совести. Это восприятие того, что оно находится под таким наблюдением, оценка напряжения между его собственными стремлениями и требованиями супер-его. Страх перед этой критикующей инстанцией (страх, лежащий в основе всех отношений), потребность в наказании является инстинктивным проявлением со стороны его, которому стал присущ мазохизм под влиянием садистс-

кого супер-его; это, если можно так выразиться, часть инстинкта, имеющегося у его, направленного на внутреннее разрушение, которое используется для формирования эротической привязанности к супер-его. Нам не следует говорить о совести до тех пор, пока демонстративно присутствует супер-его. Что касается чувства вины, то мы должны признать, что оно существовало до супер-его, и, следовательно, можно заключить, что это своеобразное чувство вины возникло до совести. В то время - это непосредственное выражение страха перед внешним авторитетом, признание напряжения между его и этим авторитетом. Это прямое производное от конфликта между потребностью в любви этого авторитета и побуждением к удовлетворению инстинкта, запрещение которого пробуждает агрессивную наклонность. Наложение этих двух слоев чувства вины - одного, исходящего от страха перед внешним авторитетом, и другого, из страха перед внутренним, препятствует различными путями нашему изучению положения совести. Раскаяние - это общий термин для обозначения реакции его в случае чувства вины. Оно содержит, в слегка измененной форме, сенсорный материал тре-воги, который стоит за чувством вины, само по себе оно является наказанием, которое может также включать потребность в наказании. Таким образом, раскаяние тоже старше совести.

Не повредит нам повторное рассмотрение противоречий, которые ставили нас в тупик в процессе исследования. Таким образом, чувство вины было результатом неосуществленных актов агрессии; но с другой - а именно убийство отца в своем историческом начале - оно было результатом осуществленного акта агрессии. Но был найден выход из этого трудного положения. Ведь установление внутреннего авторитета, супер-его, радикально изменило ситуацию. До этого чувство вины совпадало с раскаянием. (Мы можем, кстати, заметить, что термин "раскаяние следует сохранить для реакции, возникающей после совершения акта агрессии). После этого, благодаря всезнанию супер-его, различие между намерением агрессии и совершенной агрессией утратило свою силу. Впредь чувство вины могло возникать не только в результате акта насилия, фактически совершенного (как всем известно), но также и в результате намерения совершить его (как показал психоанализ). Независимо от этого изменения в психологической ситуации, конфликт на почве амбивалентности - конфликт между двумя изначальными инстинктами - дает тот же результат. Мы подвергаемся искушению найти здесь решение проблемы меняющихся отношений между чувством вины и совестью. Можно было подумать, что чувство вины, возникающее из раскаяния за совершенный плохой поступок, всегда должно быть осознанным, в то время, как чувство вины, порожденное восприятием плохого порыва, может оставаться неосознанным. Но ответ не так прост. Невроз навязчивых состояний красноречиво свидетельствует против этого. Второе противоречие касается агрессивной энергии, которой по нашему предположению, обладает супер-его. Согласно одной точке зрения, эта энергия просто является продолжением карательной энергии внешнего авторитета и поддерживает ее в разуме; а в соответствии с другим взглядом, она, наоборот, состоит из собственной агрессивной энергии человека, которая не была использована и которую он направляет против этого подавляющего авторитета. Первая точка зрения, казалось бы, лучше сочетается с историей, а вторая - с теорией чувства вины. Более глубокое размышление разрешило это, на первый взгляд, непримиримое противоречие почти полностью; оставался существенный и общий фактор, а именно то, что в обоих случаях мы имели дело с агрессивностью, перемещенной внутрь. Более того, клинические наблюдения позволяют нам различать два источника агрессивности, которую мы приписываем супер-его, один из них производит более сильный эффект в каждом конкретном случае, но как правило, они действуют одновременно.

Я думаю, что сейчас самое время выдвинуть для серьезного рассмотрения положение, которое ранее я рекомендовал лишь как временное допущение. Большинство последних аналитических работ придерживается точки зрения, что любой тип фрустрации, любые помехи инстинктивному удовлетворению ведут или могут привести к усилению чувства вины. Я думаю, будет совершенно великое теоретическое упрощение, если мы будем рассматривать это только применительно к агрессивным инстинктам, и лишь некоторые доводы будут противоречить этому утверждению. Иначе как мы должны объяснить на динамической и экономическом основе усиление чувства вины, появляющееся на месте невыполненных эротических требований? Это кажется возможным только окольным путем, если мы предположим, что препятствие на пути эротического удовлетворения вызывает часть агрессивности против того, кто вмешался в процесс удовлетворения, и что эта агрессивность, превращаясь в чувство вины путем подавления и преобразования ее супер-его. Я убежден, что многим процессам будет дано более простое и ясное объяснение, если открытия психоанализа в области происхождения чувства вины будут ограничены агрессивными инстинктами. Изучение клинического материала дает нам здесь недвусмысленный ответ, потому, что согласно нашей гипотезе, два класса инстинктов едва ли когда-нибудь появляются в чистой форме, изолированно друг от друга; но исследование крайних случаев, возможно укажет нам направление, которое я предвидел.

Я поддаюсь искушению извлечь первое преимущество из более ограниченного взгляда на проблему, применяя его к процессу репрессии. Как мы узнали, невротические симптомы, по сути своей, являются заменяющими удовлетворениями для неисполненных сексуальных желаний. В процессе нашей аналитической работы мы с удивлением обнаружили, что, возможно, каждый невроз таит долю неосознанного чувства вины, которое, в свою очередь, усиливает симптомы, используя их в качестве наказания. Сейчас вполне возможно сформулировать следующее предположение. Когда инстинктивная тенденция подвергается репрессии, ее либидные элементы превращаются в симптомы, а агрессивные компоненты - в чувство вины. Даже если это не более чем приближение к правде, оно достойно нашего внимания. У некоторых читателей этой работы может в дальнейшем сложиться впечатление, что они слишком часто слышали формулу борьбы между Эросом и инстинктом смерти. Утверждалось, что она характеризует процесс цивилизации, который претерпевает человечество, но она также связана с развитием индивида, и, вдобавок, было сказано, что она выдает секрет органической жизни в целом. Я думаю, мы не можем избежать рассмотрения взаимоотношений этих трех процессов. Повторение одной и той же формулы оправдано положением о том, что оба процесса, человеческой цивилизации и развития индивида, также являются жизненными процессами, т.е. они должны участвовать в самой общей характеристике жизни. С другой стороны, очевидность наличия этой общей характеристики, именно по причине своей общей природы; не поможет нам прийти к какому-либо различию (между процессами), так как она не ограничена специальными качественными характеристиками. Мы поэтому можем довольствоваться только утверждением о том, что процесс цивилизации есть модификация, которую жизненный процесс претерпевает под влиянием задачи, выдвинутой Эросом и подстегиваемой Ананком - необходимостью реальности; и что это - задача объединения отдельных индивидов в сообщество, где они связаны либидными узлами. Все же, когда мы смотрим на отношение между процессом человеческой цивилизации и процессом развития и обучения отдельных личностей, мы без особых колебаний должны прийти к выводу о том, что они очень схожи по своей природе, если это не один и тот же процесс, претерпеваемый различного рода объектами. Процесс развития цивилизации человеческого рода является, конечно, абстракцией более высокого порядка, чем

развитие личности, и, следовательно, его труднее выразить в конкретных терминах; не следует доходить до крайностей в проведении аналогий; но в виду схожести между целями двух процессов - в одном случае это интеграция отдельных индивидов в человеческую группу, а в другом - создание объединенной группы из многих индивидов - мы не можем удивляться схожести между используемыми средствами и результирующими явлениями.

Ввиду исключительной важности, мы не должны откладывать упоминание об одной черте, различающей эти два процесса. В процессе развития индивида программа принципа удовольствия, состоящая в поиске счастья удовлетворения, сохраняется как главная цель. Интеграция или адаптация к человеческому сообществу является условием, которым вряд ли можно пренебречь, выполнение которого обязательно до того, как эта цель счастья может быть достигнута. Было бы, возможно, предпочтительней обойтись без этого удовольствия. Другими словами, развитие индивида представляется нам продуктом интеграции между двумя сильными желаниями: желанием счастья, которое мы обычно называем "эгоистическим", и желанием объединиться в сообществе с другими, которое мы обычно называем "альтруистическим". Ни одно из этих описаний не затрагивает сути. В процессе индивидуального развития, как мы сказали, на первый план выходит эгоистическое желание (или стремление к счастью); тогда как другое желание, которое можно описать как "культурное", обычно удовлетворено функцией наложения ограничений. Но в процессе развития цивилизации все иначе. Здесь наиболее важной является цель создания объединения отдельных личностей. Верно и то, что цель обретения счастья здесь тоже присутствует, но она вытеснена на задний план. Почти складывается впечатление, что процесс создания великого человеческого сообщества был бы вполне успешным, если бы не пришлось уделять внимания счастью индивида. Таким образом, можно предположить, что процесс развития индивида имеет свои собственные особые черты, которые не воспроизводятся в процессе развития человеческой цивилизации. Только потому, что первый из этих процессов имеет своей целью объединение с сообществом, он должен совпадать со вторым процессом.

Так же, как планеты вращаются вокруг центрального тела, одновременно вращаясь вокруг своей оси, так и человеческие индивиды принимают участие в ходе развития человечества, проходя свой собственный жизненный путь. Но нашему слабому зрению движение небесных сил кажется раз и навсегда установленным; в сфере органической жизни мы все еще можем видеть, как силы борются друг с другом, и как постоянно меняются результаты конфликта. Следовательно, точно так же, два стремления, одно к личному счастью и другое - к объединению с другими людьми, постоянно борются друг с другом в каждом индивиде; и так же два процесса индивидуального и культурного развития должны стоять в постоянной враждебной оппозиции друг к другу, взаимно оспаривая основу. Но эта борьба между индивидом и обществом не является производным противоречием, возможно неразрешимым, между изначальными инстинктами Эроса и смертью. Это полемика внутри экономики либидо, сравнимая с борьбой за распределение либидо между его и объектами; и она допускает возможность компромисса в индивиде, что, можно надеяться, будет происходить и в будущем цивилизации, как бы она не подавляла жизнь индивида сегодня.

Аналогия между процессом развития цивилизации и путем индивидуального развития может быть продолжена в важном аспекте. Можно предположить, что сообщество тоже развивает супер-эго, под чьим влиянием происходит культурное развитие. Для любого знатока человеческих цивилизаций будет соблазнительной задачей проследить эту аналогию в деталях. Я ограничусь выдвиганием нескольких поразительных положений. Супер-эго эпохи цивилизации имеет происхож-

дение, сходное с таковым у индивида. Оно основывается на впечатлении, оставленном личностями великих вождей - людей огромной силы ума или людей, в которых один из человеческих импульсов нашел свое наиболее сильное и чистое, и, следовательно, одностороннее выражение. Во многих случаях аналогия идет еще дальше; в период жизни этих личностей над ними издевались, плохо обращались (достаточно часто, если не всегда), и даже жестоко убивали. Также и первобытный отец достигал обожествления только после того, как встречал насильственную смерть. Наиболее яркий пример этого рокового стечения обстоятельств - образ Иисуса Христа, если в действительности он не является частью мифологии, порожденной смутным воспоминанием о том первоначальном событии. Другой точкой соприкосновения между культурным и индивидуальным супер-его является то, что первое, равно как и последнее, устанавливает строгие идеальные требования, неповиновение которым преследуется "страхом совести". Здесь, действительно, мы сталкиваемся с замечательным обстоятельством, а именно с тем, что рассматриваемые психические процессы более знакомы нам и более доступны восприятию нашим сознанием, если они проявляются в группе, а не у отдельного индивида. В нем, когда возникает напряжение, только агрессивность супер-его в форме упреков громко заявляет о себе; его действительные требования часто остаются неосознанными, на заднем плане. Если мы доведем их до сознания, мы обнаружим, что они совпадают с заповедями господствующего культурного супер-его. Здесь два процесса культурного развития группы и культурного развития индивида всегда смыкаются. По этой причине некоторые проявления и свойства супер-его легче обнаружить в поведении культурного сообщества, а не отдельного индивида.

Культурное супер-его выработало свои идеалы и установило свои требования. Среди последних те, которые касаются отношений людей друг с другом, и формируются под эгидой этики. Во все времена люди высоко ценили этику, как будто надеялись, что именно она достигнет очень важных результатов. И она действительно имеет дело с предметом, который можно считать слабым местом любой Цивилизации. Таким образом, этику следует рассматривать как терапевтическое усилие, попытку достичь средствами команд супер-его, того, что не было достигнуто с помощью других культурных действий. Как мы уже знаем, мы стоим перед лицом проблемы избавления цивилизации от величайшей помехи - а именно, от конституциональной склонности человеческих существ к агрессивности по отношению друг к другу; и по этой причине нам особенно интересно одно из возможно последних культурных требований супер-его, предписание любить ближнего своего как самого себя. В нашем исследовании и терапии неврозов нам пришлось выдвинуть два упрека в адрес супер-его индивида. В строгости команд и запретов оно слишком мало беспокоится о счастье его, оно недостаточно учитывает сопротивление против повиновения им - инстинктивную силу его (на первом месте) и трудности, вызванные реальной внешней средой (на втором). В результате этого мы часто вынуждены, в терапевтических целях, оказывать сопротивление супер-его, и мы пытаемся снизить его требования. Точно такие же возражения можно высказать и против этических требований культурного супер-его. Его также мало занимает психический склад людей. Оно отдает команду, не заботясь о том, возможно ли для людей подчиниться ей. Напротив, оно полагает, что его человека психологически способно на все, что от него требуется, что его его обладает неограниченной властью над id. Это ошибка; и даже у того, кто известен как нормальный человек id не поддается контролю за определенными пределами. Если от человека требуют большего, в нем возникает протест или невроз, или он становится несчастным. Заповедь "Возлюби ближнего своего как себя" является сильнейшей защитой против человеческой агрессивности и прекрасным примером непсихологической деятельности культурного супер-его. Заповедь невозможно выполнить; такое

непомерное раздувание любви может только снизить ее ценность, не избавляя от трудностей. Цивилизация не обращает внимания на все это; она просто увещевает нас, что чем труднее следовать правилу, тем похвальнее выполнение его. Но любой, кто следует этому предписанию в сегодняшней цивилизации, ставит себя в невыгодное положение vis-a-vis тому, кто им пренебрегает. Каким же мощным препятствием на пути цивилизации может быть агрессивность, если защита от нее причиняет столько же несчастий, как и она сама! Так называемая "натуральная" этика ничего не может предложить кроме нарциссического удовлетворения от мысли, что ты лучше, чем другие. Здесь этика, основанная на религии, обещает лучшую загробную жизнь. Но до тех пор, пока добро-детель не вознаграждается здесь на земле, этические проповеди будут напрасными. Я также вполне уверен в том, что реальные изменения в отношениях людей к собственности принесут больше пользы в этом направлении, чем любые этические требования; но признание этого факта социалистами было омрачено и стало бесполезным из-за идеалистически неверной концепции человеческой природы.

Я верю, что в ходе размышления, стремящемся выявить роль супер-эго в феномене культурного развития, будут еще сделаны открытия. Я спешу завершить работу. Но есть еще один вопрос, который я не могу обойти. Если развитие цивилизации имеет такое обширное сходство с развитием индивида и использует те же средства, то не будет ли оправдана постановка нами диагноза, что под влиянием культурных стремлений некоторые цивилизации, или некоторые эпохи цивилизации и, возможно, все человечество, стало "невротическим"? Аналитическое вскрытие такого невроза могло бы повлечь за собой терапевтические рекомендации, представляющие огромный практический интерес. Я бы не сказал, что попытки подобного рода перенести психоанализ на культурное сообщество были абсурдны или обречены на бесплодность. Но нам следует быть очень осторожными и не забывать, что все же мы имеем дело всего лишь с аналогиями, и опасно не только в отношении людей, но и концепций, вырывать их из сферы их возникновения и развития. Более того, диагноз коллективного невроза сталкивается с особой трудностью. В индивидуальном неврозе мы берем за отправную точку контраст, выделяющий пациента из его окружения, которое считается "нормальным". Для группы, все члены которой поражены одним и тем же недугом, не может существовать такого фона; его следует искать где-то еще. А что касается терапевтического применения наших знаний, какой смысл в наиболее точных анализах социальных неврозов, если никто не обладает авторитетом, достаточным для того, чтобы применить подобную терапию в группе? Но несмотря на все эти трудности, мы можем надеяться на то, что однажды кто-нибудь рискнет заняться патологией культурных сообществ.

По чрезвычайно широкому спектру причин я далек от того, чтобы выражать свое мнение по поводу ценности человеческой цивилизации. Но я постарался оградить себя от напыщенного энтузиазма, присущего утверждению о том, что наша цивилизация является самым драгоценным из того, что мы имеем или можем иметь, и что она непременно приведет нас к высотам невообразимого совершенства. Я, наконец-то, могу без возмущения слушать критика, который считает, что когда кто-то рассматривает цели культурных усилий и используемые средства, он непременно должен прийти к выводу о том, что эти попытки не стоят затраченных усилий и результатом их может быть лишь положение дел, которое индивид не сможет вынести. Мне легче быть беспристрастным, так как я очень мало знаю об этом. Одно я знаю наверняка - рассуждения человека о ценности прямо связаны с его желаниями счастья и, таким образом, являются попыткой подкрепить свои иллюзии аргументами. Мне вполне понятно, что кто-то должен подчеркнуть обязательность процесса развития человеческой цивилизации и сказать, к примеру, что тенденция

ограничения половой жизни или установление гуманитарного идеала ценой естественного отбора были тенденциями развития, которые нельзя устранить или отвергнуть и которым для нас лучше всего будет подчиниться, ибо они неизбежны в природе. Я знаю также, что на это можно возразить: ведь в истории человечества подобные тенденции, которые считались непреодолимыми, часто отбрасывались и заменялись другими. У меня не хватает мужества предстать перед моими собратьями прорицателями и я принимаю их упреки в том, что не могу предложить им утешения: ведь в сущности именно этого все они требуют, самые неистовые революционеры ничуть не меньше, чем благочестивые верующие.

По-моему, роковой вопрос для человеческих видов состоит в том, сможет ли, и до какой степени, их культурное развитие подчинить себе нарушения их совместной жизни человеческим инстинктом агрессивности и саморазрушения. В этом отношении именно настоящее время заслуживает особого интереса. Контроль людей над силами природы достиг такой степени, что им (людям) не составит труда истребить друг друга до последнего человека. Они знают это, и здесь в значительной мере кроется причина их постоянного беспокойства, их несчастья и чувства тревоги. И сейчас остается надеяться, что другой представитель "Небесных Сил", вечный Эрос, предпримет попытку утвердиться в борьбе со своим столь же бессмертным соперником. Но кто может предвидеть, насколько успешно и каков будет результат?

ДЮРКГЕЙМ ЭМИЛЬ (DURKHEIM) (1858-1917)-французский философ и социолог. Родился во французском городе Эпинале. После окончания местного лицея поступил в Высшую Нормальную школу в Париже. Получив образование философа, Дюркгейм занялся преподавательской деятельностью в провинциальных лицеях. Именно в этот период (1882-1887 гг.) у него формируется стойкий интерес к общественно-политической жизни и ее теоретическому осмыслению. В 1885-1886 гг. он изучает в Париже, а затем в Германии философию, социальные науки и этику. С 1887 по 1902 гг. Дюркгейм преподает социальные науки в университете Бордо. Здесь же в 1896 г. он начинает издавать социологический ежегодник, который завоевывает широкое признание в самых различных общественных кругах. С 1902 по 1917 г. читает лекции в Сорбонне.

Главные работы были написаны и опубликованы Дюркгеймом во время его пребывания в Бордо. "О разделении общественного труда" (1893) - докторская диссертация, в которой Дюркгейм раскрывает теоретические и социально-политические принципы своей теории. Одно из главных произведений Дюркгейма - "Правила социологического метода" (1895). В нем он излагает свою знаменитую концепцию "социологизма". Третья работа Дюркгейма - "Самоубийство: Социологический этюд" (1897) - считается классическим примером приложения теоретических установок к анализу практики социальной действительности. Уже в Париже в 1912 г. выходит еще один большой труд Дюркгейма под названием "Элементарные формы религиозной жизни", который явился результатом изучения религии как общественного феномена.

Подобно тому как Конт первым ввел в научный обиход термин "социология", Дюркгейм первым среди западных социологов применил понятие "прикладная социология", считая, что последняя должна дать набор правил социального поведения.

Дюркгеймовская социологическая традиция нашла продолжение в так называемой французской социологической школе, представители которой (Бугле, Мосс, Хальбвакс и др.) развивали и конкретизировали идеи своего великого учителя. Умер в Париже.

Э. Дюркгейм МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Глава первая

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ?

Прежде чем искать метод, пригодный для изучения социальных фактов, следует определить, что такое представляют факты, носящие данное название. Вопрос этот тем более важен, что данный термин обыкновенно применяют не совсем точно.

Им без стеснения обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо социальный интерес. Но при таком понимании не существует, так сказать, человеческих событий, которые не могли бы быть названы социальными. Всякий индивид пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции отправлялись регулярно.

Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего отдельного предмета, и ее область слилась бы с областью биологии и психологии.

Но в действительности во всяком обществе существует определенная группа явлений, отличающихся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их существование, последнее остается все-таки объективным, так как не я сам создал их, а они внушены мне воспитанием.

Как часто при этом нам неизвестны детали наложенных на нас обязанностей и для того, чтобы узнать их, мы принуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями! Точно так же верующий при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения моих мыслей, система монет, употребляемых мною для уплаты долгов, орудия кредита, служащие мне в моих коммерческих сношениях, обычаи, соблюдаемые в моей профессии и т.д. - все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю. Пусть возьмут одного за Другим всех членов, составляющих общество, и все сказанное может быть повторено по поводу каждого из них. Следовательно, эти образы мыслей, действий и чувствований (*manières d'agir, de penser et de sentir*) обладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний.

Эти типы поведения или мысли не только находятся вне индивида, но и обладают еще принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним независимо от своего описания. Конечно, когда я добровольно сообразуюсь с ними, это принуждение, будучи бесполезным, мало или совсем не чувствуется; тем не менее оно является характерным свойством этих фактов, доказательством может служить то обстоятельство, что оно появляется тотчас же, как только я пытаюсь сопротивляться. Если я пытаюсь нарушить постановления права, они реагируют против меня, препятствуя моему действию, если еще есть время они уничтожая и восстанавливая его, в его нормальной форме, если оно совершенно или может быть исправлено, или же, наконец, заставляя меня искупить его, если иначе его исправить нельзя. Применяется ли сказанное к чисто нравственным правилам?

Общественная совесть удерживает от всякого оскорбляющего ее действия посредством надзора за поведением граждан и особых показаний, которыми она располагает. В других случаях принуждение менее сильно, но все-таки существует. Если я не подчинюсь условиям света, если я, одеваясь, не принимаю в расчет обычаев моей страны и моего сословия, то смех, мною вызываемый, и то отдаление, в котором меня держат, производит, хотя и в более слабой степени, то же действие,

как и наказание в собственном смысле этого слова. В других случаях имеет место принуждение, хотя и косвенное, но не менее действенное. Я не обязан говорить по-французски с моими соотечественниками, или употреблять уставленную монету, но я не могу поступить иначе. Если бы я попытался ускользнуть от этой необходимости, моя попытка оказалась бы неудачной.

Если я промышленник, то никто не запрещает мне работать, употребляя приемы и методы прошлого столетия, но, если я сделаю это, я, наверное, разорюсь. Даже если фактически я могу освободиться от этих правил и с успехом нарушить их, то я могу сделать это лишь после борьбы с ними; если даже в конце концов они и будут побеждены, то все же они достаточно дают чувствовать свою принудительную силу тем сопротивлением, которое оказывают. Нет такого новатора, даже счастливого, предприятия которого не сталкивались бы с оппозицией этого рода.

Вот, следовательно, разряд фактов, отличающихся специфическими свойствами; его составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящиеся вне индивида и одаренные принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним. Отсюда их нельзя смешать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и благодаря ему. Они составляют, следовательно, новый вид и им-то и должно быть присвоено название социальных. Оно им вполне подходит, так как ясно, что, не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества, будь то политическое общество в его целом, или какие-либо отдельные группы, в нем заключающиеся: религиозные группы, политические и литературные школы, профессиональные корпорации и т.д. С другой стороны, оно применимо только к ним, так как слово <социальный> имеет определенный смысл лишь тогда, когда обозначает исключительно явления, не входящие ни в одну из установленных и названных уже категорий фактов. Они составляют, следовательно, собственную область социологии. Правда, что слово принуждение, при помощи которого мы их определяем, рискует встревожить ревностных сторонников абсолютного индивидуализма. Так как они признают индивида вполне автономным, то им кажется, что его унижают всякий раз, как дают ему почувствовать, что он зависит не только от самого себя. Но поскольку у теперь несомненно, что большинство наших идей и стремлений не выработаны нами, а приходят к нам извне, то они могут проникнуть в нас лишь посредством внушения; вот и все, что выражает определение. Сверх того известно, что социальное принуждение не исключает непременно индивидуальность.

Но так как приведенные нами примеры (юридические и нравственные постановления, религиозные догматы, финансовые системы и т.п.) все состоят из установленных уже верований и правил, то можно было бы подумать, на основании сказанного, что социальный факт может быть лишь там, где есть определенная организация. Но существуют другие факты, которые, не представляя таких кристаллизованных форм, имеют ту же объективность и то же влияние на индивида. Это так называемые социальные течения (*courants sociaux*). Так, возникающие в собрании великие движения энтузиазма, негодования, сострадания не зарождаются ни в каком отдельном сознании. Они приходят к каждому из нас извне и способны увлечь нас, вопреки нам самим. Конечно, может случиться, что, отдаваясь им вполне, я не буду чувствовать того давления, которое они оказывают на меня. Но оно проявится тотчас, как только я попытаюсь бороться с ними. Пусть какой-нибудь индивид попробует противиться одной из этих коллективных манифестаций и тогда отрицаемые им чувства обратятся против него. Если эта сила внешнего принуждения обнаруживается с такой ясностью в случаях сопротивления, то, значит, она существует, хотя не сознается, и в случаях противоположных. Таким образом, мы являемся жертвами иллюзии, заставляющей нас верить, что нам внушено извне.

Но если готовность, с какой мы впадаем в эту иллюзию, и маскирует испытанное давление, то она его не уничтожает. Так, воздух все-таки тяжел, хотя мы и не чувствуем его веса. Даже если мы со своей стороны содействовали возникновению общего волнения, то впечатление, полученное нами, будет совсем другое, чем то, которое мы испытали бы, если бы были одни. И когда собрание разоидется, когда эти социальные влияния перестанут действовать на нас, и мы останемся наедине с собой, то чувства, пережитые нами, покажутся нам чем-то чуждым, в чем мы сами себя не узнаем. Мы замечаем тогда, что мы их гораздо более испытали, чем произвели. Случается даже, что они вызывают в нас отвращение: настолько они были противны нашей природе. Так, индивиды, при обыкновенных условиях совершенно безобидные, соединяясь в толпу, могут произвести акты жестокости. То, что мы говорим об этих мимолетных вспышках, применимо также и к тем более постоянным движениям общественного мнения, которые постоянно возникают вокруг нас или во всем обществе, или в более ограниченных кругах по поводу религиозных, политических, литературных, аристократических и др. вопросов.

Характерным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Какая-нибудь мысль, присущая сознанию всякого индивида, какое-нибудь движение, повторяемое всеми, не становятся от этого социальными фактами. Если этим признаком и довольствовались для их определения, то это потому, что их неправильно смешивали с тем, что может быть названо их индивидуальными воплощениями. К ним же принадлежат: верования, наклонности, обычаи группы, взятой коллективно; что же касается тех форм, в которые облекаются коллективные состояния, передаваясь индивидам, то последние представляют собой явления иного порядка. Различие их природы наглядно доказывается тем, что оба эти разряда актов встречаются часто отдельно. Действительно, некоторые из этих образов мыслей или действий приобретают вследствие повторения известную устойчивость, которая, так сказать, осаждаст их и изолирует от отдельных событий, их отражающих. Они как бы приобретают, таким образом, особое тело, особые, свойственные им, осязательные формы и составляют реальность *suí generis*, очень отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов. Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается раз навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, в которых религиозные или политические секты кратко выражают свои убеждения, кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр.

Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи действительно применяемы.

Конечно, эта диссоциация не всегда одинаково ясна. Но достаточно ее неоспоримого существования в поименованных нами важных и многочисленных случаях для того, чтобы доказать, что социальный факт отличен от своих индивидуальных воплощений. Сверх того, даже тогда, когда она не дается непосредственно наблюдением, ее можно часто обнаружить с помощью некоторых искусственных приемов; эту операцию даже необходимо произвести, если желают освободить социальный факт от всякой примеси и наблюдать его во всей его чистоте. Так, существуют известные течения общественного мнения, вынуждающие нас с различной степенью интенсивности, смотря по времени и стране, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к более или менее сильной производительности и т.п. Это, очевидно, социальные факты. С первого взгляда они кажутся неотделимыми от форм, принимаемых ими в отдельных случаях. Но статистика дает нам средство

изолировать их. Они, действительно, изображаются довольно точно цифрой рождаемости, браков и самоубийств, т.е. числом, получающимся от деления среднего годового итога браков, рождений, добровольных смертей на число лиц по возрасту способных жениться, производить, убивать себя. Так как каждая из этих цифр охватывает без различия все отдельные случаи, то индивидуальные условия, могущие принимать какое-нибудь участие в возникновении явления, взаимно нейтрализуются и вследствие этого не определяют этой цифры. Она выражает лишь известное состояние коллективной души (*de Fame collective*).

Вот что такое социальные явления, освобожденные от всякого постороннего элемента. Что же касается их частных проявлений, то и в них есть нечто социальное, так как они частично воспроизводят коллективную модель (*tin modele collectif*). Но каждое из них значительно зависит также и от психико-органической конституции индивида и от особых условий, в которые он поставлен. Они, следовательно, не социологические явления в собственном смысле этого слова. Они принадлежат одновременно двум областям и их можно было бы назвать социо-психическими (*socio-psychiques*). Они интересуют социолога, не составляя непосредственного предмета социологии. Точно так же и в организме встречаются явления смешанного характера, которые изучаются смешанными науками, как, например, биологической химией.

Но, скажут нам, явление может быть общественным лишь тогда, когда оно свойственно всем членам общества, или по крайней мере большинству из них, следовательно, при условии всеобщности. Без сомнения, но оно всеобще лишь потому, что социально (т.е. более или менее обязательно), а отнюдь не социально потому, что всеобще. Это - такое состояние группы, которое повторяется у индивидов, потому что оно внушается им. Оно находится в каждой части, потому что находится в целом, а вовсе не потому оно находится в целом, что находится в частях. Это особенно ясно относительно верований и обычаев, передающихся нам уже вполне сложившимися от предшествовавших поколений; мы принимаем и усваиваем их, потому что они, как произведения общественные и вековые, облечены особым авторитетом, который мы вследствие воспитания привыкли уважать и признавать. А надо заметить, что огромное большинство социальных явлений складывается этим путем. Но даже когда социальный факт возникает отчасти при нашем прямом содействии, природа его все та же. Коллективное чувство, вспыхивающее в собрании, выражает не только то, что было общего между всеми индивидуальными чувствами. Как мы указали, оно есть нечто совсем другое. Оно есть результат общей жизни, продукт действий и противодействий, возникающих между индивидуальными сознаниями; и если оно отражается в каждом из них, то это в силу той специальной энергии, которой оно обязано именно своему коллективному происхождению. Если все сердца бьются в унисон, то это не вследствие самопроизвольного и предустановленного согласия, а потому что их движет одна и та же сила в одном и том же направлении. Каждый увлечен всеми.

Итак, мы точно определили область социологии. Она обнимает лишь известную группу феноменов. Социальный факт узнается лишь по той внешней принудительности власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами, а присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида разойтись с ним. Его можно определить также и по распространению его внутри группы, если только, согласно с предыдущими замечаниями, будет прибавлено в виде второго и существенного признака, что он существует независимо от индивидуальных форм, принимаемых им при распространении.

Глава вторая

ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАБЛЮДЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ

Первое и основное правило состоит в том, что социальные факты нужно рассматривать как предметы (*des chases*).

1

В тот момент, когда известный класс явлений становится объектом науки, в уме человеческого существуют уже не только чувственные образы этих явлений, но и известные грубо составленные понятия о них. Так, еще до первых зачатков физики и химии у людей были уже известные понятия о физико-химических явлениях, выходявшие за пределы чистых восприятий: таковы, например, те понятия, которые примешаны ко всем религиям. Это значит, что на самом деле рефлексия предшествует науке, которая лишь пользуется ею при помощи более правильного метода. Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них новых идей, которыми он и руководится в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они отвечают, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и сделать их предметом наших размышлений. Вместо того, чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тогда, приведением в ясность наших идей, их комбинированием и анализом. Вместо науки о реальностях получается лишь анализ идей. Конечно, этот анализ не исключает непременно всякое наблюдение. К фактам могут обращаться для того, чтобы подтвердить эти понятия или сделанные из них выводы, но факты в этом случае являются чем-то второстепенным, в виде примеров или доказательств; они не служат предметом науки.

Последняя идет от идей к вещам, а не от вещей к идеям.

Едва она возникает, как уже исчезает и превращается в искусство. Действительно, означенные понятия признаются содержащими в себе все, что существенно в реальностях, так как их смешивают с самым реальным. Отсюда у них, по-видимому, есть все, что надо для того, чтобы не только привести нас к пониманию существующего, но и предписать нам то, что должно быть, и указать нам средство к осуществлению должного. Потому, что то хорошо, что сообразно с природой вещей, то же, что противно ей, плохо, и средства достигнуть одного и избежать другого вытекают из самой этой природы. Если, следовательно, мы постигаем ее сразу, то изучение существующей реальности не имеет более практического интереса, а так как лишь он служит побудительной причиной изучения, то последнее отныне становится бесцельным. Таким образом мысль получает толчок отвернуться от того, что составляет объект науки, от настоящего и прошедшего для того, чтобы одним прыжком устремиться в будущее. Вместо того, чтобы стараться понять факты, уже сложившиеся и реализованные, она принимается непосредственно за создание новых фактов, более отвечающих человеческим целям. Когда полагают, что знают сущность материи, сейчас же принимаются за разыскивание философского камня. Это захватывание науки искусством, мешающее первой развиваться, облегчается еще теми обстоятельствами, которые вызывают первое пробуждение научной рефлексии. Так как последняя появляется для удовлетворения жизненных потребностей, то она естественно обращается к практике. Нужды, которые она призвана облегчать, всегда настоятельны и потому торопят ее к выводам: они требуют не объяснений, а лекарств. Такой прием столь согласен с естественной склонностью нашего ума, что он встречается даже при начале физических наук - это он отличает алхимию от химии и астрологию от астрономии. Таков, по словам Бэкона, оспариваемый им метод ученых его времени. Понятия, о которых мы только что говорили, суть те *notiones vulgares* или *praenotiones*, которые он находил в основе всех наук, где они заменяют факты. Это *idola*, род признаков, искажающих истинный вид вещей, но принимаемых нами за сами вещи. И так как эта воображаемая среда не оказывает нашему уму никакого сопротивления, то он, не чувствуя никаких стеснений, предается безграничному честолюбию и считает

возможным построить или, скорее, перестроить мир одними своими силами по воле своих желаний.

Если таково было положение естественных наук, то еще более было оснований для подобного же положения социологии. Люди не дожидались социальной науки для того, чтобы составить себе понятия о праве, нравственности, семье, государстве, обществе, потому что они не могли жить без них. И в социологии более, чем где-нибудь, эти *praenotiones*, пользуясь выражением Бэкона, могут господствовать над умами и заменять собой вещи. Действительно, социальные явления создаются людьми, они являются продуктами человеческой реальности. Они, следовательно, не что иное, по-видимому, как осуществление присущих нам идей, врожденных или нет, не что иное, как применение их к различным обстоятельствам, отношения людей между собой. Организация семьи, договорных отношений, репрессивных мер, государства, общества являются, таким образом, простым развитием идей, имеющих у нас насчет общества, государства, справедливости и т.д. Вследствие этого, эти и аналогичные им факты, по-видимому, существуют лишь в идеях и благодаря идеям, которые являются их источником, а потому и истинным предметом социологии.

Этот взгляд окончательно подтверждается тем, что, так как явления социальной жизни во всей полноте своей недоступны непосредственному сознанию, то последнее воспринимает их недостаточно отчетливо для того, чтобы чувствовать их реальность. Так как для такого восприятия у нас нет достаточно близкой и прочной связи с ними, то они легко производят на нас впечатление чего-то ни к чему не прикрепленного, развевающегося в пустоте, чего-то полуреального и крайне искусственного. Вот почему столько мыслителей видели в социальных устройствах лишь искусственные и более или менее произвольные комбинации. Но если детали, или конкретные частные формы ускользают от нас, то мы, по крайней мере, составляем себе самые общие представления о коллективном бытии в целом и приблизительно, и эти-то схематические и общие представления и являются теми "предпонятиями" (*praenotiones*), которыми мы пользуемся в обыденных случаях жизни. Мы не можем, следовательно, и помыслить о том, чтобы усомниться в их существовании, так как замечаем последнее одновременно с нашим. Они существуют не только в нас (т.е. в нашей мысли), но, будучи продуктом повторных опытов, от повторения и происходящей отсюда привычки получают известного рода влияние и авторитет. Мы чувствуем их сопротивление, когда стараемся освободиться от них. А мы не можем не считать реальным того, что нам сопротивляется. Все, следовательно, приводит к тому, чтобы заставить нас видеть в них истинную социальную реальность.

И действительно, до сих пор социология почти исключительно рассуждала не о вещах, а о представлениях. Кант, правда, провозгласил, что социальные явления суть естественные факты, подчиненные естественным законам. Этим он признал их предметами, так как в природе существуют лишь предметы. Но, когда, выйдя за пределы этих философских обобщений, он пытается применить свой принцип и построить отвечающую ему науку, то делает объектом изучения лишь идеи. Действительно, главным содержанием его социологии является прогресс человечества во времени. Он отправляется от той идеи, что существует постоянная эволюция человеческого рода, заключающаяся во все более полной реализации человеческой природы, и ставит своей задачей отыскание порядка этой эволюции. Однако, если и предположить, что эта эволюция существует, то действительность ее существования может быть установлена лишь тогда, когда наука уже возникла, следовательно, ее можно было сделать объектом исследования, лишь выставляя ее, как концепцию разума, а не предмет. И действительно, это представление совершенно субъективно, фактически этого процесса человечества не существует.

Существуют же и представляются наблюдению лишь отдельные общества, рождающиеся, развивающиеся и умирающие независимо одно от другого. Если бы еще позднейшие служили продолжением предшествовавших, то каждый высший тип можно было бы рассматривать, как простое рассмотрение непосредственно низшего типа с небольшим прибавлением; можно было бы поставить их тогда одно за другим, соединяя в одну группу те, которые находятся на одинаковой ступени развития; и ряд, образованный таким образом, мог бы считаться представляющим человечество. Но факты не так просты. Народ, заступающий вместо другого народа, не является простым продолжением этого последнего с некоторыми новыми свойствами; он - иной, у него некоторых свойств больше, других - меньше; он составляет новую индивидуальность, и все эти отдельные индивидуальности, будучи разнородными, не могут слиться в один непрерывный ряд, особенно - в единственный ряд. Ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны. В общем, Кант принял за историческое развитие то понятие, которое он составил о нем, и которое немногим отличается от понятий толпы. Действительно, история, рассматриваемая издали, легко принимает этот простой и последовательный вид: видны лишь преемственно сменяющие друг друга ряды индивидов, идущих в одном и том же направлении, так как природа у них та же самая. Полагая, далее, что социальная эволюция не может быть ничем иным, как только развитием какой-нибудь человеческой идеи, вполне естественно определять ее тем понятием, которое составляют себе о ней люди. Однако, действуя таким образом, не только остаются в области идей, но делают еще объектом социологии представление, не имеющее в себе ничего собственно социологического.

Спенсер устраняет это представление, но лишь для того, чтобы заменить его другим, составленным по тому же образцу. Объектом науки он считает не человечество, а общества. Но он сейчас же дает такое определение последних, которое устраняет предметы, о которых он говорит для того, чтобы поставить на их место то предпонятие, которое у него о них существует. Действительно, он признает очевидным то положение, что "общество существует лишь тогда, когда совместное пребывание индивидов становится кооперацией", что лишь через этот союз индивидов становится обществом в собственном смысле этого слова. Затем, исходя из того принципа, что кооперация есть сущность социальной жизни, он разделяет общество на два класса, смотря по характеру господствующей в них кооперации. Существует, говорит он, самопроизвольная кооперация, которая выполняется непреднамеренно во время преследования целей частного характера; существует также сознательно установленная кооперация, имеющая в виду ясно признанные цели общественного интереса. Первые он называет промышленными, вторые военными; и об этом различии можно сказать, что оно является исходной идеей социологии.

Но это предварительное определение объявляет реальностью то, что есть лишь составленное умом представление.

Действительно, оно выдается за выражение непосредственно воспринимаемого и констатируемого наблюдением факта, так как оно формулировано в самом начале науки, как аксиома. А между тем невозможно узнать простым наблюдением, действительно ли кооперация составляет все в социальной жизни. Такое утверждение было бы научно законно лишь тогда, когда бы начали с обзора всех проявлений коллективного бытия и доказали, что все они являются различными формами кооперации. Следовательно, здесь также известное представление о социальной реальности заменяет собою эту реальность. Означенной формулой определяется не общество, а та идея, которую составил себе о нем Спенсер. И если он не испытывает никакого сомнения, действуя таким образом, то это потому, что и

для него общество есть и может быть лишь реализацией идеи, именно той самой идеи кооперации, посредством которой он его определяет. Легко показать, что в каждом отдельном вопросе, которого он касается, его метод остается одинаковым. Поэтому, хотя он и делает вид, что действует эмпирически, но так как факты, собранные в его социологии, скорее употреблены для иллюстрации анализов понятий, чем описания и объяснения явлений, то они лишь кажутся фигурирующими там в качестве аргументов. Действительно, все существенное в его учении может быть непосредственно выведено из его определения общества и различных форм кооперации. В самом деле, если у нас есть выбор лишь между тиранически вынужденной кооперацией и кооперацией самопроизвольной и свободной, то, очевидно, эта последняя и будет тем идеалом, к которому стремится и должно стремиться человечество.

Социальные явления суть предметы и, о них нужно рассуждать, как о предметах. Для того, чтобы доказать это положение, не нужно философствовать об их при-роде, разбирать их аналогию с явлениями низших царств. Достаточно указать, что для социолога они представляют единственное данное (datum). Предметом не называется все, что дается, что предлагается, или, скорее, навязывается наблюдению. Рассуждать о явлениях, как о предметах, - значит рассуждать о них, как о данных, составляющих точку отправления науки. Социальные явления бесспорно обладают этим характером. Наблюдению открыта не идея, составляемая людьми о ценности, - она ему недоступна, - а ценности, действительно обменивающиеся в сфере экономических отношений. Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение. Нам дано не понятие о полезном или о богатстве, а экономическая организация во всей ее полноте. Возможно, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, что все-таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь через посредство выражающих их явлений. Мы не знаем а priori, какие идеи лежат в основе различных течений, между которыми распределяется социальная жизнь, и существуют ли они; лишь дойдя по ним до их источников, мы узнаем, откуда они происходят.

Нам нужно, следовательно, рассматривать социальные явления сами в себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов, их нужно изучать извне, как внешние предметы, так как такими они предстают перед нами. Если этот характер внешности лишь кажущийся, то иллюзия рассеется по мере того, как наука будет подвигаться вперед, и мы увидим, как внешнее, так сказать, войдет вовнутрь. Но решения нельзя предвидеть заранее, и даже если бы в конце концов у них не оказалось существенных свойств предметов, их все-таки надо обсуждать так, как будто бы эти свойства у них были. Это правило, следовательно, прилагается ко всей социальной реальности в ее целом, без всякого исключения. Даже те явления, которые, по-видимому, представляют собою наиболее искусственные сочетания, должны быть рассматриваемы с этой точки зрения. Условный характер обычая или учреждения никогда не должен быть предполагаем заранее. Если, сверх того, нам будет позволено сослаться на нашу личную опытность, то мы можем уверять, что, действуя таким образом, часто имеешь удовольствие видеть, что факты, с виду самые произвольные, оказываются при внимательном наблюдении обладающими постоянством и правильностью, симптомами их объективности. Впрочем, сказано об отличительных признаках социального факта достаточно, чтобы успокоить нас относительно характера этой объективности и показать нам, что она не призрачна. Действительно, предмет узнается главным образом по тому признаку, что он не может быть изменен простым актом воли. Это не значит, что он не был подвержен никакому изменению. Но для того, чтобы произвести это изменение, недостаточно

пожелать этого, надо сделать еще более или менее напряженное усилие, вследствие того сопротивления, которое он оказывает, и которое, притом, не всегда может быть побеждено. А, как мы видели, социальные факты обладают этим свойством. Они не только не являются продуктами нашей воли, а сами определяют ее извне, они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия. Часто даже эта необходимость такова, что мы не можем избежать ее. Но если даже нам удастся восторжествовать, то сопротивление, встречаемое нами, уведомляет нас, что мы находимся в присутствии чего-то, от нас независимого. Следовательно, рассматривая социальные явления как предметы, мы лишь будем соотносываться с их природой.

Такова великая революция в области исследований данного рода. Все особые приемы, все новые методы, которыми обогатилась эта наука, суть лишь различные средства полнее осуществить эту основную идею. Этот же шаг нужно сделать и социологии. Нужно, чтобы из стадии субъективизма, из которой она еще не вышла, она перешла к объективизму.

Всякое научное исследование обращается на определенную группу явлений, отвечающих одному и тому же определению. Первый шаг социолога должен, следовательно, заключаться в определении тех предметов, о которых он будет рассуждать для того, чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь. Это первое и необходимое условие всякого доказательства и всякой проверки; действительно можно контролировать какую-нибудь теорию, лишь умея различать факты, о которых она должна дать отчет. Кроме того, так как это первоначальное определение устанавливает самый объект науки, то от него зависит, будет ли таким объектом предмет или нет.

Для того, чтобы оно было объективно, нужно, очевидно, чтобы оно выражало явление не на основании идеи о них разума, а на основании свойств, им присущих; нужно, чтобы оно характеризовало их по составным элементам их природы, а не по схожести их с более или менее идеальным понятием. В тот же момент когда исследование только что начинается, когда факты не подвергались еще никакой обработке, могут быть добыты лишь те их признаки, которые являются достаточно внешними для того, чтобы быть непосредственно видимыми. Несомненно, признаки, скрытые глубже, более существенны. Их ценность для объяснения явлений выше, но они не известны в этом фазисе науки и могут быть предвосхищены лишь в том случае, если реальность будет заменена каким-нибудь представлением разума. Следовательно, содержание этого основного определения нужно искать среди первых. С другой стороны, ясно, что это определение должно будет содержать в себе без исключения и различия все явления, обладающие теми же признаками, так как у нас нет ни основания, ни средств выбирать между ними. Эти признаки составляют тогда все известное нам о реальности; поэтому они должны иметь руководящее значение при группировке фактов. У нас нет никакого другого критерия, который мог бы, хотя отчасти, ограничить действие предыдущего. Отсюда следующее правило: "объектом исследования следует избирать лишь группу явлений, определенных предварительно некоторыми общими им внешними признаками и включать в это исследование все явления, отвечающие данному определению". Мы констатируем, например, существование действий, обладающих тем внешним признаком, что совершение их вызывает со стороны общества особую реакцию, называемую наказанием. Мы составляем из них группу *sui generis*, которую помещаем в одну общую рубрику. Мы называем преступлением всякое наказуемое действие и делаем его предметом особой науки криминологии. Точно так же мы наблюдаем внутри всех известных обществ существование еще отдельных маленьких обществ, узнаваемых нами по тому внешнему признаку, что они образованы из лиц, связанных между собою известными юридическими узами и

большей частью кровным родством. Из фактов, сюда относящихся, мы составляем особую группу и называем ее особым именем; это - явление семейной жизни. Мы называем семьей всякий агрегат подобного рода и делаем ее объектом специального исследования, не получившего еще определенного наименования в социологической терминологии. Переходя, затем, от семьи вообще к различным семейным типам, надо применять то же правило. Приступая, например, к изучению клана, или материнской семьи, или семьи патриархальной, надо начать с определения их по тому же самому методу. Предмет каждой проблемы, будь она общей или частной, должен быть установлен согласно с тем же самым принципом.

Действуя таким образом, социолог с первого шага вступает прямо в сферу реального. Действительно, такой способ классификации фактов зависит не от него, не от особого склада его ума, а от природы вещей. Признак, вследствие которого факты относятся к той или иной группе, не может быть указан всем, признан-всеми, и утверждения одного наблюдателя могут быть контролируемыми другими.

Правда, понятие, составленное таким образом, не всегда совпадает и даже обыкновенно не совпадает с обыденным понятием. Так, например, очевидно, что факты свободомыслия, или нарушения этикета, столь неуклонно и строго наказываемые во многих обществах, не считаются общим мнением преступными по отношению к этим обществам. Точно так же клан не есть семья в обыкновенном значении этого слова. Но это не важно, так как задача состоит не в том, чтоб открыть средство, позволяющее нам довольно верно находить факты, к которым прикрепляются слова нынешнего языка и идеи, ими выражаемые; а нам нужно установить новые понятия, приспособленные при помощи специальной терминологии. Это не значит, конечно, что обыденное понятие бесполезно для ученого; нет, оно служит указанием. Оно уведомляет нас, что существует какая-то группа явлений, соединенных под одним и тем же названием, и, следовательно, по всему вероятию имеющих известные общие свойства; так как оно всегда несколько отвечает явлениям, то иной раз может указывать нам, хотя и в общих чертах, в каком направлении нужно искать их. Но так как оно составлено грубо, то вполне естественно, что оно не вполне совпадает с научным понятием, составленным по его поводу.

Как бы очевидно и важно ни было это правило, оно совсем не соблюдается в социологии; именно потому, что в ней говорится о таких вещах, о которых мы говорим постоянно, как, например, семья, собственность, преступление и т.д., социологу кажется чаще всего бесполезным предварительно и точно определить их. Мы так привыкли пользоваться этими словами, беспрестанно употребляемыми нами в разговоре, что нам кажется бесполезным определять тот смысл, в которых мы их употребляем. Ссылаются просто на общепринятое понятие. Последнее же очень часто двусмысленно. Эта двусмысленность служит причиной того, что под одним и тем же термином и в одном и том же объяснении соединяют вещи, в действительности очень различные. Отсюда возникает неисправимая путаница.

Но скажут, определять явления по их видимым признакам, не значит ли давать поверхностным свойствам перевес над основными атрибутами; не значит ли это извратить логический порядок, опирать вещи на их вершины, а не на их основания?

Так, определяя преступление при помощи понятия о наказании, почти неизбежно подвергают себя обвинению в желании вывести преступление из наказания, или по известной цитате, в желании видеть источник стыда в эшафоте, а не в искупаемом действии. Но упрек покоится на смешении. Так как определение, правило которого мы только что дали, помещается в начале науки, то оно не может выражать сущность действительности, оно должно лишь доставить нам возможность достигнуть этого в будущем. Единственная его функция заключается в том, чтобы привести нас в соприкосновение с предметами, а так как последние доступны

разуму лишь извне, то оно и выражает их по их внешности. Но оно не объясняет их; оно доставляет лишь начальную точку опоры, необходимую нам для объяснения. Конечно, не наказание создает преступление, но лишь посредством его преступление обнаруживается внешним образом, и от него поэтому мы Должны отправляться, если хотим дойти до понимания преступления.

Приведенное возражение было бы обосновано лишь в том случае, если внешние признаки были в то же время случайными, т.е. если бы они не были связаны с основными свойствами. Действительно, при этих условиях наука, отметив их, не имела бы никакой возможности идти дальше; она не могла бы проникнуть глубже в реальность, так как не было бы никакого связующего звена между поверхностью и дном. Но если только принцип причинности не есть пустое слово, то в тех случаях, когда известные признаки одинаково и без всякого исключения встречаются во всех явлениях данной группы, можно быть уверенным, что они тесно связаны с природой этих явлений и что они отвечают ей. Если данная группа действий представляет одинаково ту особенность, что с ней связана уголовная санкция, то это значит, что существует тесная связь между наказанием и присущими этим действиям свойствами. Поэтому, как бы поверхностны ни были эти свойства, но сами они наблюдались с помощью правильного метода, они хорошо указывают ученому тот путь, по которому он должен следовать, чтобы проникнуть в глубину вещей; они являются первым и необходимым звеном той цепи, которую образуют объяснения науки.

Так как внешность предметов дается нам ощущением, то, резюмируя, можно сказать, что наука, чтобы быть объективной, должна отправляться не от понятий образовавшихся без нее, а от ощущений. Она должна заимствовать прямо у чувственных данных элементы своих первоначальных определений. И действительно достаточно представить себе, в чем состоит дело науки, чтобы понять, что она не может действовать иначе. Ей нужны представления, точно воспроизводящие предметы таковыми, каковы они суть, а не такими, какими их полезно представлять себе для практики. Те же представления, которые установились без ее помощи, не отвечают этому условию. Нужно, следовательно, чтобы она создала новые и чтобы для этого, устраняя общепринятые понятия и слова, их выражающие, она вернулась к ощущению, первой и необходимой основе всякого понятия.

От ощущения исходят все общие идеи, истинные и ложные, научные, или не научные. Точка отправления науки умозрительного знания не может, следовательно, быть иной, чем точка отправления обыденного или практического знания.

Лишь потом, в способе обработки общего содержания начинаются различия. Но ощущение легко может быть субъективным. Поэтому в естественных науках принято за правило устранять чувственные данные, рискующие быть слишком субъективными, и удерживать исключительно те, которые представляют достаточную степень объективности. Таким образом, физик заменяет неясные впечатления, производимые температурой или электричеством, зрительными представлениями колебаний термометра или электрометра. Социолог должен прибегать к тем же предосторожностям. Внешние признаки, на основании которых он определяет объект своих исследований, должны быть объективны, насколько только это возможно. Ложно принять за правило, что социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более освобождены они от индивидуальных фактов, их проявляющих.

Действительно, ощущение тем объективнее, чем постояннее объект, к которому оно относится, так как условием всякой объективности является существование постоянной и неизменной точки опоры, к которой могло бы быть отнесено представление и которая давала бы возможность исключить из него все изменчивое, т.е. субъективное. Если единственно данная основа изменчива и никогда не остается

себе равной, то нет никакой общей меры, и у нас нет никакого средства различать, что в наших впечатлениях зависит от внешнего мира и что исходит от нас. Но пока социальная жизнь не изолирована и не поставлена самостоятельно от воплощающих ее событий, она обладает именно этим свойством, вследствие того, что события эти в разных случаях и с минуты на минуту меняют свой вид и сообщают ей свою подвижность, раз она не отделена от них. Она состоит тогда из ряда свободных течений, которые постоянно находятся на пути к изменению и не могут быть схвачены взором наблюдателя в одной определенной форме. Значит, это не та сторона, с которой ученый может приступить к изучению социальной действительности. Но мы знаем, что последняя представляет ту особенность, что, не переставая быть самой собой, она способна кристаллизоваться. Вне индивидуальных действий, ими возбуждаемых, коллективные привычки выражаются в определенных формах, юридических и нравственных правилах, народных поговорках, фактах социальной структуры и т.д. Так как эти формы устойчивы и не меняются с различными применениями, делаемыми из них, то они составляют постоянный объект, постоянную меру, всегда доступную наблюдателю и не оставляющую места для субъективных впечатлений и чисто личных наблюдений. Постановление права есть то, что оно есть, и нет двух способов понимать его. Так как, с другой стороны, эти постановления являются лишь консолидированной социальной жизнью, то правильно - если нет указаний на противоположное - изучать последнюю через них.

Когда, следовательно, социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен попытаться рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений.

Мы можем, следовательно, выставить три следующих правила:

- 1) Социальный факт нормален для данного социального типа, рассматриваемого в определенном фазисе его развития, когда он имеет место в большинстве принадлежащих к этому виду обществ, взятых в соответствующем фазисе их эволюции.
- 2) Можно проверить выводы предшествующего метода, показав, что всеобщее распространение явления зависит от общих условий коллективной жизни данного социального типа.
- 3) Эта проверка необходима, когда факт относится к социальному виду, не закончившему процесса своего полного развития.

...Если же оставить в стороне индивида, останется лишь общество; следовательно, объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества. Действительно, раз оно бесконечно превосходит индивида как во времени, так и в пространстве, оно в силах внушить ему образы действий и мысли, освященные своим авторитетом. Это давление, являющееся отличительным признаком социальных фактов, есть давление всех на каждого.

Но, скажут, так как единственные элементы, из которых составлено общество, суть индивиды, то первичная основа социологических явлений может быть только психологической. Рассуждая таким образом, можно так же легко доказать, что биологические явления с помощью анализа объясняются явлениями неорганическими. Действительно, вполне достоверно, что в живой клетке находятся лишь молекулы неодушевленной материи. Только они ассоциированы в ней и эта ассоциация и служит причиной новых явлений, характеризующих жизнь; явлений, даже зародыш которых невозможно найти ни в одном из ассоциированных элементов. Это потому, что целое не тождественно сумме своих частей, оно является чем-то иным, со свойствами, отличными от свойств составляющих его элементов, ассоциация не есть, как думали прежде, явление само по себе безразличное, лишь

Внешним образом связующее добытые факты и констатированные свойства. Не является ли она, наоборот, источником всех своих новообразований, последовательно возникавших в течение общей эволюции? Какое же различие, если не различие в ассоциации, существует между низшими организмами и остальными, между живым организмом и клеткой, между последней и неорганическими молекулами, ее составляющими?

Все эти существа, в конце концов, разлагаются на элементы одной и той же природы; но эти элементы в одном случае слеплены, в другом - ассоциированы; в одном ассоциированы одним способом, в другом - другими. Мы имеем даже право спросить себя, не проникает ли этот закон и в минеральное царство и не отсюда ли происходят различия неорганических тел.

В силу этого принципа общество представляет не простую сумму индивидов, но систему, образовавшуюся от ассоциации их и представляющую реальность *suī generis*, наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний; но этого необходимого условия недостаточно. Нужно еще, чтобы эти сознания были ассоциированы скомбинированы известным образом; из этой комбинации вытекает социальная жизнь и потому эта комбинация и объясняет ее. Сплачиваясь друг с другом, взаимно дополняя и проникая друг в друга, индивидуальные души дают начало новому существу, если угодно, психическому, но представляющему психическую индивидуальность иного рода.

Следовательно, в природе этой индивидуальности, а не в природе составляющих ее единиц, нужно искать ближайших и определяющих причин относящихся к ней фактов. Группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были бы разъединены. Если, следовательно, отправляются от этих последних, то не поймут ничего из того, что происходит в группе. Одним словом, между психологией и социологией та же пропасть, как между биологией и науками физико-химическими. Поэтому, всякий раз, когда социальное явление прямо объясняется психическим явлением, можно быть уверенным, что объяснение ложно.

Быть может, возразят, что если общество, уже сложившееся, и является действительно ближайшей причиной социальных явлений, то, однако, причины, приведшие к образованию этого общества, психологические. В данном случае согласны с тем, что, когда индивиды ассоциированы, их ассоциация может произвести новую жизнь, но предполагают, что самая ассоциация может возникнуть лишь по причинам, коренящимся в индивиде.

Но в действительности, как бы далеко ни заглядывали в глубь истории, факт ассоциации окажется наиболее обязательным из всех, так как он источник всех других обязательств. Вследствие моего рождения я обязательно связан с определенным народом. Говорят, что впоследствии, сделавшись взрослым, я даю согласие на это обязательство уже тем, что продолжаю жить в моей стране. Но что за важность? Это согласие не лишает его повелительного характера. Принятое и охотно переносимое давление все-таки остается давлением. К тому же, какую силу может иметь это согласие? Во-первых, оно вынужденно, так как в огромнейшем большинстве случаев нам материально и нравственно невозможно отделаться от нашей национальности; такая перемена считается обыкновенно даже отступничеством. Затем, оно не может касаться прошлого, на которое мы не могли согласиться и которое, однако, определило настоящее: я не желал того воспитания, которое получил, оно же более всякой другой причины прикрепляет меня к родной почве. Наконец, это согласие не может иметь нравственной цены для будущего^А той мере, в какой последнее неизвестно. Я не знаю даже всех тех обязанностей, которые могут быть когда-нибудь наложены на меня как на гражданина; как же я

могу заранее согласиться на них? Источник же всего обязательного, как мы это доказали, находится вне индивида. Пока, следовательно, не выходят за пределы истории, факт ассоциации имеет тот же характер, как и остальные, и вследствие этого объясняется таким же образом. С другой стороны, так как все общества произошли от других обществ, то можно быть уверенным, что в течение всей социальной эволюции не было ни одного момента, когда индивидам приходилось бы решать, вступить ли им в общежитие, и в какое именно общежитие. Для того, чтобы поставить вопрос об этом, нужно было вернуться к началу великого общежития. Но всегда сомнительные решения подобных проблем ни в каком случае не могут поколебать тот метод, которому должны следовать при обсуждении доставленных историей фактов. Нам, следовательно, нет надобности останавливаться на них.

Но было бы странным непониманием нашей мысли, если бы из предыдущего вывели заключение, что социология, по нашему мнению, должна или может оставить в стороне человека и его способности. Наоборот, ясно, что общие свойства человеческой природы участвуют в выработке социальной жизни. Только не они вызывают ее и не они дают ей ее особую форму; они лишь делают ее возможной. Производящими причинами коллективных представлений, эмоций, стремлений являются не известные состояния индивидов, а условия, в которых находится социальное тело в его целом. Конечно, они могут реализоваться лишь при условии, что индивидуальные свойства не противятся этому; но последние являются лишь бесформенной материей, которую социальный фактор определяет и преобразует. Их содействие выражается исключительно в создании очень общих состояний, неясных и потому изменчивых предрасположений, которые сами по себе, без помощи постороннего фактора, не могли бы принять определенные и несложные формы, характеризующие социальные явления.

Мы пришли, таким образом, к следующему правилу: определяющая причина данного социального факта должна быть отыскиваема среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания. С другой стороны, вполне ясно, что все предыдущее относится как к определению функции, так и к определению причины. Функция социального факта может быть лишь социальной, т.е. она заключается лишь в производстве социально полезных результатов. Конечно, может случиться, и действительно случается, что отраженным путем он служит также и индивиду. Но этот счастливый результат непосредственно его не оправдывает. Мы можем, следовательно, дополнить предыдущее положение, сказав, что: функции социального факта надо искать в его отношении к какой-нибудь социальной цели.

Вследствие того, что социологи часто забывали это правило и рассматривали социальные явления со слишком психологической точки зрения, их теории и кажутся многим умам слишком туманными, шаткими и удаленными от особой природы явлений, которые они хотят объяснить. Особенно историк, близко знакомый с социальной реальностью, не может резко не почувствовать, насколько неспособны эти слишком общие толкования связать факты; и отсюда, без сомнения, происходит отчасти то недоверие, которое часто высказывала история к социологии. Это, конечно, не значит, что изучение психических фактов не нужно социологу. Если коллективная жизнь и не вытекает из жизни индивидуальной, то все же они тесно между собою связаны; если вторая не может объяснить первую, то она может, по крайней мере, облегчить ее объяснение. Во-первых, как мы указали, бесспорно, что социальные факты являются результатами особой обработки фактов психических. Но, кроме того, сама эта обработка отчасти аналогична той, которая происходит во всяком индивидуальном знании и постепенно все более видоизменяет составляющие его первичные элементы (ощущения, рефлексy, инстинкты). Не без основания можно сказать о "Я", что оно само есть общество так же, как и организм,

хотя и иного рода, и давно уже психологи отметили всю важность факта ассоциации для объяснения жизни духа. Знакомство с психологией еще больше, чем изучение биологии, составляет необходимую пропедевтику для социо-лога. Но оно будет полезно ему лишь в том случае, если он, приобретая его освободится от его подавляющего влияния и выйдет за пределы данных психо-логии, дополняя их изучением специально социологическим. Нужно, чтобы он отказался делать из психологии в некотором роде центр своих операций, от которого должны исходить и к которому должны возвращаться его экскурсии в мир социальных явлений; нужно, чтобы он проник в сокровенную глубь социальных фактов, наблюдал их прямо, непосредственно, ища в науке об индивидуе лишь общей подготовки, а в случае нужды и полезных указаний.

Так как факты социальной морфологии носят тот же характер, что и факты физиологические, то при объяснении их также следует руководствоваться только что изложенными правилами. Однако из предыдущего следует, что им принадлежит господствующая роль в коллективной жизни, а вследствие этого и в социологической науке.

Действительно, если факт ассоциации, как мы это указывали выше, имеет решающее значение для явлений, то последние должны изменяться вместе с формами этой ассоциации, т.е., смотря по способам группировки составных частей обществ. А так как, с другой стороны, известное целое, образующееся от соединения разнородных элементов, входящих в состав общества, образует внутреннюю среду последнего, точно так же, как совокупность анатомических элементов, известным образом соединенных и размещенных в пространстве, составляет внутреннюю среду организмов, то можно сказать: начало каждого социального процесса, представляющего некоторую важность, должно быть отыскиваемо в устройстве внутренней социальной среды.

Можно даже пойти еще далее. Действительно, элементы, составляющие эту среду, двоякого рода: предметы и люди. В число предметов нужно включить, кроме находящихся в обществе материальных предметов, еще продукты предшествовавшей социальной деятельности: действующее право, укоренившиеся нравы, артистические и литературные памятники и пр. Очевидно, однако, что ни от той, ни от другой группы предметов не может исходить толчок к социальным преобразованиям; они не содержат в себе никакой двигательной силы. Конечно, при объяснении этих преобразований их нужно принимать в расчет. Они, действительно, имеют некоторое значение для социальной эволюции; в зависимости от них изменяются ее быстрота и даже направление; но в них нет ничего, что могло бы привести ее в движение. Они представляют собою материю, к которой прилагаются живые силы общества, но сами по себе не развивают никакой живой силы. Следовательно, активным фактором остается собственно другой элемент среды - люди.

Поэтому главное усилие социолога должно быть направлено к тому, чтобы найти различные свойства этой среды, способные оказать влияние на развитие социальных явлений.

Однако то преобладающее значение, которое мы приписываем социально среде и, в частности, среде человеческой, не значит, что в ней нужно видеть последний и основной факт и что дальше идти незачем. Очевидно, напротив, что состояние ее в каждый исторический момент зависит от социальных причин и одни из этих причин присущи самому обществу, а другие зависят от взаимодействия этого общества с соседними. Кроме того, наука не знает первых причин в абсолютном значении этого слова. Для нее основным фактом является факт, достаточно общий для того, чтобы объяснить значительное число других фактов. Социальная среда несомненно есть именно такой фактор, так как происходящие в ней изменения, каковы бы ни были их

причины, отражаются во всех направлениях в социальном организме и не могут не затронуть более или менее всех его функций.

Сказанное нами об общей среде общества вполне применимо и к среде всякой группы, заключающейся в обществе. Так, например, смотря по большей или меньшей многочисленности и замкнутости семьи, резко изменяется характер домашней жизни. Точно так же, если бы профессиональные корпорации изменились таким образом, что каждая из них распространилась бы по всей территории, вместо того, чтобы оставаться как прежде заключенной в пределах одной общины, то очень изменилась бы и их деятельность. Говоря вообще, профессиональная жизнь будет совсем иной, смотря по тому, будет ли среда, пригодная для каждой профессии, организована прочно, или же слабо, как теперь. Однако действие этих специальных сред не может быть так же важно, как действие общей среды, так как первые подвержены влиянию последней и к ней приходится всегда возвращаться. Ее давление на частные группы и обуславливает изменения в их устройстве.

Этот взгляд на социальную среду, как на определяющий фактор коллективной эволюции, в высшей степени важен, так как если отбросить его, то социология не сможет установить никакой причинной зависимости.

Действительно, раз устранен этот разряд причин, то не существует совокупности условий, от которых могли бы зависеть социальные явления, так как если внешняя социальная среда, т.е. среда, составленная окружающими обществами, и способна иметь какое-нибудь влияние, то лишь на оборонительные и наступательные действия общества и, кроме того, она может обнаружить свое влияние лишь через посредство внутренней социальной среды. При признании ее причиной главные причины исторического развития находились бы не среди текущих событий, а лежали бы всецело в прошлом. Они сами были бы частями этого развития, лишь более-древними его фазисами. Современные события социальной жизни вытекали бы не из современного состояния общества, а из событий предшествовавших, из исторического прошлого, и социологические объяснения сводились бы исключительно к установлению связи между прошлым и настоящим.

Правда, может показаться, что этого достаточно. Не говорят ли обыкновенно, что цель истории состоит именно в том, чтобы связать события в порядке их преемственности? Непонятно, однако, каким образом данная ступень цивилизации может служить определяющей причиной следующей за ней ступени культурного развития. Этапы, которые постепенно пробегает человечество в своем культурном развитии, не возникают одни из других. Понятно, успехи, достигнутые в определенную эпоху в юридическом, экономическом, политическом строе и т.д.. делают возможным дальнейшие успехи, но в чем же они их предопределяют? Они служат точкой отправления, позволяющей нам идти дальше, но что же побуждает нас идти Дальше? Здесь нужно было бы допустить внутреннее стремление, толкающее Человечество идти все дальше и дальше, или для того, чтобы вполне выразить свою природу, чтобы увеличить свое счастье, и задачей социологии было бы тогда отыскание порядка развития этого стремления. Но даже оставляя в стороне все трудности, связанные с этой гипотезой, во всяком случае надо признать, что закон, выражающий это развитие, не устанавливает никакого отношения. Действительно, Последнее может быть установлено лишь между двумя данными фактами, а указанное стремление, признаваемое причиной развития, не дано, оно лишь предположено и выведено разумом из тех действий, которые ему приписывают. Эту роль двигательной способности, которую мы для уяснения себе движений воображаем лежащую в их основе; однако, действительной причиной какого-нибудь движения может быть лишь другое движение, а не подобная способность к движению. Следовательно, экспериментальным путем мы нашли бы лишь ряд изменений, между которыми нет причинной связи. Предшествующее состояние не производит

последующее, отношение между ними исключительно хронологическое. При таких условиях никакое научное предсказание невозможно. Мы можем сказать, как явления следовали друг за другом до сих пор, но не можем знать, как они будут следовать друг за другом в будущем, потому что причина, от которой они зависят, не определена и не может быть определена наукой. Правда обыкновенно допускают, что эволюция будет продолжаться в том же направлении в каком она шла раньше, но это простое предположение. Ничто не убеждает нас что реализованные факты достаточно полно выражают характер указанного стремления для того, чтобы можно было предсказать тот предел, к которому она стремится, по пройденным им стадиям развития. Почему направление, в котором оно развивается и которое оно сообщает, должно быть прямолинейным?

Вот почему фактически число причинных отношений, установленных социологами, так ограничено. За немногими исключениями, наиболее блестящим примером которых является Монтескье, древняя философия истории старалась только открыть общее направление, в котором движется человечество, не пытаясь связать фазисы этой эволюции с каким-нибудь сопутствующим условием. Как ни велики услуги, оказанные Контом социальной философии, но пределы, в которые он заключает социологическую проблему, не отличаются от предыдущих. Поэтому его знаменитый закон трех стадий развития не выражает никакого отношения причинности; даже если он верен, он все же может быть лишь эмпирическим. Это общий, суммированный взгляд на протекающую историю человечества. Вполне произвольно Конт считает третью стадию конечным состоянием человечества. Откуда мы знаем, что в будущем не возникнет нового состояния? Наконец, закон, господствующий в социологии Спенсера, по-видимому, такого же характера. Даже если правда, что теперь мы склонны искать счастье в промышленной цивилизации, то ничто не убеждает нас в том, что в будущем мы не будем искать его в чем-нибудь другом. Распространенность и устойчивость рассматриваемого метода объясняется тем, что в социальной среде видели средство, которым реализуется прогресс, а не причину, которой он определяется.

С другой стороны, отношением к этой среде должна измеряться также полезность, или, как мы сказали, функция социальных явлений. Среди причиняемых ею изменений пригодны лишь те, которые отвечают ее состоянию, так как она является необходимым условием коллективного существования. С этой точки зрения, только что изложенный взгляд является, думается нам, решающим, потому что лишь он объясняет, каким образом полезный характер социальных явлений может изменяться, не находясь в то же время в зависимости от произвольных устройств.

Конечно, если представить себе социальную эволюцию движимой известным рода *vis a tergo*, толкающей людей вперед, то, как это движущее стремление может иметь лишь одну цель, оно может дать лишь один масштаб для определения полезности или вредности социальных явлений. Отсюда следует, что существует и может существовать лишь один тип социальной организации, вполне пригодный для человечества, и что различные исторические общества являются лишь последовательными приближениями к этому единому образцу. Нет надобности доказывать, насколько подобная прямолинейность непримирима с признанным теперь разнообразием и сложностью социальных форм.

Если, наоборот, учреждения могут быть пригодны или непригодны лишь по отношению к данной среде, то, так как эти среды различны, существуют различные масштабы для оценки, и вследствие этого типы, качественно вполне отличны друг от друга, могут быть одинаково обоснованы природой социальной среды.

Вопрос, о котором мы сейчас говорили, тесно связан с вопросом об установлении социальных типов. Если существуют социальные виды, то это значит, что кол

лективная жизнь зависит прежде всего от комбинаций условий, представляющий известное разнообразие.

Если бы, наоборот, главные причины социальных явлений были все в прошлом, то каждый народ был бы лишь продолжением народа предшествовавшего, разные общества потеряли бы свою индивидуальность и стали бы лишь различными моментами одного и того же развития.

С другой стороны, так как организация социальной среды настолько зависит от способа образования социальных агрегатов, так что оба эти выражения в сущности даже синонимы, то у нас есть теперь доказательство того, что нет признаков более существенных, чем указанные нами, как основание социологической классификации.

Наконец, теперь ясно более, чем прежде, насколько несправедливо было бы основываясь на словах "внешние условия" и "среда", обвинять наш метод в том, что он ищет источники жизни вне живого.

Совсем наоборот, все только что прочитанные рассуждения сводятся к той идее что причины социальных явлений находятся внутри общества.

В желании вывести внутреннее из внешнего можно было бы скорее упрекнуть ту теорию, которая выводит общество из индивида, потому что она объясняет социальное существование чем-то отличным от него и хочет вывести целое из части. Изложенные принципы так мало игнорируют самобытный характер всего живого что, если применить их к биологии и психологии, то придется признать, что индивидуальная жизнь также вырабатывается всецело внутри индивида.

... Конечно, мы считаем принуждение характеристическим признаком всякого социального факта. Но это принуждение вытекает не из более или менее хитрых уловок, имеющих целью скрыть от людей те западни, в которые они сами себя поймали. Оно обязано своим происхождением тому, что индивид оказывается в присутствии силы, перед которой он преклоняется, которая над ним господствует, но эта сила естественная. Она вытекает не из договорного устройства, возникшего по воле человека, а из сокровенных недр данной реальности и является необходимым продуктом данных причин. Поэтому для того, чтобы принудить индивида добровольно подчиниться ему, не нужно прибегать ни к какому ухищрению; достаточно, чтобы он осознал свою естественную зависимость и слабость, чтобы он составил себе о них или символическое, или чувственное представление при помощи религии, или определенное и точное понятие при помощи науки.

Так как превосходство общества над индивидом не только физическое, но интеллектуальное и нравственное, то ему нечего бояться свободного исследования, если только последнее ведется правильно. Разум, показывая человеку, насколько социальное бытие богаче, сложнее, прочнее бытия индивидуального, может лишь открыть ему ясные основания требуемого от него повиновения для чувств привязанности и уважения, которые привычка запечатлела в его сердце.

Поэтому лишь очень поверхностная критика может упрекнуть наш взгляд на общественное принуждение в том, что он повторяет теорию Гоббса и Маккиавели. Но если, в противоположность этим философам, мы утверждаем, что социальная жизнь естественна, то это не значит, что мы находим источник ее в природе индивида; это значит только, что она прямо вытекает из коллективного существа, которое само по себе является реальностью *sui generis*; это значит, что она получается от той специальной обработки, которой подвергаются индивидуальные сознания в силу факта ассоциации и откуда берет свое начало новая форма существования.

Следовательно, если мы и согласимся с одними в том, что она представляется индивиду в виде принуждения, то признаем вместе с другими, что она есть самопроизвольный продукт особой реальности; и эти два элемента, на первый взгляд

противоречащие друг другу, логически объединяются тем, что производящая ее реальность превосходит индивида. Это значит, что в нашей терминологии слова принуждение и самопроизвольность не имеют того смысла, какой Гоббс придает первому, а Спенсер - второму.

В общем большинство попыток рационально объяснить социальные факты можно упрекнуть или в том, что они уничтожают великую мысль о социальной дисциплине, или в том, что они могут поддержать ее лишь с помощью лживых уверток. Изложенные правила допускают, наоборот, построение социологии, кото-рая видела бы в дисциплине существенное условие всякой общей жизни, основывая ее на разуме и истине.

Глава шестая

ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

I

У нас есть только одно средство доказать, что одно явление служит причиной другого, это - сравнить случаи, когда они одновременно присутствуют или отсутствуют, и посмотреть, не свидетельствуют ли изменения, представляемые этими различными комбинациями обстоятельств о том, что одно зависит от другого. Когда они могут быть воспроизведены искусственно, по воле исследователя, метод является экспериментальным в собственном смысле этого слова. Когда же, наоборот, произведение фактов не в нашем распоряжении, и мы можем сравнивать лишь факты, возникшие не по нашей воле, тогда употребляемый метод является косвенно экспериментальным, или сравнительным.

Мы видели, что социологическое объяснение заключается исключительно в установлении причинной связи, или в открытии причины явления, или в определении полезных следствий данной причины. С другой стороны, так как социальные явления, очевидно, ускользают от власти исследователя, то сравнительный метод - единственный пригодный для социологии. Конт, правда, нашел его недостаточным и счел необходимым дополнить его, так называемым, историческим методом, но причиной такого взгляда является особое понимание социологических законов. Последние, по его мнению, должны выражать главным образом не отношения причинности, а то направление, в котором вообще движется человеческая эволюция; они не могут быть, следовательно, открыты при помощи сравнений, так как для того, чтобы иметь возможность сравнить разные формы, принимаемые социальными явлениями у различных народов, нужно сперва отделить их от их преходящих форм. Если же начать с такого раздробления развития человечества на отделы, то окажется невозможным определять его направление. Для того, чтобы определить последнее, нужно начать не с анализа, а с широкого синтеза; нужно сблизить и соединить в одной и той же инструкции преемственные стадии развития человечества так, чтобы заметить "постоянное развитие каждого физического, интеллектуального, морального и политического состояния". Таково основание этого метода, называемого Контом историческим и, в случае непризнания осново-го начала контовской социологии, лишенного всякого объекта.

Правда, Милль объявил экспериментальный метод, даже косвенный, неприменимым к социологии, но его аргументация утрачивает значительную долю своей силы оттого, что он применяет ее одинаково к биологическим явлениям и даже к наиболее сложным физико-химическим фактам; но теперь излишне доказывать, что химия и биология могут быть лишь науками экспериментальными. Нет, следовательно, причины считать более обоснованными и суждения Милля, касающиеся социологии, потому что социальные явления отличаются от предыдущих лишь большей сложностью. Это различие может быть причиной того, что употребление экспериментального метода в социологии представляет больше трудности, чем в других науках, но не видно, почему бы оно было вполне невозможно.

Вся эта теория Милля покоится на постулате, связанном, несомненно, с основными принципами его логики, но противоречащего всем выводам науки. Действительно, он признает, что одно и то же последующее не всегда вытекает из одного и того же предыдущего, а может зависеть то от одной причины, то от другой. Это представление о причинной связи, отнимая у нее всякую определенность, делает ее почти недоступной научному анализу, потому что вносит такую сложность в переплетающуюся цепь причин и следствий, что ум теряется в ней безвозвратно. Если следствие может вытекать из разных причин, то для того, чтобы узнать, что определяет его при данных обстоятельствах, нужно было бы произвести опыт при условии такого изолирования, которое совершенно неосуществимо, особенно в социологии.

Но эта пресловутая аксиома множественности причин есть отрицание принципа причинности. Конечно, если согласиться с Миллем, что причина и следствие - абсолютно гетерогенны, что между ними не существует никакой логической связи, то нет никакого противоречия в том, чтобы допустить, что какое-нибудь следствие может вытекать то из одной, то из другой причины. Если связь, соединяющая С с А - чисто хронологическая, то она не исключает другую связь того же рода, которая соединила бы, например, С с В. Если же, наоборот, причинная связь допускает определение ее, то она не может быть настолько неопределенной. Если она представляет собою отношение, вытекающее из природы вещей, то известное следствие может стоять в причинной зависимости лишь от одной причины, так как оно может выразить лишь одну природу. Но лишь философы сомневались в познаваемости причинной связи. Для ученого она является уже решенным вопросом и предполагается самым методом науки. Как иначе объяснить и столь важную роль Дедукции в экспериментальных науках, и основной принцип пропорциональности между причиной и следствием? Что же касается тех случаев, которые приводятся в подтверждение, и в которых предполагается множественность причин, то для того, чтобы они имели доказательную силу, нужно было бы предварительно установить или то, что эта множественность не просто кажущаяся, или что внешнее единство следствия не скрывает в себе действительной множественности. Сколько раз науке приходилось сводить к единству причины, множественность которых казалась на первый взгляд несомненной. Стюарт Милль сам дает пример этого, указывая, что по современным теориям производство теплоты трением, ударом, химическим Действием, и т.д. вытекает из одной и той же причины. Наоборот, когда дело касается следствия, ученый часто различает то, что смешивает толпа. По ходящим воззрениям, слово лихорадка обозначает одну и ту же болезнь, для науки же существует много специфики различных лихорадок и множественность причин находится в связи со множественностью следствий; если же между всеми этими видами существует нечто общее, то это потому, что причины их тоже сходны в некоторых своих свойствах. Тем важнее изгнать этот принцип из социологии, что многие социологи до сих пор находятся под его влиянием, даже тогда, когда они не возражают против применения сравнительного метода.

Так, обыкновенно говорят, что преступление может быть одинаково вызвано самыми различными причинами; что то же имеет место относительно самоубийства, наказания и т.д. Если вести опытное исследование в таком направлении, то, сколько бы ни соединяли значительных фактов, никогда не получают точных законов, определенных отношений причинности. При таких условиях можно лишь связать плохо определенное последующее с неясной и неопределенной группой предшествующих. Если, следовательно, применять сравнительный метод научно т.е. сообразуясь с тем принципом причинности, который устанавливается самой наукой, то за основание делаемых сравнений нужно принять следующее положение: одному и тому же следствию соответствует всегда одна и та же причина. Так

пользуясь вышеприведенными примерами, если самоубийство зависит от многих причин, то это значит, что в действительности существует несколько видов самоубийств. То же самое можно сказать и о преступлении. Для наказания же наоборот-признать, что оно одинаково хорошо объясняется различными причинами, значит не замечать общего всем его antecedентам элемента, в силу которого они и производят свое общее действие.

II

Однако, если различные приемы сравнительного метода и применимы к социологии, то не все они имеют для нее одинаковую доказательную силу.

Так называемый метод остатков, хотя и составляет одну из форм экспериментального метода, не имеет, однако, никакого применения в изучении социальных явлений. Он может иметь место лишь в довольно развитых науках, так как предполагает известным большое количество законов; притом социальные явления слишком сложны для того, чтобы в каком-либо данном случае можно было бы точно вычесть действие всех причин, кроме одной.

Та же причина делает затруднительной применение метода согласия и метода различий. Действительно, они предполагают, что сравнительные случаи или совпадают, или различаются только в одном пункте. Конечно, нет науки, которая была бы в силах когда-либо произвести опыты, относительно которых было бы неоспоримо установлено, что они совпадают или различаются только в одном пункте. Никогда нельзя быть уверенным, что не пропущено какое-нибудь обстоятельство, совпадающее или различающееся так же и в то же время, как и единственное известное. Между тем, хотя полное исключение всякого случайного элемента является идеалом, которого в действительности нельзя достигнуть, но фактически физико-химические и даже биологические науки достаточно приближаются к нему для того, чтобы в значительном числе случаев доказательство их могло бы считаться практически достаточным. Совсем иное дело в социологии вследствие слишком большой сложности явлений и связанной с ней возможности произвести искусственный опыт. Как нельзя составить даже приблизительно полный список всех фактов, сосуществующих в данном обществе или преемственно сменявших друг друга в течение его истории, так никогда нельзя быть, даже в некоторой степени, уверенным, что два народа совпадают или различаются во всех отношениях, кроме одного. Шансов пропустить какое-нибудь явление больше, нежели шансов заменить их все. Следовательно, такой метод доказательств может породить лишь предположения, которые сами по себе совсем лишены всякого научного характера.

Но совсем другое дело метод сопутствующих изменений. Действительно, для того, чтобы он имел доказательную силу, не нужно, чтобы все изменения, отличные от сравниваемых, были строго исключены. Простая параллельность изменений, совершающаяся в двух явлениях, если только она констатирована в достаточном числе довольно разнообразных случаев, служит доказательством наличности между ними причинного отношения. Преимущество этого метода заключается в том, что с помощью его причинная связь настигается не извне, как в предыдущих методах, а изнутри. Он обнаруживает нам не внешнюю только связь двух фактов, при которой они сопровождают или исключают друг друга, но при которой ничто прямо не доказывает наличности внутренней связи между ними, наоборот, он обнаруживает нам их соответствие друг другу и соответствие постоянное, по крайней мере, в количественном отношении. Уже одного этого соответствия достаточно, чтобы доказать, что они не чужды друг другу. Способ развития какого-нибудь явления выражает его природу; для того, чтобы процессы развития двух явлений соответствовали друг другу, необходимо соответствие выражаемых ими свойств. Постоянная параллельность изменений есть, следовательно, сама по себе -закон, каково бы ни было состояние явлений, остающихся вне сравнений. Поэтому, чтобы

уничтожить ее, недостаточно показать, что она опровергается некоторыми отдельными случаями применения метода согласия или различия. Это значило бы приписать этому роду доказательств такое значение, какого они не могут иметь в социологии. Когда два явления регулярно изменяются параллельно друг другу, следует признавать между ними это отношение даже тогда, когда одно из этих явлений появилось без другого, так как может случиться, или что действие враждебной причины - ее следствие, или же что следствие находится налицо, но в другой форме, чем та, которую наблюдали перед этим. Конечно, есть повод пересмотреть снова факты, но не надо отбрасывать сразу результаты правильно веденного доказательства.

Правда, законы, добытые этим методом, не всегда представляются сразу в форме отношений причинности. Сопутствие изменений может зависеть не от того, что одно явление есть причина другого, а от того, что оба они следствия одной и той же причины, или от того, что между ними существует третье промежуточное, но не замеченное явление, которое есть следствие первого и причина второго. Результаты, к которым приводит этот метод, должны быть, следовательно, подвергнуты толкованию. Но какой же экспериментальный метод позволяет открыть причинное отношение механически, без того, чтобы установленные им факты не нуждались в обработке разумом? Важно только, чтобы эта обработка совершалась под руководством правильного метода. Метод, пригодный для нее, следующий. Сперва надо искать дедуктивным путем, каким образом один из двух членов отношения мог произвести другой; затем, надо постараться проверить результат этой дедукции при помощи опытов, то есть новых сравнений. Если дедукция возможна и проверка удалась, то доказательство можно считать оконченным. Наоборот, если между этими фактами не заметят никакой прямой связи, особенно же если гипотеза такой связи противоречит уже доказанным законам, то нужно приступить за разыскивание третьего явления, от которого оба другие одинаково зависят, или которое могло бы служить промежуточным между ними. Можно установить, например, самым достоверным образом, что склонность к самоубийству изменяется параллельно со стремлением к образованию, но невозможность понять, каким образом образование ведет к самоубийству; такое объяснение противоречило бы законам психологии. Образование, особенно же начальное образование, затрагивает лишь самые поверхностные области сознания; наоборот, инстинкт самосохранения является одной из наших основных склонностей. Следовательно, он не может быть чувствительно затронут столь отдаленным и слабо отражающимся фактором. Таким образом, является вопрос, не представляют ли оба факта следствия одного и того же состояния. Этой общей причиной является ослабление традиционных религиозных верований, которое одновременно усиливает потребность в знании и склонность к самоубийству.

Существует еще другая причина, делающая метод сопутствующих изменений главным орудием социологических исследований. Действительно, даже при наиболее благоприятных для них обстоятельствах другие методы могут быть употреблены с пользой лишь тогда, когда число сравниваемых фактов очень значительно. Хотя и нельзя найти двух обществ, сходных или различающихся лишь в одном пункте, однако можно по крайней мере констатировать, что два факта очень часто сопровождают или исключают друг друга. Но для того, чтобы такое констатирование имело научную ценность, нужно, чтобы оно было сделано очень большое число раз, нужно быть почти уверенным, что все факты были рассмотрены. Одна-ко, столь полный перечень не только невозможен, но и факты, собранные таким образом, не могут быть установлены с достаточной точностью, именно потому, что они слишком многочисленны.

При таких условиях не только рискуешь проглядеть факты, весьма существенные и противоречащие уже признанным, но нельзя быть вполне уверенным и в надлежащем знании этих последних. Рассуждения социологов часто многое утрачивали оттого, что они применяли предпочтительно методы согласия, или различия, особенно первый, и занимались более собиранием документов, чем их критикой и выбором. Так, они беспрестанно ставят на одну доску сбивчивые и наскоро сделанные наблюдения путешественников и точные тексты истории. Относительно подобных доказательств можно сказать не только, что достаточно одного факта, чтобы разрушить их, но и что факты, на которых они основаны, не всегда внушают доверие.

Методы сопутствующих изменений не принуждают нас ни к таким неполным перечислениям, ни к таким поверхностным наблюдениям. Для того, чтобы посредством его получить надлежащие результаты, достаточно несколько фактов. Как только доказано, что в известном числе случаев два явления изменяются одинаково, можно быть уверенным в существовании в данном случае известного закона. Так как нет необходимости, чтобы документы были многочисленны, то они могут быть тщательно выбраны и изучены пользующимся ими социологом. Главным содержанием своих индукций он может и потому должен сделать те общества, верования, традиции, нравы и право которых воплотились в достоверных и письменных памятниках.

... уже при поверхностном знакомстве с социальными явлениями бываешь поражен той удивительной правильностью, с какою они воспроизводятся при одних и тех же обстоятельствах. Даже обычаи, самые мелочные и с виду самые пустые, повторяются с самыми поразительным единообразием. Такой свадебный обряд, по видимому, чисто символический, как похищение невесты, встречается повсюду, где существует известный семейный тип, связанный, в свою очередь, с целою политической организацией. Самые причудливые обычаи, как, например, экзогамия, брак со свояченицей и пр., наблюдаются у самых различных народов и являются симптомами известного социального состояния. Право завещать появляется в определенном фазисе истории и, смотря по более или менее важным ограничениям, которым оно подвергается, можно угадать, с каким моментом социальной эволюции имеешь дело. Можно бы без труда увеличить число подобных примеров. Эта же распространенность коллективных форм была бы необъяснима, если бы причины-цели имели в социологии тот перевес, который им приписывают.

Следовательно, когда собираются объяснить социальное явление, должны исследовать отдельно производящую его причину и выполняемую им функцию. И в этом отдаем предпочтение термину функция перед словом цель именно потому, что социальные явления возникают обыкновенно не в виду полезных результатов, ими производимых. Важно же определить, существует ли и в чем состоит соответствие между рассматриваемым фактом и общими потребностями социального организма, не занимаясь вопросом, намеренно оно или нет. Притом все эти вопросы о намерении слишком объективны для того, чтобы обсуждаться научно.

Обе эти проблемы должны рассматриваться отдельно и первая раньше второй. Действительно, такой порядок вполне отвечает порядку фактов. Естественно искать причину явлений прежде, чем пытаться определить его следствия. Такой метод тем более логичен, что решение первого вопроса часто облегчает решение второго. Действительно, связь причины со следствием носит характер взаимной солидарности, до сих пор недостаточно признаваемый. Конечно, следствие не может существовать без своей причины, но эта последняя, в свою очередь, нуждается в своем следствии. Следствие получает от причины свою энергию, но при случае возвращает ей ее и, следовательно, не может исчезнуть без ущерба для нее. Например, общественная реакция в форме наказания обязана своим существованием

интенсивности коллективных чувств, оскорбляемых преступлением, но, с другой стороны, она имеет ту полезную функцию, что поддерживает данную степень интенсивности этих чувств и последние не замедлили бы ослабеть, если бы испытываемые ими оскорбления не были наказываемы. Точно так же, по мере возрастающей сложности и подвижности социальной среды, вполне сложившиеся верования и традиции начинают колебаться, становятся менее определенными и более гибкими, а способность к отвлечению развивается. Но сама эта способность необходима обществам и индивидам для того, чтобы они могли приспособиться к более подвижной и более сложной среде. По мере того, как люди вынуждаются к более интенсивному труду, продукты этого труда становятся более многочисленными и лучшего качества; но эти более обильные и лучшие продукты необходимы для того, чтобы вознаградить расходы, возникающие от более значительного труда. Таким образом, причина социальных явлений состоит не в предшествующем мысленном представлении той функции, которую они призваны исполнять, а, на-против, эта функция состоит, по крайней мере, во многих случаях в том, чтобы поддержать прежде возникшую причину, от которой они произошли; следовательно, первую найдут легче, если вторая уже известна.

Но хотя определение функции и стоит на втором плане, оно все-таки необходимо для того, чтобы объяснение явления было полным. Действительно, если полезность факта и не есть причина его существования, то все-таки обыкновенно он должен быть полезен для того, чтобы сохранить свое существование. Для того, чтобы быть вредным, ему достаточно быть бесполезным, потому что в этом случае он ничем не окупает своей стоимости. Следовательно, если бы большинство социальных явлений обладало этим паразитарным характером, то бюджет организма пришел бы к дефициту и социальная жизнь была бы невозможна.

Поэтому, для того чтобы дать о последней удовлетворительное понятие, необходимо показать, каким образом составляющие ее явления совокупными усилиями стремятся привести общество в состояние внешней и внутренней гармонии. Конечно, ходящая формула, определяющая жизнь как соответствие между средой внутренней и внешней, лишь приближительна; тем не менее в общем она правильна и потому для объяснения какого-либо жизненного факта недостаточно указать вызвавшую его причину; нужно еще - по крайней мере в большинстве случаев - найти, какая часть работы приходится на его долю в установлении общей гармонии.

Раз оба эти вопроса различены, нам нужно определить метод, которым они должны быть разрешены.

Метод, которым обыкновенно пользуются социологи для объяснения, одновременно, и психологический по существу своему, и телеологический.

Оба эти признака тесно между собою связаны. Действительно, если общество является лишь системой средств, создаваемых людьми для достижения известных целей, то эти цели могут быть лишь индивидуальными, так как до общества могли существовать только индивиды. Следовательно, идеи и потребности, определившие образование обществ, исходят от индивида, а если все исходит от него, то все по необходимости должно найти в нем свое объяснение. С другой стороны, в обществе существуют лишь отдельные сознания, следовательно, в последних и находится источник всякой социальной эволюции. С этой точки зрения социологические законы могут быть лишь короллариями более общих психологических законов; последнее объяснение коллективной жизни будет состоять в узаконении, каким образом она вытекает из человеческой природы вообще, в виде ее и из этого источника или непосредственно, без предварительных наблюдений, или же с помощью последних.

Почти дословно этими выражениями характеризует Конт свой метод: "Так как, - говорит он, - в основе социальных явлений, взятых в целом, лежит лишь простое

развитие человеческих способностей - без создания каких-либо новых способностей, то, как это установлено мною выше, все способности, которые могут быть постепенно открыты социологическим наблюдением, должны заключаться, по крайней мере, в зародыше, в первичном типе, заранее установленном для социологии биологией". Объясняется это тем, по его мнению, что господствующим фактом социальной жизни является прогресс, а он зависит исключительно от психического фактора, именно, от стремления человека все более и более развивать свою природу. Социальные факты вытекают как будто бы столь непосредственно из человеческой природы, что первые фазисы истории прямо могут быть из нее выведены без предварительных наблюдений. Правда, по признанию самого Конта, невозможно применить этот дедуктивный метод к более поздним периодам эволюции. Но эта невозможность чисто практическая. Она происходит оттого, что расстояние между исходной и данной точками становится слишком значительным для того, чтобы человеческий ум не подвергся опасности заблудиться, если бы он собрался пройти его без руководителя. Но отношение между основными законами человеческой природы и последними результатами прогресса остается все-таки аналитическим. Самые сложные формы цивилизации являются лишь развитием психической жизни. Поэтому даже тогда, когда психические теории являются недостаточными в качестве посылок социологического рассуждения, они все-таки остаются пробным камнем, при помощи которого испытывается законность добытых индукцией положений. "Всякий закон последовательности социальных явлений, - говорит Конт, - как бы авторитетно ни указывал его исторический метод, - должен быть принят окончательно лишь после того, как он, прямо или косвенно, но происходит при упадке каждого вида с тем, что бывает в первые моменты существования следующего вида. Руководясь таким примером, считали возможным утверждать, например, что ослабление религиозных верований и всякого традиционализма может быть лишь переходным моментом в жизни народов, потому что оно появляется лишь в последний период их существования и прекращается с началом новой эволюции. Но при таком методе можно принять за правильный и необходимый ход прогресса то, что есть следствие совсем другой. Действительно, состояние молодого общества не есть продолжение тех состояний, до которых дошли в конце своей жизни замененные им общества, но "роисходит отчасти и от самой этой молодости, мешающей им утилизировать оные результаты опытов предшественников. Так, ребенок получает от своих родителей способности и предрасположения, получающие применение в его жизни лишь позднее. Следовательно, возвращаясь к первому примеру, можно сказать, что возврат к традиционализму, наблюдаемый в начале истории каждого общества, обязан своим происхождением не тому, что противоположное явление бывает только переходным моментом, а вытекает из особых условий, в которых находится всякое начинающее общество. Сравнение может иметь доказательную силу лишь с исключением этого препятствующего фактора - возраста; для устранения его достаточно рассматривать сравниваемые общества в одинаковом периоде их развития. Так, для того чтобы узнать, в каком направлении развивается данное социальное явление, нужно сравнить состояние его в эпоху молодости данного вида с состоянием его в эпоху молодости следующего вида и, смотря по тому, представляется ли оно более, менее, или столь же развитым при переходе от одной ступени к другой, можно будет сказать, что данное явление прогрессирует, идет назад или остается неподвижным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В общем, отличительные признаки изложенного метода следующие.

Во-первых, он независим от всякой философии. Так как социология возникла из великих философских доктрин, то она сохранила привычку опираться на какую-

нибудь систему, с которой она, таким образом, оказывается солидарной. Так, она была последовательно позитивной, эволюционной, спиритулистической, тогда как она должна быть просто социологией. Мы поколебались бы даже назвать ее натуралистической, если только этим термином не будет просто обозначено, что она считает специальные факты объяснимыми естественными причинами, и в этом случае эпитет бесполезен, так как он только обозначает, что социолог - не мистик и занимается наукой. Но мы отвергаем это слово, если ему придают доктринальное значение, касающееся сущности социальных явлений, если, например, подразумевают, что последние могут быть сведены на другие космические силы. Социологии не следует принимать сторону какой-нибудь из великих метафизических гипотез. Ей не нужно утверждать ни свободы, ни детерминизма. Она требует только признания, что социальные явления подчинены закону причинности. Даже это начало установлено ею не как непреложный постулат разума, а как начало эмпирическое - законный продукт правильной индукции. Так как закон причинности признан для других отделов природы и признание его господства постепенно расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических на явления биологические, от последних - на мир явлений психических, то можно допустить, что он одинаково верен и для мира социального, и надо прибавить, что исследования, вызванные признанием этого начала, стремятся подтвердить его. Но вопрос, не исключает ли природа причинной связи всякую случайность, этим еще не решается. К тому же сама философия очень заинтересована в этой эмансипации социологии. Потому что, пока социолог не освободился вполне от влияния философа, он рассматривает социальные явления с их наиболее общей стороны, с той, с которой они более всего походят на другие явления вселенной. Если же, находясь в таком положении, социология не может иллюстрировать философию интересными фактами, то не может обогатить ее новыми взглядами, потому что она не отмечает ничего нового в том предмете, который изучает. Но в действительности, если основные факты других областей и повторяются в сфере социальных явлений, то лишь в особых формах, делающих их природу более понятной, потому что они являются высшим ее выражением. Но только для того, чтобы видеть их с этой стороны, нужно выйти за пределы общностей и обратиться к подробному изучению таких фактов. Таким образом, социология по мере того, как она специализируется, доставляет все более оригинальный материал для философского размышления.

Э.Дюркгейм О РАЗДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА

* Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.

ПРОГРЕССИВНОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОГО

Механическая солидарность, существующая вначале одна, или почти одна, прогрессивно утрачивает почву; мало-помалу берет верх органическая солидарность; таков исторический закон. Но когда изменяется способ, каким люди солидарны, то не может не измениться строение общества. Форма тела непременно изменяется, раз молекулярные сродства не те же, что прежде. Следовательно, если предыдущее положение верно, то должны существовать два социальных типа, соответствующих этим двум родам солидарности.

Если попытаться мысленно установить идеальный тип общества, связь которого зависела бы исключительно от сходств, то должно представить его себе, как абсолютно однородную массу, части которой не отличаются друг от друга и, следовательно, не приложены друг к другу, которые, словом, лишены всякой определенной формы и организации. Это была бы настоящая социальная протоплазма,

зародыш, откуда возникли все социальные типы. Мы предлагаем назвать характеризованный таким образом агрегат ордой.

Правда, еще не наблюдали доподлинно общества, которое бы во всем соответствовало этим признакам. Однако можно постулировать его существование, так как низшие общества, т.е. те, которые наиболее близки к этой первобытной стадии, образованы путем простого повторения агрегатов этого рода. Почти совершенный образец этой социальной организации мы находим у индейцев Северной Америки. Например, всякое ирокезское племя состоит из некоторого числа частных обществ (самое большое обнимает 8 таких обществ), которые все представляют указанные нами черты. Взрослые обоих полов там равны между собой. Находящиеся во главе всякой из этих групп сахемы и вожди, совет которых управляет общими делами племени, не пользуются никаким преимуществом. Само родство тоже не организовано, ибо нельзя дать этого имени распределению масс по поколениям. В ту позднюю эпоху, когда стали наблюдать эти народы, существовали, правда, некоторые специальные обязанности, связывавшие ребенка с его родственниками по матери; но эти отношения сводились к весьма немногочисленным и не отличались заметно от тех, которые он поддерживал с другими членами общества. В принципе все индивиды одного возраста были родственниками друг другу в одной и той же степени. В других случаях мы еще ближе подходим к орде; Fison и Howit описывают австралийские племена, которые содержат только два из этих делений.

Мы даем название клана орде, которая перестала быть самостоятельной и стала элементом более обширной группы, и даем имя сегментарных обществ с клановой основой народам, составившимся из ассоциации кланов. Мы говорим об этих обществах, что они сегментарны, чтобы указать, что они образованы повторением подобных между собой агрегатов, аналогичных кольцам кольчатых; а об этом элементарном агрегате, что он - клан, так как это слово прекрасно выражает его природу, в одно и то же время семейную и политическую. Это - семья в том смысле, что все составляющие ее члены смотрят на себя, как на родственников, и что на деле они в большинстве случаев единокровные родственники. Именно порождаемые общностью крови сродства, главным образом, держат их соединенными. Кроме того они поддерживают между собой отношения, которые можно назвать семейными, так как их встречают в обществах, семейный характер которых неоспорим. Я говорю о коллективной мести, о коллективной ответственности и - с тех пор, как появляется индивидуальная собственность - о взаимном наследовании. Но с другой стороны, это не семья в настоящем смысле слова, ибо, чтобы составить часть ее, не необходимо иметь с другими членами клана определенные отношения единокровности. Достаточно представить внешний признак, который вообще состоит в факте обладания тем же именем. Хотя предполагается, что этот знак указывает на общее происхождение, подобное гражданское состояние составляет, в действительности, очень мало доказательное и весьма легко имитируемое свидетельство. Поэтому клан насчитывает многих иностранцев, и это позволяет ему достигнуть размеров, которых никогда не имеет собственно семья; он обнимает очень часто несколько тысяч человек. Кроме того - это основная социальная единица. Главы кланов - единственные общественные власти.

Эту организацию можно бы назвать политико-фамильной. Но не только клан имеет в основе единокровность; весьма часто различные кланы одного народа рассматривают друг друга как родственников. Ирокезы - смотря по обстоятельствам - обращаются между собой, как братья или двоюродные братья. У евреев, которые, как мы увидим, принадлежат к тому же социальному типу, родоначальник каждого из кланов, составляющих племя, предполагается происходящим от основателя этого последнего, который, в свою очередь, рассматривается как один из сыновей отца

расы. Но это наименование имеет перед предыдущим то неудобство, что не выдвигает выпукло существенной черты строения этих обществ.

Но как бы ни называть эту организацию, она, точно так же, как организация орды, продолжение которой она составляет, не допускает, очевидно, другой солидарности, кроме той, которая происходит от сходств, так как общество образовано из подобных сегментов, а эти последние, в свою очередь, заключают только однородные элементы. Без сомнения, каждый клан имеет собственную организацию и, следовательно, отличается от других; но солидарность тем слабее, чем они разнообразнее, и наоборот. Для возможности сегментарной организации, необходимо, чтобы сегменты были подобны между собой, без чего они не были бы соединенными, и в то же время, чтобы они отличались, без чего они потерялись бы друг в друге и исчезли бы. В разных обществах эти противоположные требования удовлетворяются в разных пропорциях; но социальный тип остается тем же.

На этот раз мы вышли из области доисторического и догадок. Этот социальный тип не представляет ничего гипотетического; едва ли он не наиболее распространен между низшими обществами; а известно, что они наиболее многочисленны. Мы уже видели, что он был общим в Америке и Австралии. Пост отмечает его, как весьма обычный у африканских негров; евреи на нем остановились, и кабилы не перешли его. Поэтому Вайц, желая характеризовать общим образом строение тех народов, которые он называет *Naturvolker*, обрисовывает их следующими словами, в которых мы найдем общие черты описанной нами организации: "Вообще семьи живут одни подле других в большой независимости и развиваются мало-помалу, образуя небольшие общества (читай кланы), не имеющие внутренней организации, пока внутренние усобицы или внешние опасности, вроде войны, не выделяют одного или нескольких человек из массы и не поставят их во главе ее. Их влияние, основывающееся единственно на личных заслугах, не простирается и не продолжается далее границ, отмеченных доверием или терпением других. Всякий взрослый по отношению к такому вождю остается в состоянии полной независимости... Вот почему мы видим, как такие народы, не имея другой внутренней организации, держатся вместе только в силу внешних обстоятельств и вследствие привычки к общей жизни".

Расположение кланов внутри общества и, следовательно, конфигурация этого последнего могут, правда, изменяться. То они просто расположены друг подле друга, образуя как бы линейный ряд: это мы встречаем у многих племен североамериканских индейцев. То каждый из них - и это уже печать высшей организации - заключен в более обширной группе, которая, образовавшись через соединение нескольких кланов, имеет собственную жизнь и особое имя; каждая из этих групп, в свою очередь, может быть заключена со многими другими в еще более обширный агрегат, и из этого ряда последовательных включений вытекает единство общества в целом. Так у кабиллов политическая единица - это клан, определившийся в форме села (*djemmaa* или *thaddart*) несколько *djemmaa* образуют племя (*arch*), а несколько племен образуют конфедерацию (*thak ebilt*), высшее политическое общество, известное кабилам. Точно так же у евреев клан это то, что переводчики так несвойственно называют семьей, - крупное общество, заключавшее тысячу лиц, происшедших, по преданию, от одного предка. Известное число семей образовывало племя, а соединение двенадцати племен составляло еврейское общество. С другой стороны, заключение этих сегментов один в другой более или менее герметично, вследствие чего связь этих обществ изменяется от состояния, почти абсолютно хаотического, до совершенного морального единства, которое представляет еврейский народ.

Эти общества - излюбленное место механической солидарности, и именно от нее истекают их главные физиологические черты.

Мы знаем, что религия здесь пронизывает всю социальную жизнь, но это потому, что социальная жизнь здесь состоит почти исключительно из общих верований и обычаев, получающих от единодушной связи совсем особую интенсивность. Восходя одним анализом классических текстов до эпохи, вполне аналогичной той, о которой мы говорим, Фюстель де-Куланж открыл, что первобытная организация обществ была семейной природы и что, с другой стороны, устройство первобытной семьи имело основой религию. Только он принял причину за следствие. Положив в основу религиозное представление, не выводя его из ничего, он вывел из него наблюдаемые им социальные структуры, тогда как, наоборот, эти последние объясняют могущество и природу религиозного представления. Так как все эти социальные массы были образованы из однородных элементов, т.е. так как в них коллективный тип был очень развит, а индивидуальные типы рудиментарны, то неизбежно было, что вся психическая жизнь приняла религиозный характер. Отсюда же происходит коммунизм, так часто отмеченный у этих народов. Действительно, коммунизм необходимый продукт этой специальной связи, поглощающий индивида в группе, часть в целом. Собственность, в конце концов, это только расширение личности на вещи. Значит, там, где существует одна коллективная личность, собственность также не может не быть коллективной. Она сможет стать индивидуальной, когда индивид, выделяясь из массы, станет также личным, отдельным существом, не только в качестве организма, но и как фактор социальной жизни.

Таким образом, механическая концепция общества не исключает идеала, и напрасно упрекают ее в том, что она делает из людей недействительных свидетелей их собственной истории. В самом деле, что такое идеал, как не предвосхищенное представление желаемого результата, реализация которого возможна только благодаря самому этому предвосхищению? Из того, что все делается по законам, не следует, что нам делать нечего. Может найдут такую цель мизерной, так как в результате дело идет о том, чтобы дать нам жить в состоянии здоровья. Но это не значит забыть, что для культурного человека здоровье состоит в правильном удовлетворении самых возвышенных потребностей, как и других, ибо первые не менее, чем вторые внедрились в его природу. Правда, такой идеал близок и открываемые им горизонты не имеют ничего беспредельного. Он ни в коем случае не может состоять в том, чтобы сверх меры экзальтировать силы общества, но только в том, чтобы развивать их в пределах, указанных определенным состоянием социальной среды. Всякое излишество - зло, как и всякая недостаточность. Но какой идеал можно себе поставить? Стараться реализовать цивилизацию, высшую той, какую требует природа окружающих условий, это значит хотеть обострить болезнь в том самом обществе, часть которого составляешь; ибо невозможно перевозбудить коллективную деятельность сверх пределов, указанных состоянием социального организма, не рискуя его здоровьем. И действительно, во всякую эпоху существует некоторая утонченность цивилизации, о болезненном состоянии которой свидетельствуют сопровождающие ее всегда беспокойство и тревога. Но болезнь не представляет ничего желательного.

Однако, если идеал всегда определен, то он никогда не закончен. Так как прогресс есть следствие изменений, совершающихся в социальной среде, то нет никакого основания полагать, что он когда-нибудь кончится. Для этого необходимо было бы, чтобы в известный момент среда стала стационарной. Но такая гипотеза вряд ли допустима. Пока будут существовать различные общества, число социальных единиц по необходимости будет изменчивым в каждом из них. Предполагая даже, что число рождений начнет когда-нибудь держаться на постоянном уровне, постоянно будут существовать передвижения населения из страны в страну, вследствие насильственных ли завоеваний или вследствие медленных и тихих

инфильтраций. Невозможно, действительно, чтобы наиболее сильные народы не пытались инкорпорировать более слабые; это - механический закон социального равновесия не менее необходимый, чем тот, который управляет равновесием жидкостей. Чтобы было иначе, нужно было бы, чтобы все человеческие общества имели одинаковую жизненную энергию и плотность, что неосуществимо хотя бы в силу разнообразия местообитания.

Правда, этот источник изменений иссяк бы, если бы человечество в целом образовало одно только общество. Но помимо того, что мы не знаем, осуществим ли такой идеал, нужно было бы еще, чтобы внутри этого гигантского общества отношения между социальными единицами были также ограждены от всяких изменений. Нужно было бы, чтобы они постоянно были распределены одним и тем же образом; чтобы не только целый агрегат, но и всякий из элементарных агрегатов, из которых он бы состоял, сохранял те же размеры. Но такое однообразие невозможно по одному тому, что эти частные группы не имеют все одинакового объема и жизненности. Население не может быть концентрировано одинаковым образом на всех пунктах; неизбежно, что самые крупные центры, где жизнь наиболее интенсивна, оказывают на другие притяжение, пропорциональное их значению. Происходящие таким образом миграции имеют следствием большее концентрирование социальных единиц в некоторых областях и, следовательно, новое прогрессирование, мало-помалу иррадиирующее из фокуса своего возникновения на остальную часть страны. С другой стороны, эти изменения влекут за собой другие в путях сообщений, которые, в свою очередь, вызывают еще другие, так что невозможно сказать, где прекращаются эти отражения. В действительности, общества по мере своего развития не только не приближаются к стационарному состоянию, но, наоборот, становятся более подвижными и пластичными.

Если, тем не менее, Спенсер мог допустить, что социальная эволюция имеет предел, который не может быть перейден, то потому, что, согласно его взглядам, прогресс не имеет другого *raison d'être*, кроме приспособления индивида к окружающей его космической среде. Для этого философа совершенствование состоит в приращении индивидуальной жизни, т.е. в более полном совпадении организма с его физическими условиями. Что касается общества, то это скорее одно из средств, с помощью которых устанавливается это соответствие, чем член особого соответствия. Так как индивид не находится один на свете, а окружен соперниками, оспаривающими у него средства к существованию, то прямой интерес для него установить такие отношения между собой и себе подобными, чтобы эти последние не препятствовали, а служили ему; так возникает общество, и весь социальный прогресс состоит в улучшении этих отношений таким образом, чтобы заставить их полнее производить результат, в видах которого они были установлены. Таким образом, несмотря на биологические аналогии, на которых Спенсер так настаивал, он не видит в обществе собственно реальности, существующей самой по себе, в силу особых и необходимых причин, реальности, которая повелительно навязывается человеку со своей собственной природой и к которой он должен приспособляться точно так же, как к физической среде; эта комбинация, устроенная индивидами, чтобы растянуть индивидуальную жизнь "в длину и ширину". Она целиком состоит в кооперации, как положительной, так и отрицательной, и обе не имеют другой цели, кроме приспособления индивида к его физической среде. Без сомнения, в этом смысле она вторичное условие этого приспособления; она может, смотря по способу, каким она организована, приблизить человека или отдалить его от совершенного равновесия, но она не есть сам фактор, способствующий определению природы этого равновесия. С другой стороны, так как космическая среда одарена относительным постоянством, так как изменения в ней медленны и редки, то развитие, имеющее целью поставить нас в гармонию с ней, необходимо ограни-

ченно. Неизбежно наступает момент, когда нет более внешних отношений, которыми бы не соответствовали внутренние отношения. Тогда социальный прогресс не сможет не остановиться, так как он придет к цели, к которой стремился и которая была его *raison d'être*: он окончится.

Но при этих условиях становится необъяснимым прогресс индивида.

Действительно, почему стремится он к этому более совершенному соответствию: с физической средой? Чтобы быть счастливее? Мы уже высказались на этот счет. Нельзя сказать о соответствии, что оно полнее, чем другое, потому только, что оно сложнее. В самом деле, об организме говорят, что он в равновесии, когда он отвечает известным образом не всем внешним силам, но только тем, которые производят впечатления на него. Если есть такие, которые его не касаются, то они как бы не существуют для него и, следовательно, к ним не приходится приспосабливаться. Какова бы ни была их материальная близость, они находятся вне круга его приспособления, потому что они находятся вне сферы их действия. Значит, если субъект простого и однородного строения, то существуют только немногочисленные внешние обстоятельства, способные побуждать его, и, следовательно, он будет в состоянии отвечать на все эти побуждения, т.е. осуществить состояние безусловного равновесия, с весьма незначительными издержками. Если, наоборот, он счет сложен, то условия приспособления будут многочисленнее и сложнее, но само приспособление не будет от этого полнее. Так как на нас действуют многие возбуждения, которые оставляли нечувствительной нервную систему прежнего человека, то мы вынуждены для приспособления к ним прибегнуть к более значительному) Развитию. Но продукт этого развития, т.е. вытекающее из него приспособление, не совершеннее в одном случае, чем в другом; оно только различно, так как приспособляющиеся организмы сами различны. Дикий, эпидерма, которого не чувствует особенно колебаний температуры, так же хорошо приспособлен к ним, как и цивилизованный человек, защищающийся с помощью одежды.

Итак, если человек не зависит от переменной среды, то непонятно, в силу чего мог бы он изменяться; поэтому общество не вторичный, а главный фактор прогресса. Оно - реальность, которая - столько же малое дело наших рук, как и внешний мир; мы, следовательно, должны приноровиться к ней, чтобы быть в состоянии существовать, и раз она изменяется, должны изменяться и мы. Следовательно, для прекращения прогресса необходимо, чтобы настал момент, когда социальная среда пришла бы в стационарное состояние, а мы только что видели, что такая гипотеза не имеет за собой никакой научной вероятности.

Таким образом, механическая теория прогресса не только не лишает нас идеала, но позволяет нам думать, что мы никогда не будем лишены его. Именно потому, что идеал зависит от социальной среды, которая по существу подвижна, он непрерывно изменяется. Поэтому нет основания опасаться, что когда-нибудь у нас не будет почвы, что наша деятельность придет к концу своего поприща и увидит перед собой закрытый горизонт. Хотя мы преследуем только определенные и ограниченные цели, всегда между крайними пунктами, до которых мы дошли, и целью, к которой мы стремимся, будет пустое, открытое для наших усилий, пространство.

Вместе с обществами видоизменяются и индивиды в силу изменений, происходящих в числе социальных единиц и в их отношениях.

Во-первых, они все более освобождаются от ига организма. Животное находится почти исключительно в зависимости от физической среды; его биологическое строение определяет наперед его существование. Человек, наоборот, зависит от социальных причин. Конечно, животные также образуют общества; но, так как они весьма ограничены, то коллективная жизнь в них весьма проста; она в то же время стационарна, так как равновесие таких незначительных обществ по необходимости

устойчиво. По двум этим причинам она легко закрепляется в организме; она не только имеет в нем свой корень, но целиком воплощается в него, так что теряет свои собственные черты. Она функционирует благодаря системе инстинктов, рефлексов, не отличающихся по существу от тех, которые обеспечивают функционирование органической жизни. Они представляют, правда, ту особенность, что приспособливают индивида к социальной среде, а не к физической, что имеют причинами явления общей жизни; однако, они не другой природы, чем те, которые в известных случаях, без предварительного воспитания, вызывают необходимые для летания и ходьбы движения. Совсем иное видим мы у человека, так как образуемые им общества обширнее; даже самые небольшие группы превосходят по величине большинство животных обществ. Будучи более сложными, они также более изменчивы, и эти две причины вместе производят то, что социальная жизнь в человечестве не закрепляется в биологической форме. Даже там, где она наиболее проста, она сохраняет свою специфичность. Постоянно существуют верования и обычаи, которые общи людям, не будучи начертанными в их тканях. Но эта черта становится резче по мере приращения социального вещества и плотности. Чем более ассоциировавшихся лиц и чем больше они воздействуют друг на друга, тем более также продукт этих воздействий выходит за пределы организма. Человек, таким образом, оказывается во власти причин *sui generis*, относительная доля которых в устройстве человеческой природы становится все значительнее.

Более того: влияние этого фактора увеличивается не только относительно, но и абсолютно. Та же причина, которая увеличивает значение коллективной (социальной) среды, влияет на органическую среду так, что делает ее более доступною действию социальных причин и подчиняет ее им. Так как больше индивидов живут вместе, то общая жизнь богаче и разнообразнее; но, чтобы это разнообразие было возможно, необходима меньшая определенность органического типа, необходимо, чтобы он был в состоянии разветвляться. Мы видели, действительно, что стремления и способности, передаваемые по наследству, становятся все более неопределенными, следовательно, более неспособными облечься в форму инстинктов. Таким образом происходит явление, обратное как раз тому, которое наблюдается в начале эволюции. У животных организм ассимилирует социальные данные и лишает их социальной природы, превращая в биологические данные. Социальная жизнь материализуется. В человечестве, наоборот (особенно в высших обществах), социальные причины становятся на место органических.

Вследствие этого изменения индивид видоизменяется. Так как та деятельность, которая перевозбуждает специальное действие социальных причин, не может закрепиться в организме, то к телесной жизни присоединяется новая жизнь, также *sui generis*. Черты, отличающие эту более сложную, более свободную, более независимую от поддерживающих ее органов жизнь, становятся все резче по мере того, как она прогрессирует и укрепляется. По этому описанию можно узнать существенные черты психической жизни. Без сомнения, было бы преувеличением утверждать, что психическая жизнь начинается только с обществами, но верно то, что она принимает большие размеры только тогда, когда общества развиваются. Вот почему, как это часто замечали, прогресс сознания находится в обратном отношении к прогрессу инстинкта. Что бы об этом ни говорили, не первое разлагает последний; инстинкт, продукт накопленных в течение поколений опытов, обладает слишком большою силою сопротивления, чтобы перестать существовать только потому, что он становится сознательным. Истина в том, что сознание захватывает лишь те области, которые покинул инстинкт, или те, где он не может установиться. Не оно заставляет его отступать; оно только заполняет оставляемое им свободное пространство. С другой стороны, если он регрессирует, вместо того чтобы увеличиваться с увеличением общей жизни, то причина этого лежит в большей

важности социального фактора. Таким образом, крупное различие между человеком и животным, именно, большее развитие его психической деятельности, сводится к его большей общественности. Чтобы понять, почему психические функции с первых шагов человека были подняты на неизвестную животным степень совершенства, надо было бы сперва узнать, каким образом случилось, что люди, вместо того чтобы жить одиноко или небольшими группами, стали образовывать более обширные общества. Если, повторяя классическое определение, человек - разумное животное, то потому, что он общественное животное или, по крайней мере, бесконечно более общественное, чем другие животные.

Это не все. Пока общества не достигают известных размеров и известной степени концентрации, единственная истинно развитая психическая жизнь это та, которая обща всем членам группы, которая тождественна у каждого. Но по мере того, как общества становятся обширнее и, особенно, плотнее, возникает психическая жизнь нового рода. Индивидуальные различия, сначала затерянные и слившиеся в массу социальных сходств, выделяются из нее, становятся рельефнее. Масса Данных, оставшихся вне сознания, так как они не затрагивали коллективного существа, становятся объектами представлений. Между тем как прежде индивиды Действовали только увлекаемые друг другом, кроме случаев, когда их поведение вызывалось физическими потребностями, - теперь всякий из них становится Источником самопроизвольной деятельности. Устанавливаются отдельные личности, которые начинают сознавать себя, и, однако, это приращение индивидуальной психической жизни не ослабляет, а видоизменяет только социальную. Она становится свободнее, обширнее, и, так как в конце концов она не имеет другого субстрата, кроме индивидуальных сознаний, то последние в силу этого увеличиваются, становятся сложнее и гибче.

Таким образом, причина, вызвавшая различия, отделяющие человека от животного, есть также та, которая принудила его стать выше самого себя. Все увеличивающееся расстояние между дикарем и цивилизованным не имеет другого источника. Если из первоначального смутного мира чувств выделилась мало-помалу способность идеации; если человек научился образовывать понятия и формулировать законы; если его ум обнимает все увеличивающиеся части пространства и времени; если, не ограничиваясь удержанием прошедшего, он делает все большие захваты будущего; если его эмоции и стремления, сначала простые и малочисленные, так умножились и разветвились, - то все это потому, что социальная среда непрерывно изменялась. Действительно, эти изменения - если только не возникли из ничего - могли иметь причинами только соответствующие изменения окружающей среды. Но человек зависит лишь от троякого рода среды: от организма внешнего мира, общества. Если игнорировать случайные изменения, происходящие от комбинации наследственности, - а их роль в человеческом прогрессе, конечно, не очень значительна - то организм не изменяется самопроизвольно; необходимо, чтобы он к этому был принужден какой-нибудь внешней причиной. Что касается физического мира, то с начала истории он остается приблизительно тем же, если только не принимать в расчет изменений социального происхождения. Следовательно, остается только общество, которое достаточно изменилось, чтобы можно было объяснить параллельные изменения индивидуальной природы.

Итак, нет ничего безрассудного в таком утверждении: какие бы успехи ни сделала психофизиология, она всегда сможет представить собой только часть психологии, так как большая часть психических явлений не происходит от органических причин. Это поняли философы-спиритуалисты и великая оказанная ими науке услуга состоит в борьбе со всеми доктринами, сводящими психическую жизнь только к налету на физической жизни. Они весьма справедливо думали, что первая, в своих высших проявлениях, слишком свободна и сложна, чтобы быть только продолжением

последней. Только из того, что она отчасти не зависит от организма, не следует вовсе, что она не зависит ни от какой материальной причины и что ее должно поместить вне природы. Все те факторы, объяснения которых нельзя найти в строении тканей, происходят от свойств социальной среды; по крайней мере, это гипотеза, имеющая на основании предыдущего весьма большое правдоподобие. Но социальное царство не менее естественно, чем органическое. Следовательно, из того, что есть обширная область сознания, генезис которой непонятен из одной только психофизиологии, не должно заключать, что оно образовалось само по себе и что оно противно всякому научному исследованию, -но только, что оно относится к другой положительной науке, которую можно было бы назвать социопсихологией. Составляющие ее содержание явления, действительно, смешанной природы; они имеют те же существенные черты, что и другие психические факты, но происходят от социальных причин.

Не следует, значит, подобно Спенсеру, представлять социальную жизнь, как простую равнодействующую индивидуальных природ: наоборот, скорее последние вытекают из первой. Социальные факты не представляют простого продолжения психических фактов; по большей части последние не что иное, как продолжение первых внутри сознаний. Это положение весьма важно, так как противоположная точка зрения подвергает каждую минуту социолога риску принять причину за следствие, и наоборот. Например, если (как это часто случается), в организации семьи видят логически необходимое выражение человеческих чувств, присущих всякому сознанию, то опрокидывают реальный порядок фактов; как раз наоборот: социальная организация отношений родства вызвала чувства родителей и детей. Они были бы совсем иные, если бы социальное строение было иным, и доказательством этого служит то, что, действительно, отцовское чувство неизвестно во многих йществах. Можно было бы привести много других примеров подобной же ошиб-ки. Бесспорна та истина, что нет ничего в социальной жизни, чего не было бы в индивидуальных сознаниях; но все, что в них находится, взято ими из общества. Большая часть наших состояний сознания не появилась бы у изолированных существ и происходила бы совсем иначе у существ, сгруппированных иным образом. Значит, они вытекают не из психологической природы человека вообще, но из способа, каким ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, сообразно числу их и степеней сближения. Так как они - продукты групповой жизни, то только природа группы может объяснить их. Само собою разумеется, что они не были бы возможны, если бы индивидуальные строения не были годны для этого; но эти последние только отдаленные условия их, а не определяющие причины. Спенсер сравнивает в одном месте работу социолога с вычислением математика, который из формы известного числа ядер выводит способ, каким они должны быть комбинированы, чтобы держаться в равновесии. Сравнение это не точно и не приложимо к социальным фактам. Здесь, скорее, форма целого определяет форму частей. Общество не находит в сознании вполне готовыми основания, на которых оно покоится; оно само создает их себе.

Э. Дюркгейм САМОУБИЙСТВО

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

* Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1912. 312

Книга **ФАКТОРЫ ВНЕСОЦИАЛЬНЫЕ**

Глава первая САМОУБИЙСТВО И ПСИХОПАТИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

Главные внесоциальные факторы, способные иметь влияние на социальный процент самоубийств; индивидуальные стремления достаточной общности, состояние физической среды.

I. Теория, согласно которой самоубийство является лишь следствием сумасшествия. Два способа ее защиты: 1) самоубийство есть монomania sui generis; 2) самоубийство есть явление, сопутствующее сумасшествию и встречающееся исключительно в связи с этим последним.

II. Верно ли, что самоубийство есть монomania? Существование монomanии во-обще уже более не признается. Клинические и психологические основания, противоречащие этой гипотезе.

III. Можно ли рассматривать самоубийство как специфическое проявление сумасшествия? Сведение всех типов психопатического самоубийства к четырем типам. Наличие вполне разумных самоубийств, не уместяющихся в эти рамки.

IV. Но, быть может, самоубийство, не будучи продуктом сумасшествия, находится в тесной связи с неврастенией? Основания, заставляющие думать, что неврастение представляет наиболее распространенный среди самоубийц психологический тип. Необходимость точно установить, в какой степени это условие индивидуального порядка влияет на процент самоубийств. Метод, ведущий к этой цели: выяснение вопроса, изменяется ли процент самоубийств параллельно проценту сумасшествия. Отсутствие всякой связи между колебаниями этих двух величин в зависимости от пола, возраста, религии, страны, уровня цивилизации. Чем объясняется это отсутствие связи: неопределенность последствий, к которым приводит неврастение.

V. Нет ли более тесного соотношения между процентом самоубийств и процентом алкоголиков? Сопоставление процента самоубийств с географическим распределением проступков, совершаемых на почве алкоголизма, помешательств алкоголического характера и потребления алкоголя. Отрицательные результаты такого сопоставления.

Глава вторая

САМОУБИЙСТВО

И НОРМАЛЬНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ. РАСА. НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

I. Необходимость определить понятие расы. Единственным ее признаком может служить наличие унаследованного типа; но в таком случае слово это принимает совершенно неопределенный смысл. Необходимость величайшей осторожности в обращении с ним.

II. Три главные расы, различаемые Морселли. Весьма крупные различия в наклонности к самоубийству среди славян, кельто-романских народов и народов германского происхождения. Одни только немцы имеют обыкновенно интенсивную склонность к самоубийству, но они теряют ее вне пределов Германии.

Мнимая связь между числом самоубийств и высотой роста есть результат простого совпадения.

III. Раса могла бы быть фактором самоубийства лишь в том случае, если бы это последнее представляло собой явление, коренным образом наследственное; недостаточность доказательств в пользу этого наследственного характера самоубийства: 1) частота случаев, приписываемых наследственности не выяснена; 2) возможность другого объяснения; влияние мании и подражания. Соображения, говорящие против существования этого специального вида наследственности: 1) непонятно, почему женщины в меньшей степени наследуют наклонность к самоубийству, чем мужчины; 2) изменение процента самоубийств с возрастом не согласуется с этой гипотезой.

Глава третья САМОУБИЙСТВО И КОСМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

I. Климат не оказывает на самоубийство никакого влияния.

II. Температура. Сезонные колебания числа самоубийств; их общность. Попытки итальянской школы объяснить их влиянием температуры.

III. Спорные представления о характере самоубийства, лежащие в основе этой теории. Исследование фактов; влияние чрезмерной жары или чрезмерных холодов

ничего не доказывает; отсутствие связи между процентом самоубийств и сезонной или месячной температурой; самоубийства реже в большинстве жарких стран.

Гипотеза, согласно которой лишь первая жара оказывает в данном случае вредоносное действие. Она не согласуется: 1) с непрерывным характером кривой самоубийств как на восходящей, так и на нисходящей ветвях; 2) с тем фактом, что первые холода, которые должны бы были оказывать то же самое влияние, в действительности никакого влияния не оказывают.

Социология не должна, отказываться ни от одной из своих высоких задач, но если она хочет оправдать возлагающиеся на нее надежды, то она должна стремиться к тому, чтобы стать чем-либо иным, а не только своеобразной разновидностью философской литературы.

Вместо того чтобы предаваться метафизическим размышлениям по поводу социальных явлений, социолог должен взять объектом своих изысканий ясно очерченные группы фактов, на которые можно было бы указать, что называется, Пальцем, у которых можно было бы точно отметить начало и конец - и пусть он вступит на эту почву с полной решительностью. Пусть он старательно рассмотрит все вспомогательные дисциплины: историю, этнографию, статистику, без помощи которых социология совершенно бессильна. Если при таком методе работы можно чего-либо опасаться, так это только того, что, при всей добросовестности социолога, данные, добытые социологом, не будут исчерпывать изученного им материала, так как сам материал настолько богат и разнообразен, что хранит в себе неистощимую возможность самого неожиданного, самого нечаянного стечения обстоятельств. Но не надо, конечно, придавать этому преувеличенного значения. Работая социолог пойдет указанным нами путем, то даже в том случае, если фактический инвентарь его будет не полон, а формулы слишком узки, работа его будет бесспорно полезна - и будущее поколение продолжит ее, потому что каждая концепция, имеющая какое-нибудь объективное основание, не связана неразрывно с личностью автора; в ней есть нечто безличное, благодаря чему она переходит к другим людям и воспринимается ими; она способна к передаче. Благодаря этому, в научной работе создается возможность известной преемственности, а в этой непрерывности лежит залог прогресса.

Именно в этой надежде написана предлагаемая нами работа. И если среди различных вопросов, которые разбирались нами на протяжении нашего курса, мы выбрали темой настоящей книги самоубийство, - то поступили мы так главным образом потому, что самоубийство принадлежит к числу явлений, наиболее легко определяемых, может служить для нас исключительно удачным примером; но и тут для точного определения очертаний нашей темы нам понадобилось немало предварительной работы. Зато, сосредоточиваясь таким образом на одном каком-нибудь вопросе, нам удастся открывать законы, которые лучше всякой диалектической аргументации доказывают возможность существования социологии как науки. В дальнейшем изложении читатель познакомится с теми из этих законов, которые, как мы надеемся, нам удалось доказать. Без всякого сомнения, нам не раз случалось ошибаться, чрезмерно увлекаться в своей индукции и отдаляться от наблюдаемых фактов; во всяком случае, каждое из своих положений мы подкрепляли возможно большим количеством доказательств; особенное внимание мы обращали на то, чтобы как можно тщательнее отделить рассуждение по поводу данного положения и нашу субъективную интерпретацию его от самих рассматриваемых фактов. Таким образом, читатель может сам оценить, насколько основательны предлагаемые ему объяснения, имея под руками все данные для обоснованного суждения.

Поставив точные границы своим изысканиям, необходимо, кроме того, категорически воздержаться от изложения общих взглядов на изучаемый предмет и от так

называемого краткого общего обозрения темы. Мы думаем, что достигнутые нами результаты, а именно, установление известного количества положений относительно брака, вдовства, семьи, религиозной общины и т.д., дают нам возможность, разумеется, при повторном пользовании этим материалом, научиться гораздо большему, нежели изучая заурядные теории моралистов о природе и качестве этих явлений и учреждений.

В нашей книге читатель найдет также несколько указаний на причины общего недуга, заразившего в настоящее время все европейское общество, и на те средства, которыми этот недуг может быть ослаблен. Никогда не надо думать, что общее положение вещей можно объяснить при помощи обобщений. Можно говорить об определенных причинах только после тщательного наблюдения и изучения не менее определенного внешнего их проявления. Самоубийства в том виде, в каком они сейчас наблюдаются, являются именно одной из тех форм, в которых передается наша коллективная болезнь, и они помогут нам добраться до ее сути.

Наконец, на страницах этой книги читатель найдет в конкретном приложении главные проблемы методологии, более подробным рассмотрением которых мы занимались в другом месте (*Les regies de la Methode sociologique*. Paris. T. Alcan 1895). Но среди всех этих вопросов есть один, которому в последующем изложении придается слишком большое значение, для того, чтобы сейчас же не обратить на него внимание читателя.

Предлагаемый нами метод целиком зиждется на том основном принципе, что социальные явления должны изучаться как вещи, т.е. как внешние по отношению к индивиду реальности.

Подобно индивидуальному настроению существует коллективное настроение пуха, которое склоняет народ либо в сторону веселья, либо печали, которое заставляет видеть предметы или в радужных, или в мрачных красках. Мало того, только одно общество в состоянии дать оценку жизни в целом; отдельный индивид здесь не компетентен. Отдельный человек знает только самого себя и свой узкий горизонт; его опыт слишком ограничен для того, чтобы служить основанием для общей оценки. Человек может думать, что его собственная жизнь бесцельна, но он не может ничего сказать относительно других людей. Напротив, общество может, не прибегая к софизмам, обобщить свое самочувствие, свое состояние здоровья или хилости. Отдельные индивиды настолько тесно связаны с жизнью целого общества, что последнее не может стать больным, не заразив их; страдания общества неизбежно передаются и его членам; ощущения целого неизбежно передаются его составным частям. Поэтому общество не может ослабить свои внутренние связи, не сознавая, что правильные устои общей жизни в той же мере поколеблены. Общество есть цель, которой мы отдаем лучшие силы нашего существа, и, поэтому, оно не может не сознавать, что отрываясь от него, мы в то же время утрачиваем смысл нашей деятельности. \ (Как как мы являемся созданием общества, оно не может сознавать своего упадка, не ощущая при этом, что создание его отныне не служит более ни к чему. Таким путем обыкновенно образуются общественные настроения уныния и разочарования, которые не проистекают в частности от одного только индивида, но выражают собой состояние разложения, в котором находится общество. Они свидетельствуют об ослаблении специальных уз, о своеобразном коллективном бесчувствии, о социальной тоске, которая, подобно индивидуальной грусти, когда она становится хронической, свидетельствует на свой манер о болезненном органическом состоянии индивидов. Тогда появляются на сцену те метафизические и религиозные системы, которые, формулируя эти смутные чувства, стараются доказать человеку, что жизнь не имеет смысла и что верить в существование этого смысла - значит обманывать самого себя. Новая мораль заступает место старой и, возвышая факт в право, если не советует и не предписывает самоубийства, то, по

крайней мере, направляет в его сторону чело-веческую волю, внушая человеку, что жить надо возможно меньше. В момент своего появления мораль эта кажется изобретенной всевозможными авторами, их иногда даже обвиняют в распространении духа упадка и отчаяния. В действительности же эта мораль является следствием, а не причиной; новые учения о нравственности только символизируют на абстрактном языке и в систематической форме физиологическую слабость социального тела. И поскольку эти течения носят коллективный характер, постольку, в силу самого своего происхождения, они несут на себе оттенок особенного авторитета в глазах индивида и толкают его с еще большей силой в том направлении, в котором влечет его состояние морального распада, вызванного в нем общественной дезорганизацией. Итак, в тот момент, когда индивид резко отдалается от общества, он все еще ощущает на себе следы его влияния. Как бы ни был индивидуален каждый человек, внутри него всегда остается нечто коллективное: это уныние и меланхолия, являющиеся последствием крайнего индивидуализма. Обобщается тоска, когда нет ничего другого для обобщения...

...Если разрываются узы, соединяющие человека с жизнью, то это происходит потому, что ослабела связь его с обществом. Что же касается фактов частной жизни, кажущихся непосредственной и решающей причиной самоубийства, - то, в действительности, они могут быть признаны только случайными. Если индивид так легко склоняется под ударами жизненных обстоятельств, то это происходит потому, что состояние того общества, к которому он принадлежит, сделало из него добычу, уже совершенно готовую для самоубийства.

Несколько примеров подтверждают наше положение. Мы знаем, что самоубийство среди детей - факт совершенно исключительный и что с приближением глубокой старости склонность к самоубийству ослабевает; в обоих случаях физический человек захватывает все существо индивида. Для детей общества еще нет, так как оно еще не успело сформировать их по образу своему и подобию; от старика общество уже отошло, или - что сводится к тому же - он отошел от общества. В результате и ребенок, и старик более, чем другие люди, могут удовлетворяться самими собой; они меньше других людей нуждаются в том, чтобы пополнять себя извне, и следовательно, скорее других могут найти все то, без чего нельзя жить. Отсутствие самоубийства у животных имеет такое же объяснение.

...Но каким же образом мы можем определить ту ступень благополучия, комфорта и роскоши, к которой может вполне законно стремиться человеческое существо? Ни в органическом, ни в психическом строении человека нельзя найти ничего такого, что могло бы служить пределом для такого рода стремлений. Существование индивида вовсе не требует, чтобы эти стремления к лучшему стояли именно на данном, а не на другом уровне; доказательством этому служит то обстоятельство, что с самого начала истории они непрерывно развивались, что чело-веческие потребности все время получали более и более полное удовлетворение и тем не менее, в среднем, степень физического здоровья не понизилась. В особенности трудно было бы определить, каким образом данные стремления должны варьировать в зависимости от различных условий профессий, службы и.п. Нет такого общества, где бы на разных ступенях социальной иерархии подобные стремления получали равное удовлетворение. И, однако, в существенных чертах человеческая природа почти тождественна у всех членов общества. Значит, не от нее зависит та изменчивая граница, которой определяется величина потребностей на каждой данной социальной ступени. Следовательно, поскольку подобного рода потребности зависят только от индивида, они безграничны. Наша восприимчивость, если отвлечься от всякой регулирующей ее внешней силы, представляет собой бездонную пропасть, которую ничто не может наполнить.

Итак, если извне не приходит никакого сдерживающего начала, наша восприимчивость становится для самой себя источником вечных мучений, потому что безграничные желания ненасытны по своему существу, а ненасытность небезосновательно считается признаком болезненного состояния. При отсутствии внешних препон желания не знают для себя никаких границ и потому далеко переходят за пределы данных им средств и, конечно, никогда не находят покоя. Неутомимая жажда превращается в сплошную пытку. Правда, говорят, что это уже свойство самой человеческой деятельности - развиваться вне всякой меры и ставить себе недостижимые цели. Но трудно понять, почему такое состояние неопределенности должно лучше согласоваться с условиями умственной жизни, нежели с требованиями физического существования. Какое бы наслаждение ни давало человеку сознание того, что он работает, двигается, борется, но он должен чувствовать, что усилия его не пропадают даром и что он подвигается вперед. Но разве человек может совершенствоваться в том случае, если он идет без всякой цели или, что почти то же самое, если эта цель по природе своей бесконечна? Раз цель остается одинаково далекой, как бы ни был велик пройденный путь, то стремиться к ней - все равно, что бессмысленно топтаться на одном и том же месте. Чувство гордости, с которым человек оборачивается назад для того, чтобы взглянуть на уже пройденное пространство, может дать только очень иллюзорное удовлетворение, потому что путь от этого несколько не уменьшился. Преследовать какую-нибудь заведомо недостижимую цель, это значит обрекать себя на вечное состояние недовольства. Конечно, часто случается, что человек надеется не только без всякого основания, но и вопреки всем основаниям, - и эта надежда дает ему радость. На некоторое время она может поддержать человека, но она не могла бы пережить неопределенное время повторных разочарований опыта. Что может дать лучшее будущее в сравнении с прошлым, если невозможно достигнуть такого состояния, на котором можно было бы остановиться, если немислимо даже приблизиться к желанному идеалу? И, поэтому, чем большего достигает человек, тем соответственно большего он будет желать: приобретенное или достигнутое будет только развивать и обострять его потребности, не утоляя их. Быть может, скажут, что деятельность и труд сами по себе приятны? Но для этого надо прежде всего ослепить себя, чтобы не видеть полной бесплодности своих усилий. Затем, чтобы почувствовать такое удовольствие, чтобы оно могло успокоить и замаскировать неизбежно сопровождающую его болезненную тревогу, бесконечное движение должно, по крайней мере, развиваться вполне свободно, не встречая на своем пути никаких препятствий. Но стоит ему встретиться с какой-нибудь преградой, и ничто тогда не умиротворит и не смягчит сопутствующего ему страдания. Но было бы истинным чудом, если бы человек на своем жизненном пути не встретил ни одного непреодолимого препятствия. При этих условиях связь с жизнью держится на очень тонких нитях, каждую минуту могущих разорваться.

Изменить это положение вещей можно лишь при том условии, если человеческие страсти найдут себе определенный предел. Только в этом случае можно говорить о гармонии между стремлениями и потребностями человека, и только тогда последние могут быть удовлетворены. Но так как внутри индивида нет никакого сдерживающего начала, то оно может исходить только от какой-либо внешней силы. Духовные потребности нуждаются в каком-нибудь регулирующем начале, играющем по отношению к ним ту же роль, какую организм выполняет в сфере физических потребностей. Эта регулирующая сила, конечно, должна быть, в свою очередь, морального характера. Пробуждение сознания нарушило то состояние равновесия, в котором дремало животное, и потому только одно сознание может дать средство к восстановлению этого равновесия. Материальное принуждение в данном случае не

может иметь никакого значения; сердце людей нельзя изменить посредством физико-химических сил...

.-.В глазах общества всегда будет казаться несправедливым и возмутительным тот факт, что частное лицо может расточительно потреблять громадные богатства; и, по-видимому, эта нетерпимость к роскоши ослабевает только в эпоху моральных переворотов.

Мы имеем здесь настоящую регламентацию, которая всегда носит юридическую форму и с относительною точностью постоянно фиксирует тот максимум благосостояния, к достижению которого имеет право стремиться каждый класс. Необходимо отметить впрочем, что вся эта социальная лестница отнюдь не есть что-либо неподвижное. По мере того, как растет или падает коллективный доход, меняется и она вместе с переменой моральных идей в обществе. То, что в одну эпоху считается роскошью, в другую оценивается иначе. Материальное благосостояние, признававшееся в течение долгого времени законным уделом одного только класса, поставленного в исключительно счастливые условия, начинает в конце концов казаться совершенно необходимым для всех людей без различия, и этим давлением каждый в своей сфере может отдать себе приблизительный отчет в том, до какого предела могут простираться его жизненные требования. Если субъект дисциплинирован и признает над собою коллективный авторитет т.е. обладает здоровой моральной конструкцией, то он чувствует сам, что требования его не должны подниматься выше определенного уровня. Индивидуальные стремления заключены, в этом случае, в определенные рамки и имеют определенную цель, хотя в подобном самоограничении нет ничего обязательного или абсолютного. Экономический идеал, установленный для каждой категории граждан, в известных пределах сохраняет подвижность и не препятствует свободе желаний; но он не безграничен. Благодаря этому относительному ограничению и обузданию своих желаний, люди могут быть довольны своей участью, сохраняя при этом стремление к лучшему будущему; это чувство удовлетворенности дает начало спокойной, но деятельной радости, которая для индивида точно так же, как и для общества, служит показателем здоровья! Каждый, по крайней мере в общем, примиряется со своим положением и стремится только к тому, на что он может с полным правом надеяться как на нормальную награду за свою деятельность. Человек вовсе не осужден пребывать в неподвижности: перед ним открыты пути к улучшению своего существования, но даже неудачные попытки в этом направлении вовсе не должны влечь за собою полного упадка духа. Индивид привязан к тому, что он имеет, и не может вложить всю свою душу в добывание того, чего у него еще нет; поэтому даже в том случае, если все то новое, к чему он стремится и на что он надеется, обманет его, жизнь не утратит для него всякой ценности. Самое главное и существенное останется при нем. Благополучие его находится в слишком прочном равновесии, чтобы какие-нибудь преходящие неудачи могли его ниспровергнуть.

Конечно, было бы совершенно бесполезно, если бы каждый индивид считал справедливой признанную общественным мнением иерархию функций, не признавая в то же самое время справедливым тот способ, каким рекрутируются исполнители этих функций. Рабочий не может находиться в гармонии со своим социальным положением, если он не убежден в том, что занимает именно то место, которое ему следует занимать. Если он считает себя способным исполнять другую функцию, то его работа не может удовлетворять его. Поэтому недостаточно того, чтобы общественное мнение только регулировало для каждого положения средний уровень потребностей; нужна еще другая, более точная регламентация, которая определила бы, каким образом различные социальные функции должны открываться частным лицам. И действительно, нет такого общества, где не существовала

бы подобная регламентация; конечно, она изменяется в зависимости от времени и места. В прежнее время почти исключительным принципом социальной классификации было происхождение; в настоящее время удержалось неравенство по рождению лишь постольку, поскольку оно создается различиями в унаследованных имуществах. Но под этими различными формами вышеупомянутая регламентация имеет всюду дело с одним и тем же объектом. Равным образом, повсюду существование ее возможно только при том условии, что она предписывается индивиду властью высшего авторитета, т.е. авторитета коллективного. Ведь никакая регламентация не может установиться без того, чтобы от тех или других - а чаще всего, и от тех, и от других - членов общества не потребовалось известных уступок и жертв во имя общего блага.

Некоторые авторы думали, правда, что это моральное давление делается излишним, как только исчезнет передача по наследству экономического благосостояния. Если, говорили они, институт наследства будет уничтожен, то каждый человек будет вступать в жизнь с равными средствами, и если борьба между конкурентами будет начинаться при условии полного равенства, то нельзя будет назвать ее результаты несправедливыми. Все должны будут добровольно признать существующий порядок вещей за должный.

Конечно, не может быть никакого сомнения в том, что, чем больше человеческое общество будет приближаться к этому идеальному равенству, тем меньше будет также и нужды в социальном принуждении. Но весь вопрос заключается здесь только в степени, потому что всегда останется налицо наследственность, или так называемое природное дарование. Умственные способности, вкус, научный, художественный, литературный или промышленный талант, мужество и физическая ловкость даруются нам судьбой вместе с рождением точно так же, как передаваемый по наследству капитал, точно так же, как в прежние времена дворянин получал свой титул и должность. Как и раньше, нужна будет известная моральная дисциплина, для того чтобы люди, обделенные природой в силу случайности своего рождения, примирились со своим худшим положением. Нельзя идти в требования равенства настолько далеко, чтобы утверждать, что раздел должен производиться поровну между всеми, без всякого отличия для более полезных и достойных членов общества. При таком понимании справедливости нужна была бы совершенно особая дисциплина, чтобы выдающаяся индивидуальность могла примириться с тем, что она стоит на одной ступени с посредственными и даже ничтожными общественными элементами.

Но, само собой разумеется, что подобная дисциплина так же, как и в предыдущем случае, только тогда может быть полезной, если подчиненные ей люди признают ее справедливой. Если же она держится только по принуждению и привычке, то мир и гармония существуют в обществе лишь по видимости, смятение и недовольство уже носятся в общественном сознании, и близко то время, когда по внешности сдержанные индивидуальные стремления найдут себе выход. Так случилось с Римом и Грецией, когда поколебались те верования, на которых покоилось, с одной стороны, существование патрициата, а с другой - плебса; то же повторилось и в наших современных обществах, когда аристократические предрассудки начали терять свой престиж. Но это состояние потрясения по характеру своему, конечно, исключительно, и оно наступает только тогда, когда общество переживает какой-нибудь болезненный кризис. В нормальное время большинство обыкновенно признает существующий общественный порядок справедливым. Когда мы говорим, что общество нуждается в авторитете, противопоставляющем себя стремлениям частных лиц, то меньше всего мы хотим, чтобы нас поняли в том смысле, что насилие в наших глазах единственный источник порядка. Поскольку такого рода регламентация имеет своей целью сдерживать индивидуальные страсти, постольку источ-

ником своим она должна иметь начало, возвышающееся над индивидами, и подчинение ей должно вытекать из уважения, а не из страха.

Итак, ошибается тот, кто утверждает, что человеческая деятельность может быть освобождена от всякой узды. Подобною привилегией на этом свете не может пользоваться никто и ничто, потому что всякое существо, как часть вселенной, связано с ее остальной частью; природа каждого существа и то, как она проявляется, зависит не только от этого существа, но и от всех остальных существ, которые и являются таким образом для него сдерживающей и регулирующей силой. В этом отношении между каким-нибудь минералом и мыслящим существом вся разница заключается только в степени и форме. Для человека в данном случае характерно то обстоятельство что сдерживающая его узда по природе своей не физического, но морального, т.е. социального свойства. Закон является для него не в виде грубого давления материальной силы, но в образе высшего, и признаваемого им за высшее, коллективного сознания. Блбылая и лучшая часть жизненных интересов человека выходит за пределы телесных нужд, и потому освобождается от ярма физической природы, но попадает под ярмо общества.

В момент общественной дезорганизации, будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований, - общество оказывается временно неспособным проявлять нужное воздействие на человека, и в этом мы находим объяснение тех резких повышений кривой самоубийств, которые мы установили выше.

И, действительно, в момент экономических бедствий мы можем наблюдать, как разразившийся кризис влечет за собой известное смещение классов, - в силу которого целый ряд людей оказывается отброшенным в разряд низших социальных категорий. Многие принуждены урезать свои требования, сократить свои привычки и, вообще, приучиться себя сдерживать. По отношению к этим людям вся работа, все плоды социального воздействия пропадают, таким образом, даром, и их моральное воспитание должно начать сызнова. Само собой разумеется, что общество не в состоянии единым махом приучить этих людей к новой жизни, к добавочному самоограничению. В результате, все они не могут примириться со своим ухудшившимся положением; и даже одна перспектива ухудшения становится для них невыносимой; страдания, заставляющие их насильственно прервать изменившуюся жизнь, наступают раньше, чем они успели изведать эту жизнь на опыте.

Но то же самое происходит в том случае, если социальный кризис имеет своим последствием внезапное увеличение общего благосостояния и богатства.

Таким образом, наше основное положение, что социальные факты объективны, - положение, которое мы имели случай установить в нашей другой работе и которое мы считаем принципом социологического метода, - находить в моральной статистике, и в особенности, в статистике самоубийств, новое и особенно демонстративное доказательство. Конечно, оно задевает здравый смысл, но каждый раз, как наука открывала людям существование незнакомой им силы, она встречала недоверие с их стороны. Когда надо изменить систему существующих понятий, для того чтобы очистить место новому порядку вещей и создать новые представления, то умы людей, объятые ленью, неизбежно сопротивляются новизне. И тем не менее, необходимо прийти к какому-нибудь соглашению. Если социология действительно существует, то предметом ее изучения может быть только неизведанный еще мир, не похожий на те миры, которые исследуются другими науками; но этот новый мир будет ничто, если он не будет представлять собою целой системы реальностей.

Но именно потому, что это представление наталкивается на традиционные предрассудки, оно подняло ряд возражений, на которые нам необходимо ответить.

Во-первых, оно предполагает, что коллективные мысли и наклонности другого происхождения, чем индивидуальные, и что у первых существуют такие черты,

которых нет у вторых. Но как же это возможно, если общество состоит только из индивидов? На это можно ответить, что в живой природе нет ничего такого, чего бы не встречалось в мертвой материи, потому что клеточка состоит исключительно из атомов, которые не живут. Точно также совершенно верно, что общество не включает в себя никакой другой действующей силы, кроме силы индивидов, и однако эти индивиды, соединяясь, образуют психическое существо нового типа, которое, таким образом, обладает своим собственным способом думать и чувствовать. Конечно, элементарные свойства, из которых складывается социальный факт, в зародышевом состоянии заключаются в частных умах. Но социальный факт получается из них только тогда, когда они преобразованы путем сочетания, ибо он проявляется исключительно при этом условии. Сочетание само является активным фактором, производящим специфические результаты; и следовательно, оно, как таковое, есть уже нечто новое. Когда сознания, вместо того, чтобы оставаться изолированными одно от другого, группируются и комбинируются, то это знаменует собой некоторую перемену в мире. И вполне естественно, что это изменение в свою очередь производит другие изменения, что этот новый факт порождает другие новые факты, что возникают, наконец, явления, характерные черты которых отсутствуют в элементах, их составляющих.

Только одним способом можно оспорить это положение: это - допустить, что целое качественно-тождественно с совокупностью своих частей, что результат качественно сводим к совокупности породивших его причин; а это привело бы к тому, что пришлось бы отрицать всякое изменение, или признать его необъяснимым. Между тем, некоторые ученые не остановились перед защитой этого крайнего тезиса; но для его обоснования нашлись только два поистине необычайных аргумента. Говорили, во-первых, что "в силу странной привилегии, мы располагаем в социологии интимным познанием как единичного элемента, который есть наше индивидуальное сознание, так и того сложного образования, которым является совокупность отдельных сознаний"; во-вторых, утверждали, будто, в силу этой двойной интуиции, мы можем ясно констатировать, что по удалении всех индивидов общество обращается в ничто".

Первое утверждение является смелым отрицанием всей современной психологии. В настоящее время все ученые согласны с тем, что психическая жизнь не может быть познана с первого взгляда, что она, наоборот, имеет глубокую подпочву, куда не может проникнуть интимное самонаблюдение и которую мы постигаем только мало-помалу, путем обходных и сложных приемов, аналогичных тем, которые употребляет наука по отношению к внешнему миру. Таким образом, нельзя сказать, что природа сознания не представляет уже более для нас никаких тайн. Что же касается второго положения, то оно совершенно произвольно. Автор может уверять, что, согласно его личному впечатлению, в обществе нет ничего реального, кроме того, что происходит от индивида, но для поддержки этого утверждения нельзя выдвинуть никаких доказательств, и, следовательно, всякий спор на эту тему невозможен. И как легко, в противовес этому чувству, было бы выставить другое, противоположное чувство большого числа людей, которые представляют себе общество не как форму, которую самопроизвольно принимает природа индивида, выходя за свои собственные пределы, но как противодействующую ей силу, которая ограничивает индивидов и против которой они направляют свои силы. И, наконец, что можно сказать об этой интуиции, посредством которой, мы якобы прямо и непосредственно знакомимся не только с элементом, т.е. с индивидом, но и с их соединением, т.е. с обществом? Если, действительно, достаточно только открыть глаза и быть внимательным, чтобы тотчас же заметить законы социального мира, то социология оказалась бы лишней или, по крайней мере, очень простой. К несчастью, факты слишком ясно доказывают, как не компетентно сознание по отношению в этом

деле. Никогда оно само по себе, без всякого воздействия извне, не могло бы даже заподозрить той железной закономерности, которая ежегодно и в одном и том же количестве воспроизводит определенное число демографических явлений. И уже само собой разумеется, сознание, предоставленное своим собственным силам, не в состоянии открыть причины этой закономерности.

Без сомнения, типы самоубийства, наблюдавшиеся в эти отдаленные эпохи частью исчезли; но это исчезновение должно было бы облегчить немного нашу ежегодную дань, и тем более удивительно, что эта дань делается все более и более тяжелой.

Поэтому, можно думать, что увеличение вытекает не из существа прогресса, а из особых условий, в которых осуществляется прогресс в наше время, и ничто не доказывает нам, что эти условия нормальны. Ибо не нужно ослепляться блестящим развитием наук, искусств и промышленности, свидетелями которого мы являемся. Нельзя отрицать, что оно совершается среди болезненного возбуждения печальные последствия которого ощущает каждый из нас. Поэтому очень возможно и даже вероятно, что прогрессивное увеличение числа самоубийств происходит от патологического состояния, сопровождающего теперь ход цивилизации но не являющегося его необходимым условием.

Быстрота, с которой возросло число самоубийств, не допускает даже другой гипотезы. В самом деле менее, чем за 50 лет, оно утроилось, учетверилось, даже упятерилось, смотря по стране.

С другой стороны, мы знаем, что самоубийства вытекают из самых существенных элементов в строении общества, так как они выражают собою темперамент, а темперамент народов, как и отдельных лиц, отражает самое основное в состоянии организма.

Наша социальная организация должна была глубоко измениться в течение этого столетия для того, чтобы быть в состоянии вызвать подобное увеличение процента самоубийств. И невозможно, чтобы столь важное и столь быстрое изменение не было болезненным явлением; ибо общество не в состоянии с такой внезапностью изменить свою структуру. Только вследствие медленных и почти нечувствительных перемен может оно приобрести иной характер. Да и возможные изменения ограничены в своих размерах. Раз социальный тип получил окончательную форму, он не обладает безграничной пластичностью; быстро достигается известный предел, который нельзя перейти. Поэтому не могут быть нормальными и те изменения, наличие которых предполагает статистика современных самоубийств. Не зная даже точно, в чем они состоят, можно заранее утверждать, что они вытекают не из нормальной эволюции, а из болезненного потрясения, сумевшего подорвать корни прежних установлений, но оказавшегося не в силах заменить их чем-нибудь новым; и не в короткий промежуток времени можно восстановить работу веков. Растущий прилив добровольных смертей зависит, следовательно, не от увеличения блеска нашей цивилизации, а от состояния кризиса и ломки, которые, продолжаясь, не могут не внушать опасений.

К этим разного рода доводам можно прибавить и еще один довод. Если истинно положение, что при нормальных условиях коллективная печать имеет свое определенное место в жизни общества, то обыкновенно она не носит настолько интенсивного и всеобщего характера, чтобы быть в состоянии проникать до высших центров социального тела. Она остается на положении подсознательного настроения, которое смутно ощущается коллективным субъектом, действию которого этот субъект, следовательно, подчиняется, но в котором он не отдает себе ясного отчета. По крайней мере, этому неопределенному настроению удастся овладеть общественным сознанием лишь в форме частичных и прерывистых вспышек. И выражается это настроение, главным образом, в виде отрывочных суждений, изолированных положений, не связанных друг с другом, могущих, вопреки их абсо-

лутной форме, отразить лишь одну какую-нибудь сторону действительности, воспринимая в себя поправки и дополнения из сферы постулатов противоположного характера. Из этого источника и проистекают все те меланхолические афоризмы, все те пословицы, направленные на осуждение жизни, в которых иногда проявляется народная мудрость. Но они встречаются не в большем количестве, чем противоположные им по духу поговорки. Они выражают, очевидно, мимолетные впечатления, лишь проходящие через поле сознания, но не занимающие его целиком. И только в тех случаях, когда подобные чувства приобретают исключительную силу, они начинают занимать общественное внимание в такой мере, что их можно разглядеть в их целом, в полном и систематическом согласовании друг с другом, - и тогда они делаются основой для всей философии жизни. В самом деле, в Риме и в Греции проникнутые отчаянием теории Эпикура и Зенона появились лишь тогда, когда общество почувствовало себя серьезно больным. Образование этих великих систем было, следовательно, признаком того, что пессимистическое настроение достигло ненормально больших размеров, вследствие каких-то пертурбаций в социальном организме. А ведь сколько таких теорий имеется в наше время. Для верного представления об их численности и значении недостаточно принимать во внимание лишь философские системы, носящие официально пессимистический характер, вроде учений Шопенгауэра, Гартмана и т.д. Нужно считаться и со всеми теориями, которые, под различными именами, являлись предшественницами этого направления. Анархист, эстет, мистик, социалист-революционер, если они без отчаяния смотрят на будущее, все-таки подают руку пессимисту в одном и том же чувстве ненависти или презрения ко всему существующему, в одной и той же потребности разрушения действительности или удаления от нее. Если бы общественное сознание не приняло болезненного направления, мы бы не имели такого подъема коллективной меланхолии и, следовательно, развитие самоубийств, вытекающее из этого же состояния общественного сознания, имеет также болезненный характер.

Итак, все доводы в полном согласии между собой говорят нам, что непомерное возрастание добровольных смертей, имеющее место за последнее столетие, нужно рассматривать как патологическое явление, становящееся с каждым днем все опаснее. К каким же средствам нужно прибегнуть для борьбы с ним?

Некоторые авторы рекомендуют восстановить угрозу наказаний, которые не-| когда были в ходу.

Мы охотно допускаем, что наша современная снисходительность по отношению к самоубийству заходит слишком далеко. Так как оно оскорбляет нравственное чувство, то его следовало бы отвергать с большей энергией и с большей определенностью, и что порицание должно было бы выражаться во внешних и точных формах, т.е. в форме наказаний. Ослабление нашей репрессивной системы в этом пункте есть явление аномальное. Но с другой стороны, наказания, сколько-нибудь суровые, невозможны: общественное сознание их не допустит. Ибо самоубийство, как мы видели, родственно настоящим добродетелям и является только их преувеличенной формой. Общественное мнение, поэтому, далеко не единогласно в своем °Уде над ним. Так как самоубийство до известной степени связано с чувствами, которые общество уважает, то оно не может порицать его без оговорок и без колебаний. Этим объясняется вечное возобновление спора между теоретиками по вопросу о том, противно ли самоубийство морали или нет. Так как самоубийство ^{Нер}ферывным рядом промежуточных степеней связано с актами, которые мораль одобряет или терпит, то нет ничего удивительного, что ему иногда приписывали одинаковый с этими актами характер и что предлагали относиться к нему с тою же терпимостью. Подобное колебание лишь чрезвычайно редко проявляется по отношению к убийству или к краже, потому что здесь демаркационная линия

проведена более резко. Кроме того, один тот факт, что жертва пресекла свою жизнь, внушает, несмотря ни на что, слишком большую жалость, чтобы порицание могло быть беспощадным.

По всем этим соображениям, установить можно было бы лишь чисто моральные наказания. Единственное, что возможно, это - лишить самоубийцу почестей правильного погребения, лишить покушавшегося на самоубийство некоторых гражданских, политических или семейных прав, например, некоторых родительских прав или права быть избранным на общественные должности. Общественное мнение, нам кажется, легко согласится на то, чтоб человек, пытавшийся уйти от главных своих обязанностей, пострадал в соответственных правах. Но как бы ни были законны эти меры, они никогда не будут иметь решающего влияния. Было бы ребячеством думать, что они в силах остановить такое сильное течение.

К тому же, сами по себе эти меры не коснулись бы корней зла. В самом деле если мы отказались запретить законом самоубийство, это значит, что мы слишком слабо чувствуем его безнравственность. Мы даем ему развиваться на свободе, потому что оно не возмущает нас в такой степени, как это было когда-то. Но никакими законодательными мерами не удастся, конечно, пробудить нашу моральную чувствительность. Не от законодателя зависит, что тот или иной факт кажется нам морально возмутительным или нет. Когда закон воспрещает акты, которые общественное мнение находит невинными, то нас возмущает закон, а не наказуемое деяние. Наша чрезмерная терпимость по отношению к самоубийству объясняется тем, что порождающее его душевное настроение стало общим, и мы не можем его осуждать, не осуждая самих себя. Мы слишком им пропитаны, чтоб хоть отчасти не прощать его. Но в таком случае, единственное для нас средство стать более суровыми, это - воздействовать непосредственно на пессимистический поток, ввести его в нормальные берега и не давать ему из них выходить, вырвать общественную совесть из-под его влияния и укрепить ее. Когда она вновь обретет свою моральную точку опоры, она подобающим образом будет реагировать на все, что ее оскорбляет. Не нужно будет изобретать системы репрессивных мер, - эта система установится сама собой под давлением потребностей. А до тех пор она будет искусственной и, следовательно, бесполезной.

Не является ли, однако, воспитание самым верным средством достигнуть этого результата? Так как оно дает возможность воздействовать на характеры, то не может ли оно сделать их более мужественными и, следовательно, менее снисходительными к людям, теряющим мужество? Так думал Морселли. По его мнению, все профилактическое лечение самоубийства выражается следующей формулой: "Развивать у человека способность координировать свои идеи и свои чувства, чтоб он был в состоянии преследовать определенную цель в жизни; словом, дать моральному характеру силу и энергию". К тому же заключению приходит мыслитель совсем другой школы: "Как подрезать самоубийство в корне", спрашивает Франк. "Совершенство великое дело воспитания: развивая не только умы, но и характеры, не только идеи, но и убеждения", - отвечает он.

Но это значит - приписывать воспитанию власть, какой оно не имеет. Оно не больше, как образ и подобие общества. Оно подражает ему, его воспроизводит, но не создает его. Воспитание бывает здоровым, когда сами народы в здоровом состоянии. Но оно портится вместе с ними и не может измениться собственной силой. Если моральная среда испорчена, то и сами воспитатели, живущие в этой среде, не могут не быть пропитаны той же порчей. Как же они могут дать тем характерам, которые они формируют, иное направление, отличное от того, какое сами получили? Каждое новое поколение воспитывается предшествующим поколением; следовательно данному поколению надо самому исправиться, чтоб исправить следующее поколение. Это заколдованный круг. Возможно, конечно, что от времени

до времени появляется человек, который по своим идеям и стремлениям опережает современников, но не при помощи отдельных личностей пересоздается моральный строй народов. Нам, конечно, хотелось бы верить, что одного красно-речивого голоса может быть достаточно, чтобы перетворить как бы чудом социальную материю, но здесь, как и повсюду, ничего не выходит из ничего. Самая великая энергия не может извлечь из небытия силы, которых нет и неудачи опыта всякий раз рассеивают эти детские иллюзии. Впрочем, если бы даже путем немыслимого чуда и удалось создать какую-нибудь педагогическую систему, которая расходилась бы с социальной системой, то она была бы бесплодна, и именно по причине этого расхождения. Если коллективная организация, создающая моральную атмосферу, которую хотят рассеять, продолжает существовать по-прежнему, то ребенок не может не подпасть под ее влияние с той минуты, когда он придет с ней в соприкосновение. Искусственная школьная среда не может предохранить его надолго. По мере того, как реальная жизнь охватит его все больше и больше, она разрушит работу воспитателя. Итак, воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество. А для этого необходимо уничтожить самые причины того зла, которым оно страдает.

Мы знаем эти причины. Мы определили их, когда указали, каким источником питаются течения, несущие с собой самоубийства. Среди этих течений есть, однако, одно, которое, несомненно, ничем не повинно в современном усилении числа самоубийств: это - течение альтруистическое. В самом деле, в настоящее время оно, скорее, теряет силу, чем выигрывает, и наблюдать его можно главным образом в низших обществах. Если оно еще удерживается в армии, то и там его интенсивность не представляет ничего аномального. До известной степени оно необходимо для поддержания военного духа, но даже и там оно все больше и больше идет на убыль. Остается только эгоистическое самоубийство и самоубийство анемичное, развитие которых можно считать ненормальным, и только на этих двух формах нам необходимо сосредоточить свое внимание.

Эгоистическое самоубийство является результатом того, что общество не сохранило достаточной цельности во всех своих частях, чтоб удержать всех членов под своею властью. Если этот разряд самоубийств слишком усилился, это значит, что и то состояние общества, которым оно вызывается, чересчур усилилось, что слишком много членов слишком часто ускользают из-под власти расстроенного и ослабевшего общества. А потому единственное средство помочь злу - это сделать социальные группы снова достаточно сплоченными, чтобы они крепче держали индивида и чтоб индивид крепче держался за них. Нужно, чтоб они сильнее чувствовали свою солидарность с коллективным существом, которое предшествует ему по времени, которое переживает его, которое окружает его со всех сторон. При этом условии он перестает искать в себе самую единственную цель своей Деятельности, и, поняв, что он орудие для достижения цели, которая лежит выше ^{его}, он поймет также, что он имеет известное значение. Жизнь снова приобретает смысл в его глазах, потому что она вновь найдет свою естественную цель и свое естественное направление. Но какие группы всего более способны непрерывно толкать человека к этому спасительному чувству солидарности?

Неполитическое общество. Особенно в настоящее время, в наших огромных новейших государствах оно слишком далеко стоит от личности, чтоб с достаточной последовательностью серьезно влиять на нее. Какова бы ни была связь между нашей повседневной работой и совокупностью общественной жизни, они слишком косвенного свойства, чтоб ощущаться нами непрерывно и отчетливо. Лишь в тех случаях, когда затронуты крупные интересы, мы живо чувствуем свою зависимость от политического коллектива. Конечно, у тех, которые составляют моральный цвет населения, редко бывает, чтоб совершенно отсутствовала идея отечества, но в

обычное время она остается в полумраке, в состоянии смутного представления, а бывает, что она и совсем затмевается. Нужны исключительные обстоятельства какой-нибудь крупный политический или социальный кризис, чтоб она выступила на первый план, овладела умами и стала направляющим двигателем поведения. Но не такое, редко проявляющееся воздействие, может сыграть роль постоянного тормоза для склонности к самоубийству. Необходимо, чтоб не изредка только, но в каждый момент своей жизни индивид сознавал, что его деятельность имеет цель. Чтоб его существование не казалось ему пустым, он постоянно должен видеть, что жизнь его служит цели, которая непосредственно его касается. Но это возможно лишь в том случае, когда более простая и менее обширная социальная среда теснее окружает его и предлагает более близкую цель его деятельности.

Религиозное общество также непригодно для этой функции. Мы не хотим конечно, сказать, чтоб оно в известных условиях не могло оказывать благотельного влияния; но дело в том, что условий, необходимых для этого влияния, нет теперь в наличности. В самом деле, оно предохраняет от самоубийства лишь в том случае, когда оно, это религиозное общество, обладает могучей организацией, плотно охватывающей индивида. Так как католическая религия налагает на верующих обширную систему догматов и обрядов и проникает таким образом во все подробности их существования, даже их мирской жизни, она сильнее привязывает их к жизни, чем протестантизм. Католик меньше подвергается возможности забыть о своей связи с вероисповедной группой, потому что эта группа ежеминутно ему напоминает о себе в форме императивных предписаний, которые касаются самых различных сторон жизни. Ему не приходится с тоской спрашивать себя, куда ведут его поступки; он все их относит к Богу, потому что они большей частью регулируются Богом, т.е. Его воплощением - церковью, и, так как считается, что эти предписания исходят от власти сверхчеловеческой, человеческий разум не имеет права их касаться. Было бы грубым противоречием приписывать им подобное происхождение и в то же время разрешить свободную критику. Итак религия ослабляет склонность к самоубийству лишь в той мере, в какой она мешает человеку свободно мыслить. Но подобное ограничение индивидуального разума в настоящее время дело трудное и с каждым днем становится труднее. Оно оскорбляет наши самые дорогие чувства. Мы все больше и больше отказываемся допускать, чтоб можно было указать границы разуму и сказать ему: дальше ты не пойдешь. И движение это началось не со вчерашнего дня: история человеческого духа есть в то же время история развития свободной мысли. Было бы ребячеством пытаться остановить движение, явно неудержимое. Если только современные обширные общества не разложатся безвозвратно и мы не возвратимся к маленьким социальным группам былых времен, т.е. если только человечество не возвратится к своему отправному пункту, религии больше не в силах будут оказывать очень обширного или очень грубого влияния на умы. Это не значит, что не будут основываться новых религий. Но единственно жизненными будут те, которые отведут свободному исследованию и индивидуальной инициативе еще больше места, чем даже самые либеральные протестантские секты. И именно поэтому они не будут оказывать на своих членов того сильного давления, какое необходимо, чтоб поставить преграду самоубийству.

Если многие писатели видели в восстановлении религии единственное лекарство против зла, то это объясняется тем, что они ошибались на счет источников ее власти. Они сводят почти всю религию к известному числу высоких мыслей и благородных правил, с которыми, в конце концов, мог бы примириться и раионализм, и думают, что достаточно было бы укрепить их в сердце и уме людей, что предупредить их моральное падение. Но они ошибаются как относительно того, что составляет сущность религии, так - и в особенности - относительно причин

иммунитета, который религия иногда давала против самоубийств. Она достигала этого не тем, что поддерживала в человеке какое-то смутное чувство чего-то таинственного и непостижимого, но тем, что подвергала его поведение и мысль суровой дисциплине во всех мелочах. Когда же она является только символическим идеализмом, только философией, переданной по традиции, но которую можно оспаривать и которая более или менее чужда нашим повседневным занятиям, ей трудно иметь на нас большое влияние. Божество, которое своим величием поставлено вне мира и всего мирского, не может служить целью нашей мирской деятельности, и она оказывается без цели. Слишком много вещей стоят в этом случае вне связи с Божеством, для того, чтобы оно могло дать смысл жизни. Предоставив нам мир, как не достойный его, оно тем самым предоставило нас самим себе во всем, что касается жизни мира. Не при помощи размышлений об окружающих нас тайнах и даже не при помощи веры в существо всемогущее, но бесконечно от нас далекое и требующее от нас отчета лишь в неопределенном будущем, можно помешать людям кончать с жизнью. Словом, мы предохранены от самоубийства лишь в той мере, в какой мы социализованы. Религии могут нас социализовать лишь в той мере, в какой они лишают нас права свободного исследования. Но они больше не имеют и, по всей вероятности, никогда больше не будут иметь в наших глазах достаточно авторитета, чтоб добиться от нас подобной жертвы.

ЗИММЕЛЬ ГЕОРГ (SIMMEL) (родился 1 марта 1858 г. в Берлине) - немецкий философ и социолог, основоположник формальной социологии. С 1901 г. - экстраординарный профессор Берлинского, а с 1914 г. - профессор Страсбургского университета. Написал более 30 книг. Его духовная эволюция шла от натурализма, связанного с воздействием на него прагматизма, социал-дарвинизма и эволюционизма. Далее следовал неокантианский этап с отнесением ценностей культуры к сфере, лежащей по ту сторону природной каузальности и пониманием деятельности гуманитария как "трансцендентального формотворчества" в соответствии с различными формами видения которого возникают различные "миры" культуры. И наконец, последний этап характеризуется разработкой идеи жизни, реализуемой в самоограничении посредством ею же самой создаваемых форм. На "трансвитальном уровне" философия жизни превращается в философию культуры. В движении бесконечно зарождающихся новых культурных форм воплощается ряд конфликтов: содержания и формы, "души" и "духа", "субъективной" и "объективной" культур. "Формальная" социология - интегральная часть культурфилософской и общеполитической концепции Зиммеля. Ее основные понятия - "содержание" (цели, мотивы, побуждения человеческих взаимодействий) и "форма" (универсальный способ воплощения и реализации исторически изменчивых содержаний), которые, взаимодействуя, реализуют общество. Задача "чистой" социологии - изучение форм, задача "философской" социологии - анализ исторических судеб этих форм в их связи с культурно обусловленным содержанием. Основные работы: "Philosophie des Geldes" (Lpz., 1900), "Soziologie" (Lpz., 1908). "Schriften zur Soziologie" (Fr/M., 1983).

В русском переводе публиковались работы "Социальная дифференциация: Социологическое и психологическое исследование." (М. 1909); "Проблема социологии" (СПб., 1913), отрывки из которых представлены в данной книге. Умер 26 сентября 1918 г. в Страсбурге, Франция.

Г. Зиммель СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

III РАСШИРЕНИЕ ГРУППЫ И РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Нередко можно наблюдать, что между развитием индивидуальности и социальным интересом существует отношение, заключающееся в том, что уровень этого развития повышается по мере того, как расширяется круг, на который распространяется последний. Если перед нами две социальные группы М и N, резко отличающиеся друг от друга как по своим характерным особенностям, так и по своему взаимному настроению, но из которых каждая сама по себе состоит из однородных и тесно связанных между собой элементов, то обыкновенное развитие вызывает среди последних все возрастающую дифференциацию; различия между индивидуумами во внешних и внутренних склонностях и их проявлении, которые первоначально были минимальными, обостряются вследствие необходимости добывать себе средства к жизни, из-за которых идет борьба, все более своеобразными способами; конкуренция создает, как известно, специальность индивидуума. Как бы ни был различен исходный пункт этого процесса в группах М и N, он должен все же постепенно уподоблять их друг другу. Можно заранее предположить, что с увеличением несходства составных частей группы М между собою и несходства составных частей группы N между собою - в каждой из них можно будет найти все возрастающее число проявлений, сходных с проявлениями в другой; происходящее во всех направлениях отклонение от нормы, которая до сих пор имела значение для каждого комплекса самого по себе, необходимо должно приблизить членов одной группы к членам другой. Это произойдет уже потому, что, как бы ни были различны социальные группы сами по себе, формы дифференциации одинаковы или сходны между собою: отношения простой конкуренции, соединение многих слабых против одного сильного, преобладание отдельных членов, прогрессия в развитии развязанных индивидуальных отношений и т.д. Действие этого процесса - с чисто формальной стороны - нередко можно наблюдать в той интернациональной симпатии, которую питают друг к другу аристократы и которая странным образом не зависит от специфического содержания их существа, имеющего в других случаях решающее значение для привлечения и отталкивания. После того как процесс социальной дифференциации привел к отделению высокого от низкого, чисто формальный факт известного социального положения устанавливает между членами, которых оно характеризует и которые принадлежат к самым разнообразным группам, внутренние, а часто и внешние отношения.

К этому присоединяется то обстоятельство, что вместе с такой дифференциацией социальной группы будет расти понуждение и склонность выйти за пределы ее первоначальных границ в пространственном, экономическом и духовном отношении и установить, ввиду возрастающей индивидуализации и возникающего вследствие этого отталкивания элементов группы, наряду с первоначальной центрированностью, существовавшей в отдельной группе, - центробежную тенденцию в качестве моста, перекинутого к другим группам. Немногих примеров будет достаточно для этого процесса, который очевиден уже и сам по себе. Хотя первоначально в цехах господствовал дух строгого равенства, ограничивавший, с одной стороны, производство отдельного члена теми количественными и качественными пределами, которые соблюдались и всеми остальными членами, а с другой стороны, старавшийся оградить каждого при помощи норм, регулирующих продажу и обмен, от того, чтобы другой не превзошел его, - на более продолжительное время поддерживать это состояние недифференцированности было невозможно. Мастер, разбогатевший в силу каких-нибудь обстоятельств, не хотел больше подчиняться ограничениям: продавать лишь собственные продукты, торговать только в одном месте и держать очень ограниченное число подмастерьев и т.п. Но как только он добивался этого права, нередко путем тяжелой борьбы, так должно было произойти двойное: во-первых, первоначально однородная масса членов цеха должна была дифференцироваться все с большей определенностью на богатых и бедных,

капиталистов и рабочих; после того как принцип равенства был однажды нарушен настолько, что один имел право заставить другого работать на себя и свободно, по своим личным способностям и энергии, полагаясь на свое знание отношений и на свой учет шансов, выбирать себе рынок для сбыта, - именно личные качества, получив возможность развиваться, должны были повыситься и привести ко все более резкой специализации и индивидуализации внутри товарищества и в конце концов к его распадению. С другой же стороны, это преобразование повело к дальнейшему выходу за пределы прежней области сбыта; благодаря тому, что производитель и торговец, соединенные раньше в одном лице, дифференцировались друг от друга, последний приобрел несравненно большую свободу передвижения, и завязались коммерческие сношения, до тех пор невозможные. Индивидуальная свобода и увеличение производства находятся во взаимодействии. Так, при совместном существовании цеховых ограничений и больших фабричных производств, как это было, например, в начале этого столетия в Германии, оказывалось всегда необходимым предоставить последним свободу производства и торговли, которую можно было или которую хотели коллективистически ограничивать для кругов, состоявших из более мелких и тесных производств. Итак, развитие, отправлявшееся от узких однородных цеховых кругов, шло в двояком направлении и в своей двойственности должно было подготовить их разложение: во-первых, в сторону индивидуализирующей дифференциации и, во-вторых, в сторону все растущего расширения. История освобождения крестьян в Пруссии представляет, например, процесс, сходный в этом отношении. Наследственно-подвластный крестьянин, каким он был в Пруссии приблизительно до 1810 г., занимал как по отношению к земле, так и по отношению к господину своеобразное среднее положение; земля, хотя и принадлежала последнему, но так, что крестьянин не был лишен известных прав на нее. С другой стороны, хотя он и должен был отбывать барщину на поле своего господина, но он обрабатывал наряду с этим и предоставленную ему землю на себя самого. С уничтожением крепостного права известная часть земли, принадлежавшей до сих пор крестьянину на ограниченных правах, была передана ему в полную и свободную собственность, а помещик мог рассчитывать только на наемных рабочих, набравшихся теперь главным образом из владельцев более мелких клочков земли, которые были у них скуплены. Итак, если крестьянин при прежних отношениях соединял в себе отдельные черты собственника и работающего на других, теперь появилась резкая дифференциация: одна часть превратилась в чистых собственников, а другая в чистых рабочих. Само собой очевидно, как этим путем было вызвано свободное передвижение личности и становление более отдаленных сношений; на это оказало влияние не только уничтожение внешнего прикрепления к клочку земли, но и положение рабочего как такового, нанимающегося то здесь, то там, а с другой стороны, и свободное владение, которое делает возможным отчуждение и вместе с тем коммерческие отношения, переселения и т.д. Так обосновывается наблюдение, высказанное в первом предложении: дифференциация и индивидуализация ослабляет связь с ближним, чтобы завязать взамен новую связь - реальную и идеальную - с более далеким. В мире животных и растений мы находим вполне соответствующее этому отношение. У пород наших домашних животных (это относится и к культурным растениям) можно заметить, что индивидуумы одного и того же подотдела резко различаются между собой, чем индивидуумы соответствующего подотдела, пребывающие в естественном состоянии; напротив, подразделения одного рода, как целые, стоят ближе друг к другу, чем виды некультурных пород. Итак, процесс развития, возрастающий благодаря культивированию, вызывает, с одной стороны, более яркое выступление индивидуальности внутри того отдела, к которому она принадлежит; с другой стороны - сближение с чужими отделами и обнаружение

сходства с более широкой коллективностью, выходящей за пределы группы, первоначально однородной. С этим вполне согласуется утверждение, что породы домашних животных у некультурных народов имеют гораздо более характер обособленных видов, чем те разновидности, которые разводятся культурными народами; потому что первые еще не достигли в процессе развития того пункта, который в результате более продолжительного приручения уменьшает различия между отдами потому, что увеличивает различия между индивидуумами. И в этом развитие животных соответствует развитию их господ: в менее культурные эпохи индивидуумы, принадлежащие к одному роду, настолько однообразны и сходны между собой, насколько это возможно; напротив, роды в целом проти-востоят друг другу как чуждые и враждебные: чем теснее синтез внутри своего рода, тем резче антитеза с чужим родом; с прогрессом культуры растет дифференциация между индивидуумами и увеличивается приближение к чужому роду. Этому вполне соответствует то обстоятельство, что широкие необразованные массы культурного народа более однородны между собой и, напротив, отличаются от масс другого народа более резкими характерными особенностями, чем то и Другое бывает среди образованных людей обоих народов. И по отношению к тем рефлексам, которые вызывает это отношение в наблюдающем духе, должно иметь место то же самое и притом на основании важного психологического правила, что впечатления различны, но принадлежащие к одному и тому же роду и соединенные в известное целое, - сливаются между собой и этим парализуют друг друга, так что образуется среднее впечатление; одно крайнее качество уравнивает другое, и подобно тому, как самые различные цвета образуют вместе бесцветный белый Цвет, так разнообразие очень неодинаково одаренных и действующих лиц ведет к тому, что целое, в которое их объединяет представление, получает характер более индифферентный, лишенный резко очерченной односторонности. Трение между ^Рко выраженными индивидуальностями, которое в действительности ведет к Уравниванию или конфликтам, происходит и в субъективном духе. Чем более Дифференцирован круг в своих составных частях, тем менее он как целое производит индивидуальное впечатление, потому что его части, так сказать, не Дают говорить друг другу, взаимно устраняют друг друга, так что в результате получается впечатление среднего разреза, которое будет тем неопределеннее, чем Многочисленнее и разнообразнее факторы, совместно его производящие.

Обобщая эту мысль, можно выразить ее так, что в каждом человеке *ceteris paribus* индивидуальное и социальное стоят, так сказать, в неизменной пропорции, которая только изменяет свою форму: чем теснее круг, которому мы отдаемся, тем меньше мы имеем индивидуальной свободы; но зато этот круг сам представляет собою нечто индивидуальное, и именно потому, что он невелик, он отделяет себя от других резкими границами. Это обнаруживается очень ясно в социальном строе квакеров. Как целое, как религиозный принцип, отличающийся самым крайним индивидуализмом и субъективизмом, квакерство объединяет членов общины строем и образом жизни, в высшей степени единообразным, демократическим и по возможности исключаящим все индивидуальные различия; но зато оно совершенно лишено понимания высшего государственного единства и его целей, так что индивидуальность меньшей группы исключает, с одной стороны, индивидуальность отдельных членов, с другой - принадлежность к большей группе. В частности это проявляется следующим образом: в том, что является делом общины, в богослужебных собраниях каждый может выступать и говорить как проповедник, что хочет и когда хочет; напротив, община ведет надзор за личными делами, например за заключением браков, так что последние не происходят без согласия комитета, назначенного для рассмотрения каждого данного случая. Следовательно, индивидуальное допускается у них только в общественном, и они оказываются социаль-

но, связанными в индивидуальном. И согласно этому: если расширяется круг, в котором мы действуем и к которому принадлежат наши интересы, то это дает больше простора для развития нашей индивидуальности; но в качестве частей этого целого мы обладаем меньшей своеобразностью, а целое как социальная группа является менее индивидуальным.

Если таким образом тенденции к индивидуализации, с одной стороны, и к недифференцированности - с другой, остаются одинаковыми настолько, что является относительно безразличным, проявляются ли они в чисто личной области или в сфере той социальной общности, к которой принадлежит личность, - то увеличение индивидуализации или ее противоположности в одной области потребует их уменьшения и в другой. Таким образом, мы приходим к самой общей норме, которая обнаруживается чаще всего при различии в размерах социальных групп, но обнаруживается, впрочем, и в других случаях. Так, например, мы замечаем у некоторых народов, у которых сильно преобладает все экстравагантное, преувеличенное, импульсивно причудливое, рабскую приверженность к моде. Сумасбродство, совершенное одним, вызывает подражание у всех других. Наоборот, другие народы с более умеренным, устроенным на солдатский образец укладом жизни, который в целом далеко не так разнообразен, имеют, однако, гораздо более сильные индивидуалистические стремления и различаются друг от друга при своем однообразном и простом образе жизни гораздо резче и отчетливее, чем первые со своим пестрым изменчивым жизненным складом. Так, с одной стороны, целое носит очень индивидуальный характер, но его части очень сходны между собой; с другой стороны, целое является более бесцветным, стоит по образованию своему дальше от всего крайнего, но его части сильно дифференцированы между собой. В настоящую минуту, однако, нам важно главным образом то коррелятивное отношение, которое стоит в связи с объемом социального круга и обыкновенно сочетает свободу группы со связанностью индивидуума; хорошим примером для этого является совместное существование коммунальной связанности с политической свободой, как это мы видим в русском устройстве доцарского периода. Особенно в эпоху нашествия монголов в России существовали в большом числе территориальные единицы, княжества, города, сельские общины, которые вовсе не были соединены между собой единообразной государственной связью, и таким образом каждое из них как целое пользовалось большой политической свободой; но зато прикрепленность индивидуума к коммунальной общине была наиболее тесной, так что не существовало вообще частной собственности на землю и только одна коммуна владела ею. Тесной замкнутости в круге общины, которая лишала индивидуума личного владения, а, конечно, нередко и права на личное передвижение, соответствовало отсутствие отношений, связывающих с более широким политическим кругом. Круги социальных интересов лежат концентрически вокруг нас - чем теснее они нас охватывают, тем они должны быть меньше. Но человек никогда не является чисто коллективистическим существом, точно так же, как он никогда не является существом чисто индивидуальным; поэтому здесь, конечно, идет дело только о большей или меньшей степени и лишь об отдельных сторонах и определениях существования, на которых развитие обнаруживается в переходе от преобладания одного к преобладанию другого. И это развитие может иметь стадии, на которых принадлежность одновременно как к меньшему, так и к большему социальному кругу выражается в характерных последствиях. Если, таким образом, принадлежность к более тесному кругу в общем менее благоприятна для индивидуальности как таковой, чем ее принадлежность к возможно большей коллективности, то, с психологической точки зрения, следует, однако, заметить, что внутри очень большой культурной общины принадлежность к семье способствует индивидуализации. Отдельный человек не может оградить себя от совокупности;

только при том условии, что он отдается одной частью своего абсолютного "я" нескольким другим и соединяется с ними, он может еще сохранить чувство индивидуальности и притом без чрезмерной замкнутости, без чувства горечи и отчуждения. Даже тогда, когда он расширяет свою личность и свои интересы личностью и интересами целого ряда других людей, он противопоставляет себя остальному целому в лице, так сказать, более широкой массы. Правда, жизнь вне семьи, в более широком круге предоставляет индивидуальности более широкое поприще - в смысле чудачества и аномальности всякого рода; но для дифференциации, которая затем приносит пользу и самому обширному целому, которая является последствием силы, а не последствием отсутствия противодействия односторонним влечениям, - для нее принадлежность к более тесному кругу внутри более широкого часто оказывается полезной, нередко являясь, конечно, только подготовкой и переходом. Семья, значение которой является сначала политически реальным, а с ростом культуры становится все более и более психологически идеальным, предоставляет в качестве коллективного индивидуума своему члену, с одной стороны, преварительную дифференциацию, которая по крайней мере подготавливает его к дифференцированию в качестве абсолютной индивидуальности, с другой стороны, защиту, благодаря которой эта последняя может развиваться, пока она не будет в состоянии противостоять самой обширной коллективности. Принадлежность к семье в более высоких культурах, где одновременно получают признание права индивидуальности и права самых широких кругов, представляет смешение того характерного значения, которое имеют тесная и более широкая социальные группы.

Если я указывал выше, что большая группа предоставляет более простора крайнему развитию и возвращению индивидуализма, мизантропическому уединению, причудливости и капризным формам жизни, бесцеремонному эгоизму, то это является лишь следствием того, что более широкая группа предъявляет к нам меньше требований, меньше заботится об отдельных людях и поэтому ставит меньше препятствий для полного развития даже самых извращенных влечений, чем более тесная группа. Следовательно, размер круга несет лишь отрицательную вину и дело идет не столько о развитии в пределах группы, сколько о развитии вне ее, к которому большая группа открывает своим членам более доступа, чем меньшая группа. Тогда как здесь мы имеем перед собой односторонние гипертрофии, причиной или следствием которых является слабость индивидуума, мы видим, однако, что именно в односторонности, которую приносит с собой принадлежность к большей группе, лежит неизмеримо могучий источник силы и притом не только для совокупности, но и для отдельного члена. Яснее всего свидетельствует об этом тот, несчетное число раз наблюдавшийся факт, что лица, которые состарились действуя в одном определенном кругу, тотчас по выходе из него теряют силы, при помощи которых они до сих пор вполне удовлетворительно исполняли свое дело; это происходит не только потому, что данное количество силы, не следуя более привычным путям, не может приспособиться к тем, которые ему вновь указаны, и вследствие этого разлагается, но потому, что вся личность во всех своих деятельности, даже лежащих вне ее призвания, замирает в большинстве таких случаев, так что нам потом может казаться, что организм сам по себе давно уже не располагал силами, нужными для его деятельности, и мог развить лишь в этой определенной ее форме ту способность, которая, собственно говоря, ему самому уже более не свойственна; так же приблизительно представляли себе, что жизненная сила вырабатывает наряду с естественными силами, пребывающими в составных частях тела, еще особую силу для химических и физических действий, которая свойственна специально форме органического. Подобно тому как теперь устранили из жизни эту силу и свели ту сумму сил, которую, казалось, она производила, к

особому сочетанию ранее известных сил, держащих в естественном кру- говороте, подобно этому нужно будет признать, что энергетическая сосредото-ченность сил личности и тот прирост силы, который дает нам призвание,и о котором, по-видимому, свидетельствуют последствия, вызываемые его оставле-нием, - является лишь особенно благоприятным приспособлением и расположе-нием сил, которыми личность обладает и в обыкновенное время; ибо форма не производит силу. Но подобно тому как в действительности жизнь есть все-таки именно эта особая, ни с чем другим несравнимая комбинация и концентрация естественных сил, так и призвание создает, - именно тем способом, каким оно располагает, силы индивидуума, - их проявления и целесообразные сочетания, которые иначе были бы невозможны. И так как это специфическое оформление может иметь место для отдельного человека только внутри большой группы, организованной по принципу высокого разделения труда, то и на этом пути становится опять очевидным, в какой тесной зависимости от жизни в пределах самого большого круга находится укрепление и полное развитие личности.

Из дальнейшего развития этой зависимости нам становится понятным, что сильное развитие индивидуальности и высокое уважение к ней соединяются нередко с космополитическим образом мысли, что, наоборот, принадлежность к тесно ограниченной социальной группе создает препятствие и для того и для другого. И внешние формы, в которых выражается тот образ мысли, следуют той же схеме. Эпоха возрождения, с одной стороны, образовала в Италии совершенную индивидуальность, с другой стороны, выработала образ мысли и нравственные настроения, далеко выходящие за пределы более тесного социального круга; это прямо выражено, например, в словах Данте, что при всей страстной любви его к Флоренции мир является для него и для подобных ему отечеством, подобно тому как море для рыб; косвенно и, так сказать, а posteriori это доказывается тем, что формы жизни, созданные итальянским Возрождением, были восприняты всем цивилизованным миром, и притом именно потому, что они предоставили индивидуальности, какого бы рода она ни была, неслыханный до тех пор простор. Как на симптом этого развития я укажу только на неуважение к дворянству в эту эпоху. Дворянство лишь до тех пор пользуется настоящим значением, пока оно пред-ставляет социальный круг, который, являясь теснее сплоченным внутри, тем энергичнее обособляется от всей остальной массы, и притом как вверх, так и вниз; отрицание его значения свидетельствует об упразднении обоих признаков, свиде-тельствует, с одной стороны, о том, что признана ценность личности, к какому бы кругу она ни принадлежала по своему рождению, с другой стороны - о нивелировании дворянства теми, выше которых оно себя ставило раньше. И то и другое действительно нашло себе выражение в литературе того времени.

Из этих соотношений объясняется, между прочим, то подозрение в бессер-дечности и эгоизме, которое так часто падает на великих людей, - потому что объективные идеалы, которые их воодушевляют, выходят по своим причинам и следствиям далеко за пределы более узкого, охватывающего их круга и возмож-ность этого лежит именно в том, что их индивидуальность высоко поднимается над средним социальным разрезом; для того чтобы можно было видеть так далеко, нужно смотреть через головы тех, которые находятся вблизи.

Самой известной аналогией этому отношению является та взаимная связь, которая существует между республиканством и тиранией, между нивелированием и деспотизмом, и притом как в порядке последовательности, так и в порядке одновременности. Всякое общественное устройство, которое получает свой харак-тер от аристократии и буржуазии, которое, одним словом, предлагает социальному и политическому сознанию несколько граничащих между собой более тесных кругов, стремится, как только оно вообще захочет выйти из своих пределов, с одной

стороны, к объединению под руководством личной власти, с другой стороны - к социализму с анархическим оттенком, который с уничтожением всех различий стремится осуществить абсолютное право свободной личности. Так, политеизм древности с его пространственно-разобщенными областями божественного воздействия, стоящими друг над другом и рядом в различных отношениях, привел в начале нашего летосчисления: по направлению вверх - к монотеизму, по направлению вниз - к атеизму; так иезуитство, в противоположность аристократической церковной организации, имеет своей целью, с одной стороны, уравнивающую демагогию, с другой - папский абсолютизм. Поэтому нивелирование масс является по общему правилу корреляцией деспотизма и именно та церковь, которая энергичнее всего объединена стоящей во главе ее личностью, меньше всего дает возможность выдвинуться индивидуальности своих приверженцев и имеет больше всего успеха в деле создания мирообъемлющего государства, по возможности нивелирующего личность как таковую.

Во всех этих примерах наше коррелятивное соотношение между индивидуалистической и коллективистической тенденцией принимает, таким образом, иную форму: расширение круга стоит в связи с развитием личности не для членов самого круга, но в связи с идеей высшей личности, которой как бы передается индивидуальная воля и которая зато, - как в другом отношении святые, - берет на себя представительство.

Развитие, ведущее от более тесной группы одновременно к индивидуализации и к повышенной социализации, может, конечно, и не осуществляться всегда в одинаковой степени то и другое, но один элемент при известных обстоятельствах может иметь большое преобладание над другим, так как дело идет не о мета-Физической гармонии или о законе природы, который необходимо связывал бы известное количество первого с таким же количеством второго, но все отношение может иметь значение лишь очень общего объединяющего выражения для результата очень сложных и изменчивых исторических условий. Как уже было сказано выше, мы встречаем также случаи, когда развитие идет не одновременно в обе стороны, но в одну из них альтернативно и тем не менее доказывает коррелятивное соотношение между ними. Это обнаруживает очень отчетливо одна фаза в истории альменды, коллективного владения швейцарских общин. Поскольку альменды перешли во владение частей общин, местных и сельских корпораций, постольку в некоторых кантонах (Цюрихе, С.-Галлене и др.) законодательство обнаруживало в своем отношении к ним тенденцию или разделить их между отдельными членами, или устроить переход их к более крупным земельным общинам, потому что эти мельчайшие союзы располагали бы слишком ничтожной личной и территориальной базой для того, чтобы сделать свое владение достаточно плодотворным для публичной жизни.

Может быть, можно было бы выразить символически все отношение, которое мы здесь имеем в виду и которое осуществляется в самых разнообразных видах сосуществования, последовательности или наличности одного из двух моментов, таким образом, что более тесная группа образует до известной степени среднее пропорциональное между более широкой группой и индивидуальностью, так что первая, если она замкнута в себе и не нуждается ни в каком новом факторе, дает в результате возможность такой же жизни, какая вытекает из сочетания двух последних. Так, например, идея всемогущего римского государства имела своим коррелятом то, что наряду с *ius publicum* существовало *ius privatum*; выработанная сама по себе норма, регулирующая это всеобъемлющее целое, требовала соответствующей нормы для индивидуумов, которых оно в себе заключало. Существовала только, с одной стороны, община в самом широком смысле этого слова, с другой - отдельная личность; древнейшее римское право не знает никаких корпо-

раций, и этот дух остается вообще ему свойственным. Наоборот, в германском праве для общины нет никаких других правовых постановлений, кроме тех, которые существуют для отдельных людей; но эти совокупности не имеют того всеобъемлющего характера, как в Римском государстве, они меньше и вызваны изменчивыми и разнообразными потребностями отдельных людей. В маленьких общинах нет нужды в таком отделении публичного права от частного, потому что индивидуум в них теснее связан с целым.

Если мы говорим: чем более интереса вызывает человек, не как элемент общества, но как индивидуум, и, следовательно, те его свойства, которые присущи ему только как человеку, тем теснее должно быть то соединение, которое привлекает его, так сказать, через головы его социальной группы ко всему человеческому вообще и приближает его к мысли об идеальном единстве человеческого мира, - то это является только выводом из указанного отношения между индивидуальным моментом и социальным. Хорошим примером для этого коррелятивного соотношения является учение стоиков. Тогда как политически-социальная связь, в которой состоит отдельный человек, еще у Аристотеля является источником этических определений, - интерес стоиков в практической области прикован, собственно говоря, лишь к отдельной личности, и приближение индивидуума к идеалу, предписанному системой, стало исключительным лозунгом стоической практики, и притом настолько, что связь индивидуумов друг с другом является только средством для этой идеальной индивидуалистической цели. Но эта цель по своему содержанию определяется, конечно, идеей всеобщего разума, проходящего через все единичное. И к этому разуму, осуществление которого в индивидууме является идеалом стоиков, причастен каждый человек; выходя за пределы всех национальных границ и социальных ограничений, он связывает узами равенства и братства все, что носит название человека. Так, космополитизм является дополнением индивидуализма у стоиков; разрыв более тесных социальных связей, которому политические отношения благоприятствовали в ту эпоху не меньше, чем теоретические размышления, отодвинул, согласно ранее установленному нами принципу, центр тяжести нравственности интереса, с одной стороны, к индивидууму, с другой стороны, к тому самому широкому кругу, к которому принадлежит всякий человеческий индивидуум как таковой. То обстоятельство, что учение о равенстве всех людей вступает часто в союз с крайним индивидуализмом, становится нам из этого основания и из следующих. Весьма естественно с психологической точки зрения, что ужасное неравенство, в котором рождались отдельные люди в известные эпохи социальной истории, давало простор движению в двух направлениях: во-первых, в сторону права личности, во-вторых, в сторону всеобщего равенства, потому что более широкие массы бывают обыкновенно лишены в одинаковой степени и того и другого. Только имея в виду эту двустороннюю связь, можно понять такое явление, как Руссо; и возрастающее развитие всеобщего школьного обучения обнаруживает ту же тенденцию: с одной стороны, оно хочет устранить резкие различия в духовном уровне и, именно посредством установления известного равенства, предоставить каждому отдельному человеку возможность проявления его индивидуальных способностей, в чем ему было отказано раньше. Я думаю даже, что психологически ничто не может способствовать более представлению о всеобщем равенстве, как отчетливое сознание сущности и ценности индивидуальности, того факта, что каждый человек представляет из себя индивидуума с характерными свойствами, которых нельзя встретить во второй раз в том же сочетании; каковы бы ни были эти особенности по своему содержанию, форма индивидуальности присуща каждому человеку и определяет его ценность сообразно моменту редкости. Таким образом, создается формальное равенство: именно постольку, поскольку каждый представляет собой нечто особенное, он равен каждому другому. И учение об

абсолютном "я", о личной бессмертной душе, которая свойственна каждому человеку, должно было больше, чем все другое, способствовать созданию представления о всеобщем равенстве, потому что эмпирические различия, которые можно найти в содержании душ, не принимаются во внимание перед их вечными и абсолютными качествами, в которых они равны друг другу. Когда говорят о социалистическом характере древнего христианства, то он вытекает не столько из положительных оснований, сколько из отрицательных, из полного безразличия, с которым первые христиане относились ко всему, что обыкновенно образует различия между людьми, - и притом именно вследствие признания абсолютной отдельной души. Если отвергается абсолютная индивидуальность, то отдельные люди рассматриваются лишь как сумма их свойств и оказываются, конечно, столь же различными, как эти последние; но если эти свойства являются чем-то второстепенным в сравнении с главным, именно с личностью, свободой и бессмертием души, которая к тому же, как, например, у Руссо, с самого начала отличается совершенной добротой, извращенной только воспитанием и обществом, то равенство всех человеческих существ является естественным выводом. Впрочем, это метафизическое значение личности ведет, очевидно, к пренебрежению ее эмпирическим содержанием, имеющим, собственно говоря, большую важность. Но, так как прогрессирующая социализация стоит в естественном и внутренне-необходимом отношении к прогрессирующей индивидуализации, то отношение, которое мы только что охарактеризовали, является всегда пагубным там, где оно осуществляется на практике. Революционные движения, как например движение анабаптистов или движение 1789 г., приходят к своим логическим и этическим несообразностям благодаря тому, что, хотя они поднимают низшую совокупность до положения высшей, но вместе с тем они не охраняют права индивидуальности. В особенности французская революция через свое отношение к Руссо показывает, как легко признание метафизического значения личности приводит к пренебрежению ее реальным значением и как вследствие этого страдает и социализация, отпавшая от первого. Если мы снова обратимся к отношению между индивидуализмом и космополитизмом, то первый представляется нередко с нравственной точки зрения эгоизмом, и это особенно может иметь место там, где распалась связь, налагаемая патриотическим образом мысли, которая хотя и привязывает отдельного человека к меньшему кругу, чем космополитизм, но зато представляет более сильный противовес для эгоизма. Уже у циников обнаруживается подобное соотношение между космополитизмом и эгоизмом именно в том, что они выбрасывают промежуточный член патриотизма, который нужен для большинства людей для того, чтобы направить эгоизм в сторону альтруизма. Если, с одной стороны, классическая философия и после Аристотеля часто не приходит еще к точному определению понятия личности, если понятие разума довольно часто колеблется для нее между самим общим мировым разумом и чисто личной силой мышления, то это является, конечно, последствием привычки мышления, привязанной к более тесному государственному кругу как к чему-то среднему между наиболее общим и наиболее личным. Применимость этой формулы соотношения между повышением индивидуального и расширением социальной группы к нравственным отношениям может быть далее представлена в следующем виде. До тех пор пока хозяйственное или какое-нибудь другое производство происходит внутри более тесного круга, так что производителю более или менее известна его публика, - неизбежная психологическая ассоциация между работой и теми лицами, для которых она предназначена, будет парализовать два момента: с одной стороны, живой интерес к самой вещи и ее объективному совершенству, независимо от того, каким случайным и субъективно-определенным потребностям она будет служить, а с другой стороны, и чистый эгоизм, интересующийся только ценой своей

работы, а совсем не тем, кто будет за нее платить. Однако и тому и другому будет благоприятствовать расширение круга, для которого предназначается работа. Подобно тому как в теоретической области объективной истиной является то, что составляет истину для рода, в чем должно и можно будет, - если отвлечься от преходящих психологических препятствий, - убедить род, подобно этому идеалы и интересы являются для нас объективными постольку, поскольку они имеют значение для самого большого круга заинтересованных; все субъективное, одно-стороннее устраняется из них вследствие того, что они обращаются к возможно большему числу субъектов, в котором отдельный человек исчезает как таковой и которое возвращает сознание к самому делу. Я не считаю слишком смелым истолкование интереса, связанного с самим делом, безличного, идеального интереса, - в том смысле, что он возник из максимума сходящихся в нем интересов; от этого он получает свой преображенный характер, стоящий, по-видимому, над всем личным. Поэтому можно также указать на то, что деятельности, в которых чаще всего обнаруживается самое основательное и бескорыстное углубление в свою задачу и полная преданность делу, - я разумею проблемы науки, искусства, великие нравственные и практические проблемы, - в своих проявлениях обращаются к самой широкой публике. Если, например, говорят, что наукой следует заниматься не ради ее полезности или вообще каких-нибудь "целей", но ради нее самой, то это может быть лишь неточным выражением, потому что деятельность, от результатов которой люди не чувствовали бы ни выгоды, ни пользы, - была бы не идеальной, а бессмысленной; это может означать только психологическое наслоение и взаимное парализовывание бесчисленного множества отдельных интересов, в противоположность которым преследование интересов более узкого круга, признанных и осознанных по отдельности, является полезностью или целесообразностью. Итак, мы видим, здесь, что отношение к самому широкому кругу, хотя оно и может заставить подняться над индивидуальным эгоизмом, уничтожает все-таки сознание настоящей социальной целесообразности, которое скорее свойственно деятельности ради более тесной группы; но, с другой стороны, то обстоятельство, что с расширением социального круга ослабевает социальное сознание, приводит именно в области хозяйственного производства к совершенному эгоизму. Чем меньше знает производитель своих потребителей, тем исключительнее направлен его интерес только на высоту вознаграждения, которое он может получить от них; чем безличнее и бескачественнее является для него противостоящая ему публика, тем более этому соответствует исключительное стремление бескачественному результату работы - деньгам; если не принимать во внимание тех высших областей, в которых энергия труда вытекает из абстрактного идеализма, то работник будет вкладывать в свой труд тем больше своей личности и своего нравственного интереса, чем более знаком ему лично и чем ближе стоит к нему круг его покупателей, как это бывает только при неразвитых отношениях. С увеличением размеров группы, на которую он работает, с увеличением безразличия, с которым он только и может противостоять ей, отпадают различные моменты, ограничивавшие хозяйственный эгоизм. Человеческая природа и человеческие отношения во многом устроены таким образом, что чем более отношения индивидуума выходят за пределы определенного по своей величине объема, тем более он сосредоточивается на самом себе.

Этическое рассмотрение, продолженное еще дальше в область индивидуального и социального, показывает, что установленное нами коррелятивное соотношение сохраняет свое значение и на крайних пунктах того и другого. То, что называют обязанностями по отношению к самому себе, как в смысле предписания, так и в смысле запрещения, есть то же самое, что, с другой стороны, обыкновенно считается достоинством и долгом "человека вообще". Самосохранение, самооблада-

ние, истинное чувство собственного достоинства, усовершенствование собственной личности - все это обязанности, которые, по крайней мере в этой абстрактной форме, не имеют никакого специального отношения к более узкому социальному кругу, налагающему на нас в других случаях - в разных местах по-разному - обязанности особого характера. Они имеют значение не только при всех возможных отношениях, но их телеологическое определение распространяется и на самые широкие и общие круги, с которыми мы вообще приходим и можем прийти в соприкосновение. Мы должны исполнять такие обязанности перед самими собой не как люди, принадлежащие к тому или другому кругу, но как люди вообще; и нет никакого сомнения в том, что общая человечность, которая их на нас возлагает, представляет собой только более широкий социальный круг в противоположность более узкому, требующему от нас услуг более непосредственных, более определенных по отношению к третьим лицам. Именно потому, что привыкли думать, что обязанность есть всегда обязанность по отношению к кому-нибудь, ее представляют как обязанность по отношению к самому себе всякий раз, как ее чувствуют без того, чтобы она относилась осязательно к другим людям. Расширенный и наслоившийся родовой опыт сообщил этим обязанностям полное нравственное значение, отодвинув вместе с этим, вследствие широты круга и множества интересов и целей, которые в них сходились, все отдельные телеологические отношения их за пределы сознания, причем сумел обратить сознание, искавшее цель, объект для чувства долга, к самому себе, так что именно долг по отношению к самой большой совокупности кажется нам долгом по отношению к собственному "я".

В несколько другом обороте, который имеет в виду не столько цель нравственности, сколько ее происхождение, это представляется таким образом. Мы различаем, по примеру Канта, нравственную гетерономию, т.е. нравственное поведение, основывающееся на внешнем предписании, и нравственную автономию, которая совершает то же самое из внутреннего побуждения и только ради удовлетворения собственного чувства долга. Но подобно тому как каждая обязанность по своей цели есть обязанность по отношению к кому-нибудь и этот некто есть первоначально внешнее лицо, точно так же и по происхождению своему она является внешним предписанием, которое лишь в результате продолжительного процесса, проходящего через всю историю рода, переходит в чувство чисто внутреннего должностования. Нужно было, очевидно, все огромное множество отдельных внешних импульсов для того, что вытравить из сознания происхождение отдельных нравственных предписаний; потому что мы всюду замечаем, что генезис отдельного явления психологически прикрепляется к нему до тех пор, пока это явление имеет место при одних только известных условиях, но что оно приобретает психологическую самостоятельность, как только мы наблюдаем, что одно и то же вызывается многими и разнообразными предшествующими условиями. Психологическая связь с каждым отдельным из них разрывается постольку, поскольку явление вступает в связь с другими условиями. Тысячу раз можем мы наблюдать даже в индивидуальной жизни, что известное принуждение должно только применяться достаточно часто и с достаточно многих сторон для того, чтобы уже создалась привычка и, в конце концов, самостоятельная, не нуждающаяся больше в принуждении, склонность совершать данное действие. То же самое происходит путем унаследования. Чем разнообразнее те отношения внутри рода, из которых вырастает принуждение к социально полезным действиям, и чем чаще оно практикуется, тем скорее эти отношения будут ощущаться как сами по себе необходимые и будут выполняться по автономной, по-видимому, склонности индивидуума, - так что и здесь величайшее множество, самый широкий круг импульсов представляется чем-то в высшей степени индивидуальным благодаря выбрасыванию промежуточных сфер. Достаточно бросить один взгляд на содержание

нравственной автономии, чтобы подтвердилась эта зависимость. Более узкие и специальные обязанности обыкновенно не апеллируют непосредственно к этой автономии; наоборот, постольку, поскольку наши обязанности носят по своему содержанию более широкий характер, они зависят лишь от личного чувства долга. Исследуя, чем отличается то, что должно быть совершено "из чисто нравственных побуждений", от внешних предписаний государства, церкви, нравов, мы всегда находим, что оно оказывается общечеловеческим, - все равно имеет ли это общее качественное значение, как в обязанностях по отношению к семье, или количественное, как в обязанности всеобщего человеколюбия. Специальные цели имеют специальных исполнителей; общечеловеческое - отдельный человек обязан осуществлять из личных побуждений. Автономная нравственность содержит то, что хорошо "само по себе"; но таковым является только то, что хорошо для человека вообще, т.е. для максимальной совокупности. Я думаю, можно утверждать, что, пользуясь опять выражениями Канта, - от статуйного к автономно-предписанному есть постепенный переход, идущий параллельно переходу от меньшего социального круга к большему. Следует иметь в виду, что этот процесс непрерывный, что не только крайности индивидуализма и космополитизма психологически и этически соприкасаются между собой, но что уже на пути к ним, ведущем от социальной группы, расстояния, пройденные в обоих направлениях, обыкновенно соответствуют друг другу. И это сохраняет значение не только для единичных, но и для коллективных индивидуумов. История развития форм семьи дает нам для этого много подтверждений, например, следующее. Когда матриархальная семья (в том виде, как ее реконструировали Бахофен и Липперт) была вытеснена тем значением, которое получила власть мужчины, то сначала семья являлась единой не столько в силу того, что отец был ее производителем, сколько в силу господства, которым он пользовался над известным числом людей, среди которых были не только его кровные потомки, но и пришедшие со стороны, купленные, и вошедшие в семью посредством брака, и целые семьи их, и т.д. и которые все вместе стояли под единой властью. Из этой первоначальной патриархальной семьи уже позднее дифференцируется новая, основанная исключительно на кровном родстве, в которой родители и дети образовывали самостоятельную ячейку. Эта семья была, конечно, гораздо меньше и носила более индивидуальный характер, чем первая, обширная, патриархальная; однако именно благодаря этому стало возможным их соединение в одно, уже гораздо большее] государственное целое. Первая, более древняя, группа могла во всяком случае удовлетворять свои потребности как в добывании средств для существования, так и при ведении войны; но как только она распалась вследствие индивидуализации на маленькие семьи, так соединение последних в более обширную группу стало] возможным и нужным по понятным причинам, и Платон только продолжил этот процесс в том же направлении, уничтожив семью вообще для того, чтобы довести государственную общину, как таковую, до максимума сплоченности и силы.

В мире животных наблюдали уже то же самое, именно, что склонность к образованию семьи стоит в обратном отношении к склонности к образованию более обширных групп; отношение моногамии и даже полигамии содержит в себе нечто столь исключительное, забота о потомстве настолько поглощает родителей, что от этого страдает дальнейшая социализация у таких животных. Поэтому среди птиц организованные группы встречаются сравнительно редко, тогда как, например, дикие собаки, среди которых господствует полное смешение полов и взаимная отчужденность по совершении акта, живут большей частью тесно сплоченными стаями, а среди млекопитающих, у которых господствуют как семейные, так и социальные склонности, мы всегда замечали, что в периоды преобладания первых, т.е. во время спаривания и деторождения, последние значительно ослабляются. В

то же время соединение родителей и детенышей в одну семью бывает тем теснее, чем меньше число последних; я укажу лишь на тот наглядный пример, что в пределах класса рыб те из них, потомство которых вполне предоставлено самому себе, кладут бесчисленные миллионы яиц, тогда как рыбы, высиживающие яйца и устраивающие гнезда, у которых, следовательно, встречаются зачатки семейной сплоченности, кладут только небольшое число яиц. В этом смысле утверждали, что социальные отношения между животными исходят не из брачных или родительских отношений, но из отношений братского кровного родства, так как последние предоставляют индивидууму гораздо больше свободы, чем первые, и поэтому делают его более склонным тесно примкнуть к более широкому кругу, которые представляется ему прежде всего в лице этих боковых родственников, так что принадлежность к семье животных считали величайшим препятствием для присоединения к более обширному обществу животных.

Как велико, впрочем, взаимодействие между распадом более мелких групп и расширением социализации, с одной стороны, и самоутверждением индивидуума - с другой, обнаруживает далее в области семейных форм разложение патриархальной группировки в Древнем Риме. Когда гражданские права и обязанности в военное и мирное время стали принадлежать сыновьям так же, как и отцу, когда первые получили возможность приобретать личное значение, влияние, военную добычу и т.д., то это создало такую трещину в *patria potestas*, которая должна была все более раскалывать патриархальное отношение и притом в интересах более широкой государственной целесообразности, в интересах права большего целого над каждым из его членов, но в то же время и в интересах личности, которая через отношение к этому целому могла получить то значение, которое несравненно более ограничивалось до тех пор патриархальным отношением. И с субъективной точки зрения, если принять во внимание чувство индивидуальности, то не очень сложное психологическое соображение показывает, насколько жизнь в более Широким кругу и взаимодействие с ним в гораздо большей степени развивает личное сознание, чем жизнь и взаимодействие в кругу более ограниченном. Именно то, чем и в чем личность себя обнаруживает, - есть смена отдельных чувств, мыслей, деятельностей; чем равномернее и спокойнее идет жизнь, чем Менее крайние проявления в жизни чувства уклоняются от ее среднего уровня, тем с меньшей силой проявляется чувство личности; но чем сильнее колебания этих крайностей, тем сильнее чувствует себя человек как личность. Подобно тому как постоянное устанавливается всегда только в сравнении с изменчивым, подобно тому как только смена акциденций обнаруживает устойчивость субстанции, так, очевидно, "я" ощущается как пребывающее и устойчивое при всех изменениях в психологическом содержании особенно тогда, когда именно эти изменения дают для этого особенно много поводов. Пока психические возбуждения, особенно возбуждения чувств, немногочисленны - "я" сливается с ними, остается скрытым в них; оно поднимается над ними лишь постольку, поскольку, благодаря множеству разнообразного, для нашего сознания выясняется то, что всему этому обще, совершенно так же, как высшее понятие поднимается над отдельными явлениями не тогда, когда мы знаем только одно воплощение его или небольшое число их, но лишь после знакомства с очень многими из них, и при этом оно становится тем выше и чище, чем отчетливее происходит взаимное устранение того, что в них есть различного. Однако эта смена содержаний "я", которая, собственно говоря, только и отмечает последнее для сознания как неподвижный полюс в потоке психических явлений, будет в пределах большого круга несравненно более оживленной, чем при жизни в более тесной группе. Правда, могут возразить, что именно дифференциация и специализация в пределах первого погружает отдельного человека в гораздо более односторонне равномерную атмосферу, чем это бывает при меньшем разделении труда; однако,

если даже признать это в виде отрицательного момента, все же наше замечание имеет существенное значение для мышления и хотения индивидуумов; возбуждения чувства, которые имеют особенное значение для субъективного самосознания (Ichbewusstsein), происходят именно там, где каждый отдельный член является в высокой степени дифференцированным и окружен другими также в высокой степени дифференцированными членами, и поэтому сравнения, трения, специализированные отношения вызывают к жизни множество реакций, которые остаются скрытыми в тесном недифференцированном кругу, а здесь, именно вследствие своей многочисленности и разнообразия, по-вышают чувство собственной личности или, быть может, впервые его вызывают.

Дифференциация частей нужна даже непременно в том случае, если группа при данном пространстве и при ограниченных жизненных условиях должна разрастаться и эта необходимость существует даже в тех областях, которым совершенно чуждо давление хозяйственных отношений. Например, тогда как в древнейших христианских общинах господствовало полнейшее проникновение религиозной идеи в жизнь и каждая функция была поднята до ее сферы, распространение в массах не могло не повести к известной поверхности и профанации; то мирское, с которым смешалось религиозное, получило теперь слишком большой количественный перевес для того, чтобы присоединенный к нему составной элемент религиозного мог бы тотчас и всецело наложить на него свою печать. Но одновременно с этим образовалось монашество, для которого мирское отошло вполне на задний план, и притом для того, чтобы жизнь могла наполниться исключительно религиозным содержанием. Единство религии и жизни распалось на светское и духовное состояния, образовалась дифференциация в пределах круга христианской религии, которая была совершенно необходима для дальнейшего существования последней, если она должна была выйти за пределы первоначальных тесных границ. Когда Данте проповедует самый резкий дуализм между светским и церковным режимом, полную взаимную независимость между религиозными и государственными нормами, то он ставит это в непосредственную и реальную связь с идеей всемирной монархии, полного объединения всего человеческого рода в одно органическое целое.

Там, где образуется большое целое, там встречается одновременно так много тенденций, стремлений и интересов, что единство целого, его существование как такового могло бы прекратиться, если бы дифференциация не распределяла бы то, что по существу различно, между разными индивидуумами, учреждениями или группами. Недифференцированное совместное существование вызывает притязания на один и тот же объект, которые становятся враждебными, тогда как при полной разъединенности совместная жизнь и заключенность в одних и тех же рамках является гораздо более возможной. Именно отношение церкви к другим элементам совместной жизни, а не только к государству, обнаруживает это часто. Так, например, пока церковь считалась и считается одновременно источником и охранительницей знания, возродившаяся в ней наука в конце концов всегда становилась по отношению к ней в известную оппозицию; дело доходило до самых противоположных притязаний, стремившихся к установлению истины об определенном предмете и до "двух разных истин", которые во всяком случае являлись началом дифференциации, но именно постольку и приводили вновь к тем худшим конфликтам, чем более тесным считалось соединение церкви и науки. Лишь в том случае, когда обе они совершенно раздельны, они могут вполне ужиться друг с другом. Только дифференциация, переносящая функцию познания на другие органы, отличные от органов религиозных функций, делает возможным их совместное существование при том увеличении их, которое существует в обширной групповой единице.

К нашей основной мысли приводит также явление, на первый взгляд противоположное. Именно там, где элементы, уже дифференцированные или склонные к дифференциации, вынуждены против воли принадлежать сообществу к известному, охватывающему их единству, - нередко является в результате как раз повышенная неуживчивость и более сильное взаимное отвращение; широкие общие рамки, которые именно и требуют, с одной стороны, дифференциации, для того чтобы поддерживать свое существование в таком виде, создают, с другой стороны, взаимное трение элементов и такое обнаружение противоположностей, которое не образовалось бы в пределах этого единства без насильственного стеснения элементов и которое легко ведет к его распадению. Однако и в этом случае соединение в одной большой общности является средством, хотя и временным, ведущим к индивидуализации и к ее осознанию. Так, именно миродержавная политика средневековой империи развязала и даже вызвала к жизни партикуляризм народов, племен и князей; установление единообразия и объединение в одно большое целое, к которым стремились и которые отчасти были осуществлены, - впервые создали, усилили, довели до сознания то, что они, конечно, должны были впоследствии разложить, - индивидуальность частей.

Для этого взаимоотношения между индивидуализацией и обобщением (*Veralgemeinerung*) можно найти примеры и во внешней области. Если каждый одевается так, как ему нравится, не считаясь с той одеждой, которая свойственна его занятию и званию, то это является, с одной стороны, более индивидуальным, а с другой - более общечеловеческим, поскольку та одежда имеет в виду что-то отличающее, охватывает более узкую группу, с особыми отличительными чертами, распадению которой является в то же время признаком широкой социализации и индивидуализации. Следующий случай показывает еще определеннее, что соотношение между выступлением индивидуальности и расширением группы имеет место не только в реальном поведении, но и в психологическом способе представления. Мы узнаем от путешественников и до известной степени можем легко наблюдать это и сами, что при первом знакомстве с каким-нибудь чужим племенем кажется, что все индивидуумы, принадлежащие к нему, похожи друг на друга настолько, что их нельзя различить, и притом тем более, чем более это племя отличается от нас по отношению к неграм, китайцам и др. Это отличие настолько овладевает сознанием, что в сравнении с ним их индивидуальные различия совсем исчезают. Но они выступают тем более, чем долее продолжается знакомство с этими людьми, которые казались сначала одинаковыми; и, соответственно с этим, исчезает постоянное сознание общего и основного различия между нами и ими; как только они не являются для нас более замкнутым и однородным в своих пределах единством, - мы привыкаем к ним; наблюдение показывает, что они кажутся нам тем однороднее, чем разнороднее оказываются по ознакомлению с ними: общее сходство, связывающее их с нами, возрастает по мере того, как мы узнаем их индивидуальные различия.

Образование наших понятий также идет по такому пути, что сначала известное число объектов сочетается и объединяется по очень выдающимся признакам в одну категорию и резко противопоставляется другому понятию, которое образовалось таким же способом. Но по мере того, как наряду с этими прежде всего обращающими на себя внимание и определяющими качествами обнаруживаются и другие, которые индивидуализируют объекты, содержащиеся в первоначально образованном понятии, - резкие границы между понятиями должны пасть. История человеческого духа полна примерами такого процесса, и одним из самых выдающихся примеров является превращение старой родовой теории в учение о происхождении видов. Прежняя точка зрения полагала между родами органического мира такие резкие границы, видела между ними такое незначительное суще-

ственное сходство, что могла верить не в общее происхождение, а только в обособленные творческие акты; двойной потребности нашего духа (с одной стороны, в объединении, с другой стороны, в различении) эта точка зрения удовлетворяла тем, что включала в одно единое понятие большое число одинаковых отдельных явлений, но зато тем резче отграничивала это понятие от всех других, и таким образом, согласно исходному пункту вышеизложенной формулы, она уравновешивала то обстоятельство, что мало считалась с индивидуальностью внутри группы, тем, что индивидуализировала с тем большею определенностью эту группу сравнительно с другими и исключала все общее сходство среди больших классов или во всем органическом мире. Новая точка зрения раздвигает это отношение в обе стороны; она удовлетворяет стремлению к объединению посредством идеи всеобщего единства всего живущего, идеи, которая производит все множество явлений из первоначально зародыша на началах кровного родства; склонности же к дифференциации и спецификации она удовлетворяет тем, что рассматривает каждого индивидуума как особую, подлежащую самостоятельному исследованию ступень этого процесса развития всего живущего; сообщая расплывчатость прежним застывшим границам между родами, она в то же время разрушает мнимое существенное различие между чисто индивидуальными и родовыми свойствами; таким образом, она рассматривает всеобщее в еще большей всеобщности, а индивидуальное в еще большей индивидуальности, чем это было доступно прежней теории. И таково именно то дополнительное отношение, которое обнаруживается и в реальном общественном развитии.

Психологическое развитие нашего познания также обнаруживает в самых общих чертах это двойное направление. С одной стороны, мышление, находящееся в менее культурном состоянии, неспособно подняться к высшим обобщениям, постигнуть законы, которые сохраняют повсюду свое значение и из пересечения которых образуется отдельное индивидуальное явление. С другой стороны, ему недостает остроты в понимании и той любовной преданности, благодаря которой может быть понята или даже только воспринята индивидуальность как таковая. Чем выше стоит душа, тем совершеннее она дифференцируется в обе эти стороны: явления мира не дают ей покоя, пока она не разложит их на такие общие законы, что всякая обособленность вполне исчезнет и ни одна, даже самая отдаленная, комбинация явлений не будет противиться этому разложению. Но как бы ни были случайны и мимолетны эти комбинации, они все же налицо, и тот, кто может довести до своего сознания всеобщие и вечные элементы бытия, должен отчетливо схватывать и ту форму индивидуального, в которой они встречаются, потому что именно только самое точное прозрение отдельного явления дает возможность осознать те всеобщие законы и условия, которые в нем скрещиваются. Расплывчатость мышления мешает и тому и другому, так как составные части явления не разлагаются для него с достаточной ясностью, чтобы можно было познать как индивидуальную своеобразность явления, так и ту высшую закономерность, которая присуща ему наравне с другими. В глубокой связи с этим находится то, что антропоморфизм в мирозерцании исчезает по мере того, как для познания обнаруживается равенство людей со всеми другими существами перед лицом закона природы; ибо, как только мы познаем то высшее, которому подчинены мы сами и все другое, так мы отказываемся представлять себе и рассматривать и все остальные существа в мире по специальным нормам того случайного сочетания, которое составляем мы сами. Самостоятельное значение и оправдание других явлений и событий в природе пропадает при антропоцентрическом способе рассмотрения и получает свою окраску всецело от того колорита, который лежит на человечестве. Только возвышение к тому, что стоит над ним самим, к самой всеобщей естественной закономерности создает ту справедливость в мирозерцании, которая познает

и признает каждый предмет в его обособленном существовании, в его индивидуальности. Я убежден в этом: если бы все движения мира были сведены к господствующей надо всем закономерности, присущей механике атомов, - мы узнали бы яснее, чем отличается каждое существо от всех других.

Это теоретико-познавательное и психологическое отношение расширяется, хотя и сохраняя ту же самую форму развития, как только дело коснется не законов природы, а метафизических всеобщностей. Здесь наряду со способностью рассудка к отвлечению душевное настроение вырабатывает из своих сокровенных глубин цветок метафизики, создает ту проникновенную совместную жизнь с явлениями мира, которая заставляет нас смутно предчувствовать самые всеобщие, сверх эмпирические жизненные силы, сдерживающие мир изнутри. И та же самая глубина вместе с накоплением ощущений внушает нам нередко ту священную робость перед индивидуальностью внутренних или внешних явлений, которая как раз и не позволяет нам искать в трансцендентных понятиях и образах некоторое убежище от затруднения или хотя бы только от необъяснимости данного переживания. Нас интересует не то, откуда эта судьба и куда она ведет, но то, что она является такой своеобразной, несравнимой ни с чем другим в данной своей комбинации. Тогда как высшие метафизические обобщения обязаны своим происхождением утонченной жизни чувства, именно последнее нередко оказывается слишком захваченным восприятием и созерцанием всех частных эмпирического мира и имеет достаточно нежную организацию для того, чтобы замечать все эти колебания, противоположности и странности в отношениях индивидуального, мимо которых скользит со своими ощущениями человек, не столь остро чувствующий и довольствующийся лишь тем, что смотрит и удивляется на эту изменчивую игру отдельных моментов. Едва ли мне нужно говорить, что такую дифференциацию представляет с наибольшей законченностью эстетическое дарование; с одной стороны, оно старается найти восполнение земного несовершенства в построении идеального ^Ммира, в котором живут чистые типические формы; с другой стороны, оно старается погрузиться в то, что есть наиболее своеобразного, наиболее индивидуального в явлениях и их судьбах. Точно так же в практической нравственной области, при исполнении обязанностей сердце отзывается и привязывается с наибольшей теплотой к самым узким и затем к самым широким Кругам: с одной стороны, к самому тесному кругу семьи, с другой стороны, к отечеству; с одной стороны, к индивидуальности, с другой - ко всемирной гражданской общине; обязанности по отношению к промежуточным кругам, как бы они ни были тесны и сплочены, не вызывают того теплого и искреннего чувства, которое связано с этими полюсами социальной жизни и которое обнаруживает и с этой стороны их внутреннюю принадлежность. И подобно тому, как обстоит дело с оптимистическим настроением преданности, точно так же обстоит дело с настроением скептически-пессимистическим: оно легко соединяет отчаяние в своем собственном "я" с отчаянием в самой широкой совокупности, слишком часто переносит чувство внутренней бесценности, проистекающее из чисто субъективных моментов, на мир, как целое. То, что лежит в промежутке, отдельные стороны и области мира могут при этом обсуждаться объективно и даже оптимистически. И наоборот, пессимизм, который относится только к этим отдельным частям, может не касаться ни самого "я", ни мира в его целом.

Г. Зиммель ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ

* Зиммель Г. Проблема социологии / Новые идеи в социологии. СПб., 1913. Вып. 1. Если правда, что человеческое познание развилось из практических потребностей, так как знание истины служит оружием в борьбе за существование и перед внешним

миром, и в соперничестве людей между собою, то все же оно с давних пор не связано условиями своего происхождения и из простого средства для целей жизни само сделалось окончательной целью. Однако даже в суверенной форме науки познание не везде порвало свои связи с интересами практики, хотя теперь эти связи выражают не простые успехи последней, а взаимодействие двух миров, имеющих самостоятельное право на существование. Не только научное познание предлагает себя как в технике для осуществления посторонних целей воли, но, с другой стороны, и на практических положениях, внутренних и внешних, нарастает потребность теоретического понимания; часто возникают новые течения мысли, при чисто абстрактном характере которых интересы нового чувствования и нового волнения вплетаются в постановку вопросов и в формы интеллектуальности. Так, притязания, с которыми выступает социология как наука, являются теоретическим завершением и отражением практического могущества, достигнутого в девятнадцатом столетии массами насчет интересов индивидуума. Чувство значительности и внимание к низшим классам со стороны социальных верхов воплотились в понятии "общество", и это произошло по той причине, что благодаря социальному расстоянию первые являются для последних не личностями, но лишь объединенной массой и самое это расстояние допускает между ними возможность только одной принципиальной связи: они совместно образуют "общество". В то время как классы, действительность которых обусловлена не заметным значением составляющих их единиц, а "общественностью" их бытия, привлекли к себе теоретическое сознание - как следствие практических соотношений власти. Мысль сразу подметила, что вообще всякое индивидуальное явление определяется бесконечностью влияний окружающей его человеческой среды. И эта мысль приобрела, так сказать, обратную действующую силу: наряду с современным и прошлое общество явилось той субстанцией, которая образует отдельное существование как море - волны; здесь, по-видимому, была найдена твердая почва, и ее силы одни могли объяснить особые формы, в которые отливаются личности. Этому направлению мысли оказал поддержку современный релятивизм, склонность все особое и субстанциальное растворять во взаимодействиях; индивидуум стал теперь только местом, где связываются социальные нити, личность только особенной формой этого процесса. Так как теперь пришли к сознанию, что всякое человеческое Действие протекает внутри общества и никогда не может избавиться от его влияний, то все, что не было наукой о природе, должно было стать наукой об обществе. Она явилась всеобъемлющей областью, где встречались друг с другом этика и история культуры, политическая экономия и наука о религии, эстетика и Демография, политика и этнология, так как предметы этих наук реализовались в рамках общества: наука о человеке и есть будто бы наука об обществе. Этому представлению о социологии как науке о всем человеческом вообще содействовало то обстоятельство, что она была новой наукой и вследствие этого к ней устремились всевозможные, нигде не находящие себе должного освещения проблемы - вновь открытая страна всегда Эльдorado для бездомных и беспочвенных элементов: неизбежная на первых порах неопределенность и незащищенность границ дает каждому право искать там убежища. Но, посмотрев внимательнее, мы убеждаемся, что, смешивая в кучу все доселе известные области знания, мы не создаем ни одной новой. Получается лишь то, что все исторические, психологические, нормативные науки вытряхиваются в один большой горшок и к нему приклеивается ярлык: социология. В результате явилось бы только новое имя, между тем как все, обозначаемое им, уже установлено по своему содержанию и своим отношениям или же вырабатывается в границах старых областей исследования. Тот факт, что человеческое мышление и поведение протекают в обществе и определяются им, не может сделать социологию всеобъемлющей наукой о них, точно так же, как нельзя включить в содержание

психологии химию, ботанику и астрономию на том основании, что их предметы в конце концов становятся действительными только в сознании человека и подчиняются его предпосылкам.

В основе этого заблуждения лежит, хотя и плохо понятый, но сам по себе весьма значительный факт. Новый взгляд: человек во всем своем существе и всех его выражениях определяется тем, что он живет во взаимодействии с другими людьми, - должен во всяком случае вести к новой точке зрения во всех так называемых науках о духе. Теперь уже невозможно при объяснении исторических фактов в самом широком смысле слова, содержания культуры, форм хозяйства, норм нравственности исходить из отдельной личности, ее рассудка и ее интересов, а где это не удастся, сейчас же хвататься за метафизические причины. По отношению к языку, например, мы уже не стоим перед альтернативой, что он или изобретен гениальным человеком, или дан людям богом; в продуктах религиозного творчества уже не приходится делать выбора между выдумкой хитрых жрецов и непосредственным откровением и т.п. Теперь, напротив, мы думаем понять исторические явления из взаимного и совместного действия личностей, из суммирования и сублимирования бесчисленных единичных вкладов, из воплощения социальных энергий в образованиях, которые существуют и развиваются по ту сторону личности. Социология, в ее отношении к существующим наукам, есть, следовательно, новый метод, средство исследования, нужное для того, чтобы к явлениям всех этих областей подойти по новому пути. Поэтому она в общем играет ту же роль, что в свое время индукция, которая в качестве нового принципа исследования проникла во всевозможные науки, как бы акклиматизировалась в каждой из них и в пределах установленных для них задач помогла добиться новых решений. Но как индукция поэтому вовсе не является особой, а тем более всеобъемлющей наукой, так не является ею, по тем же основаниям, и социология. Поскольку она ссылается на то, что человек должен быть понят как социальное существо и что общество является носителем всякого исторического бытия, она не содержит ни одного объекта, который не изучался бы уже в одной из существующих наук, она указывает лишь новый путь для всех них, метод науки, который именно вследствие своей приложимости ко всей совокупности проблем не может быть самостоятельной наукой.

Но где же тот собственный и новый объект, исследование которого делает социологию самостоятельной наукой, с определенными границами? Ясно, что для оправдания ее в качестве новой науки не требуется открытия предмета, существование которого было бы доселе неизвестно. Все, что мы называем объектом вообще, есть комплекс определений и отношений, из которых каждое, вскрытое на множестве предметов, может стать объектом особой науки. Каждая наука покоится на абстракции: цельность любой вещи, которой в ее единстве не может достигнуть ни одна наука, она рассматривает с одной из ее сторон, с точки зрения одного понятия. Поставленная перед цельностью вещи и вещей, каждая наука ^в1растает на основе разделения труда, разлагая их на отдельные качества и функции, после того как уже найдено то понятие, которое позволяет выделить эти последние и уловить их по методическим связям всюду, где они встречаются в реальных вещах. Так, например, лингвистические факты, которые теперь объединены как материал сравнительного языкознания, уже давно существовали в явлениях, подвергавшихся научному изучению; но эта отдельная наука возникла с открытием понятия, подчиняясь которому, все они, прежде существовавшие порознь в различных языковых комплексах, теперь относятся как к одному целому и управляются специальными законами. Так и социология, как особая наука, могла бы найти свой особый объект в том, что она проведет новую линию сквозь факты, которые сами по себе хорошо известны; по отношению к ним только не обнаружилось еще своей действительности то понятие, которое раскрыло бы нечто вообще для всех этих фактов

в их стороне, обращенной к ее линии, образовало бы из них методически-научное единство. Для чрезвычайно сложных, вообще не подводимых под одну научную точку зрения фактов исторического общества понятия политики, хозяйства, культуры и т.д. создают такого рода познавательные ряды; они или объединяют некоторые части этих фактов, выделяя другие или допуская только побочное их содействие, в неповторяющиеся исторические процессы, или же отмечают группировки элементов, которые, независимо от всякого отдельного "здесь" или "теперь", содержат вневременную необходимую связь. Если должна быть и социология как особая наука, то понятие общества как такового, помимо внешнего объединения этих явлений, должно подвергнуть новой абстракции и координации общественноисторические данности таким образом, чтобы известные свойства их, до сих пор подмеченные в иных и многообразных сочетаниях, были признаны за однородные и потому за объекты единой науки.

Вот эту именно точку зрения дает анализ понятия общества, который мы можем охарактеризовать как различие формы и содержания общества, подчеркивая, что это, собственно говоря, только сравнение, удобное для того, чтобы приближенно обозначить противоположность разделяемых элементов; необходимо непосредственно схватить эту противоположность в ее единственном по своеобразию смысле, не предопределяя ее обычным значением этих предварительных наименований. Я исхожу при этом из самого широкого представления об обществе, по возможности избегая спорных определений: общество существует там, где несколько индивидуумов вступают во взаимодействие. Это взаимодействие всегда возникает из определенных влечений или ради определенных целей. Эротические, религиозные или чисто общественные влечения, цели защиты и нападения, игры и промысла, помощь и поучения обуславливают то, что человек вступает в общение, Действует друг для друга, друг с другом и друг против друга, вступает в корреляцию состояний с другими, т.е. оказывает воздействия на них и получает воздействия от них. Эти взаимодействия означают, что из индивидуальных носителей этих определяющих влечений и целей создается единство, словом, создается "общество". Ибо единство в эмпирическом смысле есть не что иное, как взаимодействие элементов: органическое тело образует единство, потому что его органы связаны между собою более тесным обменом своих энергий, чем со всяким внешним бытием; государство едино, потому что между его гражданами существует соответствующее отношение взаимных воздействий; даже вселенную мы не могли бы называть единой, если бы каждая из ее частей не влияла как-нибудь на остальные, если бы где-нибудь обрывалась хотя бы опосредственная взаимность влияний. Это единство или обобществление, смотря по роду и узости взаимодействия, может иметь весьма различные степени, начиная от эфемерного соединения для прогулки - до семьи, от всех отношений, расторгаемых, как наем квартиры, до сопринадлежности к одному государству, от мимолетной встречи гостей в отеле до внутренней связанности средневековой гильдии. Все то, что проявляется в личностях в этих непосредственно конкретных пунктах всякой исторической действительности как влечение, интерес, цель, склонность, психическое состояние и движение такого рода, что из них или в связи с ними возникает воздействие на других или восприятие их воздействий, - все это я называю содержанием, как бы материей обобществления. Сами по себе эти материалы, наполняющие жизнь, эти мотивации, движущие ее, не социальны по своей природе. Ни голод или любовь, ни труд или религиозность, ни техника или функции и продукты ума, как они даны непосредственно в своем чистом смысле, не означают еще обобществления; они только создают его, преобразовывая изолированное соседство индивидуумов в определенные формы сожителства и содружества, которые относятся к общему понятию взаимодействия. Обобществление, следовательно, есть в бесконечно разнообраз-

ных видах осуществляющая форма, в которой на основе этих - чувственных или идеальных, мгновенных или длительных, сознательных или бессознательных, причинно движущих или телеологических влекущих - интересов личности срастаются в некоторое целое и внутри которого эти интересы находят свое осуществление.

Во всяком наличном социальном явлении содержание и общественная форма образуют цельную реальность; социальная форма так же не может приобрести существования, отрешенного от всякого содержания, как пространственная форма не может существовать без материи, формой которой она является. В действительности, все это неразрывные элементы всякого социального бытия и бывания; интерес, цель, мотив и форма или характер взаимодействия между личностями, через посредство которых или в образе которых это содержание становится общественной действительностью.

"Общество", в каком бы смысле теперь ни употреблялось это слово, становится обществом, очевидно, только благодаря указанным видам взаимодействия. Известное число людей образует общество не потому, что в каждом из них живет какое-либо конкретно определенное или индивидуально движущее им жизненное содержание; лишь в том случае, если жизненность этих содержаний приобретает форму взаимных влияний, если происходит воздействие одного из них на другого - непосредственно или через посредство третьего, - из чисто пространственного соседства или временной смены людей рождается общество. И если есть наука, предметом которой является общество и ничто другое, ее единственной целью может быть только исследование этих взаимодействий, видов и форм обобществления. Все прочее, что еще находится внутри "общества" и реализуется благодаря ему или в его рамках, это не само общество, а только содержание, которое вырабатывает себе такую форму сосуществования (или которое вырабатывается этой формой), хотя, конечно, оно лишь с нею вместе создает реальное образование, называемое "обществом" в широком и обычном смысле слова. Что оба эти элемента, в действительности неразрывно соединенные, разделяются в научной абстракции, что формы взаимодействия или обобществления объединяются между собой в логической отрешенности от содержаний, которые лишь через них становятся общественными, что эти формы методически подчиняются цельной научной точке зрения, - в этом обстоятельстве, кажется, и заключается единственная и притом полная возможность обоснования специальной науки об обществе, как таковой. Благодаря ей только факты, которые мы называем общественно-исторической реальностью, действительно, проецируются на плоскость чисто общественного бытия.

Но пусть такого рода абстракции, которые одни из смешанной или же цельной действительности создают науку, вызываются повелительно внутренними потребностями познания: какое-нибудь оправдание для них должно же заключаться в структуре самой объективности; только какое-либо функциональное отношение к конкретности может служить гарантией против постановки бесплодных вопросов, против случайного характера научного образования понятий. Как бы ни заблуждался наивный реализм, усматривая в самой данности те аналитические или синтетические координации, благодаря которым она становится содержанием науки, - все же качества, которыми она фактически обладает, более или менее податливы, восприимчивы к этим координациям, подобно тому, например, как портрет принципиально преобразует естественное человеческое лицо и однако же одно лицо имеет больше шансов, чем другое, для этого в корне чуждого ему образования; и этим измеряется правомерность научных проблем и методов. И вот право подвергать историко-социальные явления анализу, разлагающему их на формы и содержания, и объединять первые в некотором синтезе, покоится на двух условиях,

которые могут быть оправданы только фактами. Прежде всего, должно оказаться, что одна и та же форма обобществления появляется при совершенно различном содержании, для совершенно различных целей и, наоборот, что тот же самый по содержанию интерес облекается в совершенно различные формы обобществления, являющиеся его носителями или типами его реализации: так, одинаковые геометрические формы встречаются на различных телах и одно тело представляется в самых разнообразных пространственных формах, и так же обстоит дело между логическими формами и материальными содержаниями знания.

Но и то, и другое как факт бесспорно. В общественных группах, самых не-сходных по целям и по всему их значению, мы находим все же одинаковые формы отношений личностей друг к другу. Главенство и подчинение, конкуренция, подражание, разделение труда, образование партий, представительство, одновременное развитие сомкнутости внутри и замкнутости во вне и бесчисленное множество других явлений встречаются в государственном общежитии и в религиозной общине, в шайке заговорщиков и в экономическом товариществе, в художественной школе и в семье. Как бы ни были многообразны интересы, которые вообще приводят к этим обобществлениям, формы, в которых они совершаются, могут быть одинаковы. И с другой стороны: одинаковый по содержанию интерес может представиться в весьма разнообразно оформленных обобществлениях, например, экономический интерес реализуется через посредство конкуренции, и точно так же, как и планомерные организации производителей, то замыкаясь перед другими хозяйственными группами, то примыкая к ним; религиозные жизненные содержания, оставаясь тождественными по существу, требуют где свободной, где централистической формы общежития; интересы, заложенные в основе отношений полов, находят удовлетворение в почти необозримом многообразии семейных форм; педагогический интерес приводит то к либеральной, то к деспотической форме отношения учителя к ученикам, то к индивидуалистическим взаимодействиям между учителем и отдельным учеником, то к более коллективистской - между ним и совокупностью учеников. Итак, как форма, в которой осуществляются самые далекие содержания, может быть тождественной, так может быть устойчивой и материя, в то время как совместность личностей, являющаяся ее носителем, движется в самых многообразных формах; и тем самым факты, хотя в их данности материя и форма составляют неразрывное единство социальной жизни, дают нам необходимое оправдание социологической проблемы, которая требует констатирования, систематического построения, психологического обоснования и исторического развития чистых форм обобществления.

Эта проблема прямо противоположна тому принципу, по которому были созданы все наши отдельные социальные науки. Разделение труда между ними определялось исключительно различием содержания. Политическая экономия и систематика церковных организаций, история школьного дела и нравов, политика теории половой жизни и т.д. поделили между собой область социальных явлений, так что социология, которая желала бы объять совокупность этих явлений с их слитностью формы и содержания, не могла бы быть ни чем иным, как суммированием этих наук. Пока линии, которые мы проводим сквозь историческую действительность, чтобы разложить ее на отдельные области исследования, связывают только те пункты, которые обнаруживают общие содержания интересов, до тех пор в этой действительности нет места для социологии; необходима новая линия, которая, пересекая все прежде проведенные, отрешает от всякой связи с разнородными интересами чистый факт обобществления, в многообразии его образований, и конституирует его как отдельную область науки. Социология будет специальной наукой в том смысле - при всех само собою понятных различиях методов и результатов, - в каком сделалась таковой теория познания, которая абстрагировала

категории или функции познания сами по себе от множества знаний об отдельных вещах. Она принадлежит к тому типу наук, специальный характер которых состоит не в том, что их предмет вместе с другими подходит под одно высшее, общее понятие (как классическая филология и германистика, оптика и акустика), а в том, что они ставят всю совокупность предметов под особый угол зрения. Не объект, а точка зрения, особенная, совершаемая ею абстракция дифференцирует ее от остальных историко-социальных наук.

Понятие общества покрывает два значения, строго различающихся для научно-го исследования. Во-первых, это - комплекс обобществленных личностей, общественно-оформленный человеческий материал, как его представляет вся историческая действительность. А во-вторых, "общество" есть сумма тех форм отношений, благодаря которым из личностей и образуется общество в первом смысле слова. Так, "шаром" называют, во-первых, определенным образом оформленную материю, а затем, в математическом смысле, чистую фигуру или форму, посредством которой простая материя становится шаром в первом значении слова. Когда говорят об общественных науках в первом значении, то их объектом является все, что происходит в обществе и с обществом; общественная наука в последнем смысле имеет своим предметом силы, отношения и формы, через посредство которых люди обобществляют себя, которые, следовательно, в чистом виде составляют "общество" *sensu strictissimo*, и это, разумеется, нисколько не умаляется тем обстоятельством, что содержание обобществления, специальные модификации его материальной цели и интереса часто или даже всегда обуславливают его специальную форму. Совершенно неправильно было бы здесь возражение, что все эти формы: иерархии и корпорации, конкуренции и брачные формы, дружественные связи и общественные нравы, единодержавие и господство многих - являются будто бы только событиями в уже существующих обществах, что, не будь уже в наличности общества, отсутствовала бы предпосылка и возможность возникновения таких форм. Это представление рождается оттого, что в каждом из известных нам обществ действует большое число таких форм союзности, т.е. обобществления. Поэтому, если бы даже отпала одна из них, "общество" все-таки осталось бы, так что о каждой из них в отдельности можно было бы подумать, что она приводит к уже готовому обществу или возникает внутри его. Но если осмыслить все эти отдельные формы, то не останется уже никакого общества. Лишь там, где становятся действительными такого рода взаимоотношения, вызванные известными мотивами и интересами, там возникает общество; и хотя, конечно, история и законы вырастающих таким образом общих образований являются делом общественной науки в ее широком смысле, но так как оно уже разобрано отдельными специальными науками, то для социологии в тесном смысле слова, в том, который ставит для нее особую задачу, остается только изучение абстрагированных форм, которые не столько обуславливают обобществление, сколько являются им; общество в том смысле, какой может вкладывать в это слово социология, есть или абстрактное общее понятие для этих форм, род, видами которого они являются, или же оно есть действующая в данное время совокупность этих форм. Из этого понятия следует далее, что данное число личностей может быть обществом в большей или меньшей степени: со всяким новым нарастанием синтетических образований, всяким зарождением партийных групп, всяким объединением для общего дела или в общем чувстве и мысли, с более решительным разделением службы и господства, со всякой совместной трапезой, с нарядами, которые надеваются для других, та же самая группа становится в большей степени "обществом", чем она была раньше. Не существует нигде общества вообще, которое было бы предпосылкой для образования отдельных явлений союзности; ибо нет взаимодействия вообще, но лишь особые виды его, с появлением которых общество

уже существует, и которые не служат его причиной или следствием, потому что они и общество - одно и то же. Одно лишь необозримое богатство их и разнообразие, с которым они оказываются действенными в любой момент, дало общему понятию общества, по-видимому, самостоятельную историческую реальность. Быть может, в этом гипостазировании простой абстракции скрывается причина своеобразной бледности и неуверенности, присущей этому понятию и всем рассуждениям общей социологии, - подобно тому, как наука долго топталась на месте с понятием жизни, пока она рассматривала ее как цельное явление, обладающее непосредственной реальностью. Лишь тогда, когда были исследованы отдельные процессы внутри организмов, сумма или сплетение которых и есть жизнь, когда было признано, что жизнь существует только в этих особенных процессах внутри органов и клеток, наука о жизни приобрела новую почву.

Только таким путем можно установить, что в обществе действительно является "обществом", как геометрия одна определяет, что в пространственных вещах действительно является их пространственностью. Социология, как учение об общественном бытии человечества, которое и в бесконечно многих других отношениях может быть объектом науки, относится таким же образом к остальным специальным наукам, как к физико-химическим наукам о материи относится геометрия: она рассматривает форму, благодаря которой материя вообще превращается в эмпирические тела - форму, которая, правда, сама по себе существует только в абстракции, совершенно так же, как и формы обобществления. Как геометрия, так и социология предоставляют другим наукам исследование содержания, которые являются в их формах, или целостных явлений, чистую форму которых они рассматривают. Едва ли нужно упоминать, что эта аналогия с геометрией не идет ни на шаг далее этих положений, которыми мы пытались пояснить принципиальную проблему социологии. Прежде всего преимущество геометрии в том, что она находит в своей области чрезвычайно простые образования, к которым могут сводиться и более сложные фигуры; поэтому из сравнительно немногочисленных основных определений ей удается конструировать круг всех возможных образований. По отношению к формам обобществления нельзя надеяться в близком будущем даже на приблизительное разложение их на простые элементы. Вследствие этого социологические формы, чтобы быть хотя сколько-нибудь определенными, могут иметь значение лишь для относительно узкого круга явлений. Хотя говорят, например, что господство и подчинение есть форма, встречающаяся Почти во всяком человеческом обобществлении, но нам мало дает эта общая Истина. Необходимо присмотреться к отдельным видам господства и подчинения, к специальным формам их осуществления, но с возрастанием их определенности они, естественно, теряют в объеме своей значимости.

Если альтернатива, перед которой теперь имеют обыкновение ставить всякую науку: стремится ли она к отысканию имеющих вневременную значимость элементов или к изображению и пониманию однажды данных, исторически - реальных процессов - во всяком случае не исключает и бесчисленных промежуточных форм во время действительной научной работы, то установленное здесь понятие проблемы социологии ничуть не затрагивается необходимостью этого выбора. Этот отвлеченный от действительности объект можно рассматривать, с одной стороны, в его закономерностях, которые, будучи заложены в чисто фактической структуре элементов, относятся безразлично к их пространственно-временной реализации; они просто имеют значимость, все равно, один ли раз или тысячу раз позволяет им осуществиться историческая действительность. Но, с другой стороны, можно точно так же рассматривать эти формы осуществления, следя за их возникновением в том или другом месте, за их историческим развитием внутри определенных групп. Их констатирование было бы в последнем случае, так сказать, исторической само-

целью, в первом - материалом индукции для отыскания вневременных закономерностей. О конкуренции, например, мы узнаем в самых различных областях; политика, как и народное хозяйство, история религий, как и искусство, рассказывают бесчисленные случаи ее. На основании этих фактов нужно установить, что означает конкуренция как чистая форма человеческих отношений, при каких обстоятельствах она возникает, как она развивается, какие модификации вызывает в ней своеобразие ее объекта, какие одновременные, формальные и материальные условия общества усиливают или ослабляют ее, чем отличается конкуренция личностей от конкуренции между группами, - словом, что представляет она как форма отношения людей между собою, которая способна принимать в себя всевозможные содержания, но тождественностью своих проявлений при огромном разнообразии последних доказывает, что она принадлежит к области, управляемой по собственным законам и оправдывающей ее абстракцию. Из смешанных явлений выделяется однородное как бы в разрезе; неоднородное в них - в нашем случае содержание интересов - взаимно парализуется. Соответствующим образом следует поступать и со всеми крупными социально-формирующими отношениями и взаимодействиями: с образованием партий, подражанием, образованием классов, кружков, вторичных подразделений, с воплощением социальных взаимодействий в особых образованиях реального, личного, идеального порядка, с возрастанием и ролью иерархий, с "представительством" целых групп отдельными членами, со значением общей вражды для внутренней сплоченности группы к этим главным проблемам примыкают, равным образом влияя на формальную определенность групп, с одной стороны, более специальные, с другой - более сложные факты: примеры первых - значение "беспартийного", значение "бедного", как органического члена общества, численной определенности элементов группы, значение *primus inter pares* и *tertius gaudens*. Как пример более сложных процессов можно было бы назвать: скрещивание разнообразных кругов в отдельных личностях, особое значение "тайны" в образовании кружков, видоизменение характера групп в зависимости от того, принадлежат ли к ним локально соприкасающиеся личности или же разделенные не принадлежащими к ним элементами, и бесконечное множество других вопросов.

Я оставляю при этом, как уже было мельком указано, без ответа вопрос, встречается ли абсолютное тождество форм при различии содержаний. Приблизительного тождества, которое они обнаруживают при весьма разнородных материальных обстоятельствах, - и обратно - достаточно, чтобы считать это принципиально возможным; именно в том, что это тождество никогда не осуществляется без остатка, и сказывается различие между исторически-душевым бытием, с его никогда не допускающими полного рационализирования колебаниями и осложнениями, и способностью геометрии высвободить с абсолютной чистотой подчиненные ее понятию формы от их реализации в материи. Необходимо помнить также, что это тождество характера взаимодействия при любом различии человеческого и вещественного материала и *vice versa* служит прежде всего лишь вспомогательным средством для того, чтобы выполнить и оправдать на отдельных целостных явлениях научное разделение формы и содержания. Методически оно было бы неизбежно и тогда, если бы фактические условия вообще исключали возможность применения того индуктивного процесса, который заставляет выкристаллизовываться общее из различного, совершенно так же как геометрическая абстракция пространственной формы тела имела бы свое оправдание и в том случае, если бы фактически обладающее такую формой тело встречалось только однажды во всем мире. Нельзя отрицать, что этим создаются трудности для исследования. Представим себе такой, например, факт, что к концу средних веков некоторые цеховые мастера благодаря расширению торговых отношений оказались вынуждены к закупке материалов, найму подмастерьев, новым способам

привлечения покупателей, которые не согласовались более со старыми цеховыми принципами, по которым каждый мастер должен был иметь то же "пропитание", что и другие, и что они поэтому старались создать себе положение вне старого, тесного союза. Рассматривая это явление с точки зрения его чисто социологической формы, отвлеченной от специального содержания, мы увидим его смысл в том, что расширение круга, в котором связана личность в своей деятельности, идет рука об руку с большей свободой и взаимной дифференциацией личностей. Но, как мне думается, не существует такого безошибочного метода, который позволял бы из этого смешанного, реализованного в своем содержании факта высвободить его социологический смысл; каково чисто социологическое соотношение и каково частное взаимодействие индивидов, заключающееся в историческом процессе, взаимодействие, отвлекаемое от живущих в индивидууме интересов и влечений и от условий чисто конкретного характера, - это не только допускает различное истолкование, но мы и сами исторические факты, доказывающие действительность определенных социологических форм, можем приводить только в их материальной целостности и лишены способа сделать наглядным и всегда осуществимым их распадение на материальный и формально-зоологический момент. Здесь дело обстоит так же, как с доказательством геометрической теоремы при неизбежной случайности и грубости чертежа. Но математик может рассчитывать на то, что понятие идеальной геометрической фигуры общеизвестно и действительно, и внутреннее созерцание в нем одним видит существенный смысл набросанной мелом или чернилами фигуры. Здесь же отсутствует соответствующая предпосылка; высвобождение того элемента, который действительно является чистым обобщением, из смешанного цельного явления не обладает логической принудительностью.

Здесь приходится взять на себя неблагодарную и щекотливую обязанность - говорить об интуитивном методе, поскольку он отличается от спекулятивно-метафизического, об особой обостренности взгляда, который совершает указанный выше раздел, и пока позднее она не будет закреплена в твердых методах, поддающихся выражению в понятиях, к ней может подготовить только удачный выбор примеров. И это затруднение усиливается оттого, что не только отсутствует бесспорная техника для применения основного социологического понятия, но и там, где с ним успешно оперируют, все еще для многих моментов событий остается часто произвольным, подводит ли их под это понятие или под понятие материальной определенности (по содержанию). Поскольку, например, явление "бедности" социологично по своей природе, то есть, представляет результат формальных отношений в пределах группы, обусловленный общими течениями и сдвигами, которые с необходимостью зарождаются в соединении людей, - или же на бедность нужно смотреть, как на материальное условие жизни отдельных личностей, исключительно под углом зрения содержания экономических интересов, - на этот счет возможны противоположные взгляды. Исторические явления в общем можно рассматривать с тех принципиальных точек зрения: как судьбы личностей, являющихся реальными носителями общественного строя; как формальные формы взаимодействия, которые, правда, реализуются только в жизни личностей, но рассматриваются уже с точки зрения не их самих, а их совместности, союзности и содружества; наконец, как логически формулируемые содержания учреждений и событий, причем вопрос идет не о носителях или их отношениях, но о чисто реальном их значении, о хозяйстве и технике, об искусстве и науке, о нормах права и продуктах душевной жизни. Эти три точки зрения вечно сплетаются, методически необходимость, постоянно разделяющая их, парализуется трудностью, с которой сопряжено включение каждого явления в один из независимых друг от друга рядов, и страстным тяготением к единому, обнимающему все точки зрения, цельному образу

действительности. Насколько глубоко одни элементы вторгаются в другие, взаимно обосновывая друг друга, этого никогда не удастся установить для всех возможных случаев, а потому, при всей методической ясности и решительности в постановке вопроса, едва ли можно будет избежать двусмысленности: изучение частной проблемы кажется подходящим то под одну, то под другую категорию и даже в пределах одной категории не всегда отчетливо отграничено от методов изучения других. Впрочем, я надеюсь, что методика предлагаемой здесь социологии выяснится резче и даже, может быть, отчетливее из анализа ее отдельных проблем, чем из этого абстрактного основоположения. Нередко случается в области духа, - а в самых общих и глубоких проблемах это случается сплошь и рядом, - что так называемый нами фундамент (это сравнение ведь принадлежит к числу неизбежных) стоит не так прочно, как воздвигаемое на нем здание. И научная практика, особенно в ее неисследованных областях, не может обойтись в своем движении без некоторой помощи инстинкта, мотивы и нормы которого лишь впоследствии получают совершенно ясное сознание и логическую разработку. И хотя научная работа никогда не может искать опоры в одних этих, еще неясных, инстинктивных приемах, непосредственно применяемых лишь в каждом частном изыскании, однако, пред лицом новых задач требовать непогрешимо формулируемой методики как условия самых первых шагов этой работы - значит, осудить ее на бесплодие¹.

¹ Посмотрите на бесконечную сложность социальной жизни, на только что вырастающие из первобытной грубости понятия и методы, которые должны духовно преодолеть ее: было бы безумием надеяться сейчас на совершенную ясность вопросов и правильность ответов. Мне кажется, достойнее признать это с первых же слов (этим, по крайней мере, будет положено решительно начало), чем притязаниями на законченность делать даже это значение подобных попыток проблематичным. И главы этой книги по методу задуманы как примеры, по содержанию - как отрывки того, что я считаю за науку об обществе. В обоих отношениях казалось полезным выбирать темы по возможности разнородные, смешивать самое общее и специальное. Чем менее предлагаемый здесь материал округляется в систематическое целое, чем дальше друг от друга его части, тем шире намечается круг, который очертит будущая, усовершенствованная социология, соединяя установленные уже здесь отдельные пункты. Если я таким образом сам подчеркиваю совершенно отрывочный и неполный характер этой книги, то я не хочу прикрыться дешевым предупреждением от возможных в этом смысле упреков. Если ее несомненная с точки зрения идеала объективной законченности случайность в выборе частных проблем и примеров может показаться ошибкой, то это доказывало бы только, что я не сумел сделать достаточно ясной ее основную часть. Для меня здесь может идти речь лишь о начале и установке вех для бесконечно длинного пути, и всякая систематически законченная полнота была бы по меньшей мере самообманом. Полноты каждый может достигнуть здесь только в субъективном смысле, - сообщая все, что ему лично удалось видеть.

В границах того круга проблем, который образуется с выделением из общества как целого форм обобществленного взаимодействия, части предлагаемых здесь исследований уже, так сказать, количественно лежат по ту сторону задач, обычно признаваемых за социологией. Стоит предложить себе вопрос о сложной сети взаимодействий между личностями, сумма которых создает сплоченность общества, как тотчас обнаруживается целый ряд - можно сказать, целый мир - таких форм отношений, которые или вообще не были вовлечены до сих пор в общественную науку, или трактовались без внимания к их принципиальному и жизненному значению. В общем, социология ограничивалась, собственно, теми общественными явлениями, где взаимодействующие силы уже выкристаллизовались из их

непосредственных носителей, обратившись по крайней мере в идеальные единицы. Государства и промышленные союзы, жречество и формы семьи, хозяйственные организации и военное дело, цехи и общины, образование классов и индустриальное разделение труда - эти и им подобные крупные органы и системы, по-видимому, составляют общество и заполняют область социальной науки. Ясно, что чем крупнее, значительнее и могущественнее данная область социальных интересов и направление деятельности, тем скорее совершится превращение непосредственной, междуиндивидуальной жизни и действия в объективные образования, в абстрактное бытие, стоящее по ту сторону отдельных и первичных процессов. Но эта мысль нуждается в двух важных дополнениях. Помимо указанных бросающихся в глаза явлений, повсюду заявляющих о своей широкой распространенности и своем внешнем значении, существует неизмеримое множество мелких, в отдельных случаях представляющихся маловажными форм отношений и видов взаимодействий между людьми, которые, однако, из этих отдельных случаев скопляются в необозримые массы и, просачиваясь сквозь более широкие, так сказать, официальные общественные формы, в сущности, впервые и создают общество таким, каким мы его знаем. Господствующая ограниченность социальных форм напоминает старую науку о внутренностях человеческого тела, которая ограничивалась крупными, отчетливо обрисованными органами: сердцем, печенью, легкими, желудком и т.д. и оставляла без внимания бесчисленные, не имеющие популярного имени или неизвестные ткани, без которых первые, более ясные органы не могли бы образовать живого тела. Из образований названного рода, которые составляют традиционные предметы обществоведения, никак невозможно было бы составить действительной, данной в опыте жизни общества; без вмешательства бесчисленных синтезов, не столь обширных в каждом отдельном случае, которым главным образом будут посвящены эти исследования, жизнь распалась бы на множество несвязанных между собою систем. То же самое обстоятельство, которое затрудняет научную фиксацию таких незаметных социальных форм, одновременно делает их бесконечно значительными для углубленного понимания общества: я имею в виду, что они в общем еще не отлились в твердые, сверхиндивидуальные образования и показывают общество как бы *in statu nascendi* - разумеется, не в самом первом, исторически неуловимом зарождении, но в том, которое совершается каждый день и каждый час; постоянно завязывается и разрывается и снова завязывается обобществление между людьми, вечные волны и биения пульса, сковывающие людей даже там, где дело не доходит до настоящих организаций. Здесь речь идет как бы о микроскопически-молекулярных процессах внутри человеческого материала, которые, однако же, являются действительным бытием, сплывающим или гипостазируемым в макроскопические, твердые единицы и системы. Люди обмениваются взглядами, люди ревнуют друг к другу; они пишут письма или вместе садятся обедать; они относятся друг к другу с симпатией или антипатией, совершенно независимо от всяких явных интересов; благодарность за совершенный альтруистический поступок влечет за собою неразрывную и обязывающую цепь последствий; один человек расспрашивает другого о дороге; они одеваются и наряжаются друг для друга, - целые тысячи перебрасывающихся от личности к личности отношений, мгновенных или длительных, сознательных или бессознательных, мимолетных или чреватых последствиями, из которых мы выбрали первые попавшиеся примеры, непрерывно связываются между собою. В каждое мгновение прядутся эти нити, то бросаются, то завязываются снова, заменяются другими, сплетаются с другими. Здесь перед нами доступные только для психологического микроскопа взаимодействия между атомами общества, которые несут в себе всю цепкость и упругость, всю пестроту и цельность этой столь ясной и столь загадочной жизни общества. Дело в том, чтобы принцип бесконечно

многих и бесконечно малых воздействий был применен и к условиям социального сосуществования после того, как он оказал такие услуги в науках, изучающих временные последовательности: в геологии, биологической теории эволюции и истории. Неизмеримо малые шаги восстанавливают связь исторического целого; точно так же незаметные взаимодействия, идущие от лица к лицу, восстанавливают связь социального целого. Все эти непрерывно текущие физические и душевные прикосновения, взаимное возбуждение удовольствия и страдания, разговоры и молчание - только это и создает удивительную неразрывность общества, приливы и отливы его жизни, в которых его элементы беспрепятственно находят, теряют и перестраивают свое равновесие. Может быть, пониманием этой истины будет достигнуто в обществоведении то же, что дало для науки об органической жизни начало микроскопии. Если прежде исследование ограничивалось крупными, резко обособленными органами тела, форма и функции которых представляли непосредственно очевидные различия, то теперь жизненный процесс обнаружил свою связанность с мельчайшими носителями, с клетками, и свою тождественность с бесчисленными и непрерывными взаимодействиями между ними. Они смыкаются или разрушают друг друга, ассимилируются или химически реагируют - и только это позволяет нам постепенно понимать способ, которым тело создает свою форму, сохраняет или изменяет ее. Большие органы, в которых эти основные носители жизни и их взаимодействия объединились в макроскопически наблюдаемые отдельные образования и функции, никогда не сделали бы понятным жизненное начало, если бы подлинная, основная жизнь не раскрылась в несчетных процессах, протекающих между мельчайшими элементами, которые, так сказать, только суммируются макроскопическими процессами. Совершенно независимо от всякой социологической или метафизической аналогии между реальностями общества и организма здесь речь идет лишь об аналогии методического изучения и его развития; о вскрытии нежных нитей, минимальных отношений между людьми, непрерывное повторение которых служит основой и поддержкой всех крупных, ставших объективными образований, имеющих свою настоящую историю. И вот эти-то первичные процессы, создающие общество из непосредственного, индивидуального материала, наряду с более высокими и усложненными процессами и образованиями необходимо подвергнуть формальному изучению, необходимо исследовать отдельные взаимодействия, представляющиеся в размерах, не совсем привычных для теоретического взора, и в них искать социально-творческие формы, части обобществления. Этим столь незначительным снаружи видам отношений будет тем более полезно посвятить подробные изыскания, что социология обычно ими пренебрегает.

Но как раз при этих условиях намеченные здесь исследования обещают сделаться ни чем иным, как главой из психологии, во всяком случае социальной психологии. Несомненно, что все общественные процессы и инстинкты имеют свое место в душах, что обобществление есть психическое явление и для его основного факта - создание единства из множественности элементов - нет даже аналогии в мире телесного, так как там все остается обреченным на непреодолимую разобщенность пространства. Какое бы внешнее бывание мы ни называли общественным, оно было бы игрой марионеток, столь же непонятной и незначительной, как течение пронизывающих друг друга облаков или разрастание чащи древесных ветвей; если бы мы не видели как нечто разумеющееся само собою в душевных мотивациях, чувствах, мыслях, потребностях не только носителей всех внешних явлений, но и их существенное содержание, собственно говоря, единственно интегрирующее нас. Мы достигли бы в самом деле причинного понимания всех социальных бываний, если бы психологические данные и их развитие позволяли бы дедуцировать эти события "по психологическим законам" - как ни проблематично для нас это понятие.

Несомненно и то, что доступные нам постижения историко-общественной жизни представляют не что иное, как душевные сцепления, которые мы воспроизводим с помощью инстинктивной или методической психологии и сводим к внутреннему правдоподобию, к чувству душевной необходимости исследуемых фактов эволюции. Всякая история, всякое описание социального быта является постольку приложением психологического знания. Однако в методическом отношении чрезвычайно важно и для принципов наук о духе положительно решающее значение имеет то обстоятельство, что научная разработка душевных фактов вовсе не обязательно является психологией; даже там, где мы на каждом шагу прибегаем к помощи психологических правил и знаний, где объяснение каждого отдельного факта возможно только на психологическом пути - как это бывает в социологии, - смысл и цель этой работы вовсе не обязательно направлены на психологию, т.е. не на закон душевного процесса, который, правда, один только и может вмещать определенное содержание, а на само это содержание и его конфигурацию. Здесь только количественное отличие от наук о внешней природе, которые, как факты духовной жизни, в конце концов тоже существуют внутри души: открытие каждой астрономической или химической истины, так же, как и мысли по поводу их, есть событие в сознании, которое совершенная психология могла бы без остатка дедуцировать из чисто душевных условий и эволюции. Однако эти науки существуют лишь постольку, поскольку они вместо душевных процессов избирают своим предметом их содержания и их связи, подобно тому как мы видим в картине ее эстетическое и художественно-историческое значение, а не физические колебания, которые вызывают ее краски и которые, конечно, создают и поддерживают все реальное существование картины. Действительность всегда одна. Но мы не можем научно опознать ее в непосредственности и цельности и должны воспринимать ее с целого ряда отдельных точек зрения и таким образом преобразовывать ее во множественность независимых друг от друга объектов знания. Но то же самое требование относится и к тем душевным данностям, содержания которых не сгущаются в самостоятельный пространственный мир и не могут быть противопоставлены воззрительно их душевной реальности. Формы и законы языка, например, который, конечно, образован силами души и для целей Души, несмотря на это, изучаются языкознанием, которое совершенно отвлекается от этой единственно данной реализации своего предмета и изображает его, анализирует или конструирует исключительно по его содержанию и облекающим это содержание формам. Подобным же образом обстоит дело и с фактами обобщения. Люди влияют друг на друга, один из них что-то делает или испытывает, существует или изменяется потому, что существуют другие, что они выявляют себя, действуют или чувствуют, - все это, конечно, душевные явления, и историческое возникновение каждого отдельного случая можно понять только при помощи психологического воссоздания, правдоподобия психологических рядов, интерпретации внешне констатируемых фактов средствами психологических категорий. Однако в определенных научных целях можно оставить совершенно без внимания это душевное бытие как таковое и проследивать содержания его сами по себе, как они координируются под понятие обобщения, разлагать их, приводить их в различные связи. Пусть, например, мы констатируем, что отношение сильного к слабому, которое облекается в форму *primus inter pares*, обнаруживает типическую тенденцию превратиться в абсолютное господство первого и постепенно исключить моменты равенства. Хотя в исторической действительности это - душевный процесс, но нас с социологической точки зрения интересует теперь только одно-как здесь сменяют друг друга различные стадии главенства и подчинения, до какого предела главенство в одном определенном отношении совместимо с равенством в других отношениях и при каком перевесе могущества последнее гибнет окончательно; в

какой из этих стадий, в ранней или последней, благоприятнее складываются условия объединения, возможности кооперации и т.д. Или же мы констатируем, что вражда бывает всего ожесточеннее там, где она возникает на почве старого или еще не совсем угасшего общения, сопринадлежности к одному союзу, - ведь самой пламенной ненавистью считают ту, которая вспыхивает между родственниками по крови. Как факт, это можно понять или даже описать только психологически. Но когда мы рассматриваем это явление как социологическую форму, нас интересует не душевный ряд, протекающий в каждой из обеих лично-стей, но подведение их под категорию единения и раздвоения; мы спрашиваем, в какой мере отношение двух личностей или партий может содержать вражду и сопринадлежность, чтобы сообщать целому окраску первой или последней; какие виды сопринадлежности, проявляющейся как воспоминание или как неискоренимый инстинкт, дают в руки оружие для более жестокого, глубже ранящего оскорбления, чем это возможно при отчужденности, господствующей с самого начала; словом, вопрос теперь в том, каким образом представить наше наблюдение как реализацию форм отношений между людьми, какую частную комбинацию социо-логических категорий она представляет, - хотя единичное или типическое описание процесса само может быть только психологическим. Продолжая наш прежний намек, здесь можно сделать сравнение - не забывая и о различиях - с геометрической дедукцией, которая совершается при помощи начерченной на доске фигуры. Единственно данным и доступным взору являются здесь физически написанные мелом штрихи; но смысл нашего геометрического наблюдения не в них, а в их значении для геометрического понятия, которое является совершенно гетерогенным по сравнению с физической фигурой как наслоением меловых частиц, хотя и она, со своей стороны, также подходит под научные категории и, например, ее физиологическое возникновение или ее химические свойства и оптическое впечатление могут быть предметами особых исследований. Итак, данности социо-логии - душевные процессы, непосредственная действительность которых прежде всего охватывается психологическими категориями; но последние, хотя и необходимые для изображения фактов, остаются вне целей социологического изучения, которые заключаются только в воплощаемой психологическими процессами и часто лишь при их помощи изображаемой конкретности обобществления: так, драма, например, с начала до конца содержит только психологические явления, может быть понята только психологически и все-таки ее замысел обращен не на психологическое познание, а на синтезы, преобразующие содержание душевных явлений с точки зрения трагики, художественной формы, жизненных символов¹.

¹ Новый способ изучения фактов при своем возникновении должен защищать те или другие стороны своего метода аналогиями из общепризнанных областей знания; но лишь тот процесс - быть может, бесконечный, - в котором принцип проводится на конкретном исследовании, и это проведение его оправдывает плодотворность принципа, - лишь он может очистить подобные аналогии от всего того, в чем различие материй покрывает интересующие нас равенство форм; этот процесс освобождает их от недоразумений, правда, лишь по мере того, как делает их самих излишними.

ВЕБЕР МАКС (WEBER) (1864-1920) - немецкий ученый, один из наиболее крупных теоретиков общества, основоположник понимающей социологии и теории социального действия; юрист по образованию (Гейдельбергский, берлинский и Геттингенский университеты), историк, экономист, социальный философ, родился в Эрфурте. Вебер преподавал во Фрайбургском, Гейдельбергском и Мюнхенском университетах, активно содействовал институционализации социологии в Германии, оставил богатое теоретическое наследие, оказавшее большое влияние на развитие методологии социального познания. Если отвлечься от работ, написанных на "злобу

дня", основные труды Вебера можно достаточно условно сгруппировать тематически: труды по социально-экономической истории ("К истории торговых обществ в средние века", 1889; "Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права", 1891; "Социальные причины упадка античной культуры", 1896; "Аграрные отношения в древности", 1897; "Экономическая история", 1919-1920; "Город", 1920-1921); труды по социально-экономическим проблемам Германии (серии публикаций с 1892 по 1912 гг. о положении немецких сельскохозяйственных рабочих, о бирже, о положении немецких рабочих в промышленности); труды по социологии религии ("Протестантская этика и дух капитализма", 1904-1905, 1920; "Протестантские секты и дух капитализма", 1906, 1920; "Хозяйственная этика мировых религий", 1915-1916, 1916-1917, 1918-1919, 1920; "Предварительное замечание", 1920; "Социология религии", 1922); труды по теории хозяйства и общества (предисловие к первому тому "Очерка социальной экономики", 1914; "Хозяйство и общество", 1922; "Рациональные и социологические основы музыки", 1921); труды по методологии науки (серия статей с 1903 по 1905 гг.: "Рошер и Книс и логические проблемы исторической политэкономии", "Объективность социально-научного и социально-политического познания", 1904; "Критические исследования в области логики наук о культуре", 1906; "О некоторых категориях понимающей социологии", 1913; <Смысл "свободы от оценки" в социологической и экономической науке>, 1917).

Социологический аспект можно выделить во всех исследованиях Вебера. но собственно социологическая проблематика наиболее полно представлена в посмертно изданных: фундаментальном труде "Хозяйство и общество" и сборниках статей по методологии науки. Здесь подводятся итоги его исследований в области индустриальной социологии, этносоциологии, социологии религии, права, политики, музыки, власти, излагаются основы общей социологии, обретают относительно законченный вид основные методологические концепции: понимания, идеальных типов и свободы от ценностей.

В 1910 г. Вебер принимал участие в создании Германского социологического общества. Среди сподвижников Вебера выделялись Георг Зиммель и Георг Лукач. В последние годы жизни Вебер отдал немало сил и времени политической социологии и публицистике. Научный авторитет Вебера, необычайно возвысившийся еще при его жизни, позднее превратил Вебера в общепризнанного классика современной социологии, влияние которого испытали все современные социологи. Умер в Мюнхене.

М. Вебер О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

* Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990г.

I. СМЫСЛ "ПОНИМАЮЩЕЙ" СОЦИОЛОГИИ

В поведении (*Verhalten*) людей ("внешнем" и "внутреннем") обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы. Полученное посредством истолкования "понимание" поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную "очевидность". Тот факт, что толкование обладает такой "очевидностью" в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует о его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных констелляциях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. "Понимание" связи всегда надлежит - насколько это воз-

можно - подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого "понятного объяснения". Наибольшей "очевидностью" отличается целерациональная интерпретация. Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы "понимаем" и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. "Понятное" не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы психопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), не доступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно "отклонение от нормального" как таковое. Напротив, именно постигнуть совершенно "понятное" и вместе с тем "простое", полностью соответствующее "правильному типу" (в том смысле, который будет вскоре пояснен)... Надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря" - как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как "собственные", а именно "психические", совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной "понятному". Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично "доступен пониманию", ничуть не более, чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерность! физической природы.

Из специфической очевидности целерационального поведения не следует, конечно, делать вывод о том, что социологическое объяснение ставит своей целью именно рациональное толкование. Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют "иррациональные по своей цели" аффекты и "эмоциональные состояния", и тот факт, что каждое целерационально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже не могут быть истолкованы как рациональные "средства" для других целей, а должны быть просто приняты как целевые направленности, не допускающие дальнейшего рационального толкования, - даже если их возникновение как таковое может служить предметом дальнейшего "психологически" понятного объяснения, - можно было бы с таким же успехом утверждать прямо противоположное. Правда поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий "идеальный тип".

Социология, подобно истории, дает сначала "прагматическое" истолкование основываясь на рационально понятных связях действий. Именно так создается в политической экономии рациональная конструкция "экономического человека". Такой же метод применяется и в понимающей социологии. Ведь ее специфически!* объектом мы считаем не любой вид "внутреннего состояния" или внешнего отношения, а действие. "Действием" же (включая намеренное бездействие или нейтральность) мы всегда называем понятное отношение к "объектам", т.е. такое, которое специфически характеризуется тем, что оно "имело" или предполагало (субъективный) смысл, независимо от степени его выраженности. Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно соотносены с "внутренними" для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека, распоряжающегося материальными благами, - с "внешними" объектами. Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение,

которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным соотнесением и, в-третьих, может быть, исходя из того (субъектив-но) предполагаемого смысла, понятно объяснено. Субъективно осмыслено соотнесены с внешним миром, и в частности с действиями других, и такие косвенно релевантные для поведения "эмоциональные состояния", как "чувство собственно-го достоинства", "гордость", "зависть", "ревность". Однако понимающую социологию интересуют здесь не физиологические, ранее называвшиеся "психофизически-ми" явления, например, изменение пульса или быстроты реакции и т.п., и не чисто психические данности, такие, как, например, сочетание напряжения с ощущением удовольствия или неудовольствия, посредством которых эти явления могут быть охарактеризованы. Социология дифференцирует их по типам смысловой (прежде всего внешней) соотнесенности действия, и поэтому целерациональность служит ей - как мы вскоре увидим - идеальным типом именно для того, чтобы оценить степень его иррациональности. Только если определить (субъективно предполагаемый) смысл этой "соотнесенности" как "внутренние" пласты человеческого поведения (такую терминологию нельзя не считать вызывающей сомнение), можно было бы сказать, что понимающая социология рассматривает названные явления исключительно "изнутри"; но это означало бы: не посредством перечисления их физических или психических черт. Следовательно, различия психологических свойств в поведении не релевантны для нас сами по себе. Тождество смысловой соотнесенности не связано с наличием одинаковых "психических" констелляций, хотя и несомненно, что различия в одной из сторон могут быть обусловлены различиями в другой. Такая категория, как, например, "стремление к наживе", вообще не может быть отнесена к какой-либо "психологии"; ибо при двух сменяющих друг друга владельцах "одного и того же" делового предприятия "одинаковое" стремление к "рентабельности" может быть связано не только с совершенно гетерогенными "качествами характера", но и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и в конечном результате прямо противоположными "психическими" констелляциями и чертами характера; при этом и важнейшие (для психологии), решающие "целевые направленности" могут не быть родственны друг другу. События, лишённые смысла, субъективно соотнесенного с поведением других, по этому одному еще не без-различны с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться решающие условия, а следовательно, причины, определяющие поведение. Ведь для понимающей науки человеческие действия в весьма существенной степени осмысленно соотносятся с не ведающим осмысления "внешним миром", с явлениями и процессами природы: теоретическая конструкция поведения изолированного экономического человека, например, создана именно на этой основе. Однако значимость процессов, не обладающих субъективной "смысловой соотнесенностью", таких, например, как кривая рождаемости и смертности, формирование посредством естественного отбора антропологических типов, а также чисто психические факторы, принимается понимающей социологией просто в качестве "условий" и "следствий", на которые ориентируются осмысленные действия, подобно тому, как в экономической науке используются климатические данные или данные из области физиологии растений. Явления наследственности не могут быть поняты на основе субъективно предполагаемого смысла и тем меньше, чем точнее становятся естественнонаучные определения их условий. Предположим, например, что когда-либо удастся (мы сознательно не пользуемся здесь специальной терминологией) приближенно установить связь между наличием определенных социологически релевантных качеств и импульсов, таких, например, которые способствуют либо стремлению к определенным типам социального влияния и власти, либо шансам этого достигнуть наличием

способности к рациональной ориентации действий вообще или других отдельных интеллектуальных качеств, с одной стороны, и индексом черепа или принадлежностью к обладающей какими-либо признаками группе людей - с другой. Тогда понимающей социологии пришлось бы, без всякого сомнения, принять во внимание эти специальные данные так же, как она принимает во внимание, например, последовательность типических возрастных стадий или смертность людей. Однако подлинная ее задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить: 1. посредством каких осмысленно соотнесенных действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфически-ми унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими качествами; в какой степени и по какой причине им это удавалось или не удавалось? 2. какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения других людей?

IV. ОБЩНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ДЕЙСТВИЕ (GEMEINSCHAFTSHANDELN)

Об "общностно ориентированных действиях" (Gemeinschaftshandeln) мы будем говорить в тех случаях, когда действия индивида субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей. Случайное столкновение двух велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также возможную "потасовку" или попытку прийти к мирному "соглашению" мы уже относим к действиям упомянутого типа. Для социологического каузального сведения важны не только общностно ориентированные действия; но это - вопрос первостепенной важности для "понаимающей" социологии. Важный, хотя и не необходимый компонент общностно ориентированных действий составляет его смысловая ориентация на ожидание определенного поведения других и в соответствии с этим (субъективная) оценка шанса на успех собственных действий. Вполне понятным и важным основанием в объяснение рассматриваемых действий служит объективное наличие таких шансов, т.е. большая или меньшая вероятность, которую можно выразить в "суждении об объективной возможности" (об этом подробнее ниже) того, что упомянутые ожидания обоснованны. Мы остаемся пока в пределах проблемы субъективного ожидания. "Целерациональные" действия, в том смысле, как мы их раньше определили, всегда ориентированы на ожидание. Поэтому сначала представляется, будто нет принципиальной разницы в том, следует ли считать, что поведение действующего лица основано на ожидании определенных явлений природы, которые могут возникнуть либо без какого-либо вмешательства с его стороны, либо в виде реакции на его рассчитанные на них действия или подобным же образом связывать его поведение с ожиданием определенного поведения других людей. Однако в последнем случае ожидания субъективно рационально действующего индивида могут основываться и на том, что он предполагает возможным ожидать и от других субъективно осмысленного поведения и тем самым с различной степенью вероятности заранее исчислить, основываясь на определенных смысловых связях, и шансы других людей. Это ожидание может быть субъективно основанным прежде всего на том, что действующий индивид "приходит к соглашению" с другими лицами, "достигает договоренности" с ними, "соблюдения" которой (в соответствии с его собственным осмыслением такой договоренности) он, как ему представляется, имеет достаточное основание ждать от них. Уже одно это обстоятельство придает общностно ориентированным действиям специфическую и очень существенную качественную особенность, поскольку тем самым значительно расширяется сфера ожиданий, на которую индивид может, как он предполагает, целерационально ориентировать своим действия. Правда, возможный (субъективно предполагаемый) смысл общностно ориентированных действий не исчерпывается ориентацией

индивида на "ожидание" определенных действий третьих лиц. В пограничном случае такую ориентацию можно просто не принимать во внимание, и действия, соотнесенные по своему смыслу с действиями третьих лиц, могут быть ориентированы на субъективно предполагаемую "ценность" содержания собственных действий как таковых (на "долг" или что бы то ни было); в этом случае действия будут ориентированы не на ожидание, а на Ценность. Содержанием такого "ожидания" могут быть не только действия, но и внутреннее ощущение (например, радость) третьего лица. Переход от идеального типа смысловой соотнесенности своего поведения с осмысленным поведением третьего лица вплоть до такого случая, когда этот третий (например, грудной младенец) принимается во внимание просто как "объект", не имеет четких границ. Действия, ориентированные на ожидание осмысленных действий других людей, не более чем пограничный случай. Однако "общностно ориентированные действия" Для нас всегда либо нечто, известное из истории, либо теоретически конструированное в качестве "возможных" или "вероятных" действий отдельных индивидов в соответствии с действительным или с потенциально предполагаемым поведением других людей. Об этом необходимо помнить и при разработке тех категорий понимающей социологии, о которых пойдет речь дальше.

V. ОБЪЕДИНЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ (VERGESELLSCHAFTUNG) И ОБЩЕСТВЕННО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ДЕЙСТВИЕ (GESELLSCHAFTSHANDELN)

Общественно ориентированным ("общественными" /в узком смысле/) действиями мы будем называть общностно ориентированные действия в том случае (и в той мере), если они, во-первых, осмысленно ориентированы на ожидания, которые основаны на определенных установлениях, во-вторых, если эти установления "сформулированы" чисто целерационально в соответствии с ожидаемыми в качестве следствия действиями обобществление ориентированных индивидов и, в-третьих, если смысловая ориентация индивидов субъективно целерациональна. Установленный порядок в том чисто эмпирическом смысле, который мы имеем в виду, - здесь будет дано лишь временное его определение -является либо односторонним, в рациональном пограничном случае категорическим требованием одних людей к другим, либо, в пограничном случае, категорическим двусторонним объяснением людей, субъективно предполагаемое содержание которого сводится к тдму, что предполагаются и ожидаются действия определенного типа. Более подробно мы пока на этом останавливаться не будем.

Тот факт, что действия "ориентируются" по своему субъективному смыслу на установленный порядок, может означать, что субъективно воспринятому обобщественно ориентированными индивидами типу действий объективно соответствует их фактическое поведение. Смысл установленного порядка, а следовательно, и свое предполагаемое и ожидаемое другими поведение могут быть, однако, различно поняты или впоследствии различно истолкованы отдельными обобщественными индивидами, поэтому поведение, которое субъективно ориентировано соответственно существующему порядку (субъективно идентифицированному действующими лицами с собой), не обязательно должно быть в одинаковых случаях объективно одним и тем же. Далее, "ориентация" поведения на установленный порядок может заключаться и в том, что какой-либо из обобщественных индивидов сознательно противодействует субъективно постигнутому им смыслу установленного порядка. Если один из участников игры в карты сознательно и преднамеренно играет наперекор субъективно воспринятому им смыслу правил игры, т.е. играет "неправильно", он тем не менее остается "участником" общества игроков в отличие от того, кто выходит из игры совершенно так же, как вор или убийца, скрывая совершенное им преступление или скрываясь сам, все-таки ориентирует

свое поведение на те установления, которые он субъективно сознательно нарушает. Следовательно, решающим для эмпирической "значимости" целерацио-нально функционирующего порядка является не то обстоятельство, что отдельные индивиды постоянно ориентируют свое поведение соответственно субъективно истолкованному ими смысловому содержанию. Эта значимость может сводиться к тому, что в одном случае действительно (субъективно) отдельные индивиды, подобно шулерам и ворам, в среднем ожидают, что другие индивиды данного общества будут в среднем вести себя так, "будто" первые руководствуются в своем поведении сохранением установленного порядка; в другом - что в соответствии с усредненно применяемым суждением о шансах, присущих поведению людей, они объективно могут рассчитывать на подобные ожидания (особая форма категории "адекватной причинной обусловленности"). Логически две указанные разновидности значимости следует строго различать. Первая субъективно присуща действующему индивиду, являющему собой объект наблюдения, т.е. принимается исследователем как "в среднем" имеющаяся данность; вторая - это шанс, который должен быть объективно исчислен познающим субъектом (исследователем), исходя из наличия вероятностного знания и из обычного типа мышления индивидов данного общества. При образовании общих понятий социологи предполагают, что и действующему индивиду субъективно присуща средняя мера "способности" пониманн необходимого для оценки имеющихся шансов. Это означает, что социолог раз навсегда принимает идеально-типическую предпосылку, что объективно существующие усредненные шансы в среднем субъективно приближенно принимаются в внимание и целерационально действующими индивидами. Следовательно, и для эмпирической "значимости" установленного порядка заключается в объективно обоснованности усредненных ожиданий (категория "объективной возможности"). более специальной формулировке можно сказать, что в соответствии с состоянием усреднение вероятностного исчисления фактических данных действия, в среднем субъективно ориентированные на такие ожидания, считаются "адекватно причинно обусловленными". При этом допускающие объективную оценку шансы возможных ожиданий выступают как достаточно понятная познавательная основа для вероятного наличия упомянутых ожиданий у действующих индивидов. То и другое почти неизбежно совпадает здесь по своему выражению, что не должно стирать громадного логического различия между ними. Лишь в первом смысле - объективном суждении о возможности - предполагается, конечно, что шанс: возможных в среднем ожиданий могут по своему смыслу служить основой субъективным ожиданиям действующих лиц "и поэтому" действительно (в релевантно степени) служили им таковой. Тем самым из сказанного уже становится ясным, что между логически как будто взаимоисключающими сторонами альтернативы существование объединения в обществе или прекращение его - в реальности дан непрерывная шкала переходов. Как только все игроки в карты "узнают", что принятых правил игры вообще больше никто не придерживается, или как только окажется, что объективно шанса, принимаемого обычно в расчет, не существует, поэтому и субъективно не принимается больше в расчет шанс на то, что убийце например, будет интересоваться установленным порядком, который он сознательно нарушает, именно потому, что подобное нарушение не влечет за собой никаких последствий для него, - в таких случаях этот установленный порядок эмпирически больше не существует, а следовательно, не существует в соответствующем объединении в обществе. Оно сохраняется до той поры - и в той степени, - пока в практически релевантном масштабе так или иначе сохраняется усредненно предполагаемом смысле ориентированное на его установление; поведение. Границы здесь, однако, размыты.

Из сказанного явствует также, что реальное поведение индивида вполне может быть субъективно осмысленно ориентировано на несколько систем установлений которые по принятому в них конвенциональному мышлению в смысловом отношении "противоречат" друг другу, однако тем не менее параллельно сохраняют свою эмпирическую "значимость". Так, например, согласно господствующим (в среднем воззрениям на "смысл" нашего законодательства, дуэли категорически запрещены. Между тем в соответствии с широко распространенными представлениями < "смысле" считающихся в обществе значимыми условностей дуэль часто бывает неизбежна. Участвуя в дуэли, индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако, скрывая свои действия, он ориентируется на требования закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической (т.е. здесь и всегда: в среднем ожидаемой для субъективно осмысленной ориентации поведения) значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем обеим системам мы приписываем эмпирическую "значимость", которая состоит в том, что поведение осмысленно ориентируется на их (субъективно постигнутый) смысл и испытывает его влияние. Естественным выражением эмпирической "значимости" системы мы будем считать шанс на то, что ее установлениям "будут следовать". Это значит, что объединенные в общества индивиды в среднем с достаточной долей вероятности рассчитывают на "соответствующее" (в среднем) "требованиям" установленного порядка поведение других, и сами в среднем также подчиняют свое поведение таким же их ожиданиям ("соответствующее установленному порядку общественное поведение"). Однако необходимо подчеркнуть следующее: эмпирическая "значимость" системы не исчерпывается усредненной обоснованностью "ожиданий" одними индивидами, объединенными в общества, определенного фактического поведения других людей. Это лишь наиболее рациональное и социологически непосредственно доступное значение. Но поведение каждого из индивидов данной системы, ориентированное исключительно на то, что другие "ждут" от него соответствующего поведения, составило бы абсолютный пограничный случай чисто "общностно ориентированных действий" и свидетельствовало бы также об абсолютной лабильности самих этих ожиданий. Последние тем больше "обоснованы" усредненной вероятностью, чем больше можно в среднем рассчитывать на то, что индивиды ориентируют свои действия не только на "ожидания" от других определенного поведения, и чем в более релевантной степени распространено среди них субъективное воззрение, что для них "обязательна" (субъективно осмысленно постигнутая) "легальность" отношения системе.

Действия вора и шулера мы будем определять как (субъективно) "противоречащие установленному порядку" общественные действия, а действия, по своей интенции субъективно ориентированные на этот порядок, но отклоняющиеся от усредненного истолкования его правил, - как общественные действия, "отклоняющиеся от нормативных". За пределами этих категорий находятся только случаи "обусловленных обобществлением действий". Например, кто-либо полагает, что он вынужден в своем поведении целерационально исходить из обязанности, которую он взял на себя вследствие факта включенности в общество (отказаться, например, от каких-либо действий из-за обуславливаемых ими дальнейших расходов). Или может (например, в своих "дружеских связях" или в общем "стиле жизни"), не желая целерационально и не замечая этого, подчас испытывать в известных аспектах своего поведения влияние своей ориентации на какие-либо согласованно принятые установления (например, религиозной секты). Провести четкие грани этих различий в реальности трудно. В принципе вообще нет различия в том, проходят ли общественные действия в рамках смысловых отношений общественно ориентированных индивидов друг с другом или с третьими лицами; именно последний тип отношений может преимущественно составлять предполагаемый

смысл объединения, образовавшегося на основе взаимного согласия. Напротив, действия, ориентированные на установленный порядок объединения в общество, могут быть как "соотнесенными с обществом", т.е. проистекающими из непосредственного занятия определенной позиции к установленному порядку (как всегда, субъективно по своему смыслу истолкованному) данного объединения в обществе - следовательно, направленными по своему предполагаемому смыслу либо на планомерное полное осуществление эмпирической значимости этих установлений, либо, наоборот, на их изменение или дополнения к ним, - так и действиями, "регулируемыми обществом", т.е. ориентированными на установления общества, но не "соотнесенными с обществом", как в первом случае. Однако и это различие лабильно.

На данной стадии мы будем считать рациональным идеальным типом объединения в общество "целевой союз", т.е. общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, целерационально принятыми всеми участниками на основе общего согласия. В согласии об установленном порядке (его "формулировке") в идеально-типическом рациональном случае все обобществленные действующие лица субъективно однозначно выговорили условия: какие и в каких формах осуществляемые действия каких (или каким образом определяемых) лиц ("органов союза") должны считаться действиями союза и какой "смысл", т.е. последствия, это будет иметь для объединенных в союзе лиц. Далее, будут ли - и какие - материальные блага и достижения доступны использованию в общих целях ("цели союза") общественной деятельности ("имущество для достижения определенных целей"). Затем, какие органы союза будут этим распоряжаться и каким образом; что участники должны делать во имя целей союза; какие действия "требуются", "запрещаются" или "разрешаются" и какие преимущества они получают от своего участия в деятельности союза. И наконец, какими будут органы союза, при каких условиях и с помощью каких средств им надлежит действовать для сохранения установленного порядка ("аппарат принуждения"). Каждый индивид, участвующий в общественных действиях, в известной степени полагается на то, что другие участники союза (приблизительно и в среднем) будут участвовать в соответствии с установленным соглашением, и исходит из этого при рациональной ориентации собственного поведения. Основания, которые отдельный индивид, как он полагает, имеет для такой уверенности, безразличны для эмпирического существования союза, если объективно существует возможность того, что результаты любых, каких бы то ни было по своему характеру интересов других будут склонять их к тому, чтобы в среднем достаточно решительно поддерживать установленный порядок. Конечно, вероятность физического или (пусть даже столь мягкого, как, например, христианское "братское" увещание) психического принуждения в случае несоблюдения установлений союза значительно усиливает субъективную уверенность в том, что (в среднем) доверие не будет обмануто, а также и объективную вероятность того, что упомянутые ожидания обоснованы. Действия, которые по своему субъективно усредненно предполагаемому смыслу свидетельствуют о наличии "соглашения", мы назовем в отличие от "общественных действий", ориентированных на это соглашение, действиями, объединяющими в общество. Внутри ориентированных на соглашение действий важнейшим видом "соотнесенных с обществом" общественных действий являются, с одной стороны, специфические общественные действия "органов", с другой - общественные действия индивидов, объединенных в общество, которые по своему смыслу соотнесены с действиями органов. Внутри категории обобществления, относящейся к "институтам" - мы ее рассмотрим ниже (в частности, внутри "государства"), - обычно разделяют установления, которые созданы для ориентации этих действий, - право института (в государстве - "публичное право"), и установления, регулирующие прочие действия

индивидов данного института. Такое разделение существует и внутри целевого союза ("право союза" противостоит здесь установлениям, созданным союзом). Однако мы не будем здесь заниматься указанными противоположностями (не допускающими четкого определения).

При полном развитии целевой союз является собой не эфемерное, а длительно существующее "социальное образование". Это означает: несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях союза, т.е. несмотря на то, что они выбывают из его состава и одновременно в него все время входят новые лица, конечно - в идеально-типическом пограничном случае, - всегда на основе новых соглашений, он рассматривается как остающийся идентичным. Это происходит до тех пор, пока, несмотря на смену состава, можно действительно ожидать, что действия, ориентированные на "одинаковые" установления союза, сохранятся в социологически релевантном размере. "Одинаковым" же в социологическом смысле (субъективно постигнутым) порядок считается до той поры, пока по усредненному обычному мышлению обобществленно объединенных индивидов принимается его идентичность в важных по усредненным представлениям пунктам. Они могут принимать его более или менее однозначно, более или менее приближенно: "одинаковость" в социологическом понимании - лишь относительная и меняющаяся данность. Обобществленно объединенные в союзе индивиды могут сознательно менять установленный порядок посредством новых общественно объединяющих действий; эти установления без какой-либо перемены в упомянутых действиях могут меняться сами по своему практическому значению для действий индивидов вследствие изменения распространяющегося усредненного постижения их "смысла" или: в особенности, вследствие изменения обстоятельств ("изменение значения", неточно именуемое также изменением цели), а иногда и вообще потерять свое значение. В подобных случаях тот факт, будет ли социолог из соображений целесообразности рассматривать изменившиеся общественные действия как "продолжение" прежнего или как "новое" социальное образование, зависит от следующих факторов: 1) от непрерывности изменений; 2) от относительного объема эмпирически сохраняющихся прежних установлений в виде соответственно ориентированных действий; 3) от продолжавшегося существования органов союза и аппарата принуждения либо в прежнем составе, либо в близком ему по типу вновь введенных лиц, либо - если это новые органы - от того, действуют ли они аналогично прежним. Вновь следует заметить, что и здесь переходы носят сколь-нибудь характер. В такой же степени является вопросом, который в каждом отдельном случае решается по-разному (т.е. исходя из целесообразности, определяемой конкретной исследовательской целью), в каких случаях объединение в общество рассматривается как "самостоятельное" образование и в каких случаях его рассматривают как часть более широкого, выходящего за свои границы обобществления. Последнее возможно в двух случаях: 1. Если эмпирически "значимые" установления общественных действий не коренятся исключительно в установлениях, сформулированных участниками этих действий (автономные системы), но общественные действия обусловлены также и тем, что участвующие в них индивиды ориентируют свои действия (здесь, как и всегда: обычно) также и на установления другого общественного объединения, в котором они участвуют (гетерономные системы). Примером могут служить действия церкви применительно к установлениям политической власти или наоборот. 2. Если органы какого-либо общественного объединения в свою очередь также определенным образом обобществлены в рамках обобществляющих органов другого союза большего масштаба; так, например, органы "полка" в общем аппарате "военного управления" (гетерокефальный целевой союз в отличие от "автокефального типа свободного союза или самостоятельного государства"). Гетерономия установлений и гетерокефалия

органов управления часто, но не обязательно, совпадают. В настоящее время общественные действия в автокефальном союзе обычно обусловлены также и ориентацией действий членов этого союза на установления политического союза, следовательно, оно гетерономно. Социалистическое "обобществление" средств производства означало бы, что уже сегодня в значительной степени гетерономное, т.е. ориентированное на установления других, прежде всего, политических союзов, общественное поведение каждого отдельного, теперь в принципе автокефального, "предприятия" стало бы гетерокефальным, т.е. ориентированным на органы какой-либо (любой) "совокупности".

Не каждое общественное объединение по соглашению ведет к возникновению целевого союза, для которого в соответствии с данной дефиницией должны быть конститутивны: 1) соглашение по поводу общих правил и 2) наличие общественных органов союза. Объединение в общество ("обобществление по случаю") может быть по своему назначению и совершенно эфемерным; например, если речь идет о совместно задуманном убийстве из мести, которое участники договоренности предполагают осуществить в ближайшее время, следовательно, в нем могут отсутствовать все упомянутые характеристики целевого союза, кроме рационально установленного по совместной договоренности "порядка" общественных действий который по принятой дефиниции считается здесь конститутивным. Хорошим примером последовательности ступеней от объединения в общество по случаю, до целевого союза может служить промышленное картелирование, которое начинается с простой однократной договоренности между отдельными конкурентами о границах снижения цен и завершается "синдикатом", обладающим большим капиталом, конторами сбыта товаров и развернутым аппаратом управления. Общим для всех них является лишь установленный по общему соглашению порядок, который при предполагаемой здесь идеально-типически точной формулировке всех пунктов должен, во всяком случае, содержать указание на то, что считается для участников договора обязательным, что запрещается и что дозволяется. При изолированном (мыслимым в условиях полного абстрагирования от какого бы то ни было "правопорядка") обмене, например, в идеально-типическом случае полной ясности, договоренность должна распространяться по крайней мере на следующие пункты: 1) обязательна: передача товаров в процессе обмена и - эвентуально - обязанность гарантировать право владения на товары от посягательства третьих лиц; 2) запрещено: требовать возврата обменных товаров; 3) разрешено: любым образом располагать приобретенными в обмен товарами. Изолированный рациональный "обмен" такого типа являет собой один из пограничных случаев обобществления без "органов управления". Из всех признаков целевого союза он обладает только одним - установленным по договоренности порядком. Он может быть структурирован гетерономно (правом или условностью) или располагать полной автономией, будучи обусловлен в своих "ожиданиях" обоюдным доверием, основанным для обеих сторон на том, что другая сторона, какими бы интересами она ни руководствовалась, будет следовать договоренности. Однако обмен этого типа не может быть назван ни автокефальным, ни гетерокефальным общественным действием, так как он вообще не есть устойчивое "образование". В такой же степени и наличие актов обмена в качестве массового явления, даже в качестве внутренне каузально связанных массовых явлений ("рынка"), конечно, ни в коем случае не может рассматриваться как целевой союз, более того, он в принципе отличен от него. Случай с обменом одновременно наглядно иллюстрирует тот факт, что действия, которые ведут к объединению в общества (обобществленные действия), совсем не обязательно должны быть ориентированы только на ожидания соответствующих действий со стороны общественно объединенных лиц. Напротив, как показывает данный пример, они ориентированы также и на ожидание того, что третьи, не

причастные к акту обмена лица "отнесутся с уважением" к результату обмена, к "смене владельца". До сих пор это просто "общностные действия" того типа, который мы впоследствии будем называть "действиями, основанными на согласии".

В истории мы обнаруживаем шкалу, ступени которой ведут от "объединения в общество по случаю" вплоть до устойчивого "образования". Типовой зародыш того обобщественного объединения, которое мы сегодня называем "государством", находится, с одной стороны, в свободных "объединениях в общество по случаю", созданных любителями добычи, отправлявшимися в поход во главе с избранным ими вождем; с другой - в таких "объединениях в общество по случаю", к которым прибегали те, кому грозило нападение. Здесь полностью отсутствует какое-либо имущество, используемое как средство осуществления цели, и длительность. Как только поход за добычей завершен (удачно или неудачно) и добыча распределена, как только опасность нападения предотвращена - объединенность в общество перестает существовать. Отсюда до длительного обобществления военнопленных, систематического налогообложения женщин, тех, кто не состоит на военном учете, покоренных народов, и далее - до узурпирования судебных и административных общественных функций - длинный непрерывный путь. Наоборот, из существующих для удовлетворения потребностей длительных общественных объединений может в результате распада - и это один из различных сопутствующих возникновению "народного хозяйства" процессов - сложиться аморфное, представляющее собой общественно объединяющие действия образование - "рынок".

"Психическое" отношение к такому акту его участников, т.е. вопрос, какими глубокими "внутренними побуждениями" они руководствуются, объединяясь и ориентируя свои действия на принятые установления, - поступают ли они таким образом, исходя из трезвых соображений целесообразности, из горячей приверженности совместно принятым или предполагаемым общим целям или неохотно, принимая их как неизбежное зло, как нечто, соответствующее их привычному поведению или почему-либо еще, - все это для существования обобщественного объединения безразлично до той поры, пока в конечном итоге шансы на такую ориентацию на договоренность сохраняются в социологически релевантном размере. В своих обобщественных действиях их участники могут ведь преследовать совершенно различные, противоположные и взаимоисключающие цели, и очень часто так оно действительно и бывает. Международный военно-правовой союз, правовая обобщественность для общностных действий на рынке с его процессом обмена и борьбой цен - лишь особенно яркие примеры этого постоянно встречающегося положения дел. Общественные действия всегда, разумеется, являются выражением констелляции интересов, направленной на ориентацию поведения, своего и чужого, на его правила, и ни на что более, и поэтому констелляцией интересов, весьма различной для каждого из участников. В самой общей форме содержание указанной констелляции интересов можно чисто формально определить так, как это уже многократно определялось, а именно следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством обобщественного объединения характер действий другого или других и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия.

КУЛИ ЧАРЛЬЗ ХОРТОН (COOLEY) (1864-1929)-один из основателей американской классической социологии, психолог. Кули известен как основатель теории "зеркального Я" и теории малых групп.

Ч. Кули окончил Мичиганский университет, в котором в дальнейшем преподавал в течение всей своей жизни. К числу главных теоретических произведений Кули относятся его основополагающие книги "Человеческая природа и социальный порядок" (1902), "Социальная организация" (1909), "Социальный процесс" (1918).

Рассматривая общество, Кули исходил из двух главных предпосылок. Во-первых, общество есть прежде всего процесс постоянных изменений. Во-вторых, социальные изменения коренятся в изменениях индивидуального и общественного сознания и отражаются в коллективном поведении. Причем все компоненты общественного "организма" (группы, индивиды, организации) тесно взаимодействуют друг с другом по определенным принципам.

Индивидуальное и коллективное (общественное), по мысли Кули, принадлежат единой целостности - "большому сознанию". Именно оно и служит гарантом взаимосвязанности всех процессов, происходящих в обществе. Для обозначения этой целостности Кули предлагал использовать термин "человеческая жизнь", введение которого ставило американского социолога в определенную генетическую зависимость от "философии жизни", а также американского прагматизма.

Приобщение индивидуального к общему начинается в первичной группе, которая открывает путь процессу социализации. Кули подробно рассматривал различные стадии социализации: selffeeling, felling states, imaginations. Причем социализация "измеряется" социологом посредством рассмотрения возникновения "образов" в сознании. Позднее "образы" переходят в "социальные чувства", то есть социально подкрепляемые образцы и нормы поведения, базирующиеся на символике общих смыслов.

Следуя общеметодологической интеракционистской традиции американской социальной мысли, Кули утверждал, что собственно "общественное" возникает только в общении, коммуникации, взаимодействии субъектов действия.

Развивая эти известные принципы, Кули разработал концепцию социального "отражения в отражении", которая имеет ряд версий и терминологических оформлений. Так Кули говорил о "представлении представлений" (imagination of imaginations), то есть в том, что само восприятие субъекта полностью зависит от того, каким образом его воспринимают другие. Иначе говоря, социальная сущность человека определяется его "функционированием" в социальном окружении, которое формирует его.

Эта теория Кули вошла в историю социологии под названием теории "зеркального Я" (looking-glass self). Речь шла о том, что в обществе человек постоянно смотрится в "зеркало", в качестве которого выступают другие люди - их мнения, их поведение, их реакции. Субъект бессознательно начинает ориентироваться на эти зеркальные отражения и выстраивать свое собственное Я согласно этим отражениям. Подобная ориентация на "отражения" проходит, по мнению Кули, три стадии своего формирования.

1. Конструирование в воображении своей собственной внешности. Человек планирует свой внешний образ; он представляет себе, как он выглядит со стороны, он формирует свой облик. В особенности это касается так называемых "значимых других" (significant others), то есть тех, чье мнение имеет значение для субъекта.

2. Интерпретация реакций других. Человек анализирует то, как "другие" реагируют на него и совпадает ли субъективное самовосприятие с восприятием его другими.

3. Конструирование собственного образа. Соединяя изначальную мотивацию с реакциями "других", человек формирует собственный образ, который детерминирует социальное поведение индивида.

Взгляды Кули оказали большое влияние на Чикагскую школу и на социологию Дж.Г. Мида.

Ч.Х. Кули ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. ИЗУЧЕНИЕ УГЛУБЛЕННОГО РАЗУМА

*Cooley Charles Horton. Social Organization. A Study of the Larger Mind. N. Y., 1909. Публикуется русском языке впервые. Перевод А. Марченко.

Глава первая

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ РАЗУМА

Разум представляет собой органичное целое, составленное из согласованных индивидуальностей примерно так же, как оркестровая музыка состоит из различных, но сочетающихся между собой звуков. Вряд ли кому-либо придет в голову делить эту музыку на два вида: производимую в целом оркестром и отдельным! инструментами, так не существует и двух видов разума: общественного и индивидуального...

Положение, что весь разум действует как единое жизненное целое, от которого невозможно отделить индивида, естественным образом порождается нашим углубляющимся знанием о наследственности и механизме внушения, которое утверждает, что каждая наша мысль связана с мыслями наших предков и соратников, ; через них - и с обществом в целом. Эта точка зрения гармонирует с общей установкой современной науки, не допускающей в природе ничего изолированного.

Единство общественного разума состоит не в соглашении, но в организации, и факте взаимного влияния или взаимообусловленности между его частями, благо даря чему все происходящее связано с прочими фактами и, таким образом представляет собой проявление единого целого...

Дифференцированное единство психической и общественной жизни, присутствующее в элементарных отношениях и способное к бесконечному росту и адаптации это и есть именно то, что я называю в данной работе общественной организацией..

В структуре общественного разума можно различить - разумеется очень грубо - сознательные и бессознательные отношения, где под последними понимаются отношения неосознанные, по какой-либо причине оставшиеся нами незамеченными. Большая часть испытываемых нами воздействий носит именно такой характер - наш язык, наше механическое искусство, управление и институты достаются нам от людей, с которыми нас связывают лишь косвенные и бессознательные! отношения.

Великие перемены в обществе - прогресс и упадок наций, институтов и рас редко бывают осознаны, пока не оказываются в прошлом. И, хотя расширени общественного сознания является, возможно, величайшим событием истории, он оставляет лишь незаметный, ограниченный и часто превратный отпечаток н жизни отдельного человека.

Общественное сознание, или знание общества, неотделимо от самосознания, ибо едва ли мы способны думать о себе, не соотнося себя с различными общественными группами, или думать об этих группах вне соотношения с собой. Два явления существуют вместе и, в наличии чего мы действительно уверены - в наличии более или менее сложного личного и общественного целого, в котором в данный момент преобладает либо частная, либо общая грань.

Я - сам и общество - близнецы, мы узнаем одного, только услышав о другом, а понятие отдельного и независимого Я - не более, чем иллюзия...

... Психический опыт новорожденного ребенка - чистый поток впечатлений, который можно считать индивидуальным, так как он отличается от других, и социальным, потому что он является продуктом традиции и внушения человеческой жизни в целом, хотя сам не подозревает ни о себе, ни об обществе.

Очень скоро разум начинает подавлять личные впечатления, превращаясь в наивное самосознание и примитивное знание об обществе, т.е. ребенок неререфлексивно узнает о группах и своем месте в них. Он не говорит еще "Я", не называет свою мать, сестру, няню, но у него уже есть образы и чувства, из которых возникнут эти идеалы. Позднее развивается более рефлексивное сознание, которое дает

имена ему самому и другим людям и позволяет полнее воспринимать отношения, выражающие единство этого маленького мира...

"Я" и общество идут рука об руку, как стороны единого целого... Здравый смысл убеждает нас, что индивид есть всего лишь часть целого...

Я не оспариваю точку зрения, утверждающую, что индивид является собой дифференцированный центр психической жизни со своим собственным миром, недоступным никому другому, живущий в потоке мыслей, отличающемся от прочих: ни (то "Я", ни его "ты", ни его "мы" не являются материальными объектами; существую только для него, они несут на себе печать уникальности. Однако, эта уникальность точно так же видима и доказуема, как и тот факт..., что индивид есть в полном смысле член целого, причем он представляется таковым не только научному наблюдению, но и своему неопытному сознанию...

Общественное сознание доступно рассмотрению либо в разуме отдельного человека, либо как согласованные действия многих разумов. Мои социальные идеи тесно связаны с идеями других людей, влияющими на них и создающими, таким образом, одно целое. Они дают нам общественное сознание, или, используя более привычные термины, общественное мнение - в самом широком смысле групповое состояние разума, довольно отчетливо представляющего себя. Я имею в виду такое взаимопонимание между индивидами и группами, которое должно быть естественным результатом дискуссии. Разные индивиды демонстрируют разные уровни этого понимания. Но целое во всей его сложности не бывает охвачено им никогда, лишь отдельные отношения, возникающие в целом, доступны ему. Чем теснее общение в группе, тем глубже спаяно в единое живое целое их общественное сознание...

Единство общественного мнения, как целое и жизненное, основано не на согласии, но на организации, взаимодействии и взаимном влиянии. Конечно, известная выраженная похожесть в природе необходима, чтобы разумы могли воздействовать друг на друга и согласовывать свои действия, создавая единое целое, однако, полная тождественность, даже в мельчайших процессах, не является необходимой, да и попросту невозможна.

... Существует, как минимум, три аспекта сознания, которые полезно различать: самосознание - или что Я думаю о себе; общественное (social) сознание (в его индивидуальном аспекте) - или то, что я думаю о других людях; публичное (public) сознание - или коллективная точка зрения людей, организованных в коммуникативные группы. Все три части представляют собой уровни единого целого.

Глава вторая

ОБЩИЙ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ РАЗУМА

... Органическое единство разума требует социального знания как основу моральности. Мы живем в системе и, чтобы добиться результатов в любой области, мы должны учиться понимать эту систему. Публичное сознание обязано извлекать эту науку из состояния подсознания, осваивать ее и руководить своим! собственными процессами.

И сознательно, и бессознательно углубляющийся разум строит из себя целостности - образцы, традиции, институты, направления и т.п. - которые расширяются и расщепляются как ветви дерева, создавая таким образом совершенную и разнообразную структуру мыслей и символов. Сиюминутной движущей силой и руководителем этого процесса роста является интерес... Видимое общество - плод работы искусства, медлительного и во многом подсознательного по характеру своего действия, полного гротеска и своенравия, как всякое великое искусство, не наряду с этим полного и неиссякаемой прелести, и воображения.

Общественная организация есть не что иное, как разнообразие жизни в самом широком смысле слова. Ее нужно понимать не как продукт определенных чистых

утилитарных целей, но как общее выражение сознательных и бессознательных тенденций, как медленную кристаллизацию человеческого духа в многообразных формах и цветах жизни.

Любую ярко выраженную и устойчивую деталь этой структуры можно назвать социальным типом... Так, есть типы личности, политической структуры, религии, классов, семьи, искусства, языка, а также процессов, например: общение, сотрудничество и соревнование и т.д. Целое настолько разнообразно, что любая новая точка зрения порождает новую форму. Социальные типы - аналоги родов, видов и подвидов в животном мире... Как и биологические типы, они существуют в относительных системах и порядках, подвержены изменениям, соперничают друг с другом, процветают и вырождаются, могут быть гибкими и жесткими, способными или нет к плодотворному скрещиванию друг с другом.

Глава третья ПЕРВИЧНЫЕ ГРУППЫ

Под первичными группами я понимаю группы, характеризующиеся тесным -лицом к лицу - общением и сотрудничеством. Они первичны по нескольким мотивам, но главное - потому, что они являются основой для формирования обще-ственной природы и идеалов индивида. Психологическим результатом тесного общения является смешение индивидуальностей в единое целое так, что единичное "Я" - по крайней мере, во многих случаях - становится общей целью жизни группы. Лучший способ описания этой целостности - слово "мы" - оно включает в себя сопереживание и взаимную идентификацию, которую естественным порядком выражает "мы". Каждый живет, ощущая целое, и главные цели своей воли находит в этом чувстве.

Не утверждаю, что единство всегда дифференцировано с элементами соперничества; оно допускает самоутверждение и собственнические притязания, но они должны быть социализированы сопереживанием и происходить - или стремиться к этому - при господстве дисциплины общего духа. Индивид может иметь свои амбиции, но главный их объект займет желанное место и в мыслях других членов, тогда человек почувствует свое соответствие стандартам суждения и честной игры...

Наиболее важные - но ни в коем случае не единственные - сферы этого тесного общения: семья, игровая детская площадка и соседство или иная общая группа старших. Они универсальны, наблюдаются во все времена и на любой стадии развития общества, следовательно, они являются основой универсального в природе и идеалах человека.

Первичные группы первичны в том смысле, что дают индивиду самый ранний и самый полный опыт общего единства, а также в смысле, что они не подвержены изменениям в той степени, как более сложные отношения, а значит они и есть постоянный источник происхождения этих последних. Конечно, нельзя сказать, что они независимы от более широкого общества, они явно выражают его настроение... Эти группы являются источником жизни не только для индивида, но и для социальных институтов. Они лишь частично несут на себе печать создания специфическими традициями и в большей степени выражают общую природу...

Под человеческой природой можно понимать те чувства и стремления, которые являются человеческими, потому что превосходят таковые у низших животных, а также потому, что они принадлежат человечеству в целом, а не только определенной расе или времени.

Они включают, в частности, сопереживание и те неисчислимы чувства, в которых оно выражается, а именно: любовь, сожаление, притязание, тщеславие, героизм и чувство социальной правоты и неправды.

Природу человека в этом смысле справедливо считают сравнительно постоянным элементом общества...

:Человеческая природа не существует отдельно от индивида, это - **групповая природа** (group-nature) **первичной стадии общества**, простое и общее условие обще-ственного разума. Она больше, чем чистые врожденные инстинкты, с одной стороны, но меньше, чем более сложное развитие идей и чувств, воплощенное в институты...

...Чем же может быть природа человека, если не чертой первичных групп? Это, конечно, не атрибут отдельного индивида... с его типичными чертами, такими, как аффекты, амбиции, тщеславие, сожаление, неотделимые от общества. Если же она принадлежит человеку в группе, то какого уровня должна быть эта группа, чтобы развить ее? ... Основой для ее развития является семья и соседство, и ничего более.

Глава четвертая ПЕРВИЧНЫЕ ИДЕАЛЫ

Жизнь в первичных группах возвращает общественные идеалы, которые, имея в своем основании единый источник, теряют зависимость от человеческой расы. Благодаря своей универсальности, они становятся мотивом и критерием социального прогресса. При любых системах люди стремятся, часто слепо,, реализовать цели, полученные из опыта общения в первичных группах.

Откуда берутся понятия любви, свободы, справедливости и т.п.? Конечно, не из абстрактной философии, но из реальной жизни простых и распространенных форм общества - семьи и игровой группы...

... Идеал, порожденный близким общением, является частью самой чело-веческой природы. ...Это - та часть духовного сообщества, где индивидуальные разумы сливаются воедино, а высшие способности их владельцев находят полное и адекватное выражение. Идеал развивается, ибо близкое общение обогащает наш разум образами мыслей и чувств других членов группы... так, что очень часто мы присваиваем их и отождествляем свое чувство - "Я" с ними.

Дети и животные не формируют идеалов, но тем не менее имеют их: они ощущ^{ают} их, они видят себя и своих близких как неделимое, хотя и разнообразное "мы", и мечтают, чтобы этому "мы" сопутствовали гармония, счастье и удача.

... Наше "Я" по своей природе альтруистично, объект наших высших целей пересекается с чаяниями других людей... Улучшение общества не требует никаких существенных изменений человеческой природы, для этого нужно только, чтобы ее собственные стремления получили как можно более широкое и полное воплощение.

Глава шестая ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ

Под коммуникой понимается механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие человеческих отношений - все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени. Она включает в себя мимику, обращения, жесты, тон голоса, слова, письменность, печать, железные дороги, телеграф, телефон и самые последние достижения по завоеванию пространства и времени. Все это вместе, чрезвычайно сложное по структуре, составляет органичное целое, соответствующее органичному целому человеческой мысли; любой продукт психического развития получает в ней (коммуникации) внешнее выражение...

Четкой границы между средствами коммуникации и остальным внешним миром не существует... Все его объекты и их действия суть символы разума, практически любые из них можно использовать как знаки... Однако, вместе с рождением внешнего мира появляется система стандартных символов, предназначенная только для передачи мыслей, с нее начинается традиционное развитие коммуникации...

Вне общения разум не способен развить нормальную человеческую природу, и человек оказывается в ненормальном для него "подвешенном" состоянии - ни чисто человеческом, ни чисто животном.

... Если рассмотреть жизнь социальной группы крупным планом, то мы убедимся, что общение, включая его организацию - литературу, искусство и институты - действительно представляет собой внешнюю сторону (или видимую структуру) мысли - и причину, и следствие внутренней сознательной жизни людей. Механизм развития един: символы, традиции, институты проецируются вовне разумом, после чего оказывают обратное воздействие, контролируя разум; стимулируя, развивая и закрепляя одни мысли за счет других, к которым закрыт доступ импульсам, способным пробудить их. Эта структура выявляет положение индивида[^] как члена не только семьи, класса, государства, но еще большего целого, уходящего корнями к доисторическому человеку, чья мысль и дала ему жизнь. В рамках этого целого индивид живет, как элемент, использующий материал целого для своего роста и обогащающий его всем конструктивным, что способен создать.

Система коммуникации- это... прогрессивное изобретение, усовершенствование которого оказывает огромное воздействие на человечество, меняя жизнь каждого индивида и института.

... Если индивид живет органической жизнью, он самосознателен и поглощен своей работой, причем ощущает себя и свое дело частью большой и кипучей работы. Он утверждает себя, сознавая свою причастность к огромному сплетению событий, выражая свое членство в семье, государстве, человечестве и самом большом целом, представление о котором может дать ему вера.

Глава восемнадцатая НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ КАСТОВОГО ПРИНЦИПА

Любое общество, за исключением, пожалуй, самого примитивного, более или менее отчетливо делится на классы... Индивиды никогда не проводят жизнь изолированно, они кооперируются с группой других умов, и эти кооперирующиеся группы отделяют одна от другой, составляя общественные классы.

Основой для изучения классов являются два принципа: наследственности и соревнования, по которым определяется классовое членство. Принцип наследственности, как у родового дворянства Англии и Германии, порождает фиксированную общественную систему: альтернативой ему является принцип отбора по какому-либо критерию - путем выборов или назначения, как в нашей политике; через покупку должности, как в армии и флоте Британии; либо через систему... испытания, как в большинстве профессий и ремесел в наше время.

Эти принципы тесно переплетаются в процессе своего действия. Родовые различия должны начинаться с отборочной борьбы, например, многие привилегированные семьи ведут отсчет от победы над конкурентами в военных или торговых предприятиях... С другой стороны, врожденные преимущества можно использовать, как козырь в соперничестве, даже в самом свободном обществе.

... Класс, базирующийся на наследственности, называют кастой - словом, обозначающим родовые классы Индии, но используемом и в более широком смысле. Если традиция передачи обязанностей от отца к сыну достаточно сильна, то дух кастовости, защищающий такую передачу и противостоящий переходу из класса в класс, может развиваться даже у представителей непривилегированных классов. Индивид отождествляет себя и свою семью со своей кастой и соперничает с другими людям, испытывающим такое же чувство. Каста становится психическим организмом, сплоченным общностью чувств и традиций...

Именно из кастового чувства вырастают социальные институты, политические и экономические - как средневековая европейская система, элементы которой живы и поныне. Они призваны выделить и увековечить родовые различия... Стремление к кастовости заложено в самой человеческой природе. Реализуется ли оно в полной мере и преобладает, как в Индии, или находится в подчиненном положении, как у нас, зависит от силы или слабости импульсов, ограничивающих его действие. Как некоторые виды растений - папоротники - когда-то господствовали в лесах, но были

заглушены более высокоорганизованными растениями, так и касты, которые нужно считать низшим уровнем организации, должны постоянно вытесняться чем-то более свободным и рациональным.

Глава двадцать первая ОТКРЫТЫЕ КЛАССЫ

С ростом степени свободы классы становятся все более открытыми, т. е. основанными скорее на личностных качествах, чем на наследственности. Активно разворачивается соревнование, определяющее место каждого индивида в едином целом. Теория свободного порядка заключается в том, что каждый человек рождается, чтобы служить человечеству наиболее подходящим способом; что он использует компетентную систему образования и испытания, чтобы отыскать этот путь и ступить на него. Следуя по нему, он делает все возможное и для служения обществу, и для собственного счастья.

В широком масштабе это идеальное условие никогда не достигается. На прак-380 тике люди, которые находят работу, максимально подходящую им и в то же время приемлемую для общества, являются скорее исключением, чем правилом - хотя привычка мирит с этим большинство из нас - следовательно, классы никогда не открыты полностью и не посвящены целиком общему благу.

Проблема поиска человеком своего места в жизни и адаптации личных качеств к ее сложной системе - одна из самых непростых. Она никоим образом не разрешима при помощи элементарных схем. Только два принципа годятся для этого: наследственности, или кастовости, и соперничества. Первый из них считается низшим, однако второй также имеет много спорных черт, может спровоцировать напрасную растрату энергии и деградировать до анархии. Трудностей достаточно с обеих сторон, поэтому реальная организация жизни всегда есть компромисс между жаждой свободы и выгодой, которую несет с собой статус.

... в современной жизни мы имеем дело с обществом, в котором классовая организация определяется частично родством, а частично - более или менее открытым соревнованием, достаточно эффективно сортирующим людей по социальной принадлежности.

Если классы открыты и люди вольны выбирать свой путь и менять его, то люди не смогут оставаться отдельными психическими целостностями, как это бывает при кастовой организации. Наследственные классы могут испытывать недостаток солидарности и классового духа, например, как у средневекового духовенства, а их деятельность может быть специфической и далекой от реальности, как работа астрономической лаборатории, но они сохраняют в своей среде демократический дух - общий дух целого, породившего их. Эти классы допускают только специализацию сознания, тогда как касты означают его разделение.

Вопрос о наличии "классового самосознания" в демократическом обществе есть вопрос определения. Если мы подразумеваем разделение чувств на уровне более глубоком, чем ощущение национального единства, когда людей разбивают на чуждые друг другу группы, то ничего подобного в Соединенных Штатах нет (если отбросить расовую дискриминацию), и будем надеяться, не будет никогда. Но если речь идет о возможном различии и даже противоположности мыслей и чувств членов класса при сохранении подчеркнутого единства идеалов, то в этом смысле классовое сознание скорее возрастает, чем исчезает.

Классовая организация не враждебна, как иногда считают, свободе. Любую организацию можно рассматривать как средство обретения свободы. С изменением условий жизни люди вынуждены искать новые формы единения, чтобы свободно выражать себя. Разрастание промышленных классов имеет под собой именно эту природу.

Вопрос свободы в классовом обществе имеет два важных аспекта. А именно: 1. Свобода подниматься из одного класса в другой, свобода личной возможности или

открытой карьеры по способностям. Это относится, главным образом, к людям выдающимся среди всех талантом и высоким уровнем притязаний. Другой аспект не менее важен: 2. Свобода классов, или, что одно и то же, индивидов, не имеющих ни желаний, ни сил вырваться из сферы жизни, куда их забросили обстоятельства. Это означает справедливость, равные возможности, гуманную жизнь для наименее привилегированных групп; возможность не выйти из них, не представлять что-то внутри них - шанс извозчику пользоваться благами комфорта культуры и хорошего окружения для себя и своей семьи, не оставляя при этом профессии извозчика.

Глава двадцать седьмая ИНСТИТУТЫ И ИНДИВИД

Институт есть не что иное, как определенный разработанный аспект общественного разума. По своей природе он не отличается от общественного мнения, хотя постоянство его видимых традиций и символов создает иллюзию независимого существования. Политическое государство и церковь со своими почтенными общинами, древней и могущественной властью, литературой, знаниями и конторами едва ли покажутся даже демократически настроенным людям чистыми продуктами человеческой изобретательности, каковыми, конечно, они и являются.

Крупные институты выражают организацию, естественным образом принятую человеческой мыслью, когда она долгое время бывает нацелена на один особый субъект. Тогда она постепенно кристаллизуется в определенные формы - устойчивые чувства, верования, обычаи и символы... Язык, правительство, церковь, законы и обычаи собственности и семьи, промышленные системы и образование суть институты, так как они являются продуктом реализации постоянных потребностей человеческой природы.

В разуме индивида институт присутствует как принадлежащая группе в целом, а посему бессознательная привычка, способ мыслить или действовать... Но именно в человеке и нигде более институт имеет основу.

Учебное издание ТЕКСТЫ ПО ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ XIX-XX вв. Хрестоматия
Зав. редакцией "Наука - философия, социология, психология, право" Е. Л. Жукова
Редакторы: Н.В. Ветрова, Н.К. Воеводенко, АЛ. Куприянова, И.В. Павлова
Художник В.В. Медведев

Художественный редактор Н.Н. Михайлова

Технический редактор Н.М. Булова

Корректор А.Б. Васильев

Подписано к печати 11.08.94 Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура Тайме

Печать офсетная

Усл.печ.л. 31,2. Усл.кр.-отт. 31,5. Уч.-изд.л. 33,6 Тираж 2000 экз. Тип. зак. ЗОЧ.
Заказное

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия,
12